Моей дорогой жене –
спутнице всей жизни

А. Л. Лифшиц

На море и на суше

Санкт-Петербург
2005-2007г

Оглавление

Стр.

Вместо предисловия…….... 9

Глава 1. Детство……. 12

Мои корни. Мамины родители. Бабушка Вера Михайловна. Примерный кузен Витя. Мамины братья и сталинские репрессии. Родители отца. Отношение к религии. Трудовое детство отца. Родня по отцовской линии. Уфимское детство. Рождение сестры. Пятилетний «старший брат». Казань. Старухи из «бывших». Иностранные языки.

Глава 2. Школьные годы……. 22

Переезд в Киев. Поступление в школу. Младшие классы. Старшеклассник. Мои учения. Любовь к математике. Спорт: волейбол и теннис. Школьные друзья – на всю жизнь. «Бессменный» староста. Мамины воспитательные принципы. Учеба отца и смена его работы. Голод на Украине. Репрессии 37 года и наша семья. Выпуск и выбор профессии

Глава 3. В Киевском Политехническом институте……..... 32

Я студент. Успехи и неудачи. Первый роман. Студенты и экзамены. Перманентный призыв в училища. Выбор военной профессии.

Глава 4. Военно-Морское училище……. 38

Училище Фрунзе. Ленинград – первые впечатления. Курсант «спецнабора». Строевой курс. Лейтенант Юрий Гагарин. Морской корпус. Учеба и корабельная практика. «Аврора» и Черное море. В отпусках. Первое заграничное плавание. «Буржуазная Латвия» и Валаамский монастырь. Старшина роты. Предвоенные дни. Начало войны. Выпуск.

Глава 5. На эсминце «Гремящий»……. 60

Практика во Владивостоке. «Университет» на гауптвахте. Владивосток – Москва – Архангельск – Полярное. На «Гремящем». Первые Северные конвои. В.А.Фокин. Командир корабля А.И.Гурин. Штурман и поэт Е.И.Ивашенко. Суровое Баренцево. Гибель «Эдинбурга». Трагедия «Сокрушительного». Отношения с союзниками. Беда пришла нежданно

Глава 6. Штурман СКР-32……. 87

Во флотском экипаже. Флагманский штурман А.Е.Пастухов. Сторожевой корабль из «рыбного» траулера. Экипаж. Наказание за доброту. В корабельном дозоре. На «немецком полигоне». Гибель «Тумана». Конец морской болезни. Северный морской театр. Конвой PQ-17. Спасение английских моряков. Конвой в Нарьян-Мар. Новый год с шампанским. Переписка с родными. Роль радиостворов в моей службе.

Глава 7. Штурман «Урагана»…… 106
Сторожевики «Плохой погоды». «Ураган»-малый миноносец. Занятия в гидрографии. Н.Ф. Гончар. Командир и друг Н. И. Богданов. Офицеры «для военного и для мирного времени». Лоцман у англичан. Снова конвои и противолодочная война. В центре «Орловских кошек». Новый год в Тюва губе. Пропавший орден. Реабилитация

Глава 8. Штурман эсминца «Разумный»…… 119
Строительство «Разумного». Арктический переход. Командир В.В.Федоров. Первые конвойные операции. Под градом немецких бомб. Командир Н.И.Никольский. Новая техника и ее совершенствование. Снова Н.Ф.Гончар. Дивизионный штурман А.Н.Тюняев. Офицеры и команда. Штурман эсминца в конвое. Первый орден. Приход «англичан» и создание эскадры. Командир бригады эсминцев П.И.Колчин. Торпеда на рейде. Е.А.Козлов. В Печенгской операции. Поломка винта и потопление подводной лодки. Второй орден. Гибель «Деятельного». Акустические торпеды и замполит Я.Ф.Ларюков. «Соревнование» с адмиралом В.А.Фокиным. Командир Е.Т.Кашеваров. Шлюпочные гонки и «жареный гусь». Отпуск.
« В 6 часов вечера после войны».

Глава 9. На Северном флоте после войны…… 160
Возвращение из первого отпуска. Олег Мачинский. Всефлотские шлюпочные гонки. Послевоенный Севастополь. Возвращение на Север и первое публичное выступление. Старший помощник командира. В.М.Климов. Успехи в боевой подготовке. Трагедия на «Разумном». Болезнь. Поход в Архангельск. Встреча с Адмиралом Н.Г.Кузнецовым. Вторые шлюпочные гонки. Отпуск в Сухуми.

Глава 10. В Ленинграде на курсах командиров миноносцев…… 173
Состав группы. Учеба. Послевоенный Ленинград. Слушательский быт. Борщ с курицей. Развлечения. Балет и новогодний ужин с Н.Н.Никольским. Два училищных диплома. Женитьба и свадебное путешествие.

Глава 11. Командир «Урицкого»…….. 181
Первые шаги. Знакомство с командой и первые успехи. Снова Н.И.Богданов. Составление боевых наставлений. Успехи команды Отношения со штабом и тылом флота. Ужин в «Арктике» и трагедия А.И.Андреева. Приезд Любы и званный вечер. На учебу в Академию.

Глава 12. Учеба в Военно-Морской Академии 195
Вступительные экзамены. Товарищи по учебе. «Николаевская» Морская Академия. Адмирал Пантелеев. Учебные порядки. Преподаватели. Игры на картах. Теория вероятностей. Академический уклад. Иностранные языки. Военно-морская история. Борьба с «космополитизмом». Первое жилье и семейная жизнь. Коммунальный быт. Рождение Бори. Приезд Алика. Адмирал И.С.Исаков. Первая встреча и первое задание. Второй год. Адмирал Н.Б.Павлович. Политическая ситуация и взаимное поедание. Моя «политическая ошибка» и взыскание. Исключение и восстановление. Третий год. Дипломная работа и выпуск.

Глава 13. В Академии А.Н.Крылова…….…… 220
Кафедра. Адмирал Трайнин. Первые лекции. Первый учебник. Исследовательские игры. Домашняя компания. Теледевицы.

Глава 14. Одна тысяча девятьсот пятьдесят третий год..... 226
Общая обстановка в стране. Страшная весть. Поворот судьбы. Выброшены из жизни. Поиски работы – «по нисходящей спирали». Встречи «на гражданке». Н.И. Мартыненко и «добрый грек». Диспетчер «Ленрыбы». Смерть тирана. Обратный поворот судьбы.

Глава 15. На Балтийском флоте..... 237
Поворот колеса фортуны. Сбор семьи. Новое назначение. Таллинн и Эстония. На дивизии крейсеров. Адмирал П.М.Гончар и А.Н.Тюняев. Адмирал Н.М.Харламов. Штаб дивизии. Мое становление. Разработка игры. Штаб на походе. Адмирал В.Ф .Котов. Успехи в боевой подготовке. Н.В.Кошкарев. Сбор в бухте Тагалахт. Снова Е.А.Козлов. Приход адмирала В.А.Касатонова. Мой комфлот. Флотские «суффиксы». В.Г.Бакарджиев. Маршал Жуков в Таллинне. Ленинград 1954г. Выбор дальнейшего пути.

Глава 16. Снова в Академии А.Н.Крылова…… 266
Научная группа. Кандидатская диссертация. Макетные комиссии. Семейная жизнь. Ученые друзья. Новое задание адмирала Исакова. Адмирал Левченко и «Тактическое руководство». На флотских учениях.

Глава 17. В Морском Научном Комитете…….. 297
Главный Морской штаб. Морской Научный комитет. Новые функции. Жизнь в Москве. На играх и учениях. Виктор Платонович Боголепов. Экспертный совет. Снова неприятности. Возвращение в Ленинград.

Глава 18. В объединенной Военно-Морской Академии……. 321
Кафедра управления. Новый коллектив. Олимпий Иванович Рудаков. Игорь Александрович Смирнов. Исай Яковлевич Динер и «исследование операций». Учебная работа. Лекции и учебные пособия. Работа с дипломантами. Первый адъюнкт. Научно-исследовательская работа. Учения и игры. Снова семейная трагедия.

Глава 19. Докторская диссертация……..... 342
Математическая подготовка. Выбор темы. Основные идеи работы. Выбор методов. Сомнения «метров». Создание математического «скелета» и апробация. Военные одежды диссертации. На конференциях и симпозиумах. Сопутствующие публикации. На защите. Поэтическое послесловие.

Глава 20. На досуге…… 355
Автомобиль в нашей семье. Мастер Давид Исаакович. Путешествия по стране: Прибалтика, Западная Украина, Белоруссия, Северный Кавказ и Закавказье. Училищные и школьные юбилейные встречи. Учеба детей. Боря поступает в университет. Отпуск на Дальнем Востоке. Наша дача.

Глава 21. Демобилизация…….…….. 411
В поисках гражданской работы. Возможные варианты: Академия, научные учреждения и училища ВМФ. Гражданские учебные институты. Промежуточный выбор: Институт связи и родное училище. Окончательный выбор – ЛИМТУ. Борино образование и начало трудовой деятельности.

Глава 22. В ЛИМТУ – на кафедре Теории систем……. 423
История становления ЛИМТУ. В.А.Бункин. Кафедра Теории систем. Коллектив кафедры. Начало гражданской преподавательской деятельности. Кафедра Исследования операций. Б.Я.Курицкий. Кафедра АСУ. Деловые игры. М.М.Бирштейн. НИР в гражданских ВУЗах. Научные конференции и школы. А.А.Федулов. Первая всесоюзная школа ЛИМТУ.

Глава 23. Кафедра АСУ. Период становления 437
Приход на кафедру. Первые впечатления. Преподаватели и сотрудники. И.А.Смирнов и С.Н.Астахов. Структурирование кафедры. Дела партийные и профсоюзные. Содержание учебного процесса. Научно-исследовательская и проектная работа. АСУ «Северная Заря». Кафедральные диссертации. Учебная лаборатория. Мишино образование.

Глава 24. Кафедра АСУ- продолжение работы 466
Некоторые персоналии. В.А.Бункин, Г.М.Музыкантов, Д.Л.Кутай. Служебные поездки: научные конференции и выездные учебные группы..

Глава 25. Перестройка. Создание «Центра»… 480
Общая картина. Горбачев и Ельцин. Гибель Министерства, Главка и метаморфозы учреждений. Смутное время и преобразования в ЛИМТУ. Организация Центра. Проект Calmap. Первая деловая поездка за границу. Получение техники. «Гибель» проекта Calmap. «Строительный» проект. Американское предложение.

Глава 26. «Он мотался по Европе с телефоном на боку...»..... 545
В поисках новых проектов. Виртуальный телепорт. Сказочная поездка. Мечты сбываются. Круг по Бенилюксу. Проект «Санкт-Петербургский Телепорт». Снова Италия и Англия. Край Земли. Проект «Телепорт 2». Греция и Франция. Арктический проект. Член «Eunis» и «Eden». Риккардо Рута. Дела Польские.

Глава 27. Снова в России…….. 608
Сотрудничество с СЗПИ. Фонд Евразия. Дистанционное обучение строителей и экономистов. Исследования по Интернету. Проект «Амьен». Испанский профессор Ross-Florenza и его проект. Санкт-Петербургский Политехнический Институт.

Глава 28. Дела ветеранские…….. 616
Время неумолимо. Память о Великой Войне. Совет ветеранов Эскадры. А.Б.Тейшерский. В.В.Щедролосев. «Полярный конвой». Ю.Е.Александров. Международные встречи и конференции. Спасенные нашлись спустя 60 лет. Мемориальные походы. Полет в Исландию.

Вместо заключения……... 660

Вместо предисловия

Дорогие мои читатели. Представляя на Ваш суд воспоминания о моей жизни, я нахожусь в затруднении.

Первоначально эти воспоминания были написаны для детей и внуков, носили семейный характер и не были предназначены для издания. Поэтому я не особенно придерживался дипломатического лексикона, не стеснял себя при характеристике людей и событий, порой допуская излишнюю остроту суждений.

Но выяснилось, что эти воспоминания представляют определенный интерес за пределами семьи и появилась возможность их издания. Я постарался в связи с этим сколько мог сгладить некоторые наиболее очевидные резкости в отношении отдельных персонажей, но не в отношении характеристики событий. Если я пропустил отдельные не достаточно корректные высказывания в чьей либо адрес, то прошу не судить меня строго. Переделать всю книгу у меня нет уже физического времени. Слишком мало его осталось по естественным причинам. Поэтому пришлось оставить все как есть.

Итак, перед Вами рассказ о моей жизни и работе, написанный для детей и внуков, а может быть и для будущих поколений, которых я еще или пока не знаю.

По мере того как я взрослел меня все больше и больше интересовал вопрос: кто мои предки, откуда они, где были и как жили. К сожалению, дальше дедушек и бабушек я ничего узнать не смог – поздно начал расспрашивать – кроме родителей уже никого не осталось. И я подумал, что если бы хотя бы один человек из каждого поколения оставлял рассказ о своей жизни, то все бы знали, откуда они происходят, и связь времен не прерывалась бы. Когда-нибудь нужно начинать, и вот перед Вами, дорогие дети, внуки и прапраправнуки, история моей жизни и работы.

Перед Вами рассказ о событиях моей жизни. Но ведь она происходила не в безвоздушном пространстве, а «среди людей и событий». Поэтому приходится попутно рассказывать и

об окружающих меня людях и о происходящих событиях. Но, естественно, я отдаю себе отчет в том, что мои характеристики людей и оценки событий субъективны, односторонни, и тут уж ничего не поделаешь. В этих записках не описывается специально время и не даются общие оценки событиям, но время и общие характеристики иногда высвечиваются поневоле через события частной жизни. Вместе с тем мне представляется, что совокупность таких частных воспоминаний может создать достаточно полную и объективную картину времени, эпохи, и они могут быть использованы по мере надобности.

Эти записки представляют, естественно, смесь личных и профессиональных воспоминаний, неразрывно перемешанных, и я не буду в претензии, если одни читатели пропустят личные воспоминания, а другие – профессиональные моменты. Ведь все связано в этой жизни.

Конечно, как и во всяких мемуарах, я пишу про себя не все, но в том, что написано, нет ни слова неправды.

Большая часть моих воспоминаний посвящена именно моей жизни и меньше я пишу про нашу семью. Но хочу сказать, что в этом смысле мне очень повезло, у нас хорошая, дружная и, что не часто сейчас, большая семья, и я надеюсь, что эта традиция продолжится в следующих поколениях. Здесь же я хочу сказать, что каждого из членов нашей семьи я люблю и желаю всего самого лучшего в жизни.

Воспоминания эти написаны по памяти, почти без использования каких-либо источников. Исключение составляют некоторые фотографии, боевые эпизоды и детали офицерских биографий, при изложении которых пришлось частично воспользоваться материалами В.В.Щедролосева, которому я весьма признателен за них. Но память избирательна, может иногда и подвести, какие-то события выветриваются, выпадают, другие искажаются и, если это случилось, прошу не судить меня строго. Все же основной материал, по моему мнению, соответствует действительности.

Наконец, прошу извинения за слишком частое упоминание о себе, но это не нескромность, просто это моя жизнь и от

первого лица тут не убежать никуда.

Особую благодарность я приношу Александру Борисовичу Бородину, Алексею Владимировичу Михайлову и Вячеславу Александровичу Резчикову, которым я обязан выходу моих воспоминаний в свет. Я рассматриваю их великодушный жест как знак внимания к ветеранам Великой войны, к тем, кто ушел и к тем, кто по воле судьбы остался в живых.

Благодарю мою дорогую жену Любу, сыновей Бориса и Михаила и внуков Машеньку и Юру за помощь, оказанную мне при подготовке материалов.

Заключая это краткое предисловие, приношу глубокую благодарность моей дорогой помощнице Галине Михайловне Сильченко, без большого содействия которой эти записки никогда не были бы завершены.

Глава 1. Детство.

Мои корни. Мамины родители. Бабушка Вера Михайловна. Примерный кузен Витя. Мамины братья и сталинские репрессии. Родители отца. Отношение к религии. Трудовое детство отца. Родня по отцовской линии. Уфимское детство. Рождение сестры. Пятилетний «старший брат». Казань. Старухи из «бывших». Иностранные языки.

УФА. Истоки семьи. Я родился 23 октября 1918 года в самый разгар гражданской войны в г. Уфе. Моя мать Лифшиц Евгения Иосифовна, урожденная Гутман, была младшим седьмым ребенком (и пятой дочерью) в семье. Мой дед по матери Иосиф Гутман основал в начале 20-го века в Уфе железообрабатывающие мастерские, постепенно превратившиеся в завод, который выпускал различные металлические изделия, например пожарные машины.

Забегая вперед, скажу, что когда мы в восьмидесятых годах прошлого века, т.е. спустя 60 лет после революции 17 года путешествовали на пароходе по Волге, то обнаружили в Волгограде крышки уличных канализационных люков с отлитой маркой «Гутман».

В ходе гражданской войны семья деда Иосифа последовала в эвакуацию на восток вслед за отступающим Колчаком, докатилась до Владивостока и Харбина. Затем все же возвратилась в Россию и осела во Владивостоке. Там дед мой заболел и вскоре умер. Так я его никогда и не видел, знаю только понаслышке из маминых рассказов, где он выступал, как чрезвычайно изобретательный (в том числе, в буквальном смысле слова) и вместе с тем весьма строгий человек, как на работе, так и дома. Не сохранилось у нее и его фотографий.

Моя бабушка по материнской линии Вера Михайловна Гутман вернулась из Владивостока и жила поочередно у своих детей, переезжая от одного к другому, но большую часть оставшейся жизни жила со своим младшим сыном, моим дядей Давидом Иосифовичем Гутманом. Но о нем речь впереди.

Бабушка Вера Михайловна, которую я очень уважал и любил, осталась в моей памяти довольно строгой, но, главным

образом, по моим тогдашним понятиям, справедливой женщиной, постоянно защищавшей меня от «несправедливых» требований моей мамы.

Запомнился такой случай. У маминой Харьковской сестры тети Рики (Ревека Иосифовна Дезорцева) был сын Витя, мой однолеток. Этот Витя был (по рассказам моей мамы) очень выдержанным и примерным мальчиком. А я был всегда обычным ребенком, часто шалил, бывал наказан и мне постоянно говорили: «Вот Витя так никогда не делает», «А Витя умеет то-то» и т.д. Этот Витя был ужасом моей детской души. Впоследствии во взрослой жизни я встречался с ним и обнаружил, что это вполне нормальный, довольно приятный в общении человек – естественно, ветеран войны, подполковник Военно-Воздушных сил. Боюсь быть нескромным и обидеть память моей матери, но в жизни он преуспел несравненно меньше меня.

И вот однажды бабушка Вера спрашивает меня: «Расскажи мне про Гималайские острова». Было мне в то время лет 10-12, географию я любил и прекрасно знал, что Гималаи это горы, но обидеть бабушку я не захотел и, уже не помню как, уклонился от ответа.

Вечером, случайно, я слышу разговор бабушки Веры с моей мамой: «Женя, ты несправедливо считаешь, что твой сын хуже Вити. Он меня пожалел и не захотел обнаружить мое географическое «невежество», а Витя в ответ на тот же вопрос не преминул подчеркнуть мое незнание.

Этот разговор запал мне в душу и я понял, что бабушка меня испытывала, и с тех пор мой примерный двоюродный брат исчез из лексикона воспитательных высказываний моей мамы.

Бабушка моя была очень почитаема, дожила до 1942 г. и умерла в Москве в возрасте 82 лет в семье моего дяди Давида.

У моей мамы было два брата: старший – Александр и младший Давид. Оба получили высшее инженерное образование за границей, после чего вернулись работать в Россию. Старший мамин брат Александр ссорился с юности с моим дедом,

ушел из дома, нанялся матросом на корабль, идущий в Южную Америку, но затем по возвращении помирился с дедом и после окончании института, кажется в Швейцарии, успешно работал в России, был главным механиком Челябинского тракторного завода.

Однако в 1937 году он был арестован и сгинул в сталинских лагерях. Его я тоже никогда не видел.

Младший дядя – Давид после окончания образования в Германии вернулся в Россию и работал в области создания дорожных машин. Изобретенные им машины с маркой ДГ (Давид Гутман) сравнительно недавно были еще в строю. Уже в 1934 году дядя Давид имел от С. Орджоникидзе автомобиль и шофера, что было в те времена редкостью.

В связи с этим вспоминаю такой случай. В 1934 году я был на зимних каникулах в Москве, жил у дяди Давида. Утром сидим, завтракаем. Входит шофер, он подал машину дяде Давиду ехать на работу. Утро было морозное. Бабушка сразу наливает стакан водки и подает шоферу: «Согрейтесь, Иван Павлович!». Шофер с удовольствием «согрелся» и ушел к машине. Дядя говорит весьма уважительно: «Мама, зачем же Вы шофера спаиваете?». Бабушка в ответ довольно сурово отвечает: «Что же я, не понимаю, как обращаться с извозчиком?! Ему это полезно».

Однако и дядю Давида не миновал 1937 год – он тоже попал в лагеря – в Воркуту. Но что-то не заладилось без него в дорожном хозяйстве и его через год после ареста, ничего не объясняя, еле живого под конвоем вернули в Москву. Он сумел решить возникшие без него технические проблемы, после чего был реабилитирован и вернулся к прежней работе. Однако здоровье его было подорвано лагерем и через несколько лет он, в возрасте 55 лет, умер и был похоронен в Москве. С дядей Давидом я встречался неоднократно и в Уфе и в Москве. В моей детской и юношеской памяти он сохранился главным образом как очень остроумный человек.

Моя мама закончила в 1915 году в Уфе женскую гимназию и поступила на Киевские Высшие женские курсы, намереваясь

получить то доступное в те времена для женщин высшее образование. Однако начавшаяся революция и последующие, связанные с ней события, помешали этому. Но здесь в Киеве в 1916 году она познакомилась с моим отцом и это знакомство, приведшее через год к свадьбе, оказало решающее влияние на ее дальнейшую судьбу.

Мой отец – Лифшиц Лев Александрович родился в маленьком белорусском местечке Копысь, что расположено на берегу Днепра в его верхнем течении. Семья отца была совсем другая, чем у матери. Это была бедная еврейская семья в бедном еврейском местечке. Семья была большая – шесть детей – два сына, четыре дочери и еле-еле сводила концы с концами, главным образом старанием второй моей бабушки, Баси Яковлевны.

Жизнь таких бедных еврейских семей хорошо описана в рассказах Шолом-Алейхема. Тут ничего не прибавить и ни убавить.

Моя жизнь сложилась так, что я видел родителей отца дважды в жизни, когда они оба вместе приезжали навестить семью своего старшего сына, т.е. моего отца. Первый раз это было в Уфе примерно году в 1925, второй раз в Киеве году в 1930-31, точно не помню. Остались их фотографии, сделанные в духе времени, они находятся у моей сестры «тети Эди» – Юдифи Львовны Милевской. Личных впечатлений о них у меня не осталось, если не считать удивившую меня религиозность деда Александра – в обоих случаях первый вопрос был: «Где здесь синагога?» Получив ответ, дедушка собирал поразившие меня религиозные атрибуты: полосатую простыню – «талес» и специальные молитвенные ремешки – «тфилн», после чего отправлялся на молитву в синагогу. Для меня это было первое соприкосновение с проблемой религии.

В нашей семье, т.е. в семье моих родителей вопросы религии не занимали много места вообще, вопросы еврейской религии тем более. В Уфе и Казани, где прошло мое раннее детство, евреев было очень мало. Я был научен с уважением относиться к православным священникам и с удивлением

воспринял ироническое описание попа в сказке Пушкина. Со словом раввин я познакомился уже в Киеве.

Другой аспект – религиозные праздники: с детства я с равным удовольствием ел куличи и пасху, так же как и мацу. Елку воспринимал как приятный обычай, не связывая ее с религией.

Вместе с тем и «антирелигиозного» духа в семье не было.

Проблема религии как-то довольно естественно была отодвинута на второй план. Родители отца – и дед, и бабушка вскоре один за другим в середине тридцатых годов покинули этот мир.

Как уже отмечалось в моем рассказе, их семья жила бедно и мой отец в 13 лет был отправлен «в люди» в город Витебск, где жила его старшая замужняя сестра, моя тетя Фаня. Ее муж имел какое-то дело, связанное с мануфактурой, а мой отец с 13 лет был у него счетоводом, т.е. вел все бумаги и видимо с этой работой справлялся.

Примерно в 1965 году мы с женой и одним из наших сыновей возвращались на автомобиле из Одессы или из Киева, точно не помню, в Ленинград, ехали через Белоруссию и решили навестить местечко Копысь – исток семьи.

Мы заехали в это маленькое и даже в 1965 году весьма бедное местечко, пошли к пристани и я живо представил в воображении, как именно с этой пристани мой отец уехал на пароходе «в люди». И я очень ему посочувствовал.

Отец мой в гимназии не учился, но, будучи весьма способным и целеустремленным человеком, сдал гимназические экзамены экстерном и получил аттестат зрелости.

С этим аттестатом он поступил в Киевский Коммерческий институт, который и окончил к 1916 году.

Насколько я понимаю, Коммерческий институт не давал полноценного высшего образования, во всяком случае, в технической области.

Итак, мои родители познакомились в Киеве в 1916 году, в 1917 году уже в Уфе они поженились, а в 1918 году я появился на свет.

Из отцовской родни я больше других знал его младшего брата, моего дядю Марка – Марка Александровича Лифшица.

Он был инженером и занимал разные должности в ГИПРОМЕЗЕ – Государственном Институте по Проектированию Металлургических Заводов на моей памяти сначала в Ленинграде, а после войны в Москве.

С его женой – тетей Цилей и их двумя дочерьми Лилей и Ирой мы систематически поддерживали контакты, о чем в своем месте будет упомянуто.

В Уфе наша семья прожила до 1925 года. Отец на моей памяти работал в конторе со странным названием «Продасиликат», должности не знаю. Контора эта времен НЭПА почему-то вызывает у меня совершенно безосновательно ассоциации с трестом «Геркулес» из «12 стульев» Ильфа и Петрова. Естественно, что по-сути это ассоциации с эпохой, а не с конкретным предприятием. Думаю, что заработки у отца были не очень велики, т.к. он подрабатывал как мыловар – в доме изготавливалось хозяйственное мыло «под мрамор» и куда-то отправлялось.

Помню большой двор, поросший травой, и небольшой двухэтажный дом, где мы занимали первый этаж, во 2-ом жила семья доктора по фамилии Черняк, с которыми у нас были добрые отношения – вместе отмечались разные события, по воскресеньям организовывалась игра в преферанс.

Праздники отмечались весело – все лепили вместе пельмени – по 100 штук «на мужика», на столе были блины, разные закуски, в том числе балык, икра и т.д.

Очевидно, благосостояние семьи постепенно повышалось, была даже куплена лошадь для отцовских поездок в командировки.

Как я теперь понимаю, в те времена после окончания гражданской войны и ввода НЭПа постепенно оживала и вся страна.

В 1923 году родилась сестра Юдифь Львовна – в обиходе – Эдя, затем тетя Эдя и я стал на всю жизнь «старшим» братом.

Мама моя постоянно внушала мне чувство ответственности за младшую сестру. Это понятие «старшего» брата поначалу

вносило в мою жизнь много сложностей и даже обид.

Мама была скора на расправу и если между детьми возникал конфликт, то приговор был мгновенный: «ты старший – получай!».

В роль старшего брата и защитника по существу я врос значительно позже, в Киеве.

Казань. В 1925 году семья переехала в Казань – отец получил повышение – он стал управляющим Казанской конторой того же «Продасиликата».

Из Уфы в Казань мы переезжали со всем имуществом на пароходе по рекам Белой, Каме и Волге. Помню, что при входе в Волгу из Камы наш пароход остановился вместе со встречным пароходом и с последнего к нам перешел мой отец, который таким образом встречал нас.

В Казани мы поселились на Нагорной улице дом 32 кв.8. В моей памяти остался большой двор и дом тоже довольно большой. На задах был спуск к реке Казанке.

Когда я впоследствии в 1980 попал в Казань по делам, то прошел всю Нагорную улицу в поисках дома, где мы жили, и обнаружил маленький двор и маленький дом. Обманчива оказалась память.

В Казани мы прожили полтора года и эту жизнь я уже помню более отчетливо. Зимой я катался с горы на санках и лыжах, а летом прыгал по плотам на Казанке до тех пор, пока не свалился в воду и чуть не утонул. Вытащил меня какой-то мужик и надавал, как следует, пинков.

Вспоминается еще следующее. В нашей квартире была настоящая ванна с дровяной колонкой – редкость в те далекие времена. Так как моя мама была всегда очень общительным человеком, то со всей округи собирались старухи «из бывших» и приходили к нам мыться в ванной. После ванны, закутанные в платки, садились пить чай и рассказывали про прежнюю жизнь «в мирное время», т. е. до революции и до первой мировой войны. Мама слушала с удовольствием.

В Казани же меня начали учить немецкому языку. Так получилось, что немецкую грамоту я освоил раньше русской.

Забегая несколько вперед, замечу, что языкам я учился всегда, сначала немецкому, который в те годы считался наиболее важным, а затем французскому и английскому. Выдержать три языка было очень трудно и французский через год-полтора был отставлен. Но я хорошо помню, что, когда я в школе читал «Войну и мир», где целые страницы были порой написаны на французском языке, я эти страницы читал с листа без словаря. Но потом куда-то все ушло.

Остались занятия по двум языкам, которые мне нравились, и я не упускал случая подучить их, где только можно. Например, в Военно-морской Академии я занимался двумя языками, когда обязателен был только один. Таким образом, по знанию иностранных языков я опережал своих сверстников: и в школе, и в Киевском Политехническом, и в Военно-Морском Училище, и в Академии.

Однако по-сути я знал эти два языка, немецкий и английский плохо, очень ограничено в пределах отличных отметок в учебных заведениях, совершенно не имея разговорной практики. Но ограниченность этих знаний я понял значительно позже, во время войны, когда возникла необходимость живого общения с англичанами и американцами. Я с ужасом понял, что готов, в какой-то мере, к общению с книгами, но не с живыми людьми. Пришлось ликвидировать этот пробел почти с нуля.

Я думаю, что несоответствие времени, затраченного на изучение языков достигнутым результатам, объясняется, совершенно неудовлетворительной постановкой дела, как в учебных заведениях, так и в домашнем обучении, но, главным образом, абсолютной невостребованностью иностранных языков в моей жизни вплоть до «перестройки», т.е. до 60 летнего возраста. Да и родители мои, хотя не жалели сил и средств на наши занятия, сами языков не знали и домашней практики я также не имел.

Положение коренным образом изменилось в наше время, однако для меня «поезд ушел» – ослабла память и я остался при своих. Но я счастлив, что мои дети и внуки знают языки лучше меня и учат их не бесполезно.

Итак, мы прожили в Казани до середины 1927 года, когда отца перевели управляющим Киевской конторой «Продасиликата», что, очевидно, было еще одним шагом вверх по тогдашней служебной лестнице.

Мой отец Л. А. Лифшиц.

Моя мать Е.И. Лифшиц.

Глава 2. Школьные годы.

Переезд в Киев. Поступление в школу. Младшие классы. Старшеклассник. Мои увлечения. Любовь к математике. Спорт: волейбол и теннис, шахматы. Школьные друзья – на всю жизнь. «Бессменный» староста. Мамины воспитательные принципы. Учеба отца и смена его работы. Голод на Украине. Репрессии 37 года и наша семья. Выпуск и выбор профессии

Школа. Мы переехали в Киев, где я прожил до лета 1938 года, это был последний период жизни, который я провел в родительском доме.

Киевский период совпал, в основном с моими школьными годами. Младшие классы с 1 по 6 включительно не оставили в моей памяти сколько-нибудь заметных следов. Учеба давалась мне очень легко, я постоянно был, как бы готов на год или на два вперед, почему – не знаю, скорее всего, сказывался общий уровень семьи.

Начиная с седьмого класса, я все уже хорошо помню. Теперь нужно было прилагать усилия и я с удовольствием понял, что мне очень нравится осваивать новые вещи, узнавать новое.

Школа наша была по тем временам неплохой, но уровень преподавания по разным предметам сильно различался.

Лучше всего и, по-видимому, действительно хорошо была поставлена математика. Был превосходный учитель – Борис Соломонович Лемберский, который постоянно поддерживал в нас дух сомнения и соревнования и вел преподавание, ориентируясь на сильных учеников и более того на индивидуальности, внушая нам любовь не просто к решению задач, но и к исследованию процессов с помощью математики. Ему я обязан очень многим и как учителю математики и как учителю по жизни.

Когда в последних классах школы я начал задумываться о выборе жизненного пути, то понял, что кроме профессии школьного учителя математики я как-то другого не вижу. Это было, безусловно, неосознанное влияние примера Бориса Соломоновича.

Вспоминая это, я в настоящее время хорошо понимаю же-

лание моей внучки Верочки стать школьной учительницей русского языка.

Неплохо, но все же хуже чем с математикой, обстояло дело с физикой. Может быть, это объясняется моими личными склонностями, но духа любви к самостоятельным исследованиям, да, пожалуй, и достаточно глубокого проникновения в суть процессов по физике в школе я не получил, хотя все, что положено, знал. В дальнейшем в жизни недостаточное, чисто книжное освоение физических процессов мне мешало.

Другим учителем, оставившим след в моей жизни, был учитель истории Павел Иванович Новосильцев. До него историю преподавали сменяющиеся директора школы – в то время это были обычно выдвиженцы «из рабочих», как тогда говорили - как правило, не достаточно грамотные и, конечно, как учителя совершенно не подготовленные.

Павел Иванович отличался от них глубиной знаний, человечностью, и, главным образом, отношением к ученикам как к людям, стремился проникнуть в наш мир, в наши души. Это, конечно, оставляло свои следы.

Но, во-первых, он попивал и это было видно. Во-вторых, как я сейчас понимаю, историю как предмет в Советское время преподавать было трудно из-за ее идеологизированности. В целом с историей дело было плохо. История начиналась для нас с восстания декабристов, народной воли, революции 1905 года. Все, что было до этого, было в сплошном тумане, не говоря о хронологии событий, о которой мы понятия не имели.

Историю я осваивал и, пожалуй, освоил исключительно по художественной литературе.

Затем шли предметы, обучение которым было на среднем уровне: немецкий язык, химия, биология, география, украинский язык. Из них я любил (и люблю до сих пор) географию.

Совсем плохо дело обстояло с литературой и русским языком. Учителя постоянно менялись и все дело было поставлено отвратительно. Мешал и вульгарный социологизм. Например, когда проходили «Песню о буревестнике» Горького, нужно было знать, какие птицы представляют какие классы и

общественные группировки, например, гагары – мелкая буржуазия и т.д.

Никто и никогда не читал нам вслух, не приучал ценить, любить русский язык, хороших писателей не отличали от плохих и т.д.

Разница в постановке преподавания, например, математики и литературы была огромной. Если по математике к окончанию школы мы были готовы к любым экзаменам, то по литературе к выпускным экзаменам подготавливали заранее сочинения даже не по вероятным темам, а «по писателям» и на выпускных экзаменах списывали эти заранее подготовленные сочинения дословно, не заботясь о сути темы, лишь бы писатель подходил и грамматических ошибок не было.

На плохое преподавание наложилась видно и моя слабая литературная подготовка. Помню, как при подготовке этих сочинений я целыми абзацами и даже страницами переписывал текст из энциклопедии. Главное – не сделать грамматических ошибок. И, к сожалению, это отношение к сочинениям и сочинительству осталось у меня на всю жизнь.

Странно, но интересно рассказывать (в том числе по форме изложения), кажется, умел всегда и умею до сих пор, но писать сочинения не научился до конца жизни.

Так как подготовить сочинения по всем «вероятным» писателям одному было невозможно, мы объединялись.

Так я объединился с товарищем – Микой Альбертом (он жив до сих пор и живет сейчас в Нью-Йорке) и на экзаменах я переписывал сочинение по М.Горькому, подготовленное им, хотя помню, что оно мне порядочно не нравилось и Горького, как писателя я не любил (а сейчас и как человека и гражданина) и не люблю до сих пор. Но какое-никакое сочинение было и я его подал (и к удивлению моему получил отличную оценку).

В целом процесс учения, понимания и узнавания нового всегда был мне очень интересен.

Помню как-то летом в деревне («на даче», как сказали бы сейчас) я развлекался тем, что решал подряд задачи из задачника по алгебре. Подошел сосед, сочувственно похлопал

меня по плечу со словами: «Не горюй, все обойдется, у меня тоже были переэкзаменовки, и, видишь, я жив и здоров».

Кроме учебы была еще одна сфера интересов – спорт, сначала это был волейбол, потом плавание и теннис. Занятия спортом были регулярными и ежедневными и занимали 2-3 часа в день. Из них больше всего занимал волейбол на уровне городской детской, а потом юношеской спортивной школы. Плавание, теннис и шахматы на любительском уровне – второго разряда по современной классификации.

Исходя из моих интересов и предпочтений, возникали и группы общения с товарищами: основная группа 4-5 человек мальчиков (а позже примерно и столько же девочек) сформировалась как-то, исходя из общих интересов еще с младших классов и сохранилась, в основном, до конца школьного обучения, хотя и претерпевала некоторые изменения.

Другая компания это товарищи по волейболу, хотя некоторые пересечения в них были.

Отношения со школьными друзьями сохранились на всю жизнь, хотя я после школы был совершенно вырван из Киевской среды.

Но почти всю жизнь мы собирались в Киеве каждые 5 лет и поддерживали дружеские связи.

Последний раз я приезжал в Киев на такую встречу в 2000 году в возрасте 82 лет.

Основной удар по моим сверстникам нанесла война – погибло примерно 50-60% мальчиков. И это не самая большая цифра – ведь к началу войны мы кончили Высшие Учебные Заведения и входили в войну не солдатами, а младшими офицерами. В числе погибших был и мой самый близкий друг – Моня Белогузский – к началу войны он кончил Медицинский институт.

Второй массовый удар по школьной компании нанесла еврейская эмиграция 90 гг. Половина моего класса оказалась за границей. Но сохранилась письменная связь.

Вернусь к школьным годам. Я был довольно активным мальчиком, подростком, юношей, очень любил друзей и многим

жертвовал для дружбы.

Но довольно сложным оказалось становление самостоятельности. Интересы окружающих были самые разные: от учебы до «добывания денег» (не всегда чистыми путями).

Сохранить свои взгляды и право идти своим путем, не поддаваясь чужим взглядам и влияниям, оказалось для меня не простым делом. Мне казалось в начале, что, отстаивая свои взгляды, я предаю дружбу.

Но вот в 8-ом классе впервые в жизни я отстоял эти свои взгляды на учебу, на моральные ценности, хотя это потребовало разрыва с одним товарищем, который был мне близок и по-своему дорог. Это был важный урок в жизни и я его усвоил.

Жизнь требует иногда жертв и на них приходится идти, чтобы отстоять принципы и независимость.

Другой важный жизненный урок я получил в 10 классе. Начиная с 7 класса, я был бессменным старостой класса. И, более того, ситуация сложилась так, что в 8 и 9 классах у нас не было классного руководителя и мне приходилось сидеть на педсоветах и решать некоторые организационные, а порой и «воспитательные» вопросы. Естественно, при этом я как мог и как умел, стремился отстаивать интересы класса, интересы отдельных учеников.

И вот вдруг в 10 классе на перевыборах старосты ребята меня с треском провалили. Очевидно, я и моя опека всем надоела и в том числе опекаемым.

Для меня это было совершенной неожиданностью и нужно сказать, что в должной мере я в то время урока быть поскромнее не усвоил, просто был обижен. Выводы пришлось сделать попозже. Но об этом в свое время.

Семья. Об обстановке в нашей семье. Вскоре после нашего переезда в Киев в стране начали происходить большие экономические и политические изменения, которых я в то время, конечно, не понимал, естественно, воспринимал все как данность.

Завершался этап НЭПа (новой экономической политики),

страна переходила к индустриализации. Наша семья, как и все население, ощутила это и на себе непосредственно.

Как я уже напоминал, отец был назначен в Киев управляющим местной конторой «Продасиликата» – коммерческой компании.

По приезде в Киев отец купил половину квартиры у разорившегося нэпмана (как тогда называли коммерсантов) недавнего владельца мануфактурного магазина.

В этой по-сути коммунальной квартире и прошла вся наша киевская жизнь с 1928 по 1938 (для меня) и по 1941 год для остальных членов нашей семьи. Нужно сказать, что коммунальный быт был для нас обычным и нисколько нас не тяготил, благо, что прежние хозяева, а нынешние соседи были люди хорошие и все мы жили дружно. Да и кругом все жили в коммунальных квартирах.

Но НЭП оказал непосредственное влияние и на нашу семью. Коммерческая система «Продасиликата» прекратила свое существование вместе с НЭПом и отцу нужно было искать работу. Очевидно, он понял, что с коммерческой карьерой следует заканчивать. И совершенно неожиданно он поступил главным инженером небольшого стекольного завода на границе Украины и Польши в местечке Бронницы. Должность эта в основном была связана, как я понимаю, главным образом, с поддержанием параметров технологического процесса в заводских стеклоплавильных печах – «гутах».

Почему-то я связывал это с отцовским умением варить мыло. Как бы то ни было, но со своими новыми обязанностями он справлялся хорошо, что будет видно из дальнейшего. Однако при этом он совсем перестал участвовать в повседневной жизни семьи. С 1928 года по 1934 мы жили с ним вместе только во время летних каникул, когда мама с нами жила у отца в Бронницах.

Скажу сразу, что, как и для страны, в целом, так и для нашей семьи переход от НЭПа к индустриализации и коллективизации означал существенно ухудшение жизненных условий. Не скажу, что мы бедствовали, но мать несколько лет держала

жильцов – студентов (как я теперь понимаю не от хорошей жизни). И когда отец в середине 30 годов получил какую-то премию, то на нее были куплены каравай хлеба и арбуз. И это был необычный пир.

Но не в деньгах счастье и жила наша семья, в общем, дружно и весело.

Моя мама в своих воспитательных принципах была мудрой женщиной. И хотя, как я уже упоминал, она была экспансивна и скора на расправу, но умела жить интересами своих детей, так, что дом наш был полностью открыт для друзей моих, а позже и моей сестры. И она так умела понимать детей, что когда возникали «сложности» в жизни моих товарищей, то за советом они шли не к своим родителям, а к моей маме.

Вот пример из жизни. В классе, где я учился, были разные увлечения и разные занятия. Одно время, не помню уже под чьим, естественно, не самым благонравным влиянием, возник интерес к азартным карточным играм, причем к игре на деньги «в очко». И хотя я лично особого интереса к этому не проявлял (мои интересы были: учеба, волейбол, шахматы), но как-то и активно против карт не выступал. А играли по очереди у всех дома, тайком от родителей. Дошла очередь до меня. Однако тайн у меня от матери никогда не было, я спросил у нее разрешения и к удивлению товарищей получил его. Пришла орава мальчишек, села вокруг стола и начали играть в очко на деньги. Мама к нам не вышла. Но вот открывается дверь и входит наш сосед Мирон Моисеевич, немолодой грузный человек и просит у «шпаны» – мальчишек разрешения тоже поставить рубль на кон. Посидел минут десять, проиграл свой рубль и ушел. Конечно, это был мамин агент. Через пару дней, не сразу, последовала ненавязчивая, но серьезная и дружеская беседа о вреде карт и о возможных последствиях, процитировался Достоевский и так как я и сам не очень интересовался картами, то я от этой болезни был вылечен, причем без всяких признаков насилия и вылечен от азартных игр на всю жизнь. При этом отец и даже мать играли в преферанс и меня научили, чтобы не оставаться без партнеров, когда это

было нужно.

Как я уже говорил, мы жили в то время материально не очень хорошо, но все же относительно благополучно. Между тем в стране началась коллективизация, которая всюду влекла за собой (и особенно в начале процесса) обнищание села. На Украине же это привело к самому настоящему голоду, вызвавшему даже немало смертельных исходов. Я говорю это не с чужих слов. Однажды к нашей домработнице Христине пришли (вернее еле-еле дотащились) три ее сестры из родной деревни. Смотреть на них было страшно, они были на грани голодной смерти. Мама их откормила, выслушала страшную, но типичную историю раскулачивания отнюдь небогатой семьи и упросила отца пристроить их на работу на стекольный завод.

Между тем после 2-3 лет успешного пребывания в должности главного инженера на маленьких стекольных заводах отец мой ощутил необходимость ликвидировать противоречие между успешной практической работой и недостатком формального образования. Он понял, что пока ему дальше хода не будет. Его мнение при этом совпало с мнением его руководства и в 1934 или 1935г. он получил шестимесячный отпуск с сохранением содержания для повышения образовательного статуса. Он возвратился к нам в Киев и поступил экстерном в Киевский Керамический институт, который был по существу соответствующим факультетом Киевского Политехнического Института (КПИ), куда, кстати говоря, поступил и я после окончания школы.

Очевидно, что часть предметов отцу зачли по его прежней учебе в Коммерческом институте, но большую часть он сдавал заново экстерном, в том числе написал и защитил дипломную работу.

И вот за 6 или 7 месяцев он окончил институт и получил диплом.

Занимался он с утра до ночи, а может быть и с ночи до утра. Это был для меня наглядный урок трудолюбия, максимального использования способностей и целеустремленности. Надо сказать, что мама установила на это время жесточайший ре-

жим – даже громко говорить не разрешалось. И это был единственный в моем детстве период, когда дом был закрыт для всех

После окончания института отец сразу получил повышение и был назначен главным инженером на большой современный керамический завод под Харьковом, где проработал год, а затем получил назначение главным инженером новейшего, строящегося в Киеве термосного завода, где по-сути создавалось с нуля впервые в стране производство термосов и производство было весьма успешным, так, что фотография отца была помещена на общегородскую доску почета. И таким образом он снова «возвратился» к нам и мы прожили вместе несколько предвоенных лет.

Репрессии. Для меня это были годы напряженной учебы, окончания школы, спортивных увлечений. Но это были далеко не легкие годы для страны и народа. Это были годы страшных репрессий. И не где-то в стороне, а на наших глазах пустели и опечатывались квартиры. В нашем подъезде одна за другой они оказались запечатанными. И я до сих пор помню такую картину: проснулся посреди ночи и вижу, что мать с отцом стоят у окна и напряженно всматриваются в темноту, как я понимаю, ждали своей очереди.

У нашей соседки Марии Абрамовны были арестованы и сгинули два брата – офицеры.

Отец мой избежал репрессий по счастливой случайности. Дело обстояло следующим образом: один из директоров малых стекольных заводов, где отец работал, некто Богайчук, получил повышение и был назначен директором Борского стекольного завода «Автостекло», построенного специально для обеспечения вновь создаваемой автомобильной промышленности. Он вспомнил об отце, с которым ему хорошо работалось и предложил отцу должность главного инженера на заводе «Автостекло».

Видя, что в Киеве оставаться было опасно, отец уехал ставить в очередной раз новую технологию – производство автомобильного стекла. Таким образом, из Киевской «очереди» на

арест он выпал, а в Горьковскую еще не попал, т.к. репрессии в 1938-39 гг. пошли на убыль. И отец мой выжил. А дальше была война, его сразу мобилизовали. Итак, мы заплатили гибелью дяди Александра, арестом и преждевременной смертью дяди Давида, но выжили.

Надо сказать, что отношение к этим репрессиям в нашей семье было абсолютно однозначным и неприкрытым: ни в какие вредительства, ни в промышленности, ни в армии мы (точнее родители) не верили, резко осуждали репрессии (но в кругу семьи – уже тогда понимали, что в основном нужно помалкивать) и бескомпромиссный характер моей мамы давал четкую оценку тому, что творилось.

Нужно ведь иметь в виду, что мои родители были людьми, воспитанными в дореволюционное время, видели другую жизнь и могли в отличие от нас детей дать правильную оценку ситуации.

В 35-37 гг., когда репрессии оказались на наших глазах, мне было уже 17-18 лет, я понимал, что свое отношение к ним нужно держать в кругу семьи. Однако это не распространялось на степень общественной активности в школе, а потом и в институте и в училище. И в ряде довольно сложных ситуаций в школе, а позже и в училище я не стеснялся и открыто вставал на защиту людей, когда мне казалось, что их «прижимают» несправедливо. Некоторые из этих случаев я опишу ниже отдельно. Свою цену за эту активность я заплатил позже, уже, будучи офицером, в начале войны.

Глава 3. В Киевском Политехническом институте.

Я студент. Успехи и неудачи. Первый роман. Студенты и экзамены. Перманентный призыв в училища. Выбор военной профессии

Я студент. Возвращаюсь к окончанию школы. Итак, в 1937 году мы окончили школу. У меня был «золотой» аттестат, т.е. то, что позже и до сих пор называется золотой медалью и я мог поступать в любой институт без экзаменов.

Честно говоря, к выбору жизненного пути я был еще не готов. Плохую услугу в этом оказала моя сравнительная универсальность. Думаю, что с позиций моего современного опыта, мне следовало бы поступить в университет на математический факультет. Но мысль о «научной» карьере в то время мне даже в голову не приходила. Мир науки был мне абсолютно не знаком, я и «слыхом» про него не слыхал.

Это было время пятилеток и, конечно, главной фигурой в стране был инженер. Да и отец мой был инженер и три дяди – инженеры и я имел некоторое представление о заводской специфике из нашей многолетней жизни при отцовских заводах. Итак, путь понятный мне лежал «в инженеры». В Киеве было несколько технических ВУЗов и самый видный и хороший из них был Киевский Политехнический Институт, в котором, кстати говоря, завершил свое образование и мой отец.

Между тем отец уже уехал под Горький на завод «Автостекло». Посоветоваться не с кем. И я думаю, что в 1937 году в разгар арестов у моих родителей были другие заботы. Как бы уцелеть и не быть раздавленными катком репрессий. «Поступаешь в хороший институт, будешь инженером. Что же и отец инженер и мать дочка и сестра инженеров. Наверно правильно».

И вот я пришел в приемную комиссию этого института. Оказалось, (что естественно) в институте несколько факультетов, а я понятия не имел, куда я хочу, хотя могу выбрать любой факультет. И меня уговорили подать заявление на факультет

химического машиностроения, о котором я до этого момента никогда ничего не слышал и до сих пор мало представляю его специфику.

Наконец я студент. Из школьных друзей рядом никого нет. Начались занятия. Первый курс, так называемый «общетехнический факультет». В первом семестре помню математику, физику, черчение, «логарифмическую линейку», физкультуру. Так как я всегда учился «из интереса», то и здесь проблем не было.

Коллектив студентов поначалу был еще не склеен, много ребят из села. Опишу несколько случаев. Во-первых, математика. Готов я был к ней хорошо и к аналитической геометрии и к анализу. Слушал внимательно. Проходит семестр, начинаются экзамены. Пришел я к середине. Спрашиваю: «Как дела?». Слышу ответ: «Из 12 человек 9 двоек».

Захожу, беру билет и вижу, что нужно доказать одну теорему и взять интеграл. Доказательство теоремы я помню из учебника. Докладываю. «Откуда доказательство?» - спрашивает преподаватель. Отвечаю, что из учебника Комарова. «А как по Смогоржевскому?» (Это фамилия экзаменатора). «Простите, не знаю» – отвечаю я. «Хорошо, перейдем к интегралу».

«Извините – говорю я – решение именно этого интеграла Вы нам показывали на лекции. Вот оно». «Что же Вы думаете, я не знаю своих лекций? Давайте зачетку» … и ставит «отлично»!

За дверью немая сцена и мой авторитет в глазах товарищей сильно вырос. Но я думаю не очень надолго.

Второй эпизод. Черчение. Нужно вычертить за семестр 9 разных листов. К черчению я был и не готов и не любил его. Но добросовестно старался все сделать, как надо, целыми днями торчал в чертежной.

Приношу свои работы преподавателю. Он долго и тщательно проверяет циркулем все линии и интервалы и не спеша, пишет 93 (девяносто три!) замечания. Ставит тройку (после исправления).

Рядом сдает свои листы мой товарищ Шурка Евстратов,

который по моим представлениям делал все кое-как ,«по-быстрому», словом не серьезно. Тот же преподаватель едва-едва посмотрел на Шуркины чертежи, молча расписался и поставил «отлично», Я только рот раскрыл. Видя мое изумление, преподаватель и говорит: «Вы удивлены? Посмотрите на чертежи Евстратова. Видите как красиво. А раз красиво значит правильно. Тут и проверять нечего». Этот урок был мне полезен, хотя чертить я все равно не умел. И рисовать тоже. Это же относится и к моим способностям в искусстве. С этим же преподавателем черчения у меня была еще одна встреча. Он преподавал нам кроме черчения начертательную геометрию. Здесь у меня были уже другие дела. Пространственное воображение у меня было хорошее, да и в школе я был достаточно натаскан по стереометрии. Одним словом я «сквозь» формулы видел все фигуры и на экзамене сразу решил самую сложную задачу. Преподаватель был очень удивлен. «Не ожидал – сказал он – почему же Вы плохо чертите, ленитесь, наверно». Но «пятерку» поставил.

Физику нам преподавал известный профессор Губарев. Курс физики был сильно математизирован, поэтому не представлял для меня трудностей и я довольно легко сдал оба семестровых экзамена на пятерки. Но знания физики это мне не прибавило, поскольку существо, понимание существа физических процессов совершенно игнорировалось. Так как я пробыл в Политехническом институте всего год, то и курса даже общей физики до конца не дослушал, во всяком случае до «атомной» физики не добрался, что мне потом в жизни мешало.

Профессор Губарев был известен еще тем, что был председателем всероссийской комиссии по рассмотрению проектов «perpetum mobile».

Он с большим юмором рассказывал нам на лекциях о разных случаях рассмотрения таких проектов, упоминал о том в частности, что имел двух специальных охранников, оберегавших его от чрезмерно настойчивых и огорченных «непониманием» их гениальности соискателей.

Памятный конфуз, единственный за всю мою учебу в течение

всей жизни случился на экзамене по теоретической механике. Последняя тоже преподавалась чисто математически без проникновения в существо процесса. Математическую сторону предмета я как будто понимал и «активно» слушал лекции, так что преподаватель меня запомнил. Но на экзамене мне попалась задача на относительное движение и в первый и последний раз в жизни я задачу на экзамене решить не успел и получил единственную (черчение я не считаю) в моей жизни тройку и огорченное высказывание преподавателя: «Жаль, молодой человек, я то считал Вас сильным студентом». Он же не знал, что у меня в это время случился первый в жизни серьезный роман и я весь второй семестр кроме лекций, не брал в руки книги и конспекта.

Стыдно, что я не справился с задачей, мне было в течение многих лет и тем более, что с относительным движением я был связан впоследствии длительное время в период своей штурманской и командирской карьеры.

Я дал себе клятву, что никакие романы никогда не будут отвлекать меня от дела. И эту клятву я свято выполнял в течение всей жизни.

Во время учебы в институте сменился акцент в моей спортивной жизни. Волейбол сменило плавание. Это произошло под влиянием нового институтского товарища Марка (Муси) Мирского, прекрасного пловца. Он и приобщил меня к спортивному плаванию, привел в бассейн к тренеру.

Учеба в институте пришлась на пик **репрессий**. В институтской, точнее в студенческой жизни это находило отражение в бесконечных общеинститутских комсомольских собраниях, на которых от нас требовалось принимать резолюции, осуждавшие «вредителей» и оппозиционеров, при чем находящихся на самом «верху» власти, достаточно далеко от нас. Студенты воспринимали эти требования далеко не однозначно и институтские власти имели с нами не мало хлопот. Нужно сказать, что если репрессии, рассматриваемые в домашней среде, я воспринимал как проблему семейную и личную, как я описал выше, то та же самая проблема в институтской среде

рассматривалась мною скорее как нечто абстрактное. На собраниях я решал задачки по математике и, где можно было, воздерживался от голосования. Масштаб событий для меня был слишком велик. Проблему репрессий я воспринимал как стихийное бедствие. Не дорос еще видно. И повзрослел, когда сам попал под колеса. Но об этом позже.

Предвоенный призыв. Между тем время было предвоенное, страна укрепляла оборону и это коснулось молодежи и в том числе меня. В институт одна за другой стали наезжать комиссии, отбирающие юношей в офицерские школы. Все они проходили одинаково: сначала медкомиссия, затем комсомольский райком и все.

Решение было «добровольным». Но в случае отказа процедура четка: исключение из комсомола и отчисление из института.

Однако в личном плане этот процесс для меня трагедией не был. Я уже упоминал выше, что поступление мое в Политехнический институт не было достаточно осознанным действием. Поэтому «была без радости любовь, разлука будет без печали».

Кроме того, я понимал (и был согласен с этим), что страну нужно защищать, в том числе и лично. Я хотел только выбрать военное училище подходящее моим склонностям.

Нужно сказать, что врачи в медицинских комиссиях, проверяющих наше здоровье (по крайней мере, в моих случаях), были весьма лояльны к нам и напрямую спрашивали «Хочешь или нет пойти на военную службу?». И если ответ был «Нет», медицинский дефект находился.

Так я «не прошел» две или три комиссии, пока не подошла очередь до флота. Тут я дал согласие, прошел процедуру и был направлен в Ленинград в Училище им. М.В.Фрунзе, бывший Морской корпус, о котором я много слышал и читал разные романтические и патриотические истории.

Между прочим, года за два до этого, еще в школе в 10 классе у меня была уже история с поступлением в это училище, правда скорее комическая.

В 10 классе меня попросил мой приятель Васька Быстрюков, довольно ленивый, но добрый малый, сдать за него вступительные экзамены в Военно-морское училище им. М.В.Фрунзе, о котором я тогда понятия не имел. Дали мне экзаменационный листок, Васька переклеил фотографии и я пошел экзаменоваться.

Экзамены для меня были довольно легкие, я их быстро за 3 часа сдал и пошел заверять свой листок к председателю комиссии в кабинет завуча техникума, в котором проходили экзамены.

Открываю дверь и вижу... нашу школьную учительницу литературы Евдокию Владимировну, которая, конечно, меня прекрасно знала.

«Лифшиц? Ты что здесь делаешь?» Не помню уже, что я соврал и поспешно убежал. О подписи на экзаменационном листе с чужой фамилией и речи не могло быть. Отдал я листок Ваське, он снова переклеил фотографии и как-то у кого-то подписал. Потом я понял, что Евдокия Владимировна работала в техникуме по совместительству.

Глава 4. Военно-Морское училище.

Училище Фрунзе. Ленинград – первые впечатления. Курсант «спецнабора». Строевой курс. Лейтенант Юрий Гагарин. Морской корпус. Учеба и корабельная практика. «Аврора» и Черное море. В отпусках. Первое заграничное плавание. «Буржуазная Латвия» и Валаамский монастырь. Старшина роты. Предвоенные дни. Начало войны. Выпуск.

Начало. Итак, летом 1938 года я приехал в Военно-Морское училище в Ленинград. С этого момента практически вся моя жизнь вот уже почти 70 лет к моменту, когда я пишу эти строки, оказалась связанной с этим замечательным городом. Первое и самое сильное впечатление это обилие воды и ее мощь. В Киеве тоже была река, и не маленькая – Днепр, и в Казани была Волга, но Нева не шла с ними в сравнение – такой мощи, многоводности я не ощущал раньше. И до сих пор я люблю Неву. Из того, что я видел, только водные массивы Стокгольма и в какой-то степени Темза, могут как-то сравниться с Невой, по крайней мере, в моем представлении.

Оценить красоту архитектуры и сокровищ искусства Петербурга в этот первый приезд я еще не мог – это было делом будущего.

В училище нас переодели в колом стоящее рабочее платье и поселили в церкви, что на углу 14 линии и набережной лейтенанта Шмидта – нам предстоял организационный период – 1½ месяца строевых занятий. Из таких же, как я, примерно 200 ребят, отобранных по ВУЗам со всей страны, были сформированы две роты, т.н. «спецнабора». Нам объявили, что после оргпериода нас зачислят сразу на второй курс Училища и зачтут нам общеобразовательные дисциплины, такие как математику, физику, а, заодно, и историю с географией, хотя многие, как и я, их вообще не проходили. Подготовка каждого из нас зависела от специфики ВУЗа, но потом все подравнялось. Непосредственным начальником нашим был лейтенант Юрий Гагарин. Через много лет, когда я увидел первого космонавта СССР, тоже Юрия Гагарина, то я обнаружил, что он был как две капли воды похож на нашего лейтенанта. Сходство и

внешнее и по манерам просто поразительное. Я до сих пор считаю, что у них общее происхождение.

Относился к нам лейтенант Гагарин очень хорошо, по-доброму, был внимателен и терпелив.

В город нас эти полтора месяца не пускали – не доросли, еще не умели себя держать в форме, да и выходной формы не было.

Наступило 1 сентября – начало занятий. Нас перевели в главное здание училища и разделили на классы – по 20 человек в каждом. В нашем классе были студенты из Киева, Харькова, Днепропетровска, Саратова, Москвы, Ленинграда и других мест.

Кроме наших 2-х рот «спецнабора» на нашем курсе было еще 4 роты основного набора, в том числе одна рота, набранная из «старослужащих», т.е. из матросов и старшин действительной службы, а некоторые - сверхсрочной службы.

В первое время курсанты основного набора относились к нам полупрезрительно, как бы сверху вниз – у нас была кличка «спецы», на что мы похлопывали себя по карманам – наша стипендия была хоть и небольшая, но в 3 раза больше, чем у основного набора – нам доплачивал ЦК ВЛКСМ.

Но оказалось, что мы – «спецы» имели лучшую общую подготовку и успевали не хуже, а во многих случаях и лучше, хотя флотского гонора и не имели.

Постепенно все подравнялись и мы жили дружно, до самого окончания Училища.

Морской корпус. Итак, нас перевели из церковного здания в основное здание Училища. Собственно говоря, это было не одно здание, а комплекс домов и служб, занимавших целый квартал Васильевского острова. В одном измерении он ограничивался набережной Невы и Большим проспектом, в другом 11 и 12 линиями.

Основной корпус, и в особенности его парадная часть производили сильное впечатление. Актовый зал – так называемый «Зал Революции» был в то время (не знаю как сейчас) самым большим залом в Ленинграде. В нем кроме различных

собраний по субботам проводились так называемые балы, т.е. танцы под оркестр, попасть на которые стремились все или почти все Ленинградские девушки. Они могли попасть в зал только по специальным пропускам, которые давались курсантам и не просто так, а с разбором. Если привел девушку не того уровня (в смысле поведения), в следующий раз мог остаться и без билета. Другой достопримечательностью был компасный зал – сравнительно небольшой круглый зал, выложенный превосходным фигурным паркетом, рисунок которого представлял собой картушку компаса, т.е. окружность, на которой отчетливо были выложены 32 стрелы, соответствующие основным направлениям по странам света или румбам, если следовать морской терминологии: Nord, Nord-Nord-Ost, Nord-Ost-… и т.д.

Ходить по «картушке» было строго запрещено, можно только по внешней окружности вдоль стен.

Был еще звериный коридор с чучелами всевозможных диких зверей. В специальном широком светлом коридоре размещалась большая морская картинная галерея с картинами морских сражений и морских пейзажей, кисти знаменитых художников-маринистов: Айвазовского, Боголюбова и др.

Всюду со стен смотрели знаменитые адмиралы: Ушаков, Нахимов, Сенявин, Лазарев, Крюйс, Петр I и другие. Словом обстановка была создана соответствующая. Курить и плевать в этих стенах как-то не хотелось даже самым «темным» ребятам.

Упомяну еще то, что в училище был собственный тир и небольшой бассейн, в котором проводились обязательные занятия по плаванию, спасению утопающих, водному поло. Поскольку я входил в сборную курса по плаванию, то в этом бассейне я проводил с удовольствием многие часы, едва ли не больше времени, чем на самоподготовке в учебном классе.

В низком первом почти полуподвальном помещении располагалась курсантская столовая с большими ротными (т.е. на 100 человек каждый) столами. В столовую ходили строем, становились по обе стороны длинного стола, садились и вста-

вали по команде.

Кормили, в общем, хорошо, сытно и довольно вкусно, с учетом обстановки. Например, по понедельникам (т.е. после возвращения из города) – «на опохмелку» подавали селедку и винегрет (по целой селедке на человека).

Между столами во время обеда ходил врач, осведомляясь о качестве и количестве еды и о здоровье. Еды было всегда достаточно и можно было просить добавки. Если эти просьбы казались излишними, то доктор, мужчина гигантских размеров (в прошлом борец), приговаривал басом: «Не мало, а вкусно».

Подавали еду специальные официанты, готовили штатные повара, помогала «кадровая рота» т.е. матросы срочной службы. Курсантов к этому не привлекали.

С 1 сентября 1938 года началась **регулярная учеба**. Распорядок дня был, если я правильно помню, следующий: подъем в 7.00, туалет и зарядка (или пробежка раздетыми до пояса летом и зимой), завтрак в 8.00 – 8.30, классные занятии с 9.00 до 12.00, обед 12.00 – 13.00, снова занятия с 13.00 до 15.00, с 15.00 до 18.00 – отдых, с 18.00 до 20.00 самоподготовка в классах, 20.00 – ужин и после до отбоя свободное время (без выхода из училища). По субботам с 9.00 до 12.00 строевые смотры, прогулки и парады. С 12.00 субботы до 24.00 воскресенья свободное время, включая увольнение в город. Для оставшихся в Училище по выходным дням всегда была приличная, хотя и без особых затей культурная программа (всегда кино и танцы, иногда концерты).

На первом году обучения, т.е. на втором курсе, программа включала в себя в основном морские дисциплины (навигацию, мореходную астрономию, артиллерию, минно-торпедное оружие, морскую практику) и иностранный язык по выбору, а точнее сказать по назначению начальства: английский, немецкий, японский. Мне выпал английский язык. Но, например, мой будущий соплаватель и товарищ А. Н. Тюняев изучал в Училище немецкий. А мой друг О.М. Мачинский – японский.

Учили нас почти исключительно «старые» офицеры царского флота и учили, в общем, довольно неплохо. Это были участ-

ники первой мировой войны, а некоторые и русско-японской войны, участвовали в Цусимском сражении. Однако в помощь им было несколько молодых офицеров, окончивших наше же училище 2-3 годами раньше.

Навигацию нам преподавал контр-адмирал Иван Николаевич Дмитриев весьма почтенный пожилой человек (в наших глазах старичок), который больше, чем учил, рассказывал нам и довольно интересно про дальние походы и разные случаи в духе Станюковича. Слушали мы его с большим интересом, затаив дыхание. А техническим приемам навигации, устройству мореходных инструментов и приемам их использования, морским лоциям и т.п. нас обучали молодые лейтенанты, о которых я упоминал выше.

Торпедное оружие преподавал капитан 1 ранга Суйковский, бывший (в царское время) командир крейсера «Рюрик», отличившийся в первую мировую войну. Это был весьма почтенный несколько грузноватый офицер с седой бородой и густыми усами. Он обладал весьма четким логическим, структурным мышлением, которое позволяло ему очень немногословно, но точно рассказывать нам о достаточно сложном устройстве и использовании торпеды так, что оно становилось нам абсолютно прозрачным.

Наверное, ему, как и другим заслуженным офицерам «из прошлого» жилось нелегко, опасно и обидно, но нам «молодым и глупым», было не до этого.

Помню такой случай. В это время в стране ввели ученые звания и степени и этот пожилой человек с серьезным видом сообщил нам: «Правительство удостоило меня ученого звания ассистента». Несоответствие было так сильно, что даже мы поняли.

Устройство торпеды и ее действие я запомнил на всю жизнь.

Мореходной астрономии нас учил тоже отставной царский офицер (не знаю его звания) с известной морской фамилией – Берг. Учил он нас астрономии довольно формально, не вдаваясь в излишние детали, и я бы сказал сейчас в явное

описание «устройства» вселенной и даже солнечной системы. Такие формальные знания астрономии у меня и остались бы, если бы я не был в последствии в течение нескольких лет корабельным штурманом, для которого умение использовать практическую астрономию было абсолютно необходимым. Выручил меня при этом превосходный учебник (точнее практическое руководство) по мореходной астрономии контр-адмирала Б.П. Хлюстина. Пользуясь этой книгой в корабельных условиях во время войны, я достаточно хорошо освоил все необходимые практические приемы, сам научился быстро и довольно четко делать измерения секстаном и производить достаточно громоздкие вычисления, словом использовал мореходную астрономию по полной норме. И конечно достаточно хорошо изучил звездное небо.

Формальный подход нашего преподавателя астрономии г. Берга выражался, например, и в такой мелочи. В начале каждого своего урока, выслушав рапорт дежурного по классу, он говорил: «А теперь товарищ дежурный рассчитайте нам сегодняшнее склонение и прямое восхождение солнца» (это координаты солнца) и начинал урок. Однажды дежурным по классу был курсант Дий Нагин, тоже отличавшийся формальным складом ума. Встречает он преподавателя рапортом и говорит: «Товарищ преподаватель, на занятиях присутствует 22 класс в полном составе, склонение солнца 8 градусов, прямое восхождение 5. Класс затрясся от хохота, а Берг очень серьезно говорит: «Рассчитали Вы верно, но все же слегка переусердствовали».

Вспоминаются и занятия по морской практике. В училище был превосходный кабинет морской практики, в котором стояли макеты парусников с полным пояснением парусного вооружения старинных кораблей.

Мне не пришлось участвовать в учебных плаваниях на парусниках, таких как «Товарищ» или «Крузенштерн», но изучать парусное вооружение кораблей нас заставляли и приемы управления парусами на парусниках нам преподавалось.

Практически же парусное дело мы изучали при хождении на

шлюпках, что я любил и занимался этим в течение всей моей корабельной службы, о чем рассказ будет впереди.

Преподавал морскую практику капитан 1 ранга Авраамов – весьма колоритная фигура, потом он был известен боевыми делами во время войны на Ладоге.

Практическим приемам: вязанию узлов, плетению матов и пр. учили нас мичманы-сверхсрочники. Главным был мичман Манаев. Учил он превосходно, но двух слов без непечатных выражений произнести не мог. Это нас, студентов, несколько шокировало, но «власти» попросили нас «войти в положение» и потерпеть. Потерпели и выучились вязать узлы, плести маты и т.п.

Наш класс. Занятия проводились в классном помещении, иногда в специальных кабинетах как, например, по оружию или морской практике. Теоретические занятия проводились для одного класса. Иногда, как правило, по гуманитарным предметам сводили несколько классов вместе. Класс, в который я попал, состоял, как и все остальные из 20 человек и, естественно, делился внутри по интересам на более мелкие группы. Микрогруппа, в которую входил и я, включала четырех человек: Юру Иванова, Игоря Лисовского, Марка (Мусю) Мирского и меня. Несколько слов о каждом из них.

Юра Иванов пришел в Училище из Ленинграда с Физфака ЛГУ. Это был высоченный – под два метра крепкий компанейский парень с внешностью южно-американского индейца с очень хорошими способностями.

В Училище он сразу выделился, стал знаменосцем на парадах, что являлось высочайшей честью, блестяще учился. В дальнейшем он плавал долгое время на подводных лодках, в войну был штурманом на знаменитой Щедринской лодке «С-56», имел массу правительственных наград. Затем был командиром подводной лодки, военно-морским атташе в Мексике, командиром дивизии атомных подводных лодок и кончил службу в чине вице-адмирала начальником разведки ВМФ. К сожалению, длительная служба на подводных лодках серьезно подорвала его здоровье, у него было больное сердце, что

привело к преждевременной кончине на пороге семидесятилетия. С его женой Валей мы поддерживаем добрые отношения до сих пор.

Игорь Лисовский пришел в Училище с радиофакультета Киевского Политехнического института, родом был из Полтавы. Игорь имел поразительные способности, например, он брал незнакомую книгу, открывал ее наугад, всматривался в текст 2-3 минуты, закрывал книгу и наизусть абсолютно правильно произносил весь текст. Учился отлично. Войну он провел на миноносцах Балтийского флота, учился в Академии, закончил военно-морскую службу начальником Ракетно-Артиллерийского Вооружения Тихоокеанского Флота. Но он был «помеченным» – КГБ считало, что его родня были кулаки, хотя я знаю, что отец был учителем. И ход ему в соответствии с его способностями стали давать только в Хрущевские времена.

Марк Мирский пришел в Училище вместе со мной из Киевского Политехнического Института. Это был крепкий еврейский парень, с ярко рыжими, чтобы не сказать красными волосами, хороший спортсмен, отличный пловец, учился неплохо, но не был наделен такими способностями и рвениями к учению, как Иванов или Лисовский. К сожалению, он погиб в войну под Керчью на катерах-охотниках в начале 1942 года.

Четвертым в этой компании был я. Так случилось (как поется в известной песне), что после училища наша четверка оказалась именно на четырех разных флотах: Игорь Лисовский на Балтике, Марк Мирский на Черном море, Юра Иванов на Тихом океане и я на Севере.

К моменту, когда я пишу эти строки, к сожалению, никого их моих училищных друзей в живых не осталось.

Старшиной класса с самого начала был назначен курсант Г.В. Конечно, начальству трудно сделать сразу правильный выбор из 20 одинаково незнакомых парней. И Г.В. был не хуже других. Однако он считал, что раз он старший, то поэтому, естественно, и самый умный. Такое заблуждение является довольно распространенным. Но в учебном заведении, где глав-

ным, хотя и не единственным критерием, является результат, достигнутый именно в учении, это заблуждение явилось роковым. Конечно, лидером в коллективе может быть и не самый способный в учебе человек, но тогда он должен иметь какие-то другие превосходные качества. Здесь этого не было. Г.В. был весьма мало способный, довольно ограниченный человек, к тому же не понимавший этого. Не скажу, что он был вредный, но, скажу, явно не на своем месте, что порождало массу неудобств. То, что нам стало ясным через месяц, начальству стало видно через полтора года, Германа сменил Юра Иванов и все встало на свое место.

Несколько слов о дисциплине. Меня, как и многих других, военная дисциплина не угнетала. Мы понимали ее необходимость и даже когда требования дисциплины входили в противоречие с личными вкусами, взглядами, желаниями и потребностями, приходилось уступать.

Но бывали и исключения, были люди, которые терпеть дисциплину не хотели или даже не могли. Таким было несладко, в конце концов, приходилось покидать Училище, а несколько раз дело доходило до суда. Общая обстановка в классе все три года учебы была дружная и хорошая.

Так случилось, что, не без влияния нашей четверки, главным интересом класса стала учеба. И так было во все время пребывания в Училище. Наш класс был признан самым лучшим на курсе, а затем и в Училище. Конечно, способности и подготовка у ребят в классе была различная, но все тянулись, а некоторые достигли выдающихся результатов. Например, Гриша Подобрий. Он пришел в Училище из Харьковского Политехнического Института, до которого он учился в средней школе в деревне, носившей такое же, как и Гриша, имя – Подобриевка. Способности у него были, но подготовка, естественно, была довольно слабая. Однако он был очень упорен и к 4 курсу уже хорошо учился, рос на глазах. В дальнейшем благодаря упорству и неплохим способностям он стал профессором и заведующим кафедрой Морской Академии, доктором Технических наук.

Были, конечно, в классе курсанты, имевшие другие жизненные установки, но и они не без юмора говорили: «В этом классе не хочешь, а все равно зубришь».

Примерно с нового года нас начали отпускать в город по выходным дням. У кого была родня или хорошие знакомые – ходили в гости.

В Ленинграде жила семья моего дяди Марка, родного брата отца, к ним я и стал ездить в гости, примерно, через воскресенье. Семья состояла из дяди, его жены – тети Цили и двух девочек: Лили и Иры 10 и 6 лет, которые с удовольствием играли со мной, катались у меня на плечах и т.д. Дядя работал инженером или начальником бюро или отдела в институте Гипромез. Институт был важный – он проектировал металлургические предприятия и семья жила довольно хорошо. Дядя Марк был поразительно похож на моего отца. И сходство это усиливалось с годами. Отвлекаясь, вспоминаю, что через много лет в Москве, куда перебралась и семья моих родителей и дядина семья, наш совсем маленький сын Боря увидел сидящих за столом трех пожилых людей, совершенно одинаковых (третьим был папин двоюродный брат), запутался и подходил к каждому из них, с одним изумленным словом «деда».

В оставшиеся выходные дни ходили с Игорем и Марком в музеи, иногда реже в театры, гуляли, постепенно знакомясь с городом и проникаясь уважением к его красотам.

Впервые на корабельной палубе. С началом лета началась практика. Она была разделена на две части. Первая часть проходила на Балтике, вторая на Черном море. Сначала была Балтика. Нас перевезли в Кронштадт и разместили на «Авроре». В то время, в 1939 году «Аврора» была еще на плаву, входила в учебный отряд Училища. Кроме нее в этот отряд входил учебный корабль «Комсомолец» и два-три так называемых посыльных судна. На «Комсомольце» поднимался флагманский брейд-вымпел и туда переходил на лето начальник Училища.

На «Авроре» впервые знакомились с корабельной жизнью. Каждому отвели место в кубрике, назначили боевой номер,

место и обязанности по боевой тревоге – например, у пушки, в определенной рубке (штурманской, сигнальной, рулевой или др.), место и объекты по приборке, номер в шлюпке, в обеденной артели и т.д.

Первым испытанием была погрузка угля – авральная работа, в которой участвовал весь экипаж. Уголь таскали в специальных плетеных корзинах в течение 10 часов.

Второй авральной работой была покраска корабля, это было интересно и увлекательно. Нас опускали за борт на «беседках» т.е. досках с ведерком краски и мы красили борт, постепенно опускаясь до воды. Корабль был не в полном грузу и мы накрасили его до ватерлинии.

Потом были артиллерийские стрельбы. На большую пушку сверху прилаживался «маленький» ствол 45 мм орудия. Наведение и все действия с приборами управления огнем выполнялись относительно большого орудия, а сами выстрелы производились из малого.

Каждый из нас по очереди был управляющим огнем, наводчиком, заряжающим, подающим снаряды и, таким образом, мы довольно хорошо поняли и освоили процесс артиллерийской стрельбы. Познакомились мы и с Кронштадтом – этой цитаделью флота, узнали его историю, увидели доки, собор, памятник адмиралу Макарову, поражались Петровским делам, поняли впервые, что такое морской, точнее флотский (в смысле военно-морской) город.

Однако время в Кронштадте мы провели хоть и на корабле, но на рейде и в порту. Море было впереди. Его мы узнали через месяц. Нас перевезли по железной дороге на Черное море в Севастополь – тоже флотский город, где все обычаи такие же, как в Кронштадте, но добавлен южный и, пожалуй, отчасти украинский колорит. Описывать Севастополь не берусь, это уровень не моего пера, да и сделано это было не раз талантливыми, а иногда и гениальными, писателями от Толстого до Станюковича, не говоря о Малышкине и Лавреневе.

В Севастополе нас поместили на учебный корабль «Днепр». Это бывший испанский лайнер «Тихо Браго», доставшийся

СССР после печального окончания гражданской войны в Испании, которое только-только произошло.

На «Днепре» мы были первыми военными моряками. Первонаперво пришлось его отмывать и участвовать в его переоборудовании для штурманской практики – но нас было две роты, 200 человек, и с этой работой справились за месяц.

Вторым систематическим делом этого периода были шлюпочные учения. Мы освоили устройство шлюпки и разные функциональные задачи, довольно хорошо овладели греблей, парусным делом, а попутно сдали все водные нормативы комплекса ГТО.

После переоборудования корабля мы участвовали в большом походе Севастополь – Одесса – Новороссийск – Батуми – Севастополь, в течение которого занимались в основном штурманской практикой – несли четырех-часовую штурманскую вахту. На верхней палубе под тентом стояло много отдельных штурманских столов, каждый с необходимым оборудованием, биноклем, набором карт, лоций, астрономических ежегодников, описанием огней и знаков и т.д. К каждому столу приписывались три сменных штурмана из курсантов и работа велась непрерывно в любую погоду.

Практика была превосходной, хотя конечно ограниченной во времени.

В конце Севастопольской практики мы участвовали в традиционном «мандариновом» походе черноморского флота по маршруту Севастополь – Батуми.

Наш корабль на учениях изображал «синюю» сторону, т.е. неприятельскую эскадру, относительно которой корабли флота проводили маневры, артиллерийские стрельбы, учебные пуски торпед и пр. Это было очень интересно.

В начале сентября мы вернулись в Ленинград и получили первый месячный отпуск.

Первый отпуск. Естественно, я поехал домой в Киев. Дома меня встретили, конечно, с радостью и родители, и повзрослевшие сестра восьмиклассница и наши соседи по квартире. Все расспрашивали про мою курсантскую жизнь, про Ленин-

град, про море и т.д.

Мама потребовала, чтобы я разогнал всех сестринских поклонников, которых было уже немало. Это был какой-то непонятный для меня казус, серьезно осложнявший Эдину жизнь и в дальнейшем. Стоило возле нее появится любому молодому человеку, как мама тут же «находила» в нем множество недостатков и пороков, высмеивала и стремилась как бы очернить его. Среди этих ребят были и совсем неплохие. Думаю, что это влияние расстроило несколько личных жизненных путей моей сестры. Один, по крайней мере, я знаю точно.

Отец мой к этому времени получил повышение – он работал главным инженером Укрфарфортреста, объединявшим все стекольные, фарфоровые и керамические заводы Украины. Это была хорошая работа, он был доволен.

Встретился я, конечно, и со школьными друзьями, которые были уже студентами разных институтов. В основном мои друзья учились в двух институтах: строительном и медицинском. В строительном учился Сема Серебряный, Натан Тульчинский, Зюка (Зиновий) Маркович, Соня Полиновская; в медицинском Моня Белогузский – мой самый близкий друг, Асик Цесис, Нюся Маркова, Толя Минаковский.

В эти каникулы произошло важное событие в моей жизни – совершенно неожиданно, я женился на моей сокурснице по Киевскому Индустриальному Институту – Гале Ринк. Произошло это так.

У нас был довольно «бурный» роман – первый серьезный взрослый роман в моей жизни – во время учебы на первом курсе института. Однако я был по-сути еще большим ребенком, а Галя, которая была старше меня на год – естественно, уже «взрослой» женщиной. И ей хотелось выйти замуж, как оказалось, я был нормальным кандидатом. Характер у нее был сложный, довольно противоречивый: то ласки, то истерика. Ничего не хочу сказать плохого про нее. Однако, если быть честным, то мне сейчас совершенно ясно, что этот брак не состоялся бы, будь я достаточно зрелым человеком, был хотя бы на несколько лет старше.

Однако я был тем, кем я был в то время – зеленым и весьма незакаленным парнем.

Тут следует сказать, что большую роль в этом событии сыграло, как ни странно, мамино воспитание. С раннего детства мне хорошо внушили, что девочкам нужно во всем уступать – вот я и уступил под нажимом Гали, хотя по сути никаких моральных обязательств у меня не было – я не был первым на ее пути.

Родители мои были удивлены (про себя, наверно, и огорчены) моей скоропалительной женитьбой, но что сделано, то сделано. Итак, я вернулся из отпуска в училище женатым человеком, хотя, честно говоря, сам стеснялся этого.

Было еще одно обстоятельство, о котором следует упомянуть. Родители Гали были обрусевшие немцы. Для меня, да и для моих родителей это обстоятельство не играло никакой роли, мы были и остаемся интернационалистами. Но впоследствии и эта деталь сыграла свою роль в моей жизни.

Третий курс. Начались занятия на 3-м курсе. Теперь к основным, ранее начавшимся предметам, таким как навигация и астрономия, иностранный язык добавились технические и специальные предметы: устройство корабля, корабельные машины и механизмы, электро и радиотехника, связь. Работы было много. К тому же я был назначен старшиной отделения на младший курс, с которым должен был проводить все внеучебное время.

На третьем курсе случилось неожиданное событие. С Украины, из Полтавы пришло письмо – донос на нашего товарища Игоря Лисовского, в котором говорилось, что вся его родня бежавшие кулаки. Грозило исключение из Училища и, конечно, из комсомола.

Для получения «общественного» обоснования был поставлен вопрос на комсомольском собрании. И вот мы нашего товарища в обиду не дали. Выступили многие курсанты, в том числе и я. «Мы не знаем его семью и родителей, но мы знаем Игоря, уважаем его, как товарища и очень способного человека». Это было наше мнение и, не смотря на нажим со стороны

комиссаров, решение «осудить» не прошло. И Игорь остался с нами. Война и вся его служба показала, что правы были мы, а не власть.

Но с тех пор и до Хрущевских времен Игорь так и остался у КГБ на заметке, под подозрением.

Больше, чем теоретическая учеба на третьем курсе, в памяти осталась летняя практика. Она состояла из двух частей на Балтике и на Ладожском озере, на острове Валаам. Зимой 1939-40г. была «финская война». Своей фактической стороной она нас не затронула – курсантов не брали. Но первые сомнения и весьма серьезные во всесильности Советской армии она в нас посеяла.

Однако в масштабе страны ошибки были признаны, более того принимались меры по усилению боеспособности армии. И мы успокоились. Тем более, что флот, как таковой, в конфузе не оказался, базирование расширилось далеко на Запад до Либавы, на Севере получили новую базу - Печенгу.

Тем не менее, как оказалось, финская война была первым звонком.

Впервые за рубежом. Прибалтика. На Балтике мы практиковались на крейсере «Киров». Это уже было не учебное судно, как прошлым летом, а настоящий большой современный боевой корабль. Было ново, полезно и очень интересно участвовать в настоящих стрельбах, походах и плаваниях, изучить современный корабль и жизнь на нем.

Но была и другая сторона вопроса. Мы перешли на «Кирове» на Либавский рейд, т.е. оказались впервые за границей, в Латвии еще до ее вхождения в СССР. Это было начало лета 1940 года и мы как раз были частью Военной силы, с помощью которой Латвия была присоединена к СССР.

По воскресеньям мы ходили в увольнение и смотрели на чужую заграничную жизнь. Нам выдали немного иностранной валюты. Население относилось к нам спокойно, мирно. Не помню никаких эксцессов. Сравнительно с нашей обстановкой отметили большое число бытовых обиходных товаров. Русский язык латыши, которые нам встречались, знали все

поголовно.

Мы пробыли в Либаве три недели. Крейсер выполнял артиллерийские и торпедные стрельбы, отрабатывал боевое маневрирование. Потом перешли в Таллин на несколько дней, но на берег по стечению обстоятельств не попали.

С этой практики кроме заграничных впечатлений в памяти осталось два случая, о которых стоит упомянуть.

Практикой нашей и жизнью на «Кирове» руководил мало знакомый нам, но очень строгий офицер – капитан второго ранга Смирнов. Он постоянно жучил нас, предъявлял бесконечные требования, вплоть до того, например, что требовал в строю у Марка Мирского выпрямить его от природы кривоватые ноги. Мы его очень и очень побаивались. От него зависело увольнение на берег в Либаву и вся наша жизнь.

Но вот однажды он сам в качестве преподавателя проводил с нами занятия по устройству инклинометра – прибора управления торпедной стрельбой. В основу устройства положены свойства т.н. торпедного треугольника – для нас все было весьма просто. Но оказалось, что капитан второго ранга Смирнов в этом устройстве весьма и весьма путался, не мог ничего объяснить.

И вся его строгость куда-то пропала, и наша боязнь, мы перестали обращать на него внимание и как-то, само собой, он с этим смирился. Из этой комической истории я извлек урок, который пригодился мне на всю оставшуюся жизнь: «в основе авторитета лежит знание дела». И этот урок очень мне пригодился.

Второй случай, комический по существу, произошел на практических занятиях по мореходной астрономии. Руководителем практики был офицер, фамилию которого я, к сожалению, не помню, который имел из-за своих больших габаритов прозвище Большой Тютерс (это название одного из островов в Финском заливе: есть Большой Тютерс и Малый Тютерс). Практическая работа, которая проходила под его руководством, состояла в определении места (т.е. широты и долготы) корабля по звездам. Мы стояли на якоре и фактическое место корабля

знали достаточно точно.

Преподавателя с нами не оказалось, выходить на палубу и работать с секстантом было лень и мы стали решать задачу обратным ходом: не от выбора звезд, измерения их координат секстантом, с последующим определением места корабля через вычисления, а наоборот вычисляя от координат корабля к координатам звезд, выбранных по звездному глобусу.

Математически обратные вычисления были не стандартными и были сложнее, чем прямые, но задача была решена.

Пришел Тютерс, проверил и сказал, что все правильно. Но затем пригласил нас на верхний мостик и оказалось, что все небо покрыто облаками и ни одной звезды не видно. Посмеялись, но оценки он не снизил. Сказал: «Раз вы решили обратную задачу, значит дело знаете».

Плавание на крейсере «Киров» заняло примерно месяц. Обратно в Ленинград мы вернулись по железной дороге.

На Валааме. После краткого отдыха мы отправились на речном пароходе на остров Валаам на Ладожском озере. Сравнительно недавно закончилась Финская война. Монахи Валаамского монастыря покинули его, спасаясь от Советской власти, монастырь был передан Военно-Морскому флоту под учебную базу.

Формально мы прибыли на Валаам для практики по морской тактике на катерах, изображавших военные корабли. На каждый катер высаживалась группа курсантов, отображающая группу офицеров и матросов, осуществляющих управление кораблем, и катера проводили различные эволюции при совместном и одиночном плавании. Этим мы и занимались около трех недель.

Параллельно мы выполняли и вторую, может быть более важную и, во всяком случае, более трудоемкую и интересную задачу – освоение Валаамского монастыря.

Впервые нам пришлось вникнуть в монастырское хозяйство, в экономику монастырской жизни и надо сказать мы были удивлены, чтобы не сказать больше, универсальностью, сложностью и слаженностью этой жизни, трудолюбием мона-

хов и послушников.

Меня выделили в библиотечную команду, задачей которой было очистить библиотеку от вредной религиозной и «белогвардейской» литературы.

В процессе «очистки» мы впервые ознакомились с произведениями Бунина, Мережковского, Гиппиус, Теффи и других хотя и известных, но запрещенных писателей. Это чтение не обеднило наши головы, но породило ряд вопросов. Были, конечно, в монастырской библиотеке и довольно злые антисоветские книги, но нужно сказать, что в них было больше злобы, чем убедительности. Коммунизм очень красивая теория, но теория эта – сказка, к сожалению практически нереализуемая, несущая колоссальные жертвы и вырождение идеалов.

В сентябре мы вернулись в училище и получили очередной отпуск. Естественно, я снова поехал домой в Киев. Две недели провел дома у родителей, а на две недели поехал в г.Сумы, где проходила студенческую практику моя жена Галя.

Выпускной курс. Сталинский стипендиат. К 1 октября вернулся в училище на четвертый последний выпускной курс. Нужно отметить, что иерархия курсов в Училище выдерживалась строго и курсант выпускного курса был по-своему весьма уважаемым человеком и в Училище и в городе.

В личном плане меня ждали две приятные новости.

Во-первых, в связи с успехами в учебе Юрию Иванову и мне была присуждена Сталинская стипендия. Это был большой почет: нас было 4 человека из тысячи курсантов. (Интересно, что из 50 классов две стипендии, т.е. половина, пришлись на наш класс). В материальном плане это было очень большое поощрение: 1000 рублей в месяц против обычных 80 рублей. Материально я и много лет спустя так хорошо и беззаботно не жил. Конечно, я стал посылать нормальные деньги жене, что было важно для самоутверждения. И мы с Юрой Ивановым сводили весь класс в ресторан и постоянно были в роли кассы взаимопомощи.

Было еще одно комическое происшествие. Пошел я в воскресенье в Зал Революции посмотреть вечер и вдруг обнару-

жил, что являюсь объектом внимания большого числа местных девушек. В большом удивлении я с вечера сбежал. Назавтра все разъяснилось. В клубе оказались вывешены доступно для обозрения гостей фотографии Сталинских стипендиатов. С тех пор я стал проявлять осторожность.

Старшина роты. Вторая новость заключалась в том, что меня повысили в старшинском плане. Если в прошлом году я был командиром отделения на младшем курсе, то теперь стал на том же курсе старшиной роты, перепрыгнув через ступень. В моем ведении оказалось не 10 человек, а 100 и задачи совсем другие: не нянька, а организационный руководитель. И если командир отделения из меня был таки довольно посредственный, то старшиной роты я был, наверно, неплохой. Во всяком случае, мой командир роты старший лейтенант Щавелев довольно быстро понял, что можно в роте бывать лишь изредка.

Жил я теперь не в ротной казарме, а в отдельной старшинской комнате на двух человек вместе с другим ротным старшиной – Антоном Крыловым – неплохим и довольно остроумным парнем. Запомнился такой случай из нашей жизни. Идут послеобеденные занятия. После плотного обеда некоторых, в том числе и Антона, тянет в дрему. Преподаватель делает замечание: «Курсант Крылов не спите». «Разве это сон, товарищ преподаватель – отвечает Антон – это сплошное мучение».

С товарищами из своего класса я проводил время теперь только на лекциях, все остальное время отнимал младший курс.

В середине зимы меня приняли в кандидаты ВКП(б). Откровенно говоря, это событие рассматривалось тогда, как очередное поощрение – нас на курсе было примерно 5-10%. Это был, конечно, конформистский шаг с моей стороны. Понимание больших несправедливостей, царящих в стране – отдельно. Понимание того, «что все лучшие люди идут в партию» отдельно. Понимание того, что все руководители, в том числе офицеры должны быть в партии – отдельно.

И с такой двойной моралью жили очень и очень многие

люди, в том числе и я.

Занятия на четвертом курсе включали в себя, конечно, и навигацию и астрономию, и английский, но основной упор был на тактику, использование оружия, приборы управления огнем, корабельный устав, военно-морскую историю.

Последний предмет я очень любил, нашел дорогу с черного хода в книжный ларек Военно-Морской Академии, где покупал книги по истории первой мировой войны, Мехена и Коломба, английского историка Вильсона. У меня уже скопилась неплохая военно-морская библиотека. Историю первой мировой войны, точнее морской ее части я знал очень прилично.

1 мая 1941 года мы участвовали в параде на Красной Площади в Москве, чему предшествовала длительная подготовка. Прошел парад и мы с Юрой Ивановым пошли в увольнение погулять по Москве. Идем в сознании своего достоинства – в Ленинграде курсанты выпускного курса Морского училища самые лучшие женихи, уважаемые люди – и слышим реплику местных девиц: «Смотри сколько матросни поднаперло». Нас это не то, чтобы оскорбило, но удивило точно.

Войну на Западе, которая шла уже полным ходом, мы воспринимали весьма отстраненно.

Однако я помню, что после того, как 14 июня за неделю до начала войны, было опубликовано известное «опровержение ТАСС», в котором говорилось, что отношения между СССР и Германией самые нормальные, нас собрали и комиссар курса Горобец довольно ясно объяснил нам, что отношения то хорошие, но наше дело военное и нужно быть готовым ко всему. Я думаю, что это был отголосок, не скажу политики, но четкой линии Наркома ВМФ адмирала Н.И.Кузнецова на повышение готовности Флота, которая спасла флот от разгрома, от участи авиации, танковых частей и пехоты в начальный период войны.

13 июня у меня родился старший сын Алик. Но порадоваться и вообще осмыслить это событие я не успел – через неделю началась война. О своем восприятии войны и особенно ее первого периода напишу отдельно несколько позже.

В 12.00 22 июня мы слушали выступление В.М.Молотова. Помню его необычно взволнованные интонации.

В это время на нашем курсе начались государственные экзамены, после которых должна была иметь место корабельная практика в недавно введенном звании гардемарина и затем выпуск. Как отличник я имел право выбора флота и специальности и выбрал Черное море и специальность корабельного артиллериста. Последний выбор объяснить не могу до сих пор. Однако военное время, естественно, весь этот порядок перечеркнуло.

Наш класс в училище, 1940г.
Второй слева - А. Лифшиц.

Глава 5. На эсминце «Гремящий».

Практика во Владивостоке. «Университет» на гауптвахте. Маршрут: Владивосток – Москва – Архангельск – Полярное. На «Гремящем». Первые Северные конвои. Наш флагман В.А.Фокин. Командир корабля А.И.Гурин. Штурман и поэт Е.И.Ивашенко. Суровое Баренцево. Гибель «Эдинбурга». Трагедия «Сокрушительного». Отношения с союзниками. Беда пришла нежданно

Владивосток. 9 июля 1941 года - после 5 экзаменов из 11 – нас досрочно выпустили в звании лейтенантов. Наши две роты спецнабора разделили на две группы, примерно по 100 человек подводников и надводников и отправили на два месяца доучиваться: подводников во Владивосток, надводников в Астрахань. Я попал в подводники вместе с Юрой Ивановым. Путешествие на Дальний Восток заняло около 20 дней. Приехали мы во Владивосток около 10 августа и были отправлены в бухту Уллис на курсы усовершенствования подводного плавания.

Здесь мы провели два месяца за изучением устройства подводных лодок и особенностей их использования. Доучивали нас как штурманов подводных лодок. Учили достаточно хорошо, мы вникали во все детали. Война была не очень близко, связи с родными никакой, ни с родителями, ни с Галей.

Опишу один случай, который приключился со мной. Мы были уже офицеры и, начитавшись Соболева и Станюковича, очень гордились этим. Но, по сути, мы еще были курсантами – сплоченной сотней неопытных молодых парней. Меня назначили старшим всей этой группы.

Пошел я в парикмахерскую, занял очередь и жду. Подошла очередь, я направился к креслу, вдруг впереди меня возникает грузноватый офицер и садится в кресло. Я был оскорблен и стал спрашивать, почему он сел в кресло без очереди. Вместо ответа последовал довольно грубым тоном вопрос: «Фамилия?!» Я некоторое время еще «качал» права, но безрезультатно. Как оказалось, моим обидчиком был заместитель начальника курсов. На завтра был объявлен приказ, по которому меня сняли со старшин и отправили на пять суток

на гауптвахту. Это был единственный арест в моей жизни, но весьма и весьма поучительный и, как будет видно дальше, интересный.

Делать нечего, я собрал вещички, прихватил «Историю войны 1914-1918 г. на море» Вильсона и отправился во Владивосток на гарнизонную гауптвахту, где был принят и посажен в общую офицерскую камеру, в которой кроме меня было еще несколько человек. Прошло пару часов, открылась дверь и вошел начальник гауптвахты в сопровождении капитана второго ранга с несколькими орденами на кителе. Подали команду «Смирно», мы вскочили со своих мест. Капитан второго ранга строго осмотрел нас – арестантов, затем ткнул в меня пальцем и сказал: «Вот этот», после чего повернулся и вышел в сопровождении начальника гауптвахты. Мы – арестанты так ничего и не поняли.

Через час снова приходит начальник гауптвахты и объявляет, что меня переводят в другую камеру. Я собрал свои вещички и пошел за ним. Открывают дверь в другую камеру и я вижу там недавнего капитана второго ранга, как оказалось, сидящего тоже на гауптвахте. Для офицера в таком звании случай небывалый, крайне редкий. Оказывается, это был известный балтийский подводник, командир бригады подводных лодок на Балтике, отличившийся в Финской войне. Он на своем уровне сильно повздорил с Членом Военного Совета Флота и, в свою очередь, попал на гауптвахту, где его как редкого «почетного» гостя посадили отдельно. Сидеть одному ему было скучно и он попросил компаньона. Начальник гауптвахты повел его в общую камеру, где он и выбрал меня в качестве соседа. И вот я просидел с ним эти пять суток. Это был настоящий флотский университет. Он передавал мне – совершенно «зеленому» юнцу опыт корабельной службы, объяснял как себя вести в разных случаях, рассказывал о военных действиях на Балтике.

Пять суток пролетели как один миг – жалко было выходить. Такой вот случай – нарочно не придумаешь.

Прошло два месяца учебы на курсах. Естественно не спра-

шивая желания, нас, расписали по четырем флотам. У нас с Юрой Ивановым распределение было точно, как в известной песне:

«На Север поедет один из вас,
на Дальний Восток – другой».

Я попал на Северный Флот, Юра Иванов оставался на дальнем Востоке. Перед отъездом я оставил Юре всю свою библиотеку – большой и тяжелый чемодан, не до этого было.

Обратно мы ехали до Москвы дней 20 и от Москвы до Архангельска еще несколько дней. В Архангельск, а не в Мурманск мы ехали потому, что железная дорога на Мурманск была уже перерезана немцами где-то в Карелии, а ветка от Обь-Озерской до Кандалакши, соединявшая Мурманск с железнодорожной линией Москва – Архангельск еще не была построена.

Начиная с Урала, от Свердловска мы уже увидели весь ужас эвакуации, многократно описанный в литературе. Добавить мне тут нечего.

Приехали в Москву два ноября, через две недели после известного дня 16 октября.

Пошли в главный Штаб ВМФ. Нам дали места в общежитии, где-то на Арбате, талоны на питание и велели ждать несколько дней пока будут билеты на поезд в Архангельск.

Поразила нас пустая Москва.

Шестого ноября накануне знаменитого ноябрьского парада мы запаслись продуктами через коменданта и сели на поезд Москва-Архангельск. Накануне в Московском общежитии мы встретились с такой же группой своего выпуска, но «надводников», ехавшей, как и мы, в Архангельск, но после переподготовке в Астрахани. Конечно, мы обрадовались встрече и поехали вместе.

Поезд часто останавливался, дорогу бомбили немцы. И вот первая жертва нашего выпуска – оторвало ноги при бомбежке одному из нашей группы Лене Фролову и его сняли в госпиталь.

До этого времени мы воспринимали войну несколько от-

страненно. Будучи воспитаны Советской пропагандой, «малой кровью – могучим ударом» мы были уверены в победе и ситуацию первого периода войны воспринимали как чисто временные неудачи.

Но вот теперь, только после пустой Москвы, на пути в Архангельск, (а не в Мурманск) под бомбами немцев, мы стали осознавать реальную действительность и постепенно поняли какая смертельная опасность нависла над нашей страной.

Приехали в Архангельск, пошли к коменданту. Снова на 3 дня в общежитие, затем на госпитальном судне «Александр Герцен» перешли в Кандалакшу, оттуда на поезде в Мурманск, снова на корабль в Полярное. Пришли в отдел кадров Северного Флота и вот здесь первый раз с окончания училища спросили моего желания: «Вы полный отличник, Сталинский стипендиат. Где бы Вы хотели служить?» Я такого вопроса уже и не ожидал – не то время и не те обстоятельства.

Я задумался на некоторое, не очень большое время и ответил: «Если есть выбор, то я хотел бы плавать штурманом на надводных кораблях». «Что же, у Вас отличные документы – пойдете на эсминец «Гремящий». Нужно отметить, что «Гремящий» считался лучшим эсминцем флота. Кадровик действительно сделал все, как мог хорошо для меня.

Почему я после переподготовки к службе на подводных лодках попросился на надводные корабли? Думаю, что этому было две причины. Во-первых, вся или, точнее, почти вся военно-морская история, которую я так любил – к тому моменту – это была история надводного флота. Ее я понимал и к ней тянулся. Во-вторых, я с малых лет и до сих пор не люблю закрытых пространств, закрытых помещений, даже дверь в комнаты не люблю закрывать. И перспектива проводить много времени в закрытых отсеках подводной лодки не казалась мне достаточно привлекательной. Раньше выбора не было, но вот он появился и я выбрал. Выбор был на всю флотскую жизнь и я о нем не жалею.

«Гремящий». Итак, два декабря 1941 года я вступил на борт эскадренного миноносца «Гремящий» с предписанием о

назначении младшим штурманом.

Далее в своих воспоминаниях я постараюсь описать события военного времени через призму собственного восприятия, т.е. крайне субъективно и ограниченно: события, в которых мне довелось участвовать лично или которые происходили в моем непосредственном окружении. Эти строки предназначены для моих близких и в первую очередь для детей и внуков. Они не претендуют на большие и даже на не очень большие обобщения, но корабли и люди на них, окружавшие меня, были частью тех сил, которые вели войну и, в конечном счете, выиграли ее.

За период времени со второго декабря 1941 года и до 4 мая 1945 года я провел только один месяц вне корабельных боевых действий, так что со спокойной совестью могу считать себя действительным участником Отечественной войны.

Поскольку со времени окончания войны прошло много лет, мне и раньше приходилось описывать, а иногда и публиковать статьи и книги, полностью или частично посвященные событиям военного времени, представляется целесообразным включить в эти записки некоторые отрывки из упомянутых публикаций, хотя естественно, стиль последних не был личным и доверительным, подобно остальным материалам этих воспоминаний. Надеюсь, читатели простят мне эти литературные слабости, как, впрочем, и другие огрехи, которых достаточно много.

Эскадренный миноносец «Гремящий», на который я получил назначение, был весьма хорошим и современным боевым кораблем, впоследствии он стал единственным гвардейским эсминцем Северного Флота, а его командир Антон Иосифович Гурин получил звание Героя Советского Союза.

К нему то я и явился, придя на корабль с предписанием, и был направлен без особого знакомства к своему непосредственному начальнику корабельному штурману капитан-лейтенанту Емельяну Ивановичу Ивашенко. Он встретил меня, если не сказать приветливо, но и не плохо, отвел место для сна в штурманской рубке, отдал один из ящиков в своей

каюте под мои вещи, познакомил с командиром отделения рулевых старшиной второй статьи Пчелиным.

Затем меня отвели к старшему помощнику командира капитан-лейтенанту Васильеву, который велел изучать устройство корабля, поставил в очередь на дежурство по кораблю и показал место в кают-компании. Служба началась.

«Гремящий» этим утром перед моим приходом вернулся из боевого похода, в котором он участвовал в составе объединенной Англо-Советской эскадры. Отряд боевых кораблей в составе крейсера «Кения» под флагом английского адмирала Барроу и эскадренных миноносцев «Бедуин» и «Интрепид», а также советских эсминцев «Гремящий» и «Громкий» произвел поиск кораблей противника вдоль норвежского побережья до мыса Норд-Кап и обстрелял порт Вардё.

За ужином этот поход подробно обсуждался и так я сразу попал в гущу событий. Это был первый ужин в офицерской кают-компании. Столы были накрыты очень обильно: колбасы, ветчина, разные рыбные консервы, сыры, водка свободно наливаемая, шумная беседа по поводу деталей похода и совместного плавания с англичанами в составе объединенной эскадры – все это было очень интересно «зеленому» лейтенанту в первый же день офицерской службы. Хватило ума слушать и молчать, не встревая самому.

На другой день утром я достал корабельные документы и принялся изучать устройство корабля, одновременно изучал Северный морской театр, т.е. географию Баренцева моря. Забегая вперед, скажу, что устройство корабля я выучил детально, пригодился Владивостокский опыт, где устройство подводных лодок мы изучали досконально вплоть до расположения клапанов и вентилей на магистралях.

Спустя несколько дней, «Гремящий» вышел в море для сопровождения конвоя и я приступил к работе, как младший штурман.

Конвой. Но, прежде всего, нужно несколько слов сказать о Северных конвоях, точнее об условиях плавания в конвоях в Баренцевом море и Северной Атлантике.

Вот типичная, хотя и обобщенная картина из жизни, включенная в эти воспоминания из моей книги «Эскадренные миноносцы», изданной в 1964 году.

«……. Наш корабль идет в охранении транспортов, вышедших из портов Советского Союза. Уже несколько суток транспорты систематически атакуются подводными лодками и авиацией врага. Корабль и находящиеся на нем орудия, торпедные аппараты, глубинные бомбы, якоря и другие предметы покрылись толстой коркой льда. Свободная от вахты команда скалывает лед, чтобы оружие корабля в любой момент было готово к бою.Командир, офицеры, старшины и матросы находятся на своих постах. На мостике сигнальщики зорко всматриваются вдаль, чтобы своевременно обнаружить врага. Рулевой удерживает корабль на курсе, что очень трудно при сильной качке.

Курс корабля все время меняется, так как он идет зигзагом, чтобы затруднить атаку подводным лодкам противника.

В гидроакустической рубке вахтенный гидроакустик производит поиск вражеских подводных лодок в заданном секторе. Внимательно всматривается радиометрист в зеленоватый экран радиолокатора, чтобы обнаружить самолеты и корабли противника. Застыли на своих постах у пушек, торпедных аппаратов и глубинных бомб артиллеристы и минеры, готовые в любой момент пустить в ход свое оружие.

А внизу, в котельных и машинных отделениях, несут вахту матросы, старшины и офицеры электромеханической боевой части, обеспечивая кораблю заданный ход и курс. И если наверху люди находятся на ветру и холоде, то здесь, наоборот, жара и духота, которые усугубляются качкой корабля.

Этой напряженной деятельностью коллектива руководит вахтенный офицер, который обеспечивает слаженную работу команды и сам следит, чтобы корабль удерживал заданное место относительно ближайшего транспорта и в любой момент мог атаковать противника.

В такой напряженной обстановке корабль следует много дней и ночей, ни на минуту не ослабляя бдительности и на-

ходясь все время в полной боевой готовности. Над конвоем непрерывно кружат самолеты-разведчики противника. Они держатся вне пределов досягаемости корабельных орудий и доносят о месте и курсе конвоя.

Корабли находятся так далеко в море, что свои истребители не могут отогнать или уничтожить этих непрошенных гостей. Остается ждать, когда они наведут на конвой ударные самолеты или подводные лодки.

Но вот один из наблюдателей обнаруживает низко над горизонтом черную точку, за ней еще несколько. Это вражеские самолеты.

Получив доклад, вахтенный офицер играет боевую тревогу и поднимает сигнал, оповещающий другие корабли и транспорты о самолетах противника. Все корабли изготавливаются к бою. Между тем самолеты приближаются, они идут низко над водой. Очевидно, это торпедоносцы, которые хотят прорваться через охранение и выпустить торпеды по транспортам.

Когда они почти подходят на дистанцию артиллерийского огня, внезапно из-за облаков с другого направления появляются пикирующие бомбардировщики противника. Они устремляются как на транспорты, так и на эсминцы. Их задача – нанести первый удар, ослабить конвой и обеспечить прорыв торпедоносцев. Корабли открывают огонь по ним, одновременно огонь ведется и по торпедоносцам. Некоторые самолеты отворачивают, остальные продолжают пикировать, сбрасывая бомбы на корабли.

«Право на борт, самый полный ход», - командует командир.

Стремительно развернувшись, корабль уклоняется от бомб, ни на мгновение не прекращая огня по торпедоносцам. Вот один самолет загорается и падает в воду, за ним другой. Враг не выдерживает сосредоточенного огня всех кораблей. Строй самолетов нарушается и большинство из них отворачивает. Только несколько самолетов успевает прорваться и выпустить торпеды по транспортам. На отходе их сбивают эскадренные миноносцы, охраняющие конвой с другого борта.

Два транспорта сумели уклониться от торпед, а один, полу-

чив попадание торпеды, загорелся, накренился на левый борт и, объятый пламенем, начал отставать от конвоя.

Флагман приказал двум сторожевым кораблям оставаться около поврежденного судна, остальные продолжают путь.

Команды сторожевиков помогали транспорту тушить пожар, откачивать воду, заделывать пробоины.

Налет кончился, и командир нашего корабля приказывает доложить о потерях и повреждениях.

Во время налета пикирующих бомбардировщиков взрывной волной контузило несколько человек и осколками повредило зенитный автомат. Контуженным оказали помощь, на автомате заменили ствол. Поход продолжается.

Тем временем сумрачный «день» полярной ночи кончается и наступает темнота.

Несколько часов проходят без происшествий.

Внезапно за кормой нашего корабля возникает огненный столб и раздается грохот взрыва.

Что это – мина или торпеда? По радио сообщают, что идущий в кольце охранения английский фрегат получил попадание акустической торпеды с подводной лодки в кормовую часть. Корабль тонет. Двум кораблям приказано спасать команду. Выйдя из строя, они поворачивают к месту происшествия.

Между тем английский корабль начинает погружаться в воду. Команда покидает его. Люди плавают в ледяной воде или удерживаются на спасательных плотиках и подручных средствах. С кораблей подают концы, бросают спасательные круги и специальные сетки. Однако спастись нелегко. Тот, у кого не хватает сноровки и кто хватается за обледенелый конец руками, неизбежно соскальзывает и снова оказывается в воде. Наиболее опытные обвязывают себя концом, и их поднимают на борт.

Наконец, плавающие на воде подобраны, им оказывают медицинскую помощь. Корабли получают приказание начать поиск подводной лодки, атаковавшей конвой, и уничтожить ее.

Штурман производит расчет. Корабли ложатся на курс поиска. Со времени взрыва прошло полтора часа. Лодка не могла

далеко уйти. И действительно, через сорок минут с соседнего корабля сообщают, что акустик обнаружил подводную лодку. Через несколько минут и наш акустик доложил пеленг и дистанцию до противника. Вновь на корабле зазвенели колокола громкого боя: «Боевая тревога, атака подводной лодки». Необходимые расчеты произведены, глубинные бомбы сброшены. Однако враг хитер и сумел уклониться от них. Потребовалось несколько атак кораблей, чтобы уничтожить лодку.

Корабли легли на курс присоединения к конвою и с рассветом заняли свои места в ордере. За это время конвой подвергался еще двум атакам подводных лодок.

Так проходит день за днем в течение всего перехода конвоя.

Возвратившись в базу, пополнившись боезапасом и топливом, через сутки, а иногда и через несколько часов эскадренные миноносцы снова выходят для охранения нового конвоя….»

Вот встречать такой конвой PQ-6 мы и вышли. В первые годы конвои, идущие с запада в советские порты имели шифр PQ с порядковым номером, конвои же, идущие из России имели шифр QP.

Сразу оказалось, что у меня проблемы с морской болезнью. Скажу наперед, что я с этим успешно справился, но это было потом. А в первые выходы дело обстояло неважно. В курсантские годы пришлось немного поплавать на Черном море и на Балтике, но Баренцево море – это часть всемирного океана, и шторм или даже просто штормовая погода там – это совсем другое дело. И на качку накладывалась вибрация корабля, идущего большим ходом. Все вместе было довольно зло и резко.

До рвоты дело не доходило, но я просто переставал соображать, не мог сосредоточиться. И работать продуктивно не мог. Постепенно я стал привыкать к Баренцеву морю, хотя окончательно «победил» его позже и на другом корабле. Но об этом речь впереди.

Конечно, борьба с морем это были мои внутренние переживания и наружу я их не выставлял, не жаловался и работу не бросал, старался, как мог, не подавать виду.

Хуже было другое. Мой начальник, корабельный штурман Е.И. Ивашенко считался очень хорошим штурманом. Но свою квалификацию он держал при себе, не только не учил меня, но тщательно оберегал, скрывал свои профессиональные навыки от всех, в том числе и от меня. Ему нравилось показывать место корабля с хорошей точностью, но как он его получал, он стремился скрывать, нарабатывая репутацию кудесника и колдуна.

Меня это, конечно, огорчало, я пытался пробиться сквозь эту профессиональную броню, но тщетно. Правильных взаимоотношений не получалось и «куска» профессиональной работы он мне не давал. Он сам по себе, я сам по себе. Приходилось барахтаться самому и я старался, как мог.

Конечно, задним числом я понимаю, что у него были свои проблемы. Во-первых, «по совместительству» он был поэт, писал стихи и песни и в общем неплохо.

Забегая вперед, скажу, что известные песни «Прощайте, скалистые горы», «Песня о Гремящем»» и другие были написаны у него в каюте на моих глазах.

Во-вторых – явно способный офицер, он «засиделся» в корабельных штурманах. Уже пять лет, как окончил училище, и все еще был штурманом корабля, когда другие его товарищи, более удачливые, но не более способные уже были командирами кораблей.

В-третьих, он попивал и не мало.

А тут еще я свалился ему на голову. Флоту то я был нужен, а ему нисколько.

Другая проблема становления, которая существовала, это взаимоотношения с матросами. А матросы у нас в большинстве были призыва 37-38 гг.; к началу войны они уже служили по четвертому-пятому году, все свои обязанности знали на зубок, все умели, да еще в большинстве своем были старше меня по возрасту.

А я про себя знал, что я отличник, учился лучше других, много довольно знал и кроме того думал, что много умею. В действительности я много знал, в том числе и вещи нужные

даже для более высоких должностей, но умел то еще не очень много и главное думал, что все тоже знают, какой я умный, способный и трудолюбивый. Я считал, что раз я офицер, то все уже про меня само собой все это знают. Но не тут то было. Все еще надо было доказывать, многому учиться.

Никто в Училище с нами по этой важнейшей проблеме – общения с матросами не работал и опыта не передавал. Много не надо было бы, но несколько хороших бесед и мы были бы готовы.

Авторитет у матросов вместе с погонами не приходит. Только проявленные знания и умения в сочетании с уважительным отношением к матросской доле дают результат.

С другой стороны уважение к матросу, как к человеку и товарищу по совместной тяжелой и опасной работе, вещь необходимая, но оно никогда не должно переходить в панибратство.

Эти нехитрые, но важные для офицера мысли пришли ко мне постепенно и проблему взаимоотношения с матросами я решил хорошо, однако постепенно в течение примерно года или двух, но об этом я расскажу позже. Помог при этом спорт и мое, достаточно серьезное, отношение к работе.

Кроме корабельного штурмана – моего непосредственного начальника возникали у меня постепенно отношения и с другими офицерами.

В. А. Фокин. Эсминец «Гремящий» был флагманский корабль, на нем жил и часто ходил с нами в море командир дивизиона эсминцев капитан 1 ранга Виталий Алексеевич Фокин, впоследствии адмирал, командующий эскадрой Северного Флота, а еще позже командующий Тихоокеанским Флотом и начальник Морского Генерального Штаба.

Так вот пришли мы с похода, отоспались и на следующее утро меня вызывают к комдиву В.А. Фокину. Для лейтенанта это все равно, что к богу вызывают. Прихожу, оказывается, он разобрался с моими документами и хочет поговорить со мной «за лейтенантскую жизнь». Поговорили, поинтересовался проблемами моего устройства, вызвал интенданта и приказал выдать мне три новые простыни. Пусть молодой лейтенант

сошьет себе три рубашки, чтобы была смена.

Впоследствии пути наши пересекались неоднократно, особенно во время войны.

Виталий Алексеевич Фокин был человек неординарный и несколько теплых слов о нем необходимо сказать отдельно.

С начала своей корабельной службы с 1927 года он проявил исключительную любовь к морю, строгость, порядочность и справедливость. К 1938 году он был командиром дивизиона эсминцев.

В 1938 году его арестовали по обвинению в антисоветской деятельности, и он без каких-либо оснований почти два года провел в заключении. Приказом НКВМФ его уволили из ВМФ как осужденного Военной коллегией Верховного суда. Однако в 1940 году Виталия Алексеевича освободили, восстановив в ВМФ и в воинском звании, назначили вновь командиром ОДЭМ. В состав ОДЭМ вошли ЭМ «Гремящий», «Громкий», «Грозный», «Сокрушительный», «Стремительный», а также «Валериан Куйбышев», «Урицкий» и «Карл Либкнехт». В должности командира 1-го ОДЭМ В.А.Фокин встретил начало Великой Отечественной войны.

Виталий Алексеевич участвовал почти во всех боевых походах кораблей, его любимым местом был ходовой мостик или штурманская рубка, где велась прокладка движения на картах ,наносилась вся обстановка, имелся диванчик, где можно было некоторое время отдохнуть. Отличительной чертой Виталия Алексеевича была постоянная тренировка штурманских навыков. Находясь на корабле, он довольно часто лично определял место корабля и сличал его с данными корабельного штурмана, и часто его данные были более точными.

Несмотря на то, что шла война и у командира дивизиона хватало забот, он лично знакомился со всеми офицерами, прибывшими для службы на корабли дивизиона. Особенно его заботили молодые офицеры. Как правило, он вызывал к себе назначенного лейтенанта, знакомился, интересовался, как он окончил училище, какие имеет стремления, в чем чувствует

себя уверенным. Это знакомство запечатлевалось в памяти Виталия Алексеевича на всю жизнь – он помнил почти всех офицеров по фамилии, а многих – по имени и отчеству.

Офицеры знали В.А. Фокина как доброго, заботливого человека, но строгого начальника. Он мог «учинить шум» в штабе флота по поводу какого-то лейтенанта, но защитить офицера плавсостава. Многие считали его «отцом родным», несмотря на беспокойный характер и справедливую строгость.

На это сослуживцы отвечали ему глубоким уважением. У командующего флотом адмирала А.Г.Головко В.А.Фокин пользовался громадным авторитетом и любовью.

Зафиксирован такой эпизод. Комдив Фокин ходил на «Стремительном» на выполнение боевого задания. По возвращению с задания ЭМ по распоряжению штаба флота стал на якорь у Палагубского входа в Екатерининскую гавань и на якорной стоянке подвергся атаке 12 самолетов противника. В корабль попали три бомбы, он разломился и затонул. Многие погибли при взрыве, часть экипажа затонула с кораблем, более 100 человек плавали в районе гибели корабля. В том числе и комдив. Из Полярного были высланы катера для спасения личного состава и, по-видимому, было дано указание найти и поднять из воды комдива. Не случайно с катеров-спасателей слышались призывы: «Где Фокин?» А он плавал, несмотря на полученное ранение и давал команды на катера и шлюпки, кого надо спасать: прежде всего тех, кто ранен и выбивается из сил.

Сослуживцы отмечали его «острый глаз» – в сложных ситуациях он первым обнаруживал опасность, первым замечал мину или семафор с другого корабля.

В.А.Фокин, к нашему сожалению, по состоянию здоровья в середине 1942 года был переведен на должность начальника штаба Каспийской военной флотилии.

А. И. Гурин. С командиром корабля капитаном 3 ранга Антоном Иосифовичем Гуриным за время службы на «Гремящем» у меня никаких личных взаимоотношений не возникло: ни плохих, ни хороших. У него были свои заботы, у меня свои. Вообще, как я понимаю теперь, поскольку жизнь меня с ним

впоследствии не раз сталкивала, он был очень неглупый, знающий, способный офицер, но, по крайней мере, внешне по характеру, как говорят, был «рыба холодная».

У меня с ним был за полгода лишь один короткий разговор в конце послепоходного ужина, то есть когда он был слегка подвыпивши. Он сказал мне, очевидно предвидя ожидаемый перевод на повышение корабельного штурмана: «Пока Вы еще Ивашенко не замените». Естественно на тот момент он был прав – я был еще зелен: полуторамесячный опыт несравним с шестилетним. Но я и не претендовал, хотя одномоментно был огорчен.

Чтобы сгладить какой-никакой, но все же осадок от этого разговора, приведу еще один разговор с тем же А.И.Гуриным. Прошло два с половиной года – я был корабельным штурманом на эсминце «Разумный», а А.И. Гурин – командиром нашего дивизиона. Он меня вызвал и предложил должность дивизионного штурмана, то есть старшего штурмана на группу из 5 кораблей. Таким образом, я был реабилитирован, как специалист, но теперь уже я поблагодарил и отказался – хотел стать командиром корабля.

Деятельность Антона Иосифовича Гурина безусловно заслуживает отдельного рассказа, который я и привожу.

После окончания Училища в 1932 году и службы на подводных лодках его по личной просьбе в 1939 году назначили командиром ЭМ «Гремящий». Командиром корабля он был не стандартным. Перед каждым выходом в море обходил корабль, был в курсе состояния корабля и личного состава. Он был требовательным, но деликатным. Создавалась обстановка доброжелательности – команда уважала и любила Антона Иосифовича.

В период войны на самые сложные задания направлялся «Гремящий». С 23 июня 1941 года ЭМ стал участвовать в конвойных операциях. Когда 26 августа создалась критическая ситуация с проводкой плавбазы «Мария Ульянова», которая была торпедирована и подверглась налету авиации противника, на помощь вышли «Гремящий» и «Громкий». Корабли

не только успешно отразили несколько налетов авиации, не позволили разбомбить поврежденное судно, но и сбили два Ju-88. В течение 1941 года корабль участвовал в четырех операциях по постановке минных оборонительных заграждений.

Когда на Мурманском приморском направлении создалась критическая ситуация и было крайне необходимо остановить наступающего противника, командование шесть раз направляло «Гремящий» в Мотовский залив для артиллерийской поддержки приморских частей 14-й Армии Карельского фронта. Корабельные артиллеристы «Гремящего», «Громкого», «Сокрушительного» и «Грозного» внесли весомый вклад в срыв наступательных действий противника и заставили его перейти к обороне.

В 1941 году «Гремящий» выполнил 21 боевое задание .

В 1942 году нагрузка на ЭМ еще более возросла, увеличилось количество конвоев. Немецкие подводные лодки активизировали свою деятельность, противник перевел на север крупные корабли и значительно увеличил численность своих подводных лодок. «Гремящий» успешно выполнил более 30 боевых заданий, участвовал в эскортировании 26 конвоев. При отражении налетов авиации зенитчики сбили 6 самолетов, а при эскортировании судов союзного конвоя PQ-13 «Гремящий» 30 марта обнаружил внутри эскорта и потопил подводную лодку, U-585.

«Гремящий» был удостоен Гвардейского звания, а его командир А.И.Гурин стал Героем Советского Союза.

Когда Антон Иосифович стал комдивом, проявилась его вторая сторона – широкий кругозор, умение руководить командирами кораблей. Когда Гурин был командиром «Гремящего» он по своему интеллекту был на несколько голов выше своих товарищей-командиров. С одной стороны – обстоятельный хороший командир ЭМ, приведший корабль к гвардейскому званию. С другой стороны – его голова была полна идей, казалось, не имеющих отношения к должности. Он придумал совершенно новый корабль оригинальной конструкции, способный решать многие задачи ПВО и ПЛО.

Он любил искусство, классическую музыку, его можно было слушать в кают-компании за пианино, любил театр.

И вместе с тем А.И.Гурин был прекрасным моряком. Он не сидел на берегу – вымпел комдива переходил с корабля на корабль и постоянно находился в море. Командиры любили ходить с Гуриным. При нем на мостике царила атмосфера серьезности, комдив редко вмешивался в действия командиров, изредка в деликатной форме давал дельные советы. Он сам не терпел и другим не разрешал грубости, крика, создающих нервозность на мостике.

По окончании войны А.И. Гурин поступил в Академию, которую закончил в 1949 году и получил назначение НШ эскадры ЧФ, а затем командиром 20-й дивизии ЭМ СФ и 6-ой эскадры СФ.

Однако после аварийного столкновения двух кораблей он был снят с должности, перешел на службу в Военно-морскую Академию и больше на корабли не возвращался.

В Академии служба не сложилась по разным, в том числе и личным мотивам. Да и здоровье сильно пошатнулось – сказалось Баренцево море и беспокойная корабельная служба.

В личной жизни ему не везло. В годы войны от него ушла жена. Второй брак был более чем неудачным. Придя в Академию, он женился на молодой балерине театра оперетты. Ей муж адмирал и Герой Советского Союза был нужен, пока был здоров, а ушел на пенсию да еще тяжело заболел, такой ей и даром был не нужен. Она за ним и не ухаживала даже во время болезни, что также повлияло на сокращение его жизни. Пишу об этом, так как нас в Академии эта история возмутила до глубины души. К сожалению, проболев некоторое время, он скончался в сравнительно молодом возрасте.

Старпом. А.М. Васильев. Старший помощник командира капитан – лейтенант А.М. Васильев среднего уровня специалист, большой грубиян. Младшие офицеры, в том числе и я, достаточно натерпелись от него, часто безосновательно. И похоже, что он получал удовлетворение от травли молодых офицеров.

Из положительных качеств отмечу, что он единственный понимал быструю речь В.А. Фокина при порывах гнева последнего. Когда Виталий Алексеевич бывал недоволен, а это случалось очень часто, так как он был очень требователен, он начинал делать замечания в очень быстром темпе. А так как его никто не мог понять, он гневался еще больше и говорил еще быстрее, естественно снова безответно. Тогда он останавливался и более-менее внятно произносил: «Васильева на мостик!». Приходил Васильев и ситуация прояснялась.

Через много лет в 1955 году мы снова встретились с А.М. Васильевым на Балтике в Таллинне, но при диаметрально противоположных обстоятельствах. В то время я занимал должность заместителя начальника штаба Дивизии Крейсеров Балтийского Флота, а А.М. Васильев был командиром крейсера, который включили в нашу дивизию сразу после постройки для переподготовки и ввода в действующий флот.

Обстоятельства сложились так, что я был полностью у власти и Васильев очень, прямо таки неприлично, боялся, что я припомню ему все его проделки на «Гремящем», но я проявил характер и не стал его трогать, а тем более третировать как он нас когда-то. Достаточно было видеть его опасения.

Во время службы на «Гремящем», запомнилась еще одна интересная беседа с корабельном фельдшером – лейтенантом медслужбы Алексенко. Речь шла о том, как себя вести в коллективе.

Он говорил мне, что не нужно стремиться быть первым во всем, лучше быть середнячком, не высовываться. Я же был по природе активным и постоянно совался во все дела, куда только можно. И до тех пор, только один раз получил щелчок по носу: когда меня не переизбрали старостой 10 класса. Щелчок, впрочем, не очень болезненный. Урок я не усвоил.

Думаю, что и беседу с доктором я тоже не воспринял, как следует, хотя не прямо в лоб, но тут было о чем поразмышлять.

Но детские игры – это одно, а взрослая жизнь и ее уроки это совсем другое.

Шторм. Чтобы читатель мог лучше представить себе усло-

вия плавания в Баренцевом море и Северной Атлантике можно было бы привести много примеров, ограничусь двумя.

1 марта 1942 года после окончания проводки конвоя QP-8, следующего из Мурманска на Запад эсминцы «Гремящий» и «Громкий» попали в 8 бальный шторм от Норд-Оста.

Ураганный ветер и волны перекатывались не только через ют, но и через возвышенный полубак, палуба изгибалась, переборки трещали. Команде запретили выходить наверх.

В этих условиях командир «Гремящего» А.И.Гурин, воспользовавшись тем, что ветер был бакштаг, т.е. под углом с кормы, увеличил ход и «убежал» от разыгравшегося урагана. Корабль «стриг» волны, как клипер, и относительно благополучно пришел через сутки в базу, израсходовав на большом ходу почти все топливо, но корабль и экипаж были спасены. «Счастливо» вернувшись в базу после описанного шторма, залечив раны, мы через два дня вышли на встречу очередного конвоя PQ-12.

Другое решение принял командир «Громкого» С.П. Шевердяков. Он лег в дрейф, решив «переждать» непогоду. Волны обрушивались на корабль, покрывая его почти до мостика.

Несколько мощных ударов волн обрушились на полубак, верхняя палуба в районе 37 шпангоута потеряла прочность и появилась трещина. Кончилось топливо и корабль оказался в дрейфе в беспомощном состоянии, о чем командир донес в штаб флота. На помощь с линии дозора вышел тральщик Т-899, э/м «Грозный» и английские тральщики «Speedwell» и «Niger», спасательное судно «Память Руслана» и морской буксир. Через 3,5 часа «Громкий» был обнаружен и отбуксирован (еще через 9 часов) в бухту Порчниха, где ему перекачали топливо и в дальнейшем он вернулся в базу.

Такова цена морского искусства и такова цена излишней осторожности и недостатка решительности.

«Ижора». Уместно упомянуть здесь о трагической гибели советского лесовоза «Ижора» из конвоя QP-8, после проводов которого «Гремящий» и «Громкий» попали в описанный выше шторм. Мы оставили конвой 5 марта и вернулись в базу 6 мар-

та. Вскоре после нашего ухода от конвоя, «Ижора», будучи старым кораблем (да еще уголь оказался нехорош), отстала от конвоя и в одиночестве была обнаружена эсминцем немецкой эскадры «Фридрих Инн». Немецкая эскадра во главе с линкором «Тирпитц» вышла на перехват союзных конвоев PQ-12 и QP-8, которые вышли из Рейкьявика и Мурманска одновременно 1 марта. Обнаружив немецкие корабли «Ижора» немедленно сообщила об этом по радио на конвои, которые сразу после получения сигнала от «Ижоры» отвернули к северу и избежали встречи с немецкой эскадрой. «Ижора» была тут же потоплена немцами вместе с экипажем. Ценой своей гибели она спасла два конвоя от разгрома.

Гибель эсминца «Сокрушительный». Второй случай связан с трагической гибелью эсминца «Сокрушительный». Лидер «Баку» (под флагом командира БЭМ капитана 1 ранга П.И.Колчина), эсминцы «Сокрушительный» и «Разумный» 17 ноября 1942 года вышли в море на усиление эскорта уходящего из Архангельска в Англию союзного конвоя QP-15. «Разумный» из-за обнаруженной неисправности механизмов возвратился в базу. В море разыгрался шторм, достигший к утру 20 ноября ураганной силы. В условиях нулевой видимости корабли охранения потеряли друг друга, конвой распался, суда шли самостоятельно. Советские корабли с разрешения командира конвоя самостоятельно легли курсом на базу. На лидере «Баку» от ударов гигантских волн нарушилась герметичность обшивки корпуса, все носовые помещения до 29 шпангоута были затоплены, вода проникла в 2-е и 3-е котельные отделения, в действии остался только котел №1.Состояние корабля было критическим, крен достигал 40^0.

Личный состав во главе с командиром лидера «Баку» капитаном второго ранга Б.П. Беляевым вел отчаянную борьбу за непотопляемость корабля, и, не снижая скорости, лидер пришел в базу.

Командир «Сокрушительного» действовал не так решительно, как Б.П.Беляев. Он последовательно менял курс с 210^0 до 160^0 и постепенно сбавлял скорость, доведя ее до 5 узлов.

Огромные волны продолжали обрушиваться на корабль. На ЭМ безотказно работали все механизмы, имелся значительный запас топлива.

Однако 20 ноября в 14.30 лопнули листы настила верхней палубы в корме, между кормовой надстройкой и 4-м орудием. Треск от разрыва был слышен даже на ходовом мостике. Последовал обрыв обоих валопроводов и всей кормовой части, которая через 3 минуты затонула. Кормовые отсеки до кормовой переборки второй машины затопило. Корабль потерял ход, его развернуло лагом к волне с дифферентом на корму. С кормой затонули шестеро матросов.

После получения аварийного сигнала данного «по флоту» эсминцем «Сокрушительный», в море вышли из Кольского залива «Разумный» и «Валериан Куйбышев», а из Иоканьги – «Урицкий».

21 ноября в 17.55 «Разумный» обнаружил по радиопеленгу аварийный корабль, вскоре подошли «Валериан Куйбышев» и «Урицкий». Попытки взять аварийный корабль на буксир успеха не имели и стальные, и пеньковые буксирные тросы рвались как нитки. Командир 1-го ДЭМ капитан второго ранга С.К.Соколов принял решение снять личный состав с аварийного корабля.

Наиболее успешно действовал командир «Валериана Куйбышева» капитан-лейтенант П.М.Гончар. На «Валериан Куйбышев» по стальному тросу с помощью беседки эвакуировали более 70 человек. После обрыва троса эвакуацию осуществляли по воде с помощью спасательных кругов и троса проводника, а когда и эта переправа была разорвана, людей продолжали переправлять просто по воде с помощью пенькового троса. В общей сложности на «Валериан Куйбышев» сняли 179 человек (трое из которых были подняты без признаков жизни).

Работать команде ЭМ приходилось в условиях качки до 40^0, когда волны свободно перекатывались через верхнюю палубу. Четверо поднятых без сознания скончались на корабле, 175 человек были доставлены в госпиталь базы Полярное. Нуж-

но было обладать большим мужеством, сноровкой и морским мастерством, чтобы в жестокий шторм снять с аварийного корабля столь большое количество людей.

«Урицкий», сам находившийся в аварийном состоянии по причине прогиба вала, подошел к аварийному кораблю и снял 11 человек, из них двух – без признаков жизни. На «Разумный» перепрыгнул с полубака аварийного корабля один человек, второй не рассчитал, оказался за бортом и вскоре утонул. Таким образом, с «Сокрушительного» сняли 191 человека, из них пятерых – без признаков жизни.

Спасательные работы были прекращены, когда на корабле осталось 15 человек. Шторм усиливался, дальнейшие действия были сопряжены с гибелью людей и опасностью потери кораблей-спасателей, т.к. волны стали перекатываться через их верхние палубы. На кораблях-спасателях оставалось в обрез топлива, а до базы было около 500 миль, которые следовало пройти в штормовом море.

На «Сокрушительном» осталось 15 человек, в том числе два офицера: минер П. Р. Лекарев и политрук С.Т. Владимиров, двое сверхсрочнослужащих, два командира отделения и девять матросов. Об их судьбе ничего не известно до сих пор. Очевидно, «Сокрушительный» затонул вскоре после ухода эсминцев-спасателей.

Шторм продолжал бушевать еще несколько дней. По распоряжению командующего СФ к «Сокрушительному» вышли два тральщика РТ во главе с командиром бригады траления П.В.Панфиловым. Но они «Сокрушительного» уже не нашли.

Еще много дней поиск «Сокрушительного» вели тральщик Т-881, «СКР-31», подводная лодка «Л-22» и самолеты типа «ДБ-3Ф», однако безрезультатно.

В середине декабря 1942 года командующий СФ подписал приказ «Поиск «Сокрушительного» прекратить, корабль считать погибшим».

Служба на «Гремящем» продолжалась от конвоя до конвоя. Все их описывать не представляется целесообразным, но на некоторых я все же остановлюсь.

Гибель «Эдинбурга». 28 апреля мы вышли из Кольского залива для сопровождения конвоя QP-11. В паре с нами шел эсминец «Сокрушительный», о трагической судьбе которого мы уже говорили. Кроме нас в охранении конвоя шли 6 английских эсминцев, 4 корвета и 4 тральщика. 30 апреля к конвою присоединился английский крейсер «Эдинбург». Вскоре после этого конвой был обнаружен немецким самолетом разведчиком, который навел на нас немецкие подводные лодки. Две подводные лодки атаковали торпедами «Эдинбург» и достигли попадания двух торпед. Одна торпеда попала в центральную часть корабля, вторая в корму, оторвала рули и два винта с одной стороны, так что корабль мог идти под оставшимися двумя винтами, описывая медленную циркуляцию. Палуба в кормовой части загнулась наверх и кормовые орудия крейсера торчали сквозь нее.

Мы получили приказание охранять поврежденный крейсер совместно с «Сокрушительным» и двумя английскими эсминцами: «Форсайт» и «Форрестер».

Спустя некоторое время сквозь снежные заряды прорвались три немецких эсминца. Они устремились к раненому крейсеру «Эдинбург».

Мы совместно с «Сокрушительным» открыли по ним артиллерийский огонь, на одном из них возник пожар и немецкие корабли скрылись в снежных зарядах.

Затем мы продолжали кружить вокруг «Эдинбурга», охраняя его. На рассвете, израсходовав почти все топливо эсминцы «Гремящий» и «Сокрушительный» были отозваны в «Полярное» на заправку. На смену им пришел СКР «Рубин», морской буксир № 22 и четыре британских тральщика.

Картина медленно кружащего крейсера «Эдинбург», накренившегося на один борт с задранной палубой, сквозь которую торчат стволы орудийных башен, и циркулирующих вокруг кораблей охранения до сих пор стоит у меня перед глазами.

«Гремящий» и «Сокрушительный», развив максимально-возможный ход прибыли в Полярное, заправились топливом и снова вышли на рассвете на помощь «Эдинбургу». Вскоре,

однако, нас отозвали обратно.

Позже мы узнали, что отогнанные нами немецкие эсминцы возвратились к «Эдинбургу» и атаковали его. В бою один немецкий эсминец был потоплен, два других повреждены.

Однако и «Эдинбург», получив еще два торпедных попадания, был затоплен англичанами. Команда «Эдинбурга» была снята на «Рубин» и другие корабли охранения. Потери в личном составе крейсера составили 78 человек погибшими и 43 ранеными.

В то время мы не знали, что «Эдинбург» вез и специальный груз – русское золото, которое отправлялось союзникам в уплату за ленд-лиз. Через много лет это золото было поднято со дна англо-русской экспедицией.

Неожиданный удар. Постепенно я привык (хотя и не совсем) к морю и мог удовлетворительно работать: освоил радиомаяки и решение астрономических задач, постепенно врастал в кают-компанию и находил, хотя и не очень уверенно общий язык с матросами. И все складывалось более-менее нормально, пока замполит «Гремящего» капитан 3 ранга Рожков не узнал, что моя жена по национальности немка. После этого судьба моя круто изменилась. Замполиту нужен был только повод и он его нашел.

Как-то в кают-компании обсуждали очередную речь В.М.Молотова, где он в числе других вопросов осуждал плохое обращение немцев с нашими солдатами, попавшими в плен. В этом разговоре я сказал, что есть военнопленные, которые попали в плен в силу обстоятельств, словом выразил этим людям определенное сочувствие. Разговор перешел затем на другие темы.

На другой день я был вызван к замполиту, который предложил мне написать объяснение по поводу моих «сугубо вредных разговоров по вопросу сдачи в плен». Через день состоялось партийное бюро, на котором меня исключили из кандидатов в Члены ВКП(б) с такой же формулировкой. Конечно к политическому вопросу о пленных «прибавили» совершенно несправедливо, что и с профессиональными обязанностями я

не справляюсь и с матросами живу плохо и т.д. И не нашлось на корабле ни одного человека, который вступился бы за меня. По большому счету я был всем довольно безразличен. Слишком мало времени пробыл к тому времени на «Гремящем» и друзей еще не завел, да и замполита побаивались, понимая, что здесь подоплека политическая.

Думаю, что за меня мог бы вступиться командир дивизиона Виталий Алексеевич Фокин по общему душевному благородству и порядочности, но к этому времени его уже не было у нас. 28 февраля 1942 года он выбыл на Каспий начальником штаба Флотилии. С 18 марта у нас был уже новый командир дивизиона капитан 1 ранга Павел Иванович Колчин.

Со мной, конечно, поступили подло, исказили все что можно, но нужно учесть время, когда это случилось. Был март 1942 года, а тут жена немка.

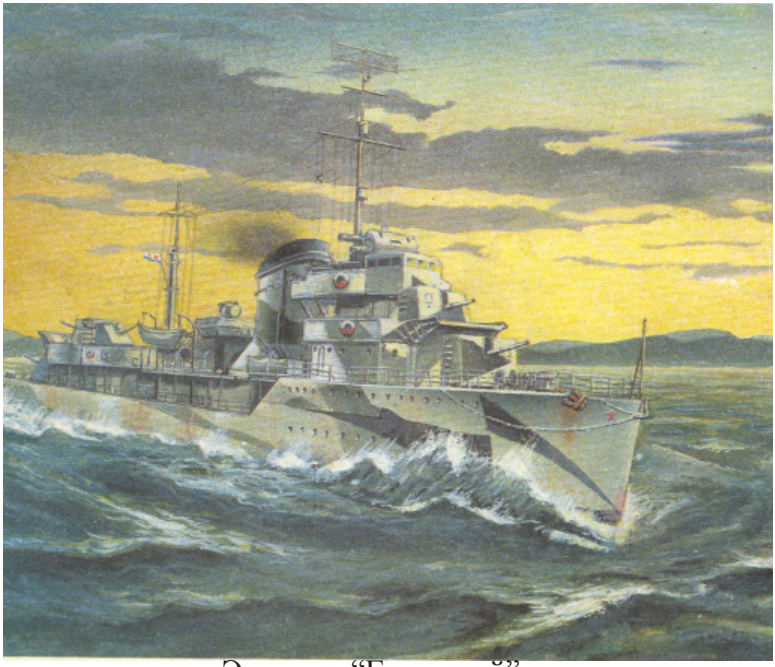
Конечно, меня списали бы с «Гремящего» очень быстро после заседания партбюро. Однако в это время заболел Е.И. Ивашенко и нужно было выходить в очередной конвой. Без штурмана идти нельзя и меня оставили.

Весь поход я впервые работал штурманом один и с работой справился нормально. И тот же замполит, который устроил со мной это подлое дело, как ни в чем не бывало, неоднократно заходил в штурманскую рубку, ободрял меня, намекая на то, что если вернемся благополучно в базу, решение относительно меня может быть пересмотрено.

Но вот мы вернулись и, конечно, все намеки были забыты. Как только Е.И. Ивашенко выздоровел, меня списали во флотский экипаж в поселок Роста под Мурманском.

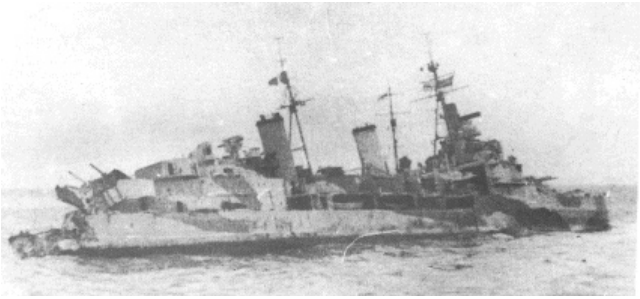
Г.П. Васильев.

А.И. Гурин.

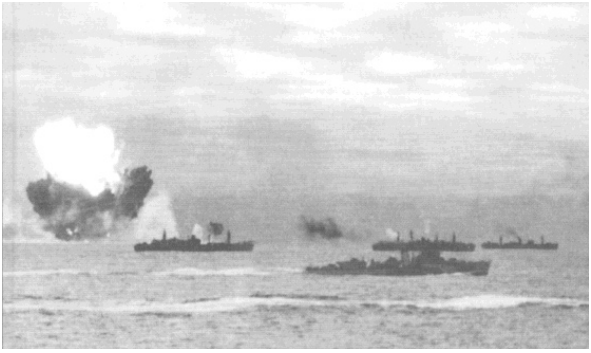


Эсминец “Гремящий”.

Ю.В. Иванов.



Гибель крейсера “Эдинбург”.



Полярный конвой.

Глава 6. Штурман СКР-32.

Во флотском экипаже. Флагманский штурман А.Е.Пастухов. Сторожевой корабль из «рыбного» траулера. Экипаж. Наказание за доброту. В корабельном дозоре. На «немецком полигоне». Гибель «Тумана». Конец морской болезни. Северный морской театр. Конвой PQ-17. Спасение английских моряков. Конвой в Нарьян-Мар. Новый год с шампанским. Переписка с родными. Роль радиостворов в моей службе.

Во флотском экипаже. В экипаже меня назначили строевым командиром роты девушек, призыв которых в армию на должности радистов, телефонистов, медсестер, прачек и т.п. как раз начался в это время.

Делать нечего, в должность я вступил, с девушками нашел общий язык, оберегал их, как мог, от солдафонства, грубости и пошлости. И много позже в течение всей войны, когда мне нужно было дозвониться куда-нибудь по сложной сети флотских коммутаторов, стоило назвать свою фамилию, как соединение мне немедленно с радостью обеспечивалось. И спустя много лет мне довелось уже в Ленинграде встречать некоторых из этих «девушек» и они меня помнили добрым словом.

Удар, полученный мною, был очень силен, однако с ног он меня окончательно не сбил.

Нужно было держаться и я, подумав, написал письмо флагманскому штурману флота капитану 1 ранга А.Е. Пастухову, которого я тогда знал, а вернее слышал про него только по фамилии. В этом письме я изложил факты, особенно ни на что не жаловался, просил только вернуть меня на любой плавающий корабль. Конечно о настоящей подоплеке моего списания с «Гремящего», не было сказано ни слова. Как ни странно, письмо возымело действие. Через месяц в июне 1942 года я получил вызов отдела кадров и был назначен штурманом на брандвахтенное судно – «БС-3», вскоре переименованное в сторожевой корабль «СКР-32».

Флаг-штурман флота Е.А.Пастухов. Нужно сказать, что флаг-штурман флота оказывал мне неоднократную поддержку и помогал моему становлению как штурмана. Впоследствии

я познакомился с Александром Евгеньевичем и отчасти понял причины его заботы о невинно пострадавшем.

Окончив училище в 1928 году, Е.А.Пастухов к 1938 году был флагманским штурманом Северного флота. Он активно работал, много ходил в походы с кораблями, изучал театр, возможные места дислокации, особенности отдельных районов, погоду, течения и т.п.

Эта страсть сыграла с ним злую шутку. Когда в 1937 голу начались массовые аресты, был арестован командующий флотом К.И.Душенов и другие, арестовали и А.Е.Пастухова. Ему, предъявили обвинение в том, что он собирал слишком много сведений о Северном морском театре. Кто-то из следователей сказал как-то, что один человек не должен сосредотачивать в своей голове такого объема знаний.

В связи с арестом А.Е.Пастухова лишили воинского звания и отчислили из состава флота. Около двух лет шло следствие «по факту» антигосударственной деятельности А.Е.Пастухова, но поскольку фактов этой деятельности установить не удалось, его «освободили досрочно» решением коллегии ОГПУ. Вскоре он был вновь назначен на должность флагманского штурмана штаба флота. В этой должности Александр Евгеньевич встретил Великую Отечественную войну, успев проделать огромную работу по созданию штурманской службы на мобилизованных кораблях Севрыбтреста и Северного морского пароходства.

Естественно, что произошедшая с ним личная драма оставила в нем навсегда сочувствие к людям, страдавшим по политическим мотивам. В частности это отразилось и на моей судьбе.

Сторожевик из «рыбаков». Итак брандвахта. Можете себе представить разницу: лучший эсминец Северного флота и брандвахта. Но я был доволен. Это был корабль, и кончилась неопределенность, я снова нормальный участник войны.

Итак, я прибыл на «БС-3». Корабль представлял собой рыболовный траулер, с которого даже не было снято рыболовное оборудование. В качестве вооружения он имел два 45 мм зенитных орудия и глубинные бомбы. Последние, кстати го-

воря, было небезопасно сбрасывать на подводные лодки, т.к. имея скорость хода 8-9 узлов, корабль мог не успеть отойти от места взрыва бомб на безопасное расстояние. Навигационное оборудование – магнитный компас и тросовый лаг. Правда, оставался секстан и радиопеленгатор. Машина паровая, на угольном котле.

Как оказалось, вся команда состояла из мобилизованных рыбаков, а офицеры, начиная с капитана – из тралового или торгового флота. Кадровым офицером на корабле я был единственным.

Основная деятельность корабля состояла в несении дозора на внешних подступах к главной базе Северного Флота – Кольскому заливу. Корабль ходил по одному из установленных маршрутов в течение двух недель, потом возвращался на несколько дней в базу на пополнение запасов.

Вот на этом то корабле я раз и навсегда покончил с морской болезнью, т.к. в море находился значительно дольше, чем в базе.

В промежутках между дозорами корабль выполнял различные разовые задания, связанные часто с заходом в такие места, о которых на миноносцах и понятия не имели. Поэтому за время службы на «СКР-32» я основательно изучил морской театр.

Забегая вперед, скажу, что, когда я вернулся на эскадренные миноносцы, то знал морской театр значительно лучше большинства других офицеров, в том числе и штурманов.

Что касается боевых действий по-существу, то нам приходилось постоянно отбиваться от немецких самолетов-бомбардировщиков. Если только немецкому самолету не удавалось сбросить бомбы на заданную цель в главной базе, он при возвращении к себе на аэродром, пролетал над линией дозора, и цель – дозорный корабль была всегда на месте. Но мы, в общем, успешно отбивались своими пушечками и маневрами. Остались целы. Но несколько других дозорных кораблей, в том числе наш собрат «СКР-31» погибли в аналогичной ситуации.

Дважды приходилось встречаться с немецкими подводными лодками, но таранить их мы, естественно, не успевали, действовали артиллерией и глубинными бомбами.

Иногда дозорные корабли подвергались серьезной опасности и от немецких подводных лодок или надводных кораблей. Характерный трагический случай произошел с дозорным кораблем, точно таким же, как наш, тральщиком «Туман». Привожу описание этой трагедии по журналу «Тайфун».

Гибель «Тумана». Сторожевой корабль «Туман» – мобилизованный рыболовный траулер вступил в дозор на линию мыс. Цып-Наволок – меридиан Кильдин Вест.

В 03 часа 40 минут 10 августа, т.е. на седьмые сутки вахтенный командир Л.А.Рыбаков на дистанции 80-90 кабельтовых, обнаружил три эскадренных миноносца типа «Фон Редер». Эсминцы шли строем клина курсом юго-запад, медленно сближаясь с дозорным кораблем. «Туман» отвернул влево и увеличил ход с расчетом отойти под прикрытие береговых батарей. На корабле сыграли боевую тревогу. В адрес оперативного дежурного Северного флота направили донесение. Заметив маневр уклонения нашего корабля, германские эсминцы увеличили ход и с дистанции 50 кабельтовых открыли огонь двумя орудиями с каждого корабля. Снаряды первого залпа упали с перелетом, перебив сигнальные фалы и антенну, сторожевик лишился связи. «Туман» повернул вправо, и на нем начали ставить дымовую завесу, пытаясь прикрыть ею отход корабля.

Второй залп лег с недолетом, после чего противник перешел на поражение. Корабельная аварийная группа бросилась заделывать пробоины, через которые поступала вода. Запустили все водооткачивающие и осушительные средства и начали заводить пластырь. Третий залп попал в корму и вызвал самые тяжелые разрушения и гибель многих людей.
Воздушный волной сбросило за борт командира корабля – найти его впоследствии так и не удалось. На правом крыле мостика осколком в голову был убит комиссар корабля. На корме возник пожар, осколками пробило бочку с дымообра-

зующим веществом, перебило штуртрос, рулевое управление вышло из строя. Эсминцы противника вели артиллерийский огонь 13 минут и до 4ч.55мин. сделали до десятка шестиорудийных залпов. «Туман» получил около 10 прямых попаданий. Снаряды насквозь прошивали корпус корабля, рвались в котельном отделении, в надстройке, на полубаке, снесли дымовую трубу, разбили грузовую стрелу. Лишенный управления, сторожевой корабль потерял ход. Ответного арт-огня «Туман» вести не мог, так как носовое орудие находилось вне сектора обстрела, а кормовое вышло из строя после первых же залпов противника. Мы не говорим о том, какой ущерб могла бы причинить 45 мм пушка по сравнению с 15ю 127мм орудиями противника.

Экипаж «Тумана» – небольшого, тихоходного и слабо вооруженного корабля в этих условиях не проявил растерянности. Все делали свое дело. В огне пожара на корме и в настройке, среди рвущихся снарядов матросы сбросили за борт все горевшие артиллерийские боеприпасы и глубинные бомбы. Кочегары, машинисты и электрики в машинном и котельном отделениях продолжали нести вахту, обеспечивая работу механизмов и ведя борьбу с поступающей водой. Аварийная команда пыталась завести под пробоины пластырь. Однако большая часть аварийной группы была убита или ранена и ее действия оказались безуспешными. Вскоре пластырь был снесен разорвавшимся снарядом.

К 5ч.15мин. сторожевой корабль имел крен 15^0 на правый борт. Оставшийся в живых личный состав не покидал корабля до тех пор, пока «Туман» не лег правым бортом на воду.

Лейтенант Л.А.Рыбаков приказал спустить на воду шлюпки, пробоины в которых забили бушлатами и бескозырками. В первую очередь в шлюпки перенесли раненых.

По команде лейтенанта Л.А.Рыбакова экипаж покинул гибнущий корабль. Сам Рыбаков, оставив корабль последним, приказал гребцам подбирать плавающих людей и лишь после того, как все находившиеся в воде были подобраны, сел в шлюпку.

В 5ч.50мин. сторожевой корабль «Туман» затонул. Оставшихся в живых членов экипажа вскоре подобрали подоспевшие морские охотники.

В 5ч.08мин. с опозданием наши береговые батареи открыли огонь по немецким кораблям.

После первого же залпа эсминцы противника резко отвернули вправо и со скоростью около 36 узлов, прикрываясь дымовой завесой, начали отходить за пределы дальности огня береговых батарей. Высланная вдогонку за немцами авиация Северного флота обнаружила и атаковала, уходившие в норвежские порты вражеские корабли и повредила один эсминец «Рихард Байцен».

В другой раз авиация противника утопила своими бомбами дозорный сторожевой корабль «СКР-31».

Это все происходило там же и в тех же условиях, где в течение многих недель нес дозорную службу наш «СКР-32». Но война есть война. Кто-то гибнет, а кто-то в такой же обстановке остается в живых. И нашему экипажу повезло.

Мы видим здесь одну из особенностей войны на море, отличие в судьбах сухопутных и морских участников войны.

На суше в самых кровавых сражениях судьба каждого участника битвы своя личная. Кто-то может погибнуть или получить рану, а кто-то выживает. На море все зависит от судьбы корабля. Если корабль тонет, гибнет, как правило, вся команда или ее большинство. Наоборот, если корабль остается на плаву, то большая часть или даже весь экипаж выживает.

Нашему «СКР-32», а значит и нам, его экипажу, повезло: и корабль, и экипаж остались целы.

Но возвращаюсь к описанию корабля, куда я получил назначение – к «СКР-32».

На корабле было, не считая замполита и механика, 4 офицера: командир, помощник командира, артиллерист и штурман. Кроме меня – штурмана, все 3 остальных офицера были мобилизованными капитанами торгового флота. При этом самым опытным из них был не командир корабля, капитан 3 ранга В.Кондратьев, а артиллерист старший лейтенант Г.П.Бойко.

Штурманом я был номинальным - в базе. В море 3 офицера: помощник командира, артиллерист и штурман несли вахту на мостике по 8 часов в сутки, две вахты по 4 часа. И все остальные офицеры, конечно, были опытнее меня.

Однако помню случай, когда не в мою вахту нашел густой туман, то мой сосед по каюте – артиллерист Г.П.Бойко посоветовал мне быть на мостике: «Случись что, и с тебя спросят, как со штурмана». Конечно, я его послушал.

Спасение моряков с конвоя «РО-17». Однажды, это было 13 июля 1942 года, наш корабль находился во внешнем дозоре на подступах к Кольскому заливу – главной базе Северного флота. Погода была на редкость хорошая: штиль, солнце. Внезапно на мостике появился шифровальщик с телеграммой. Командир корабля капитан 3 ранга В.Кондратьев прочитал телеграмму, передал ее мне и приказал – «Штурман – проложите курс». Телеграмма гласила «Командиру «СКР-32». Наша ПЛ К-22 при выходе на позицию обнаружила в точке Ш $70^0$15'; Д $34^0$50' спасательный бот с большим количеством моряков, терпящих бедствие. Найти бот, спасти людей. Командующий флотом».

Точка с координатами, упомянутыми в телеграмме, отстояла от места СКР-32 примерно на 30 миль к северу, немногим более трех часов хода для мобилизованного рыболовного траулера, весьма тихоходного.

Корабль лег на рассчитанный курс и, действительно, через три с небольшим часа обнаружил в указанном районе довольно большой спасательный бот, полный замерзающих людей, всего около 50 человек, которые, как оказалось, провели в Баренцевом море несколько суток. Некоторые были в бессознательном состоянии. Всех их подняли на борт, напоили спиртом, переодели, отогрели. Корабль взял курс на Полярное.

Спасенные оказались моряками с торпедированного еще 5 июля транспорта «Bolton Castle», который входил в состав конвоя PQ-17, следовавшего с запада в Советские порты Мурманск и Архангельск.

Отогревшись, спасенные заговорили и рассказали свою тя-

желую историю. К нашей радости оказалось, что среди них было и 6 русских моряков, которые пережили трагедию гибели дважды. За месяц до этого они шли на русском транспорте из Архангельска в Англию. Корабль был атакован немецкой авиацией и потоплен. Часть команды, примерно 18-20 человек, спаслась и была доставлена в Исландию в Рейкьявик, где их поместили в госпиталь. Затем их отправили обратно в Россию на борту «Bolton Castle». И снова гибель корабля, после которой их осталось всего шестеро. Вдобавок находясь в полусознательном состоянии, они сразу не смогли правильно сориентироваться, боялись, что попали в руки противника.

И лишь спустя 5-6 часов, опознав русскую речь, рассказали свою историю.

Лично в нашу каюту мой сосед пригласил старпома «Bolton Castle». Выпив спирта, переодевшись в мой китель и брюки, он сел и написал письмо, подтверждающее спасение нами экипажа «Bolton Castle». Долгое время я это письмо хранил, но потом в житейских передрягах 1952-53 гг. уничтожил с другими документами. А жаль, конечно.

Еще один скорее трагикомический случай. На борт, среди других был принят молодой малаец, одетый только в большой шарф и одеяло. Переодевшись в мое рабочее платье, он настоял, чтобы я взял на память его шарф. Шарф этот я любил и носил потом лет двадцать.

Тем временем «СКР-32» пришел в Полярное и все спасенные были помещены в Военно-Морской госпиталь, где получили необходимый уход и лечение, после чего все возвратились в строй. Иностранные моряки ушли на запад с очередным конвоем. Русские вошли в строй моряков торгового флота.

Команда «СКР-32» была удовлетворена тем, что участвовала в спасении хотя бы части из большого числа моряков, причастных к трагедии конвоя PQ-17.

Как выяснилось, наш корабль оказался небольшой частичкой большой трагедии конвоя PQ-17. И нужно рассказать об этой истории несколько подробнее. Кратко остановлюсь на ней из-за ее громадного резонанса в военно-морской истории

2-ой мировой войны.

Обстановка на советско-германском фронте к лету 1942 года была весьма трудной. Немецкие войска рвались к Волге, наша армия отступала, хотя и наносила противнику сильные удары.

Советские войска крайне нуждались в танках, самолетах, боеприпасах, а эвакуированная на восток промышленность, только набирала ход. Поэтому значение военных поставок союзников именно в то время было особенно велико.

Конвой PQ-17 вышел из Рейкьявика (Исландия) 27 июня в составе 35 транспортов и трех других судов. Транспорта везли в своих трюмах 297 самолетов, 594 танка, 4 246 автомобилей и более 150 000 тонн других грузов. В ближнем охранении конвоя находилось до 20 эсминцев, корветов и шлюпов. На расстоянии до 50 миль к юго-западу шел отряд ближнего прикрытия из 4 крейсеров.

Еще далее к западу в качестве дальнего прикрытия от атак тяжелых немецких надводных кораблей шли основные силы в составе двух английских линкоров, авианосца, двух крейсеров и 12 эсминцев.

На вероятных путях движения к конвою немецких надводных кораблей была выставлена завеса из 9 английских и 6 советских подводных лодок.

Немцы, в свою очередь, развернули на путях конвоя несколько завес подводных лодок, сосредоточили на аэродромах мощную группировку бомбардировочной и торпедоносной авиации и намеревались нанести удар по конвою эскадрой надводных кораблей в составе самого мощного в мире на то время линкора «Тирпиц», двух «карманных» линкоров и тяжелого крейсера «Хиппер». В случае прорыва этой группы к конвою, последний был бы обречен.

Следует отметить, что вообще безотносительно к конвоям английское руководство было заинтересовано в уничтожении «Тирпица» значительно больше, чем в судьбе одного, хотя бы и большого конвоя. И готово было заплатить за это, в том числе и ухудшением положения Советских армий.

Это обстоятельство и послужило в дальнейшем основной причиной трагедии конвоя PQ-17.

В период с 27 июня до второго июля конвой шел без потерь, хотя был обнаружен самолетами дальней разведки немцев. В период с 2 по 4 июля были потеряны три транспорта от атак немецкой авиации.

Английская разведка установила выход немецкой эскадры и первый лорд английского Адмиралтейства Дадли Паунд приказал английским эсминцам охранения конвоя покинуть его и идти на соединение с главными силами, а транспортам конвоя рассредоточиться и следовать самостоятельно в Советские порты. Этот приказ сыграл роковую роль в судьбе конвоя PQ-17.

Между тем вышедшая на перехват конвоя немецкая эскадра была атакована советской подводной лодкой и линкор «Тирпиц» получил повреждение от торпеды. Командир подводной лодки оповестил союзников о выходе немецкой эскадры, внезапность ее выхода была утеряна и немцы повернули обратно в базу.

Оставленные без охраны и предоставленные сами себе транспорта конвоя стали легкой добычей немецких подводных лодок и авиации. Из 34 транспортов конвоя лишь 11 дошли до русских портов. Погибли сотни матросов и офицеров.

В некоторых случаях команды успевали спастись на шлюпках, одну из которых и спас «СКР-32», что было описано выше. Несколько других шлюпок также подобрали русские корабли в море.

Спаслись от гибели 11 транспортов, которые ушли на север, частично вошли в лед, другие отправились севернее трассы к Новой Земле.

Корабли Северного Флота совершили много выходов для спасения союзных транспортов и их экипажей, блуждающих на шлюпках в ледяном океане. Самолеты Русской авиации вылетали на охрану рассеянных транспортов и сбили несколько немецких самолетов.

Таковыми оказались трагические результаты ошибочного

решения английского адмиралтейства.

«СКР-32 – эпизоды». Возвращаюсь к своей службе на СКР-3 2. Постепенно наш корабль выделился в лучшую сторону среди таких же мобилизованных судов и нам стали поручать более важные задания. Так, в октябре 1942 году нам поручили отконвоировать три транспорта из Кольского залива в Нарьян-Мар, расположенный на реке Печоре в 28 милях от ее устья. Мы с заданием справились и при этом дважды отбили атаки немецких лодок.

В Нарьян-Маре мы пришвартовались к причалу у берега Печоры так, что впереди нас оказалась баржа с заключенными и советская действительность, отодвинутая было войной на второй план, встала перед нами во всей красе. К тому же наш корабельный кот отправился на берег погулять, забрел на эту баржу. Заключенные отдавать его не захотели. Матросы кинулись отбивать кота. Возникла большая драка. Пришлось включить пожарные брандспойты и разливать всех водой. В ходе драки кот прибежал обратно на корабль. Во избежание недоразумений командир решил сменить место стоянки.

Вечером мы с артиллеристом пошли на берег. Нарьян-Мар был весь в огнях, работали магазины. После затемненного Мурманска это было приятное зрелище. Дело в том, что немецкие бомбардировщики сюда не долетали.

Увидели мы магазин и зашли внутрь. Смотрим полно товаров. Увидели шампанское. Не выдержали и спрашиваем: «Нельзя ли купить бутылку» будучи уверены, что нельзя, нужны карточки. Ответ был: «Платите 25 рублей». Заплатили, естественно, и с драгоценной ношей пошли к выходу. Дошли до дверей и остановились: что такое одна бутылка на 7 офицеров. Вернулись и снова спрашиваем: «Нельзя ли еще одну бутылку?» Снова лаконичный ответ: «Платите 25 рублей», - и вторая драгоценная бутылка в кармане. Выходим из магазина и нас снова обуяла жадность, мы опять возвращается к прилавку. «Что вы побираетесь по бутылке? - говорит продавщица – Возьмите ящик, раз вам надо». «А можно?» «Платите 300 рублей». И драгоценный груз на наших плечах. Таким обра-

зом, новый 1943 год мы, находясь в море, встречали с шампанским и я, будучи на вахте на мостике в море, тоже получил бокал - привет от капитана.

Кроме шампанского я купил на следующий день саамскую внешнюю меховую доху т.н. совик, который как колокол одевается мехом наружу (в отличие от внутренней дохи – малицы, которая одевается мехом внутрь на голое тело.) Мех этот абсолютно непромокаем и я думал стоять в нем вахту. Оказалось, что вахту стоять в нем в непогоду хорошо, но он меня по своей громоздкости выселил из каюты – или я или он. Пришлось подарить его дивизионному штурману старшему лейтенанту Лыскову, он его разрезал и повесил дома на стене, т.к. был семейный и имел квартиру с женой в Полярном.

Опишу еще несколько случаев, связанных со службой на СКР-32.

В июне 1942 года, а точнее 28 июня, вскоре после моего прихода на «СКР-32» мы пошли в Мурманск и стали к причалу в угольной гавани для погрузки угля. В это время немецкие бомбардировщики прорвались к городу и сбросили много зажигательных и фугасных бомб. Был сильный ветер и в основном деревянный город за несколько часов почти весь выгорел. Зрелище было ужасное. От последствий этого пожара город оправился только после войны.

Еще через месяц в конце июля мы снова стали там же под погрузку угля и я получил еще один урок из области управления матросами. Команду поочередно отпускали в увольнение в город до 24 часов. По корабельной жизни я штурман и формально в моем подчинении 7 человек – четверо рулевых и три радиста. Смотрю в списки увольняемых – в них отсутствует рулевой Шорохов – здоровенный черноволосый детина. Старшина рулевых объясняет мне, что Шорохова отпускать на берег нельзя, он обязательно напьется. «Что же его никогда не отпускают?» «Никогда» - отвечает старшина. Я решаю, что это несправедливо. Вызываю Шорохова – он клянется, что ни капли в рот не возьмет. Я иду к командиру и прошу его отпустить Шорохова под мое поручительство. «Вы человек молодой и

недостаточно опытный, на берег отпускать не следует» - говорит капитан. Я настаиваю. Капитан, человек по-существу штатский, в конце концов, соглашается. «Если Вы хотите получить жизненный урок, пусть идет Шорохов на берег». Я доволен, Шорохов еще больше, увольнение состоялось.

Наступило 24 часа, вся команда вернулась, Шорохова нет. Утром нам выходить в море. Вызывает меня командир и говорит: «Я Вас послушал и вот результат. Идите теперь в город и без Шорохова не возвращайтесь. Пистолет возьмите. Ночь на дворе, неровен час случится что». Одеваю пистолет и выхожу на причал. Где в большом городе искать этого непутевого пьяницу, понятия не имею.

Смотрю, какой-то дедок убирает причал, ночь то белая. Подхожу к нему и объясняю свою беду. «Может быть у Веркипортнихи» - задумчиво говорит дед и дает адрес. Иду на всякий случай по адресу, звоню с опаской – ведь второй час ночи. Но дверь открывается, меня ведут в комнату, там дым коромыслом, идет гулянка и, о счастье, мой Шорохов тоже тут. Видит меня, пьяная улыбка во весь рот, бежит ко мне с криком: «Наш лейтенант пришел, вот это человек». Тут я ему сказал все, что думал и велел идти со мной, утром уходить в море. «Хорошо – говорит Шорохов – но выпей со мной, тогда пойду, а, если не выпьешь, хоть застрели меня, не пойду». Я подумал и выпил. До сих пор не знаю, верно ли это было. Но не стрелять же в пьяного человека. После этого он еще покуражился и не сразу, а через еще какой-то притон, но пришел таки в четыре часа ночи со мной на корабль (именно он со мной, а не я с ним). Шорохова отправили в карцер под арест до отхода, а мне командир говорит: «Надо бы и Вас наказать, но я вижу, Вы уже получили сполна».

Прокурор, который разбирал поступки Шолохова, подробно объяснил мне, что раз я выпил с ним, то и сам могу быть зачислен в преступники, а мой сосед по каюте, самый опытный капитан на корабле сказал: «Правильно сделал, что выпил, привел матроса на корабль, спас от трибунала, и я бы так же поступил».

Урок я запомнил крепко, на всю жизнь.

Весной 1942 года мне удалось установить почтовую связь пока еще не с женой, а с родителями. Киев был под немцами, Харьков тоже, оставалась мамина старшая сестра тетя Маша, которая жила с моей бабушкой Верой Михайловной и дядей Давидом в Москве. Написал ей на всякий случай и к счастью получил ответ. Тетя была на месте, ответила мне, что бабушка месяц, как умерла, а мои родители и Эдя в Уфе и сообщила их адрес. Написал туда и, наконец, получил ответ. В Уфу они попали раздельно. Мама с сестрой, бросив в Киеве все что было, успели оставить город, причем по весьма необычному маршруту на пароходе до Днепропетровска, а оттуда по железной дороге с бесчисленными пересадками в Уфу – в мамин родной город. Отца в первые дни войны мобилизовали, но вскоре, учитывая 49 летний возраст снова демобилизовали и он, найдя семью в Уфе, приехал туда же. Что касается моей жены Гали, то отец написал мне, что перед уходом в Армию он посылал за ней специально автомобиль, чтобы забрать ее к моей маме и далее в эвакуацию, но она не поехала, ответила, что после родов, которые были за неделю до начала войны, болеет и ехать никуда не может. Таким образом, она осталась в оккупированной зоне вместе с сыном Аликом.

Я был, конечно, очень огорчен этим обстоятельством, но таковы были судьбы миллионов советских семей.

Понимая стесненные материальные обстоятельства моих родителей, я оформил денежный аттестат на имя моей сестры Эди, которая, окончив школу за несколько дней до начала войны, к этому времени, поступила во 2ой Московский медицинский институт, оказавшийся в эвакуации в Уфе. Оформление денежного аттестата на семью означало выдачу предписания на выплату определенной части денежного содержания офицера через военкомат его семье по месту ее жительства. И до конца войны какая-то поддержка Эде была обеспечена. Чтобы не возвращаться к финансовым делам, упомяну здесь, что я исправно получал офицерское жалование, и не маленькое, жил на всем готовом, тратить деньги было абсолютно не на

что и почти все деньги я сдавал в фонд обороны.

Возвращаюсь к плаваниям и жизни на «СКР-32».

На нашем корабле, как я уже упомянул ранее, в отличие от других, сохранилось тральное оборудование для ловли рыбы, а в команде было много опытных рыбаков, в том числе наш боцман - бывший тралмейстер. И когда командир считал возможным, игралась «тральная тревога», в управление кораблем вступал наш боцман-тралмейстер и часа через два мы выбирали трал, обычно полный трески. Это было, конечно, нарушение, но очень приятное. Все окружение наше, включая и командование, про эту ловлю рыбы, конечно, знало и, когда мы возвращались с моря, со всех соседних судов обычно к нам подгребали шлюпки за свежей рыбой. И штабу, естественно, тоже перепадало.

Однажды возвращаемся мы с моря, но без рыбы, не было случая забросить трал.

Все обычные потребители возвращаются к себе, не солоно хлебавши, а один говорит: «Что же делать, я рассчитывал на вашу рыбу и мне теперь нечем кормить команду».

Наш помощник командира и говорит ему: «Свежей рыбы у меня нет, но вот возьмите две бочки соленой рыбы, которую нам поставили интенданты, мы ее все равно не едим, если будем живы, наловим свежей». «Спасибо» - был ответ и соленая рыба «уплыла» от нас на соседний корабль, естественно без всякого бумажного оформления.

Через месяц пришла инспекция тыла флота и оштрафовала нашего капитана за нехватку двух бочек соленой рыбы, хотя мы поставляли на соседние корабли свежую рыбу тоннами.

Свежую рыбу мы всегда имели, даже когда не забрасывали трал. Стандартный метод был такой: завидев рыболовный сейнер, а небольшие суда лов рыбы в прибрежной зоне вели всегда и во время войны, капитан обычно говорил: «Ну, я пойду к себе в каюту, отдохну (вариант – поработаю над бумагами)». Вахтенный офицер все понимал, вызывал боцмана и шел на сближение с «рыбаком».

При подходе боцман размахивал бутылкой водки, а пони-

мавшие ситуацию рыбаки показывали большую рыбину.

Корабли на мгновение сближались и происходил обмен по таксе: один ящик трески – одна бутылка водки.

Через 30 минут капитан возвращался на мостик, а за обедом невинно спрашивал: «И откуда наш кок достает такую свежую хорошую рыбу?»

Осенью 1942 года наш корабль и еще один наш собрат «СКР-31» были переведены в дивизион сторожевых кораблей, где были три «настоящих» специальной военной постройки сторожевых корабля: «Смерч», «Гроза» и «Ураган», что, как выяснилось, потом оказалось важным для меня лично.

Летом 1942 года в Кольском заливе для облегчения довольно сложной, особенно в тумане и ночи, навигации оборудовали радиостворы. Я любил все новое и довольно быстро освоил плавание с их помощью.

Однажды мы находились в дозоре в зоне действия выходного радиоствора. Наши «дозорные» курсы неоднократно пересекали этот радиоствор примерно под прямым углом. Я произвел много замеров и определил, что осевая линия выходного створа проходит не посредине залива, как должно бы было быть, а отклонилось и проходит в опасной близости от западного берега. Я описал,все замеры и послал донесение флагманскому штурману флота. Недели через две получаю из Гидрографии очередное «Извещение мореплавателей», где весь мой опыт подробно описывается и добавляются рекомендации по плаванию.

Еще через неделю получаю письмо от флагманского штурмана флота Е.А. Пастухова с благодарностью за инициативу. Радиостворы сослужили мне еще одну службу.

Как-то осенью 1942 года мы возвращались из Мурманска к себе в базу в Тюва-губу, что в северной части Кольского Залива, после очередной угольной погрузки и мне захотелось проверить все четыре выходных радиоствора. Сигнализация радиостворов оказалась слышна на мостике и ее услышал командир нашего нового дивизиона капитан 3 ранга Н.И.Богданов, который шел с нами из Мурманска. Он впервые увидел, вернее

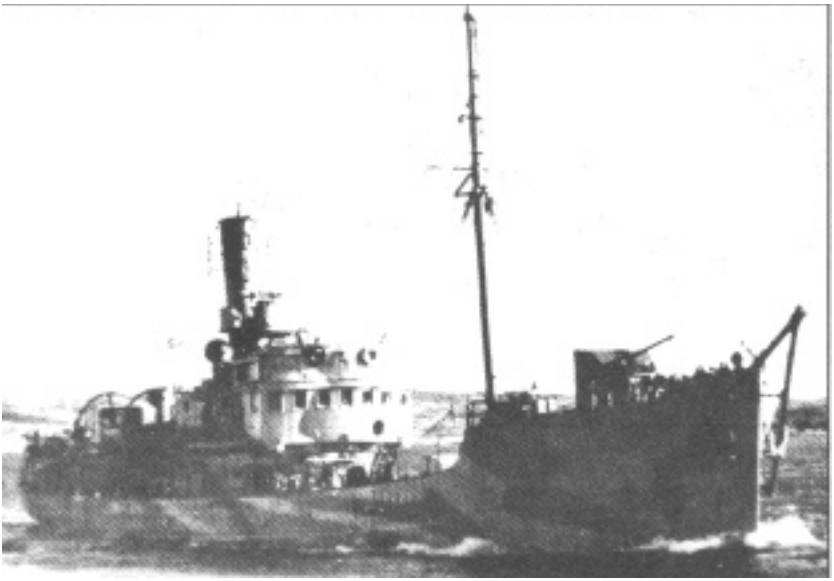
«услышал» систему радиостворов в действии, заинтересовался ею, велел вызвать на мостик всех вахтенных офицеров, чтобы они тоже ознакомились с системой. Меня он похвалил за любознательность, а, возможно, и запомнил. Это была наша первая встреча. Как оказалось, впоследствии нам пришлось довольно долго служить вместе в течение ряда лет.

В общем, моей работой на «СКР-32» командир был доволен, в коллектив я вписался, с офицерами и матросами ладил и замполит нашего корабля капитан-лейтенант Плотицин, который тоже ко мне неплохо относился, повез меня в политотдел соединения в надежде восстановить в партии, т.е. реабилитировать от взыскания. Там запросили политуправление флота и ответ был таков, чтобы я, если буду достоин, заново вступал кандидатом в члены ВКП(б). Это был лишь слегка замаскированный отказ.

Так прошел 1942 и наступил 1943 год. В феврале месяце пришел приказ вернуть наш тральщик в гражданское состояние вместе с командой, которая демобилизовывалась с флота, но оставалась на судне для лова рыбы.

Меня как единственного кадрового офицера перевели штурманом на сторожевой корабль «Ураган» нашего же дивизиона. Как оказалось, это назначение было сделано по предложению комдива Н.И.Богданова, который меня заполнил по эпизоду с радиостворами и, как только освободилось место штурмана на «настоящем» сторожевом корабле, настоял на моем назначении. Флагманский штурман флота Е.А.Пастухов его поддержал.

Сожженый Мурманск, июнь 1942г.



СКР - 32.

Отражение атаки немецкой авиации.

Глава 7. Штурман «Урагана».

Сторожевики «Плохой погоды». Ураган-малый миноносец. Занятия в гидрографии. Н.Ф. Гончар. Командир и друг Н. И. Богданов. Офицеры «для военного и для мирного времени». Лоцман у англичан. Снова конвои и противолодочная война. В центре «Орловских кошек». Новый год в Тюва губе. Пропавший орден. Реабилитация.

«Ураган» – малый миноносец. Итак, в марте 1943 года я пришел штурманом на СКР «Ураган». Еще один и существенный шаг к «возвращению в люди» был сделан. Сторожевой корабль «Ураган» принадлежал к типу так называемых «сторожевиков плохой погоды». Все они имели соответствующие названия: «Ураган», «Шторм», «Смерч» и т.д. Были они на всех флотах. Причем три из них, как упоминалось выше, оказались на Северном Флоте.

Это были первые корабли советской постройки и они имели кораблестроительный шифр «Проект 1». На постройке этих кораблей промышленность приобретала опыт, необходимый для последующей постройки эскадренных миноносцев типа «Гремящий».

По-существу это и были малые миноносцы. Все было как на «Гремящем», только в миниатюре. Не четыре пушки 130 мм калибра, а две 76 мм, не два торпедных аппарата 56 мм, а один калибра 45 мм и т.д.

У штурмана здесь был уже гирокомпас, эхолот и электромеханический лаг, специальный радиопеленгатор и т.д. И здесь я уже выступал как полноценный штурман.

К тому времени я уже набрался опыта и был, не считая командира, а иногда и считая его, реально наиболее умелым и опытным в штурманском отношении офицером.

Я уже неплохо знал морской театр, владел мореходной астрономией, радионавигацией, совершенно вылечился от морской болезни и имел, что очень важно, достаточный опыт совместной жизни, как с офицерами, так и с матросами.

Новым прибором для меня был гирокомпас «Сперри». Однако я достал руководство, внимательно изучил его и вместе

со штурманским электриком, сам себе организовал практические работы – словом овладел этим важнейшим, навигационным прибором. Знание техники впоследствии сослужило мне хорошую службу.

С целью еще лучшего освоения гирокомпаса я во время очередной стоянки у причалов Мурманского порта ходил в Гидрографию флота, где были действующие макеты электронавигационных приборов, в том числе и гирокомпаса. В процессе занятия в гидрографии я познакомился с начальником отдела гидронавигационных приборов капитан-лейтенантом Николаем Федотовичем Гончаром, в последствии флагманским штурманом бригады эскадренных миноносцев, а еще позже командующим Камчатской Флотилией. У нас сразу установились хорошие взаимоотношения на базе любви к технике. Оказалось, что потом это тоже пошло мне на пользу.

Командир и друг – Н.И. Богданов. К моменту моего прихода на «Ураган» обязанности командира временно выполнял уже знакомый нам командир дивизиона капитан 3 ранга Николай Иванович Богданов. Нельзя не сказать о нем несколько хороших слов.

Н.И. Богданов окончил училище в 1937 году и с начала войны был командиром СКР «Смерч». Он принимал самое активное участие в огневой поддержке сухопутных частей в обороне Мурманска. Н.И. Богданов был прирожденным воином, отважным офицером. Когда фашистские войска потеснили наши части к Западной Лице и создалась угроза форсирования этой водной преграды, (что открывало прямой путь на Полярное и Мурманск), Н.И. Богданов вошел на «Смерче» вглубь губы Западная Лица и открыл огонь прямой наводкой по наступающему противнику. Это был колоссальный риск – войти в залив, простреливаемый противником из пулеметов, минометов и полевых орудий. В этом и других боях Н.И. Богданов проявил себя офицером, обладавшим сильными волевыми качествами, личной храбростью.

В 1943 году Николая Ивановича назначили командиром дивизиона СКР. Корабли под его руководством беспрерывно

находились в море, проводили конвои, вели поиск ПЛ, высаживали десанты и поддерживали их огнем своей артиллерии. Он был на месте, дивизион СКР и ходовой мостик были его родной стихией, и подчас казалось – чем сложней обстановка, тем увереннее он себя чувствовал.

Н.И.Богданова назначают командиром ЭМ «Валериан Куйбышев». Под командованием Н.И. Богданова (с 4 сентября 1944 года до конца войны) ЭМ участвовал в эскортировании конвоев, встречал конвои союзников и сопровождал в Белое море их Архангельскую часть, ходил на поиск ПЛ противника. Имелся, правда, у Николая Ивановича и грешок – не упускал случая «заложить за галстук» – правда, не в боевой обстановке. После ЭМ «Куйбышев» он два года командовал Краснознаменным ЭМ «Грозный», затем стал командиром 3-го ДЭМ эскадры СФ. Здесь мы снова встретились и примерно год служили вместе, о чем я расскажу несколько позже. Однако завершилась Великая Отечественная война и закатилась звезда командира – боевого офицера Н.И. Богданова. В мирное время оказались невостребованными его беззаветная храбрость, мужество и стремление к достижению победы. Создалась другая обстановка – требовались другие качества. В рутине мирного времени Николай Иванович себя не нашел и начал сильно пить. Это его в конечном итоге погубило, т.к. в пьяном виде это был совсем другой человек: неуравновешенный, дерзкий, способный совершить тяжелый поступок.

Командование надеялось, что чувство долга поможет Николаю Ивановичу избавиться от пагубной привычки, но увы… На кораблях его держать стало невозможно, и в 1948 году Богданова назначают зам.начальника 3-го отдела штаба Беломорской флотилии.

Нельзя сказать, что его бросили и забыли. На флотилии он получил очередное воинское звание капитан второго ранга, его пытались лечить. Так продолжалось до конца 1950 года. В коне концов командование не выдержало и Н.И. Богданов 1951 году был уволен в запас. Он устроился работать капитаном портового буксира в Архангельске, но окончательно

спился, опустился и скончался в своей каюте. Так печально и трагично окончилась жизнь прекрасного моряка, отважного и опытного командира.

Вообще трагедия Н.И. Богданова не единична. Я знаю немало похожих судеб, иногда таких же трагичных, иногда менее, но главным, общим у всех было то, что это были люди подвига, а в рутине мирного времени, где нужна было повседневная однообразная работа, к тому же имели место различные интриги, а часто и подковерная дипломатия, они себя найти не могли и сходили с пути. Таковы были, например, командир знаменитой подводной лодки Северного флота «К-21» Н.А. Лунин, легендарный командир лидера «Ташкент» В.Н. Ерошенко, командир Черноморского эсминца Г.Ф. Годлевский, контр-адмирал И.Г. Святов и многие другие.

Вскоре после моего прихода к нам назначили штатного командира – капитана 3 ранга И.Г. Степаньяна. У меня с ним сложились тоже хорошие деловые отношения. Однако профессиональные качества его, в общем, оставляли желать лучшего. Управлять маневрами корабля он умел весьма посредственно и был достаточно легкомысленным человеком.

Особенно он проигрывал в моих глазах сравнительно с такими командирами как В.А.Фокин, А.И. Гурин или Н.И. Богданов, которых я видел в действии. Впрочем, судьба хранила его и недостатки не помешали ему в службе, особенно в мирное время. Году в 1960 я встретил его во Владивостоке в должности командира дивизии крейсеров.

Из офицеров «Урагана» упомяну двух: механика и артиллериста. На «Урагане» механиком был капитан-лейтенант Степан Григорьевич Бабенко. Это был уже опытный для своей должности офицер, до «Урагана» он служил младшим механиком на эсминце «Куйбышев» - одном из самых деятельных кораблей флота. Под его руководством механическая часть корабля работала очень надежно. И другим частям помогала, как будет видно из дальнейшего.

Артиллеристом на «Ураган» вскоре после моего прихода был назначен Иван Андреевич Холодный, мой товарищ по

учебе и выпуску из училища Фрунзе. Его приход меня очень обрадовал и мы проводили много времени вместе.

Упомяну здесь, как будто бы и не ко времени, что если летом 1943 года у нас был свободный час или два, мы с ним ходили на берег и играли в волейбол в компании нескольких старшин и матросов.

Боевая служба у «Урагана» была в основном двух видов.

Во-первых, перед каждым приходом и уходом союзного конвоя мы участвовали в поиске и уничтожении немецких подводных лодок в районе главной базы флота, т.е. на выходе из Кольского залива «чистили» район, при этом также сопровождали тральщики, которые тралили фарватеры и защищали их от подводных лодок и самолетов, которых хватало всегда.

Вообще нужно заметить, что борьба с налетами немецких самолетов проводилась постоянно. На всех кораблях, на которых мне довелось плавать во время войны, штурманская рубка соседствовала с зенитками, разница была только в том, что на «СКР-32» это были пулеметы, а на «Урагане» это были два, а на «Гремящем» – четыре 37 зенитных автомата.

Два-три налета в день, где бы корабль ни находился – это была норма. И налеты эти нередко заканчивались гибелью кораблей. Лишь во второй половине 1943 года – начале 1944 года наступил перелом, наша авиация стала сильнее немецкой и налеты на корабли в базах прекратились. В море же особенно вдали от берегов ситуация сохранилась.

Что касается борьбы с подводными лодками, то она велась жестко до последнего дня войны и сопровождалась ощутимыми потерями с обеих сторон.

Вторым делом корабля (по порядку изложения, а отнюдь не по важности или по затрачиваемому времени) было конвоирование транспортов. В промежутках между чистками района Кольского залива от подводных лодок мы сопровождали внутренние конвои, большей частью из Мурманска в Архангельск и обратно. Был, например, английский танкер «Бикон Хилл», который мы сопровождали раз десять.

Когда случались текущие ремонты корабля и я, как штур-

ман, бывал «свободен», то приходилось плавать «вывозным» или «ввозным» лоцманом на английских конвойных кораблях и транспортах.

При этом приходилось проводить на английском корабле каждый раз около суток. Лоцман – pilot – был очень уважаем и считался гостем командира корабля. Пришлось осваивать английский этикет, который существенно отличался от нашего. На мостике, на ходу все было ясно, а вот в кают-компании пришлось, во всяком случае, в первые разы во всю глядеть на соседей и подражать им.

Здесь впервые мне пригодился английский язык. Оказалось при этом, что разговорный английский у меня недостаточен. Постепенно он улучшился.

В центре «Орловских кошек». Однажды, осенью 1943 года мы получили приказ перейти из Кольского залива в Архангельск для конвоирования в обратном направлении упомянутого английского танкера «Бикон Хилл». Вышли из Кольского залива, по пути зашли в Иоканку, где отстоялись от шторма. Вместе с нами отстаивались эскадренные миноносцы «Гремящий» и «Громкий», которые должны были конвоировать на Новую Землю транспорт «Марина Раскова». Вышли мы из Иоканки примерно в одно и то же время около 19 часов. Упомяну здесь, что наши курсы после выхода из Иоканки должны были расходиться веером: курс «Урагана» правее вдоль побережья, курс миноносцев левее градусов на 20-25, в направлении на Новую Землю, а точнее в губу Белушью.

Шторм улегся, но видимость была неважной и берег, вдоль которого мы должны были идти, затянуло дымкой и туманом (как мне казалось). Внезапно часа через два мы оказались на видимости наших эсминцев «Гремящего» и «Громкого», чего не должно было бы быть. Командир конвоя А.И.Гурин очень строго приказал убраться из его зоны, что мы и сделали, отвернув вправо.

Однако мне стало ясно, что мы оказались не там, где должны были быть, а значительно мористее. Попробовал определиться по двум радиомаякам и мое предположение под-

твердилось. Однако определение по радиопеленгам можно считать достаточно надежным в открытом море, а не вблизи берегов. К тому же у меня «было» только два радиомаяка. А горло Белого моря изобилует опасностями: рифами и банками под общим названием «Орловские кошки».

Дальше идти было опасно и я предложил командиру стать на якорь до выяснения обстановки. Командир согласился, мы отдали якорь и командир ушел в каюту отдыхать. А я стал разбираться. Мне было ясно, что неисправен гирокомпас, но, поскольку, курсы показывались стабильно и при поворотах идентично менялись, я предположил, что не в порядке деталь компаса, которая называлась «константная поправка». Стали мы со штурманским электриком разбирать компас и довольно быстро обнаружили, что предположение было правильно, разломилась деталь – эксцентрик, обеспечивающий работу блока «константной поправки». Обратились к механику Степану Григорьевичу – он пообещал выточить деталь по образцу и немедленно включил в работу корабельных умельцев.

Тем временем тучи стали расходиться, появились на некоторый момент звезды, я успел взять секстаном высоты трех звезд и рассчитать наше место. Этому определению места можно было доверять. Все сходилось. Мы оказались не у западного берега горла Белого моря, где должны были быть, а в центре горла, милях в 20 от берега в самой гуще «Орловских кошек».

По обратной прокладке нашего движения оказалось, что гирокомпас давал показание курсов с одной и той же постоянной ошибкой в 20^0.

Часам к 5 утра деталь выточили, компас собрали, определили поправку по звездам, компас заработал правильно. Приближалось время прилива. Я тщательно рассчитал курсы на выход и пошел в каюту командира будить его. Он встал, поднялся на мостик, даже не взглянул на карту и не спросил в чем дело. Спросил только курс и снялся с якоря.

Курсы, которыми я предположил выходить из самого центра «Орловских кошек», оказались удачными, да и прилив, навер-

но, помог. Словом мы выбрались на верный маршрут и пришли в Архангельск с опозданием часов на шесть. Что уж там объяснял командир в штабе, я не знаю.

Это пример поразительного командирского и человеческого легкомыслия со стороны нашего командира Ивана Георгиевича Степаньяна.

С этого момента командир наш потерял в моих глазах весь свой авторитет. Как можно было даже не поинтересоваться ситуацией, не взглянуть на карту, не посмотреть, где мы находимся, не обдумать решение. Не то чтобы, я боялся личной ответственности. Случись, что с кораблем и мне было бы от нее никуда не уйти. Я все сделал правильно и совесть моя была чиста, но случай был тяжелый. Между прочим, так как вся эта история происходила в промежуток времени между 22 часами вечера и 5 часами утра, для большинства команды и офицеров, все осталось почти незамеченной. Все ее спокойно проспали вместе с командиром корабля.

Кстати, у меня в этом походе был дублер – штурман с соседнего сторожевика старший лейтенант Иван Юхов, впоследствии профессор Военно-Морской Академии, заведующий кафедрой навигации.

Он мне признавался, что эта история, случившаяся в самом начале его штурманской карьеры, произвела на него очень сильное впечатление и он неоднократно приводил ее в своих лекциях, как пример правильной системной работы штурмана в кризисной ситуации.

«Новый год в Тюва-губе». Вспоминается и комическая история, произошедшая со мной на «Урагане». Новый 1944 год «Ураган» встречал, стоя на чистке котлов в нашей базе в упоминавшейся уже Тюва-губе. Решили отметить новый год. Вызывает меня к себе командир и говорит: «Штурман, я хочу пригласить на Новый год на корабль в кают-компанию мою жену, которая приехала недавно в Тюва-губу». Отвлекаясь, скажу, что приезд к нам жены командира рассматривался нами как подвиг декабристки. Трудно со стороны понять, что за глушью и вместе с тем полным опасностей военного време-

ни местом была эта наша база.

«Знаете, наши офицеры люди разного воспитания – продолжает командир – могут возникнуть разные моменты. А Вы интеллигентный молодой человек, я за Ваше поведение и разговоры совершенно спокоен. Поэтому я прошу Вас сесть за праздничным ужином рядом с моей женой с другой стороны». Я был, конечно, весьма польщен такой характеристикой и согласился выполнить просьбу командира.

Но беда оказалась в том, что, поскольку «Ураган» был корабль небольшой и все офицерские каюты сгруппированы очень тесно, разговор наш с командиром был слышен в соседних каютах и офицеры, обидевшись на нелестный отзыв командира, относительно их воспитания, решили подшутить надо мной. «Посмотрим, кто из нас интеллигентнее» – решили они. Шутка же заключалась в том, что ее организаторы уговорили вестовых наливать мне в стакан вместо водки, которую все пили за ужином, чистого спирта. В праздничном застолье я этого не заметил и, конечно, после второго стакана совершенно опьянел, первый раз в жизни. И был, естественно, первым «вынесен» от стола в каюту.

На другой день командир меня вызвал вновь и, под веселое подслушивание других офицеров, стыдил, правда, вежливо: «Ай, яй, яй, штурман, я так на Вас надеялся, а Вы напились первым». Пришлось извиняться и перед ним, и специально перед его женой.

В связи с этим несколько слов об употреблении спиртного на кораблях Северного Флота. По сравнению, например, с Балтикой это был флот-трезвенник. Существовал железный закон – «в море ни грамма спиртного».

И закон этот свято соблюдался. Офицеры – нарушители быстро убирались с кораблей.

Но ведь каждому из нас: и офицеру, и матросу полагалось в день по 100 грамм водки, она на корабль поступала, однако, поскольку, мы проводили в море большую часть времени, скапливалась у интендантов. Забегая несколько вперед, скажу, что впоследствии на эсминце «Разумный», где я был заведую-

щим кают-компанией, у меня в каюте, естественно под замком, всегда был большой шкаф полный бутылками с водкой, которую я выдавал офицерам перед их сходом на берег.

Естественно, что во время кратких стоянок эту водку пили перед обедом или ужином. Пили, как правило, не рюмками, а стаканами. Можно было запросто наблюдать такую картину. Сидим мы перед обедом в кают-компании. Вдруг появляется лейтенант с соседнего корабля, а за ним вестовой с подносом, заставленным стаканами с водкой. «Поздравляем вас с днем рождения артиллериста имя рек». Естественно, все благодарят и пьют. После этого старший помощник обычно говорит интенданту или заведующему кают-компаний: «Ответить». Следует такой же визит в обратном направлении.

Или еще пример. Случилась годовщина адмирала Нахимова. На «Урагане» она отмечалась так: собрали офицеров в кают-компании. Стоят два графина с водкой и большое блюдо любимого, но не частого лакомства – жареной картошки. Замполит «Урагана» капитан 3 ранга Вайнштейн и говорит: «Отмечаем годовщину великого русского флотоводца адмирала Нахимова. Каждый, кто расскажет что-нибудь о нем, может налить себе стакан водки. Кто молчит – ест одну картошку». Естественно, рассказы про Нахимова не иссякали.

Однажды вызывает меня к себе упомянутый выше замполит «Урагана» и говорит: «Штурман, я по должности знаю, какая печальная история случилась с Вами на «Гремящем». Офицер Вы хороший, работаете успешно, нужно кончать с Вашей «опалой». Вы были исключены не из членов партии, а из кандидатов, т.е. формально не выдержали кандидатский стаж. Политуправление флота отказывается восстановить Вас в кандидатах, мотивируя это формальными соображениями. Я Вам предлагаю вступить вновь в кандидаты партии. Думаю, что можно было бы принять Вас не по рекомендации, а по боевой характеристике». Я подумал и согласился. Итак, в конце 1943 года, т.е. через полтора года после истории на «Гремящем» меня вновь приняли в кандидаты партии. На собрании вопрос был единодушно поддержан не только офицерами, но

и матросами. Мой «демократизм» отметили, в частности матросы, с которыми я играл в волейбол, не говоря о рулевых и радистах.

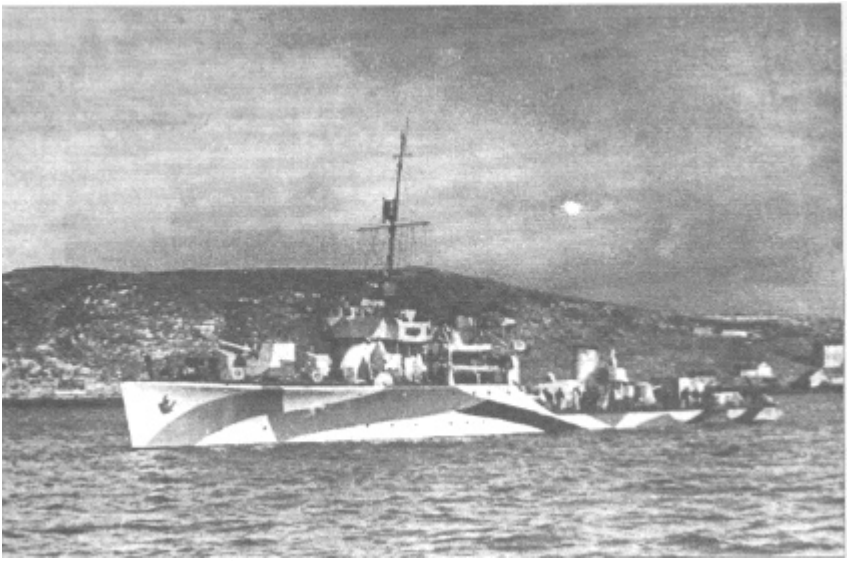
Время шло, постепенно я стал замещать старшего помощника командира «Урагана» во время его отсутствия, т.е. стал третьим лицом в корабельной иерархии строевых офицеров.

Я стал задумываться над дальнейшей службой и понял, что хочу быть командиром корабля. О дальнейших ступенях роста я тогда не задумывался. Командир корабля – это высшая ступень моего разумения того времени.

В начале 1944 года после одной из удачных конвойных проводок командир объявил, что в пределах выдвинутой квоты, он представляет меня к награде орденом «Красной Звезды», чему я очень обрадовался. Но именно эту награду мне получить было не суждено. В феврале 1944 года я получил новое назначение штурманом на эскадренный миноносец «Разумный», пришедший с Дальнего Востока. Командир же «Урагана», который еще не успел отправить «наверх» наградной лист на меня, в соответствии со своей моралью решил, что раз я ухожу с корабля, то и награждать меня нечего, мою квоту он передал для награждения другого офицера. Бог ему судья.

Свою службу на «Урагане», как впрочем, и на «СКР-32» я вспоминаю с удовлетворением. Это были «мои университеты», моя база для всей дальнейшей корабельной службы.

А.Л. Лифшиц и Н.И. Богданов 1947г.



Сторожевой корабль “Ураган”.

Миноносцы в походе.

Адмиралы А.Г. Головко (справа) и В.А. Фокин

Глава 8. Штурман эсминца «Разумный».

Строительство «Разумного». Арктический переход. Командир В.В.Федоров. Первые конвойные операции. Под градом немецких бомб. Командир Н.И.Никольский. Новая техника и ее совершенствование. Снова Н.Ф.Гончар. Дивизионный штурман А.Н.Тюняев. Офицеры и команда. Штурман эсминца в конвое. Первый орден. Приход «англичан» и создание эскадры. Командир бригады эсминцев П.И.Колчин. Торпеда на рейде. Е.А.Козлов. В Печенгской операции. Поломка винта и потопление подводной лодки. Второй орден. Гибель «Деятельного». Акустические торпеды и замполит Я.Ф.Ларюков. Соревнование с адмиралом В.А.Фокиным. Командир Е.Т.Кашеваров. Шлюпочные гонки и «жареный гусь». Отпуск. “ В шесть часов вечера после войны”.

Строительство «Разумного». Итак, в самом начале февраля 1944 года собрал я свои нехитрые пожитки, сел в катер и отправился на «Разумный», на корабль, где мне суждено было провести большую часть корабельной службы на Севере**.**

Здесь имеет смысл рассказать кратко предысторию появления эскадренного миноносца «Разумный» на Северном Флоте.

Эскадренный миноносец «Разумный» был заложен 7 июля 1936 года в г.Николаеве на Черном море. С самого начала «Разумный» был предназначен для Тихоокеанского флота. После набора корпуса на стапеле, подготовки оружия и корабельных механизмов все заготовки тремя железнодорожными эшелонами были переправлены на Дальний Восток. После прибытия во Владивосток, где корабль перезаложили и достроили на Дальзаводе, 30 июня 1939 года «Разумный» был спущен на воду, прошел все положенные испытания и вступил в строй 7 января 1942 года.

«Разумный», как и остальные корабли этого проекта, был хорошо приспособлен для решения своих задач. Он имел превосходное мощное основное оружие: артиллерию главного калибра и торпедное оружие, хорошую скорость хода. Были, естественно, и недостатки, среди которых следует отметить недостаточную дальность плавания, слабое зенитное вооружение малого калибра и недостаточную прочность корпуса в кормовой части. Однако последний недостаток у «Разумного»

был выражен существенно меньше, чем у других кораблей этого типа. Этот недостаток, приведший к описанной выше трагедии эсминца «Сокрушительный» и к едва не случившейся такой же истории с эсминцем «Громкий», был устранен на всех последующих кораблях в результате выводов, сделанных специальной комиссией под председательством инженер – контр адмирала Першина. Мне приходилось плавать в войну во время сильных Атлантических штормов и на «Разумном» и на «Гремящем». Сравнение, безусловно, в пользу «Разумного» и в сильной степени. На «Гремящем» во время шторма корпус трещал, все переборки гнулись, ходили ходуном, так что молодые матросы просто боялись, а на «Разумном» корабельный набор вел себя спокойно, все было прочно и кроме качки ничего не ощущалось.

К существенным недостаткам, которые, однако, определялись общим уровнем развития систем кораблестроения и вооружения, относилось отсутствие радио и гидролокации. Эти недостатки, как и слабость зенитной артиллерии, были постепенно устранены.

Однако плавать в составе Тихоокеанского флота «Разумному» не пришлось.

Арктический переход. В соответствии с решением ставки лидер «Баку», эскадренные миноносцы «Разумный», «Разъяренный» и «Ревностный» предназначались для передачи Северному флоту. Корабли должны были совершить переход по Северному морскому пути за навигацию 1942 года.

Командовал «Разумным» с 24 сентября 1940 года капитан-лейтенант (затем капитан 3 ранга) Виктор Васильевич Федоров. Это был достаточно уравновешенный человек, спокойный и осторожный. Хотя он не имел нормального классного образования, т.е. не кончал Военно-морского училища, а лишь специальные курсы подготовки командного состава, но имел достаточно большой опыт морской службы, прошел на пути к командирскому мостику эскадренного миноносца все ступени роста. При этом важным было его участие в арктическом переходе эм «Войков» из Кронштадта во Владивосток в 1936

году. Виктор Васильевич обладал в большой степени здравым смыслом и имел в целом хорошие отношения с офицерами и командой. Все эти качества обеспечивали впоследствии безаварийное плавание в труднейшем арктическом переходе Владивосток – Полярное и руководство выполнением функций корабля охранения в многочисленных конвоях. Морская служба сталкивала меня с В.В.Федоровым неоднократно, о чем я еще напишу в свое время.

15 июля 1942 года корабли взяли курс на Север. Кроме «Разумного» в отряд входили лидер «Баку», эсминцы «Разъяренный» и «Ревностный». Последний после аварии остался на Дальнем Востоке. Корабли сопровождал танкер. «Разумный» преодолел опасный арктический маршрут, не раз попадал в сложнейшие условия при сжатии льдов, но каждый раз с честью выходил из критических ситуаций. Этому способствовало два основных обстоятельства: высокая морская культура и грамотные действия командира, хорошая подготовка и надежность личного состава. В критические минуты моряки действовали грамотно и целеустремленно. Преодолев 7327 миль, в том числе почти 1000 миль во льдах, 14 октября 1942 года отряд прибыл в Кольский залив.

В первых операциях. С приходом на СФ «Разумный» сразу же включился в боевую деятельность, уже в течение 1942 года выполнил 4 боевых задания, дважды выходил в море на поиск транспортов, одиночно плавающих между Исландией и Кольским заливом, встречал суда в море и эскортировал их в Кольский залив. Корабль впервые участвовал во встрече союзного конвоя JW-51A и в проводке в Белое море пяти ТР этого конвоя.

«Разумный» участвовал и в немногочисленных действиях эсминцев против конвоев противника. Так в ночь 21 января 1943 года совместно с лидером «Баку», на борту которого находился флагман, капитан 1 ранга П.И.Колчин, корабль вышел к побережью Норвегии на перехват конвоя противника. Используя время прилива, корабли прошли над предполагаемым немецким минным заграждением и в районе мыса Макка-

ур обнаружили отряд кораблей противника. Позднее выяснилось, что в составе отряда был минный заградитель «Скагеррак», тральщики М-322 и М-302 и несколько других кораблей. Лидер «Баку», а за ним и «Разумный» открыли артиллерийский огонь. «Баку» выпустил 3 торпеды. Противник ответил огнем. На одном из его кораблей вспыхнул пожар.

Однако наши корабли, имея большой ход, очень быстро проскочили противника, после чего по приказанию флагмана отвернули в море и возвратились в базу. Была упущена возможность нанести противнику более серьезные потери. Однако это не может быть поставлено в укор командиру «Разумного». Ведь корабль был ведомым и обязан был выполнять команды флагмана, на плечи которого и легла ответственность за недостаточную настойчивость.

Ввиду того, что ледовая обшивка стала постепенно разрушаться, «Разумный» поставили в док в поселке Роста.

Во время ремонта 3 апреля 1943 года при налете немецкой авиации на поселок Роста и судостроительный завод, были сброшены бомбы и на док, в котором стоял «Разумный». Одна бомба попала в кормовую часть корабля, пробила днище и взорвалась внутри деревянной клети. Погибло два человека и ранено было более 15 матросов. Вторая бомба попала в стенку дока и ее осколки проделали множество отверстий в корпусе и надстройках. Третья бомба разорвалась рядом с доком, ее осколки достигли надстроек корабля. В общем, работы на корабле прибавилось, хорошо еще, что бомба, прошедшая через корабль не повредила линию валов.

На корабле пришлось менять целые листы обшивки и заваривать многие более мелкие пробоины.

Одновременно с работой личный состав зенитного комплекса дежурил у орудий и пулеметов и отбивался от самолетов пытавшихся бомбить корабль.

Во время ремонта на корабле установили гидроакустическую станцию английского производства «Дракон 128С» и радиолокационную станцию общего обзора «SL-1», что существенно повысило эффективность боевых действий, особен-

но в условиях конвойной службы.

Сняли с крыльев кормового мостика два пулемета «Кольт-Браунинг», площадки переделали и установили на них 37мм автоматы.

После окончания ремонта корабль снова активно включился в выполнение боевых заданий.

Получив на вооружение гидроакустическую станцию, эсминец «Разумный» смог более активно вести поиск, отражение атак неприятельских подлодок на конвои. В 1943 году «Разумный» обнаружил и отразил 8 попыток вражеских подлодок атаковать охраняемые корабли.

Первого мая 1943 года командир бригады эсминцев капитан I ранга П.И.Колчин вручил особо отличившимся морякам первые боевые награды. Орденом Красная Звезда были награждены боцман мичман Н. И. Соломенчук, старшина котельных машин мичман Нушкарев, машинисты старшина второй статьи Попов, ст. краснофлотец Бутаков. Медалью «За Отвагу» были награждены боцман старшина второй статьи Липовцев, радист Гах, машинист Жариков, зенитчики Андрушкевич, Беспалов и Козлов, штурманский электрик Королев. Медалью «За боевые заслуги» – 4 человека. Следует сказать, что это были первые боевые награды членам экипажа. К концу войны каждый офицер и матрос был награжден, а многие дважды и трижды.

Командир корабля Н.И. Никольский. 22 августа 1943 года на корабль пришел новый командир – капитан 3 ранга Николай Иванович Никольский. Сказать, что это был совершенно другой человек, другой характер, чем В. В. Федоров – значит ничего не сказать. Новый командир был резок и властен – никто не должен ему перечить, он всегда прав. Нужно сказать, что некоторые основания думать так у него были. Он обладал блестящей подготовкой и очень высоким интеллектом. Эти качества привели его, в конце концов, уже в адмиральском звании на кафедру Академии Генерального Штаба. Он был очень храбрым офицером. По крайней мере, на тот период, в рамках корабля он, безусловно, знал и умел все лучше всех: в

штурманском деле больше корабельного штурмана, в артиллерийском больше артиллериста и т.д. Каждый, кто хотел, мог поучиться у него своему делу.

Но, как ни странно, эти качества ему же и вредили. Он постоянно подавлял подчиненных.

Матросов и старшин он любил, офицеров терпел, испытывая иногда определенное снисхождение к их «недостаточным» знаниям. К его чести следует отметить, что резок он бывал не только «сверху-вниз», что встречается в военной системе довольно часто, но, когда считал нужным и «снизу-вверх», что бывает весьма редко.

Помню такой эпизод. Он носил обручальное кольцо, что в то время в офицерской среде встречалось весьма редко. Член Военного Совета флота политический вице-адмирал сделал ему замечание, сказал, что кольцо нужно снять. Ответ был, причем не наедине: «Не Вы мне одевали это кольцо, не Вам его снимать».

Другим свойством его характера была любовь к риску. Когда он швартовался кормой в бухте «Золотой рог» во Владивостоке или вторым бортом к причалу в Ваенге (ныне Североморск), то на соседних кораблях играли тревогу.

Нужно сказать здесь, что командиром «Разумного» он стал по возвращении из штрафной роты, в которую попал после аварии эсминца «Разъяренный», на котором тоже был командиром. «Разъяренный» разбил себе форштевень при следовании недопустимо большим ходом в узком проливе у острова Сальный в Кольском заливе. Авария произошла из-за отказа рулевого управления, т.е. из-за конструктивного недостатка, но, если бы скорость хода была бы меньшей, то последствия аварии были бы не такими большими. В штрафной роте он проявил себя храбрецом, был ранен, прощен, возвращен на флот и назначен командиром «Разумного».

В целом у команды он пользовался, если не любовью, то очень большим уважением и доверием. За таким командиром экипаж был готов в огонь и в воду.

Характер командира, его, наверно, все же излишняя само-

уверенность, периодически подводила его. Вся служба Николая Ивановича состояла из взлетов и падений. Впрочем, последние не всегда были заслуженными. Одна из подобных неприятностей, пожалуй, незаслуженно ожидала его, как увидит читатель, и на «Разумном».

Под командованием Н.И.Никольского корабль продолжал активную деятельность, участвовал в охранении конвоев и других операциях.

К моменту моего прихода на корабль «Разумный» уже участвовал в проводке четырех союзных конвоев.

Итак, я прибыл в начале 1944 года поздним вечером на «Разумный» и пошел представляться командиру – описанному выше капитану 3 ранга Николаю Ивановичу Никольскому.

Дверь в каюту задернута занавеской, стучу о косяк. «Кто?» – раздается довольно резкий голос, почти окрик. «Прибыл новый штурман лейтенант Лифшиц» – отвечаю я. Вместо «здравствуйте или входите» следует фраза: «Ночь… Туман… камни… – меньше 20 узлов я не хожу. Можете Вы со мной служить? Если нет, то катитесь…» И это после того, как им был разбит форштевень у «Разъяренного» при следовании большим ходом в узкости у острова Сальный, после разжалования и штрафной роты (во время пребывания в которой он, естественно, проявил себя храбрецом, был ранен и прощен). «Попробую» сказал я. ”Ну, черт с вами, пробуйте…”. Отношения были таким странным образом установлены и оставались, правда, добрыми в течение многих лет.

Нужно сказать, что лично ко мне он относился довольно хорошо, терпимо и ни разу не повысил на меня голос. Очевидно, он признавал мой уровень профессионализма и интеллект.

На «Разумный» я пришел, уже имея достаточные знания, а главное опыт корабельной службы в военное время.

Подчиненные мне старшины и матросы, и дублер лейтенант Семенов сразу это поняли и никаких конфликтов у меня никогда не возникало. Забегая несколько вперед, скажу сразу, что вообще за время корабельной службы у меня почти никогда не возникало никаких конфликтов с подчиненными, Я отношу

это к двум обстоятельствам. Во-первых, на всех корабельных должностях я знал свое дело и все время совершенствовался. Во-вторых, я уже понял, что обижать, унижать подчиненных, ставить их в глупое положение не следует. Вместе с тем ни у кого из подчиненных не должно возникать и тени сомнения, что в случае необходимости я не постесняюсь применить самые крутые меры воздействия по отношению к нарушителям. Правда, этим нехитрым истинам могли бы нас научить и в училище; могли, но не научили.

На «Разумном» у меня была новая техника: гирокомпас «Курс» (аналог немецкого «Аншютца»), гидролокатор и радиолокатор. Помня опыт «Урагана», я первым делом детально изучил устройство и использование гирокомпаса, привлекая к этому старшину штурманских электриков. Я считал, что учусь у него, но поскольку перед совместными занятиями я детально читал книги и инструкции, а теорию знал лучше его еще по училищным занятиям и был обычно подготовлен к разговору, то он искренне считал, что я таким завуалированным способом проверяю его подготовку. Так мы и двигались вперед к обоюдному удовольствию.

Гидролокатор и радиолокатор не были непосредственно в моем ведении, но их можно было эффективно использовать в целях кораблевождения и боевого маневрирования. Я серьезно занялся изучением этих возможностей, но об этом расскажу несколько позже.

Придя на «Разумный», я впервые встретился и с руководителями штурманской службы, как специальности. «Разумный» входил в 1-ый дивизион кораблей вместе с лидером «Баку» и эсминцем «Разъяренный», а весь дивизион входил в бригаду эсминцев, в которой было два дивизиона. Соответственно были дивизионный штурман капитан-лейтенант Алексей Николаевич Тюняев и бригадный штурман капитан 3 ранга Николай Федотович Гончар – тот самый Гончар, с которым я познакомился в Мурманской гидрографии, когда был штурманом «Урагана».

Николай Федотович Гончар. Он мне рассказал, что мой

перевод с «Урагана» на «Разумный» был сделан по его инициативе. Оказалось, что он меня запомнил по встречам в гидрографическом кабинете, где я произвел на него хорошее впечатление и, когда возникла вакансия на «Разумном», он обо мне вспомнил. Так любознательность сослужила мне хорошую службу.

Николай Федотович Гончар всегда производил на меня очень сильное впечатление. Он сочетал в себе глубокую интеллигентность, высокую теоретическую подготовку с большим трудолюбием и необыкновенным упорством.

Скажу о нем отдельно несколько слов.

Николай Федотович Гончар окончил училище в 1937 году и после непродолжительной штурманской службы на крейсерах Черноморского Флота очень рано поступил в Военно-морскую Академию, которую и закончил перед войной, после чего получил назначение в гидрографию Северного Флота, где и произошло наше знакомство. Будучи в гидрографии он совершил в 1942 году полное опасностей и приключений одиночное плавание вне конвоя в Англию и обратно на транспорте «Беломорканал». Это плавание заслуживает отдельной книги. С приходом тихоокеанских эсминцев Н.Ф.Гончара назначили флагманским штурманом образовавшейся БЭМ СФ. В этой должности он участвовал почти во всех боевых походах кораблей бригады.

Имея очень высокую квалификацию, Николай Федотович был особенно силен в вопросах эксплуатации навигационных приборов. Он много внимания уделял штурманам эсминцев: каждый месяц, несмотря на участие кораблей в выполнении боевых заданий, проводил занятия по повышению квалификации своих младших товарищей. Он часто выходил на кораблях в море и работал вместе со штурманом корабля и его подчиненными. Эти контакты и работа командира БЧ-1 с флагманским штурманом подчас значили больше, чем учеба в спецклассе.

Выполняя обязанности флагманского штурмана безупречно, он стремился стать командиром корабля. В 1945 году его

назначили командиром ЭМ «Достойный», а затем он командовал ЭМ «Разъяренный», «Сталин» и (в 1950 году) крейсером «Свердлов». Был командиром бригад эсминцев на Северном и Тихоокеанском флотах и в конце концов командующим Камчатской Флотилии.

Где бы Николай Федорович не служил, какую бы должность не занимал, его отличало личное трудолюбие. Он не позволял себе перекладывать свою работу на плечи подчиненных. Он не угнетал подчиненных своим умом и образованностью, а воодушевлял их личной работоспособностью и трудолюбием. Характерным для него было то, что его трудолюбие основывалось на глубоких знаниях, которые он пополнял постоянно. Вторым отличительным качеством было необыкновенное упорство, чтобы не сказать упрямство. Сочетание высокой образованности, интеллигентности и упорства делало его человеком, который был на голову выше своих сослуживцев в равных должностях. Однако упорство ему иногда мешало – мог не соглашаться с начальством, в результате чего возникали конфликты.

Всю войну и много лет спустя, встречаясь иногда по разным случаям, мы сохранили добрые хорошие отношения, всегда симпатизируя друг другу.

Часто выступающий в настоящее время в политических баталиях депутат думы Н.Н.Гончар – это его сын Коля.

Дивизионный штурман Алексей Николаевич Тюняев был тоже очень умным человеком, но более практического склада. Он тоже постоянно устраивал нам всевозможные проверки и давал решать интересные задачи. С ним судьба меня сталкивала часто в разные моменты жизни. О нем рассказ впереди.

Команда на «Разумном» была превосходной. Матросы, как я упоминал выше, имели многолетний опыт службы, еще более сплотились во время трансарктического перехода из Владивостока, боцман мичман Соломенчук был точно, вплоть до лексикона и выговора, копией боцманов из рассказов Станюковича. Офицеры тоже были все на своих местах. О некоторых из них расскажу отдельно по ходу этих записок.

На «Разумный» я попал по той причине, что бывший штурман Олег Макарович Мачинский, пришедший с кораблем с Дальнего Востока, был назначен штурманом в спецкоманду, которая ушла в Англию за получением кораблей в счет раздела Итальянского флота.

Конвойная служба эсминца «Разумный» была его основным делом в период войны. В составе бригады ЭМ, а затем и в составе эскадры Северного флота ЭМ «Разумный» участвовал в конвоировании союзных и отечественных судов, как на «внешних» так и на «внутренних» коммуникациях. Общее число судов, в конвоировании которых участвовал корабль, составило 328, из них 303 союзных и 25 отечественных. В военное время «Разумный» выходил в море с задачей конвоирования судов 59 раз. И интенсивность военных действий была велика. Так, например, за сентябрь месяц 1944 года ЭМ «Разумный» выходил в море для участия в конвоях 7 раз и при этом провел в осеннем штормовом море 16 дней, соответственно в октябре 12, в ноябре 15 дней, в январе 1945 года 6 раз за 20 дней.

Главным делом «Разумного» было сопровождение союзных конвоев, а в промежутках между ними проводка своих внутренних конвоев в Баренцевом море от Мурманска до Новой Земли и далее в Карском море.

Описывать здесь все конвойные походы я не буду, тем более, что я уже писал про них, когда рассказывал о моей службе на «Гремящем». Остановлюсь только на некоторых, особенно запомнившихся событиях. Конвои 1944 года это уже были не конвои 1942 года. Поэтому, хотя бы один типичный конвой я здесь все же опишу, слегка нарушив хронологию изложения.

Типичным примером конвойной службы этого периода может служить выход на встречу союзного конвоя JW-62, следующего из Англии в Советские порты. В составе конвоя было 30 транспортов, в непосредственном охранении до 32 эсминцев, сторожевиков и корветов, всего 37 союзных кораблей непосредственного охранения, в ордере шли два конвойных авианосца и крейсер ПВО. Отдельно шла группа прикрытия

в составе нескольких крейсеров, впереди конвоя поисково-ударные группы из эсминцев и сторожевиков.

Как выяснилось после войны, противник выслал в море для действий против этого конвоя 17 подводных лодок и сосредоточил на аэродромах Северной Норвегии до 160 самолетов торпедоносцев и бомбардировщиков.

6 декабря к конвою присоединились и заняли места в его охранении корабли советской эскадры в составе лидера «Баку», ЭМ «Гремящий», «Разумный», «Урицкий», «Деятельный», «Доблестный», «Дерзкий» и «Живучий». Они оставались в охранении конвоя JW-62 до точки в 80-100 милях севернее м.Териберский, где конвой разделился на две части, одна часть – основная направилась в Кольский залив, другая под охраной советских кораблей и 5 английских корветов продолжала движение в Архангельск.

Не лишним будет замечание о том, что разделить на две части конвой, состоящий из 30 транспортов и около 45 кораблей охранения – не очень просто, как и ввести такую армаду в узкое горло Кольского залива.

Успеху разделения способствовало умелое, заранее продуманное построение судов и кораблей охранения. Все транспорты, пунктом назначения которых был Архангельск, шли из Англии в двух левых колонах. Корабли охранения, которые предназначались для их охраны на дальнейшем переходе, находились с левой стороны ордера.

Перестроение прошло благополучно и Архангельская часть конвоя продолжила свой путь к Белому морю.

Подводные лодки противника все время преследовали конвой. После захода основной части транспортов в Кольский залив, обе завесы немецких подводных лодок начали смещение в направлении Белого моря. Имея информацию об этом, командование Северным флотом решило сразу же после завершения проводки конвоя в Белом море организовать поиск неприятельских подводных лодок вдоль Мурманского побережья. Поэтому, получив такой приказ еще в ходе движения в охранении конвоя, советские корабли, сопроводив транспор-

та до кромки льда в Белом море, взяли курс на Иоканьку и вечером того же дня начали операцию по поиску подводных лодок вдоль Мурманского побережья в направлении на запад. В этом поиске участвовали три группы по два корабля. ЭМ «Разумный» в паре с ЭМ «Живучий» составлял северную группу, следующую мористее остальных групп.

Вскоре после начала поиска последовало несколько обнаружений подводных лодок. Первым малую цель обнаружил радиолокатор ЭМ «Дерзкий». Однако через 1 минуту цель исчезла. Впрочем, такие кратковременные обнаружения случались и раньше. Подводные лодки противника имели приборы, обнаруживавшие радиолокационное наблюдение. В процессе поиска было обнаружено несколько немецких подводных лодок, две из которых были потоплены как раз эсминцами этой группы, причем ЭМ «Живучий» таранил подводную лодку и добил ее артиллерией. «Разумный» в этом походе тоже потопил подводную лодку, но об этом я расскажу отдельно.

Отдельно следует упомянуть о погодных условиях и их влиянии на боевые действия. Частично, впрочем, этот вопрос был затронут ранее при описании трагедии с «Сокрушительным». Уместно здесь привести отрывки из воспоминаний Мира Назибовича Нигматуллина, во время войны юнги, а затем старшего матроса эсминца «Разумный».

«Моряки «Разумного» – пишет М.Н.Нигматулин – помнят трудности военных лет и не только от беспрестанных вражеских атак, когда днем и ночью нужно было за считанные секунды добежать до боевого поста и сразу же действовать по боевому расписанию, но и от ударов стихии, которая всегда добавляла трудностей; когда поднималась волна и ветер сбивал с ног – все начинало вести себя иначе и корабли, и люди. Ровная палуба превращалась в каток, на котором было трудно стоять. Эсминцы тяжело переносили качку. Корабль испытывал людей на выносливость и при бортовой, и при килевой непрерывной качке. При шторме, когда грохочет ледяная волна и бьет по корпусу, надстройкам, ветер рвет парусные ограждения, нужно было быть особенно быстрым и внимательным.

В румпельном же отделении, где пришлось жить мне, было еще гораздо труднее и опаснее. У нас был только один выход – люк сразу же на верхнюю палубу по скоб-трапу. Выйти «наверх» можно было только по одному! Поэтому, когда волна прокатывалась над нашим румпельным отделением, мы вынуждены были стоять друг за другом и ждать, когда схлынет поток ледяной забортной воды. На каждом из нас, кто жил в румпельном отделении, море оставило свой след.

И «Разумный» тоже страдал от штормовой стихии. В одном из походов океанские волны вырвали из креплений корабельный катер. Наблюдатели были начеку и пытались завести пеньковые канаты, но последние не выдержали ударов и искалеченный катер унесло вместе с порванными тросами.

Носовые вьюшки для швартовов первыми принимали удары и однажды левая вьюшка со стальным тросом весом в несколько тонн вместе с очередным ударом волны «уплыла» за борт. Такая же участь постигла и парадный трап. В тяжелейшем походе к Новой Земле эта громадина с леерами и начищенными медяшками отправилась на дно вместе с мощными стальными запорами. Устройства для вентиляции, которые были выведены на верхнюю палубу, как «грибки», регулярно вырывало.

В боевом походе нам запрещалось разбирать койки и отдыхать приходилось, не снимая одежды. Через некоторое время всему личному составу были выданы надувные жилеты ярко-зеленого цвета и в походе полагалось их носить, как средство спасения! Когда в июле 1944 года произошла трагедия с транспортом «Марина Раскова» мы поняли, что если не поднимут из воды за 15-20 минут, то и надувной жилет не поможет!

Однажды при переходе в Иоканьгу, разыгрался шторм невероятной силы. Случилось чудо – волной подхватило на верхней палубе краснофлотца Бурлакова, протащило по палубе и втянуло в люк румпельного отсека.

Бурлакову уже не раз везло во встречах с океанской волной. При спасении «Сокрушительного» его подхватила волна и выбросила за борт, а вторая волна швырнула его обратно на

палубу юта, где он случайно удержался за леерные стойки».

Конвойный штурман. Итак, я был в основном «конвойным» штурманом. Специфика работы штурмана в конвое состоит в том, что, во-первых, никто: ни штурман, ни даже командир не знают точно каким курсом идет конвой, т.е. охраняемые транспорта. Это большая тайна. Эсминцу задают только пеленг (направление) и дистанцию от определенного транспорта. Во-вторых, курсом эсминца при плавании в охранении конвоев управляет не штурман из штурманской рубки, а вахтенный офицер с мостика. А у вахтенного с точки зрения кораблевождения свои две задачи: во-первых, удержать позицию относительно конвоя, во-вторых, не подставляться под удар торпедой с подводной лодки.

Поэтому он не держит эсминец на одном курсе больше 1-2 минут и все время меняет курс, идет зигзагами. И зигзаг этот незакономерен, у каждого вахтенного офицера он свой.

Но штурман то должен знать всегда место корабля, а для этого прокладывать на карте все бесконечные зигзаги курса, зависящие от характера и привычек вахтенного офицера. Для этого он должен работать с картой все время. Поход длится много дней, а штурман один. И он должен еще работать со звездами, маяками, радиомаяками, лотом и лагом и т.д.

Для автоматического ведения прокладки у нас был специальный прибор – автопрокладчик или одограф, который работает от показаний гирокомпаса и лага. Однако при плавании в открытом океане можно работать с картами только мелкого масштаба и при частой смене курса наши одографы работать не могли, сбивались.

Когда я задумался над этим, то сконструировал прибор или точнее приспособление, которое решило задачу.

Я прикрепил сверху на автопрокладчик лампочку с крестом нитей. Вместо карты я ставил лист ватмана, по которому работал автопрокладчик. Сверху же над местом работы автопрокладчика было укреплено стекло, точнее плексиглас, на которое стелился лист кальки. Посадил вахтенного матроса, который ставил крестики на кальке соответственно кресту нитей

над лампой, укрепленной на прокладчике, и отмечал время засечки. Секрет был в том, что прокладчик я ставил на самый крупный масштаб. При этом он работал достаточно точно.

Через час, еще лучше через два часа, все зигзаги корабля были как на ладони, но самое главное – оказывался ясен курс конвоя.

Теперь штурман был свободен для работы с приборами и даже для отдыха. Но этого мало. Этот планшет в комбинации с гидролокатором оказывал мне (и кораблю, конечно) существенную помощь при атаках подводных лодок. Мы установили прямую телефонную связь между гидроакустиком и штурманской рубкой. Теперь вахтенный матрос в штурманской рубке отмечал крестиком не только место корабля, но другим крестиком отмечал место вражеской подводной лодки относительно нашего корабля. А значит, я мог более-менее точно рассчитать курс и скорость подводной лодки и мог точно корректировать курсы миноносца при атаках подводной лодки. Это было очень важно и высоко оценено даже нашим важным и гордым командиром.

По совокупности обстоятельств в июне 1944 года я был награжден **первым орденом «Красной Звезды»** и был очень доволен. Механик нашего корабля Георгий Львович Яковлев, который одновременно со мной получил такой же орден, моей радости не разделял, а скептически приговаривал: «Могли бы и раньше».

Приход «англичан». Эскадра. 24 августа в Кольский залив к Северному флоту пришло пополнение – корабли, полученные Советским Союзом в счет раздела итальянского флота: линейный корабль «Архангельск», крейсер «Мурманск» и 9 старых, времен первой мировой войны, эскадренных миноносцев. История их приема в Англии заслуживает хотя бы краткого описания.

Она началась в 1943 году, когда Италия капитулировала и вышла из войны. Ее флот должен был быть разделен на 3 равные части между Англией, США и СССР. Но по договоренности часть итальянского флота, приходящаяся на долю СССР,

была передана ему лишь после войны, а во время войны взамен этой части Англия передала СССР свои старые корабли, упомянутые выше, на это же время.

Для приема этих кораблей в России было сформировано 8 экипажей миноносцев; по два от каждого флота (Северного, Балтийского, Черноморского и Тихоокеанского). Экипаж линейного корабля был сформирован на Балтийском и Черноморском флотах, где у нас были свои линкоры.

Экипажи эти теперь переправлялись в Англию попутными конвоями RA-58 и RA-59 в непростых условиях. Так, 30 апреля в районе острова Медвежий транспорт «William S. Teyer» из конвоя RA-59, на котором находился экипаж для эсминца «Достойный», был торпедирован немецкой подводной лодкой. Судно разломилось пополам, носовая часть быстро затонула и люди, в том числе около половины экипажа «Достойного» оказались в ледяной воде, часть их погибла, остальных подобрал концевой транспорт и корабли охранения.

По прибытии в Англию после осмотра передаваемых кораблей наши моряки увидели, что эти миноносцы, оставшиеся от первой мировой войны и много лет находившиеся в резерве, к тому времени были запущены, захламлены, частично подвергнуты коррозии, почти ничего не работало, не вращалось и уж, конечно, не стреляло. Ни один из этих кораблей не мог отойти от причала, не говоря о выходе в море.

От советских моряков требовалось в короткие сроки изучить иностранную технику, на которую в большинстве случаев отсутствовали описания и инструкции, а если что и было, то на английском языке. Нужно было убрать грязь, отчистить, убрать лишнее, освоить технику, отремонтировать механизмы и оружие, привести их в исправное состояние. Определить потребности в боезапасе, топливе, расходных материалах и запчастях.

Далее нужно было составить боевое расписание и инструкции для всех членов экипажа.

Только после этого стало возможным оживить корабли, совершить учебные выходы в море, проверить работу оружия и

техники на ходу в море, сплотить команду.

К удивлению англичан со всеми этими задачами русские моряки справились успешно. Люди работали от зари до зари два месяца у причалов и еще месяц на учениях в морских учебных полигонах английского флота. Первое время англичане считали, что прибыли не матросы срочной службы, а переодетые инженеры. 16 августа 1944 года все корабли вышли в море, присоединились к конвою JW-59, на переходе несли службу охранения, отражали атаки немецких подводных лодок и самолетов и 24 августа прибыли в Кольский залив.

Поскольку команды этих кораблей формировались на всех четырех Советских флотах: Балтийском, Черноморском, Тихоокеанском и Северном, то, естественно, у каждого нашего офицера на прибывших кораблях нашлись друзья и дня два в Ваенге дым стоял коромыслом.

Нашелся приятель и у меня – это был Володя Охтень – курсант моего выпуска из соседнего класса, который пришел с Балтики. Меня поразило тогда, что он считал Северный флот местом ссылки. «За что ты сюда попал?» - спросил он меня. Навестил корабль и бывший штурман «Разумного» Олег Макарович Мачинский. Он был теперь штурманом «Деятельного» и ждал назначения на должность старшего помощника командира на этом же корабле. В последствии мы стали близкими друзьями.

На основе нашей бригады эсминцев и вновь пришедших кораблей была сформирована эскадра Северного флота, Командующим эскадрой был адмирал Г.И.Левченко, а начальником штаба наш уважаемый и любимый, ныне контр-адмирал Виталий Алексеевич Фокин. Он вскоре стал командующим эскадрой и оставался им до конца войны.

При этом была расформирована Бригада эсминцев Северного Флота, а эсминцы теперь входили в эскадру тремя дивизионами по отдельности.

П.И.Колчин. Попрощались мы при этом и с нашим командиром бригады П.И.Колчиным. Командиром бригады эсминцев П.И.Колчин был с момента ее формирования в октябре 1942

года после прихода корабельного пополнения с Дальнего Востока. До этого он был командиром ОДЭМ, сменив В.А.Фокина, который был направлен, на Каспий на должность начальника штаба флотилии.

К моменту прихода вместо В.А.Фокина на наши корабли П.И.Колчин имел уже стаж более 10 лет командования сторожевым кораблем, эсминцами и группой эсминцев. Он был опытным моряком и в общем весьма неглупым человеком.

Но это был человек другого ранга, чем Фокин. Он был обычный человек, к тому же с довольно беспокойным, «шебутливым» характером. Десятки приказаний в минуту, часто противоречивых и достаточно мелочных – таков его стиль. У офицеров он имел кличку «Паша Баламут». И она была довольно точна.

Впервые, я увидел его в боевой обстановке на мостике «Гремящего» в походе и бою, после которого погиб английский крейсер «Эдинбург». Он быстро бегал по мостику, громко комментировал события и отдавал многочисленные приказания довольно мелкого характера.

Однако у него нельзя отнять личного мужества. Он был лично храбр, не сходил с мостиков кораблей всю войну и, конечно, все боевые дела ОДЭМ и Бригады эсминцев в период его командования, а это более 800 боевых выходов на конвоирование, на обстрел береговых целей и войск противника, на поиск подводных лодок, 40 сбитых самолетов и т.д. – все это, безусловно, связано с именем Павла Ивановича Колчина. Но мы всегда сравнивали его с В.А. Фокиным и этого сравнения он, конечно, не выдерживал.

С созданием эскадры Бригада эсминцев перестала существовать, а П.И.Колчин был переведен начальником штаба эскадры Балтийского флота. На этом его активная служба, как в военное, так и в мирное время закончилась.

Торпеда на рейде. Через несколько дней после прихода новых кораблей на «Разумном» произошло неожиданное и весьма неприятное происшествие. Описание его привожу по одной из своих прежних статей.

«...Август 1944 года Рейд Ваенга. Ясное солнечное утро. На оживленном рейде стоят несколько кораблей, только что пришедших из Англии и переданных Советскому флоту англичанами (в том числе линкор «Архангельск»). У причалов основные силы эскадры – крейсер «Мурманск» и около 10 эсминцев, в их числе и «Разумный», стоящий крайним корпусом с наружной, направленной в залив, стороны причала №3. Идет проворачивание механизмов. Сыграна тревога, все на боевых постах заняты уставными делами. Проверяются и торпедные аппараты. Внезапно из первого торпедного аппарата, развернутого в сторону рейда, выходят две боевые торпеды, полностью готовые к взрыву и устремляются в самую гущу стоящих на рейде кораблей, в том числе и к линкору «Архангельск». Несколько ужасных, томительных мгновений, но каким-то чудом торпеды, не задев ни одного корабля, взрываются о безлюдные скалы противоположного западного берега залива в районе бухты Ретинской.

Читатель может себе представить переживания экипажа «Разумного», реакцию командования эскадры, гнев командующего флотом, естественно, действия особого отдела КГБ и т.д.

Эта достаточно позорная история стоила кораблю потери ордена Красного Знамени, к которому он был представлен наряду с лидером “Баку”, э.м. «Грозный» и «Громкий», а командиру корабля капитану 3 р. Никольскому Н.И. и командиру минно-торпедной боевой части К.И.Беленову их должностей.

Что же случилось? Как такой случай мог произойти на достаточно хорошо подготовленном корабле с прекрасным экипажем в разгар войны?

Предыстория этого события весьма поучительна. Незадолго до этого, 24 августа 1944г. на флот пришло пополнение – отряд кораблей, взаимообразно переданных Северному флоту союзниками (в счет трофеев по разделу Итальянского флота) в составе Линейного корабля «Архангельск» (бывшей «Royal Sovereign») и 9 миноносцев. Командовал эскадрой заместитель наркома ВМФ адмирал Г. И. Левченко, известный своей жесткостью в решении вопросов. Так, например, при подго-

товке и сколачивании в Англии отряда кораблей он организовал на линкоре гауптвахту, куда по вечерам свозили «нерадивых» (по мнению адмирала) офицеров с кораблей отряда. Отряд был сколочен и подготовлен к переходу действительно быстро, но большой вопрос, что послужило основанием для этого: методы адмирала или добросовестность и воодушевленность офицеров и матросов, желавших быстрее внести свой вклад в победу.

По приходе отряда была сформирована Эскадра СФ и в нее влились эсминцы бригады, в том числе и «Разумный». Адмирал Левченко потребовал показать ему самый подготовленный корабль, чтобы проверить на смотре его боеготовность. Выбор пал на э.м. «Разумный», т.е. командование бригады надеялось на него.

Был устроен смотр, который адмирал проводил своими методами. Вот пример: подходит Г. И. Левченко к орудию главного калибра и командует «правый борт, курсовой 20, угол места 15, огонь». Корабль стоит в главной базе у пирса, где специальным приказом командующего флотом ведение огня главным калибром строго запрещено. Командир орудия пушку навел и спрашивает: «В самом деле, стрелять?». Адмирал махнул рукой и ушел.

После подобной проверки был сделан вывод: «корабль не боеспособен, все состоит из условностей».

Делать нечего, командир корабля собирает офицеров и «накачивает» их: «никаких условностей, все как в бою». Офицеры соответственно «накачивают» старшин, старшины матросов. Итак, «никаких условностей».

И на следующий день после этого утром дан сигнал на проворачивание механизмов. «Никаких условностей» – и старшина – командир расчета торпедистов вставляет стреляющие приспособления в торпеды.

«Никаких условностей» – и офицер – командир группы управления на мостике, проверяя схему торпедной стрельбы, разворачивает «ночной визир» и нажимает кнопку «залп». И торпеда вышла. Вопрос в том, кто же виноват?

Сняли командира и минера, лишили корабль ордена. И только адмирал, чьи бездумные решения и послужили, по-существу, причиной этой неприятной истории, остался при своем мнении и продолжал подобную деятельность еще много лет….».

В конце октября 1944 года проходила фронтовая операция по освобождению Заполярья и изгнанию немцев из Северной Норвегии. Северный флот активно в ней участвовал, поддерживал войска с моря, высадил десант в Лииннахамари, который захватил порт и гавань, а также Петсамо.

«Разумный» тоже участвовал в боях. Совместно с лидером «Баку» мы обстреливали с моря порт Варде, подавив огнем сопротивление береговых батарей.

Как память об этой операции у меня хранится именной приказ с личной благодарностью Верховного Главнокомандующего.

Е.А. Козлов. В начале декабря 1944 года, вскоре после описанного выше эпизода с торпедным выстрелом на Ваенгском рейде, на корабль пришел новый командир капитан 3 ранга Евгений Андрианович Козлов. Это был, безусловно, опытный храбрый и достойный офицер. На «Разумный» он был назначен на излете командирской карьеры. До этого он уже несколько лет поочередно командовал двумя эсминцами на Черном море, где получил большой боевой опыт, участвовал во многих тяжелых боях, но корабли сохранил, затем был командиром на «Достойном» и привел его из Англии в Кольский залив.

По прибытии на север, «Достойный» был отправлен для боевых действий в Карское море, где активно действовали немецкие подводные лодки. Е.А. Козлов имел там несколько жарких схваток с последними и во многом способствовал вытеснению этих подводных лодок из Арктики.

Е.А. Козлов не без оснований полагал, что в командирском деле он все знает, кораблем и людьми особенно не интересовался, делал свое дело, но очень раздражался, когда кто-либо из подчиненных офицеров да, пожалуй, и матросов, в своих

делах допускал ошибки.

Он считал и был, пожалуй, прав, что на третьем году войны все уже должны все делать как надо.

Однако и его подстерегла определенная неприятность в самом начале службы на «Разумном».

Вскоре буквально на второй или на третий день после приема дел кораблю предстоял очередной выход в море. «Разумный» стоял у третьего причала в бухте Ваенга как всегда кормой на выход.

За кормой на небольшом расстоянии была каменистая банка, о которой естественно знали все офицеры и, конечно, все штурмана и командиры, поэтому корабли отходили от причала малым задним ходом и затем обходили банку на переднем ходу.

Но Е.А. Козлов только что пришел на Север, до этого плавал на Черном море с его большими глубинами, предварительно ознакомиться с картой или посоветоваться со штурманом, т.е. со мной, не успел или не счел нужным. Поэтому пришел на мостик, сыграли тревогу, и никто опомниться не успел, как он дал «средний назад» и через 30 секунд «Разумный» погнул винт на банке. Но и я тут был, конечно, виноват, так привык, что этот выход все знают, что не учел, что новый командир черноморец.

Нагрянула комиссия во главе с флагманским штурманом А.Е. Пастуховым. Я, конечно, сказал: «Виноват я, не предупредил командира». Командир говорит: «При чем тут штурман, раз я командир, то только я и виноват». Такие позиции обоих офицеров были одобрены командующим флотом, мы оба получили по выговору, корабль на другой день поставили в док и через три дня с новым винтом он вышел в очередной конвой. Это как раз был описанный выше конвой JW-62.

Завершив проводку кораблей в горло Белого моря и передав их ледоколам и тральщикам Беломорской флотилии, адмирал В.А.Фокин решил при возвращении в Кольский залив организовать поиск подводных лодок. Шесть миноносцев были разбиты на три пары, которые шли на расстоянии радиолока-

ционной видимости друг от друга, строем фронта, чтобы просматривать в целом достаточно широкую полосу моря. «Разумный» шел в паре с «Живучим» в самой мористой группе.

Эсминец «Живучий» в 22 час 50 мин обнаружил радиолокатором немецкую подводную лодку, повернул на нее, осветив горизонт с помощью осветительного артиллерийского залпа. Лодка находилась в надводном положении. Через несколько минут корабль врезался в подводную лодку, таранил ее. Затем отработал назад и открыл артиллерийский огонь прямой наводкой. Лодка медленно затонула. В район ее погружения были сброшены еще три серии глубинных бомб.

Почти одновременно с описанной атакой «Живучего» обнаружил подводную лодку и «Разумный». Получив гидроакустический контакт, командир корабля вышел в атаку на подводную лодку, сбросил большую серию глубинных бомб, одновременно сбросил осветительный патрон, чтобы отметить место. Отойдя от места атаки, корабль начал разворот для повторной атаки и здесь пригодился сконструированный мною прибор. Я более-менее точно имел на планшете курс и место подводной лодки и поэтому после того, как командир начинал циркуляцию корабля, я уже был готов и вычислял курс для следующей атаки, вследствие чего каждая атака была достаточно точной. После третьей атаки был слышен глухой подводный взрыв и на поверхности образовалось большое нефтяное пятно, и вплыли обломки клиньев и досок. В режиме гидрофона ничего больше не прослушивалось.

Следует отметить умелые и слаженные действия экипажа и, конечно, командира корабля. Он вполне освоил новую технику: гидролокацию и радиолокацию и неоднократно умело использовал их. Работать с ним мне было комфортно. Командование флотом засчитало эту подводную лодку потопленной «Разумным». Командир, ряд офицеров и матросов были награждены орденами и медалями. Получил свой **второй орден – «Отечественной войны I степени»** и я, как один из активных участников этой атаки.

После этой успешной атаки командующий эскадрой Виталий

Алексеевич Фокин заинтересовался моим планшетом, велел мне сделать сообщение о нем с показом перед всеми командирами и штурманами эсминцев эскадры и даже выдал мне денежную премию, которую я тут же сдал в фонд обороны.

В это же время меня приняли в члены партии по боевой характеристике. Закончилась моя опала, длившаяся 2,5 года.

Хорошо мне запомнилась и **операция по выводу из Арктики наших ледоколов,** которая проходила в конце 1944 года.

Вообще сохранности ледоколов, как гарантов проведения навигации в Арктике, все годы войны придавалось большое значение. Лето и осень они работали в Арктике, а зимой обеспечивали проводку судов во льдах Белого моря. Главную опасность представляли немецкие подводные лодки, поэтому для вывода ледоколов привлекались максимально возможные силы.

Итак, 1944 год , ноябрь месяц. Бригада эсминцев в составе лидера «Баку» и 6 эсминцев вышла для встречи ледоколов на выходе из пролива Карские ворота.

Нужно сказать, что совместный выход по-существу всей бригады эсминцев в войну происходил не часто, обычно эсминцы действовали парами или тройками. Но тут мы шли все вместе, на пути проводили поиск подводных лодок, а наш флагманский штурман Алексей Николаевич Тюняев проверял работу штурманов на походе, каждые 4 часа требовал от всех координаты места и в свою очередь давал нам осредненные места.

У Карских ворот мы встретили ледоколы «И.Сталин» и «Северный ветер», а также идущие с ними несколько транспортов, и взяли их в кольцо охранения. После этого проложили курс Nord-West и удачно обошли с севера две или три завесы немецких подводных лодок, которые ждали нас к западу от Карских ворот. И лишь много позже корабли повернули на юг и без потерь провели охраняемые корабли в Белое море.

Гибель «Деятельного». Наступил 1945 год – последний год войны. 16 января «Разумный» вышел в море для сопровождения конвоя из Кольского залива в Архангельск. Конвой

был в составе 6 транспортов, двух танкеров в охранении лидера «Баку» и 8 эскадренных миноносцев. В светлое время суток в охранении конвоя участвовали также самолеты противолодочной авиации. «Разумный» шел на кормовых курсовых углах конвоя с правого борта.

Около 20 часов в разгар полярной ночи по конвою прошел сигнал : «Торпедирован эсминец «Деятельный», эсминцу «Дерзкий» оказать помощь, эсминцу «Жгучий» атаковать подводную лодку противника».

Конвой следовал дальше, таковы законы войны. Как мы узнали по возвращении, события разворачивались следующим образом.

В 20 часов 30 минут эсминец «Деятельный», находившейся слева на кормовых курсовых углах конвоя, был атакован подводной лодкой акустическими торпедами. У корабля оторвало корму, он лишился хода и начал медленно тонуть. Команда под руководством командира капитан-лейтенанта К.А.Кравченко и старпома О.М. Мачинского боролась за живучесть, но спасти корабль было невозможно. Вскоре корабль встал вертикально и быстро затонул. В ледяной воде оказалась почти вся команда корабля, лишь некоторые были на резиновых спасательных плотиках. В арктической воде да еще зимой, в январе можно было продержаться лишь несколько минут. К тому же неподалеку рвались глубинные бомбы – это высланный для атаки подводной лодки эсминец делал свое дело.

Эсминец «Дерзкий» подошел в район беды уже после того, как «Деятельный» скрылся под водой.

Пытаясь спасти людей, с «Дерзкого» подавали спасательные концы, которые моментально обледеневали. Когда находящийся в воде человек хватался за конец и его начинали вытаскивать на борт корабля, руки скользили по обледеневшему тросу, человек уходил под воду и больше уже не всплывал.

Удалось спасти только 7 человек: старшего помощника командира Олега Макаровича Мачинского и 6 матросов. И то это удалось только благодаря тому, что прежде чем начинали вытаскивать матросов на борт, они обвязывали себя тросом.

Эта тяжелая, трагическая картина долго стояла у нас перед глазами.

Замполит Яков Федорович Ларюков. Конец 1944 года и начало 1945 года запомнился появлением на немецких подводных лодках акустических торпед.

Торпеды выпускались подводными лодками по избранным целям и, подходя к ним, начинали наводиться на акустическое поле создаваемое винтами корабля – цели. В случае успеха взрыв происходил обычно у кормовых отсеков корабля.

Поначалу немцы достигли некоторых успехов, благодаря внезапности применения нового средства – потопили и повредили несколько кораблей.

И мы заметили, что матросы, живущие в кормовых кубриках или расписанные по кормовым постам, стали проявлять нервозность.

И в этих условиях проявил себя как ответственный человек наш замполит Яков Федорович Ларюков. Перед выходом он одевался потеплее и шел на ют, на корму, где проводил весь поход. Это действовало: в присутствии старшего офицера матросам было значительно спокойнее.

С Яковом Федоровичем Ларюковым мы служили вместе около трех лет и были в очень хороших отношениях. Особенно мы сблизились несколько позже, когда я стал на «Разумном» старшим помощником командира.

Яков Федорович не был кадровым военным. До войны он был инженером на авиационном заводе под Москвой, потом стал на этом же заводе парторгом ЦК партии. Это тоже, что комиссар на корабле. С началом войны он был мобилизован и определен замполитом на эсминец.

Он был, безусловно, очень порядочным и храбрым человеком. На моем веку мне приходилось встречаться со многими комиссарами или замполитами. Замполиты и комиссары, как и все люди, были разные: умные или глупые, порядочные или подлые, храбрые или трусливые. Но все они были не более, чем инструментами влияния большевистской партии. И как проводники влияния большевиков они, конечно, были объ-

ективно вредными для России. Но не как люди, а как агенты влияния. Яков Федорович был из лучших.

Последний боевой выход. 20 января 1945 года было днем последнего боевого выхода эсминца «Разумный». Задача была: совместно с эсминцем «Разъяренный» не допускать, маневрируя отдельно, атак подводных лодок к конвою «КП-1», следовавшему из Кольского залива в Лиинахамари. Конвой состоял из 2-х транспортов в непосредственном охранении ЭМ «Урицкий», ТЩ «АМ-117», ТЩ АМ-122», 9 катеров БО и МО.

Транспорта дошли благополучно. Однако ЭМ «Разъяренный» в процессе поиска подводной лодки был атакован акустической торпедой, у него оторвало корму до «рокового» (как и у «Сокрушительного») 205 шпангоута. Корабль удалось удержать на плаву и на буксире ТЩ «АМ-117», под охраной ЭМ «Разумный», он был отведен в Лиинахамари. При этом погибло 33 человека и 17 было ранено. Впоследствии «Разъяренный» был отремонтирован и введен в строй.

Возвращался «Разумный» на другой день один, имея на борту командующего эскадрой контр-адмирала В.А. Фокина, который по своему обыкновению немедленно примчался (прилетел) на аварию «Разъяренного». Под впечатлением происшедшего шли 32 узловым ходом, производя специально-разработанное против акустических торпед маневрирование и периодическое профилактическое бомбометание. Это был последний боевой поход эсминца «Разумный».

На этом переходе кроме общей напряженности вспоминается и комическая ситуация. Мы шли от Варангер – фиорда на восток вдоль берега в направлении Кольского залива и в определенный момент должны были повернуть на юг для входа в Кольский залив. Однако побережье было затянуто туманом, над которым возвышались только вершины некоторых гор, могущие служить нам ориентирами.

Я поднялся на мостик, запеленговал знакомые мне вершины и проложил место на карте, Виталий Алексеевич Фокин сам в прошлом штурман и постоянный воспитатель и гроза штурма-

нов тоже поднялся на мостик и, взяв пеленги, проложил свое место. Оно не совпало с моим, было мили на две восточнее. «Штурман – сказал он – нужно ворочать». Я был уверен в своем месте, но у адмирала оно было другое и я бегом поднялся на мостик, снова взял пеленги и нанес место, оно было чуть восточнее. Адмирал за мной и нанес свое новое место. «Я же Вам сказал, что у Вас неточное место, пора ворочать» – ворчит адмирал.

Тогда я сказал: «Товарищ адмирал, прикажите повернуть и я мгновенно это сделаю. Но я верю своим данным». В ответ вместо приказа о повороте, сердитое бурчание: «Ну и характер у тебя» и он снова бежит на мостик определяться. И я за ним. В конце концов, каким-то странным образом, наши места сблизились и мы благополучно повернули. Дело в том, что по морскому уставу никто не должен вмешиваться в работу штурмана иначе, чем прямым приказом с записью в навигационном журнале. И В.А.Фокин, конечно, это знал и устав соблюдал.

Случай этот способствовал установлению еще более хороших отношений между нами.

Война приближалась к завершению и, по всей вероятности, командующий флотом после описанного выше случая с повреждением акустической торпедой эсминца «Разъяренный» решил не рисковать больше «семерками» – по-существу лучшими надводными кораблями того времени.

Вскоре после возвращения из Лиинахамари наш командир Е.А.Козлов получил повышение – был назначен командиром второго дивизиона эсминцев, куда входили корабли, пришедшие из Англии.

Для этих кораблей война продолжалась до конца апреля. Правда, в связи с захватом нашими войсками немецких аэродромов в Норвегии авиационная угроза была по-существу ликвидирована, но подводные лодки противника действовали весьма активно, как в Баренцевом, так и в Карском морях и нашему бывшему командиру с его дивизионом старых миноносцев работы хватало.

25 января 1945 года командиром нашего корабля был на-

значен **Евгений Терентьевич Кашеваров** – последний командир «Разумного» военного времени.

Новый командир был непривычно «пожилым» по общему мнению. Ему было 39 лет. За плечами 14 лет офицерской службы. И эти годы он провел не зря. Командовал подводной лодкой и дивизионом лодок, учился в Военно-морской Академии, три года уже во время войны был оператором в Главном штабе ВМФ, в военное же время командовал эскадренными миноносцами «Куйбышев» и «Гремящий», участвовал во многих конвойных и других операциях.

Естественно, что он по уровню подготовки, опыту и знаниям давно перерос командирский мостик. Забегая несколько вперед, скажем, что через полгода его назначили военно-морским атташе в Норвегии.

Основными свойствами его были рассудительность, неторопливость в принятии решений и стремление к справедливости. Если вспомнить Н.И.Никольского, то новый командир был его антиподом.

Вот пример. К концу войны офицеров и матросов стали понемногу отпускать в краткосрочные отпуска. Один из матросов возвращается из отпуска в рабочем платье и докладывает, что отстал от поезда и все его обмундирование осталось в купе, где он ехал с каким-то матросом из подплава. Общее мнение: «ясное дело, все пропили».

Однако Е.А.Кашеваров не спешит с решением и наказанием. Посылает меня в Полярное в Бригаду Подводных лодок. Каково же было общее удивление: когда после непродолжительных поисков, нашли обмундирование и рассказ подтвердился. Но не тут то было. Вызывается виновный матрос и командир говорит ему: «Рассказ твой подтвердился и очень хорошо, что ты правдив. Я так и думал. Но обмундирование ты все же растерял, так что посиди 5 дней на гауптвахте и подумай». Все справедливо и сказать нечего.

1 мая 1945 года в Полярном уже по законам мирного времени состоялись парусные шлюпочные гонки на первенство Флота. Вообще хождение под парусами на шлюпках было одним

их моих любимых занятий и я еще неоднократно буду иметь случай рассказать об этом подробно, но сейчас хочу описать связанный с этими гонками комический случай. Правда, комическим он был для меня, но не для всех.

Итак, 1 мая 1945 года, Полярное, парусные гонки. Соревнования эти я выиграл, занял первое место, получил именные часы, а все матросы команды – по именному портсигару.

Приближалось время обеда и удобнее всего нам было пообедать на нашем братском корабле (sister snip по-английски) – эсминце «Грозный», который стоял тут же в Полярном по случаю вручения кораблю ордена Красного Знамени. Мой товарищ, артиллерист с «Грозного» Женя Гусев, тоже участник гонок, в соответствии с флотскими традициями, пригласил нас к себе пообедать.

Приходим в кают-компанию, а вестовые и говорят: «Извините, был праздничный обед по случаю нграждения корабля орденом, набежало штабных 50 человек, все съели подчистую, можем дать только по котлете». Мы посмеялись и я говорю Гусеву: «Пойдем с нами в Ваенгу, на «Разумный», пообедаем по-людски». «Хорошо – говорит Женя – пойдем, тем более, что меня в Ваенге ждут». Сели в шлюпку и буксир потянул нас в числе других шлюпок в Ваенгу. Приходим к нам на корабль, идем по каютному коридору с Женей Гусевым и корабельным интендантом лейтенантом Захаровым.

Навстречу нам младший кок с блюдом, покрытым салфеткой. «Что несешь на блюде?» - спрашивает интендант. «Жареного гуся» - отвечает вестовой. «Как гуся, какого гуся? Почему я не знаю?» А разговор идет как раз под дверью моей каюты. «Давай сюда этого гуся». И все заходят ко мне в каюту, в том числе и мой гость Женя Гусев.

Тут же набежали соседи офицеры, появилась бутылка водки и очень быстро от этого гуся остались одни кости. Надо сказать, что не каждый день в военной Ваенге можно было увидеть жареного гуся. Во всяком случае, это был первый в нашем обиходе.

Очень довольный я говорю Жене: «Видишь, как кормят на

порядочном корабле».

И все мы пошли гулять в офицерский клуб в Ваенге.

На следующий день вызывает меня командир Евгений Терентьевич Кашеваров и говорит. «Благодарю Вас, штурман, за выигрыш парусных гонок. Молодцы – а затем спрашивает – Между прочим, вы ели вчера на обед жареного гуся?» «Да» – отвечаю я. «А, знаете, что это был за гусь?» «Нет, не знаю».

«Дело в том, что начальник тыла Флота мой однокурсник. Он прислал мне этого гуся в подарок и я пригласил на праздничный обед по случаю занятия Берлина всех командиров эсминцев. Но пришлось нам есть котлеты с гречневой кашей. Придется мне за этот позор примерно наказать интенданта». «Почему интенданта? – говорю я – старшим там был я».

«Потому – говорит наш обстоятельный командир – что Вы отвечаете за кораблевождение, а он, т.е. интендант, должен отвечать за гуся. Вы собираетесь в отпуск, вот и поезжайте, я не злопамятен».

И я уехал **в отпуск**. С этого момента по-существу отсчитывается для меня мирное время.

Второго мая 1945 года наши войска взяли столицу немецкого рейха – Берлин. Это был по существу конец войны. Четвертого мая я поехал в отпуск. Шестого мая я был уже в Москве и встретился с мамой и сестрой Эдей. К тому времени они в начале 1944 года переехали в Москву, поближе к отцу, который с середины 1943 года работал главным инженером Фарфорового завода в подмосковном местечке Вербилки. Жили они в маленькой квартире на очень низком первом этаже, чтобы не сказать в полуподвале, весьма сыром и непрезентабельном. Сестра моя возвратилась в Москву по существу вместе со своим медицинским институтом. Отец же в середине 1944 года был отозван обратно в Киев на свою прежнюю довоенную должность главного инженера Укрфарфортреста, но в Киеве пока жить было негде. Наш дом был взорван.

Не буду описывать естественной радости встречи. Чувства моей матери должны быть понятны, но описать их я, конечно, не в силах.

Мои же чувства можно было, пожалуй, охарактеризовать словами из стихотворения моего близкого товарища И.А. Смирнова (о нем речь впереди):

«Я остался в живых после страшной войны,
в этом нет и заслуг, в этом нет и вины».

По сути, я всю войну провел на действующем флоте, «на фронте», как говорят в обиходе. Когда же не по своей воле попал на два месяца в экипаж, т.е. на берег, то принял все возможные усилия, чтобы вернуться на корабли. А что не погиб, так не случилось. Но ведь многие погибли. И что-то точит меня. Чем они хуже? Ни чем, но так сложилось. Это война.

Кроме радости встречи я, как оказалось, привез маме и сестре и некоторую радость материальную. Я привез с собой чемодан продуктов, заботливо уложенных мне в дорогу нашим славным, так некстати пострадавшим за злополучного гуся, интендантом. Конечно, это были главным образом консервы. В то время в стране была карточная система снабжения населения. Военные при переездах получали продовольственный аттестат, действующий по всей стране. По аттестату можно было получать положенные продукты в любой географической точке страны на специальных продпунктах.

Описывая военную флотскую жизнь, я не касался продовольственного вопроса. Кормили нас, в общем, хорошо. Но кроме обязательной каши два раза в день и естественного отсутствия овощей и молочных продуктов стол был достаточно разнообразен в основном благодаря консервам, как нашим, так и иностранным. Конечно, часть продуктов, поступавших от западных союзников в тех конвоях, которые мы охраняли, оставались и на Севере и в том числе попадали на корабли и, наверное, в большой пропорции, чем для населения. И мы привыкли к этому.

Но когда я приехал в Москву, то понял, что питание наше, которое мы считали обычным, по сравнению с питанием обычных людей в тылу, можно было считать роскошным. К тому же я на второй день по приезду получил еще и дополнительно некоторые продукты в Москве по своему аттестату.

“В шесть часов вечера после войны”. 9 мая вечером мы с сестрой поехали в центр на салют. С сестрой была ее подружка Люба, дочь маминой подруги. Мы познакомились, но я, конечно, не думал, что с этой девушкой я впоследствии соединю свою жизнь и проживу вместе много, много лет до смерти. Подружка как подружка. До Красной площади мы не добрались, было не протиснуться, но до Манежной площади дошли. Описать этот вечер невозможно. Невероятная радость всего народа. Объятия и поцелуи незнакомых людей, песни и пляски, свет прожекторов, военных качают. И главное, все натурально, естественно. Словом, это была история в точности из кинофильма «В 6 часов вечера после войны». Этот вечер забыть нельзя. С тех пор для меня, а как я думаю, и для всего нашего поколения 9 мая это самый радостный праздник из всех.

Все же мне кажется, нужно было лично пережить то, что пережила страна за годы войны, чтобы так прочувствовать день Победы.

Думаю, что следующие поколения, наши дети и внуки, день Победы так воспринимать не смогут, скорее умозрительно.

В Киеве сразу после войны. 11 мая я поехал из Москвы в Киев повидаться с отцом и на розыски жены и сына.

Отец мой, конечно, был рад встрече со мной, как и я. Кроме радости, что я остался жив, он видимо еще и гордился тем, что я заслужил на войне ордена и медали – показывал меня пару раз своим сослуживцам.

Пошел я в дом, где жила Галя со своими родителями. Квартира заколочена. Соседи рассказали, что, когда пришли немцы в Киев, то Галин отец Евгений Бернгардович Ринк записал себя, жену и Галю в «фольксдойчи» (volksdeutschen) т.е. в «местных немцев». Последние пользовались при оккупантах определенными преимуществами. Когда немцы покидали Киев, то большинство их ушло с немцами, в том числе и Галя со своими родителями. Итак, моя жена ушла с немцами. И сына увезла с собой.

С моими родителями в эвакуацию на восток не поехала, а с от-

ступающими немцами уехала. Я ей не судья, но факт есть факт.

И надо понимать, к тому же, что это был 1945 год. Я никогда не страдал ксенофобией, сам довольно много потерпел от нее, но отношение к немцам во время войны было особым. Это даже не была нелюбовь к иной нации. Это были враги по войне.

Столько сложностей, чтобы не сказать бед или неприятностей, было у меня во время войны из-за того, что жена моя была немкой. И я их перетерпел. Но вот оказалось, что она ушла с отступающими немцами. И тут я решил развестись с ней. Подал в суд на развод. Суд мой иск удовлетворил и развел нас.

В то время у меня все же еще оставались некоторые сомнения в правильности моего решения. Ведь я еще не знал всех подробностей их отъезда и, тем более, жизни в Германии. Однако, впоследствии, по выяснении обстоятельств оказалось, что я был прав в своем решении разойтись с ней. В Германии она завела себе другую семью, в которой родила еще одного ребенка, т.е. фактически нашу семью разрушила.

В Киеве я пробыл еще дней десять, повидал некоторых школьных товарищей. В том числе Люду Добрецову, девушку из моей школьной компании.

Затем я вернулся в Москву, где и провел остаток отпуска в основном в посещении театров.

Моя сестра Эдя, которая всегда отличалась веселым нравом и нестандартными поступками, желая развлечь меня, накупила театральных билетов на 10 или 12 спектаклей в разные Московские театры и на каждый вечер пригласила одну из своих подружек (но каждый раз – другую) мне в партнерши. Одной из них была и Люба.

Кроме театральных походов у меня было еще одно дело в Москве. Жена моего приятеля – механика с «Урагана» Степана Григорьевича Бабенко работала по распределению после института учительницей где-то в Сибири. Степан Григорьевич попросил меня добиться в Москве ее перевода на Север, поближе к нему.

И вот я пошел в Москве к заместителю министра просвещения по кадрам и изложил нашу просьбу.

Замминистра – строгая дама – на меня сначала и смотреть не хотела и слушать тоже: «У нас тут война, а вы пристаете с глупыми просьбами» – был ее ответ.

Я был молод, «политеса» не знал, опыта бесед «на высоком уровне» не имел, поэтому и ляпнул довольно резко: «Не вы тут, а мы там воюем. И мы просим перевести человека из глубокого тыла в прифронтовую полосу – 100 километров от линии фронта».

Дама свою бестактность, к удивлению, почувствовала, пришла в себя и разрешила перевод. Завершив этим свой отпуск, я уехал обратно на север.

Месяца через три мы отпраздновали приезд Степиной жены в Мурманск.

Н.И. Никольский.

Б.П. Беляев.

А.Г. Головко.

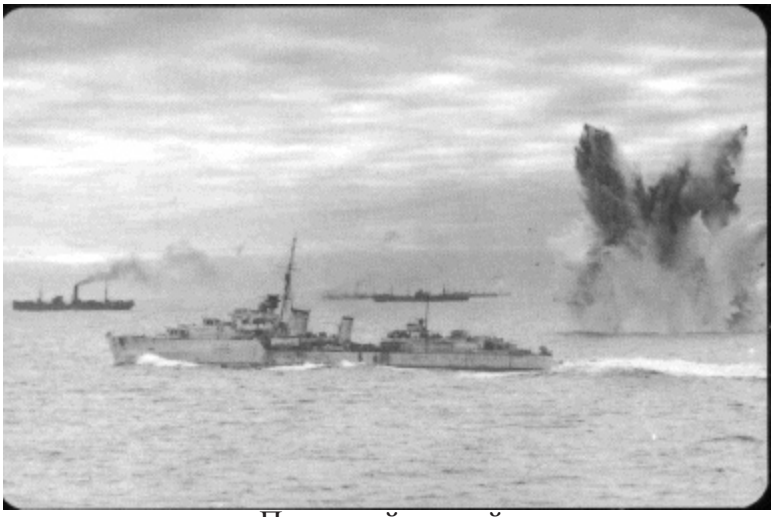
Е.А. Козлов.

В.В. Федоров.

Н.Ф. Гончар.

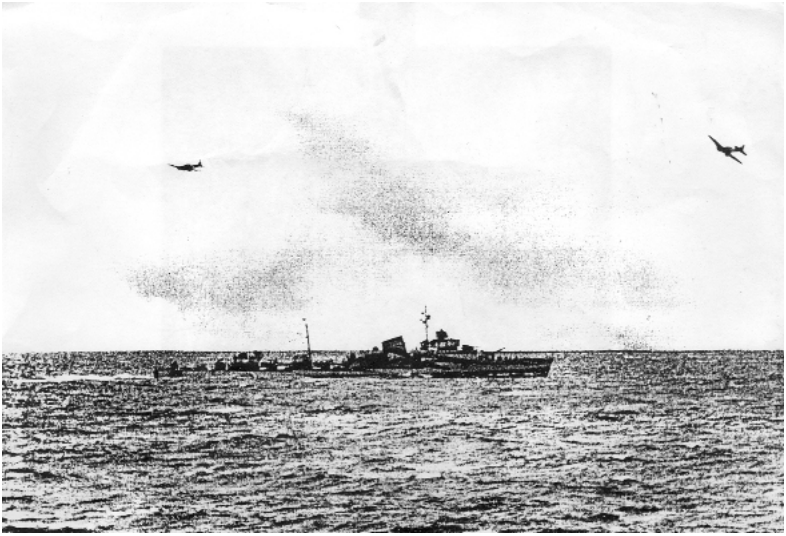
П.И. Колчин.

Моя сестра
Ю.Л. Милевская.



Полярный конвой

Конвой” PQ-17” перед выходом



ЭМ “Разумный” в море.

ЭМ “ Разумный”в камуфляже.

ЭМ “ Разумный” во льдах.

М.Н. Нигматуллин

Глава 9. На Северном флоте после войны.

Возвращение из первого отпуска. Олег Мачинский. Всефлотские шлюпочные гонки. Послевоенный Севастополь. Возвращение на Север и первое публичное выступление. Старший помощник командира. В.М.Климов. Успехи в боевой подготовке. Трагедия на «Разумном». Болезнь. Поход в Архангельск. Встреча с Адмиралом Н.Г.Кузнецовым. Вторые шлюпочные гонки. Отпуск в Сухуми.

Итак, после отпуска я вернулся на флот, в частности на «Разумный». Из событий первого послевоенного года вспоминается не очень многое. Во-первых, на корабле опять сменилось начальство. Старый командир Евгений Терентьевич Кашеваров вскоре после моего возвращения из отпуска был назначен военно-морским атташе в Норвегию, по нашим понятиям в совсем другой мир. На его место пришел капитан второго ранга Климов – о нем речь будет впереди. Старшим помощником командира – Олег Макарович Мачинский – бывший до меня штурманом на «Разумном», а затем ушедший в Англию, вернувшийся на «Деятельном» и спасшийся после гибели последнего. Спасшийся, благодаря опыту и смекалке. Он оказался на резиновом плотике с еще 6 матросами и их сняли на подошедший эсминец «Дерзкий». Подлечившись в госпитале, он пришел на «Разумный» старшим помощником взамен ушедшего Александра Степановича Бондаренко. На «Разумном» он всех и все еще хорошо помнил и служить ему было легко. Впоследствии мы с ним подружились.

Всефлотские шлюпочные гонки. Летом 1945 года в Севастополе должны были проходить общефлотские шлюпочные гонки, а так как наша гоночная шлюпка с «Разумного» заняла на флоте первое место, о чем я уже писал раньше, то меня вместе с командой и послали в Севастополь. Но от каждого флота и флотилии выделялось 4 шлюпки и вот меня назначили старшим над всей командой из четырех шлюпок – около 40 человек. Остальные три шлюпки были с других кораблей эскадры: лидера «Баку» и миноносцев «Грозного» и «Громкого». И мы поехали через всю страну с севера на юг. Был июль месяц, гонки были приурочены к празднику – дню флота.

Это была не очень простая поездка. Страна еще не отошла от войны. У нас были литеры до Севастополя, но в Москве предстояла пересадка на другой поезд. В это время мирного порядка на железных дорогах еще не было. Вокзалы были забиты толпами людей, в том числе демобилизованными солдатами и людьми, возвращающимися из эвакуации. Никакой нумерации мест не было, все бралось с бою. Однако у меня была команда в 40 организованных матросов и, естественно, выбили мы довольно легко отдельный вагон, выставили часовых и погрузили свою команду.

При посадке в наш вагон через окна влезли еще несколько порядочно пьяных незнакомых матросов, довольно агрессивно настроенных. Мои ребята связали их и поместили под лавки. Поезд тронулся. Через несколько часов пьяницы под лавками протрезвели и запросились на волю. Мы их выпустили и оказалось, что это наши коллеги с Балтийского флота, которые тоже ехали в Севастополь на гонки, но только не так хорошо дисциплинированные и организованные как мы, поэтому они при посадке пробивались в разные вагоны и, конечно, им это не очень хорошо удавалось.

Вскоре к нам в вагон пришли их офицеры, которые разыскивали своих матросов по всему составу. Мы их приняли и все вместе довольно дружно доехали до Севастополя. Среди этих офицеров оказался и Дмитрий Сергеевич Ралль, с которым мне суждено было впоследствии долгие годы вплоть до его безвременной кончины служить в Военно-Морской Академии.

Почему мои матросы были организованы и трезвы? Ну хочется, конечно, сказать, что у нас на севере был лучше порядок (в чем я тоже был уверен), но было еще одно обстоятельство: у меня в кармане было 40 отпускных билетов для поездки на родину на 10 суток для каждого матроса, но по окончании гонок. Естественно, только для каждого дисциплинированного и трезвого. Это обстоятельство тоже было не лишним.

Мы проехали через всю страну с севера на юг и попали в Севастополь. Послевоенный Севастополь был еще весь в руинах, в развалинах. Больно было смотреть на то, что осталось

от красивого знаменитого города. Отвлекусь на миг от гонок. Когда мы ехали в Севастополь ко мне обратились два офицера из штаба эскадры: флагманский связист Виктор Васильевич Лопатинский и начальник организационно-строевого отдела Александр Алексеевич Анитропов с просьбой привезти из Севастополя их семьи, которые там находились в оккупации.

Так вот, придя по адресу за семьей Лопатинского, мы застали на месте дома сплошные развалины, долго и безуспешно искали и уже собирались уходить, когда из какого-то подвала вышли люди и помогли нам в этих подвалах найти нужную нам офицерскую семью. И в таком виде был весь город.

Описывать гонки, пожалуй, смысла нет – слишком специальное дело. Но все познается в сравнении и там было чему поучиться, особенно у черноморской команды.

Парусные гонки шли у нас хорошо, особенно гонки без рулей, где главным является понимание ветра и чуткость команды. Хуже было с гребными гонками. Моя команды была составлена из любителей, а черноморская из богатырей, да еще тренированных богатырей. По совокупности мы заняли пятое место, но помнили поговорку «за битого двух небитых дают». Возвращались мы, захватив с собой две офицерские семьи с детьми и бабушками. Можно себе представить счастье этих людей, которые после стольких лет разлуки ехали к мужьям и отцам, да еще с таким комфортом и под охраной. Они меня и эту поездку помнили много-много лет. Ехали мы, использовав предыдущий опыт, с вахтой по тамбурам. По мере необходимости и в соответствии с географией отпускали матросов на побывку. Но так как многие матросы были из Северных областей, то команда как таковая не распалась до конца поездки.

Поскольку наша соединенная команда была от кораблей эскадры, то меня вызвали на доклад к командующему эскадрой адмиралу Виталию Алексеевичу Фокину. Я рассказал ему, как умел, про соревнования и про то, что бы надо сделать, чтобы лучше выступать. Ожидал недовольства за невысокий результат, но разноса не получил. Вместо этого адмирал сказал: «Дело важное, это часть морской выучки, соберем

офицеров эскадры и ты им расскажешь то же самое».

Действительно, в офицерском клубе эскадры собрали всех офицеров и я им сделал доклад об опыте наших гонок и сделал свои выводы и предложения. Это было, по сути, мое первое выступление перед большой аудиторией. Я долго к нему готовился, написал все мысли в избранной последовательности и получил полезный опыт. Вместе и с тем я получил определенную популярность за пределами штурманской компании и некоторых командиров, которые меня знали раньше.

В сентябре 1945 гола началась война с Японией. «Разумный», как я упоминал раньше, был построен на Дальнем Востоке и пришел на Северный Флот из Владивостока осенью 1942 года. На нем было много матросов и старшин в прошлом тихоокеанцев и вот на корабле стихийно возник митинг: «Верните нас на Дальний Восток. Мы должны принять участие в войне с Японией». Дело патриотическое и я тоже принял участие в этом митинге.

Но политическое начальство этой патриотичности не разделяло. В Советское время все инициативы низов могли начинаться только сверху. А тут вдруг инициатива, никем не санкционированная. На нас строго прицыкнули, но все же не наказали – желание то было благородно и патриотично. Офицерам «разъяснили» политический аспект и на том дело кончилось.

Осенью Олега Мачинского перевели старшим помощником командира на лидер «Баку», а меня назначили на его место старшим помощником командира на «Разумном». Со штурманской службой было покончено навсегда. Я перешел на строевой путь, на командирскую, а затем на оперативно-штабную работу.

Переход, можно сказать, произошел безболезненно. Во-первых, у меня была склонность к организационно-командной работе, во-вторых, я уже служил на «Разумном» полтора года, знал всю команду, всех старшин и матросов до единого, любил и уже умел с ними жить дружно, весело, но и строго, когда нужно. Эти навыки потом помогали мне в течение всей жизни на разных уровнях и в разных коллективах.

Экипаж корабля был опытен и спаян. Я был его частью и в этом смысле все было хорошо. К тому же довольно много знал и умел и за пределами штурманской службы, кроме, пожалуй, боевой подготовки артиллерии, что и сказалось позже, как увидит читатель.

Василий Михайлович Климов. Командир Василий Михайлович Климов уже устал наверно от «радостей» службы, полностью мне доверял и предоставил большую свободу, далеко за пределами моей должности.

Вообще Василий Михайлович Климов заслуживает по своей колоритности отдельного рассказа.

В прошлом флагманский штурман ВМФ, для мостика миноносца уже староват – 45 лет и любил заложить за галстук. По-своему достаточно порядочный человек, но по-своему. Увидел, что я свое дело знаю и отдал мне столько инициативы, сколько я сумел и хотел взять.

Происходил он из крестьян пензенской губернии и обладал потрясающим русским народным языком. Два человека из моей жизни так владели языком: моя мама и Василий Михайлович Климов. Он говорил Лесковским языком с бесчисленным количеством поговорок и присказок. Например, «В Пензе все девки толстопятые», «Пермяк – соленые уши» и т.д.

Благодаря природному уму и способностям он очень много знал и из «совсем другой сферы», например, превосходно знал архитектуру Ленинграда, кто что построил, хорошо разбирался в литературе.

В жизни его, однако, была тяжелая сторона – неудачная женитьба. В молодые годы в нетрезвом виде он женился на официантке – грубой и совершенно необразованной женщине, но с сильным характером. Семейная жизнь его тяготила, однако разорвать ее он не имел сил и, кроме того, очень любил маленькую дочь.

Эта неудача, чтобы не сказать, трагедия, очень сильно повлияла на его жизнь и была, пожалуй, основным стимулом к выпивке, пьянел он быстро и сильно.

И вот я решился на жесткую меру: запирал весь корабель-

ный спирт к себе в сейф и выдавал ему очень понемногу, в основном, когда гости приходили.

Опишу два случая. Был у меня в команде рулевых матрос из села на Украине – Миша Демченко, громадного роста скромный парень, гребец моей призовой шлюпки. Профессию матроса он считал недостаточно серьезной: «хиба це робота, шваброю махаты?», говорил он. И вот он, наконец, нашел достойную работу, выучился на корабельного сапожника. Действительно, на 300 человек команды всегда была сапожная работа. Захожу я в порядке проверки к Мише в мастерскую и вижу там диванный валик красной кожи. А нужно сказать, что довоенные корабли строились роскошно, диваны и кресла в каютах и кают-компаниях красной кожи, занавески бархатные, все инкрустировано и т.д. «Что за валик?» - спрашиваю я у Миши. «Командир дал, евонной бабе туфли сшить». Забрал я этот валик и пошел стыдить командира. «Как можно?» Другой бы командир меня со свету сжил, а Василий Михайлович застыдился «Бес попутал!» И никаких последствий за мое нарушение субординации.

Корабль он мне доверял в очень большой мере. Как-то должны мы были выходить в море на боевую подготовку. За полчаса до выхода приходит Василий Михайлович и с ним молодая дама в офицерской форме – «врачиха» из медсанотдела флота. «Знакомься, Анатолий, я давно обещал Марии Петровне свозить ее в море» и повел даму к себе в каюту на угощение. Женщина на корабле на боевых стрельбах – это был, конечно, нонсенс.

Делать нечего, хотя это нарушение хуже некуда. Поднялся я на мостик, сыграл аврал и мы вышли в море на стрельбы. И все бы ничего, но сразу после выхода получаю сигнал: «На траверзе Полярного застопорить ход, принять командующего флотом адмирала Платонова и доставить его на о. Кильдин, после чего следовать в полигон на стрельбы». Докладываю командиру, но он уже принял дозу в приятной компании, конечно, испугался и говорит: «Делай, что хочешь, меня нет, я болен» – и запер дверь на ключ.

Застопорили ход, приняли командующего, я ему докладываю: «Командир заболел, он у себя в каюте, выйти не в состоянии». Не знаю уже как и почему, но командующий флотом доклад принял, он меня знал, поднялся на мостик, велел пожелать командиру выздоровления и мы благополучно доставили его на Кильдин, где он сошел на катер. Одно из предположений, что комфлот знал о склонности Василия Михайловича заложить за галстук. Но женщину в море он бы ему, конечно, не простил, если бы узнал. Правда, у нас был необыкновенно порядочный замполит – Яков Федорович Ларюков, о котором я рассказывал выше. Словом пронесло. Стрельбы мы провели и вернулись в базу, набравшись страху. Вот такие случаи были у нас с Василием Михайловичем. Я думаю, что за мое поведение, умение все делать на корабле и выручать его в сложных случаях он и прощал мне мое «нахальство», как, например, в вопросах о спирте и несостоявшихся туфлях из диванного валика.

В общем, Василий Михайлович был умным и проницательным человеком. Вспоминаю, как в доверительной беседе он еще тогда, т.е. в 1946 году говорил мне: «Надвигаются снова тяжелые времена. Вспомним еще 37 год». И он был провидцем. По крайней мере, для меня и многих близких.

С началом 1946 года «Разумный» приступил к боевой подготовке. До этого времени я занимался подготовкой специальной (т.е. кораблевождением) и боевой подготовкой в масштабе относительно маленького, но если так можно сказать чисто интеллектуального штурманского коллектива, где уровень подготовки полностью определялся знаниями штурмана, все остальные его обслуживали по мере надобности.

Теперь я столкнулся с необходимостью организовать боевую подготовку коллектива в несколько сотен человек, работающих совместно. Пришлось изучить курс общекорабельной подготовки и я решил начать все с начала. С января 1946 года мы начали планировать и проводить выходы в море на выполнение все усложняющихся задач.

Прошло 3 месяца. Остальные корабли бригады были да-

леко позади и мне это льстило, конечно. Как-то на корабль прибыл контр-адмирал В.А.Фокин с проверкой, потребовал журнал и записал «Качество и темп боевой подготовки следует признать нормальным». Я был про себя огорчен, мне казалось, что мы заслуживали более высокой оценки, ведь мы далеко ушли вперед от других кораблей. Это был не первый случай, когда я встретился с жесткой требовательностью Виталия Алексеевича. Это было отдельно от его заботливости.

Помню еще случай с моей очередной аттестацией. У меня подходил срок получения очередного звания «капитан-лейтенант». Оставался год. И Фокин меня явно выделял в лучшую сторону среди молодых офицеров эскадры. А в аттестации написал: «Через год, как достойного, представить к очередному званию». Мне это тогда показалось обидным. Но прав то был, конечно, Фокин. Прав он оказался и в оценке боевой подготовки на нашем корабле. Одно дело маленькая штурманская часть, где все или почти все определяется личной подготовкой командира-штурмана и другое дело корабль в целом с экипажем в 2,5 – 3 сотни человек.

И нас постигла трагедия. Мы провели учебные зенитные стрельбы малокалиберной зенитной артиллерией – зенитными автоматами и собирались отстрелять учебную стрельбу основным зенитным калибром - орудиями 76,2 мм. Огнем этих орудий управляют уже не глазомерно, как зенитными автоматами, а с помощью специальных приборов, вычисляющих необходимые данные.

Специальной подготовкой к этим артиллерийским стрельбам занимались три офицера: командир зенитной батареи лейтенант Понтовский, командир артиллерийской части старший лейтенант Огородников и дивизионнный артиллерист капитан-лейтенант Тюкин. Из них лейтенант Понтовский был довольно туповатым, упрямым и не вполне внушал доверие, но остальные двое вполне на месте. И я им доверил подготовку к стрельбам.

Следует упомянуть, что для обеспечения безопасности учебной стрельбы к каждому стреляющему орудию приставляется

специальный старшина-контролер, который должен следить за тем, чтобы ствол орудия был направлен вне корабля или, если сказать более обще, безопасно для экипажа.

Были такие контролеры и на этой стрельбе «Разумного». Общее число залпов также контролировалось, но уже офицером, ведущим огонь в нашем случае командиром зенитной батареи – лейтенантом Понтовским.

Мы вышли в море, прилетел самолет-мишень и начались стрельбы. И вот что произошло. На последнем залпе приборы управления выработали все установки и дали сигнал к окончанию стрельбы и возвращению зенитных орудий вдоль диаметральной плоскости в исходное положение, пушка повернулась в диаметральную плоскость, но последний выстрел произошел уже после этого и снаряд разорвался у соседнего орудия главного калибра. Прозевал и командир батареи, управлявший огнем, и старшина-контролер у орудия – старшина 1 статьи Кувшинов.

Погибло 7 человек, в том числе и фактический руководитель стрельбы дивизионный артиллерист Евгений Тюкин. Горе было огромным. Прибыла комиссия, определили дефект в системе приборов управления зенитной стрельбой (отсутствие выработки временной выдержки после окончания стрельбы), управляющий огнем лейтенант Понтовский был осужден на 5 лет тюрьмы, командир получил строгий выговор, а я тяжелый жизненный урок.

Все время казалось, что, проводи я лично инструктаж контролеров, и не было бы трагедии. Но чем выше поднимаешься, тем больше приходится полагаться на окружение, и все же, все же...

Усиленная и непрерывная работа в большей части на открытом морозном воздухе повлияла на мое здоровье, у меня стало болеть горло и я даже иногда сплевывал кровью, стал носить все время черный шерстяной шарф. Что за болезнь, разобраться не мог. Корабельные и штабные врачи тоже. Боялись, не туберкулез ли. Правда с наступлением более теплых дней болезнь меня несколько отпускала. Чтобы не форсиро-

вать голос, а старшему помощнику почти все время нужно отдавать команды, я выучил специального матроса, который громко дублировал мои команды, произносимые тихо. Конечно, исчезал эмоциональный момент, довольно важный, но сходило.

Так как вся эскадра летом 1946 года отправилась в Белое море, где условия боевой подготовки (климат и волнение моря) были более благоприятными, чем на Мурмане, я попал снова в Архангельск, откуда позвонил по телефону сестре Эде и советовался о состоянии своего горла. Эдя к этому времени уже окончила медицинский институт в Москве и, естественно, стала для меня медицинским авторитетом и осталась таковым на всю жизнь. Она обещала подумать и порекомендовать что-нибудь. С наступлением лета и относительного тепла, а так же в результате моих мер по уменьшению форсировки голоса, болезнь стала отступать, версия туберкулеза стала казаться мало вероятной и я несколько успокоился.

Тем не менее, наш грозный, неугомонный и заботливый адмирал В.А. Фокин вызвал меня к себе, специально расспросил о здоровье и моих намерениях. Но я так увлекся своей новой работой, что просил не перемещать меня никуда. Он согласился.

Чтобы не возвращаться, скажу, что болезнь горла сопровождала меня всю жизнь, но я научился с ней бороться и нормально существовать. В первую же поездку в Москву Эдя и Люба, через Любиных родителей показали меня известному профессору-отоларингологу Якову Соломоновичу Темкину. Он определил, что у меня полипы на голосовых связках и рекомендовал курс электропрогреваний, который и снял все признаки болезни при условии щадящего голосового режима. Однако впоследствии я много лет работал преподавателем, голосовая нагрузка была изрядной и приходилось периодически процедуры повторять. При этом я научился сам определять моменты этих повторений. И так удалось прожить с этой болезнью до сих пор. А с прекращением систематической лекторской деятельностью она и вовсе отступила.

Но вернусь к лету 1946 года. Мы провели два месяца на Куйском рейде в 40 милях к северу от Архангельска, корабли выполнили успешные курсы боевой подготовки, офицеры и матросы побывали по несколько раз в увольнении на берегу в «северном Сингапуре», как звали Архангельск, посмотрели зеленые деревья, покупались в Северной Двине, пообщались с местными девушками, словом отдохнули.

Адмирал Николай Герасимович Кузнецов. Еще одно впечатление этого лета – первая встреча вблизи с Военно-Морским Министром Адмиралом Флота Николаем Герасимовичем Кузнецовым – личностью, безусловно, незаурядной, а для Флота исторической.

Он проводил смотр нашего корабля, остался доволен.

Внешне это был очень спокойный и выдержанный человек – таково было впечатление. Кораблем остался доволен, собрал весь экипаж и поблагодарил, сфотографировался с нами.

Не могу не написать несколько слов о нем, хотя может быть и без меня о нем многое знают. Быстрый административный рост в эпоху репрессий, не поставил его в ситуацию неготовности при увеличении масштабов деятельности как многих других, например, командующего в начале войны Западным фронтом генерала Павлова. Видно способности, характер и масштаб личности были действительно незаурядны.

Когда он был в период гражданской войны в Испании Советским Военно-Морским представителем при Испанском республиканском правительстве, на его глазах в гавани Картахены в результате внезапного налета фашисткой авиации был потоплен линейный корабль. Вывод, который он сделал из этой частной трагедии, показывает масштаб личности. Когда в 1939 году он стал народным комиссаром (министром) Военно-Морского флота, то ввел систему оперативных готовностей для всего флота. В случае необходимости достаточно было дать один сигнал, чтобы все силы Военно-морского флота изготовились к боевым действиям. И такой сигнал был дан 22 июня 1941 года. Благодаря этому корабли и базы флота не понесли потерь при внезапных налетах авиации противника

в первые часы войны. А ведь все базы флота подверглись таким налетам в первую же ночь войны.

Армейские генералы в это время несколько часов писали и передавали указания шифром. И очень большая часть советской авиации погибла в первые часы и дни войны под внезапными ударами противника.

Другой пример масштаба личной ответственности. Еще за две недели до начала войны в базах флота им был отдан приказ – открывать огонь по немецким самолетам при вторжении в нашу зону. «Агрессорам нужно показать кулак» – писал он впоследствии. А верховный главнокомандующий в это время призывал не поддаваться на провокации.

Вторые общефлотские шлюпочные гонки. Во время нашей летней кампании в Белом море не прекращались шлюпочные учения и парусные гонки. Наши эскадренные шлюпки выиграли внутрифлотские соревнования и мы вновь поехали в Севастополь на общефлотские гонки. Теперь, однако, мы знали куда ехали, были лучше подготовлены и заняли второе место после черноморцев, всех остальных мы обошли. Это был успех и все были довольны: и мы, и начальство.

В этих гонках принимал участие и мой друг Олег Макарович Мачинский – старший помощник командира лидера «Баку».

После окончания гонок мы с ним, отправив победившие команды в отпуск, сами тоже поехали в отпуск в дом отдыха северного флота в Сухуми на пароходе из Севастополя. Впервые я провел в отдыхе месяц на Черноморском побережье.

При приезде в Сухуми произошел комический случай.

Дом отдыха был на порядочном расстоянии от гавани и мы наняли носильщиков – местных молодых ребят, поднести наши чемоданы.

Послевоенные годы было тревожным с точки зрения грабежей, а путь наш лежал через какие-то темные места, освещения нет никакого.

«Как тут у вас балуются налетчики?» – спрашивает Олег. «Бывает» – говорят носильщики. «И багаж могут отобрать?» «Бывает» – отвечает носильщик. «И побить могут?» «Быва-

ет» – отвечает носильщик. «Но с нами не будет» – говорит Олег и вытаскивает пистолет Макарова. А у нас после войны оставались такие пистолеты, был и у меня.

Носильщики в страхе бросают наши чемоданы и скрываются в темноте. Так мы и остались ночью в незнакомом месте с грузом и еле-еле добрались до дома отдыха.

Еще одно комическое обстоятельство осталось в памяти. Рядом с домом отдыха местная психиатрическая больница – «сумасшедший дом», как ее называли. Между ними волейбольное поле. И когда отдыхающие играли в волейбол, пациенты «сумасшедшего дома» высыпали на забор и совершенно здраво обсуждали игровые события. Местные злые языки говорили, что значительная часть «пациентов» укрывались в «сумасшедшем доме» от войны и не решались сразу выйти – досиживали.

У Олега Мачинского возник роман с местной красивой и приятной девушкой Таней Василевской. И я тогда не думал, конечно, что эта девушка станет впоследствии его женой и нашим многолетним другом.

Перед отъездом нужно было доставать железнодорожные билеты. Это была целая проблема. Пошли с Олегом к начальнику Сухумского вокзала – он обещал оставить нам билеты. Когда пришло время их получать, кассир говорит «Нет билетов». Идем снова к начальнику вокзала: «Но Вы же обещали». «Ну и что – следует ответ – я обещал, я и отменил обещание». Еле добились все-таки билетов.

После дома отдыха я заехал в Москву на несколько дней, провел их дома, в основном в компании Эди и Любы, после чего уехал на Север. Наступила осень, а вместе с ней новые перемены. Насколько я мог понимать начальство (командир корабля, командующий эскадрой) было мной довольно и мне объявили, что меня посылают в Ленинград учиться на курсы командиров эскадренных миноносцев. Туда же послали и Олега Мачинского.

Глава 10. В Ленинграде, на курсах командиров миноносцев.

Состав группы. Учеба. Послевоенный Ленинград. Слушательский быт. Борщ с курицей. Развлечения. Балет и новогодний ужин с Н.И.Никольским. Два училищных диплома. Женитьба и свадебное путешествие.

Осенью 1946 года мы приехали в Ленинград. Расстаться с «Разумным» мне было не очень легко. Это был любимый корабль. Здесь было все: и память войны, и успехи и неудачи, радости и горе. Здесь я стал, по сути, самостоятельным офицером.

Василий Михайлович Климов уговорил меня остановиться в его большой ленинградской квартире на Зверинской улице, где жила его жена с маленькой дочкой. По приезде я обнаружил в этой квартире кроме них какого-то мичмана в качестве друга дома. Мария Дмитриевна – жена Климова мне и раньше не нравилась, а тут тем более, и через пару дней я переехал от них в общежитие курсов. В общежитии нам с Олегом дали на двоих отдельную приличную комнату в жилом корпусе СКОС'а («Специальные классы офицерского состава»), который находился в одном комплексе зданий с учебными корпусами.

Началась учеба. В классе было 20 офицеров со всех четырех морей и океанов. Большая часть из них были, как и мы с Олегом, старшие помощники командиров эсминцев, но было и несколько командиров тральщиков. Были и 2-3 уже командира миноносцев.

По возрасту они были в основном несколько старше нас, а двое-трое значительно старше.

Положение одинаковое, опыт, финансовые возможности, жилье и питание тоже, так что жили мы довольно дружно. Война закончилась недавно, у нас был опыт, хотя и сходный, но временами и различный, мы им с удовольствием обменивались.

Учеба на курсах была поставлена не просто хорошо, но превосходно, прекрасно оборудованные учебные кабинеты, очень

хорошие преподаватели, продуманная программа – только успевай поворачиваться. Через 3 месяца уже начались зачеты и экзамены, нагрузка была большая.

Учился я, как и раньше, с большим удовольствием, тем более, что я понимал, где и как все мне пригодится и окончил на все пятерки. Олег тоже хорошо учился, «за компанию с тобой», как он говорил.

Из преподавателей отмечу профессора капитана 1 ранга Ухова – он преподавал кораблевождение. Образованный интеллигентный офицер, по совместительству работал в Ленинградском Институте Точной Механики и Оптики (ЛИТМО), весьма квалифицированный преподаватель, внешне очень подтянут.

Был у нас в группе капитан 3 ранга Кокка – командир черноморского трофейного (в прошлом Румынского) миноносца. Училища не кончал, а только курсы. Было два выпуска таких курсов в Севастополе. Если читатель помнит, такие курсы кончал бывший командир «Разумного» Виктор Васильевич Федоров. Но он то, в отличие от Кокки, кончил их с толком.

Так вот Григорий Иванович Кокка приехал в Питер погулять, а не учиться и хватил у Ухова двойку по навигации. Послали меня – штурмана – любимого ученика, к Ухову просить исправить оценку Кокке. «Что оценка – говорит Ухов – оценка – ерунда, но честь нельзя марать. Ведь когда он сядет на мель, а это скорее всего случится, спросят: «У кого он учился?» И моя честь будет замарана. Так что не просите, останется у него двойка за моей подписью».

Вспоминается курс и кабинет торпедной стрельбы и преподаватель капитан второго ранга Запутряев. Кабинет оборудован мостиком миноносца со всеми приборами, корабли и цели атаки отображались на специальном экране, моделировалось относительное перемещение во всей быстротечности атаки, звуки выстрелов, шум моря с помощью звуковых имитаторов. Выучились мы хорошо.

Прекрасно читал систему приборов управления зенитным огнем инженер – подполковник Самуил Симонович Ривкин в

будущем профессор гироскопии и мой товарищ по Военно-Морской Академии. Словом преподаватели были один другого лучше.

Помню даже преподавание философии. Попалась мне книга Александрова «История Философии», Я ее прочел с интересом: Аристотель, Платон, Анаксагор… и рассказал об этом на семинаре, не вдаваясь совершенно в современные вопросы марксизма-ленинизма. Получил одобрение и единственные пять с плюсом в группе (очевидно за свой интерес к древности).

Одним словом после окончания курсов мы были теоретически весьма хорошо подготовлены к должности командира миноносца. Отмечу, что и масштаб соединения тоже был не забыт.

Зима 1946-47 г. в Ленинграде была довольно холодная, с питанием было не очень хорошо, чтобы не сказать плохо, даже у военных.

Начальство организовало выезд в область на заготовку картофеля. И нам с Олегом достался мешок картошки. А тут еще меня навестил в Ленинграде отец, который приехал в командировку. Он привез нам порядочный кусок украинского сала.

И вот мы каждое утро ставили на электроплитку котелок с картошкой, а на переменке бегали выключать его. И имели к обеду картошку с салом, весьма неплохую прибавку.

Вспоминается еще один кулинарный случай. Назначили меня дежурным офицером по классам. Одна из обязанностей – снимать пробу. Пришел я на камбуз. Жирный кок приглашает меня к столу, где приготовлен специально для меня обед-проба, вижу тарелку густого борща, в котором плавает хороший кусок куры.

Но я воспитанник кораблей, где пробу нужно снимать обязательно непосредственно из котла, отдельная еда при пробе – дурной тон.

Я требую из котла. Повар слегка смущен, но делать нечего – ведет меня к плите, на которой я вижу два котла: один большой с пустым борщом, второй маленькой, где густо-густо

и жирно плавают куски кур.

«Перед раздачей мы смешиваем» – объясняет кок. Тут я вспомнил, что такое блюдо «борщ с курицей», где курами и не пахло, действительно иногда бывало в нашем меню и сразу понял причину. Говорю коку: «Смешайте при мне». «Не положено по технологии» – отвечает кок. «Немедленно смешать или отстраню от работы» – сердито говорю я. Нехотя кок смешивает содержимое из двух котлов и на обед всем курсантам попадает небывалое НАСТОЯЩЕЕ блюдо.

Вечером мне выражено неудовольствие от начальства за «превышение полномочий». Больше меня дежурным не назначали, очевидно из-за ухудшения соответственно начальственного питания.

Не могу не вспомнить еще одну комическую встречу. Иду я вечером по учебному коридору, а на встречу мне изрядно подвыпившая странная пара, полковник административной службы и мичман, обнявшись, поют деревенскую песню. Оказалось: были два друга мичмана в тридцатые годы, служили вместе. Потом один разочаровался в военной службе и уехал в деревню. Но через полгода вернулся на флот и стал снова мичманом. А приятелю его за время его отсутствия каким-то образом присвоили звание младшего лейтенанта, т.е. младшее офицерское звание. И потом постепенно он и получал очередные административные звания по выслуге. Но в сущности мичманом и остался. Такая вот военная встреча.

Еще одно развлечение на курсах – школа танцев, преподавала нам балерина из Ленинградской оперетты. На танцах я в начале успевал хорошо и был даже партнером нашей преподавательницы на показах. Но только до мазурки – тут меня отставили за неуспеваемость.

Ходили мы с Олегом на балет в Мариинку, повидали все спектакли. Один юбилейный спектакль я запомнил на всю жизнь. Давали «Лебединое озеро». В первом действии танцевала Семенова, во втором – Дудинская, в третьем – Уланова.

В то время, когда мы учились на курсах командиров, в Ленинграде же, в Военно-Морской Академии учился наш общий

любимый командир «Разумного» - Николай Иванович Никольский. И мы с Олегом решили и пригласили его с женой Тамарой Михайловной на новогодний ужин в ресторан «Астория». Приглашение было принято с удовольствием (благо с товарищами по академии у него отношения не очень ладились, очевидно, из-за описанных выше сложностей характера). Ужин прошел прекрасно – мы истратили на него два месячных жалованья, но нисколько не жалели – ведь были молодые и бессемейные. Моей партнершей на этом вечере была Катя Погодина – девушка из нашей училищной компании – в прошлом лаборантка кафедры физики, очень веселая и добрая. В последствии она вышла замуж за офицера-моряка, затем ставшего рыбаком, уехала с ним в Калининград, родила троих детей, овдовела. Мы с ней до сих пор на Новый год перезваниваемся, а иногда, раз в несколько лет и видимся.

Кроме учебы и развлечений были и другие важные дела.

Во-первых, я нашел поблизости от наших классов хорошую больницу и проделал полный курс физиотерапии горла, как велел профессор Яков Соломонович Темкин. Мало того, что я подлечил горло, но освоил использование этой процедуры, которую неоднократно сам себе с успехом назначал впоследствии в течение всей активной жизни.

Во-вторых, я досдал все государственные экзамены в Военно-Морском Училище им. Фрунзе. Дело в том, что в 1941 году в виду начала войны нас выпустили из Училища лейтенантами после того, как мы сдали только четыре государственных экзамена из 15 и диплома о высшем образовании у меня не было. Такое положение мне не нравилось, я обратился к начальнику Училища и получил разрешение сдавать государственные экзамены вместе с курсантами очередного выпуска. Я сдал и получил диплом с отличием, но выпуска 1947 года. Конечно, сдавать экзамены, имея знания и опыт офицера, было несравненно легче, чем курсанту училища, но все же поработать пришлось изрядно.

Скажу сразу, что по возвращении на флот я получил по почте и диплом об окончании училища за 1941 год. Начальство

раскачалось после войны. Таким образом, у меня до сих пор сохранилось два диплома об окончании одного и того же учебного заведения, но в разные годы.

И, наконец, самое главное событие в моей жизни. На студенческие каникулы приехала в Ленинград Люба, мы провели вместе весь ее отпуск и решили пожениться.

В июне, перед нашим окончанием, Люба снова приехала в Ленинград и мы с ней расписались в ЗАГС-е на Петроградской стороне. Процедура была скромной. Гость и свидетель был один – Олег Макарович Мачинский. Он достал где-то открытый красный автомобиль, мы поездили по городу и потом устроили торжественный обед в «Астории». Потом разъехались: Люба в Москву, а я на практику в Балтийск на эскадру. С тех пор мы живем в мире и согласии, в любви и дружбе уже 60 лет.

Практика в Балтийске на эскадренных миноносцах прошла успешно. Запомнилась процедура потопления так и недостроенного немецкого авианосца «Граф Цепеллин», который достался нам по разделу. Его на моих глазах потопили торпедами с наших эскадренных миноносцев в южной части Балтийского моря.

Был я на приеме у своего любимого вице-адмирала В.А. Фокина, который оказался на Балтике в должности начальника штаба флота. Встретил он меня хорошо, по-дружески. Очень обрадовала меня и встреча с моим училищным другом Игорем Лисовским – он был уже дивизионным артиллеристом на эсминцах Балтийской эскадры, женился на Шуре Федоровой, девушке из нашей училищной компании, с которой сблизился в период Ленинградской блокады. В 1943 году у них родился сын Витя. Последствия блокадного голода, конечно, сказались на ребенке – он вырос маленьким и болезненным. Но в 1947 году, когда я их встретил, они жили счастливо, в отдельном домике в офицерском поселке эскадры Камстигале.

По окончании практики я приехал в отпуск в Москву и мы с Любой уехали отдыхать в санаторий ВМФ в Хосту.

Ехали мы фактически в свадебное путешествие в междуна-

родном вагоне старого типа – красного дерева с личным умывальником и прочими приметами старинной роскоши.

Встаю я утром и вижу, что в соседнем купе едет тоже в отпуск не кто иной, как новый командующий эскадрой Северного Флота контр-адмирал Александр Михайлович Румянцев – бывший начальник штаба нашей эскадры при В.А. Фокине. Оба мы обрадовались встрече, поговорили о службе и он сказал, что ждет меня осенью на Севере, место командира эсминца будет.

В этот же период получил отпуск и Олег Мачинский, который поехал в Сухуми и женился там, на Тане Василевской, которая стала Таней Мачинской. Люба и Таня очень подружились сразу же и навсегда. Эта дружба продолжалась долгие годы.

Мы с Любой съездили в Сухуми, потом Олег с Таней навестили нас в Хосте и мы вместе съездили на озеро Рица – посмотрели красоты Кавказа. В конце отпуска 11 октября мы с Любой сели на пароход и плыли от Сочи до Одессы – очень приятное путешествие. В Одессе мы были гостями в семье профессора Ясиновского – друзей Любиных родителей. Это было мое первое знакомство и со знаменитым городом с его красотами природными и рукотворными, с его неповторимым колоритом.

Затем сели на поезд в Москву и через несколько дней я отправился в Мурманск, за новым назначением.

Отец моей жены
профессор М.С. Вовси.

Мать моей жены
В.Л. Вовси.

Перед свадьбой.

Глава 11. Командир «Урицкого».

Первые шаги. Знакомство с командой и первые успехи. Снова Н.И.Богданов. Составление боевых наставлений. Успехи команды. Отношения со штабом и тылом флота. Ужин в «Арктике» и трагедия А.И.Андреева. Приезд Любы и званный вечер. На учебу в Академию.

В штабе флота меня ждало новое назначение – командиром эскадренного миноносца «Урицкий» - бывший «Забияка». Это был старый корабль постройки 1915 года, с богатой боевой и революционной историей. Он участвовал в Октябрьской революции – пришел в Петроград с матросами в день восстания и был в центре событий Октября.

На Север пришел по Беломорканалу в 1933 году, имея на борту Сталина и Кирова, и сразу вошел в состав основных сил зарождающего Северного флота. Корабль был старый, но очень хорошего проекта, т.н. «Новик». «Урицкий» был школой командиров Северного Флота – все или почти все известные офицеры и адмиралы северяне: А.Г.Головко, В.А.Фокин и другие были в разное время его командирами. Достойно сражался он и во время Отечественной Войны.

И вот я был назначен командиром на такой заслуженный исторический корабль.

С одной стороны мне было все знакомо – я достаточно долго служил на эскадренных миноносцах и прошел хорошую школу военного времени, прошел нормальный путь через все ступени, понимал все корабельные процессы и многое умел.

Но ведь это был новый коллектив, где я не знал ни одного человека.

И были трудности с дисциплиной. Корабль долго стоял в ремонте, а это всегда плохо для коллектива. Без моря команда растренировывается, разбалтывается.

Миноносец корабль не очень большой и я привык знать каждого человека.

Придя на корабль и приняв дела, я приказал построить экипаж, представился всей команде и кратко рассказал о себе, своем пути и поздоровался за руку с каждым матросом, пред-

упредил, что буду спрашивать службу строго, но что каждый матрос может обращаться ко мне в случае нужды.

Хотелось мне все уметь, как умел Н.И.Никольский, но быть и справедливым, как Е.Т.Кашеваров. Примеров у меня было много, было у кого поучиться, как себя нужно вести и как не нужно. Отдельно поговорил с офицерами.

На второй день моего пребывания в должности кораблю приказали перейти из одной бухты Кольского залива в другую и стать к причалу. Переход занял несколько часов и мы ошвартовались у пирса в новой бухте. Спускаюсь вниз и вижу очень довольные лица офицеров и команды.

Оказывается, офицерам и команде было удивительно, что мы проделали маневр швартовки быстро, с малым числом перемен курсов и скоростей. Для меня этот был обычный и, в общем, простой маневр, привычный по «Разумному» и я сразу не понял, почему это так обрадовало офицеров и команду.

Выяснилось, что у предыдущего командира было неважно с глазомером и решительностью, швартовки отнимали много времени и нервов. Командир маневрировал на малых ходах и корабль все время сносило течением и ветром. Если скорости хода были бы большие, то снос влиял бы меньше и маневр выполнялся бы быстрее и лучше.

Таким образом, я сдал первый экзамен во многом за счет ошибок прошлого командира.

Через пару дней первый блин комом. Замполит предупреждал меня, что на корабле бывают и нередко самовольные отлучки матросов с корабля на берег. Это серьезный дефект.

И вот первая самоволка уже при мне. Приказал собрать весь экипаж, вывел нарушителя перед строем и говорю не ему, а всему экипажу. «Случай скверный и я обязан отдать нарушителя под трибунал. И вот я советуюсь с вами, что мне делать. Что скажете?» «Простите его» – просит команда. «Но если я его не отдам под суд, такие случаи будут повторяться». «Не будут» – обещает строй.

«Хорошо – говорю я – Поверю вам на первый раз. Но если случай повторится, то собирать вас не буду, приглашу проку-

рора, не обессудьте. А сегодня виновник пусть посидит на гауптвахте полный срок и подумает».

Самовольные отлучки на этом кончились. Но, наверно, не только благодаря разговору, а еще и потому, что корабль начал интенсивно заниматься боевой подготовкой.

Еще одна радость – я встретился снова с Николаем Ивановичем Богдановым – нашим бывшим командиром дивизиона сторожевых кораблей, которому, как упоминалось ранее, я был обязан переводом с «рыбного» тральщика сторожевика на «Ураган» – настоящий боевой корабль, пусть и небольшой.

Н.И.Богданов был у меня теперь командиром дивизиона миноносцев. В дивизион входили 3 однотипных корабля: «Валериан Куйбышев», «Карл Либкнехт» и «Урицкий» - все типа «Новик».

Командиром «Карла Либкнехта» был Алексей Николаевич Тюняев наш бывший дивизионный штурман на эсминцах во время войны и в частности в бытность мою штурманом «Разумного». Мы были хорошо знакомы. С моим приходом Н.И.Богданов перенес свой брейд-вымпел ко мне на «Урицкий».

Служить с ним мне было не трудно: я знал все его достоинства и недостатки, был с ним не только в служебных, но и в дружеских отношениях. Когда надо было, учился у него, когда ему случалось крепко выпить, запирал его в каюте, к ужасу окружающих.

Следующей проблемой была подготовка офицеров. В течение двух месяцев я написал все корабельные наставления боевые и тактические. Тип миноносца, его оружие и тактика были отличными от тех миноносцев, на которых я плавал раньше, а документов для них вовсе не было. Но опыт, курсы командиров и флагманские специалисты помогли и вскоре наставления были готовы, и можно было приступать к офицерской учебе. А учить надо было всему.

Занятый написанием наставлений я вызвал старшего помощника капитана 3 ранга Белова и велел ему собрать вахтенных офицеров и сходить в кабинет торпедной стрельбы потре-

нироваться. И вдруг слышу ответ: «Извините, я не умею». Для меня это был нонсенс, дослужиться до старшего помощника и не знать тактики торпедных атак – основного дела миноносца. Очевидно, он сам понял ситуацию и вскоре попросил списать его на берег. Вместо него я пригласил на должность старшего помощника дивизионного химика капитана 3 ранга Палехина. Он так же не был готов тактически, но имел большое желание. Я не ошибся в выборе, из него вышел хороший старпом, впоследствии командир миноносца, а затем и крейсера.

И так постепенно шаг за шагом мы поднимали уровень подготовленности корабля, офицеров и команды все выше и выше.

Во время службы на «Урицком» случались, конечно, разные истории: веселые и грустные, были и трагические истории. Расскажу о некоторых.

Приехала Люба на студенческие каникулы ко мне в Ваенгу. Поселили мы ее в маленькой комнате в квартире, где жили Олег и Таня Мачинские. Олег стал одновременно со мной командиром миноносца «Дерзкий» и у нас было негласное соревнование. В этой же квартире жил старший помощник командира линкора «Архангельск» Леня Чулков.

В это время мне объявляют, что командующий флотом адмирал Платонов собирается пойти на нашем «Урицком» инспектировать все базы флота. Стали мы готовить корабль к этому походу. Готовился и тыл флота – на корабль завезли большое количество деликатесных продуктов, которых мы в обычной жизни не видели: семгу, индюшек, икру. Строго сказали: «Это для начальства».

Корабль приготовили, но командующий по каким-то причинам передумал идти на «Урицком», и совсем этот инспекционный поход отменил.

Старпом спрашивает «Что же делать с продуктами?» А я спрашиваю: «Что написано в накладных?» Ответ: «Мясо». «Ну и сварите суп для команды». И был у матросов невиданный суп из индюшки. Приезжают тыловики забирать обратно деликатесы, узнали, что индюшек съели матросы, страшно обо-

злились и стали грозить мне денежными начетами. Я им говорю: «Пожалуйста, но я сейчас дам телеграмму командующему флотом о том, что я скормил команде индюшек, которые, как тыл говорит, должен был съесть лично он».

Представив себе реакцию комфлота, тыловики отказались от всех претензий и, более того, оставили все деликатесы на корабле, тем более, что в накладных стояло «рыба», «мясо» и т.д. Вот так я учился обходиться с тылом. Правда, потом начальник тыла мне этот припомнил. Но об этом позже.

Был и трагический случай. Периодически я ездил в Мурманск звонить Любе по телефону. Однажды со мной захотел поехать Николай Иванович Богданов. Сели мы в катер и пошли. Катерок был новый небольшой глиссерного типа очень быстроходный и красивый. Пришли в Мурманск, я поговорил по телефону с Любой, после чего решили пойти поужинать в ресторан «Арктика».

Хорошо поужинали, выпили водочки. Я поменьше, Богданов побольше и собрались уходить, как вдруг двери открываются, и в зал ресторана входит командир лидера «Баку» капитан 3 ранга Григорий Корнеевич Чернобай и командир 1 дивизиона миноносцев капитан 1 ранга Анатолий Иванович Андреев. Увидели нас и, естественно, подсели к нашему столу. Ужин пришлось повторить, напитки тоже.

Часа через два вся компания покинула ресторан и отправилась к причалу на катера, чтобы вернуться домой в Ваенгу на корабли.

Решили возвращаться на катере 1 дивизиона (т.е. Андреевском), т.к. он был большой, типа «Рыбинский». Приходим на пирс, Андреев вызывает старшину катера, тот не идет, говорят – не может. «Явиться в любом виде» – рассвирепел тихий обычно Андреев. Старшину нам «вынесли» мертвецки пьяного. Андреев говорит: «Убрать его, я сам поведу катер» и спустился вниз в рулевую рубку, а мы втроем пошли на верхний мостик, чтобы освежиться после ужина. Нашему катеру с «Урицкого» мы велели идти следом.

Подходим к мысу Мишуков, вдруг катер стал поворачивать

к причалу, но как-то неровно и ткнулся носом в причал. Из катера выскочили на берег какие-то девицы, а Чернобая вдруг стали вызывать в рулевую рубку.

Выяснилось следующее. Оказалось, что старшина катера успел не только напиться пьяным, но и пригласил на катер несколько девушек из поселка Мишуково, пообещав доставить их домой.

И Андреев из корпоративной солидарности решил зайти на Мишуков, высадить пассажирок. Но то ли из-за отсутствия опыта управления катером, то ли оттого, что был нетрезв, подходил к причалу неудачно, не пологим курсом, как нужно, а под прямым углом к причалу. Катер стукнулся носом о пирс, Андреева качнуло вперед и он попал глазом в горло переговорной трубы. Глаз выело как ложкой. Он повис на тонкой ниточке.

Велели мне, как младшему и, пожалуй, более трезвому, встать за руль и мы пошли в Ваенгу. По дороге дали через пост семафор в больницу и, проходя Росту, сдали Андреева в подоспевшую машину скорой помощи.

Скажу сразу, что глаз спасти не удалось. Андрееву сделали протез и он вскоре был вынужден перейти на береговую должность в штаб флота.

Пришли мы в Ваенгу. Два часа ночи. Что делать? Уже ясно, перед глазами оповещение политорганов «Коллективная пьянка, дебош, увечья. И все это командиры кораблей и дивизионов эскадры». Какая пища для политооттдела. И какие последствия? Самый рассудительный из нас Григорий Корнеевич Чернобай говорит: «Нужно немедленно доложить командующему эскадрой контр-адмиралу Румянцеву». И вот мы идем на квартиру к Румянцеву, будим его среди ночи и докладываем о происшествии. «Случай скверный. Но что случилось, то случилось – говорит адмирал – Правильно, что пришли ко мне посреди ночи».

Что уж там доложил командующий эскадрой наверх, я не знаю, но политотдел нас не трепал за этот случай. Однако в нашей памяти он остался на всю жизнь.

Вспоминается еще одна история этого времени. На флот поступили послевоенные «трофеи» и каждому участнику войны полагалось получить что-нибудь. Для моего уровня это был, например, простенький радиоприемник. Я его, кстати, сразу подарил кому-то из любителей, т.к. жилья на берегу у меня не было и держать его было негде.

Более высоким по должности офицерам и «трофеи» полагались более весомые. Например, нашему начальнику политотдела капитану 1 ранга Захарову – пренеприятнейшему типу по прозвищу «дирижабль» (из-за громоздского вида) – вручили пианино, которое ему было совершенно ни к чему – никто в семье не играл.

Между тем Таня Мачинская была по профессии пианисткой – что было большой редкостью для Ваенги. И многие офицерские жены просили ее заниматься с их детьми музыкой. Так, что пианино для нее было просто необходимо. И Олег Мачинский договорился с Захаровым о покупке у него трофейного пианино за 6 тысяч рублей. Но «дирижабль» требовал деньги за пианино немедленно после перевозки. Деньги были порядочные и Олегу пришлось занимать их у друзей, в том числе и у меня. Собрал Олег эти деньги и понес Захарову. Приносит ему домой, а в этот момент радио объявляет денежную реформу – все деньги у Захарова к нашему удовольствию пропали. А Олег все долги отдавал нам уже новыми более дорогими деньгами. Нам всем было это все равно. Пострадал за свою жадность только Захаров. Если бы он не требовал деньги немедленно, Олег занял бы у нас и отнес бы ему долг новыми деньгами. Ведь нам, в том числе и Олегу, у кого сбережений не было, было абсолютно безразлично, в каких деньгах занимать или отдавать.

Вскоре во время учебных летних каникул приехала снова Люба и мы поселили ее в той же маленькой комнатке в квартире, где жили Мачинские и Чулковы. Однако с наших с ней личных позиций время ее приезда было не очень удачным, т.к. спустя три дня корабли уходили на сбор по боевой подготовке на Кильдинский плес и мы с ней не могли побыть вместе.

Сбор для «Урицкого» прошел удачно, мы успешно выполнили положенные упражнения. В процессе подготовки мы брали топливо у специального эскадренного танкера «Полярник» и, воспользовавшись тем, что наш замполит был раньше в той же должности на этом танкере, помыли там всю команду.

Пишу об этом незначительном случае потому, что из таких, казалось бы, мелочей заслуживается уважение команды и складывается нормальная атмосфера на корабле.

На этом же сборе я сдал экзамены на «право самостоятельного управления эсминцем», чем упрочил свое положение командира корабля. Хотя по-существу дела, я эсминцем управлял самостоятельно еще со времен «Разумного».

Подводя итоги сбора кораблей, командующий эскадрой положительно отметил действия «Урицкого» и мои в частности.

По возвращении в Ваенгу я услышал от Любы о тяжелом случае, который произошел у нее на глазах. Однажды на рассвете один из хозяев квартиры Леня Чулков привез домой умирающего офицера с тяжелой раной головы и стал вызывать скорую помощь. Вскоре после этого офицера увезли в госпиталь. Как оказалось впоследствии, это был замполит линкора «Архангельск» капитан второго ранга Федор Сумеркин. Накануне вечером офицеры были навеселе, в том числе и Леня Чулков. А мы все знали, что последний во хмелю весьма буен. Сумеркин сделал Лене какое-то замечание. Чулков его ударил и так неудачно, что, падая, Сумеркин стукнулся о металл и сильно повредил голову. Протрезвевший Чулков не нашел ничего лучше, чем повезти его к себе домой на квартиру, где он попал в руки трех перепуганных и не достаточно квалифицированных для такого случая женщин: жены Чулкова, Тани Мачинской и Любы.

Пишу об этом случае, чтобы читатель мог понять состояние Любы, студентки Московского Университета, профессорской дочки, которая внезапно, оставшись одна без мужа, попала в такую обстановку. Конечно, такие случаи бывали редко, но все же бывали.

Однако жизнь продолжалась. Мы с Любой решили устроить

прием для моих друзей. Квартиры на берегу у меня не было, все эти годы я жил в корабельных каютах. Однако периодически, товарищи приглашали меня в гости в свои семейные компании и после женитьбы нужно было ответить на эти приглашения. И ввести Любу в круг моих товарищей и их семей. Александр Алексеевич Анитропов любезно предоставил нам свою квартиру, тем более, что мы были хорошо знакомы с его семьей, которую я привез из Севастополя за два года до этого.

Мы решили угостить приглашенных пельменями. Мясо можно было купить только в Мурманске. Сели мы на катерок «Урицкого», о котором я упоминал раньше, и пошли в Мурманск. Погода была июльская, чудесная для Севера и мы быстро и даже можно сказать с шиком добрались до Мурманска, купили мясо, погуляли немного по городу, который был для Любы незнаком, и пошли обратно. Катер наш, как я упомянул раньше, был типа глиссер, на ходу у него несколько проседала корма и вот под винт попался топляк, винт получил повреждение и катер остался без хода в среднем колене Кольского залива, которое все же достаточно широко и было на этот случай «безлюдно». Да и ветерок стал свежеть и волна хоть и небольшая, все же стало нас несколько трепать. На наши сигналы никто не отвечал. Укрепили весло вместо мачты, подняли реглан вместо паруса и хотя медленно, но двинулись к ближайшему причалу. Пригодилась моя парусная выучка. Примерно через часа полтора нас заметили с причала, выслали катер, который и отбуксировал нас к причалу. Причал оказался заводской, меня там знали и я тут же договорился о ремонте катера (естественно за свой счет, т.е. за несколько литров водки). Скажу сразу, что ремонт оказался небольшим и катер через пару дней был в полном порядке на «Урицком».

До Ваенги мы добрались на попутной машине. Приехали домой, т.е. к Мачинским, и т.к. были довольно голодны, то Люба решила поджарить кусок мяса из того, что мы купили на пельмени. К нашему удивлению и огорчению кухня очень быстро наполнилась крепким и специфическим запахом рыбьего жира. Оказалось, что свиней на севере кормили тре-

ской. И вся наша затея с пельменями для гостей в один миг рухнула. Однако не помню уже как, но в смысле угощения мы из положения вышли, прием прошел хорошо и, таким образом, мы с Любой были введены в офицерский семейный круг. Люба вскоре уехала в Москву, получив много «флотских» впечатлений.

В сентябре мы с Любой провели отпуск в Сочи в санатории Совета министров. Одновременно в Сочи же, но в санатории министерства финансов отдыхал Л.Н.Тюняев с женой Валей.

Отпуск запомнился мне и тем, что я посмотрел на жизнь и повадки советских чиновников достаточно высокого уровня (правда, не самого верха – те отдыхали в санатории «Красные камни» в Кисловодске). Завели мы там и новых друзей Галину Ивановну и Ростислава Борисовича Оловягиных – о них я расскажу позже.

Запомнились мне в среде этих чиновников разговоры антисемитского толка. С этим я не сталкивался раньше: вообще такого не было, кроме того, в моем флотском окружении евреев почти не было – считанные единицы. Поскольку, однако, с этой проблемой мне приходилось, так или иначе сталкиваться в жизни, нужно определить свое отношение к ней.

В течение моей жизни и деятельности, особенно в период флотской, как корабельной, так и береговой службы, в моем окружении было очень мало или точнее почти не было представителей моей национальности. Меня окружали в основном русские люди. И за всю свою жизнь мне не пришлось встретить ни одного антисемитского намека в свой адрес.

Однако, начиная с послевоенного времени и вплоть до падения Советской власти, политика последней включала, причем достаточно лицемерно, антисемитизм в качестве своего составного элемента. И хотя лично мне приходилось ощущать на себе в разной степени тяжести последствия этой советской государственной политики, я очень четко разделяю лицемерно-антисемитское поведение той государственной власти и совершенно другое вполне толерантное отношение непосредственно окружавших меня людей. Но, поскольку «из

песни слова не выбросишь», приходиться писать обо всем так, как оно было на самом деле

Осенью, когда подводились итоги года, мне объявили аттестацию: «С должностью командира справляется успешно. Считать кандидатом на новый эсминец». Это было, откровенно говоря, приятно читать.

Однако я уже «взрослел» и все чаще на ум приходили мысли о дальнейшей жизни о дальнейшей работе.

Корабельная жизнь и корабельная работа мне нравилась. Я считал, и, наверное, не без оснований, что справляюсь с ней достаточно успешно. Но и оперативная, т.е. чисто умственная работа тоже привлекала меня.

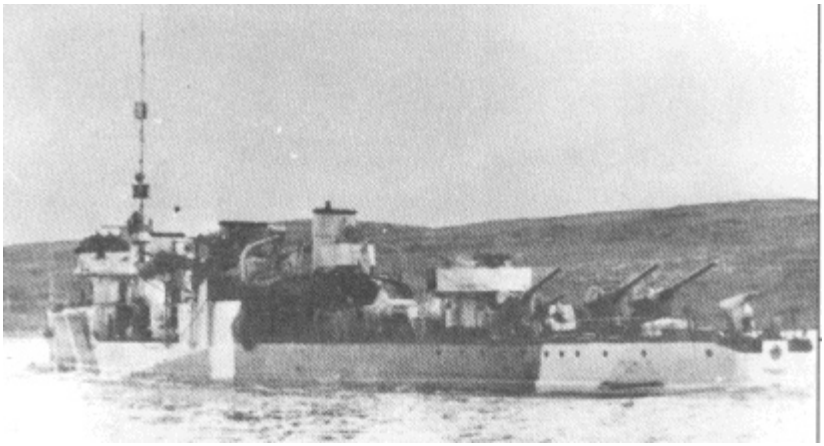
В итоге этих рассуждений я пришел к выводу, что все же меня больше влечет умственная оперативная работа и, когда осенью 1948 года был объявлен дополнительный набор в Военно-Морскую Академию на командный факультет, я подал заявление о допуске к вступительным экзаменам и был допущен к ним.

Г.К. Чернобай.

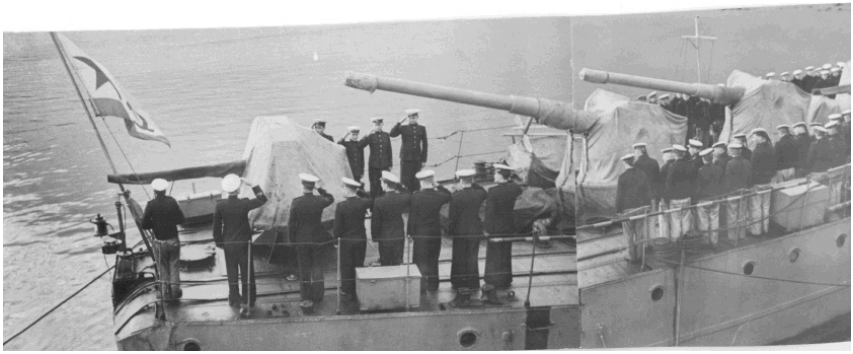
Вице-адмирал
А.М. Румянцев.

А.И. Андреев.

Командир и друг Н.И. Богданов.



ЭМ “Урицкий”.



Подъем флага на ЭМ Урицкий.

Командиры кораблей на линкоре.
Слева направо: Л.Д. Чулков, Н.В. Кошкарев,
О.М. Мачинский, вице-адмирал А.М. Румянцев,
А.Л. Лифшиц, О.И. Рудаков.

ЭМ “Урицкий”, в ходовой рубке.

Глава 12. Учеба в Военно-Морской Академии.

Вступительные экзамены. Товарищи по учебе. «Николаевская» Морская Академия. Адмирал Пантелеев. Учебные порядки. Преподаватели. Игры на картах. Теория вероятностей. Академический уклад. Иностранные языки. Военно-морская история. Борьба с «космополитизмом». Первое жилье и семейная жизнь. Коммунальный быт. Рождение Бори. Приезд Алика. Адмирал И.С.Исаков. Первая встреча и первое задание. Второй год. Адмирал Н.Б.Павлович. Политическая ситуация и взаимное поедание. Моя «политическая ошибка» и взыскание. Исключение и восстановление. Третий год. Дипломная работа и выпуск.

Вступительные экзамены. Получил я программу экзаменов и потратил месяц на подготовку к ним. Постарался систематизировать свои знания, в конце октября сдал корабль старшему помощнику Палехину и поехал в Ленинград. Снял там комнату у нашей с Олегом старой хозяйки с включением стирки белья и ежедневной жареной картошкой на ужин, купил портфель и явился в Академию. Абитуриенты были в основном по возрасту и званиям старше меня. Из общего числа, около 150 человек (т.е. по два с половиной человека на место) моих ровесников было человек 10. Однако по должности – командир эсминца я подходил точно и по морскому опыту тоже. Нас было 4 командира эсминцев и 6 командиров подводных лодок.

Около двух недель шли консультации по разным предметам программы. В основном материал был мне знаком – я был «типичный» абитуриент – программы, в общем, были рассчитаны на подобных кандидатов. Новым экзаменационным предметом была только теория вероятностей. Не скажу, что она далась мне легко – сказался длительный отрыв от математических дисциплин.

Подготовка кандидатов была самая различная – вот несколько примеров. Идет консультация по английскому языку. Примерно через минут 40 поднимается один авиационный майор и говорит: «Разрешите выйти. Я только сейчас понял, что это не тот иностранный язык. Мне нужен немецкий».

Но были и обратные примеры. Один абитуриент, капитан-

лейтенант Семен Федоровский работал помощником военно-морского атташе в Вашингтоне и, конечно, хорошо и даже очень хорошо знал английский, правда, может быть, с американским акцентом.

На английском экзамене нужно было продемонстрировать умение разговаривать на типовые темы: «моя семья», «работа», «на улице», «в театре» и т.д.

Простые смертные вроде меня готовили такие темы на примитивном уровне «я родился…, я учился…, я женился…» и т.д. Этого было достаточно для хорошей или даже отличной оценки. И преподаватели были довольны, и слушатели. Но вот пришел на экзамен Федоровский, который знал язык не хуже преподавателей и который наши примитивные рассказы презирал (и совершенно правильно презирал) и получил тройку. Преподаватели не захотели простить ему определенного зазнайства.

Получил и я четверку по любимому предмету еще со времен училища – Военно-морской истории – тоже, пожалуй, за слишком «свободный» ответ.

Обстановка перед экзаменами была довольно нервозная. Для большинства офицеров возможность поступить в Академию давалась, как правило, только раз. Если однажды провалишься, то больше поступать не дают.

В этой обстановке я допустил безусловную бестактность, сказав в курилке: «Я уже купил портфель и продавать его не собираюсь». Мог бы и помолчать, будучи по возрасту одним из самых молодых.

В общем, с экзаменами я справился успешно. Впереди была мандатная комиссия, где, как я узнал потом, были попытки меня отсеять, думаю по причинам начинающего государственного антисемитизма. Других причин просто не было. «Мало плавал» – сказал один политработник. На мое счастье кто-то спросил «Сколько миль за кормой?» Посчитали – больше 100 000, больше этого ни у кого из поступающих не было. И я был принят.

Вместе со мной поступил в Академию и командир эсминца

«Карл Либкнехт» наш в прошлом дивизионный штурман Алексей Николаевич Тюняев. Он и раньше казался мне способным и умным человеком, но в Академии он проявил очень высокие академические способности и был, пожалуй, самым способным и заслужено, как оказалось в последствии, самым удачливым слушателем нашего курса. Однако он был в отличие от меня весьма непрост и достаточно «политичен».

Также одновременно со мной поступил в Академию и мой однокурсник по училищу Миша (Михаил Давидович) Амусин, с которым мы вместе играли когда-то в волейбол.

Были среди поступивших и очень заслуженные люди – Герои Советского Союза, известный военными подвигами капитан второго ранга Кабо, Герои Советского Союза полковники авиации Голубев, Гнедой, Храмов и др. В целом курс состоял из офицеров, прошедших войну и имеющих достаточно большой военный и морской опыт.

После окончания экзаменов принятых слушателей разбили на 4 группы. Разбиение было довольно разумным. В каждой группе были представители всех родов Военно-Морского флота: командиры надводных кораблей, подводных лодок, торпедных катеров; летчики: истребители, штурмовики, бомбардировщики; береговые артиллеристы и зенитчики. Это было очень полезно и мы многому учились друг от друга. Это было полезно и в последующей службе – у нас были друзья и знакомые в соединениях разных родов флота.

Одновременно с нашим поступлением в Академию проходил выпуск слушателей приема 1945 года. Это были «сливки» военного времени – больше двух десятков Героев Советского Союза. Среди моих знакомых были А.И.Гурин, Н.И.Никольский, Е.А.Козлов. И вот Николай Иванович Никольский пригласил меня и еще одного абитуриента Володю Михайлина в качестве гостей на выпускной вечер своего курса; последний проходил в ресторане Ленинградского дома писателей, который несколько лет спустя сгорел при пожаре. Пропали неповторимые интерьеры.

Вечер был для меня интересен, конечно, но мы там были

инородным телом. Теперь я знаю и понимаю, что гордец Никольский друзей на своем курсе не имел, и мы с Михайлиным были удобным отвлечением, своей компанией.

Учеба проходила в старинном здании бывшей Николаевской Академии Морского Генерального Штаба на 11 линии Васильевского Острова. Здание было трехэтажное довольно красивое, со старинными портретами, батальными картинами.

На первом этаже размещались слушатели первого курса и обеспечивающие их учебу кафедры, на втором и третьем этажах соответственно все относящиеся ко второму и третьему годам обучения.

Начальником Академии был **адмирал Юлий Александрович Пантелеев**. Служба сталкивала меня с ним неоднократно: впервые в 1944 году в конвое, выводящем ледоколы из Арктики – он был тогда командующим Беломорской флотилии, затем здесь в Военно-Морской Академии, а затем и в объединенной Академии им. А.Н.Крылова.

Это был сын артиста «Александринки» интеллигентный, образованный, умный и, что важно для его характеристики, очень дипломатичный офицер, чтобы не сказать хитрый. Мне представляется, что это последнее качество помогло ему выжить во время Сталинских репрессий 1937-1938гг. Хотя, конечно, тут мог большую роль играть и случай.

Во время войны он проявил себя хорошо на постах начальника штаба Балтийского Флота, командующего Волжской (во время Сталинградской битвы) и Беломорской Флотилий.

Первый курс нашей учебы был посвящен, в основном, тактике родов Военно-Морского Флота, второй курс – общей тактике, т.е. тактике совместных действий, наконец, третий курс – оперативному искусству, т.е. действиям флота, как единого организма в операциях.

За 10 лет, прошедших с момента моего поступления в Училище, поколение старых офицеров, учивших нас там, сменилось и хотя наши Академические преподаватели были достаточно опытные, но в период Октябрьской революции это были молодые люди, только начавшие флотскую жизнь.

Первый курс. На первом курсе было довольно много предметов: тактики отдельных родов флота: надводных кораблей, подводных лодок, авиации. ПВО, береговой обороны и общеакадемические дисциплины: военно-морская история, география, иностранный язык и, конечно, марксистско-ленинская философия. По тактикам родов войск везде были лекции, семинары и игры на картах. Наиболее новыми и интересными были **игры на картах**, на которых мы должны были принимать решения, находясь в определенных должностях в динамично меняющейся обстановке. Должности менялись, но все же обычно применительно к званию и прежней должности. Так, что я обычно крупных «должностей» не получал, был, как правило, командиром корабля или дивизиона.

Первое, что меня поразило, это **широкое применение теории вероятностей,** причем техническим средством, обеспечивающим ее применение, был мешочек с фишками – бочонками от обычного лото. Разыгрывался, например, бой двух крейсеров. Ведется поминутная прокладка на карте. Допустим, один крейсер открыл огонь. Посредник замерил дистанцию, определил по таблицам вероятность попадания и объявляет: до 10 попадание, больше – промах. Вытаскивает, допустим, бочонок с цифрой 7 и объявляет: «попадание». Смотрит в вероятностные таблицы и объявляет «до 45 в борт, больше 45 в палубу». Вытаскивает фишку с цифрой 65 и объявляет «попадание в палубу». Далее смотрит на чертеж палубы корабля, на котором все участки пронумерованы цифрами от 1 до 100 и на основании цифры 65 объявляет «попадание в орудийный погреб, до 60 пожар, после 60 взрыв». Поскольку выпала цифра 65, посредник объявляет «65 – взрыв пороховых погребов – крейсер затонул». Игра окончена. Несмотря на примитивность инструментов, вероятностный характер действий и результатов прочно усваивался участниками. Пример здесь был описан самый простой, но подобные приемы применялись постоянно и в довольно сложных ситуациях. Впечатление оставалось большое и на всю жизнь.

Мне представляется, что широкое применение игр на картах

было очень важным для успеха обучения.

Нельзя не упомянуть преподавателя теории вероятностей инженер-полковника А.И. Садова. Ниже среднего роста, с лысиной, он обладал даром очень простого изложения сложных математических вопросов для весьма мало подготовленной аудитории. Например, помню, интегральную кривую он представлял как забор, составленный из стоящих вплотную тоненьких иголочек, высоту каждой из которых, переходя к пределу, можно устанавливать отдельно, получая, таким образом, необходимую кривую. Его учебник «Основы теории вероятностей» был у нас настольной книгой. Правда «чистые» математики вроде профессоров А.А.Свешникова или И.Я. Динера отзывались о А.И.Садове без большого уважения, считая его вульгаризатором. Но предела здесь нет. Мои сыновья специалисты по теории вероятностей Университетского толка, в свою очередь считают не очень классическими работы И.Я. Динера.

Возвращаясь к А.И.Садову, не могу не отметить, что любил он выпить перед обедом рюмку водки, от чего изложение материала только выигрывало.

Вообще нравы в академической столовой во время моего обучения были довольно простые, вино, коньяк и водка отпускались свободно и к удивлению нормы поведения не нарушались. В этой же столовой мы обычно отмечали всей группой дни рождения и общие праздники, что сближало нас в соответствии с отечественными нравами.

Несколько слов про **обучение иностранным языкам**. Языков было несколько: английский, немецкий и японский и занятия проводились в малых группах 5-7 человек. Я попал в английскую «сильную» группу. Упор был, естественно, на военно-морскую лексику и обучение давало определенный результат: мы свободно читали военно-морские тексты и могли изъясняться на эти темы. Хуже было с газетными текстами и общей тематикой. Наш преподаватель капитан Линденбаум, весьма остроумный человек на всю жизнь внушил мне хотя и простую, но довольно важную мысль. Он говорил: «По своему

опыту и знаниям вам 35 лет и вы хотите мыслить и говорить в соответствии с этим, т.е. достаточно сложно. Но помните: по владению английским языком вам всего 5 лет. Вот и изъясняйтесь соответственно, т.е. максимально короткими и четкими фразами».

Это был весьма дельный совет. Он мне существенно помог в будущем.

Чтобы закончить с иностранными языками упомяну и о немецком языке.

Некоторые из моих товарищей, в том числе Алексей Николаевич Тюняев и Исаак Вениаминович Позняк (о нем я еще напишу позже), занимались в немецкой группе у Татьяны Всеволодовны Чернышевой – дочки заведующего кафедрой «Тактики надводных кораблей» и автора широко известного учебника «Тактическое маневрирование» контр-адмирала Чернышева. Это была очень добросовестная и решительная молодая дама. Кроме проведения обязательных занятий в часы, отведенные расписанием, она занималась со своими слушателями ежедневно с 8 до 9 часов утра (т.е. до начала занятий). Посещения этих занятий-консультаций она требовала неукоснительно.

И вот я однажды из случайного интереса зашел с друзьями на эти занятия. Оказалось, что я сохранил в достаточной мере навыки немецкого, полученные в детстве, и был по знаниям, пожалуй, даже получше других слушателей. Татьяна Всеволодовна тотчас же взялась за меня и уговорила ходить на эти консультации. Узнав, что и моя жена знает немецкий язык, она произнесла «историческую» фразу: «Вот и прекрасно. Вы должны говорить с ней по-немецки два раза в день по 15 минут. Это не сильно отвлечет ее, потом она может идти к себе на кухню».

Но смех смехом, а на консультации по немецкому языку я ходил ежедневно, освоил военно-морскую лексику и был единственным на курсе слушателем, сдавшим государственные экзамены по двум иностранным языкам, а не по одному как все остальные. Что и отмечено в выпускном дипломе.

Тактику подводных лодок вел контр-адмирал А.В.Томашевич. Лекции читал тихим довольно монотонным голосом, но чрезвычайно содержательно. Очень скоро выяснилось, что нельзя было опустить ни одного слова. Мне его лекции чрезвычайно нравились, поскольку я был участником «подводной войны» со стороны противолодочников и все было очень понятно.

Тактику авиации читал бывший командующий авиацией Черноморского Флота генерал-майор П.П.Квадэ. Курс был новым для меня и весьма полезным.

Тактику использования торпедного оружия пытался читать «наш» северный командир бригады контр-адмирал Павел Иванович Колчин. Читал плохо, несистематично, иногда даже путался. Но он был неглуп, быстро понял, что взялся не за свое дело и перешел на должность начальника нашего курса, т.е. был за няньку. Однако он тяжело болел печенью и почками, вскоре вышел в отставку и через несколько лет умер.

Я часто проезжаю мимо дома, где он жил на углу Большой Пушкарской и Съезжинской улиц и всегда вспоминаю его – все же несколько военных лет провели вместе и он был не из худших – во всяком случае, честный и храбрый офицер.

Тактику использования торпедного оружия вел инженер-капитан 1 ранга Иван Иосифович Мешко - грузноватый украинец, любитель выпить, очень остроумный, не лазивший за словом в карман, в прошлом флагманский минер Балтийского флота. Дело свое он знал, практику использования мин и тралов нам преподавал неплохо. Но иногда путался в теоретических выкладках. И вот случай.

Был у нас на курсе слушатель капитан 1 ранга Станислав Иванович Кведло, в прошлом начальник штаба Военно-Морской базы Свиноустье (б. немецкая Свинемюнде) – один из старших слушателей, большой нахал, выпивоха, но весьма неглупый человек. Между прочим – это была его болевая точка – анекдотическим своеобразным персонажем была его теща, которая работала в Академии гардеробщицей и ни за какие коврижки уходить не хотела и не ушла, даже когда С.И.Кведло стал адмиралом. Так вот Станислав Иванович

опоздал к началу занятий суток на 15, т.к. шел из Свиноустья морем с караваном, на котором среди прочего груза был его домашний скарб.

Однажды на лекции И.И.Мешко делал какие-то расчеты и запутался в формулах. Нахальный С.И.Кведло, который близко знал его по прошлой службе, довольно громко и слышно ехидно говорит: «Да, трудная вещь теория вероятностей». «Конечно, – мгновенно отвечает преподаватель – это Вам, Станислав Иванович, не награбленное барахло на баржах возить!». Взрыв смеха всей аудитории. Больше С.И.Кведло реплик не отпускал.

Другой случай из практики И.И.Мешко. Идет классическая практическая работа: «Расчет оборонительного минного заграждения в Ирбенском проливе (на западном входе в Рижский залив Балтийского моря)».

Был у нас на курсе слушатель Николай Иванович Полосов – бывший флагманский минер Дунайской Флотилии – заслуженный и чрезвычайно серьезный человек.

Проходит между столов преподаватель тот же Иван Иосифович Мешко, подходит к столу Н.И.Полозова; последний встает, показывает преподавателю свою работу и говорит: «Вот, Иван Иосифович, я долго думал и рассчитал. Только так можно лучшим способом расставить мины в Ирбенском проливе». «Ну что же – берет карту И.И.Мешко – конечно можно и так, Николай Иванович». Затем, выдержав паузу, переворачивает карту вверх ногами и добавляет «А можно и наоборот». Николай Иванович до смерти обиделся. А выражение «Можно и так, а можно и наоборот» прочно вошло в наш лексикон.

Одним из моих любимых предметов была **Военно-Морская История**. Читал ее нам весьма увлекательно, интересно, очень детально и со вкусом начальник кафедры капитан 1 ранга Соколов. Упомяну также, что при этом использовались учебники старых адмиралов, участников еще Русско-Японской войны Егорьева и Бологова. Особенно хороши были учебники Бологова, который обладал особым искусством сочетать большие обобщения с детальным описанием отдельных событий истории.

По истории я писал курсовой реферат «Зарождение повседневной деятельности флота по опыту обороны Порт-Артура». Это был мой первый писаный труд, если не считать боевых наставлений, написанных для «Урицкого».

Однако с Военно-Морской Историей связаны и весьма неприятные воспоминания – гонения безвинных людей, принимавшие все больший размах на фоне кампании «борьбы с космополитизмом».

Эта гнусная кампания, не говоря уже об ее явно антисемитском уклоне, привела к удушению многих светлых идей, к бесчисленным гонениям на прекрасных специалистов и, наоборот, вывела в первые ряды таких авантюристов, лжеученых, спекулянтов, конъюнктурщиков, да и просто бездарей, как, например, Лысенко или Софронов.

Пострадали от нее и были вынуждены уйти в отставку многие, далеко не худшие преподаватели Академии такие, например, как начальник кафедры оперативного искусства контр-адмирал В.А.Белли или начальник кафедры военного морской истории Соколов, не говоря уже о начальнике кафедры теории корабля И.Г. Хановиче.

Я хорошо помню это отвратительное зрелище, когда нас слушателей собирали в актовый зал, и пожилые заслуженные адмиралы и офицеры, наши учителя поочередно выходили на трибуну и каялись в «грехах», которые не имели к ним никакого отношения, да и грехами никакими не были.

На этом фоне мне запомнилось смелая речь контр-адмирала Павловича, который сказал: «Можете меня уволить, но я никогда не соглашусь с принципом «Взявший в руки перо, от пера и погибнет»». Каким-то чудом он уцелел.

Несколько слов о жилищной проблеме. До момента поступления в Академию моим домом в течение многих лет была офицерская каюта сперва на двоих, а с момента вступления в должность старшего помощника командира – на одного. Во время учебы на курсах командиров я, как упоминалось ранее, жил в общежитии вдвоем с Олегом Мачинским.

Теперь я стал семейным. Слушатели, у которых было хотя

бы двое детей, получали на время учебы двухкомнатные помещения-квартиры в семейном академическом общежитии на 14 линии Васильевского острова в доме эмира Бухарского, как его называли. Это название дом получил, т.к. он был, по крайней мере, внешне точной копией дома-дворца эмира на Каменноостровском проспекте. Этот дом-дворец расположен очень близко от нашей теперешней квартиры на Каменноостровском 55 и мы очень часто, проходя мимо, любуемся его своеобразием.

В доме же копии на 14 линии Васильевского острова, где было упомянутое слушательское общежитие, жили многие академические профессора и преподаватели.

Мне, естественно, никто жилья в общежитии не предлагал и нужно было обходиться своими силами.

Помог мне Любин отец. С его подачи мне выделили комнату в коммунальной квартире на ул.Халтурина, дом 19 на углу Мошкова переулка. Квартира располагалась на последнем этаже господского дома, входившего в дворцовый ансамбль великого князя Михаила Романова, и расположенного на задах самого дворца, выходившего на набережную Невы. Последний этаж предназначался для слуг, тогда как первые два этажа были «господские». Но и этаж для слуг был построен добротно с трехметровыми потолками и такими толстыми стенами, что в проеме поперек стены размещалась вешалка для одежды.

Упомяну к этому же, что когда я спустя пару лет задумал проделать еще одно окно в боковой стене, выходящей на Мошков переулок, и решил пробить в стене пробное отверстие, полутораметровый лом весь ушел в стену, не выйдя наружу.

Комната была расположена в трехкомнатной квартире и была самой маленькой, хотя по сути такой не была, размер ее составлял 32 квадратных метра. Здесь мы и жили в течение 13 лет, сперва вдвоем, затем втроем с Борей, вчетвером с Борей и Аликом и, наконец, впятером после рождения Миши.

Недостатком было печное отопление – в углу стояла громадная от пола до потолка изразцовая печь. Она сжирала

большое количество дров, но в комнате было прохладно, тепло распространялось неравномерно.

После рождения Миши мы сломали печь, поставили перегородку с раздвижной дверью и установили внутреннее центральное отопление с газовым котелком. Атмосфера сразу же преобразилась.

Кроме нашей комнаты в квартире было еще две. В одной из них жила старушка – учительница Александра Григорьевна с большой немецкой овчаркой по кличке Фред. Ее сын был офицером – разведчиком и появлялся в доме редко. Позже он поступил в Академию в Ленинграде, женился и привел в дом миловидную и тихую девушку, которая круглосуточно читала книги. После окончания Академии он был назначен на Сахалин и мы опять остались с Александрой Григорьевной.

В третьей комнате жильцы часто менялись. К моменту нашего въезда там жила молодая пара. Муж – офицер служил в Воронеже, а жена оставалась в Ленинграде, но жила фактически у своей мамы, так что комната пустовала. Спустя несколько месяцев, я договорился с ними, что буду оплачивать эту комнату и пользоваться ей. Так, что в течение примерно полутора лет у нас фактически было две комнаты. Потом в эту комнату въехали новые жильцы.

К совместной жизни в коммунальной квартире мы относились всегда очень внимательно, соседи, в общем, тоже и жизнь была довольно дружной. Коммунальный быт был мне привычен с детства, его нормы я знал и уважал, Люба тоже. Новые поколения этого не знают и слава богу.

Коснусь еще одного вопроса, связанного с получением этой комнаты. Получение ее связано с положением и возможностями Любиного отца – медицинского генерала и известного профессора. В советское время положение было аналогом денег нашего времени. Когда через 30 лет у нас появились деньги и возможности, я, не задумываясь, потратил их на покупку кооперативной квартиры для Мишиной семьи и считаю это естественным. Аналогично этому поступил и Любин отец, когда доставал комнату для своей дочери. Только вместо де-

нег, которые не играли тогда такой роли, использовались возможности положения.

В это время Люба окончила Университет и получила направление в Ленинград в Телевизионный институт. Однако, хотя по закону ее обязаны были принять по распределению, ее довольно долго мурыжили и не принимали под разными предлогами то ли из-за того, что она была в положении, то ли из-за национальности. Ее это очень нервировало и я решил позвонить непосредственно директору института. Последний довольно строго велел Любе явиться еще раз через два дня. То ли этот звонок помог, то ли оговорки отдела кадров исчерпали себя, но на этот раз ее приняли на работу и определили в лабораторию на Фонтанке, дом 6.

Проработав несколько месяцев, она получила декретный отпуск и уехала в Москву к родителям. Естественно, что там ей было удобнее и безопаснее родить ребенка. Так 16 мая 1949 года родился наш сын Боря.

Оставшись один после отъезда Любы, я установил свой режим питания: купил сотню яиц и два килограмма родного украинского сала, утром и вечером ел яичницу с салом на одной сковородке, был очень доволен, но к отпуску заработал себе страшнейший диатез, после которого всю жизнь обращаюсь с яичным питанием очень осторожно.

К началу лета подоспела пора экзаменов. Готовился я к ним в компании с Алексеем Николаевичем Тюняевым и Исааком Вениаминовичем Позняком. Готовились так: читали вслух мои конспекты, которые были признаны наиболее полными, и комментировали их или добавляли информацию от любого из нас. Так было все три года обучения. И по всем до единого предметам за все три года обучения у нас были только отличные отметки.

Летом 1949 года я поехал в отпуск, который провел под Москвой на даче Любиных родителей, помогая, по мере возможности, Любе в уходе за ребенком.

Тогда же на дачу приехал Василий Михайлович Климов, который к тому времени был на Балтике командиром крейсе-

ра «Орджоникидзе», и стал приглашать меня в старшие помощники командира. Хотя я был рад встрече, но предложение было абсолютно нереальным – не бросать же Академию.

Еще одним важным событием этого лета была **встреча с адмиралом Иваном Степановичем Исаковым.** Это был выдающийся человек с многообразными талантами, армянин по национальности. В прошлом офицер царского флота, автор многих научных трудов, профессор и начальник Морской Академии, ставший перед войной начальником главного штаба Военно-морского флота. Во время войны он получил тяжелое ранение, в результате которого ему ампутировали ногу, но тяжелые боли сопровождали его до конца жизни.

После того, как рана И.С.Исакова зажила, И.В.Сталин сделал еще одну попытку вернуть его в должность начальника Главного Морского Штаба, поскольку преемник Исакова его не устраивал. «Вернем Исакова – сказал он – лучше будет начальник без ноги, чем без головы». Однако активная деятельность на этом посту все же оказалась несовместимой с последствиями тяжелого ранения и Иван Степанович вернулся к научной деятельности, был главным редактором «Морского атласа», за что был избран членом - корреспондентом Академии Наук СССР. Кроме того, он писал интересные морские рассказы. Словом, это был человек – легенда. И вот с этим человеком познакомил меня Мирон Семенович, который был его лечащим врачом.

Иван Степанович спросил, где я был во время войны и с какой должности поступил в Академию. «С должности командира миноносца» – не без гордости ответил я. «Да – огорошил меня адмирал - конечно с мостика миноносца не много видно. Но у Вас есть опыт борьбы с подводными лодками. Не хотите ли исследовать причины их гибели во время войны?» И я согласился, конечно. С этого разговора и с этого задания началась моя многолетняя совместная работа с адмиралом И.С. Исаковым.

Конец лета подарил нам чрезвычайное происшествие – на даче случился пожар, в результате которого дом сгорел – оче-

видно, из-за неисправности электропроводки. К счастью, никто не пострадал – все успели покинуть дом. Меня во время пожара на даче не было.

Спустя неделю мы уехали вместе с Любой, Борей, молоденькой совершенно деревенской девушкой – домработницей Марусей и рыжей кошкой в Ленинград – начались занятия на втором курсе Академии.

Снова возникла коммунальная проблема – где жить домработнице? Решили ее так: в бывшей квартире для слуг, кроме коммунальной кухни, была большая, около 8 м^2, прихожая с круглой печкой в углу. Я договорился с Александрой Григорьевной, пригласил столяра и отгородил часть прихожей вместе с печкой. Получилась маленькая, около 6 м^2, комнатка с окном и печкой, вполне пригодная для одного человека.

Приезд Алика. Во время учебы в Ленинграде мама сообщила мне, что она впервые за много лет получила сведения о Гале и об Алике. Оказалось, что Галя с матерью и двумя детьми: Аликом и еще одним сыном, родившимся в Германии, находится в Сталинабаде (ныне Душанбе), куда отправили после войны всех «фольксдойчей» из Германии и придали им статус «спецпереселенцев» без права выезжать куда-нибудь. По-существу это была ссылка – вполне в духе времени.

Сразу, как только я узнал о судьбе Алика, то попросил маму слетать в Сталинабад. Она полетела и привезла с собой Алика, которого отпустили на 10 суток повидать отца. Мы с ним встретились хорошо, понравились друг другу и договорились постараться жить вместе. Познакомился он и с Любой, которая встретила его радушно.

Свой путь Галя выбрала сама, когда не поехала в эвакуацию с моими родителями.

Но с ней был мой сын и я, конечно, не мог допустить, что бы и он носил на себе это клеймо «спецпереселенца» и был бы ограничен в правах. И вообще мне казалось, что для ребенка со всех точек зрения будет лучше воспитываться в моей семье.

Поэтому в весенние каникулы второго курса я полетел в

Сталинабад, нашел Галю и спросил, не отдаст ли она Алика мне в Ленинград. Галя уже знала, что мы официально разведены (я послал ей через маму свидетельство о разводе) и по обстоятельствам своей жизни в Германии не возражала против расторжения нашего брака. Но добровольно отдать мне Алика на воспитание отказалась, мотивируя это тем, что он, когда вырастет, не простит ей отказа от него.

Однако она была согласна с тем, что у меня ребенку будет лучше, особенно с правовой точки зрения.

Пусть будет суд - так решили мы оба.

Тогда я подал в суд, который решил дело в мою пользу.

Имея на руках решение суда, я пошел в НКВД и получил разрешение увезти Алика с собой, причем с него раз и навсегда снималось клеймо спецпереселенца. После этого я увез Алика с собой в Ленинград, пообещав Гале возможность свидания с Аликом в будущем.

Нужно обязательно сказать, что все мои действия были сделаны с согласия Алика. Хотя он был девятилетний ребенок, но и мне, и судье, (который имел с ним специальную встречу) четко сказал, что хочет жить со мной.

По приезде в Ленинград мы устроили ему жилье в нашей комнате, отделив ему за перегородкой кровать и стол, и отдали его в школу напротив нашего дома. С тех пор он рос в нашей семье, как старший сын, получая от меня и от Любы равную долю внимания и заботы. Учился он отлично и кончил школу с золотой медалью. Но об этом позже.

Второй курс. Итак, начались занятия на втором курсе Академии. Программа была выстроена очень разумно. Если на первом курсе мы изучали тактику родов флота как бы независимо друг от друга, то весь второй курс был посвящен взаимодействию различных сил в бою. Организацией всего взаимодействия занималась кафедра общей тактики. Ее курс и был центральным на втором году обучения.

Итак, выбирался тип боевых действий, например, оборона конвоев. Кафедра общей тактики читала вводную фоновую лекцию по обстановке и плане взаимодействия сил. После

этого шли лекции всех кафедр родов сил флота: авиации, надводных кораблей, противолодочной обороны и т.д. на тему действий этих сил при обороне конвоя. Затем проводилась игра на картах, в ходе которой отрабатывались совместные действия всех сил в соответствии с ранее прочитанными лекциями. Игрой руководила кафедра общей тактики, но участвовали преподаватели всех других кафедр.

В таком духе проходили все темы. Результаты такого обучения были весьма положительными.

Заведовал кафедрой общей тактики **контр-адмирал Николай Брониславович Павлович,** человек, с которым мне пришлось близко сотрудничать в последствии во время работы в Академии. Это был грузный, большой мужчина без одной ноги, на протезе с тяжелой палкой, производивший при передвижении большой шум. Был он очень порядочный благородный человек и много знал. Лекции читал несколько академично, но очень добросовестно.

Знакомство мое с ним произошло при довольно неприятных для меня обстоятельствах.

Нужно сказать, что ко второму курсу я достаточно приспособился к учебе. Сидел я всегда на последнем заднем столе, интересные лекции слушал внимательно, на неинтересных или, по моему мнению, неважных, или не имеющих для меня значения, занимался своими делами.

Лекции Н.Б.Павловича я считал интересными, внимательно их слушал и конспектировал. Но с последнего стола не всегда было все хорошо слышно. И вот, увлекшись конспектированием и недослышав что-то, я, совершенно машинально, но довольно громко попросил: «Нельзя ли погромче?» Результат был совершенно неожиданным для всей аудитории. Адмирал встал, взял палку, стукнул ею по полу, затем сел, положил палку на стол и за оставшиеся до звонка 15 минут не произнес ни слова. В аудитории стояла весьма неприятная гробовая тишина. Прозвенел звонок. Адмирал встал и, грузно стуча палкой, покинул аудиторию.

История неприятная. Я извинился перед аудиторией, объяс-

нил, как мог обстоятельства, пошел вместе со старшим офицером извиняться к адмиралу. Извинения были приняты, но довольно мрачно.

Все решили, что ответ мне будет дан на экзаменах. Однако обошлось и я никакой предвзятости не заметил, получил свою пятерку.

Через много лет, уже близко зная Николая Брониславовича, я напомнил ему этот случай. «Что Вы – сказал он – если бы Вы ничего не знали, все равно получили бы пятерку. Не мог же я допустить, что бы хоть кто-нибудь подумал, что я свожу счеты со слушателем».

В середине второго курса решили своей компанией устроить встречу Нового Года. Собрались компанией человек 20, стали искать место. Ни у кого не было большой жилплощади. А у меня, как я описал выше, кроме нашей с Любой комнаты, была в то время в пользовании еще одна комната наших Воронежских соседей. Я и пригласил товарищей встречать Новый Год у нас. Встреча прошла хорошо, весело, но позже мне эта встреча аукнулась не очень приятно. Однако об этом в свое время.

Кроме академических занятий на втором курсе я потратил довольно много времени на выполнение задания И.С.Исакова: исследовать причины гибели немецких подводных лодок в течение 2-ой мировой войны. Задача была не из легких. Немцы потеряли в ходе войны около 600 лодок. В нашей литературе как открытой, так и закрытой, были в то время лишь отрывочные материалы относительно гибели некоторых лодок. Никакой статистики. Помог весьма неожиданный случай. Будучи в Москве я сидел в гостях у Любиных родственников – близко знакомой мне семейной пары: муж был учителем литературы в школе, жена библиографом в общесоюзной публичной библиотеке им. В.И.Ленина.

Услышав о моих трудностях, хозяйка, Эсфирь Наумовна Кабалкина предложила мне заказать нужную литературу в США, в Вашингтоне, в библиотеке конгресса США. Первоначально я опешил от неожиданности. Был 1950 год, самый разгар холод-

ной войны и вдруг мне предложили добыть литературу прямо из вражеского стана.

Поразмыслив, я все же дал исходные данные и к своему изумлению примерно через месяц получил приватно от Эсфири Наумовны на два месяца, полученную по межбиблиотечному абонементу литературу, необходимую для моей работы. После этого статья была завершена, получила одобрение адмирала И.С.Исакова и была опубликована в журнале «Морской Сборник».

Как-то раз в этот период меня вызвал на «индивидуальную беседу» секретарь партийной комиссии. Беседа продолжалась около часа и состояла в том, что секретарь, по совершенно непонятным мне тогда причинам, рассматривая мою работу и прошедшую флотскую жизнь, все время пытался найти в ней какие-нибудь зацепки. («Зачем Вам два иностранных языка?», «Как Вы добрались до библиотеки наших врагов, конгресса США?», «Как можно верить данным вражеской литературы?», «Вообще Вы вели себя на флоте как барин!?» и т.д.).

Задним числом я хорошо понимаю, что он искал что-нибудь такое, чтобы прицепить меня к антисемитской кампании борьбы с космополитизмом, но пока не сумел. Удалось отбиться. Беседа закончилась пожеланием: «Учтите на будущее». Но, оказалось, что я не учел. Приходится признать, что «слаб умом» оказался.

Несколько слов о преподавании нам «важнейшего» курса – «Основы марксистко-ленинской философии». Лекции читал доктор философских наук полковник Чепуркин. Читал довольно хлестко и свободно, жонглируя такими кличками как, например, «Бертран Рассел – наукообразный мракобес» и т.д. Кроме комментариев текущих политических событий, курс заключался в детальном изучении «первоисточников», т.е. работ Ленина и Сталина. Живя, как и все, достаточно конформистски, я тщательно изучал, т.е. конспектировал все работы «классиков» и преуспел в этом. Был, как дразнили в семье «талмудистом и начетчиком». С 1942 года с первой беды, постигшей меня на «Гремящем» в результате необдуманного

высказывания прошло почти десять лет, все у меня складывалось хорошо, я не то чтобы зазнался, этого чувства у меня никогда не было, но я, можно сказать несколько самоуспокоился, потерял бдительность, подзабыл, что следует за необдуманными, пусть и справедливыми словами.

В выступлении на семинаре и в том числе, анализируя рекомендованную литературу, я позволил себе сказать, что находящаяся в списке рекомендованной литературы небольшая статья В.И.Ленина «Под чужим флагом» прямого отношения к очередной изучаемой теме не имеет. При этом, поскольку про эту статью уже было несколько упоминаний на семинаре, то у меня вырвались слова «пресловутая статья». Этой «пресловутости» было достаточно, чтобы абсолютно испортить мне жизнь на долгие годы.

Машина заработала немедленно. Преподаватель написал донесение о «неподобающих взглядах и политических ошибках» в политотдел Академии, последовали довольно быстро одно за другим решения партийного бюро, партийного собрания курса и партийной комиссии Академии: ««исключить из КПСС за политическую ошибку». Политотдел ходатайствовал об отчислении моем из Академии и как я узнал в последствии, уже был подготовлен приказ о назначении меня старшим оператором Иоканьгской Военно-Морской базы, т.е. «упечь на край света».

В ходе этого шельмования товарищи мои сочувствовали мне в частном порядке, но голосовали за исключение. А пара человек, пытавшихся, если не защитить меня, но хотя бы уменьшить строгость взыскания, немедленно попали под реплику Политотдела: «Вас так же следует рассмотреть».

Хочется отметить, что отношение ко мне товарищей после моей печальной истории было нормальным, все понимали, что каждый из них в отдельности мог попасть, так же как и я, разве что без национального оттенка.

Тронул меня поступок моего «одноклассника» Сережи Гущина, который еще в кулуарах в разгар моего шельмования выражал мне сочувствие. Он предложил работать с ним в паре

по выполнению курсовой работы. Это все же была поддержка и вместе с тем определенная оценка истории. К счастью, он не пострадал от своей порядочности.

Сложной была позиция А.Н.Тюняева: с одной стороны это был мой ближайший товарищ и все это знали. С другой стороны он был секретарем парторганизации. И повел он себя строго по двойной морали: на людях, как ортодоксальный коммунист – за строгое наказание, в частной беседе, как мой приятель, но более житейски умный. «Сочувствую, но сделать ничего не могу. Сам нахожусь в этом поезде. Если спрыгну, то разобьюсь насмерть. Так что, если можешь, то пойми и не держи зла».

Спас меня, точнее вытащил из болота Мирон Семенович. Когда я приехал в Москву, рассказал ему о случившемся, он дал мне понять, что вся эта история лежит в общем русле «борьбы с космополитами», т.е. государственно антисемитизма и я просто попал под руку, не одинок.

После этого он обратился к одному из своих пациентов генералу Пупышеву, который был заместителем начальника Политуправления ВМФ. «Поздно Вы пришли – сказал он – нужно было раньше. Сейчас я могу только смягчить взыскание». И смягчили, партийная комиссия ВМФ заменила исключение из партии на перевод в кандидаты ВКП(б). Это означало также, что мне дадут возможность доучиться в Академии.

Внешне это выглядело так. Вызвал меня к себе начальник Академии адмирал Ю.А.Пантелеев и сказал: «Я считаю, что с Вами поступили несправедливо, слишком жестоко. Поэтому я обратился к Главнокомандующему ВМФ с просьбой смягчить партийное наказание и дать Вам возможность доучиться». В этом был весь Пантелеев. Мне оставалось только благодарить и кланяться. Что я и сделал. Итак, я в третий раз стал кандидатом в члены ВКП(б). Что-то явно не склеивалось в моей партийной карьере. Я был нетипичным. Не «анти», упаси боже, но нетипичным. Здесь, чтобы закончить с этой историей, точнее с «академическим» ее этапом скажу сразу, что по прошествии положенного года политотдел не допустил снятия взыска-

ния, сославшись на необходимость проверки «на практической работе». Так что я должен был и на новом месте работы после Академии ходить штрафованным еще по крайней мере год. Но жизнь продолжалась.

В течение нашей «академической» жизни к нам несколько раз приезжала Таня Мачинская сначала с одним ребенком, потом с двумя.

Она оказалась очень трудолюбивым и достаточно амбициозным человеком. Положение только офицерской жены ее не устраивало. Она поступила на заочный факультет Ленинградского Института Иностранных языков и дважды в год приезжала в Ленинград на институтские сессии и, естественно, жила у нас. При этом хорошо училась.

Олег же в это время успешно продвигался по службе, стал командиром бригады эскадренных миноносцев.

Третий курс. Третий последний курс занятий в Академии пролетел быстро. Занятия были организованы очень похоже на прошлогодние, но масштаб боевых действий был повышен, все рассматривалось не в масштабе соединения, но в масштабе флота.

Иван Степанович Исаков задал мне обзор статей американского Военно-Морского журнала «United States Naval Institute Proceedings» – аналог нашего «Морского Сборника». Я этот обзор добросовестно выполнил, получил одобрение, но следа эта работа в моей жизни, подобного прошлой про анализ причин гибели подводных лодок, не оставила.

Пришло время писать дипломную работу. Я выбрал тему, получил руководителя, с которым имел два разговора: когда представился при выборе темы и когда принес готовую работу. Он меня при втором посещении даже не узнал. Говорил потом, что это был единственный случай в его преподавательской работе.

Подошла защита диплома. Мне, конечно, поставили четверку – не вешать же такого штрафника на мраморную доску – все остальные оценки были только пятерки.

После экзаменов большая часть офицеров получили на-

значения и все разъехались по отпускам. Мне велели явиться после отпуска обратно в Академию, поскольку назначения до сих пор не было.

Алику я достал в медсанчасти округа путевку в детский санаторий, который размещался в бывшей даче царского ювелира Фаберже, Люба с Борей уехала в Москву, а я остался ждать назначения.

В.А. Белли.

П.П. Квадэ.

Н.Б. Павлович.

В.А. Томашевич.

Академия, немецкая группа.
Стоят справа налево: М. Дудка, А. Лифшиц, Г. Яковлев, А. Мамаев, А. Тюняев. Сидят справа налево: И. Позняк, Т.В. Чернышева, А. Почебут.

Глава 13. В Академии им. А.Н.Крылова.

Кафедра. Адмирал Трайнин. Первые лекции. Первый учебник. Исследовательские игры. Домашняя компания. Теледевицы.

Кафедра «Оперативное искусство и тактика». Примерно через месяц назначение пришло – преподавателем кафедры «Оперативное искусство и тактика» Академии кораблестроения и вооружения имени А.Н.Крылова. Эта Академия готовила флотских инженеров высшей квалификации, а кафедра, на которую я был назначен, должна была давать слушателям-инженерам необходимую подготовку в оперативно-тактической области. Это было представительство Военно-Морской Академии в Инженерно-Технической Академии.

Поэтому и преподаватели на ней были самого различного профиля: операторы, тактики, летчики, подводники и т.д. Заведовал кафедрой контр-адмирал П.А.Трайнин довольно известный человек, бывший командир Либавской Военно-Морской Базы в 1941 году, активный участник Отечественной Войны. Ко всему этому интеллигентнейший и порядочнейший человек.

Я был определен в группу общей тактики, руководил которой Герой Советского Союза Федор Григорьевич Вершинин. Геройское звание он заслужил во время финской кампании 1940 года. Звание «Героя Советского Союза» ему дали, но потом политотдел выкопал где-то, что его родня воевала в белой армии во время гражданской войны. Однако «герой» был политотделу Академии и «иже с ними» не по зубам, о чем они неприкрыто жалели. Но он был смелым человеком.

Я помню, как на партийном собрании он говорил политработникам: «Мне ваши комментарии не нужны, сообщайте добротные факты. А комментировать их я буду сам». И это ему сходило с рук.

В целом это был очень порядочный и спокойный человек. Ко мне он относился хорошо, поддерживал меня, но поскольку был подводник, то в существо моих работ особенно не вникал.

С начальством на этот раз повезло. С товарищами, в общем, тоже – нормальные, подготовленные люди.

Определили мне место и дали на разработку лекции по двум темам общей тактики.

В целом я был хорошо подготовлен и по практической деятельности на флоте, по опыту плавания и по теоретической части – только что кончил Морскую Академию.

Никто мне не мешал работать, язык я прикусил на долгие годы и за полгода приготовил курс лекций общетактического плана. Курс был издан в издательстве Академии и я получил при этом опыт редакционной работы и опыт общения с типографией. Понемногу начал читать лекции.

Все это принесло мне определенный достаточный для начала авторитет и на кафедре и среди слушателей. Возникла еще одна новая и интересная область работы – участие в исследовательских играх при предпроектных исследованиях по новым кораблям. Эти игры проводились регулярно по заданию Управления Кораблестроения.

Участвовали в этих играх очень опытные адмиралы и офицеры, а меня привлекали прокладчиком – т.е. я прокладывал курс на карте и вел поминутно все движение кораблей, участвовавших в игре. Эти игры были очень интересны и поучительны для меня. Кроме того, в процессе этих игр я получил важные контакты с руководящими адмиралами и офицерами многих кафедр и факультетов. Это очень пригодилось мне впоследствии, когда я стал принимать активное участие в научно-исследовательских проектах.

Домашняя компания. Теледевицы. Поскольку все товарищи из Академии, в которой я учился, разъехались, то мы с Любой были в Ленинграде достаточно одиноки. В это время, однако, у нас начала складываться дружеская компания через Любину работу, через ее подруг по работе – «теледевиц», как их окрестили.

Основой этой компании были работавшие в одной лаборатории 4 молодые женщины и примкнувшие к ним их мужья. Несколько слов о них, поскольку эти знакомства переросли в

многолетнюю тесную дружбу. Все пары были одного поколения, чтобы не сказать возраста. Жены помладше, мужья постарше, все участники войны.

Одну пару составляли Мария Иосифовна и Борис Александрович Мамырины. Муж работал научным сотрудником в физтехе АН СССР, впоследствии он стал видным ученым – членом-корреспондентом Академии Наук, его жена Мария Иосифовна – в просторечии Муся много лет занималась космическим телевидением и входила в систему академика Королева.

В жизни это были очень оригинальные и остроумные люди – вносившие в нашу компанию дух юмора и веселья. Их сын Шурик постоянно влипал в разные детские истории: то повис губой на заборе, то в компании с товарищами подстрелил кого-то дробью (или его подстрелили – точно уже не помню) и т.д.

Вторую пару составляли Нина Валериановна Вяткина и Игорь Леонидович Валик. Игорь Леонидович Валик был уже в ту пору заведующим лаборатории, в которой работали все наши жены, они его побаивались. Это был малоразговорчивый, серьезный мужчина. Занимался он оборонными работами в космической области, имел вкус к теоретическим разработкам, под его руководством, например, была сфотографирована обратная сторона Луны.

Его жена Нина – была дочерью старого Нижегородского врача. Нина была тогда и оставалась до самого конца жизни воплощением порядочности. Будучи женой начальника, например, она тщательно следила за тем, чтобы ее зарплата всегда была бы на самом низком уровне и, не дай бог, не была бы повышена. К концу жизни это, конечно, сказалось на ее пенсии. Трагедией этой семьи была умственная недостаточность их старшей дочки Юли. Правда, младший сын был в полном порядке.

Третью пару представляли Екатерина Юрьевна Колпенская и Игорь Анатольевич Титов. Жена была «начальница» в этой семье: красивая, веселая и властная женщина. Муж дома был очень тих и послушен, что не мешало ему весьма успешно

работать. Он был, несмотря на молодость, начальником отделения в судостроительном НИИ им.Крылова, занимался гребными винтами.

Четвертую пару составляли мы с Любой. Все были соответственно одного возраста, похожих взглядов и постепенно все более и более сближались. Дети тоже были одногодками, и старшие и младшие. (Кроме Мамыриных, у которых был один ребенок).

Почти одновременно с небольшой разницей во времени мужья стали кандидатами, а затем и докторами наук. Дружба этой компании хорошо выражена в шутливом стихотворении Б.А.Мамырина «Четыре теледевицы», написанного ко дню празднования по случаю защиты моей докторской диссертации.

Четыре Теледевицы

Жили-были четыре теледевицы
Из себя ничего, и вполне молодицы;
Взяли девицы в мужья мужиков
Из разных губерний, почти дураков.
Стали девицы мужей тех учить –
Как надобно ездить, как надо ходить.
Как и зачем надо им одеваться,
Сколько работать, чтоб не надорваться.
Главное – в сторону чтоб не глядеть.
Водку не пить и поменьше галдеть.
Крякнули парни от этих речей:
– Как же? Работай, а водку не пей!
Опять же свободы совсем никакой…
– Зато, говорят, – у вас в доме покой,
Тут бы парням этим деру в кусты
Как бы не так – уже дети пошли!
Жены серьезнее сразу же стали,

В голосе их поприбавилось стали,
– Надобно вам – говорят – подучиться,
Хватить валяться, хватить лениться!
– В семье – говорят – увеличились траты,
Всем вам давно уж пора в кандидаты.
Почитали мужья тут ученые книжки,
Подтянули ремнями потуже штанишки,
Немного потом в потолок поглядели,
И все, как один, в кандидаты влетели.
Тут бы им петь да играть, веселиться,
Что бы ни день, им бы можно напиться,
Можно им было б, пожалуй, влюбиться!
Теледевицы ж стали, как львицы!
Мы Вас учили, мы Вас кормили,
Кофеем, чаем спитым поили.
Кыш за работу, учите, пишите!
Жены сказали, – мы сами бы стали
Да так уж и быть, будьте вы докторами!
Нечего делать. Спорить с женой,
Как и с начальством, – сравнение известно –
Словно плевать против ветра! Конечно,
Это занятие совсем неуместно!
Опять заскрипели мужицкие перья,
Опять соловьями их жены запели.
И вот результаты – за этим столом
Мы водку четвертого доктора пьем!
О теледевицы, теперь теледамы!
Теперь то хоть будем мы жить без программы?

Наша дружба прошла через все жизнь и хотя сейчас, к сожалению, нас осталось четверо, она продолжается.

Контрадмирал П. А. Трайнин.

“Теледевицы” с мужьями встречают новый 1960 год в доме ученых.

Глава 14. Одна тысяча девятьсот пятьдесят третий год.

Общая обстановка в стране. Страшная весть. Поворот судьбы. Выброшены из жизни. Поиски работы «по нисходящей спирали». Встречи « на гражданке». Н.И. Мартыненко и «добрый грек». Диспетчер «Ленрыбы». Смерть тирана. Обратный поворот судьбы.

Общая обстановка. Эту глава воспоминаний была написана отдельно, задолго до остального материала и я решил оставить ее без изменений, хотя она несколько и выпадает из остального текста.

Поэтому рассказ о событиях сухой и, конечно, не достаточно эмоциональный. Фактическая сторона дела, естественно, показательна, сама по себе, но ни в коей мере не может дать представления о тяжелых чувствах, которые не покидали нас ни на минуту. И при всем том мы прекрасно понимали, что наши невзгоды и наши переживания не сравнимы с тем, что переживают родители Любы, находясь в заключении, ожидая самого ужасного конца

К началу событий 1952-53 гг. обстановка в стране была достаточно тяжелой и все более сгущалась. Здесь не место описывать ее, но для нас тяжесть усугублялась еще и национальным вопросом. Антисемитизм под флагом подозрительности, борьбы с космополитизмом и пр. расцветал пышным цветом.

В конце 1951г. я окончил Военно-Морскую Академию, т.е. получил вторую степень высшего образования и был назначен преподавателем на кафедру тактики и оперативного искусства Академии Кораблестроения и Вооружения ВМФ имени А.Н. Крылова, где работал, осваивая новую для меня преподавательскую деятельность.

Наша семья: Люба, я и двое детей Алик 11 лет (мой сын от 1го брака) и Боря 3^{х} лет, жила на ул.Халтурина в коммунальной квартире на 3 семьи. Мы занимали одну, довольно большую комнату (32 м^2) в трехкомнатной квартире. Люба работала в Телевизионном институте.

Отношения на кафедре были нормальные. Заведующим кафедрой был контр-адмирал профессор Трайнин. Положение мое на кафедре было довольно прочным. Я был «молодой» преподаватель, но с достаточно высокой профессиональной (морской) и научной подготовкой. Финансовое положение нашей семьи было достаточно приличным по советским меркам.

В день, когда мы узнали об аресте Мирона Семеновича, в Академии проходило как раз заседание Ученого совета с отчетом о работе нашей кафедры, после которого заведующий кафедрой похвалил меня, сказав, что учебник, который я к тому времени написал, получил одобрение на совете и вообще все идет хорошо.

В ответ на это я вынужден был сообщить ему об аресте Любиного отца. То же самое я заявил в отделение КГБ при Академии. Там встретили сообщение вежливо, попросили написать заявление. После этого события пошли достаточно быстро. Начальник Политического отдела Академии сообщил о моем заявлении «наверх» и я буквально через несколько дней был вызван в Москву в Парткомиссию и в отдел кадров Главного Штаба ВМФ. В парткомиссии меня заставили написать «объяснение» случившемуся и здесь впервые передо мной стал вопрос о порядочности в крупном плане. Колебаний у меня в этом вопросе, слава богу, не было: я написал, что мой тесть хороший, порядочный, честный человек и ничего предосудительного в его деятельности я не видел и не вижу. После чего в тот же день был исключен из партии за связь с «врагом народа». Характерно для того времени: раз попал под арест, значит враг. «Зря не сажают». Хотя в то время никто из членов парткомиссии абсолютно ничего не знал по существу обвинений, предъявленных М.С. И были ли они предъявлены ему в то время, через несколько дней после ареста?

Исключение из партии определяло все. Прямо с парткомиссии я был вызван в отдел кадров, в котором мне объявили об увольнении с действительной службы в ВМФ.

Здесь положение несколько «осложнялось» тем, что начальник отдела кадров Контр-Адмирал Ф.И. Кочегаров знал меня

лично по совместному участию в войне на Северном флоте и испытывал, увольняя меня, некоторую неловкость – все же товарищ.

Не знаю уж насколько искренне, но он мне сказал: «Извини, сейчас я бессилен. Но подожди, может быть, обстоятельства изменятся, тогда дай знать». И, как ни странно, оказался пророком.

Я возвратился в Академию исполнять все формальности по увольнению. И здесь мне в том же духе сказал один из коллег капитан 3 ранга Гаркуша (как ни странно, но исполнявший в то время обязанности секретаря парторганизации): «Ни с чем не соглашайся, пиши апелляцию. Обстоятельства могут измениться». Я так и сделал – подал апелляцию.

Итак, с Академией, с флотом и с партией я распрощался. Конец ли это по пути вниз?

Но пока можно и нужно было жить, поддержать семью. Поддержать жену в первую очередь морально: ее переживания ведь не шли ни в какое сравнение с моими.

И нужно было кормить семью, т.е. работать. Начались поиски работы. Я был достаточно наивен: на первых порах я хотел найти работу по специальности.

Ближе всего мне была преподавательская работа, т.е. «морские» науки в их мирной специфике: навигация, астрономия, океанография. И я начал обход соответствующих ВУЗОВ: мореходки - торговая, арктическая и рыбная, морские техникумы, военные кафедры ВУЗОВ. И везде мне были рады до того момента, пока я не объяснял причину ухода с военного флота.

Через недели две я понял, что такие хождения бессмысленны.

Пытался я устроиться на работу в школу преподавать математику. Хотя и не имел специального (университетского или педагогического) образования, но опыт воспитательной работы с матросами и определенные способности, большая любовь к математике давали уверенность.

Как ни странно, нашлось три директора школ, которые хотели меня взять (может быть даже потому, что в школах не хватало, как и сейчас, преподавателей – мужчин), но едва

дело доходило до районных отделов народного образования, которые формально ведали приемом на работу, так все и кончалось неудачей.

Пытался я как-нибудь найти занятие для Любы. Устраиваться на работу и даже просто объявиться на люди с ее фамилией в то время и думать было нечего. Но в публичной библиотеке существовал т.н. «безлюдный фонд» и можно было пытаться брать там переводы с английского и немецкого языков. Такие попытки я сделал пару раз и какую-то работу Любе я достал, естественно, на свое имя. Но это случилось уже в конце наших мытарств.

Параллельно с поисками преподавательской работы я мог бы попробовать использовать практический опыт плавающего офицера. Ведь я был до Академии командиром эскадренного миноносца, т.е. «капитаном» большого корабля. И я начал хлопотать о получении диплома Торгового флота. Мне много раз отказывали по разным поводам, например из-за отсутствия достаточного стажа матросской практики, которая в торговом флоте несколько длиннее, чем в военном. Однако после поездки в Москву и встречи с начальником морской инспекции все же получил диплом капитана торгового флота. Но все это было впустую. Никто и не думал принять меня на работу (формально дело упиралось в отсутствие визы). И здесь я прошел длинный путь попыток, спускаясь все ниже и ниже. Когда я пытался устроиться на работу хотя бы рулевым на катер, то варианты ответов были от «Нельзя Вас брать на «простую» работу. У Вас же два высших образования» до ответа «что Вы, как можно доверить Вам руль. Ведь там же живые люди».

Был единственный случай, когда меня согласились взять на работу в «Севморпуть»[1] капитаном морского буксира в бухту Тикси, но цена была «разведись с женой». Естественно я отказался.

Было ясно, что шансов уцелеть статистически у нас почти не оставалось. И, в общем, мы привыкали постепенно к этой

---

1 Была такая мощная и богатая организация, эксплуатирующая движение судов в Арктике.

мысли, хотя и барахтались, как мыши, попавшие в молоко.

Но судьба детей глубоко волновала нас. Дети, оставаясь с нами, рисковали также. И с болью душевной мы решили расстаться с ними, не подвергая их опасности, которая подстерегала нас.

Мы отправили детей к моим родителям в Москву и остались вдвоем. Мой отец работал тогда заведующим лабораторией в одном оборонном НИИ в Москве. После 13 января, когда »Дело врачей» и сопутствующая ему антисемитская кампания развернулась во всю, с отцом произошел характерный случай. В лаборатории обнаружили иглу для ингаляций, которую он взял на работу для какого то ремонта. Тогда его вызвали в отдел кадров и предложили уволиться по собственному желанию, если он не хочет быть обвиненным в подготовке инвентаря для «врачей-отравителей». И ему пришлось уйти с работы.

Во время моих «скитаний» было, естественно, довольно много встреч с людьми, так или иначе знающими меня по «прошлой» жизни. Встречи были разные, некоторые пугались встречи с «опасно опальным» человеком, но были и по-настоящему сердечные встречи. Так, меня сам нашел мой бывший начальник Николай Иванович Богданов и морально помог, твердо сказал, что никого и ничего не боится и дружбу не предаст. Встретился мне и другой бывший командир и товарищ Петя Горшков. Он к тому времени был уволен с флота за какую-то провинность и работал заведующим курсами переподготовки персонала для речного пароходства. Учениками на этих курсах были матросы, старшины, боцманы и обслуга пристаней. Он предложил мне преподавательскую работу на этих курсах. Зная мою довольно высокую общую подготовку, он предложил мне на выбор ряд предметов. Выбор был не простой: оплата почасовая и очень невысокая. Ресурсы семьи были на исходе, мои скитания продолжались уже 3 месяца и был велик соблазн (необходимость) заработать побольше.

И я взялся преподавать математику, английский язык и бухгалтерию. По математике я был подготовлен хорошо, по

английскому языку, учитывая знания морской терминологии, совсем недавнее окончание учебы в Академии и невысокие требования для учеников-матросов моя подготовка была «туда-сюда». Но о бухгалтерии я понятия не имел. Однако Горшков дал мне учебник по бухгалтерии для речного флота, я его выучил и начал работу.

Математические занятия пошли хорошо, английские занятия я начал также удовлетворительно; но с бухгалтерией, как и должно было быть, случился конфуз, т.к. среди учеников оказалось пара практиков, которые быстро доказали мне авантюрность этого моего выбора. Я отказался от этого предмета после первого же занятия. Это был урок на всю жизнь.

Было много других встреч с бывшими сослуживцами. И общая тенденция была такая: чем ниже стоял человек на ступенях общественной лестницы, образно говоря, чем меньше ему было что терять, тем лучше он ко мне относился. Я не хочу бросать камень в тех, кто сторонился нас в эти лихие времена. Цена потерь была слишком велика.

В то время начальником Главного Морского Штаба был адмирал Виталий Алексеевич Фокин, человек, которого я, как и все окружающие, уважал безмерно. Мы провели рядом почти всю войну и относился он ко мне хорошо. Но даже он в это время дал мне понять, что ничем помочь мне не в состоянии.

Была встреча в Москве со школьным товарищем, одноклассником Георгием Николаевичем Кузнецовым. Он преуспел в жизни и был к тому времени начальником КБ. Выслушав меня, он сказал: «Твоя история понятна. Я могу тебе помочь, но тайком. У меня есть филиал в Подмосковье, тебя примут на работу инженером, но кто ты и почему тут устроился, никто, в том числе и я, знать не должны. Если обойдется - работай. Если что-либо возникнет, то помочь я уже не смогу».

И это решение, и сопутствующие условия были понятны в те времена. Но тогда я еще не дошел до того, чтобы уехать из Ленинграда по своей воле.

Однако люди так или иначе пострадавшие и спустившиеся по общественной лестнице вниз, встречали меня хорошо, до-

брожелательно под лозунгом «нашего полку прибыло». И все они хотели мне помочь, чем могли. Но могли они очень мало.

Характерным и новым для меня в этой среде было явно негативное отношение ко всему строю, к советскому режиму, и прямая ненависть к Сталину.

Под конец моих «скитаний по работе» я встретил бывшего командира миноносца нашей эскадры Степана Петровича Мартыненко. Он ушел с флота по «хорошему» поводу - любил выпить. Т.к. в правах он почти не был поражен, то нормально устроился в гражданской жизни, был капитаном флота Ленинградской океанской рыболовецкой компании «Ленрыба». Он был на короткой ноге с директором этой компании довольно добрым греком по фамилии Кутузаки. Мартыненко поговорил с ним и ответ был: «Он же не «сидит», должен же где-то работать, так пусть работает у нас диспетчером[2] штаба, но я ничего не знаю про него. Если что-то возникнет, сразу уволю». Так я получил работу диспетчера. Это было 20 февраля 1953г., за две недели до смерти Сталина. Работа была для меня ясной. Был у меня сменщик Архипов. История его была вкратце такова. Морской офицер, участник войны, после окончания, которой оказался на кораблях в Свиноустье. Полюбил немецкую девушку и женился на ней. Отказался бросить ее по требованию партийных властей. Был исключен из партии и уволен с флота. Устроился общественным сотрудником морской библиотеки в Ленинграде. Но и оттуда был уволен из-за жены. Попал, как и я, к доброму греку.

Так или иначе, я получил работу, сидел в штабе «Ленрыбы» на канале Грибоедова. Чтобы Вы понимали наше настроение-воспоминание: : сижу у окна и вижу, что внизу остановилась крытая черная машина – «воронок». Основная мысль «это за мной»; звоню домой предупредить Любу. К счастью, ее нет дома. Тревога оказалась ложной. Мой черед еще не пришел.

5 марта умер Сталин. Сразу я не оценил последствий этой смерти лично для нас.

---

2 Диспетчер штаба – это дежурный, поддерживающий связь и оперативное руководство судами в море.

Проницательнее оказался заместитель директора «Ленрыба» по технической части латыш инженер Морус. Он сразу сказал «Сталин умер, что же будет с «профессурой?» Я даже не понял, что под этим термином он подразумевал арестованных врачей. Однако в те времена исход событий мог быть разным, не обязательно относительно благополучным для нас. Если бы победил не Хрущев, а более консервативные элементы в компартии, то кто знает, чем бы это кончилось?

Работал я числа до 10 марта, как вдруг вызывают меня к директору Кутузаки. И он мне говорит: «Помнишь наше условие: работаешь до первого сигнала. Так вот сегодня сигнал был – про тебя спрашивали из «Большого дома». Теперь я тебя увольняю».

Делать нечего – надо снова скитаться. Но добрые люди опять надоумили: «Не соглашайся, подавай на конфликтную комиссию». Подаю, комиссия не соглашается с директором на мое увольнение. Но грек тверд и я уволен.

Случай этот трагикомичен. История такова. После смерти Сталина, когда на Лубянке колесо репрессий повернулось, Мирон Семенович спросил у следователей, где его дочь и ее семья. С Лубянки позвонили в Питер и местные КГБшники нашли меня (или проверили наличие) в «Ленрыбе». Мирону Семеновичу в Москве на Лубянке сказали: «не волнуйтесь: дочь в порядке, в Ленинграде. Ее муж работает диспетчером». А меня уволили, т.к. КГБ не стало разъяснять причину своего интереса ко мне. Впоследствии моя «твердость» обернулась тем, что мне выплатили неустойку за вынужденный прогул.

Тем временем 4 апреля родителей выпустили из тюрьмы и события пошли в обратную сторону.

Для меня все началось с того, что я получил вызов в Москву в партийную комиссию Главного Морского Штаба. Но предлогом для вызова было не освобождение М.С., а моя апелляция, про которую я забыл и думать. Меня вызвали, лицемерно признали апелляцию «обоснованной» и восстановили меня в кандидатах в члены КПСС. Т.к. я был в Москве, то пошел уже по своей инициативе и в управление кадров к тому же контр-

адмиралу Кочегарову. «Вот видишь – сказал он — я же тебе говорил, что все изменится. Зайди завтра». Я зашел «завтра» и получил копию приказа об отмене моего увольнения из ВМФ и приказ о назначении в Таллинн, на должность заместителя начальника штаба дивизии крейсеров Балтийского флота.

Побывал я снова в Морской Академии. Встретили меня нормально. Начальник Академии Адмирал В.Ф.Зозуля принял меня хорошо, однако сказал, что неудобно мне сейчас возвращаться в Академию, т.к. слишком свежи «проклятия» и достаточно много проклинавших. «Будет много сложностей и для «них» и для Вас; нужно подождать». И в целом он оказался прав. В Академию я вернулся через 3 года.

За время моего отсутствия в Академии издали две моих книги (учебные), но без указания авторства. Теперь же снова заменили первые листы и авторство восстановили.

На этом мои личные мытарства того периода закончились. Однако был, пожалуй, еще один последний отзвук в июне 1953 г. и причина была в моей излишней откровенности.

М.С. рассказал нам, что после смерти Сталина, он был вызван непосредственно к Л.П.Берия, через которого шел пересмотр дела врачей.

Соответственно уже в Таллинне на вопрос, кто же освободил М.С. из тюрьмы, я ответил, что это был Берия.

В июне должна была состояться моя окончательная партийная реабилитация – перевод из кандидатов в члены КПСС. И вдруг начальник Политотдела дивизии говорит мне: «Знаешь, давай подождем еще немного, ты у нас служишь очень мало времени». И все отложили еще на полгода.

Позже я узнал, что подлиной причиной отсрочки был произошедший в то время арест Берия. Начальник Политотдела вспомнил мой рассказ о роли Л.П. Берия в освобождении врачей и решил подстраховаться. «А вдруг все вернется на круги своя, его тестя снова посадят и Лифшица придется опять исключать». Такова была степень неопределенности обстановки в те времена.

Уместно, пожалуй, сказать здесь кратко об истории моей

партийности вообще. Исключали меня из партии три раза. Первый раз в марте 1942 г. Я пожалел наших солдат и офицеров, попавших в плен; сказал, что не все пленные предатели. Исключили за «преступные разговоры по вопросу сдачи в плен». И формулировка гибко и подловато перевернута. Можно было подумать, что я кого-то уговариваю сдаться. Затем восстановили «за активное участие в боях с врагом».

В 1950 г. во время учебы в Академии опять исключили «за грубую политическую ошибку». Ошибка эта заключалась в том, что на учебном семинаре я употребил слово «пресловутый» в сочетании с названием одной, часто упоминавшейся до этого работой Ленина. Истинная причина была в моей национальности. Это был разгар борьбы с «космополитами». Затем удалось смягчить наказание – перевели в кандидаты в члены КПСС. И, наконец, в третий раз исключили в связи с «делом врачей».

Как видно, я не очень подходил к КПСС.

В заключение этих кратких заметок нельзя не сказать о влиянии всей этой тяжелой истории на мое отношение к существовавшему режиму.

Детство и юность мои прошли в целом, в согласии с режимом, а удары, которые постоянно наносила по нему моя мама, я относил к ее саркастическому темпераменту. (Хотя что-то, наверно, откладывалось в моем детском, а позже в подростковом сознании). Впоследствии я понял, что она была полностью права.

События 1937 г. затронули, конечно, нашу семью, но не непосредственно: были арестованы два брата моей мамы, один из которых сгинул в огне репрессий. Надо сказать, что я воспринял это к стыду своему как-то недостаточно глубоко. Я понимал, конечно, что творятся несправедливости, но в целом мое отношение определялось, пожалуй, поговоркой: «Лес рубят – щепки летят». Относительно правильности «рубки леса» в целом сомнений не было.

Однако, по мере того, как я взрослел и наблюдал, что «щепы» все больше и больше и ее уже не куча, а горы, величина кото-

рых сравнима с количеством «добытого леса», сомнения все больше одолевали меня.

Все же, когда в 1947 г. мой командир корабля Василий Михайлович Климов, у которого я был старшим помощником, сказал мне под рюмкой, что надвигается новый 1937 год, я был не склонен верить этому.

Но вот, когда удар пришелся непосредственно по мне и по моей семье, тут уже я прозрел окончательно. Сомнения прошли не только, когда арестовали Мирона Семеновича, человека гуманнейшего, мягкого и отдающего себя с утра до вечера ежедневно на благо людей, и, в том числе, на благо своих гонителей, но когда в список арестованных врачей были включены люди, давно умершие, сомнения покинули меня окончательно. Теперь я дозрел. Справедливости ради отмечу, что в те времена я понял только, что преступен весь правящий режим в нашей стране. Но к мысли, что нереальна, к сожалению, и вся «прекрасная» Марксова теория я пришел позже под влиянием результатов режима созданного в ГДР и других местах, по сопоставлению условий жизни и прав личности в другом обществе.

Естественно, мы все радовались событиям Хрущевской оттепели и доклад Хрущева на 20 съезде восприняли как подтверждение наших тогдашних взглядов.

Скажу при этом, что я не верю ни одному образованному или даже просто зрелому человеку, который говорил, а иногда и сейчас говорит, что глаза у него открылись после доклада Хрущева, что раньше он не знал и т.д.

Все знали, но боялись. Слишком опасно было знать. Режим пал лишь тогда, когда он прогнил изнутри и главным образом экономически.

Глава 15. На Балтийском флоте.

Поворот колеса фортуны. Сбор семьи. Новое назначение. Таллинн и Эстония. На дивизии крейсеров. Адмирал П.М.Гончар и А.Н.Тюняев. Адмирал Н.М.Харламов. Штаб дивизии. Мое становление. Разработка игры. Штаб на походе. Адмирал В.Ф.Котов. Успехи в боевой подготовке. Н.В.Кошкарев. Сбор в бухте Тагалахт. Снова Е.А.Козлов. Приход адмирала В.А.Касатонова. Мой комфлот. Флотские «суффиксы». В.Г.Бакарджиев. Маршал Жуков в Таллинне. Ленинград 1954г. Выбор дальнейшего пути.

Поворот колеса фортуны. Итак, колесо фортуны в очередной раз повернулось в благоприятную сторону. Началось все рано утром 4 апреля. В квартире раздался телефонный звонок – звонила Любина мама Вера Львовна, их выпустили из тюрьмы и они дома.

Спустя несколько часов, появилось сообщение в газетах, из которого мы «узнали», что все гонения на «врачей-вредителей» были «преступно-несправедливыми».

Вечером того же дня мы с Любой выехали в Москву. Я опускаю здесь описание наших личных, семейных переживаний, поскольку они значительно глубже и лучше описаны в записках Любы. Коснусь лучше «служебной» части.

Партийные органы не захотели прямо извиниться передо мной. Но они поступили более изощренно. Дали ход моей апелляции, которую я подал после исключения из партии по совету кафедрального секретаря капитана третьего ранга Гаркуши, хотя считал дело абсолютно безнадежным. И рассмотрев мою апелляцию, поданную 4 месяца назад, «пришли к выводу, что мое исключение было несправедливым» и нужно меня восстановить, т.к. я был прав. И ни слова о государственных причинах поворота событий.

После партийного восстановления я, не дожидаясь вызова, сам попросил приема у начальника кадров ВМФ контр-адмирала Ф.И. Кочегарова. Он просил меня зайти через 3 дня. Когда я пришел, он сказал мне «Видишь, я был прав при нашей прошлой печальной встрече. Обстановка изменилась и мы тебе поможем». И ему действительно было легко мне так

сказать, т.к. когда я просил помощи после моего исключения и отчисления из Академии в декабре 1952 года, он мне сказал довольно доброжелательно: «Извини, сейчас я бессилен. Но обстановка может измениться, тогда приходи – поможем».

И вот к удивлению моему оказался прав. Сейчас он показал мне два проекта приказа Военно-Морского Министра: один о моем возвращении на старое место в Академию Крылова, второй – о назначении меня заместителем начальника штаба по оперативной части Дивизии крейсеров Северо-Балтийского флота. Первый был перечеркнут, второй подписан. Не знаю уже, была ли эта кадровая уловка с перечеркнутым вариантом или дело было действительно так.

Однако я все же пошел на прием к начальнику академии Крылова вице-адмиралу В.Ф.Зозуле. И он мне сказал, что не считает правильным мое немедленное возвращение. «Слишком свежа рана, еще достаточно много хулителей, плясавших на твоих «похоронах». Сейчас тебе и им встречаться будет неудобно. Пусть время залечит все. Тогда и вернешься». Однако он тут же распорядился восстановить мое авторство на учебнике, который я написал перед увольнением и которое было стерто после моего ухода, хотя сам учебник был издан.

Люба, конечно, тоже была восстановлена на работе. Мы забрали детей у моих родителей и всей семьей вернулись в Ленинград. После этого я поехал в Таллинн, на новую службу. Дивизия крейсеров состояла из двух крейсеров: «Жданов» и «Адмирал Ушаков» и бригады эскадренных миноносцев. Командовал дивизией хорошо мне известный по Северному флоту **контр-адмирал Пантелеймон Максимович Гончар**. Это была личность сложная и противоречивая.

С одной стороны – смелый офицер, волевой и умный человек. Корабли, которыми он командовал в войну: Эсминец «Куйбышев», эсминец «Деятельный», лидер «Баку» систематически отличались в боях и походах, достаточно вспомнить беспримерное спасение моряков с погибшего эсминца «Сокрушительный», многочисленные атаки немецких подводных лодок и сбитые самолеты. Ордена он заслужил безусловно. С

другой стороны он был весьма груб с подчиненными, постоянно оскорблял и подавлял окружающих.

Поэтому окружающие признавали его заслуги, но любовью подчиненных он не пользовался. Скорее наоборот. У него возникали постоянные конфликты и с внешним окружением, со штабом флота.

Меня он встретил неплохо, выразил сочувствие.

Начальником штаба оказался никто иной, как Алексей Николаевич Тюняев. Встретил он меня тоже нормально. Мы друг друга знали много лет и знали хорошо. Дружба, конечно, дала трещину после Академической истории, но служебное доверие и уважение к знаниям друг друга остались.

Также старым знакомым оказался и командир крейсера «Жданов» Виктор Васильевич Федоров – бывший командир «Разумного», о нем я писал раньше в этих записках.

Командиром крейсера «Ушаков» был капитан второго ранга Алексей Семенович Бандура. Это был «служака», ругатель и крикун, весьма ограниченный по знаниям, не говоря об интеллекте. Однако он был по-своему добросовестен и корабль был чист, в хорошем состоянии, готов выполнять свои задачи.

Кроме двух крейсеров в состав дивизии входила бригада эскадренных миноносцев проекта 30 бис. Эти корабли представляли собой как бы улучшенные «семерки». Забегая вперед, скажу здесь только то, что все недостатки и слабые места кораблей военного времени – «семерок» были здесь учтены и устранены. Поэтому эти эсминцы мне, проведшему на «семерках» многие годы очень, нравились. Командиром бригады на момент моего прихода был мой старый знакомый по северу и по Академии Александр Болеславович (Саша) Тейшерский. Однако вскоре на его место был назначен контр-адмирал Вячеслав Георгиевич Бакарджиев, а Сашу перевели в начальники штаба бригады. Причем не за провинность или слабость, а просто начальство сказало, что скачек от должности командира эсминца, кем Саша был до Академии, сразу в командиры бригады, минуя важную должность начальника штаба, слишком велик.

Командующим флотом был адмирал Н.М.Харламов. Это был умный и образованный весьма дипломатичный человек, любитель анекдотов, но недостаточно опытный как моряк. В прошлом он сделал быструю карьеру «на костях» жертв Сталинских репрессий (в чем лично, наверно, виновен не был), а в период войны был нашим морским представителем в Великобритании, часто «общался», как он рассказывал, с Черчиллем и Английским Королем и весь был в этих воспоминаниях.

Недостаток собственно морского опыта сказывался в чрезмерной осторожности при принятии решений. Это отрицательно влияло на подготовку кораблей, например, крейсерам запрещалось входить своим ходом в Таллиннскую гавань, их водили буксиры и т.д.

А.Н.Тюняев был в целом доволен моему приходу – он знал мне цену. Конечно, я снял много забот с его плеч. Оперативно тактически был готов к новой должности. Однако был пробел в знании новой техники. И крейсера и эсминцы за время моего пребывания в Академии были уже другие, да и крейсера вообще были новыми для меня кораблями. Несравненно большую роль стала играть радиолокация и вообще электроника.

Пришлось срочно наращивать знания и этому я посвящал все свободное время.

Пожалуй, что нет смысла характеризовать здесь офицеров штаба по отдельности, лучше упоминать и характеризовать по мере дальнейшего повествования.

Здесь скажу несколько слов лишь о флагманском штурмане дивизии **Борисе Ивановиче Землянове** поскольку больше чем с другими офицерами штаба именно с ним мне приходилось взаимодействовать. Это был очень приятный, умный, остроумный и знающий офицер, моложе меня лет на 5, но участник войны на ее излете.

До моего прихода он выполнял обязанности заместителя начальника штаба. Однако никаких обид, «подсиживаний» или чего-либо подобного не возникло. У нас установились хорошие, деловые отношения, переросшие со временем в настоящую дружбу. Он мне говорил, что к моему приходу он был

готов, поскольку обо мне неоднократно говорили в его присутствии хорошо знавшие меня Гончар и Тюняев. И видно говорили не плохо и достаточно открыто. «Что, предали друга?» – говорил Гончар. «Не я, ситуация была безвыходная – отвечал Тюняев – Ничего сделать было нельзя».

С возвратом на флот восстановилось естественно и финансовое положение нашей семьи. После «голодной» жизни на деньги от продажи книг и мизерной зарплаты диспетчера «Ленрыбы» я получил нормальную зарплату (упомяну, кстати, что по штату на моей должности должен был быть капитан 1 ранга) и посылал большую часть Любе, после чего последовала просьба от моей скромной жены «не присылать так много – неудобно перед соседями». Но справедливость требует заметить, что к «новым-старым» условиям она постепенно привыкла.

Установлению моего авторитета сразу после прихода способствовало выполнение первого серьезного задания. Мне поручили разработать оперативно – тактическую игру на картах для подготовки руководящего состава дивизии: командиров кораблей и штабов дивизии и бригады. Поручение было превосходным – я последние 4 года только тем и занимался, что участвовал в играх в двух академиях.

Потратив определенное время, я тщательно разработал игру, включив в нее много моментов, требующих от участников (а это были офицеры штаба дивизии и командиры кораблей), знаний и серьезной подготовки. Проведение игры, ее динамика, а затем разбор были очень полезны для всех ее участников и вместе с тем сразу поставили на место мой авторитет как специалиста.

Следующий этап становления – это работа в море во время совместного плавания.

До моего прихода на походе существовала роль оперативного дежурного (ОД), но она сводилась по-существу к передаче приказаний командира дивизии на корабли. Находился он, как правило, на мостике, рядом с начальством. Совершенно формально работал Боевой Информационный пост, т.н.

БИП под руководством флагманского специалиста по радиолокации, не имевшего, как правило, достаточной оперативно-тактической подготовки.

Вскоре после моего прихода произошел весьма характерный случай. Крейсер и несколько миноносцев вышли на учение с целью отработки маневра охвата противника с двух сторон с последующей торпедной атакой. Видимость была очень плохой. Мы разошлись с противником в тумане, не обнаружив его, и намечаемый маневр был сорван. Какого же было мое удивление, когда после возвращения флагманский специалист по радиолокации капитан 3 ранга Найдорф с удовлетворением показал мне планшет, на котором предполагаемая цель была все время видна, проходила от нас по левому борту. «Мы ее все время «видели» - говорил он.

Мне стало ясно, что, во-первых, нужно учить штабных специалистов, во-вторых, что на походе, в море мое место и место оперативного дежурного именно в БИП'е, где сосредотачивается вся обстановка. Удалось убедить в этом командира дивизии, контр-адмирала П.М.Гончара, а А.Н.Тюняев сам сразу понял все преимущества предложения. С этого момента на походе в БИП'е всегда функционировал т.н. «штабной оперативный пост», через который и шло управление эскадрой. Мое место было всегда там, а очень часто туда спускался и командир дивизии. Это было весьма важно и лично для меня, как оказалось потом.

Таким образом, я получил репутацию не «бумажного человека», каким считалась моя должность, но и морского, «походного» специалиста.

Оставалась еще область чисто командная, но это был впереди.

Все вроде бы хорошо складывалось, но очередной пинок я снова получил по партийной линии.

Вначале, поскольку в дивизии были люди, давно знавшие меня, как Гончар, Тюняев, Тейшерский мне предложили завершить мое затянувшееся в связи с обстоятельствами пребывание в кандидатах партии и все шло к этому, как вдруг началь-

ник политотдела сказал, что нужно выждать год пребывания в дивизии. В последствии я узнал, что на это решение повлиял арест Берии. «А вдруг все снова повернется?» - подумал начальник ПО и решил выждать.

Чтобы не возвращаться к этому, упомяну сразу, что в очередной и последний раз меня перевели из кандидатов в члены КПСС ровно через год после моего перехода на дивизию.

Нельзя не сказать несколько слов о местном колорите. Дивизия базировалась на Таллинн – столицу Эстонии. Это было мое второе знакомство с Прибалтикой после кратковременного пребывания в Латвии в 1940г., еще из училища.

Теперь я не то, чтобы прожил, но пробыл хотя и на рейде, в каюте и на палубе, но все же в Эстонии около 3 лет, регулярно бывал на берегу и наблюдал местную жизнь.

По своей должности я раз в неделю должен был бывать на берегу в штабе флота на совещаниях по планированию боевой подготовки, т.е. согласовании действий всех соединений флота. Там я приобрел контакты со штабом флота и коллегами из других частей и соединений флота.

Но так как в другие дни на берег не сходил, то позволял себе по окончании этих совещаний каждый раз побродить 2-3 часа по Таллинну, наблюдая местную жизнь.

Лучше я узнал Прибалтику несколько лет спустя в наших многочисленных автомобильных поездках. Теперь же бросилось в глаза изобилие ширпотреба, красивые вещи, удобные безделушки, бесчисленные кафе, где люди проводили время, будучи достаточно трезвыми и, конечно, архитектура Таллинна, готические шпили церквей, кирпичные крыши, башни и крепостные стены – все, чем красив старый Таллинн.

Образовалось и местное знакомство. Дело в том, что летом 1952 года мы с Любой и с Аликом проводили отпуск в Крыму, в Алупке в одном из санаториев, кстати, не очень хорошем. Но Крым есть Крым, мы купались, загорали и свели знакомство с одной приятной дамой из Таллинна – Евгенией Павловной Кормилицыной, которая отдыхала в том же санатории, что и мы со своей 11 летней дочкой Наташей – ровесницей Алика.

Уезжая, обменялись адресами.

Теперь, год спустя, когда я попал в Таллинн, то напомнил о себе, был зван в гости и стал периодически бывать в этой семье.

Муж Евгении Павловны – Николай Васильевич Кормилицын оказался директором Таллиннского судостроительного завода. Когда приезжала Люба, мы всегда бывали у них, а ответный прием проходил, как правило, в одном из Таллиннских ресторанов, которые в те времена были «на уровне».

Так вот Евгения Павловна говорила, что эстонцы как редиска, «красные» только снаружи, а внутри совершенно «белые» т.е. «антисоветские». Это и подтвердилось впоследствии.

На первых порах я приобретал всей семье подарки местного эстонского колорита и дарил их в редкие, раз в 2-3 месяца поездки в Ленинград.

Осенью А.Н.Тюняев переходил на должность командира крейсера «Жданов» - он хотел получить опыт командования крейсером, а командир «Жданова» В.В.Федоров переходил в Ленинград на должность начальника штаба Дивизии Строящихся и Ремонтирующихся кораблей т.н. ДиСРК.

Стали искать нового начальника штаба, предложили нескольким офицерам, но все отказались служить с П.М.Гончаром, из-за его сложного характера. В конце концов доложили министру и решение было неожиданным. «Если никто не хочет служить с Гончаром, так уберем Гончара». И наш комдив внезапно был направлен учиться в Академию Генерального Штаба. Урок он усвоил и в последующем был значительно более толерантен.

А наша дивизия получила смену сразу двух первых руководителей: командира и начальника штаба.

Василий Федорович Котов. Командиром дивизии был назначен контр-адмирал Василий Федорович Котов – «старый» служака по нашим понятиям, ему уже было больше 50 лет.

Эта была полная противоположность Гончару. Если Гончар считал, что он, безусловно, самый умный и понимающий человек в дивизии и конечно никто ему не указ, то Котов ничего не предпринимал без совета штаба. Если Гончар никаких автори-

тетов не признавал, то Котов признавал авторитет начальства и военно-морской литературы.

В.Ф.Котов никого не оскорблял, но был человеком с большим жизненным опытом, достаточно осторожным и очень «себе на уме».

Происходил он из бедной крестьянской семьи, во время первой мировой войны работал мальчиком-поваренком в шикарном ресторане, оттуда и был призван во флот. Жизнь он знал со всех сторон. Штаб он использовал по назначению, никого не подавлял, всех слушал, но мнение свое составлял сам.

Интеллект его был, безусловно, слабее, чем у П.М.Гончара. Казалось бы при Гончаре дивизия должна бы быть лучше, чем при Котове, но оказалось наоборот. Очевидно, это было оттого, что разумную инициативу подчиненных он не подавлял, а использовал на дело, тогда как Гончар, верил только себе.

Мне довелось долго служить под началом Котова и постепенно мы друг к другу привыкли. Он проникся ко мне доверием. Как ни странно это доверие очень возросло после того, как он увидел мой учебник по тактике, изданный в Академии – печатное слово он очень уважал.

Характерный случай для наших отношений: В.Ф.Котов находился в отпуску в Сочи. В это время Главный штаб внезапно для всех созывает совещание по вопросам кораблестроения и приглашает на него командиров соединений, в том числе и Котова. Времени на поездку в Таллинн нет и я получаю телеграмму: «Мой доклад привезти в Москву».

Это был не единственный случай. Все два с лишним года он привык подписывать много документов из моих рук. Я его не подвел ни разу и привычка стала автоматической.

Спустя годы, когда я работал преподавателем на кафедре «Управление силами», а В.Ф.Котов был начальником факультета, если нужно было получить его подпись на каком-либо кафедральном документе, то посылали меня.

Как всегда бывали и комические случаи. Стояли мы однажды на рейде в Палдиски – это бухта, или точнее, залив километров 60-70 к западу от Таллинна.

Между тем наш береговой опорный пункт, т.н. «береговой штаб», под управлением помощника начальника штаба Александра Владимировича Казимирского оставался в Таллинне. Там же был и гараж дивизии, в котором находились автомашины, в том числе персональная автомашина «Победа» нашего адмирала.

Пришло время получать зарплату, А.В.Казимирский берет адмиральскую «Победу», едет в Палдиски, выдает деньги и уезжает обратно. Наш адмирал к своей машине относился трепетно, что и понятно, в то время машин было мало. Узнав, что кто-то без его решения использовал его автомобиль, В.Ф.Котов приказал «Вызвать сюда Казимирского, я ему покажу, как брать автомобиль без спросу». Оперативная служба передает Казимирскому вызов в Палдиски к комдиву, он снова берет его «Победу» и едет в Палдиски. У Котова чуть сердечный припадок не случился от возмущения. Казимирского наказали, но ситуация была прекомичная.

Позже был случай с этой машиной и у меня. Нужно сказать, что офицеры штаба организовали обучение вождению автомобилем, используя автороту штаба флота, где были учебные автомобили и инструкторы. Котов узнал и возмутился – он счел это блажью «пусть службой занимаются». Офицеры пришли ко мне с просьбой уладить дело, т.к. я тоже учился.

К этому моменту я уже достаточно изучил характер В.Ф.Котова, поэтому нашел в уставе штабной службы статью, в которой говорилось, что штабной офицер должен уметь управлять лошадью, катером и автомобилем, принес и показал эту статью адмиралу. Он прочел статью устава и сразу сменил гнев на милость – печатное, тем более уставное слово он уважал безгранично. Инцидент был исчерпан – учеба продолжалась. Но я был ничем не лучше и не умнее Казимирского. Так как я очень часто ездил вместе с адмиралом на его машине по разным делам, то свел дружбу с его шофером. И вот вечерами после того, как шофер отвозил адмирала домой, он на этой же машине учил меня вождению.

И вот однажды зимним вечером мы с ним выехали за го-

род на Ленинградское шоссе доучиваться. Шел легкий снежок и асфальта не было видно. Шофер велел прибавить ходу, я прибавил, а так как управлял я машиной еще очень слабо, то очень быстро машину занесло и мы оказались в кювете. Дело было около 23 часов вечера, километров в 30 за городом. Оставил я бедного шофера в кювете, вышел на шоссе и побрел к Таллинну. Однако «добрые люди» подобрали меня и довезли до центра, где я к счастью нашел крепкого «козла», нанял его, мы поехали за город и вытащили нашу машину. К счастью она попала в сугроб и не получила повреждений. Мы с шофером свято хранили тайну. Но больше я на адмиральской машине не учился. Можно представить себе, что стало бы с адмиралом, узнай он о произошедшем. И со мной тоже. С юмором у адмирала было неважно.

Еще один случай. Как-то ночью часа в два будит меня оперативный дежурный и докладывает: «Флагманский штурман и флагманский артиллерист просят прислать шлюпку за ними». «Ну что ж, пошлите шлюпку» – сказал я и заснул.

На утро после чая случился переполох. Адмирал велел построить штаб и объявил флаг-штурману и флагарту по двое суток ареста при каюте за пьянство, а заодно и мне выговор – за потворство. На вопрос: «А мне-то за что?». «Прочитайте семафор – был ответ – Почему-то он был именно Вам адресован. Все вы одна компания».

Читаю семафор «Заместителю начальника штаба Анатолию Львовичу, лично. Пропадаем на пирсе. Христа ради подберите нас. Флаг-штурман и флагарт дивизии».

Этот семафор был прочитан утром начальником штаба дивизии и, естественно, доложен, как анекдот, комдиву. Но у комдива, как я упоминал ранее, с чувством юмора были нелады.

Я отнесся к выговору с юмором, а Землянов и Боровенков очень обиделись. Это были, безусловно, два самых лучших и самых грамотных офицера штаба и, конечно, они не заслуживали наказания.

Как-то случилась беда: на одном из кораблей упал за борт матрос и утонул. Оказалось, что он был на палубе в море без

спасательного жилета. Это было серьезное нарушение и оно, конечно, явилось одной из причин гибели человека. Созвали совещание по вопросу, где хранить эти жилеты. «Конечно на боевом посту под рукой» – говорили одни. «Конечно в рундуке, целее будут» – говорили другие. Спор затягивался и согласия не было. «Хранить жилеты в соответствующем месте» – стукнул кулаком по столу адмирал, которому спор надоел, и закрыл совещание.

Таков был наш новый адмирал. Но, оставив в стороне анекдоты, следует сказать, что под его началом дивизия существенно шагнула вперед в боевом и тактическом отношении: артиллерийские стрельбы крейсеров в рассредоточенном строю, артиллерийские стрельбы на пределе дальности орудий, совместные торпедные атаки, совместные удары кораблей и береговой авиации, совместное плавание и маневрирование в сплошном тумане – все это отрабатывалось достаточно добротно. Когда мы участвовали в совместных маневрах с эскадрой Южно- Балтийского флота мы, во всяком случае, были не хуже соседей, а может быть и лучше. И не малую роль в этом играл контр-адмирал Василий Федорович Котов, который умел использовать знания и навыки подчиненных офицеров. Если характеризовать его одним словом – Василий Федорович был надежный человек. Такова была его репутация во флоте.

Судьбы свела нас с Василием Федоровичем еще раз в Военно-Морской Академии, но об этом рассказ будет впереди.

Николай Васильевич Кошкарев. Одновременно с командиром дивизии к нам пришел и новый начальник штаба капитан 1 ранга Николай Васильевич Кошкарев. Это был офицер, хорошо знакомый мне по северу, где он, прибыв на эскадру с Тихоокеанского флота, стал старшим офицером на крейсере «Мурманск», затем командиром этого корабля, после сдачи его американцам командовал линейным кораблем на Черном море, затем учился на Академических курсах в Академии и оттуда пришел к нам.

Внешне это был очень суровый человек, перед которым все

трепетали, даже командиры крейсеров. Но, по сути, за внешней суровостью скрывался достаточно добрый, даже мягкий человек.

Кошкарев был известен еще и тем, что его жена Генриетта Юрьевна была необычайно активная женщина, большая общественница. Она вечно блюла интересы офицерских семей, детей, была деятелем в женотделе, добилась, например, в Ваенге многих благ, «построила» виадук над шоссе, чтобы детей не давили и т.д.

Ко мне и Кошкарев, и его жена относились очень хорошо. В бытность его начальником штаба мне работалось с одной стороны очень легко, никто мне не мешал. Но оперативная подготовка Кошкарева была, конечно, слабее, чем у Тюняева. В этом отношении на мои плечи лег большой груз.

Однако Кошкарев меня поддерживал безоговорочно во всех начинаниях.

Очень хорошо относилась к нам, т.е. ко мне и к Любе и Генриетта, которая была ко всем ее особенностям еще и еврейкой по национальности. Вспоминаю еще одну промежуточную встречу в Кошкаревым, Генриеттой и их детьми, которая произошла зимой 1952-53г., когда я, демобилизованный и отовсюду изгнанный, возвращался поездом из Москвы, а они всей семьей переезжали из Севастополя в Ленинград на учебу. Встреча была очень теплой и в полном взаимопонимании, не взирая на мою опалу.

Между тем работы прибавлялось. В Ленинграде заканчивались строительством один за другим новые крейсера, предназначенные для других флотов: Северного и Тихоокеанского. Но с завода они приходили и включались в состав нашей дивизии на время отработки первоначальных задач, после чего их можно было выпускать дальше. Первоначальный этап подготовки корабля очень важен. Как он пройдет, такой будет и вся жизнь, и судьба корабля. Поставят его в первый период как чистый, организованный и боеготовый, таким он и останется всю свою корабельную жизнь. Не поставят – так бедолагой и останется.

Между тем в штаб флота на должность начальника управления боевой подготовки прибыл мой старый знакомый, бывший командир «Разумного» Евгений Андрианович Козлов, уже в чине контр-адмирала. Он меня, конечно, признал, но на его примере я увидел, как время меняет людей.

Дивизия пошла на месячный сбор на рейде с базированием на бухту Тага-Лахт на северном побережье острова Саарема. Был разработан специальный перечень мероприятий боевой подготовки: стрельбы, торпедные атаки, маневрирование, десанты и т.д. Каждому мероприятию присвоен свой порядковый номер. Затем я посылал телеграммой перечень номеров мероприятий из этого списка на очередные сутки в штаб флота,где его утверждали (а иногда и изменяли) и подготавливали необходимое обеспечение: щиты, катера, самолеты и т.д.

Одним из мероприятий была учебная атака торпедных катеров на корабли, стоящие на рейде.

В положенный для этого мероприятия день штаб флота почему-то пропустил его в списке, т.е. не подтвердил как проводящееся, а катера послал. Катера пришли ночью и отобразили атаку кораблей на рейде пуском ракет, которые никто не заметил, все проспали. А в сводке мероприятий за день проведение атаки включили.

На корабле был комфлот. Прочел про ночную атаку, которую проспали и страшно возмутился, что это за атака, про которую он не знал и никто не знал, вызвал Козлова, отвечавшего за боевую подготовку в масштабе флота и начался страшный шум.

Козлов вызвал меня, я ему объяснил, что такая атака предполагалась, но не была подтверждена. Козлов дальше слушать не стал, схватил меня за руку и потащил к Харламову. «Вот, товарищ командующий, он знал про атаку». «Вы знали, а я почему-то нет» – возмущен комфлот и объявляет мне строжайшее взыскание: «служебное несоответствие». Узнал об этом наш справедливый Василий Федорович Котов. Расспросил меня, я ему объяснил, что раз в плане на сутки не подтвердили, то атаки быть не должно и что с взысканием я

не согласен. Тогда Котов сам вник в систему, позвонил в штаб, где ему с извинениями сказали, что вышла ошибка шифровальщика. Пошел Котов к комфлота, возвращается и говорит «несоответствие отменили, оставили выговор, будем воевать дальше?» «Не будем» – сказал я, пусть остается выговор, ведь систему, которая дала сбой, придумал я».

Пошел я после этого к Козлову и напомнил ему войну, как мы на «Разумном» погнули винт и он благородно взял вину на себя, и я тоже, стал его вежливо стыдить.

«Ну что ты – говорит Козлов – была война, мы были молодые, все под богом и смертью ходили, могли жизнь потерять, что значил погнутый винт. А теперь мирное время, ценности другие. Жизнь не потеряешь, но положение можешь потерять. Но стыдно, конечно. Прости меня, если можешь». Что тут сказать – картинка из жизни. Козлов еще был не из худших.

На этом же сборе юмористически закончилась карьера одного из офицеров нашего штаба – капитана 3 ранга Туманова. Это был старательный, но весьма ограниченного ума офицер. Каким-то чудом он окончил штурманский факультет Академии им. Крылова и был назначен штурманом крейсера «Жданов». Очень скоро выяснилось, что ответственные обязанности штурмана крейсера он выполнять не может и его нужно убрать. В штате дивизии была вакантная должность заместителя начальника штаба по разведке. Комдив П.М.Гончар и решил: Все равно никакой разведчик нам не нужен, сюда и не дадут специалиста. Назначим Туманова – будет лишний дежурный по штабу. Так и сделали, никто кроме самого Туманова, его всерьез как замначштаба не принимал. Сам он этого не понимал, но сделал почему-то «для конспирации» большой деревянный футляр на обычный фотоаппарат и бегал с этим деревянным ящиком делать снимки встречных судов. И нес в очередь дежурство по штабу.

Однажды после ужина я пил в салоне чай и беседовал с Кошкаревым, как вдруг звонит вахтенный офицер и спрашивает, почему я не иду на берег, катер полон офицеров и они уже долго ждут меня. «Но я на берег не собираюсь, мне некуда» –

отвечаю я с удивлением.

Оказалось, что Туманов позвонил вахтенному офицеру, представился замначштаба и велел катер без него не отправлять. Затем пошел и сел в катер. Сели и другие офицеры и катер наполнился пассажирами. Но вахтенный офицер его не отправляет, ждет замначштаба, т.е. меня. Офицеры недовольны, а Туманов, единственный, кто понял ситуацию, молчит, боится ругани офицеров. Еле разобрались.

Возвращаюсь теперь к сбору кораблей в бухте Тага-Лахт. Кроме штаба дивизии на крейсере был и штаб флота, который проводил свои контрольные акции.

И вот произошла ситуация абсолютно в стиле «суффиксов» писателя мариниста Леонида Соболева.

Флагарт и флаг-штурман флота задумали свою проверку. Тайком заказали буксир со щитом, который пошел из Таллинна к бухте Тага-Лахт. Дальше события по их плану должны были развиваться так: по флоту дается шифрованный условный сигнал «Корабли «противника» замечены в направлении на Тага-Лахт». Оперативный дежурный дивизии, получив сигнал, играет тревогу, командир дивизии посылает в разведку дежурный эсминец, последний выходит в море, обнаруживает щит и проводит контрольную стрельбу. Таким образом, проверяют и оперативную службу дивизии, и артиллерийскую подготовку кораблей. Все красиво. Не учли только характера Туманова. Все случилось точно в духе суффиксов Соболева.

Предвкушая интересную проверку, флагарт и флаг-штурман флота – весьма почтенные офицеры заблаговременно поднимаются в оперативную рубку и «рассматривают» там какую-то карту. Вскоре, как и было задумано, шифровальщик приносит телеграмму с условным сигналом о корабле «противника». Однако, Туманов, не читая, отставляет ее в сторону, он занят – составляет суточную оперативную сводку – важный документ, за ошибки в котором может влететь от начальника штаба или от меня.

«Флажки» довольны, есть уже материал для разбора. Однако время идет, буксир тащит щит, вся затея повисает и, скре-

пя сердце, они прямо подсказывают Туманову «Вам пришел сигнал, о чем он?» «Не мешайте – говорит Туманов – видите, я занят серьезным делом, пишу оперсводку». Прождав еще некоторое время безрезультатно, они, наконец, звонят мне, я поднимаюсь в рубку, читаю сигнал, объявляю тревогу, но поздно, буксир со щитом входит прямо в бухту, так и не будучи никем обстрелянным.

На этом карьера бедного Туманова закончилась, его списали из штаба. Будь на месте Туманова другой офицер и, если бы события развивались подобным образом, могли бы быть серьезные неприятности для командования дивизией, но Туманов был широко известен и волна взысканий не пошла дальше.

Не следует, однако, думать, что боевая подготовка состояла из одних анекдотов, план выполнялся, корабли все время повышали свою готовность, а офицеры и матросы свою квалификацию.

Но описывать существо учений и упражнений по понятным причинам в этих записках не место.

Подтверждением успешной подготовки нашей дивизии может служить тот факт, что у меня приняли и напечатали несколько статей в «Морской сборник». В этих статьях я описывал новые тактические приемы использования кораблей и способы управления. Это было новое и интересное занятие – я с удовольствием писал эти статьи и сотрудничал с «Морским сборником» до окончания военной службы.

Летом 1954г. **в Таллинн приехал с инспекцией флота маршал Г.К.Жуков.** Он в этот год проехал по всем трем «Европейским» флотам. Приезд его в Таллинн оставил довольно тяжелое впечатление. Это была, как я понимаю, разборка с адмиралом Н.Г.Кузнецовым, которого он не любил. Флот он также не любил и думаю, не понимал. У него был колоссальный военный опыт, но опыт континентальной войны.

Ему приписывают фразу: «Дайте мне лишние 20 дивизий и никакого флота не нужно вообще».

На всех флотах сценарий его разборок был одинаков. Он

требовал назвать 2-3 отстающих соединения и на итоговом совещании поднимал их командиров и после короткого разговора – разборки объявлял об увольнении в отставку без пенсии. В Таллинне попал в эту мясорубку командир бригады ремонтирующихся кораблей бывший наш северный командир эсминца Н.П. Рябченко, весьма опытный и храбрый офицер. Я описал выше, как он уничтожил немецкую подводную лодку тараном. Объявил ему Жуков отставку, он повернулся, ушел к себе домой и запил. Но завтра нужно выводить в море на ходовые испытания ремонтирующийся миноносец, а выходить некому – на всю бригаду был (и полагался) только один человек (а именно Рябченко) с допуском на управление. Доложили начальнику штаба флота, он звонит на квартиру Рябченко и велит ему выйти в море. «Я у Вас больше не служу – говорит Рябченко – пусть Жуков и выходит». «Но Вы же коммунист!» Ответ был непечатным и корабль остался в гавани.

Помог Рябченко адмирал А.Г.Головко, бывший наш командующий флотом во время войны, а теперь начальник Главного штаба ВМФ. Он велел Рябченко лечь в госпиталь, врачи нашли у него соответствующие болезни и он был, в конце концов, уволен в отставку по болезни.

Был и анекдот во время «визита» Жукова в Таллинн. Идет Жуков по штабному коридору, навстречу ему попадается начальник Политуправления ВМФ С.Е.Захаров, имевший звание полного трехзвездного адмирала. Увидел Жукова, встал во фронт. «Здравия желаю – говорит Жуков – Где служили, чем командовали?» Захаров поясняет, что он начальник Политуправления ВМФ. «Политработник? (А известно, что политработников Жуков не жаловал, что ему потом припомнили при смещении.) Почему же Вы адмирал?» - спрашивает Жуков. «Так дали» – отвечает Захаров. «А Вы бы не брали, если порядочный человек» – говорит Жуков и проходит мимо.

Однако нелюбовь к флоту народ ему видимо прощал.

В конце июля крейсер «Жданов» и два миноносца нашей дивизии под флагом Кошкарева пошли в Ленинград на празднование дня флота. Я, естественно, тоже пошел с ними на

побывку в Ленинград. Крейсер стал за Дворцовым мостом. В городе царило праздничное оживление, набережные полны народа, все радушно приветствуют моряков. В этот день я наиболее остро почувствовал, что Ленинград морской город и флот здесь любят.

Был в Ленинграде в этот день и Жуков – он принимал наш парад. Жукова ленинградцы приветствовали более чем тепло. Думаю, что именно такое теплое отношение людей к Жукову и было одной из причин опасений Хрущева, приведшей в последствии к опале полководца.

Незадолго до этого праздника мне присвоили очередное звание «капитан второго ранга». Вечером в день флота я пригласил Н.В. Кошкарева и Сашу Тейшерского в ресторан и мы славно провели вечер в открытом павильоне сада «Эрмитаж» возле Аничкова дворца, наблюдая за толпами праздничного народа.

Почему-то этот праздник – день флота в 1954 году мне очень хорошо запомнился, в отличие от других подобных дней.

Комфлот Владимир Афанасьевич Касатонов. Осенью 1954 года у нас сменился комфлот. Вместо адмирала Харламова пришел вице-адмирал Владимир Афанасьевич Касатонов с должности начальника штаба Тихоокеанского флота.

Это был совершенно другой человек, чем Харламов. Никакой перестраховки. Он постоянно прививал подчиненным чувства смелости и уверенности в себе. Он много времени проводил на дивизии, в первом же походе приказал выключить ходовые огни.

Помню такой случай. Корабли возвращались с моря. Адмирал Касатонов приказывает одному миноносцу зайти в Беккекровскую гавань и стать к причалу. В эту заводскую гавань наши эсминцы доселе никогда не заходили. Командир бригады эсминцев контр-адмирал Бакарджиев семафором дважды предостерегает, что этот маневр опасен. Комфлот сердито велит «Выполнять приказ!» Миноносец идет в гавань и все кончается благополучно. Тогда, улыбаясь, комфлот вынимает из кармана телеграмму начальника штаба флота: «В Беккеров-

скую гавань эсминцы могут заходить и швартоваться к причалу». Как видно из этого случая, комфлот был не просто удал, но и предусмотрителен.

Многие упрекали этого адмирала в «необузданных» вспышках гнева, во время которых на подчиненных обрушивались строгие и, казалось на первый взгляд, слишком строгие кары. Однако если проанализировать все те случаи, которые происходили на моих глазах, то хотя поводы были на первый взгляд незначительны, виновные – объекты этих вспышек, бывали избраны абсолютно справедливо.

Так, при мне он снял с должности после неудачной стрельбы командира артиллерийского дивизиона главного калибра крейсера «Жданов» Гаврона. Наказание казалось бы несоразмерно строгое. Однако Гаврон был ленивый, слабый офицер и действительно не на месте.

Второй случай. Он проходил по крейсеру «Жданов» и обнаружил грязь. Вспылил и снял с должности старшего помощника командира крейсера капитана второго ранга Василия Голеншина, кстати, моего товарища по учебе на курсах командиров. Наказание, казалось бы, также слишком суровое. Но и здесь было точное попадание. Вася был слабый старпом и явно не на месте.

Добавлю здесь, что ходившие по пятам за комфлотом политорганы, тут же решили проявить «бдительность» и добавить бедному Васе еще и партийное наказание. За обедом в салоне начальник Политуправления флота велел вызвать его на парткомиссию.

Но кто-кто, а я хорошо знал за годы своих бед, что такое парткомиссия. Поэтому сразу после обеда предупредил Васю, мы выправили ему документы, он тут же перешел на стоящий у борта танкер и мгновенно исчез из поля зрения политуправления. Я был про себя очень доволен.

Как адмирал определял объекты своих гневных вспышек, я не знаю и никто не знает. Факт лишь, что промахов не было. И в отличие от других людей я не вижу несправедливости в его суровости.

К моему удивлению это оказадся «мой» комфлот. У нас установились очень хорошие взаимоотношения и продолжались такими до конца моей военно-морской службы. Он неоднократно приглашал меня следовать вместе по дорогам его службы. И, может быть, я ошибся, не вняв его приглашениям.

Адмирал Касатонов быстро понял, что если ему нужна информация о состоянии дел на нашей дивизии, то проще всего получить ее у меня и неоднократно звонил мне прямо в каюту.

После больших совместных учений двух Балтийских флотов состоялся их разбор в Балтийске. Проводил этот разбор адмирал А.Г.Головко.

Наш адмирал Касатонов полетел на этот разбор и пригласил меня. Больше никого с нашего флота он не взял. Я привожу этот факт, чтобы показать насколько хорошо он ко мне относился. Ведь в штабе флота и на флоте были сотни офицеров и десяток адмиралов. Другое дело заслуживал ли я такого отношения. Об этом не мне судить.

Упомяну здесь, что за время Таллиннской службы я неоднократно бывал в Балтийске и каждый раз с удовольствием встречался с моим училищным товарищем и другом Игорем Лисовским, бывал у него в семье. Игорь стал к этому времени флагманским артиллеристом эскадры и все у него складывалось хорошо.

Зимняя подготовка. Либава. Подошла осень, а затем и зима 1954-55гг. и наш комфлот решил, что «нечего спать во льду» и велел направить основные силы дивизии на юг, где море не замерзало. И вот отряд кораблей в составе двух крейсеров и четырех эсминцев отправился на зимний период в Либаву, где мы и занялись усиленной боевой подготовкой. Здесь я встретил одного из своих товарищей по училищу Григория Гавриловича Исая, который был начальником штаба бригады подводных лодок. Он рассказал мне о почти кругосветном плавании, которое он совершил во время войны на подводной лодке Л-16 из Владивостока в Североморск через южные моря. В этот поход их вышло две такие лодки, но вторая была торпедирована в начале похода в северной части Тихого

океана между Камчаткой и Аляской. До сих пор неизвестно кто выпустил эти торпеды: японцы или американцы. Никто не берет вину на себя.

Встретил я в Либаве, к своему удивлению, и бывшего своего дублера – штурмана с «Разумного» Семенова, о котором я рассказывал ранее. Он был штурманом на корабле – цели, взятом после войны в качестве трофея у немцев.

Всю зиму мы усердно занимались боевой подготовкой, проводили артиллерийские и торпедные стрельбы и противолодочные учения, словом держали соединение в хорошей форме.

Комбриг Вячеслав Георгиевич Бакарджиев. К концу зимы случилось неприятное происшествие с нашим командиром бригады миноносцев Вячеславом Георгиевичем Бакарджиевым. Вообще о нем стоит сказать несколько хороших слов. Это был очень опытный и смелый моряк, интеллигентный и образованный, необыкновенно остроумный, но возможно излишне импульсивный человек, который никогда не лез за словом в карман. Вот несколько примеров.

Наш политотдел постоянно стремился «управлять» всем и вся. И конечно считал себя вправе вмешиваться во все дела вплоть до семейной жизни офицеров.

Был у нас в политотделе дивизии секретарь партийной комиссии – совершенно необразованный человек по прозвищу «Ваня-коммунист». Является он однажды к Бакарджиеву и говорит: «Комбриг, у нас плохо дело обстоит с моральным состоянием офицерских жен. Не успеет корабль отойти от пирса, как Иванова и Петрова (фамилии приведены мною нарицательно) уже смотрят на сторону». «На сторону? – говорит комбриг – Дай-ка адресочек». Ошарашенный «Ваня-коммунист» с негодованием уходит, так и не поняв, пошутил комбриг или впрямь интересовался. Во всяком случае, пыл наведения порядка в офицерских семьях и засовывания своего носа, куда не следует, угас.

Второй пример. Наши корабли находятся с визитом в Стокгольме. Прием у Советского посла. Морской атташе США увидел, что командир крейсера «Ушаков» капитан 1 ранга Алек-

сей Семенович Бандура не отвечает прямо на его попытки завязать английскую беседу, а отвечает только через переводчика, говорит «Командир крейсера не владеет английским языком? А какими другими иностранными языками он владеет?» А.С.Бандура, который из иностранных владел только «руководящим» языком из известного анекдота, в смущении только сопит, не зная, что ответить. Возникает неловкая пауза. Через две секунды Бакарджиев, не смущаясь, отвечает: «Капитан 1 ранга Бандура кроме русского владеет украинским и узбекским языками. Но должен Вам заметить, господин атташе, что Ваш вопрос не очень учтив. Он звучит примерно так же – продолжает Бакарджиев, вынимая из кармана расческу – как если бы я предложил Вам причесаться». А нужно сказать, что американский атташе был лыс как колено. Раздался взрыв смеха, реноме Бандуры было спасено.

Вспоминаю и такой случай. Вячеслав Георгиевич Бакарджиев, как и многие другие порядочные и неординарные люди, был репрессирован в 1937 году и год провел в тюрьме. Однако он затем был выпущен. И вот через много лет на праздничном приеме у комфлота, будучи уже контр-адмиралом, известным героем войны на Черном море, он вдруг встречает следователя, который вел его дело и очевидно не оставил по себе приятных воспоминаний. Следователь к этому времени стал прокурором флота. И он не нашел ничего лучшего, чем подойти к Бакарджиеву и предложить ему выпить совместно. Вячеслав Георгиевич, мгновенно вспомнив тюрьму, грохнул рюмку об пол: «Я с мерзавцами не пью». Стоявший рядом командующий флотом адмирал Харламов и бровью не повел, «не заметил». Дипломат был опытный.

Возвращаюсь к Либаве. В одно воскресенье несколько офицеров, в том числе и Бакарджиев, пошли ужинать в местный офицерский клуб, порядочно выпили и когда вернулись, оказалось, что у Бакарджиева сильно ушиблена голова и. очевидно, сотрясение мозга. Обстоятельства происшествия неизвестны. «Зашибся». А на утро два миноносца должны выходить под его командой на противолодочное учение.

Командир дивизии контр-адмирал Котов, очевидно, не хотел обнародовать ситуацию. Сам тоже идти только двумя миноносцами не хотел, чтобы не привлекать внимания.

И он нашел выход. Вызвал меня и говорит: «Анатолий Львович! Вы были командиром миноносца и имеете официальный допуск к управлению этими кораблями. Я Вас прошу, выйдите в море на противолодочное учение с двумя эсминцами. Но имейте ввиду, что в каюте у Вас лежит Бакарджиев, очевидно, с сотрясением мозга. Так пусть его брейдвымпел и будет на мачте.

Так я и пошел с кораблями и больным Бакарджиевым в каюте на учение и благополучно вернулся.

Этот случай вернул меня от сугубо штабной деятельности к командирской. Бакарджиев был благодарен, скандальное ранение не было обнародовано и с тех пор я неоднократно привлекался к непосредственному управлению кораблями.

Чтобы не возвращаться более к жизни В.Г.Бакарджиева, скажу еще пару слов о нем. Из Таллинна он поступил на учебу в Академию Генерального штаба. По окончании Академии на вопрос, где он хочет служить дальше, ответил в своем духе «Где угодно, лишь бы было метро». Такое назначение он получил – начальником Научно-исследовательского отдела в Академию рядом со станцией метро «Черная речка».

Но здесь его поджидала страшная личная трагедия – один за другим погибли два его ребенка: дочка умерла от рака, а 10 летний сын погиб страшной смертью – от взрыва бочки с бензином. Потрясенный, он попросил назначить его в Нахимовское училище – начальником, чтобы хоть с чужими детьми быть рядом. Здесь он и завершил свою службу.

Снова на распутье. Шел уже третий год моей службы в Таллинне. Все шло к очередной смене флотской должности и мне стали поступать одно за другим совершенно разные предложения.

Началось с того, что меня внезапно вызвали в Москву в печально известное мне управление кадров ВМФ, правда, к порядочному человеку, к тому же контр-адмиралу Федору Ива-

новичу Кочегарову, который предложил мне должность командира бригады эсминцев на Камчатке. Предложение неожиданное. С одной стороны заманчиво, адмиральская должность, командная карьера. Я уже знал по опыту, что командная работа у меня получается, но каковы перспективы. Я понимал, что пока в стране существует государственный антисемитизм, мне не может быть большого хода, особенно на командном пути. Но, с другой стороны, бывают же и исключения. Пошел посоветоваться к адмиралу И.С.Исакову, с которым сохранял добрые отношения. Иван Степанович слегка охладил мой пыл. «Хотя должность хорошая, но я думаю - сказал он – что сейчас управлению кадров просто нужно заткнуть дыру, заполнить вакансию, и на данный момент Вы являетесь вполне подходящей кандидатурой. О дальнейшем Вашем пути они вряд ли думают. А попасть на Камчатку значительно легче, чем выбраться оттуда. Дальнейшее движение по командной линии будет, безусловно, скажем так, не простым».

Выслушав эти доводы и внутренне согласившись с ними, я поехал в Управление кадров и отказался от этого, в общем, лестного предложения.

Но жить врозь нам с Любой надоело. И ей было трудно одной с двумя детьми и работой, и мне было плохо без семьи. И мы решили, что если не удастся вернуться в Академию, то она переедет в Таллинн. Тем более что нашли хорошую квартиру – командир крейсера «Адмирал Ушаков», уже упоминавшийся в этих записках капитан 1 ранга А.С.Бандура, уходил на учебу в Академию и был согласен на обмен с нами.

Примерно в это же время, когда мы с кораблями были в Балтийске, а крейсер, на котором располагался наш штаб, стоял у причала, мне вдруг сообщают, что меня приглашает командующий Южно-Балтийским флотом адмирал Арсений Григорьевич Головко и автомобиль у трапа. Головко наш кумир военного времени, но на что я ему? Однако не отказываться же. Иду к машине и вижу, что в ней сидит командующий местной эскадры контр-адмирал Г.С.Абашвили. Он приглашает меня присоединиться и мы едем к А.Г.Головко.

По приезде в штаб идем оба к командующему. Он встречает меня приветливо и предлагает мою же должность заместителя начальника штаба, но не дивизии, а эскадры, т.е. рангом повыше. Я подумал, поблагодарил и отказался.

«Через год назначим Вас командиром бригады эсминцев» – сулит Головко. Но я стою на своем, говорю, что внешние условия не способствуют. «Это мое дело» – говорит Головко. Мне, конечно, лестно, но после беседы с И.С.Исаковым я тверд и говорю, что склонен к научной работе. «Жаль – говорит А.Г.Головко – Но против воли действовать не будем» и мы прощаемся. На обратном пути едем опять с Абашвили и он, молчавший все время, одобряет меня. «Правильно решил» – говорит он.

Спустя некоторое время командующих всеми флотами и начальников Академий вместе с ними собирают в район Новой Земли наблюдать за взрывом водородной бомбы. Возвратившись оттуда, адмирал Касатонов говорит мне: «Мы все решили. Раз хотите, то пойдете по профессорской линии, в Академию». Я, конечно, благодарю.

Спустя месяц на флоте наступают крупные преобразования. Оба Балтийских флота объединяют на базе южного флота. Наш флот, соответственно и его штаб, ликвидируется. Остается лишь Таллиннская Военно-Морская база. Наш командир дивизии В.Ф.Котов назначается первым заместителем командующего Балтийским флотом, а на его место командиром дивизий крейсеров назначается Н. В. Кошкарев.

Мой приятель Саша Тейшерский получил должность командира бригады эсминцев на Тихоокеанском флоте и уехал с семьей во Владивосток.

В.А. Касатонов переходит командовать Черноморским флотом и приглашает меня с собой в Севастополь начальником отдела оперативного управления. С болью душевной я отказываюсь и получаю назначение старшим научным сотрудником научной группы в Академии.

Об отказе ехать на Черное море с Касатоновым я иногда жалел, т.к. взятый им вместо меня капитан второго ранга

Д.И.Шиндель сделал-таки, служа вместе с Касатоновым, адмиральскую карьеру, стал начальником оперативного управления Северного Флота и закончил службу начальником кафедры Оперативного Искусства в Академии. Хотя обладал тем же, что и я национальным изъяном. Но это к слову.

Итак, в январе 1956 года после трехлетнего перерыва я возвратился в Академию им.А.Н.Крылова.

П.М. Гончар.

А.Л. Лифшиц 1954 г.

Балтика. КР “Адмирал Ушаков”. Крайний слева контр-адмирал Е.А. Козлов.

Адмирал В.А. Касатонов.

Балтика. Проводы Адмирала Н.Г. Кузнецова.

Глава 16. Снова в Академии А.Н.Крылова.

Научная группа. Кандидатская диссертация. Макетные комиссии. Семейная жизнь. Ученые друзья. Новое задание адмирала Исакова. Адмирал Левченко и «Тактическое руководство». На флотских учениях.

Научная группа. Итак, весной 1956 года я приехал в Ленинград и явился на работу в научную группу Академии имени А.Н.Крылова. Несколько слов об идее образования таких групп, которые существовали в то время во всех военных Академиях. По идее все эти группы были целевыми, т.е. каждая научная группа создавалась для разработки какой-либо одной важной научной темы. Считалось, не без основания, что свободные от преподавательской и иной «текучки» научные сотрудники быстрее и качественнее добьются результатов.

Однако к моему приходу, по крайней мере, в нашей научной группе ничего похожего не было. Группа состояла из 5 человек, занимавшихся разными темами, соответствующими научным интересам авторов. Не то, что эти темы были не интересными и ненужными, но, конечно, это были не стратегические главные темы. И усилия были раздробленными. Хотя я ничего не хочу и не могу сказать плохого ни о темах, ни об их авторах-разработчиках. Иногда начальство рассматривало эти группы и как своего рода отстойники, куда можно было послать офицера на время.

Алексей Матвеевич Гущин. Руководил группой контр-адмирал Алексей Матвеевич Гущин. Это был адмирал из матросов гражданской войны, прославившийся, как командир крейсера «Красный Крым», высадивший десант прямо на пирсы Феодосии во время десантной операции в декабре 1941 года.

Он был хороший, добрый человек, но недостаточно грамотный и уж, конечно, ничего общего с научной работой не имевший. Он давал, например, такие указания: «А в конце работы надо бы завернуть какую-либо преамбулу».

Однажды после удачного завершения общей темы он сказал

главному исполнителю капитану второго ранга Б.И.Землянову: «Вы хорошо поработали, и я даю Вам время на написание кандидатской диссертации». Разговор был в пятницу. В следующую среду, т.е. через три дня он без тени юмора спросил: «Ну что, написали диссертацию?»

Мы к нему относились неплохо и берегли его авторитет, как оберегала семья авторитет Чеховского сенатора. Но все было хорошо, пока он молчал или выражался не совсем печатно. Это соответствовало его образу. Беда была, однако, в том, что он периодически желал лично высказаться на научные темы, представляя результаты работ группы. И это была беда. Весь авторитет, наработанный годами молчания в совокупности с хорошими результатами работ группы, терялся мгновенно. Однако, в общем, мы с ним свыклись и работали неплохо.

Уважаемым членом нашей группы был капитан 1 ранга **Петр Иванович Черницкий,** имевший внутреннее имя «старший в производстве». Это был офицер в возрасте, старше остальных, небольшого роста, полноватый с внешним обликом «Тартарена из Тараскона» с весьма своеобразным мышлением. Он работал в Академии с незапамятных времен, еще вместе с адмиралом Гончаровым, помнил все байки Академии и был интересен как ее живая история.

Когда-то он составил вероятностные таблицы расчетов попаданий снарядов в цель, основанные на разложении бинома Ньютона и всю жизнь развивал эту тему. При этом он вел постоянную войну с главным вероятностником Академии профессором А.А.Свешниковым, который обвинял Черницкого в недоучете «второй группы ошибок», против чего Петр Иванович яростно возражал. Эта война порой принимала комический характер.

Так, например, на кандидатской защите Черницкого А.А.Свешников очередным образом выдвинул свое постоянное обвинение, сославшись на мнение и труды академика Колмогорова, на что Черницкий отреагировал под общий смех: «А на «Вашего» академика у меня есть «свой» академик Бруевич, который меня поддерживает».

Петр Иванович учил меня жизни в академической среде, например, так: «Если Вам приносят на отзыв работу, вежливо поблагодарите автора, попросите 10 дней на ознакомление и положите работу на левый угол стола. Через день переложите ее на правый угол, но ни в коем случае не читайте. Когда через 10 дней придет автор, скажите ему: «Я прочел Ваш труд с удовольствием. Безусловно, это вклад». Автор будет доволен, Вы сбережете свое время, а куда вклад: в науку или в мусорную корзину покажет время.

Про свою семейную жизнь Петр Иванович рассказывал так: «В семье я на четвертом месте после жены, сына и кота. В день получки я передвигаюсь временно на одно место вперед и становлюсь впереди кота». Послушать Петра Ивановича всегда было интересно и поучительно.

Вторым колоритным членом нашей группы был капитан 1 ранга **Роман Леонидович Митурич**, маленький, очень живой человек, в прошлом чемпион Ленинграда по боксу. В войну он был на Ладожской флотилии и проявил себя храбрым офицером, заслужил награды. После войны закончил Академию, кстати, в одном наборе с Никольским, Гуриным и Козловым, но особых академических успехов не проявил, после Академии был начальником тыла Камчатской флотилии.

В группе он разрабатывал вопросы тылового обеспечения подводных лодок.

Узнав об этом, я порекомендовал ему использовать опыт немецких «дойных коров» – т.е. подводных лодок – снабженцев, которые снабжали в океане боевые лодки.

Идея ему так понравилась, что он написал на эту тему книгу и впоследствии защитил соответственно кандидатскую диссертацию. Защита проходила при ожесточенном сопротивлении тыловиков, вследствие нестандартности темы. Но строевые офицеры, не тыловики , любили Митурича за храбрость и товарищеский дух и при общей поддержке он степень получил.

Эта победа так его воодушевила, что он тут же решил писать докторскую диссертацию, однако здесь он не рассчитал

своих сил и способностей и цели так и не достиг. В процессе написания этой работы он безвременно умер.

Спустя полгода после моего прихода из очередного академического выпуска в группу пришли бывший штурман 32 дивизии Крейсеров, мой младший товарищ Борис Иванович Землянов, и балтийский летчик подполковник Генрих Артурович Лепин-Дмитрюков. Этот состав группы стабильно держался в течение нескольких лет.

Хотя по идее целевая научная группа должна была быть самостоятельным подразделением центрального подчинения, наша группа подчинялась начальнику кафедры «Оперативного искусства и тактики» контр-адмиралу Святову Ивану Георгиевичу. Это был очень смелый офицер, герой Отечественной войны на Балтике по прозвищу «Иван-топитель». Он относился к нашей научной группе не то, что плохо, но довольно безразлично.

Вскоре после моего прихода он вызвал меня и поручил составление и подготовку к изданию очередного сборника трудов Академии, к чему подошла очередь нашей кафедры. «Походите по кафедрам и попробуйте набрать статей». Здесь я получил урок. В процессе набора статей пошел я к известному профессору главному академическому специалисту по теории вероятностей, ученому, по крайней мере, с всесоюзным именем - А.А.Свешникову и попросил его дать статью в сборник. «Не могу – сказал он – нет статьи». «Так напишите – попросил я – что Вам стоит».

«Молодой человек – сказал Арам Арутюнович, приподняв очки на лоб – под статьей должна быть научная работа, иначе это будет болтовня, а не статья. Такой законченной работы у меня сейчас нет». Урок я запомнил на всю жизнь.

Кандидатская диссертация. Когда я пришел в группу, то была возможность самостоятельно выбрать себе тему для работы. Как я писал выше, во время службы на 32 дивизии крейсеров я много времени уделял организации работы БИП'а и вообще штаба Дивизии «в боевых условиях» и на походе, и мы достигли в этом направлении определенных успехов.

Вопрос меня интересовал, у меня были факты и идеи и я выбрал тему «Флагманские командные пункты корабельных соединений».

Моего личного опыта было конечно недостаточно, кроме того, тема была почти не освещена в литературе. Совершенно неясным был вопрос с использованием новейших достижений электроники. Вопрос мало изменялся со времен Трафальгара и Цусимы.

Заручившись письмами начальника Академии, я достаточно тщательно изучил соответствующую научную проблематику, касающуюся использования электроники в смежных областях в научных институтах ВМФ.

Парадокс заключался в том, что в областях использования оружия и техники достижения электроники применялись широко, в области же управления кораблями было чистое поле. Не было ни соответствующих институтов, ни разработок.

После изучения состояния проблемы в институтах и использования своего личного трехлетнего опыта я написал работу «О флагманских командных пунктах» и через год после прихода в группу представил ее в Совет в качестве кандидатской диссертации. Отдельно нужно отметить, что этот период совпал с началом развития электронно-вычислительной техники и мне удалось в своей работе впервые сформулировать оперативно-тактические требования к соответствующей электронно-вычислительной машине. Это было существенно важно для работы, но и очень важно для моей дальнейшей деятельности, т.к. навсегда приобщила меня к этой проблематике. В процессе подготовки диссертации были опубликованы две мои статьи в трудах Академии, да и 2-3 моих статьи в «Морском сборнике», опубликованных еще из 32 Дивизии тоже были в русле работы.

Темой очень заинтересовался заместитель начальника Академии по научной работе вице-адмирал А.Н.Петров. Тема была включена и в план научных работ Академии. Так, что все было как будто хорошо.

Однако оказалось, что не все. На защите диссертации по-

сле моего доклада, чтения отзывов и научной полемики, прошедших хорошо, встал начальник Политотдела (Тот же самый генерал-лейтенант Малышев, который добился моего исключения и изгнания в 1952 году) и задал вопрос: «А за что Вас исключили из партии во время учебы в Военно-Морской Академии?» Это был сигнал и я не добрал нужного количества голосов. Защита была провалена. Конечно, это был опять удар ниже пояса.

Однако я был достаточно закален прошлой жизнью и духом не пал. Решил продолжать борьбу, тем более, что были уже и люди, поддерживающие меня. Даже начальник Академии, известный читателю дипломат адмирал Ю.А.Пантелеев сделал удивленное лицо и сказал, что решения Совета он не понимает. Начальник Политотдела также сказал, что он ничего не хотел плохого, он лишь прояснял некоторые вопросы «Ведь его же восстановили. Почему же такая реакция?». Тем более что всем была ясна политическая подоплека дела. И времена уже были все-таки Хрущевские, а не Сталинские. Итак, борьба продолжалась. Было, по крайней мере, два благоприятных обстоятельства, которые можно было использовать.

Во-первых, моя работа (диссертация) еще до защиты была включена в план издания Академии. И заместитель начальника Академии по науке А.Н.Петров – очень порядочный человек, сказал «Работу будем издавать. Я сам буду научным редактором!». И книгу издали.

Во-вторых, я получил союзников совершенно из другой сферы. В стране осуществлялась большая программа военного кораблестроения и возникла объективная необходимость в проектировании реальных флагманских командных пунктов на строящихся кораблях. Оказалось, что моя работа по содержанию попала в точку, была нужна и своевременна. Я получил сильную поддержку основного кораблестроительного института.

Таким образом через год ситуация выглядела парадоксально: диссертацию завалили, а книга издана и строительство флагманских командных пунктов на кораблях идет в соответ-

ствии с рекомендациями автора.

Это было слишком, даже для начальника Политотдела. Да и Совет Академии выглядел не очень то хорошо в этом деле.

Словом через год в 1958 году я упрямо подал свою работу снова и получил таки степень кандидата наук, еще через год ученое звание старшего научного сотрудника. Нельзя не сказать добрых слов в адрес многочисленных порядочных людей поддержавших меня, начиная от вице-адмирала А.Н.Петрова и кончая товарищами по научной группе.

На этот раз я подготовился к защите более основательно. В том числе, будучи в Москве в командировке я обратился за отзывом на работу к начальнику главного Морского Штаба адмиралу В.Ф.Зозуле, который знал меня раньше по Академии им. А.Н. Крылова. Он мне сказал к моему удивлению: «Вообще начальник Главного Штаба отзывов давать не должен. Это прямое давление на Ученый Совет Академии, т.е. недозволенный прием. Но я помню и знаю сколько «недозволенных» приемов применялось постоянно против Вас, в том числе прямо на моих глазах, и, к сожалению, возможно, это еще не конец. Поэтому Вам отзыв я дам. Пусть «они» знают». Кто «они» остается додумываться. Но положительный отзыв от начальника Главного Морского Штаба я получил, так же как и отзывы от ряда научных институтов и с флотов (от Г.К.Чернобая, Н.В. Кошкарева и Д. И. Шинделя и т.д.).

Поддерживала меня в этой борьбе, как всегда, и моя дорогая жена Люба, за что я ей бесконечно благодарен.

Завершая рассказ о своей кандидатской диссертации, я с большим удовлетворением могу отметить, что эта работа не прошла даром. Долгие годы на строящихся надводных кораблях создавались флагманские командные пункты на основе моей книги, а я был непременным членом специальных макетных комиссий, в процессе работы в которых я приобрел полезные контакты в судостроительных организациях.

Непосредственным проводником моих идей в судостроительной промышленности был **Николай Николаевич Ротинов**, бывший командир эсминца «Славный» и трофейного

броненосца «Выборг». В Сталинские времена его за какие-то неосторожные слова исключили из партии и демобилизовали. По изменении обстановки простили и пригласили обратно во флот, но он обиделся насмерть, обратно идти отказался и работал по вольному найму в специализированном институте ВМФ. Он оказался моим единомышленником, изучил все положения моей книги и неукоснительно требовал внедрения их на строившихся кораблях. Мы много раз вместе с ним участвовали в работе макетных комиссий. И позже, когда я уже отошел от этой тематики, он продолжал заниматься ею до конца своей жизни и никогда не забывал меня, как автора и «основоположника» идей. Николай Николаевич представлял собой, как мне кажется, образцовый тип офицера старого русского флота, такой, каким его описывали Станюкович, Соболев и другие маринисты. Я сохраняю о нем самую хорошую и светлую память.

Новое задание адмирала И.С.Исакова. Другой важной и этапной работой, которой я занимался по заданию адмирала И.С.Исакова, было «Изучение причин гибели немецких подводных лодок вне операций». Иван Степанович считал эту тему очень важной. Со временем я присоединился к этому взгляду, когда вник в тематику.

Иван Степанович дал мне рекомендацию в специальную библиотеку ВМФ, где я достал десятка два книг на английском, немецком и французском языках по соответствующей тематике. Прочесть их в короткие сроки, которые мне задал адмирал, я, конечно, не успевал (а французские вообще не мог читать) и обратился за помощью к заведующей кафедрой иностранных языков Академии – Тамаре Львовне Рутковской. Эта дама по прозвищу «Тигра Львовна» была очень колоритной фигурой, широко известной в Академическом фольклоре.

Она обладала великолепными организаторскими и волевыми данными. Кафедра и слушатели ходили у нее по струнке. У нее всегда были любимые и нелюбимые ученики.

Вот лишь один анекдот – быль из ее жизни. Идет урок английского языка. Встает нелюбимый ученик и спрашивает:

«Тамара Львовна! А когда…» «Никогда – отвечает Тамара Львовна с негодованием, не дослушав вопроса – Садитесь».

И вот я обратился к этой Тамаре Львовне с просьбой поучаствовать в моей работе, включенной, кстати, в план научных работ Академии. Я просил, чтобы преподаватели кафедры прочли вместе со мной вслух отмеченные мною места из книг, которые я достал. После этой просьбы я сразу попал в разряд «нелюбимых» и получил категорический отказ.

Каково же было удивление Тамары Львовны, когда она была вызвана заместителем начальника Академии по научной работе и получила указание выполнить мою просьбу. Гнев ее был беспределен, но просьбу пришлось выполнить. Сменила она гнев на милость, лишь когда прочла благодарность в книге, изданной под руководством «самого» адмирала И.С.Исакова. Но это было позже. А пока я в течение двух месяцев читал – просматривал с преподавателями кафедры иностранных языков, добытые иностранные книги и делал необходимые выписки. После этого в течение нескольких месяцев я анализировал полученные материалы. Пригодились мне и материалы, вновь полученные для меня Эсфирью Наумовной через Ленинскую библиотеку из библиотеки конгресса США.

В результате анализа всех материалов я получил довольно четкую схему системы кооперативного строительства и боевой подготовки немецких подводных лодок, анализ распределения по этой схеме гибели подводных лодок или их компонентов от ударов различных сил союзников с определением относительной важности тех или иных географических точек или этапов строительства подводных лодок. Материал, безусловно, интересный сам по себе. И тут поневоле напрашивалась принципиальная аналогия с системой создания и подготовки советских подводных лодок. Теперь я понял всю важность темы и замысел адмирала Исакова. Я написал также статью в секретный военный журнал, где сформулировал основные теоретические выводы по развитию и обороне системы строительства советских подводных лодок.

Однако засекретили не только эту статью, но, вероятно, и

совершенно справедливо, и всю работу.

Адмирал Исаков был чрезвычайно доволен этой моей работой: «С Вами приятно работать – сказал он – В результате получасового задающего разговора вышло серьезное исследование».

Он представил эту работу (а заодно и меня) даже маршалу А.В.Василевскому, который отреагировал так: «Все что Вы делаете, Иван Степанович, это чрезвычайно важно для страны». На меня при этом он, естественно, даже и не посмотрел.

И.С.Исаков в это же время приехал в Ленинград и появился в Академии у начальника адмирала Ю.А.Пантелеева. Я был вызван перед очами обоих адмиралов. Меня очередной раз похвалили и Пантелеев спросил : «Какой награды Вы хотите за эту работу?» Я ответил: «Улучшения жилищных условий моей семьи». «Однако, немало – сказал Ю.А.Пантелеев – Что ж, посмотрим».

Квартиру мне, конечно, не дали, но свой авторитет как исследователя я после этих двух работ в Академии утвердил.

Чтобы завершить рассказ об этой работе скажу, что ее быстро засекретили и вся книга вышла уже секретной. Через год после этого, когда я работал уже в Москве в Морском Научном Комитете, в Главном Штабе было созвано специально совещание по этой теме, на которое меня, естественно, не пригласили.

«Тактическое руководство ВМФ». Адмирал Г.И. Левченко. Следующей существенной работой было участие в написании «Тактического руководства ВМФ». Этот довольно важный документ разрабатывался под руководством моего «идейного» недруга адмирала Г.И.Левченко, о котором я упоминал ранее, описывая тяжелый случай выпуска торпеды с «Разумного» в 1944 году. Этот адмирал по-прежнему процветал на посту адмирал-инспектора ВМФ.

Его методы проверки были практичны и просты. Например, он проверял уровень боевой подготовки подводных лодок и противолодочных катеров. Выделялся полигон, куда запускалась подводная лодка. Катерам задавались время и широкий

район поиска. По истечении времени объявлялся результат. Если лодку находили, то катерам пять, подводникам два балла. Если не находили лодке пять, катерам два балла. Объект для битья всегда был готов. Середины нет.

С работой Г.И.Левченко в качестве адмирал-инспектора ходило много легенд и анекдотов. Вот один из них. Приезжает инспекция Левченко на Тихоокеанский флот, находит массу недостатков, составляет акт и уезжает. Командующий флотом известный своим остроумием адмирал Байков шлет телеграмму министру: «Был адмирал Левченко, сказал, что «все не то», а что «то», не сказал. Жду указаний». И попросил дополнительно назначить заместителя Левченко контр-адмирала Жирова начальником управления Боевой Подготовки Тихоокеанского флота. Министр просьбу удовлетворил и поехал «бедняга» нежданно-негаданно на Дальний Восток. Однако прыть И.Г.Левченко не угасла.

И вот адмирал Г.И.Левченко создал группу из 7-8 человек, разместил в штабе Дивизии строящихся и ремонтирующихся кораблей в гавани, дал 3 месяца на разработку инструктивной книги.

Не помню уже, как я попал в состав этой группы. Формальным ее руководителем был начальник штаба дивизии, многократно упоминавшийся в этих записках капитан 1 ранга Виктор Васильевич Федоров, который, по крайней мере, работе не мешал и обеспечивал необходимые условия. Коллектив подобрался неплохой, работящий и прогрессивный. Впервые я познакомился там со штурманом одного из строящихся крейсеров старшим лейтенантом В.А.Абчуком, с которым мне позже приходилось многократно встречаться и работать. Тогда я обратил внимание на его способности и практический подход к делу.

Участвовал в этой работе в качестве эксперта и один из моих академических учителей контр-адмирал в отставке Н.Б.Павлович. В процессе работы мы сблизились с ним, я неоднократно бывал у него дома и он был оппонентом на моей первой, неудачной защите кандидатской диссертации. Оказы-

вается они с Г.И.Левченко старые приятели еще с гражданской войны.

В этой компании я написал две главы и участвовал в редактировании всей книги, которая была написана и издана в очень короткое время.

Кроме текста книги, который был выдержан в императивном стиле, всем авторам предложили написать по каждой главе пояснительные статьи в специальный бюллетень. Написал и я две статьи по своим главам.

Редактором этого бюллетеня оказался мой однокашник по училищу Алексей Лебедев. У нас установился хороший деловой контакт и я впоследствии неоднократно помещал в этот бюллетень свои статьи.

По окончании работы адмирал Левченко спросил у каждого, какое поощрение он желал бы получить за работу. В. А. Абчук попросил жилье, В.В.Федоров – перевод в училище им.Фрунзе. Время вопроса совпало с моей первой неудачной защитой кандидатской диссертации, Левченко узнал об этом и предложил мне перевод в любое учебное заведение ВМФ. Я поблагодарил и отказался.

Вместо этого я попросил дать мне возможность побывать на флотских учениях, чтобы не отрываться от практики.

К моему удивлению Г.И.Левченко выполнил абсолютно все просьбы. Молодой холостой В .А. Абчук получил комнату, В.В.Федоров стал начальником кафедры тактики в училище Фрунзе, я был дважды приглашен на флотские учения в качестве гостя Г.И.Левченко. На этих учениях я встретил «своего» адмирала В.Ф.Котова. Встреча прошла дружеская «без чинов» и очень теплая.

Кисловодск. Санаторий Академии наук. Первый отпуск из Академии в связи с переходом с флота пришелся у меня на январь 1957 года и я провел его в Кисловодске в санатории Академии наук.

Попал в ученую обстановку, за один столик с двумя академиками и одной очень милой пожилой дамой – Евгенией Николаевной Зейдленок – женой Ленинградского профессора из

института связи. Оказалось, что Люба работает в одном институте с их дочкой Галей.

Академик Александр Львович Минц был в прошлом создателем знаменитой радиостанции им.Коминтерна с известной гигантской мачтой, а во время нашего знакомства был директором академического института радиоэлектроники.

Это был веселый человек и остроумный собеседник, с которым мне пришлось иметь контакты и в будущем.

Член-корреспондент Академии Наук Исаак Семенович Брук – создатель одной из первых отечественных электронных машин (М-1) был тоже очень остроумный собеседником, но его остроумие было более ядовитым. Помню во время нашей совместной прогулки по Кисловодским гористым тропинкам нам встретились две ученые дамы, достаточно зрелого возраста, и с грустью сказали: «Привет от двух бедных, всеми брошенных женщин». «Не от брошенных, а от неподобранных» – весело-ядовито заметил Брук. С ним мы беседовали о будущей электронно-вычислительной технике и я много почерпнул в этой в то время новой, интересующей меня области науки.

Застольные беседы были весьма яркими и запоминающимися. Мои морские истории также пользовались успехом. Они назывались «Истории из совсем другой сферы» – фразой, почерпнутой из кинобоевика того времени «Огненные версты».

Атмосфера в санатории была очень интересной – по вечерам выступали «у камина» известные артисты и писатели, иногда и ученые. Все было остроумно, весело и интеллигентно. Кисловодские знакомства сохранились на долгие годы.

Сам Кисловодск очень мне понравился: горные прогулки, яркое солнце, чудесные виды, прозрачный воздух, прекрасная компания. Впоследствии я неоднократно бывал в отпуске в Кисловодске вместе с Любой, особенно если отпуск приходился на зимнее время. С удовольствием ездил бы и сейчас, но поизносившееся сердце возражает против горных прогулок.

На учениях Черноморского флота. В 1958 году летом всю нашу группу послали посредниками на учения Черноморского

флота, которым командовал «мой адмирал» В.А.Касатонов. Он нас очень приветливо встретил и разослал посредниками в разные места «по специальности»: А.М.Гущина в Штаб флота, Р.Л. Митурича в тыл флота, меня на эскадру.

Здесь я встретился с А.Н.Тюняевым, который был уже командиром 50 дивизии крейсеров. Он принял меня очень радушно, дал свою машину для поездки в Ялту и всячески подчеркивал свое удовольствие от встречи.

Но начались учения и мое место оказалось в штабе эскадры на одном из крейсеров. Командующим эскадрой был контр-адмирал Виктор Сергеевич Сысоев, очень способный и властный, но не очень добрый человек, чего-то в нем недоставало до абсолютно положительной характеристики.

Я представился ему, но он попросту не обратил на меня никакого внимания. «Какой-то капитан 2 ранга, бог с ним» - подумал он (естественно подумал на флотском языке).

Но тонкости корабельной и штабной эскадренной жизни я к тому времени еще не забыл и очень быстро все встало на свои места.

С начала до выхода в море я попросил собрать штаб и задал несколько вопросов таким офицерам, которые по моему опыту в 32 дивизии слабо разбирались в обстановке. Они, конечно, ничего ответить на мои довольно простые вопросы не могли. Сысоев был в бешенстве, но я свою игру доиграл до конца и вмешаться ему не дал, напомнив, что совещание ведет посредник командующего флотом. Урок он усвоил, однако, не до конца.

Корабли вышли в море и я пошел в свой любимый БИП – Боевой Информационный пост, где сосредоточивалась вся информация об обстановке. В таком точно посту я просидел 2,5 года в Таллинне.

Эскадра должна была атаковать конвой «синих», т.е. противника и разгромить его. Сысоев план, конечно, знал и предвидел курс «синих». Поэтому он вышел заранее без всякой разведки в точку перехвата и ожидал подхода «синих» на очень малом ходу. Наблюдая это из БИП'а я поочередно «по-

топил» сначала эсминец, но без реакции командующего, потом крейсер (правда, оба «учебные», реально несуществующие). Тут адмирал Сысоев спохватился, увеличил ход, перешел на зигзаг и выслал разведку. С тех пор и до конца моей военно-морской службы и даже после нее Виктор Сергеевич Сысоев относился ко мне с глубоким уважением. О дальнейших встречах с ним я расскажу в свое время.

Учения кончились, я представил материал для доклада командующего, пощадив несколько лично вице-адмирала Сысоева, но высветив достаточно недостатки эскадры.

Весь материал дословно вошел в разбор и адмирал В.А. Касатонов послал в Академию благодарность за работу (конечно не только за мою) академической группы посредников.

На этих учениях у меня состоялись еще две памятных встречи. С учений, проходивших в районе Новороссийска, я возвращался на флагманском корабле бригады эсминцев. Командиром бригады оказался мой однокашник по училищу Игорь Андреевич Сысоев. Он меня очень дружески принял. Наши контакты возобновились и дружба продолжалась годы, в основном в академии, где он стал начальником кафедры тактики надводных кораблей. К сожалению, несколько лет назад его не стало.

Впервые я встретил в штабе флота капитана второго ранга Даниила Ильича Шинделя, начальника отдела оперативного управления, который был одним из ближайших сотрудников В.А.Касатонова. Именно он занял то место, на которое приглашал меня Касатонов еще с Балтики. У нас сложились с Даниилом Ильичем добрые, хотя и не очень близкие отношения.

Посмотрел я с удовольствием на восстановленный Севастополь, в котором я не был с 1946 года, т.е. 12 лет. Это был очень красивый приморский город, но это был совсем другой город, чем довоенный Севастополь. Остался памятник Нахимову, к счастью остался собор, восстановлен приморский бульвар и памятник погибшим кораблям от войны 1854 года, возвратили панораму Рубо. Однако исчез греческий колорит, узкие переулки многочисленные лестничные переходы и т.п.

Но новый Севастополь стал также очень и очень красивым городом.

Повидал я, правда в последний раз, моих друзей по военному времени: механика с «Урагана» Степана Григорьевича Бабенко, который выручил меня в описанном ранее опасном Беломорском переходе, когда произошла поломка гирокомпаса, и которому я способствовал в переводе его жены из Сибири на Север. Степан Григорьевич был директором местного пивоваренного завода, вследствие чего мы пили какое-то особенное «золотое» пиво. И начальника берегового штаба эскадры Александра Алексеевича Анитропова, семью которого я привез из Севастополя в Ваенгу после шлюпочных гонок в 1945 году. Встреча прошла очень тепло, но больше видеть их мне не пришлось.

Участие в инспекции Тихоокеанского флота. Следующим летом совершенно непонятно почему пришел на меня вызов от генерального инспектора Вооруженных сил маршала К.К.Рокосовского на участие в инспекции Тихоокеанского флота. Это оказывается объявился мой старый знакомый Евгений Андрианович Козлов. Он перешел на работу в инспекцию министра обороны – генеральным инспектором по надводным кораблям.

Делать нечего, поехал я в Москву на сборный пункт, а оттуда в составе инспекции на Дальний Восток. Из Москвы в Хабаровск мы летели одним из первых рейсов на реактивном самолете ТУ-104. Это был по тем временам сказочный полет. Если раньше полет на Дальний Восток на поршневом самолете мог длиться 2-3 дня и включать около 10 посадок, то здесь было две промежуточных посадки в Омске и Иркутске – третья конечная посадка в Хабаровске – всего 8 часов. Кормили по полной норме на каждом перегоне: на первом ели с удовольствием, на втором – с трудом, на третьем уже не могли, по крайней мере, я не мог.

Инспекционные генералы и полковники деловито играли в преферанс или спали. Вообще, армейские офицеры играть в карты любили. Существует известный рассказ-анекдот об

этом. Группа офицеров во главе с генералом едет на учение. «Карты не забыли?» – спрашивает генерал, имея в виду топографические карты на учение. «Так точно – две колоды» – звучал ответ.

Итак, прилетели мы в Хабаровск. Первый объект проверки морской группы инспекции – Амурская флотилия. Под вечер приехали мы на базу и разместились на мониторах. Немедленно последовало приглашение на ужин. Евгений Андрианович Козлов на ужин не пошел, сказался нездоровым. Честно говоря, он и меня предостерегал заранее о вопросах питания в инспекции. Но я пренебрег его опытом, пошел на ужин, который, как все обеда и ужины, подготавливаемые для инспекции, был превосходным и более чем обильным, и отдал дань всем деликатесам. Результат был соответствующий и больше я мудрым советом Евгения Андриановича не пренебрегал.

Хабаровск, в котором я был тогда в первый раз, мне понравился. Сам город светлый и чистый с широкими улицами и неповторимой панорамой Амура, его крутым русским берегом и заречными китайскими далями, конечно, незабываемы. Его облик запомнился мне на всю жизнь. Впоследствии я бывал в Хабаровске еще два или три раза, но первое впечатление оказалось наиболее сильным.

Из Хабаровска вся инспекция перелетала во Владивосток. Здесь мне предстояло участвовать в инспекционной проверке эскадры Тихоокеанского флота, где командующим эскадрой был мой приятель по Северу Григорий Корнеевич Чернобай, неоднократно упоминаемый ранее в этих записках.

В состав эскадры входила и бригада эсминцев, которой командовал мой товарищ по Северу и Балтике Александр Болеславович Тейшерский.

Втроем мы провели очень теплый дружеский вечер на квартире у Чернобая и его жены Вали. Вообще о Вале Чернобай есть что порассказать. Типичная украинка с характером Одарки из «Запорожца за Дунаем», она однажды спасла мужу жизнь. Это случилось на Севере. Они собирались в отпуск и должны были лететь самолетом. Приезжают на аэродром Мурманска

и идут к самолету. Вдруг Валя говорит: «На этом самолете мы не полетим». И упрямо стоит на своем без всяких объяснений. Григорий Корнеевич, в домашней жизни очень покладистый человек, соглашается, не без неловкости перед окружающими и провожатыми. И они едут на вокзал и пересаживаются на поезд. Приезжают в Питер и узнают, что самолет разбился. Вот такая история.

На другой день после дружеского ужина корабли эскадры вышли на большие двухсторонние учения в океане. Синюю сторону представляла 15 Дивизия крейсеров под командованием контр-адмирала Бориса Федоровича Петрова.

Учения прошли вполне на уровне с большим размахом. В ходе учений мне пришлось вместе с Е.А.Козловым переместиться на флагманский корабль «синих» к контр-адмиралу Б.Ф.Петрову и в следующих фазах учения мы посетили Советскую. Гавань и Петропавловск.

Во время пребывания на дивизии Б.Ф.Петрова мне понравились, разработанные там правила боевого маневрирования и с разрешения Бориса Федорович с соответствующими ссылками я описал и опубликовал их в специальном бюллетене. Я упоминаю про это, потому что и в дальнейшем я писал и публиковал статьи про все интересные начинания, которые наблюдал во время своих многочисленных командировок на флоты.

На всех этапах учения мы готовили материалы к разбору.

Морские учения были частью общих военных учений, в которых участвовали кроме флота, также сухопутные войска и авиация. Об истинном размахе учений я получил представление только в процессе подготовки разбора и на самом разборе. В таких масштабных учениях я принимал участие впервые.

При подготовке разбора я познакомился (если так можно сказать) с маршалом К.К. Рокосовским. Говорил он с сильнейшим польским акцентом. Может быть это было следствием нескольких лет жизни в Польше, куда его послал Сталин в качестве министра обороны. По сути учений он очень внимательно и без всякого апломба всех выслушивал и после небольшого

раздумья спокойно принимал решения.

Выслушал он и мой доклад. При этом возникли трения с сухопутным посредником. Маршал задумался и сказал: «Вопрос морской, поэтому примем точку зрения моряков».

В целом маршал Рокосовский произвел на меня исключительно положительное впечатление.

Из Петропавловска вся инспекция, в том числе и мы, перелетели во Владивосток, где состоялся разбор учений и объявлены предварительные итоги инспекционной проверки. После этого мы вернулись в центр такими же рейсами ТУ-104.

Учения произвели на меня большое впечатление и существенно способствовали расширению моего кругозора.

Кроме того, я практически реально осознал громадные просторы и значение Дальнего Востока и Тихого Океана. Думаю, что, не побывав там и не поперемещавшись лично по всему театру, осознать этот трудно.

Между делом я обратил внимание на то, что пока мы перемещались по театру, и были в Хабаровске, Владивостоке, Советской Гавани, Петропавловске, Евгений Андрианович Козлов в отличие от меня на берег не сходил, а сидел на корабле. На мой вопрос, почему он не повидается со своими друзьями, которых у него на Дальнем Востоке, естественно, больше, чем у меня, он ответил: «Повидаться, конечно, хотелось, но ведь везде нужно пить, а пить мне вредно». Для меня тогда молодого и здорового ответ был удивителен.

Служба в Академии дала возможность возобновить занятия спортом. Во дворе академии было два теннисных корта и я стал заниматься теннисом, что продолжалось в последующем долгие годы. Пробовал я и продолжить свое юношеское увлечение плаванием, однако условия были не лучшими и пришлось оставить.

Домашние дела. Перехожу к домашним делам. В июле 1956 года, вскоре по переезде на службу в Питер у нас родился еще один сын – Миша. Таким образом, в семье уже было трое детей. Я упоминал ранее, что в это лето пока Люба с двумя младшими детьми жила под Москвой на даче у родителей, а

Алик находился в детском санатории, я поставил в нашей комнате перегородку, предварительно разобрал печь и сделал в комнате, а заодно и в ванной, водяное отопление от котелка, который находился в той же ванной. Жилье стало сразу значительно более удобным, хотя и не очень красивым.

Дети росли в целом благополучно, хотя и не без приключений и срывов, как все дети. Но, естественно, заботы были разные. Алик учился хорошо, но очень увлекался туристскими походами под руководством одного из учителей. В связи с этим он намеревался поступить на геолого-разведывательный факультет Горного института. Меня это несколько беспокоило и я предлагал ему радиофизический факультет Политехнического института.

До матмеха или физического факультета ЛГУ моя фантазия по-прежнему не доходила. Поэтому у нас с ним возникали споры, иногда бурные. И тогда я решил дать Алику попробовать на практике профессию геолога-разведчика. Я нашел геологическую партию и устроил туда Алика на лето практикантом. Ход оказался правильным.

По возвращении с практики разговоры о геологической карьере прекратились постепенно и по окончании школы с золотой медалью он поступил без экзаменов на радиофизический факультет Ленинградского Политехнического института. При этом летние туристические походы оставались его любимым увлечением.

Боря рос маленьким резонером, довольно внимательно относящимся ко всем событиям в окружающем мире. Он всегда высказывал свои суждения по этим событиям.

Например, Алик по шалости запер дверь нашей комнаты на ключ. Последовала Борина тирада: «Через эту дверь все ходят умываться! Через эту дверь мама и папа уходят на работу! Через эту дверь Боря ходит гулять. А Алик взял ключиком и закрыл эту дверь».

Или сидим мы с Мироном Семеновичем за столом и перед нами стоят рюмки с коньяком. Подходит Боря и просит налить ему тоже этот «чаек горячий». Дед поясняет, что этот «чаек»

пьют только взрослые мужчины. Следует вопрос: «А маленькие мужчины какой чаек пьют?»

Примерно в 4-5 летнем возрасте он стал изучать шахматные правила. Долго не мог понять смысл слова «шах». Наконец понял и прокомментировал «убедить короля, что следующим ходом его убьют».

После поступления в школу, он тоже стал хорошо учиться.

Миша родился, естественно, со своим характером. Во-первых, он рос молчуном. Помню, ему уже исполнился год, а он почти не говорил. Люба очень переживала, да и я тоже. Но приехала моя мама и в ответ на Любины огорчения сказала: «Не беспокойся, он все понимает». И тут Миша, сидевший в высоком стуле у стола, громко подал реплику: «Асамютно се», т.е. «Абсолютно все».

Во-вторых, он рос порядочным шалуном. Проходя мимо стола, заставленного посудой, он обязательно дергал за скатерть. Когда его пытались, например, убедить, как Борю, словами: «Все хорошие дети делают так…», что на Борю действовало безотказно, от Миши следовала реплика: «Не хочу я быть хорошим!».

Его няня Пелагея Ивановна постоянно грозила ему: «Если будешь хулиганить, я уйду к правнуку», имея в виду своего родного правнука. Угроза действовала, но на время.

Пелагея Ивановна была старая мудрая женщина. К моменту нашего знакомства она уже потеряла мужа, который попивал и поколачивал ее, и троих сыновей, погибших на войне. Жила с единственно оставшейся в живых дочерью.

Вспоминаю такой случай. Сидит в углу Пелагея Ивановна с Мишей, а за столом Люба и ее подруги, в общем благополучные и можно сказать в целом счастливые женщины, наперебой жалуются на свои судьбы и сетуют на разные неприятности. Сзади сидит Пелагея Ивановна и наверно думает: «Мне бы ваши заботы». Люба и сама неоднократно вспоминала несуразность и комизм этой ситуации.

Основным вопросом воспитания детей была дилемма: как вырастить порядочного человека, но так, чтобы он не был

беззащитен перед политической системой, господствующей в стране. Потому, что порядочность в общечеловеческом смысле постоянно входила в противоречие с порядками, которые устанавливали власти. В частности моя жизнь дала массу подтверждений этому.

Приходилось использовать все подходящие случаи. Например, не помню уже не то Алик, не то Боря приходят и говорят: «Сегодня день рождения Хрущева и кто-то из ребят поставил свечку к его портрету». Я объясняю, что пришьют политическое дело и у ребят и их родителей будут неприятности. Жизнь подтверждает мои предсказания. Дети потом удивляются: «Откуда ты знал?» Но и извлекают уроки для себя.

Конечно, до внешнего диссидентства мы не доходили, не те, очевидно, были характеры, не те судьбы, да и не те времена еще, но внутри семьи придерживались твердо общечеловеческой морали. И, пожалуй, в целом преуспели в этом.

Автомобиль в нашей семье. В эти годы в нашу жизнь вошел автомобиль. В те времена впервые стало возможным обычному человеку, не начальнику, завести автомобиль. Конечно, личный автомобиль можно было в те времена достать с большим трудом и это было дорого.

Объявлялись специальные дни, когда формировалась очередь на покупку автомобиля, собирались толпы желающих, составлялись предварительные списки, люди приходили много раз отмечаться в этих списках, из них формировался окончательный список, который передавался в автомагазин. По мере получения автомобилей магазином счастливцы из головы очереди покупали автомобили, залезая при этом, как правило, в долги. Все эти процедуры были проделаны Любой пока я плавал на Балтийском флоте и в 1954 году мы купили самый маленький и дешевый автомобиль «Москвич-408». Люба сдала шоферские экзамены в Ленинграде, а я, как упоминалось, в Таллинне.

Первый год вождения не обошелся ни у меня, ни у Любы без происшествий. Оба мы слегка помяли крылья в машине, но в целом обошлось. Комично было то, что Люба помяла крыло,

сидя в машине рядом с моей сестрой Эдей, а я сделал то же самое в компании с ее мужем Зиновием Михайловичем.

Скажу сразу, что автомобильные путешествия стали нашим любимым видом отдыха на долгие годы. Мы изъездили всю Европейскую Россию, Прибалтику, Закарпатье, Северный Кавказ, Закавказье, вплоть до Тбилиси и Еревана.

В те времена достаточно было приобрести самую дешевую автомашину, а дальше уже без доплаты пересаживаться постепенно на все более дорогие машины, используя разницу в ценах на «черном» и «белом» рынках. Старая, более дешевая машина продавалась на «черном» рынке за цену, которой, в общем, было достаточно для покупки следующей более дорогой модели на «белом» рынке. Важно было иметь очередь.

Так или почти так мы пересели с «Москвича» на «Победу», а с «Победы» на «Волгу» и, наконец, на «Жигули» разных моделей. До иномарок мы так и не дошли. Но об этих операциях расскажу отдельно.

Купив и более-менее освоив маленького «Москвича» мы с Любой сразу договорились, что если его угонят жулики, то переживать не станем. И как в воду глядели. Очень быстро его угнали. Но не надолго. Проехали около 500 км и бросили на Московском проспекте. Золотые времена в уголовном криминальном смысле. Когда много лет спустя в 2001 году у нас угнали из гаража «Жигули» седьмой модели, от них не осталось и следа.

Дальнейшее освоение автомобиля, езды и ухода за ним проходило у меня в своеобразном автомобильном «клубе» частных шоферов, куда ввел меня шофер Н.Б.Павловича Илья Семенович, простецкий мужик, который учил меня, например, езде задним ходом так: «Ты высунь, высунь морду наружу и сразу поедешь хорошо». Завидуя образованным людям, он говорил: «Тебе легко, если заберут права, то ты можешь снова сдать экзамены, ты ведь «хонспект» умеешь писать. А мне, если заберут, то крышка. Снова я никогда не сдам».

Шофера-члены этого клуба собирались каждый день после работы в гараже Н.Б.Павловича, выпивали и говорили

«за жизнь» полтора-два часа. Были там весьма колоритные фигуры, например, «президент» Павел Иванович Жаров – пожилой, явно образованный человек, с интеллигентной речью и «светскими» манерами, в прошлом из совсем другой «Петербургской» жизни. Сейчас он полностью вошел в жизнь шофера, очень любил выпить, но никогда не перебирал и пользовался в клубе непререкаемым авторитетом.

Мне он несколько раз серьезно помог: организовал продажу «Победы» (при нашем переходе на «Волгу»), нашел приличный обмен квартиры для Алика и т.д.

«Радиоэлектронная война». Возвращаюсь к работе. Кроме индивидуальных тем нашей научной группе все же дали для разработки общую научную тему по «радиоэлектронной войне». Эта тема была дана не только нашей группе, но под нашим руководством был создан коллектив преподавателей-Академии -специалистов по разным вопросам темы. И здесь я получил первый опыт фактического руководства большим и разнородным коллективом преподавателей и научных работников, что в последствии очень мне пригодилось.

В процессе работы над этой темой я близко познакомился с инженер-полковником **Игорем Васильевичем Бреневым**, начальником кафедры радиолокации Академии. Это был уже пожилой, прекрасно образованный и эрудированный человек, живая история Русской и Советской Радиотехники. Одной ногой он был в Академии, а другой в ЛЭТИ (Ленинградском Электротехническом институте), где тоже читал какие-то курсы. Из бесед с ним я многое понял в Академической жизни и получил опыт разработки больших научно-исследовательских тем. Мы поддерживали дружеские отношения в течение многих лет до конца его жизни.

При окончании этой темы мы должны были доложить о ее результатах на разных уровнях руководства и научной общественности. Как тогда (а может быть и сейчас) было принято: разрабатывают тему одни люди-специалисты, а доклады по результатам разработок делают совсем другие люди – руководители.

На самом «верху» доклад должен был делать начальник Академии адмирал Ю.А.Пантелеев, неоднократно упоминавшийся мною ранее. Пошли мы знакомить его с результатами работ и текстом «его» доклада. Мы уже с ним были хорошо знакомы по разным моментам моей жизни и работы. Я и говорю ему: «Вот здесь в этом месте доклада нужно бы сказать так…». Адмирал посмотрел на меня с грустью и молвил: «Ваше дело объяснить мне «что сказать», а уж «как сказать» я разберусь сам». И он был прав. По-существу он был весьма умным и образованным человеком. Его доклад в высших сферах прошел хорошо.

Хуже было с докладом на военно-научной конференции в Монинской Академии. Несмотря на уговоры, руководитель нашей группы контр-адмирал Алексей Матвеевич Гущин решил делать доклад лично сам. И, конечно, дело кончилось полным конфузом. Посланный с ним для подкрепления Генрих Артурович Лепин-Дмитрюков еле спас положение своими комментариями. Тему мы спасли, но научная репутация нашего руководителя погибла окончательно.

Книга «Эскадренные миноносцы». Сил было много и мне захотелось попробовать себя и в литературной работе. Конечно, не в чистой литературе, а в научно-технической. Я договорился в Военном издательстве и в короткий срок написал научно-популярную книгу «Эскадренные миноносцы». Причем моих знаний и опыта работы хватило, чтобы написать почти всю книгу с листа, не прибегая к каким-либо источникам, кроме одной главы о боевом использовании эсминцев. Ведь у меня был только опыт Северного флота. Для того чтобы написать эту главу пришлось достаточно много поработать с источниками. Я получил также необходимый опыт в работе с внешней редакцией. Книга вышла уже во время моей работы в Москве, быстро разошлась. При этом я получил некоторое имя в открытой военно-морской печати.

Подводя итоги этому трехлетнему этапу Ленинградской Академической жизни, следует сказать, что и в научной и в оперативной жизни и в семье это был хороший период. Защи-

щена диссертация, получены научная степень кандидата наук и звание старшего научного сотрудника, изданы две научных монографии, одна популярная книга и ряд статей, полностью сохранилась связь с флотом. Я получил большой (правда, не вполне достаточный) заряд в новейших областях знаний, таких как вычислительная техника и радиоэлектроника. Родился третий ребенок. В семье все было хорошо.

Семейная трагедия. Однако именно в семейном кругу нас подстерегала большая беда, трагедия. Очень тяжело заболел Любин отец Мирон Семенович Вовси. У него обнаружили злокачественную опухоль. Я со своей немедицинской точки зрения думаю, что это были последствия и моральные и физические, репрессий 1952-1953 годов и его очень тяжелый образ жизни, громадные и постоянные перегрузки.

Он лучше всех понимал всю серьезность своей болезни и ее неотвратимый конец. И последние месяцы жизни он хотел провести с дочерью и внуками. В связи с этим он просил меня, чтобы я перевелся по службе и переехал с семьей в Москву.

Конечно, я не мог ему отказать в последней, по сути, предсмертной просьбе и дал согласие на перевод в Москву.

Таким печальным образом заканчивался этот трехлетний период моей работы в Академии им.А.Н. Крылова.

Перевод в Москву. В Москве было трудно подыскать подходящую для меня работу. Известными мне серьезными флотскими учреждениями был Главный Морской Штаб и Морской Факультет Академии Генерального штаба. Были наверно и разные небольшие места вроде редакции Морского Атласа или Военно-морской исторической группы, но про одни я не знал, а другие совсем не подходили мне по профилю.

Начальник Морского Факультета Академии Генштаба вице-адмирал Чероков меня принять отказался и я получил назначение сначала в оперативное управление Главного Морского Штаба. Однако время пребывания в оперативном управлении прошло для меня большей частью в командировках в Ленинград. Дело в том, что описание электронно-вычислительной машины, реализующей комплекс задач, необходимый для

управления соединением кораблей, которое я предложил в своей кандидатской диссертации, оказалось весьма подходящим для одной комплексной научной темы. Этой темы руководил мой товарищ по училищу Иван Анисимович Семко, который и пригласил меня участвовать в разработке темы, с тем, чтобы я внедрил, таким образом, свои идеи в официальные разработки. Естественно, меня это вполне устраивало и в научном смысле и по семейным обстоятельствам, так как семья еще оставалась в Ленинграде. В процессе этой работы мне удалось расширить и углубить свои идеи. Спустя несколько месяцев я был переведен из оперативного управления в члены Морского Научного Комитета (МНК), что более соответствовало профилю моей работы. Однако в этом комитете я был назначен не в оперативно-тактическую секцию, а в секцию радиоэлектроники, что стало возможным благодаря новым знаниям, полученным мною за последние три года.

В свете последующих событий, однако, я теперь думаю, что мой перевод из оперативного управления имел национальную подоплеку. В этом наиболее засекреченном управлении я был единственным евреем.

Встал вопрос о жилье. Своего жилья в Москве у меня, конечно, не было и не предвиделось. Поэтому мы поселились у Любиных родителей в их «престижной» большой по метражу, но крайне неудобной для большой семьи трехкомнатной квартире в высотном доме на площади Восстания.

Мы с Любой поселились за шкафами в большой средней проходной комнате – столовой, а Боря и Миша поселились с бабушкой Верой Львовной в ее комнате – спальне. Мирон Семенович остался жить в своем кабинете – относительно небольшой изолированной комнате.

Алик остался жить один в нашей Ленинградской комнате-квартире, он уже был студент второго курса и после долгого раздумья и рассмотрения вариантов я решил, что он пока может жить самостоятельно, тем более что я не предполагал задерживаться в Москве надолго.

Однако, считая, что он еще все же не совсем готов к само-

стоятельной «взрослой» жизни мы подселили ему одного знакомого по рекомендации моей сестры. Оказалось, однако, что этот знакомый подавал Алику отнюдь не «благопристойные» примеры и пришлось по просьбе Алика с ним распрощаться.

В Москве меня, как офицера, прибывшего по переводу, и мою семью без всяких осложнений прописали в квартире Любиных родителей, что казалось им очень важным.

А.Л. Лифшиц - обдумываю кандидатскую диссертацию.

А.Н. Петров.

Адмирал Флота Советского Союза И.С. Исаков.

Научная группа Акдемии им Крылова.
Слева направо, первый ряд: П. Железняк, А.М. Гущин, А. Лифшиц; второй ряд: Б. Землянов, П. Черницкий.

В Кисловодске. Справа А.Л. Минц.

Наша семья, 1959 г.

Глава 17. В Морском Научном Комитете.

Главный Морской штаб. Морской Научный комитет. Новые функции. Жизнь в Москве. На играх и учениях. Виктор Платонович Боголепов. Экспертный совет. Книга «Кибернетика в ВМФ». Трагическая кончина Мирона Семеновича. Снова неприятности. Возвращение в Ленинград.

Главный Морской штаб (ГМШ). Итак, впервые в жизни я попал на службу в береговой штаб. И не просто в штаб, но в самый «большой» штаб в Военно-Морском флоте. Не мне и не здесь, конечно, описывать его работу и по моей компетенции и по другим понятным причинам. Здесь будут описаны лишь некоторые общие черты этого гигантского организма, которые касались моего восприятия.

Конечно деятельность ГМШ, как любого большого организма, подчинялась общим законам кибернетики, шутливо описанных в известных трудах Паркинсона. И в этом смысле не отличалась, наверно, от деятельности любого другого министерства в любой стране. Замечу здесь, что даже в период холодной войны, когда я читал книги, описывающие деятельность американских штабов, то обнаружил немалое сходство с работой нашего штаба.

Основной особенностью были бесконечные согласования решений при их подготовке. Естественно, что большая ответственность решений, принимаемых на верхних ступенях власти, требовали этого. Но с точки зрения отдельного человека эти процедуры отнимали все рабочее время.

В первые дни меня удручала главным образом мысль: «день прошел, а что я сделал, что освоил нового, что произвел?». А неделя, а месяц!…

Подбор кадров был неплохим и тем лучшим, чем выше была должность того или иного военного чиновника. Чем ниже рангом, тем требования все же постепенно размывались, вплоть до того, что немаловажным фактором оказывалось и наличие жилья в Москве.

Однако при общении с внешним миром все офицеры ГМШ

обычно надували щеки и говорили «Главный штаб считает…». Это вызывало у меня постоянный отрицательный эффект.

Морской Научный комитет, сокращенно МНК, куда я попал, отличался несколько от других отделов, поскольку курировал обычно не текущую деятельность, а вопросы перспективного развития флота.

Начальником комитета был хорошо знакомый мне по Балтике адмирал Николай Михайлович Харламов. Здесь он был в своей стихии и был значительно более раскован и свободен в своих решениях, чем на флоте. Нами он не очень интересовался и весь был погружен в дела и интриги верхних эшелонов власти. Комитет делился на секции. Мне приходилось принимать участие главным образом в работе двух секций: секции электроники и оперативно тактической.

Я был формально членом секции электроники. Моим начальником был капитан 1 ранга Павел Алексеевич Лапшенников, это был довольно милый, безусловно, порядочный человек, который, кстати, жил в том же высотном доме, что и мы. У нас сложилось хорошие служебные отношения и впоследствии, будучи уже профессором Военно-Морской Академии, я с удовольствием выступил в роли официального оппонента на защите его кандидатской диссертации. Он занимался вопросами связи. а на меня, возложил вопросы использования электронной вычислительной техники. По этой части мне пришлось иметь дело с начальниками и ведущими специалистами соответствующих научных учреждений, а иногда и штабов флотов. Все эти контакты и проработки обогащали меня и были весьма полезны в моей последующей деятельности.

Так, например, я хорошо познакомился там **с академиком – адмиралом Акселем Ивановичем Бергом,** занимавшим тогда пост заместителя министра обороны по радиоэлектронике. Он был еще во время первой мировой войны командиром подводной лодки, позже занялся радиоэлектроникой, был профессором Морской Академии, Электротехнического Института, создателем Морского Института связи. С появлением радиолокации он, пожалуй, первым в нашей стране оценил ее

значение и переключил свое внимание на нее, создал комитет по радиолокации и был его бессменным председателем. Такую же проницательность проявил он и в отношении кибернетики и роли вычислительной техники.

Как-то раз я зашел в совет по кибернетике по каким-то делам, кажется поработать в его недурной библиографии. Приемная полна народу. Внезапно появляется Аксель Иванович, оглядывает толпу, увидел меня (хотя я там был случайно и на прием к нему не собирался), и говорит: «А, здравствуйте, Анатолий Львович, заходите, Вы мне нужны». Берет меня под руку и заводит в свой кабинет. «Знаете, где я сейчас был? У своего врача. Как Вы думаете, сколько получает врач, которому доверено лечить мою академическую голову? Сто двадцать рублей. Разве может быть порядок в государстве в такой обстановке? Никогда. Будьте здоровы, Анатолий Львович. Рад был Вас видеть». Вот такая беседа. Это было уже в последние годы его жизни.

Он мало церемонился с генералами, откровенно укорял их в непонимании новых условий ведения боевых действий. Помню одну весьма представительную конференцию, темой которой было использование новой техники в современной войне.

В президиуме сидели, блистая орденами, многозвездные генералы во главе с министром Обороны маршалом Р.Я. Малиновским.

Вышел Аксель Иванович и начал свою речь, обращаясь к президиуму такими словами: «Нужно иметь медный лоб, чтобы не понимать значения новой техники в современной войне».

А понимание у генералов было такое: заключая свою речь, маршал Малиновский сказал: «Все это хорошо, но мне от вас нужно, товарищи научные работники:

– первое, чтобы я быстро мог дозвониться по телефону в любую инстанцию,

– второе, чтобы боевой приказ печатали на красной бумаге. Вот и все.

Учитывая опыт предыдущей службы, мне приходилось все же очень часто участвовать в работе Оперативно-тактической секции комитета.

Начальником этот секции и заместителем начальника МНК **был контр-адмирал Казимир Андреевич Сталбо.** Я немного знал его раньше по учебе в Военно-Морской Академии, которую он закончил через год после меня.

С одной стороны это был, безусловно, очень умный и образованный человек, существенно выдающийся из ряда.

С другой стороны по прежней службе он был начальником Оперативного управления Штаба Черноморского флота в период, когда им командовал адмирал Горшков, нынешний Главком ВМФ. И, конечно, на другом уровне, чем у меня и В.Ф.Котова, но все же их, безусловно, связывали достаточно короткие отношения, существенно облегчившие деятельность, но и доставлявшие сотрудникам много, много работы.

В личной жизни Казимир Андреевич был человек весьма остроумный, но крайне самолюбивый.

У нас сложились довольно неплохие, но непростые отношения.

А началось все с того, что спустя короткое время после моего прихода в МНК, в библиотеку поступила моя книга «Причины гибели подводных лодок вне операций», которую я написал будучи в Академии им.Крылова по заданию адмирала И.С.Исакова, о чем я упоминал ранее.

К.А.Сталбо прочел ее, сразу оценил аналогии и нашел, что она имеет большое значение для Советского подводного флота и для флота вообще.

Во-первых, он добился проведения крупного совещания под председательством начальника Главного Морского штаба, где были рассмотрены соответствующие аналогии системы кооперации строительства и сопутствующие вопросы и приняты соответствующие решения. Меня, автора книга, на это совещание, конечно, не пригласили «по условиям секретности».

Во-вторых, он собрал совещание МНК и сопутствующих организаций по вопросу написания исторических работ, где нео-

жиданно для меня, дал моей книге весьма высокую оценку в смысле того, что исторические работы нужно писать, анализируя их содержание с точки зрения исследования влияния на судьбы современного флота.

В личной беседе он сказал мне: «Книгу ты написал отличную, но учти, никто тебе ничего не даст, кроме того, что ты сам возьмешь. Такова наша жизнь вообще, а твоя в особенности». Я многократно оценил в последствии это его пророчество.

Доказательством достаточного уважения К.А.Сталбо ко мне явилось и то, что несколько лет спустя уже в Академии, он просил меня быть научным руководителем адъюнктуры его сына Александра, что и было мною выполнено. Кстати, младший Сталбо написал и защитил весьма неплохую работу.

К.А.Сталбо стал привлекать меня ко всем оперативным играм и учениям под руководством Главкома ВМФ, на которых он был всегда руководителем группы разбора, главной задачей которой было составление материалов для доклада Главкома по оценке действий участников учений, начиная с командующих флотами и их штабов.

Нужно сказать, что писать эти доклады К.А.Сталбо был великий мастер и я до сих пор «снимаю шляпу» перед его мастерством, талантом и эрудицией.

Помогал ему в этой работе член оперативно-тактической секции МНК капитан 1 ранга Николай Петрович Вьюненко. Это был главный «писатель» трудов Главкома. Он не обладал блеском К.А.Столбо, но был умен, обстоятелен и очень трудолюбив. Даже такой черствый и неблагодарный человек, как Главком ВМФ С.Г.Горшков был вынужден оценить труды Н.П.Вьюненко (естественно в его же главкома, пользу) и назначил его впоследствии заместителем начальника Академии по научной работе, где он получил звание контр-адмирала.

Работа на учениях вместе с К.А.Сталбо, естественно, способствовала расширению моего кругозора.

Еще одной интересной стороной деятельности МНК были заседания **экспертного Совета по оценке докторских диссертаций** по военно-морской оперативно-тактической и тех-

нической тематике. Членом этого совета я был по должности. Через этот совет проходили все докторские диссертации соответствующего профиля и ознакомление с ними было весьма полезно. Несколько раз меня приглашали и на пленумы ВАК, как эксперта. Эти заседания были также весьма полезны для меня. На одном из этих заседаний мне удалось отстоять присвоение звания профессора И.В.Бреневу без защиты докторской диссертации. В данном редком случае я считал это действительно возможным, учитывая его возраст и заслуги.

Еще одна область работы МНК – курирование журнала «Морской Сборник», военно-морской редакции «Воениздата» и различных сборников по военно-морской тематике. В этой деятельности участвовали все члены МНК в зависимости от тематики статей или книг.

Имея возможность, я с удовольствием пригласил Вице-адмирала Анатолия Николаевича Петрова редактировать один из таких сборников, что доставило ему некоторый дополнительный заработок.

Уходя в отставку, Анатолий Николаевич не захотел работать старшим научным сотрудником, сказав при этом знаменательную фразу: «Там, где я ходил по средине коридора, пробираться вдоль стенки я не буду».

Таким образом, работа в МНК не была лишена интереса и во многом обогащала меня новыми знаниями, опытом и контактами. Беда была в другом. День проходил за днем и я не мог ответить на вопрос: «А что я сделал за день?» Почти всегда ответ был – ничего. Это меня всегда удручало.

Московская частная жизнь. Москва, как город меня сильно утомляла. Возникала, как я позже понял, усталость от многолюдства и транспортная усталость. На работу я ездил на метро с пересадкой, как будто не очень далеко, но странно: выходил с работы еще «свежий», а приходил домой через 40 минут довольно сильно уставшим. Потом понял, что это от множества мелькавших лиц, от толпы.

Весной, летом и осенью я стал ездить на работу на машине, что облегчило ситуацию.

Автомобильное движение в Москве было, конечно, не такое как сейчас, но все же существенно интенсивнее, чем в Ленинграде. Однако я с ним справлялся.

Любин перевод из Ленинграда в Москву прошел в два этапа. Сперва она перевелась из своего телевизионного института в его же московский филиал. Однако работа там не пришлась ей по душе и мы стали задумываться о переходе в систему Академии Наук.

Я обратился к своему Кисловодскому знакомому академику Александру Львовичу Минцу, он нас с Любой очень любезно принял у себя дома с частным гостевым визитом, расспросил Любу и дал ей рекомендацию к директору Академического Института Проблем Передачи Информации академику А.А.Харкевичу, который и принял Любу на работу в свой институт. В этом институте она работала до нашего возвращения в Ленинград.

Во время нашей Московской жизни кроме естественного общения с родственниками, как по моей линии, так и по Любиной, мы более тесно сблизились с семьей Оловягиных – Сахаровых, с которыми мы познакомились в Сочи несколько лет тому назад. Я писал об этом знакомстве ранее.

Мой отец в это время, в основном под давлением моей матери, ушел со своей последней должности – главного инженера большого Лобненского керамического завода на пенсию. Пригородная жизнь с еженедельными поездками на побывку в Москву к семье стала его утомлять. В течение нескольких последующих лет ему еще давали некоторые инспекционные задания, связанные с обследованием других заводов его профиля, но затем он окончательно оставил работу.

Моя сестра Эдя защитила кандидатскую диссертацию по гематологии и успешно работала в клинике под руководством известного профессора И.А.Кассирского. В этой клинике она и проработала всю активную жизнь до ухода на пенсию.

В 1960 году у нас подошла Ленинградская очередь на автомобиль «Волга», но получать ее нужно было в Горьком на автозаводе. И вот я поехал туда в сопровождении Василия

Игнатьевича, бывшего шофера Мирона Семеновича, очень хорошего человека, нашего друга.

Мы привели «Волгу» и она служила нашей семье верой и правдой в течение 18 лет, дольше всех остальных наших автомобилей. На ней мы совершили первую автомобильную поездку в Крым и остановились там, в Массандре в служебной квартире ДОСААФ, которую нам организовал Олег Мачинский. Он в это время был уже председателем морской части ДОСААФ. Попал он на эту «боковую ветвь службы» по собственной неосмотрительности. После того, как я уехал с Севера, у него служба шла успешно, он стал командиром бригады новых эсминцев и поехал учиться в Академию Генерального Штаба, по окончании которой получил назначение начальником Оперативного Управления Тихоокеанского флота, командующим которого был наш любимый адмирал В.А.Фокин. И вот Олег видно, зазнавшись, не поладил с Фокиным, был снят с должности и назначен начальником штаба эскадры ТОФ, к Григорию Корнеевичу Чернобаю, но и там не мог прижиться, в результате чего, и попал в ДОСААФ.

Но со мной он, конечно, сохранил самые добрые отношения, как и я с ним.

Второй «Московский» отпуск мы с Любой провели в Хосте. Снабжение путевками было поставлено в ГМШ очень хорошо. Ведал этим доктор Рубен Леонович Еганян, про которого пели очень справедливую песенку:

«Самый грозный из армян-
Это маршал Баграмян.
Самый добрый из армян-
Это доктор Еганян».

Грузия. Гоги Майсурадзе. Печень моя продолжала пошаливать и, в очередной раз, я поехал на лечение в Ессентуки. «Самый добрый из армян» доктор Еганян дал мне, как обычно, путевку и я собрался на лечение. Однако мне захотелось «попутно» посмотреть южную Грузию и я решил ехать в санаторий окружным путем через Батуми-Тбилиси. Приехал в Ба-

туми, купил билет на автобусный рейс в Тбилиси и попросил билет на первое сидение, чтобы лучше рассмотреть дивную природу южной Грузии и, в частности, Сурамский перевал. Второе место предназначалось для сменного шофера. Отработав несколько часов, один из шоферов сменился и сел рядом со мной: «Куда едешь?» - спросил он меня с довольно сильным акцентом. «В Тбилиси» - ответил я. «Нет – поправился он – к кому едешь в Тбилиси?» «Ни к кому, просто посмотреть город». «Ко мне поедешь – уверенно сказал он – Гоги меня зовут, Георгий». Я поехал, и эта поездка положила начало нашей, по крайней мере, четвертьвековой дружбе, личной и семейной. У него оказалась очень милая жена Анна Моисеевна и двое детей: дочка Нина и сын Автандил. Я посмотрел Тбилиси и окрестности с его помощью гораздо лучше, чем, если бы я делал это сам, и познакомился с обычаями грузинского застолья.

Как-то утром мы сидели за завтраком и он показал мне на висящий на стене портрет пожилого грузина «Мой отец, девяносто пять лет жил». «Значит и ты проживешь долго» – ответил я. «А… разве он знал, что такое план? Только пил и гулял». И в общем Гоги оказался прав. Он столько лет не прожил.

И.А. Семко. Однажды меня включили в комиссию по проверке деятельности нашего института вычислительной техники. Комиссия была создана по письму людей, обиженных при распределении земельных участков для строительства дач. Этой стороной вопроса занималось начальство, а я был включен в группу, рассматривающую деятельность института по-существу. В комиссии я встретил нашего бывшего флагманского артиллериста Таллиннской дивизии крейсеров Н.И. Боравенкова, который был к этому времени начальником одного из исследовательских институтов ВМФ. Мы с ним дружно поработали над совершенствованием тематики работ института.

На заключительном пленарном заседании комиссии наш председатель вице-адмирал В.Д. Яковлев объявил, что по результатам рассмотрения «дачного» вопроса директора института контр-адмирала Колычева будут снимать с должности и

нужно бы порекомендовать кандидатуру его преемника. Тогда я предложил И.А. Семко, моего однокашника по училищу, с которым я, как упоминалось выше, много работал вместе в последнее время и в высоких деловых качествах которого я был уверен.

Его и назначили. В этом моем предложении я до сих пор не вижу никакого блата или кумовства. Иван Анисимович был вполне достоин начальственного кресла и последующего звания, что он и доказал своей дальнейшей работой. Мы сдружились с ним еще в училище. Он отличался всегда ясным умом, особым мягким украинским юмором с некоторой хитрецой и невероятной, прямо таки медвежьей, физической силой. Войну он провел артиллеристом на эсминцах Балтийского флота, после чего довольно рано поступил на соответствующий факультет Академии имени А.Н.Крылова, затем был оставлен адъюнктом и после защиты диссертации попал в институт в момент образования последнего.

Получилось, что мы с ним одновременно учились, но в разных Академиях. Он жил на улице Гоголя, а я на Халтурина и мы с ним часто гуляли и беседовали на «нейтральной» Дворцовой площади, иногда прихватывали детей, которые были однолетками.

Во время его деятельности в институте нам пришлось работать совместно весьма тесно еще и потому, что предложенная мною в кандидатской диссертации схема специализированной ЭВМ реализовывалась в одной из тем института. В связи с этим я много времени проводил у них, приезжал неоднократно из Москвы в командировки, впоследствии был членом ученого совета Института, имел там аспирантов. К сожалению, Иван Анисимович в самом рассвете сил внезапно скончался от инфаркта. С его женой Ниной Викторовной мы до сих пор поддерживаем дружеские отношения.

Виктор Платонович Боголепов. Возвращаюсь к службе в МНК. После очередного возвращения из Ленинграда меня пригласил на беседу контр-адмирал Виктор Платонович Боголепов. Это была легендарная личность. Сын царского министра

просвещения, высоко образованный и интеллигентнейший человек , он каким-то чудом уцелел во время гражданской войны и служил в Советском флоте. Во время Отечественной войны он был начальником штаба Онежской флотилии, где ходил в штыковые атаки на немцев, потом был начальником штаба Беломорской флотилии. Это был человек несокрушимой принципиальности и абсолютного гражданского мужества, образец бесстрашия.

После войны он был председателем Морского Научно-Технического комитета. В процессе работы этого комитете под его руководством был написан сводный труд, определяющий перспективы развития Советского флота. Выводы из этого труда В.П. Боголепов докладывал лично И.В.Сталину. Во время доклада между ними возник спор по поводу необходимости строительства авианосцев. Боголепов был за, Сталин против. В результате спора Сталин остался на своей позиции, а В.П .Боголепов оказался в тюрьме. Оттуда он продолжал писать письма Сталину, отстаивая свою позицию. И случилось чудо – Сталин его из тюрьмы выпустил и отправил на прежнюю должность. Хотя авианосцы по-прежнему не строили.

В конце правления Н.С.Хрущева, когда В.П.Боголепов был профессором-консультантом начальника Академии, вышло постановление ЦК КПСС о разделении райкомов КПСС и парторганизаций на сельские и городские. В.П. Боголепов этого не одобрил и написал об этом аргументированное письмо в ЦК КПСС. Письмо переслали в Ленинградский Обком КПСС и велели «разобраться с этим смутьяном». В.П. Боголепов и начальник Политотдела Академии отправились «на ковер» к Первому секретарю Ленинградского Горкома, который с порога начал кричать на В.П.Боголепова: «Вы должны выполнять указания партии…., а Вы тут...». «Извините – говорит Виктор Платонович – во-первых, это Вы должны…, а я ничего не должен, я беспартийный. Во-вторых, пригласите меня сесть, я на много Вас старше».

Ошарашенный секретарь перестал кричать, пригласил их сесть и беседа прошла в духе лекции об основах организации

и управления, которую прочел секретарю В.П. Боголепов. Эта история была известна со слов начальника Политотдела, который был «ни жив, ни мертв» в течение этого инцидента.

После снятия Н.С.Хрущева Боголепов написал в ЦК КПСС письмо, в котором писал, что деятельность Хрущева он лично не очень одобряет, особенно в вопросах организации и управления, но «метод дворцовых переворотов» принципиально неприменим в социалистическом государстве. И к всеобщему удивлению получил ответ, в котором ЦК уведомил его о принципиальном согласии с этим его мнением.

Судьбе было угодно, чтобы я оказался хорошо знаком с этим неординарным человеком, бывал у него дома, где встречал ряд весьма известных и интересных людей. Бывал и Виктор Платонович у нас дома. Однажды Виктор Платонович был приглашен к нам на обед или ужин, точно уже не помню. Дело было в разгар холодной войны. В разговоре Виктор Платонович сказал, что он написал личное письмо министру Обороны США г-ну Макнамаре с предложением – требованием холодную войну прекратить. И продолжал, обращаясь к Любе: «Почему бы Вам, Любовь Мироновна, не написать аналогичное письмо жене американского министра г-же Макнамара. До тех пор пока все молчат, ничего у нас в стране хорошего не будет».

В это время наши дорогие дети Боря и Миша начали драться. Нужно было бы мне пойти и эту драку сразу прекратить, но я постеснялся, сделал вид, что не слышу, все последовали моему примеру. Драка и крики длились все время, пока гость сидел у нас.

С тех пор при каждой встрече и в каждом письме В.П.Боголепов спрашивал: «Кстати, как поживают Ваши очаровательные дети?»

Но это было потом, а тогда меня пригласил на беседу совершенно неизвестный мне, но очевидно весьма уважаемый человек, Виктор Платонович пояснил мне, что он назначен начальником «Целевой научно-исследовательской группы», предназначенной для написания научного исследования на тему «Использование электронно-вычислительной техники в

ВМФ». Он прочитал мою кандидатскую диссертацию и приглашает меня перейти на штатную работу в эту группу.

Поблагодарив его за предложение и обдумав его, я не счел возможным менять штатную и в общем нормальную и достаточно интересную работу на место в хотя тоже интересной, но, безусловно, временной группе. Однако тема работы меня заинтересовала, к тому же я соскучился по литературно-исследовательской деятельности.

Поэтому я согласился участвовать в работе его группы приватно, на общественных началах и взял на себя соответствующее исследование и написание раздела, посвященного использованию ЭВМ в действиях тактического масштаба. Эта тематика была естественным продолжением работ, начатых в моей кандидатской диссертации и развитых в работе у И.А. Семко, о которой я упоминал выше.

Скажу сразу, что работа группы В.П.Боголепова была выполнена успешно и по ее результатам была выпущена соответствующая монография, естественно, с моим авторским участием.

Эта работа заполнила мой личный научно-исследовательский и литературный пробел в «комитетской», по-сути, научно-административной деятельности.

Книга «Кибернетика в Военно-Морском флоте». К описываемому времени у меня накопился приличный запас знаний в области использования электронной вычислительной техники, последняя все шире и глубже входила в жизнь человечества, в том числе и в жизнь флота. В этой обстановке мне показалось, что офицерам флота и научной околофлотской общественности необходима книга, обобщающая современные знания и опыт в этой области и дающая определенную перспективу.

Я начал писать открытую книгу «Кибернетика в Военно-Морском флоте». Трудность была в том, что каждую фразу книги нужно было подтвердить открытым литературным источником, чтобы людей просветить и никакой военной тайны не выдать. И хотя я обладал уже порядочным запасом знаний,

при написании этой книги пришлось много поработать с литературой, начиная с классических работ Винера, Колмогорова, Эшби и других. Я продолжил работу над этой книгой и после возвращения в Ленинград.

Когда она вышла, то получила очень хорошую прессу, мгновенно разошлась и принесла мне определенное имя во флотских и Союзных научных кругах.

Книга вызвала ревность в соответствующем институте ВМФ. Начальник института созвал совещание и весьма недовольно и строго спросил: «Почему такая книга не написана нашими сотрудниками? Это большой провал для нас».

Вспоминаю и комический случай: года через два после ее выхода в свет я был в командировке в Североморске и по служебной необходимости должен был повидать командира одного из кораблей, стоящего у причала. «Как прикажите доложить?» – спросил молодой лейтенант. Я назвался. «Это Вы написали «Кибернетику в ВМФ?»» «Да» – ответил я. «И Вы еще живы?» – с неподдельным удивлением воскликнул лейтенант.

Вспоминаю, что много позже, когда я после демобилизации искал работу и в этих поисках забрел на военно-морскую кафедру в ЛЭТИ, то увидел, что все стены ее кабинетов завешены увеличенными рисунками из моей книги.

В целом эта книга была моей удачей и принесла явную пользу.

Трагическая кончина Мирона Семеновича. Между тем в жизни нашей семьи продолжали развиваться трагические события. Здоровье Мирона Семеновича продолжало ухудшаться. Болезнь прогрессировала и ему вынуждены были ампутировать до колена одну ногу. Операцию он перенес очень стойко и сразу начал «осваивать» протез.

В последние месяцы своей жизни он продолжал интенсивно трудиться и написал две монографии, которые вышли в свет уже без него.

Однако болезнь была неизлечима и трагический конец наступил в июне 1960 года. Конечно, это было большое горе для

всех нас. Но эта была большая потеря и для всей медицины, потеря для множества больных, ибо Мирон Семенович был не просто ученым академиком, но врачом божьею милостью. В каждом больном он видел страдальца и считал своим долгом его от этих страданий избавить или, по крайней мере, облегчить его участь.

Мне с моей обывательской точки зрения кажется совершенно неоспоримой мысль, что эта преждевременная смерть была следствием того, что каждому пациенту в процессе лечения он передавал частицу своей жизни, своего здоровья.

И, конечно, его преждевременная кончина была в сильной степени обусловлена теми моральными и физическими страданиями, которые он претерпел в Сталинских застенках. Мир его праху, его душе.

Возвращение в Ленинград. После кончины Мирона Семеновича я работал в МНК еще полтора года, после чего фортуна в лице КГБ СССР преподнесла мне очередной «сюрприз». Внезапно меня лишили допуска к совершенно секретным работам. В начале я связывал это лишение с тем, что мать Любы Вера Львовна не прекращала контактов со своими родственниками за рубежом. И, естественно, в те времена это было несовместимо с моей работой, на которой все, даже пыль была совершенно секретной.

По прошествии многих лет я опять же связываю это происшествие с моей национальностью. Я, как очень часто в моей жизни, был единственным евреем и в МНК. А сколько их было в Главном Морском Штабе, я не могу сказать. В моей видимости я знал еще одного – начальника управления радиолокации вице-адмирала А.Л. Генкина.

Вопрос стоял о демобилизации. Я поделился своей бедой с Виктором Платоновичем Боголеповым. Выслушав меня, он сказал: «В прошлом году я решил навестить своего брата, который эмигрировал вскоре после Октябрьский революции и живет в Чехословакии. Дело шло к концу жизни и я решим встретиться с ним. Я обратился к старшему представителю КГБ в ВМФ, изложил ему непосредственно свою просьбу и,

представьте себе, получил разрешение. Вот Вам его номер телефона, попробуйте».

И я попробовал. Позвонил по данному телефону и, к моему удивлению, мне назначили время и место встречи.

Я взял список своих трудов и пошел на встречу. Ко мне вышел довольно приятного вида капитан 1 ранга и побеседовал со мной суховато, но вежливо.

«Зачем Вам Главный Морской Штаб, раз Вы ученый человек – спросил он, посмотрев список моих работ – Как Вы туда попали?» «Ни за чем, – ответил я – глаза бы мои его никогда не видели, если бы не смертельная болезнь отца жены».

Он вник в ситуацию, сказал: «Это меняет дело. Чего же Вы от меня хотите?» «Я хотел бы вернуться в Академию» – ответил я. «Посмотрим, что можно сделать. До свидания». И на этом встреча закончилась. Очевидно, результат встречи был положительным, так как КГБ, как оказалось, не препятствовал в течение последующих нескольких лет моей работе во флоте.

Со своей стороны я провел еще несколько разговоров. Первый – со своим однокашником по Академии Сергеем Сергеевичем Дубинко, который был начальником отдела, ведающего штатными расписаниями. Он сказал: «Все очень вовремя. Мы как раз увеличиваем штат Академии. Какая кафедра тебя интересует?» Подумав, я сказал: «Кафедра управления. Она ближе всего к моему новому уклону – электронно-вычислительным машинам». «Будет два места – ответил Сергей Сергеевич – Но остальное твое дело. Конкретные назначения от нас не зависят». И свое слово он сдержал.

Мой выбор именно кафедры управления, кроме тематики ее работ, определялся еще и тем, что начальником этой кафедры был контр-адмирал Олимпий Иванович Рудаков, с которым мы были очень хорошо знакомы еще по войне и Северному флоту.

Как раз в это время предстояла инспекционная поездка в Академию и я еще в последний раз был включен в группу проверки.

Я пошел на кафедру управления. Оказалось, что Олимпий Иванович Рудаков серьезно болен и меня принял его заме-

ститель контр-адмирал Иван Георгиевич Максименков – бывший командир бригады эсминцев Южно-Балтийского флота, с которым мы были хорошо знакомы по службе на Балтике. «Мы тебя знаем и примем с удовольствием. Но тебя должны назначить сверху. У нас не просто с местами и есть много желающих».

Второй разговор был с начальником Главного Морского Штаба уже многократно упоминаемым в этих записках адмиралом Владимиром Федоровичем Зозулей. Я попросился на прием и был принят.

«Я все знаю – сказал он – Это просто беда какая-то. Который раз я принимаю участие в репрессивных действиях против Вас. Но поверьте, это не моя инициатива. Могу ли я что-нибудь сделать для Вас?» Я сказал ему о своем желании вернуться в Академию на кафедру управления. «Постараюсь Вам помочь – ответил он – Я переговорю с начальником Академии адмиралом Ю.А.Пантелеевым и, в случае его согласия, я попробую подписать приказ, когда за Главкома останется адмирал А.Г.Головко». Оказалось, что Ю.А.Пантелеев ответил так же дипломатично, как и И.Г.Максименко. Он не возражает, но пусть меня назначат сверху.

После этой подготовки приказ о моем переводе в Академию был благополучно подписан адмиралом А.Г.Головко.

Случилось и трагикомическое обстоятельство. К.А. Сталбо решил также мне помочь и с этой целью включил в акт проверки работы Академии фразу о том, что необходимо на кафедре управления усилить исследования и учебную работу по использованию электронно-вычислительных машин, чем вызвал на кафедре порядочный переполох после того, как адмирал Зозуля прочел эту фразу с трибуны.

В МНК меня проводили хорошо, достаточно дружески. Обсуждалось возвращение в Академию, а не произошедшее, по сути, изгнание из ГМШ.

Я до сих пор искренне благодарен всем, кто помог мне в этот тяжелый момент. И этих людей оказалось немало на разных ступенях служебной лестницы. При этом следует иметь

в виду, что все они помогали мне отнюдь не по блату или из родственных побуждений. Думаю, что они положительно оценивали мою работу и хотели смягчить очевидную несправедливость. А может быть некоторые и выражали этой поддержкой свое неодобрение таким поведением властей.

Предстояло решить и квартирный вопрос. В Москве мы жили в очень престижной, но не очень удобной квартире. Тем не менее, мы могли обменять эту квартиру на дворец в Ленинграде. Подобные предложения были. Но Любина мать Вера Львовна ехать с нами в Ленинград не хотела, решила остаться в Москве. Стали искать варианты размена Московской квартиры на две с тем, чтобы одну из них, достающуюся Любе, поменять на Ленинград.

В процессе поиска оказалось, что недалеко от нашей Московской квартиры строится и находится близко к завершению дом Военно-Морского флота. Возникла мысль сдать квартиру на площади Восстания Военно-Морскому флоту в обмен на две квартиры в новом доме: одну для нас, другую для Веры Львовна.

Конечно, качество получаемых квартир было бы несравненно хуже, но все же это были две квартиры и был виден реальный обмен.

Желающих получить престижную квартиру в центре Москвы среди высокого флотского начальства оказалось много. В конце концов, один из претендентов, начальник штаба ВВС ВМФ генерал Хохлов, известный герой налетов нашей авиации на Берлин в 1941 году, добился у Главкома ВМФ разрешения на обмен. Мы получили двухкомнатную квартиру, а Вера Львовна однокомнатную. Однако двухкомнатную квартиру дали на мое имя, поскольку новый дом был флотский.

При этом обмене Вера Львовна поступила очень мудро. Она потребовала документ за подписью Главкома ВМФ, в котором прямо говорилось, что двухкомнатная квартира предназначается для обмена на Ленинград. Этот документ нам очень помог в дальнейшем.

Упомяну здесь сразу, что Вера Львовна в своей однокомнат-

ной квартире практически не жила, а выменяла ее на комнату в квартире, где жили ее ближайшие родственники и друзья, упоминаемая ранее Эсфирь Наумовна Кабалкина и ее муж Самуил Моисеевич Итин. У них получилась, таким образом, отдельная «семейная» квартира.

Теперь мне предстояло дальнейшее решение квартирного вопроса в Ленинграде. В первую очередь я занялся упорядочением жилья для Алика. Он жил в комнате на улице Халтурина, которая формально принадлежала мне, но поскольку мы уехали, а Алик был там прописан, то его не трогали. Однако, поскольку он был уже студент, имел прописку, паспорт и все гражданские права, то удалось эту комнату переписать на него.

После этого мы обменяли ему эту нашу бывшую комнату на хорошую комнату в хорошем доме на Петроградской стороне в районе Дома культуры им. Ленсовета у реки Карповки, кстати при помощи «президента автомобильного клуба» упоминаемого ранее Павла Ивановича Жарова. Плата за комиссию была два литра хорошей водки. Денежные отношения для большинства людей при Советской власти имели второстепенное значение. Важнее денег были хорошие знакомства.

Теперь можно было искать обмен для нас. И я стал искать приличное жилье неподалеку от Академии. Нужно упомянуть, что по тем временам обмен Москвы на Ленинград не был равноценен. В среднем двухкомнатная квартира в Москве была в Ленинграде эквивалентна трехкомнатной. Наша Московская двухкомнатная квартира в самом центре города с прекрасным видом из окон, возле метро котировалась весьма высоко. Описывать весь длительный процесс поиска естественно не имеет смысла. Остановлюсь лишь на двух вариантах. Мой академический учитель контр-адмирал Павлович, который жил на Петроградской стороне у площади Льва Толстого, нашел нам вариант в своем подъезде ниже этажом. Он привел меня к хозяевам и очень мудро сказал: «Вот я вас познакомил, дальше я ничего не знаю и умываю руки». Эта была прекрасная старинная барская четырехкомнатная квартира и мы

первоначально дали согласие на обмен и даже перевезли туда нашу Московскую мебель. Обмен, однако, оттягивался по формальным причинам. Недостатком этой Ленинградской квартиры было то, что она была на 2-ом этаже, а окна выходили в типичный двор-колодец, т.е. в этой квартире никогда не было солнца. Люба беспокоилась, что это вредно для детей и, в конце концов, мы были вынуждены изменить свое решение и отказались от этой квартиры, заплатив 1000 рублей неустойки за хранение мебели. Взамен мы нашли светлую солнечную тихую трехкомнатную квартиру на Кировском проспекте, но несравненно хуже первой. Однако, солнце победило и обмен состоялся. В этой квартире мы живем более 40 лет до настоящего времени.

Перед въездом в эту квартиру мы сделали очень большой ремонт, настлали паркет, провели газ в кухню и ванную, сменили все двери, сделали скрытую электропроводку, словом, от старой квартиры оставили только старые стены.

Мебель наша стояла в это время у наших друзей Нины Валериановны и Игоря Леонидовича и, конечно, стесняла их.

Ремонт производили очень квалифицированные по тем временам мастера, хорошо знающие друг друга. Возглавлял эту бригаду столяр-умелец Али Сергеевич, которого нам рекомендовала Зинаида Алексеевна Дембо, новая жена, упоминаемого ранее профессора Александра Григорьевича Дембо, ученика Мирона Семеновича.

Али Сергеевич был весьма интересный добрый скромный человек, набожный татарин, потрясающий умелец. Все, что выходило из его рук, было не просто хорошо, но отлично. Потом он нам систематически помогал во всех домашних делах. Правда, здесь мы имели, по крайней мере, двух конкурентов: Зинаиду Алексеевну и муллу Санкт-Петербургской Мечети, который стоял в табели о рангах Али Сергеевича значительно выше нас. Он, безусловно, был на первом месте.

Остальные рабочие тоже были большими мастерами-любителями своего дела. Например, они на спор между собой могли несколько раз перекрасить комнату: кто лучше сделает.

Ремонт был сделан по тем временам хорошо. По окончании его мы дали рабочей бригаде «банкет» и остались довольны друг другом.

Чтобы закончить с квартирной эпопеей нужно рассказать еще один эпизод.

Мои «вечные друзья» из политорганов – в данном случае, политотдел Главного морского штаба решили напоследок добавить мне неприятностей, поскольку, по их мнению, я слишком хорошо отделался – вместо демобилизации попал снова в Академию. Поэтому они написали письмо в Политотдел Академии, обвинив меня в том, что я должен был, по их мнению, сдать свою Московскую квартиру, а в Ленинграде встать на очередь за получением новой, что вообще было нереальным. Требование было абсолютно несправедливым, поскольку квартира в Москве была моя только формально, а по существу, принадлежала Любиным родителям. Однако начальник политотдела Академии в ситуацию вникнуть не захотел и сказал, что вызовет меня на парткомиссию.

Чем пахнет такой вызов, я знал лучше, чем кто-либо другой. Поэтому я пошел к начальнику факультета, заместителю начальника Академии вице-адмиралу В.Ф.Котову и показал ему письмо Главкома, в котором мне заранее давалось разрешение на обмен, а не на сдачу квартиры. Прочитав письмо очень внимательно, как всякий документ, и увидев подпись Главкома, мой старый знакомый, бывший и теперешний начальник Василий Федорович сказал мне: «Не волнуйся. Работай спокойно».

Что уж он там сказал начальнику Политотдела я не знаю, но на этом все кончилось и меня никуда не вызывали.

Важнейшим моментом возвращения в Академию было получение допуска к закрытым работам. Это тоже была решающая процедура и я очень беспокоился. Однако все прошло на удивление просто. Дело смотрелось, во всяком случае, на поверхности, буднично. Ведь мой первоначальный допуск оформлялся в Академии до отъезда в Москву и дело хранилось еще там же и сотрудники были знакомыми. На поверх-

ности это было так: я пришел в 1 отдел, попросил справку о допуске у знакомого мне начальника отдела и на другой день получил соответствующий документ.

Это означало, что на тот момент мне разрешается работа в Академии. Как оказалось, это разрешение было действительно только на ближайшее десятилетие. Но тогда я этого еще не знал и был спокоен.

Адмирал А.И. Берг.

В.П. Боголепов.

Адмирал В.Ф. Зозуля.

И.А. Семко.

К.А. Сталбо.

Глава 18. В объединенной Военно-Морской Академии.

Кафедра управления. Новый коллектив. Олимпий Иванович Рудаков. Игорь Александрович Смирнов. Исай Яковлевич Динер и «исследование операций». Учебная работа. Лекции и учебные пособия. Работа с дипломантами. Первый адъюнкт. Научно-исследовательская работа. Учения и игры. Снова семейная трагедия.

Кафедра управления, на которую я попал, структурно представляла собой весьма сложный коллектив. Возглавлял кафедру контр-адмирал Олимпий Иванович Рудаков. У него были два заместителя: контр-адмирал Иван Георгиевич Максименков и капитан 1 ранга Павел Яковлевич Гонорский. Ниже уровнем было несколько групп преподавателей: группа штабной службы, группа информационного обеспечения, группа связи, группа использования ЭВМ, группа организации, мобилизации, оперативной и боевой подготовки и, наконец, группа «Исследования операций».

Ознакомившись с этой сложной организацией, начальник Академии адмирал Пантелеев ядовито сказал: «Это какой-то универсальный магазин» и отделил группы организации, мобилизации, оперативной и боевой подготовки в отдельную кафедру. Это случилось вскоре после моего прихода.

Олимпий Иванович Рудаков. Несколько слов о начальнике кафедры Олимпии Ивановиче Рудакове. Внешне это был былинный богатырь. Достаточно сказать, что, когда он был курсантом военно-морского училища, знаменитый скульптор Манизер именно с него лепил фигуру краснофлотца для известной скульптурной группы на Московской станции метро «Площадь революции».

Богатырская стать Олимпия Ивановича и производимое им впечатление с годами только усиливалось. В наших совместных поездках по Прибалтике, например, она постоянно служила нам верой и правдой. Вот пример. В многочисленных прибалтийских кафе всюду соблюдался строгий политес. Всюду

вывески и устные предупреждения швейцаров: «No Sporting», что означает «Входить только в приличном виде». А мы, естественно, в путешествии все были именно в «sporting».

Но нужно в пути пообедать иногда и в кафе. И вот мы все – команда двух машин идем в кафе в нашем дорожном виде. Впереди Олимпий Иванович. Увидев его величественную фигуру, швейцар замирает по стойке «смирно». «Это со мной» – говорит Олимпий Иванович. И мы все проходим следом за ним. Швейцар опомнился, но уже поздно – дело сделано. Эта особенность Олимпия Ивановича напоминает мне всегда описание царя Александра III, данное в мемуарах знаменитого юриста Кони, который писал: «Оденьте его (царя Александра III) в извозчичью сермягу и поместите в толпу извозчиков, все равно сразу будет видно, что это царь».

Я уверен, что именно поэтому спустя много лет в 1952 году на своей коронации, английская королева Елизавета II выбрала именно Олимпия Ивановича в партнеры для вальса из множества других офицеров, представлявших флоты своих стран.

Олимпий Иванович имел средние способности, был очень добрым и неглупым человеком, хотя и недостаточно решительным.

Я был знаком с Олимпием Ивановичем с самого начала своей флотской службы, с «Гремящего», на котором он был старшим артиллерийским офицером и с этой должности ушел старшим помощником на ЭМ «Сокрушительный». И служил он на соседнем корабле нашего же дивизиона. Более того «Сокрушительный» до своей гибели был парным кораблем «Гремящего», с которым мы больше всего взаимодействовали. Затем после моего возвращения на «Разумный» наша служба проходила рядом, поскольку он сначала был после штрафной роты старшим помощником на «Громком», затем командиром ЭМ «Доблестный», затем старшим помощником на лк «Архангельск» и командиром крейсера «Мурманск», когда я был командиром «Урицкого».

В масштабе Ваенги того времени (ныне Североморска) это

все была одна семья. Даже в отпусках в Сухуми мы бывали вместе.

Мы оба обрадовались новой встрече и все последующие 11 лет очень дружно работали вместе, а иногда и отдыхали в совместных автомобильных поездках. И, хотя я был формально старшим преподавателем, он советовался со мной по всем делам значительно чаще, чем со своими заместителями.

Как заведующий кафедрой он был на своем месте, по мере сил вникал в наши дела и старался быть на уровне новой техники. Сам же тяготел к штабной службе. Большим его достоинством была твердость в поддержании хорошего климата на кафедре и мгновенное пресечение возникающих конфликтов и ненаучных ссор и споров.

В домашней жизни он был тих и находился под влиянием своей жены Валентины, бывшей монтажницы судостроительного завода, где они и познакомились на стройке «Гремящего».

Но Олимпий Иванович все время развивался и рос, кроме того, он обладал внутренней культурой, а Валя в своем развитии за ним следовать не успевала, что вызывало порой различные сложности. Недостатков, мягкости характера мужа она никогда не понимала и вечно пыталась втравить Олимпия Ивановича в разные, в большинстве случаев статусные споры, что ему было абсолютно чуждо и противопоказано. При всем этом они крепко любили друг друга.

К этому следует добавить, что в конце своей жизни Олимпий Иванович серьезно заболел, у него была тяжелейшая болезнь – гипернефрома, по-сути, болезнь неизлечимая. Как раз перед моим приходом на кафедру у него вырезали одну почку и только его богатырская стать позволила ему активно прожить еще 12 лет.

В группе штабной службы были два офицера: капитаны 1 ранга Сергей Федорович Туморин и Виктор Васильевич Митрофанов, одновременно со мной окончившие училище, но Тихоокеанское и почти одновременно – Военно-Морскую Академию. Туморин даже учился в Академии одновременно со мной. Специальность свою они прекрасно знали, но вот с дис-

сертациями дело обстояло неважно и они довольно неспешно защитили кандидатские спустя несколько лет.

Следует упомянуть, кстати, что к моменту моего прихода на кафедру я оказался там единственным «остепененным» преподавателем. Вскоре после моего появления на кафедре ко мне подошел наш адъюнкт капитан второго ранга А.А.Волков и попросил, чтобы я стал его научным руководителем. Такая роль для меня была абсолютно новой и я пошел к своему учителю Николаю Брониславовичу Павловичу посоветоваться. «Берите – сказал он – Это не помешает. Может быть, карты оформит, когда-нибудь, да и статус свой повысите». Так я впервые стал чьим-то научным руководителем.

Потом у меня постоянно были **адъюнкты и аспиранты** и я опишу работу с ними отдельно. Здесь же скажу только, что, если в научной работе я был довольно жестким руководителем и даже «эксплуататором» (правда, не в личном плане), то мое руководство адъюнктами и аспирантами было только «научным» я не умел да и не хотел эксплуатировать их в своих интересах и не позволил себе подписываться совместно с ними ни под одной статьей или докладом по темам их диссертаций, хотя часто мои мозги не в малой степени участвовали в их работах. У меня всегда хватало своих личных работ.

Игорь Александрович Смирнов. Направление использования электронно-вычислительных машин представлял капитан 3 ранга Игорь Александрович Смирнов. Я был с ним ранее немного знаком: когда я работал в научной группе Академии имени А.Н.Крылова и писал книгу по командным пунктам. Игорь Александрович заканчивал Академию и пару раз приходил ко мне консультироваться по своей дипломной работе, которая касалась корабельных боевых информационных постов – БИП’ов. После окончания Академии он и был сразу назначен на кафедру.

«Что Вы будете читать?» – спросил меня Игорь Александрович по моем приходе на кафедру. «Да то же, что и Вы – ответил я – Наверно, хватит работы для двоих». Игорь Александрович несколько удивился, но в целом так и получилось.

Мы с ним дружно поработали 11 лет в Академии и еще 20 лет после нее, на гражданской службе и стали, и остаемся до сих пор хорошими друзьями.

Поскольку я был на несколько лет старше и имел ученую степень, то в нашем тандеме я был как бы головным, но думаю, что скорее не в научном, а в административном смысле.

Мы написали совместно с ним много (во всяком случае, больше десяти) учебных пособий и несчетное количество научных работ. Однако всегда мы дружно и согласованно делили тематику этих работ между собой. И если я возможно смотрел на проблемы несколько шире, то Игорь Александрович отличался значительно большей аккуратностью проработки материалов.

Очень скоро мы поняли, что трудно одновременно преподавать и заниматься научной работой и стали делить нагрузку: в каждом семестре один из нас брал на себя всю нашу общую аудиторную учебную работу, а другой занимался в это время научной работой. В следующем семестре мы менялись. Это давало очень хороший результат.

Года через два Игорь Александрович защитил кандидатскую диссертацию по поиску и получил степень кандидата технических наук.

Игорь Александрович помимо того, что был профессиональным моряком, преподавателем и научным работником, был еще и поэтом, причем тоже не любителем, а профессионалом.

Его стихи, в основном по морской тематике, но и по гражданской тоже, отличались кроме красоты, обязательно глубоким содержанием, наличием мысли. И читал свои стихи он превосходно. Не могу не привести здесь хотя бы одного его стихотворения, чтобы читатели сами могли оценить степень его поэтического мастерства.

Я остался в живых

Я остался в живых
после страшной войны.
В этом нету заслуг,
в этом нет и вины.
Я изведал, как все,
отступленье и бой.
но остался в живых.
как-то само собой.
В сорок пятом году,
под весеннем дождем
я, счастливый, орал,
что я дважды рожден.
Двадцать суток качался
хмельной паровик…
Продолжались дожди
К ним я слишком привык.
Натяну макинтош, и брожу, и дышу,
Захочу – тороплюсь,
захочу – не спешу,
Заверну в тупичок,
развернусь – через мост…
Мне дозволено все,
вплоть до вымокших звезд.
Мне дозволено все
и сегодня и впредь:
Я остался в живых.
Ну, а им – не гореть,
Им уже не дышать.
Им уже не дерзать…
Это трудно понять,
это нужно сказать.
Не другим, а себе,
пусть негромко, но вслух…
Сколько дел бы друзья
дали миру на круг?

Сколько сделать еще
я обязан за них,
чтобы жить, если вдруг
я остался в живых.

Надеюсь, у меня будет в этих записках еще много случаев сказать достаточно добрых слов об Игоре Александровиче.

Исай Яковлевич Динер и «Исследование операций». Следующей видной фигурой на кафедре был руководитель группы «Исследования операций» инженер–полковник доктор технических наук профессор Исай Яковлевич Динер.

Эта группа состояла из него и двух адъюнктов, которые по мере защиты диссертаций получали статус преподавателей.

Группа эта занималась внедрением математических методов в военно-морскую проблематику, что было очень важным и актуальным делом.

Исай Яковлевич перешел к нам на кафедру с факультета оружия, с артиллерийской кафедры. Он был уже в это время сложившимся ученым в основном в области использования теории вероятностей применительно к артиллерии.

Он очень быстро освоил новую (оперативно-тактическую) область приложения математики в целом и теории вероятностей в частности и, безусловно, ему военно-морская оперативно-тактическая наука очень многим обязана.

Обязан, в частности и я в основном пробуждением всегда дремавшей в моей душе любви к математике. Благодаря этому, применение математики к оперативно-тактической проблематике, в частности к управлению стало моим любимым делом в последующей жизни. Более того, как мне представляется, эта любовь как-то передалась моим сыновьям, которые избрали себе в жизни путь математиков – вероятностников.

Возвращаясь к характеристике И.Я.Динера, нельзя не сказать, что кроме математических знаний он обладал весьма вздорным, чтобы не сказать мерзким характером. Ссоры и скандалы сопровождали его постоянно. Не говоря о вечных ссорах со своими адъюнктами на тему: «Кто кого загонит в

гроб» и постоянных скандалов со всеми окружающими, основным мотивом которых было утверждение его приоритета во всем, он умудрялся периодически выводить из себя даже нашего добрейшего Олимпия Ивановича.

Со мной он вел политику «вооруженного нейтралитета» и скандалов не заводил. Правда и я старался поводов не давать. Думаю, что он со своей стороны опасался моего возможного влияния на Олимпия Ивановича и понимал, что мы с Игорем Александровичем имеем на кафедре наибольшую математическую подготовку.

Оглядываясь назад, я прихожу к выводу, что сила Исая Яковлевича была не столько в его больших знаниях, сколько в умении приложить эти знания к совершенно девственной в математическом смысле оперативно-тактической области.

Во всяком случае, мои сыновья все самые сложные с его точки зрения задачи, которые он давал им по моей просьбе, щелкали как орехи, чем вызывали постоянно его удивление.

Дипломанты. Возвращаюсь к учебному процессу. Кроме чтения лекций, проведения игр и семинаров очень много времени занимала работа с дипломантами, недостатка в которых я не испытывал никогда. Поскольку выбор руководителя был делом добровольным и зависел только от слушателей, это было хорошим признаком – повышало статус преподавателя. Но мне было интересно и разрабатывать с помощью дипломантов и адъюнктов новые вопросы, закрывать «дыры» в теории, если попадались способные слушатели. Иногда возникали и сыновья начальников, которые приходили ко мне по совету отцов: так, например, Олимпий Иванович просил взять его старшего сына Юру, заместитель Главкома по кораблестроению адмирал Н.Исаченков велел своему сыну писать диплом у меня, писал у меня диплом и будущий первый заместитель Главкома ВМФ, сын моего «любимого» адмирала Касатонова – Игорь, будущий командующий Черноморским флотом А.М.Калинин и другие.

Иногда мне удавалось сделать интересную тему из комбинации дипломов. Так, например, возникла тема «Корабль

управления» из комбинации дипломов ряда факультетов:

– оперативно-тактические требования к кораблю управления – на нашем факультете;

– тактико-технические данные корабля управления – на кораблестроительном факультете;

– средства связи и радиолокации корабля управления – на радиотехническом факультете.

Результаты были интересными, а иногда мои дипломанты побеждали на конкурсах дипломатов.

Регулярно были дипломанты из стран народной демократии: Болгарии, Польши, ГДР.

Из нескольких дипломов вышли впоследствии и диссертации. Но об этом несколько позже.

Научно-исследовательская работа. Хотя должности наши на кафедре были педагогические, мы назывались преподавателями, но научно-исследовательская работа занимала значительную часть времени и требовала больших интеллектуальных и организационных затрат. Главный Морской штаб постоянно задавал Академии много серьезных тем для исследования и разработки, часто в совершенно новых областях.

Наш начальник Академии адмирал Юлий Александрович Пантелеев со свойственным ему юмором описывал эту ситуацию так: «Не знаю, кто в Академии читает лекции. Точно знаю, что не уборщицы, но уж, конечно, не преподаватели – они все заняты научно-исследовательской работой».

Поскольку моим направлением на кафедре было «Использование электронно-вычислительных машин», то, естественно, и вся научная проблематика в этой области направлялась ко мне (и к Игорю Александровичу тоже). В связи с этим мне пришлось тесно взаимодействовать, во-первых, с академическим вычислительным центром (ВЦ) и, во-вторых, с соответствующим научно-исследовательским институтом ВМФ.

Академический вычислительный центр (ВЦ) хотя и был создан недавно, но бурно развивался. Все время поступали новые, все более совершенные ЭВМ, осваивались новые языки, трансляторы, операционные системы.

Начальником академического вычислительного центра был мой старый знакомый и сослуживец по работе в научной группе Академии им.Крылова – Генрих Артурович Лепин-Дмитрюков. Как правило, мы работали совместно с сотрудниками ВЦ следующим образом:

преподаватель кафедры ставил задачу, давал ее математическое описание и разрабатывал алгоритм решения. После этого подключался программист, составлял и отлаживал машинную программу, в первое время в машинных кодах, позже в терминах алгоритмических языков. В процессе программирования порой приходилось корректировать алгоритм, а иногда и постановку задачи. Возникал тандем, состоящий из преподавателя и программиста, который совместно достигал поставленной цели.

Этот тандем, как правило, сотрудничал систематически, переходя из одной задачи к другой. С самого начала моего сотрудничества с ВЦ ко мне была прикреплена одна из лучших программисток Академии **Элеонора Александровна Мальц**. Ее работа очень часто выходила за пределы собственно программирования, она глубоко вникала в существо задач и часто вносила коррективы в алгоритмы и даже в постановку задачи. Однако она имела очень слабое здоровье и часто болела. Наше сотрудничество в целом было весьма продуктивно. Кроме заданных свыше научных работ, а точнее около их тематики мы написали вместе много статей, выпустили книгу в издательстве Советское Радио. Иногда мы выступали как соавторы, иногда делили общие научные результаты и выступали в этом случае как индивидуальные авторы. В итоге Элеонора Александровна защитили под моим руководством одну из первых на ВЦ кандидатских диссертаций.

Поскольку это была в течение долгого времени «моя» программистка, то, естественно, кроме научных работ, она программировала и для большинства учебных задач по мере их появления.

При возникновении масштабных задач Главный штаб обычно создавал коллектив, в который входила Академия, как

правило, в качестве головного исполнителя, и ряд научных учреждений, в качестве соисполнителей. Академия в свою очередь назначала головную кафедру и кафедры соисполнители. На головной кафедре назначался ответственный исполнитель темы, который и вел, а фактически руководил работой созданного таким образом коллектива участников из разных организаций. Естественно, что подобная схема не была оригинальной, а обычной и для гражданских организаций при разработке сугубо мирных крупных тем. Однако всегда возникал довольно большой и разнородный коллектив, который нужно было сплотить, объединить и добиться слаженной и эффективной работы.

Поскольку к этому времени я имел уже довольно большой организационный и исследовательский опыт и достаточный круг контактов, роль такого ответственного исполнителя больших комплексных работ, естественно, по работам нашего профиля, обычно выпадала мне.

В процессе выполнения этих работ мне пришлось больше всего контактировать с соответствующим профильным институтом, руководил которым, как я уже упомянул, мой училищный товарищ и друг, ставший к этому времени контр-адмиралом, Иван Анисимович Семко.

Одним из первых встретил я в этом институте своего бывшего командира и давнего знакомого Николая Ивановича Никольского, который был там заместителем начальника института и ведал оперативно-тактической тематикой.

За прошедшие годы с нашей последней встречи в 1948 году он, как всегда, сначала вырос и стал начальником штаба Черноморской эскадры, потом очутился в виновных при гибели линкора «Новороссийск», хотя он, кажется, был единственным человеком, который реально пытался спасти корабль. Но был в очередной раз понижен в звании и отправлен на Камчатку командиром бригады миноносцев. Эту бригаду как раз предлагали мне в 1956 году.

Встретил он меня довольно приветливо, но осторожно – по его мнению, мы были сейчас конкурентами – «пахали» одно

поле. Было два случая определенного недовольства, вернее ревности: когда я опубликовал первую статью «Об исследовании операций» в «Морском сборнике»; второй, когда вышла моя книга «Кибернетика в Военно-Морской Флоте», о которой я упоминал выше. Второй случай правда скорее был приступом досады. Однако к этому моменту его очередная опала уже подходила к концу, вскоре он перешел в академию Генерального штаба, стал снова контр-адмиралом и дослужил там до отставки.

Однажды ко мне на кафедру пришел за советом контр-адмирал **Виктор Степанович Бабий.** Он был назначен в этот институт начальником отдела «Исследования операций» после ухода Н.И.Никольского. Это было для Виктора Степановича понижением, наказанием. До этого он был командиром Дивизии крейсеров на Севере. В его дивизии столкнулись два корабля.

Виктор Степанович Бабий был моим знакомым с давних пор, с войны, когда он был артиллеристом на эсминце «Достойный». Мы вместе участвовали в шлюпочных гонках и вообще много чего делали вместе.

Когда его после столкновения кораблей сняли с должности, он, пребывая в состоянии полной неопределенности, заперся дома, ожидая наказания, и никого не хотел видеть. В это время я приехал в Североморск в командировку и оказался человеком из внешнего мира, удобным партнером, кому можно высказать все тревоги, переполнявшие его.

Мы провели вместе несколько вечеров в «душевных» разговорах, что снова сблизило нас. В результате переживаний Виктор Степанович заболел сердцем, не мог больше плавать, и был назначен начальником отдела в упомянутом институте.

Конечно, я ему помог, снабдил литературой, ввел в курс дела, дал все кафедральные материалы и помогал, как мог, и в дальнейшем. Ему это было очень важно, поскольку наша кафедра через группу И.Я. Динера была самым информированным источником материалов по исследованию операций в военно-морском флоте.

Таким образом, по совокупности обстоятельств я завязал с этим институтом тесные связи, был введен в его научно-технический совет и, в свою очередь, постоянно подпитывался новостями из области электронно-вычислительной техники. Причем мои контакты в этом институте имели место на самых разных уровнях, начиная с директора института и кончая молодыми лейтенантами – исполнителями конкретных тем.

На учениях и играх. По-прежнему довольно много приходилось мне принимать участие в различных учениях и играх. Их было довольно много и нет необходимости описывать их все, да и не обо всем можно писать в этих заметках

Остановлюсь на двух из них, представляющих определенный интерес в смысле содержания моих записок.

Первое из упомянутых учений было на Дальнем Востоке. Это было большое комбинированное учение нескольких видов Вооруженных сил: армии, флота и авиации. Группа офицеров Академии, в которую был включен и я, представляла собой штаб «синих». Командовал флотом «синих» неоднократно упоминаемый выше адмирал Н.М.Харламов, который, как всегда, был весь «в высших сферах».

Начальником штаба нашей группы флота «синих» был соответственно занимаемой должности начальник одной из кафедр Академии контр-адмирал Виктор Ильич Соловьев – весьма амбициозный и знающий человек.

На меня были возложены все вопросы, касающиеся использования электроники. Кое-что я знал, конечно, но естественно далеко не все.

Когда я узнал о своих будущих функциях, то был обеспокоен, смогу ли я выполнить все достаточно компетентно. И мне пришла в голову спасительная идея – использовать отчетные материалы оперативно-стратегической игры, которая незадолго до этого проходила в Академии и в которой я, естественно, то же участвовал. Я заказал соответствующий том отчетных материалов и включил его в походную библиотеку. Теперь я оказался вооружен опытом целого коллектива и в целом успешно справился со своей задачей. Учение проходи-

ло в разгар холодной войны, отрезвление от «ядерной зимы» еще не наступило ни у нас, ни у американцев и стороны «разбрасывали» атомные удары направо и налево. Слава богу только на бумаге.

Масштаб учений был велик. Сперва наш походный штаб располагался в Саратове, затем в Новосибирске, затем в Хабаровске и Владивостоке. Везде мы располагались за городом в специальных помещениях, на полном обслуживании. Особенно хорошо, удобно было в Хабаровске, где нам выделили закрытый на время корпус дома отдыха на крутом берегу Амура. В свободное время любовались его чудесными видами.

Разбор флотской части учений проходил во Владивостоке и проводил его первый зам.Главкома ВМФ адмирал В.А.Касатонов. После разбора был показ новой техники с весьма ограниченным допуском. Воспользовавшись дружеским расположением В.А.Касатонова, я получил разрешение на посещение этой выставки для всей группы офицеров Академии.

Во Владивостоке я к радости встретился со своими училищными друзьями Юрой Ивановым, который стал к этому времени командиром дивизии атомных подводных лодок, и Игорем Лисовским, который стал начальником управления вооружения флота. Повидал и некоторых других однокашников: Гришу Исая и Лешу Гонтаева, что тоже было очень приятно.

Второе учение, которое было интересным и новым для меня, было большое армейское учение, проходящее на Украине. Попал я туда для испытания новых форм документов управления, в разработке которых наша кафедра принимала участие.

Это армейское учение поразило меня своим масштабом. Целые поезда, заполненные штабами и посредниками, запросто передвигались по республике.

Я получил удовлетворение оттого, что уровень Флота оказался, мягко говоря, не ниже армейского, а попросту мы были на более высоком уровне. А поскольку Армия наша котировалась тогда высоко, то и с нами все было в порядке.

В ходе этих учений я познакомился с посредниками из других родов войск – авиации и сухопутных войск. В основном это были, как и я, преподаватели соответствующих академий. Знакомство с ними продолжалось и в последствии.

Встреча школьных друзей. Поскольку учение проходило на Украине, я побывал в Киеве и повидал школьных друзей. Учения совпали по времени с первой встречей – двадцатипятилетием нашего школьного выпуска. За эти годы я виделся только с некоторыми товарищами из своей компании, а тут съехались практически все, кроме погибших на войне. Нашему выпуску относительно «повезло» – ведь наши «мальчики», в основном, как и я, заканчивали к 1941 году институты и в войну вступили офицерами, а не рядовыми. Поэтому война выбила не всех, а лишь 40-50%. Это очень «мало» по меркам той страшной войны.

Например, в выпуске моей сестры Юдифь Львовны, которая в 1941 году заканчивала десять классов и товарищи которой вступали в войну рядовыми, погибли практически все.

Я оказался плохо подготовленным к встрече, прошло 25 лет и я не всех однокашников узнал. Но эта промашка была допущена в первый и последний раз.

К последующим подобным встречам, которые, кстати сказать, стали проходить регулярно раз в 5 лет, я уже бывал подготовлен. А подготовка-то, как оказалась, много не требовала – просто нужно было перед встречей внимательно просмотреть список и старые фотографии класса и представить в воображении каждого человека.

Встречи наши происходили регулярно раз в 5 лет вплоть до 2003 года и я к ним еще вернусь.

Гибель Алика. Летом 1963 года нас постигла тяжелая, невосполнимая утрата – безвременно погиб мой старший сын Алик. Он утонул во время сплава по порожистой реке Гонам в глухой сибирской тайге. Я уже писал ранее, что он со школьных времен пристрастился к туристским походам; каждое лето участвовал в них, сначала под руководством учителя, а, будучи в институте, уже в составе студенческой группы. Учился он

очень хорошо, причем увлекался математикой и хотел даже перейти на матмех Ленинградского университета.

В то злосчастное лето они в составе небольшой группы из трех человек решили совершить туристский поход в Восточную Сибирь. Добрались до Иркутска и подрядились участвовать рабочими в геологической группе. Там, в глухой тайге во время сплава по порожистой реке Гонам на одном из порогов их лодка ударилась о камни и перевернулась. При этом два человека, в том числе Алик и еще одна девушка – Ира Пушкина утонули. Я думаю, что Алик при этом ударился о камни и потерял сознание. Иначе он должен был бы выплыть, т.к. довольно прилично плавал – много лет ходил в бассейн и имел уже 2-ой разряд по плаванию.

Узнал я об этом от декана Политехнического института, куда меня вызвали. В институт же пришла телеграмма из Якутского районного центра Чульмана.

Это известие потрясло нашу семью. В тот же день я позвонил по телефону в этот небольшой райцентр, о котором, естественно, ни я, ни кто из известных мне людей не слышал раньше, поговорил с секретарем райкома и договорился о том, что прилечу на поиски.

При этом разговоре с междугородной телефонной станции присутствовала вся студенческая группа Алика, не знаю уж как узнавшая о времени разговора. Может быть потому, что это время было установлено заранее, в те времена нельзя еще было звонить далеко в любой момент.

На другой день я уже летел в Якутск, а оттуда на грузовике по Якутскому тракту добрался в Чульман, где меня встретил начальник местных геологов, который, как я понял впоследствии, был местным экономическим «хозяином».

Принял он меня весьма участливо, отрядил из своих людей группу поиска в составе двух старожилов-охотников и одного радиста для связи, выделил специальное обмундирование и вертолет, поскольку от Чульмана до места катастрофы было около 400 км глухой тайги. Вечером я был приглашен на дом к секретарю райкома. Он и его жена проявили ко мне большое

внимание и соболезновали, как могли.

На другой день на рассвете мы вылетели к месту катастрофы, где нашли перевернутую резиновую лодку и кучу вещей, среди которых я узнал туристский свитер Алика, который ему специально связали для походов, и наш фотоаппарат «Лейку».

Решили организовать поиск следующим образом. По реке Гонам сплавиться вниз до впадения в реку Сутам и дальше в Алдан – приток Лены. Два человека должны были сплавляться вниз по реке в небольшой резиновой лодке, а два других идти пешком по обеим берегам рек и осматривать побережье. Мне предложили идти в лодке, так как двое местных старожилов плохо плавали и опасались реки.

В течение недели мы двигались вниз по рекам, преодолевая пороги, порой весьма тяжелые. На третий день к нам присоединилась еще одна группа поиска из студентов – товарищей Алика, которым тоже удалось вылететь к месту трагедии.

Так вместе мы осмотрели все побережье рек Гонам и Сутам вплоть до впадения последней в реку Алдан. Дальше искать было бессмысленно – мы не могли, естественно, нашими силами обыскать пойму такой большой реки на многие сотни километров до ее впадения в Лену.

Как ни горько было, но поиски пришлось прекратить. Мы прожили в месте впадения реки Сутам в Алдан еще десять дней до прилета вертолета, питаясь рыбой, вылавливаемой умельцами из нашей партии. Рыбины были гигантские – таймени в рост человека.

В Чульмане мне пообещали еще раз осмотреть побережье весной после ледохода.

Поблагодарив местные власти и товарищей по поиску, я вылетел через Красноярск в Ленинград.

После некоторого раздумья мы с Любой решили установить памятный знак – фотографию Алика и погибшей вместе с ним Иры Пушкиной у могилы семьи Пушкиных на Ленинградском Красненьком кладбище, т.к. «своих» могил в Ленинграде у нас еще не было.

С тех пор дважды в год 13 июня в день рождения Алика и 31

августа в день его трагической гибели мы всей семьей ходим на эту могилу и поминаем их безвременную кончину.

В это время выходила из печати моя книга «Эскадренные миноносцы» и я посвятил ее памяти Алика. Не могу не отдать дань уважения товарищам Алика, близко принявшим к сердцу его трагическую гибель. До сих пор близкая подруга Алика – Лиля Бондаренко и подруга Иры Ляля Шелехина ежегодно приходят в эти дни к нам помянуть Алика. Вместе с нами участвовала в этих поминках и мать Иры – Надежда Семеновна Пушкина. К сожалению, в этом году она скончалась в возрасте 93 лет. Лиля же стала за эти годы очень близким нам человеком.

Тяжело терять детей. Когда дети провожают родителей это тяжело, но все-таки, естественно. Но когда родителям приходится терять детей, это противоестественно и тяжело вдвойне. В моем же случае тяжести добавляет еще и то обстоятельство, что я по-существу забрал Алика от матери и вот не уберег. Может быть, останься он у нее, то был бы жив.

Хотя умом я понимал, что очевидно в то тяжелое советское время поступил правильно, но все же… Эти тяжелые думы не дают мне покоя до сих пор, по прошествии более чем сорока лет.

До сих пор, когда кто-нибудь из моих внуков собирается в туристический поход, сердце начинает тревожно биться в моей груди и я пытаюсь умерить их пыл, хотя понимаю, что это почти бесполезно.

Однако жизнь продолжалась и как ни трудно было возвращаться к работе после этих переживаний, это было неизбежно.

Ю.А. Пантелеев.

А.Л. Лифшиц, 1965г.

Г.А. и А.Б. Тейшерские
Владивосток, 1957г.

Наши дети: Алик,
Боря и Миша, 1959 г.

И.А. Смирнов.

И.А. Сысоев.

Коллектив кафедры Управления силами Академии.
Слева направо: первый ряд: С.Ф. Туморин, Я.Ф. Васильев, О.И. Рудаков, И.Я. Динер, И.Г. Максименков, В.В. Митрофанов; второй ряд: Л.А. Кучеренко, И.А. Смирнов, В.И. Соловьев, В.А. Юровский, М.Б. Лебединский, А.Л. Лифшиц; третий ряд: М.Д. Казенный, А.Г. Киклевич, А.А. Волков, П.Е. Ивченко, Н.С. Волгин.

Выпуск группы слушателей. Первый ряд, слева направо: И.А. Смирнов, Г.А. Лепин-Дмитрюков, Д.Л. Кутай, О.И. Рудаков, А.Л. Лифшиц, В.А. Юровский.

Э.А. Мальц (Лора)

Глава 19. Докторская диссертация.

Математическая подготовка. Выбор темы. Основные идеи работы. Выбор методов. Сомнения «метров». Создание математического «скелета» и апробация. Военные одежды диссертации. На конференциях и симпозиумах. Сопутствующие публикации. На защите. Шуточное послесловие.

Со времени защиты кандидатской диссертации прошло около 5 лет. В общем, эти годы в научном плане не прошли впустую и я стал подумывать о докторской диссертации.

Главные размышления в первое время, причем не очень короткое, я потратил на выбор темы и направления работ. Хотелось, чтобы работа не находилась на каком-либо боковом ответвлении деятельности флота, а, подобно моей кандидатской диссертации, жила бы и приносила пользу флоту достаточно долгое время и после защиты, даже независимо от меня. С другой стороны касалась бы деятельности кафедры, на которой я работал. И, наконец, ведь это докторская диссертация, она должна была быть действительно научной работой и лежать на твердом математическом фундаменте.

Вообще мысли о необходимости укрепить свою математическую подготовку посещали меня давно. Хотя я и имел весьма твердый фундамент школьной математики благодаря трудам светлой памяти Бориса Соломоновича, однако в области высшей математики имел за плечами только курс аналитической геометрии и начала анализа. Теперь же мне требовалась, главным образом, другая – дискретная математика: линейное программирование, теория игр, математическая логика, теория вероятностей, математическая статистика и многие другие разделы. Однако условия для повышения моих математических знаний по настоящему возникли только с последним приходом в Академию и возросшей ролью методов исследования операций.

Воспользовавшись тем, что более глубокое овладение математическими знаниями были не только моей частной про-

блемой, мне удалось организовать факультативный курс математики для преподавателей и сотрудников Академии. Занятия вели в основном преподаватели академической кафедры высшей математики, которым эти занятия засчитывались в учебную нагрузку, и приглашаемые специалисты со стороны.

Этот курс существовал длительное время, пополняясь все новыми и новыми темами. Нужно сказать, что не все просто было с его организацией. Так, например, на первое же занятие пришел уже известный читателю контр-адмирал Владимир Сергеевич Сысоев, который теперь заведовал в Академии кафедрой тактики надводных кораблей. Он все прилежно конспектировал. Но после занятий он вызвал меня и настойчиво предложил эту затею прекратить. «Ты что не понимаешь разве, что теперь нас всех, кто твоей математики не знает, посадят на лопату и выбросят вон из Академии». Таков был его главный довод. Но я не поддался и занятия продолжались.

Кроме академических преподавателей я приглашал для освещения важных тем и специалистов со стороны в основном из Академии наук.

Так занятия по теории игр, например, проводил профессор Николай Николаевич Воробьев, который настолько любил свой предмет, что рисовал схему классификации всех наук так, что во главе всех наук была теория игр, а вся высшая математика была лишь ее боковым ответвлением.

Возвращаюсь к выбору темы докторской работы. По зрелому размышлению я выбрал темой работы «Проектирование и оптимизацию систем управления». Во-первых, эта тема полностью совпадала с проблематикой работы нашей кафедры управления, более того она далеко выходила за узко профессиональную военно-морскую и в целом военную проблематику, наконец, она включала в себя и тематику моей кандидатской диссертации. И, естественно, она давала хорошую возможность приложения различных математических методов.

Хотя я готовил и писал работу около четырех лет, **но математическое существо диссертации** укладывается в три главных идеи:

– система управления состоит из взаимосвязанных элементов, а каждый элемент описывается схемой статистической модели массового обслуживания;

– взаимосвязь элементов описывается с помощью матричной алгебры;

– для оптимизации построения и работы системы используются методы статистической оптимизации и динамического программирования.

Реализация этих трех мыслей стоила мне четырех лет непрерывной работы, попутного написания около двадцати открытых и закрытых статей и стольких же выступлений на открытых и закрытых научных конференциях, защиты трех кандидатских диссертаций моими учениками и, наконец, издания открытой книги в издательстве «Советское Радио».

Но обо всем по-порядку.

Не все, однако, было так просто с утверждением моих идей. «Главный математик» нашего факультета профессор Исай Яковлевич Динер, например, не любил **метод статистических испытаний** (Монте-Карло). Он с гневом называл его «методом нищих». Но этот метод мог описать любую схему. Он был универсален и давал результаты там, где другие методы были бессильны или требовали больших допущений и приближений. И поэтому я напомнил ему, как относился Л.Н.Толстой к обвинению французов в том, что русские воюют не по правилам, имея в виду партизанское движение в Отечественной войне 1812 года. Я привел ему отрывок из «Войны и мира» Л.Н.Толстого, который писал, что «счастлив тот народ, который в трудный час берет в руки дубину и гвоздит ею до тех пор, пока последний неприятельский солдат не покинет пределы его родной земли».

После этого своих сомнений И.Я.Динер больше не высказывал и я мог работать дальше.

Естественно я был не одинок в своем «уважении» к методу Монте-Карло. Здесь не место научной полемике, упомяну лишь подобно незабвенному «старшему в производстве» П.И.Черницкому, что и у меня был «свой Академик» – Николай

Пантелеймонович Бусленко, автор основополагающих работ по методу статистических испытаний.

В процессе описания функционирования разнообразных элементов системы управления у меня постепенно вырисовывалась и стройная **система статистического описания систем массового обслуживания**, что было не малым самостоятельным научным результатом.

Однако метод статистических испытаний требует знания конкретной статистики – законов распределения случайных величин для каждой конкретной системы управления и каждого ее элемента.

И здесь я воспользовался своими связями в Главном штабе, обратился к начальнику соответствующего управления, объяснил ему важность и практическую пользу дела и в результате из преподавателей нашей кафедры были созданы специальные группы для снятия статистических данных на учениях флотов.

Полученные статистические данные были нами обработаны и выявлены законы распределения случайных величин, необходимые нам для теоретических исследований. Этим моя работа, как и ряд других, превращала чисто теоретические исследования в реальные практически применимые методы расчета.

Правда, я хотя и был организатором идеи о снятии статистики на учениях, но с началом учений был от снятия статистики отстранен и переведен заместителем старшего посредника при командующем флотом – адмирала Кучерова.

Игорь Александрович Смирнов был очень сердит и обвинял меня в уклонении от «черновой работы». Хотя видит бог, что я не от чего не уклонялся, а просто организаторы учения знали меня лучше других академических преподавателей по моей работе в Главном Штабе, вот и выдернули.

Не могу не сказать несколько слов об **адмирале С. Г. Кучерове**, который возглавлял группу посредников. Он все время учил нас жизни. Вот пример.

В ходе учения скопилось много обрывков бумаги с разными

заметками. Кучеров и говорит: «Все это нужно тщательно уничтожить. Можно, конечно, отдать писарю, чтобы он уничтожил. Но ведь он может и донести в КГБ. И что тогда нам краснеть и объясняться. Нет, сами, сами вместе со мной, пожалуйста, в туалет и все уничтожим, лично сами».

В перерыве учения рассказывает он случай из своей жизни. «Работал я заместителем начальника Главного Морского Штаба и случилось в моей семье несчастье – умерла моя теща. Нужно хоронить и хотелось бы на удобном кладбище. Мне подсказывают, что один из офицеров Северного флота, где я служил раньше, является теперь в Москве начальником всех учреждений по ритуальным услугам. Звоню ему и излагаю свою просьбу. «Нет проблем, похороним в лучшем виде» – ответил он и, действительно, просьбу мою выполнил.

Проходит месяц, как он звонит ко мне и просит устроить своего племянника в Училище Фрунзе. Видно я поморщился от этой просьбы, словом, не сразу ответил. «Вы не беспокойтесь, я Вам еще неоднократно пригожусь» – слышу я вдогонку к просьбе. Я чертыхнулся про себя от такого обещания, но племянника все же устроил, вот так».

Возвращаюсь к диссертации. После того как у меня появились обработанные данные статистики, нужно было решить **проблему оптимизации системы.** Сложность было в том, что целевая функция – эффективность функционирования системы управления – определялась методом статистических испытаний, т.е. не описывалась функцией в явном виде, а давала в каждой реализации лишь численный результат. Поэтому известные, по крайней мере, мне методы оптимизации в общем случае не могли быть применены. Удавалось лишь найти частное решение в том случае, если система элементов могла быть описана Марковскими цепями. Такое решение я нашел, но его частный характер меня не устраивал.

Стал искать общее решение задачи оптимизации наших функций, заданных статистически. Нашел в журнале схожую статью Каунасского специалиста И. Моцкуса из института математики АН Литвы. Решил посоветоваться с ним. Сел в

автомобиль, поехал в Каунас. Встретил он меня хорошо, но оказалось, что он занимается схожей, но все же другой проблемой – многоэкстремальными функциями. Советует мне познакомиться с работами профессора Л.А. Расстригина из Рижского института Вычислительной техники Латвийской АН. Он точно занимается оптимизацией, случайным поиском. Еду в Ригу и вызываю Элеонору Александровну.

Приезжаем в Ригу, знакомимся с Леонардом Андреевичем Расстригиным и его женой Элеонорой Федоровной. Очень милые люди. И метод оптимизации – «случайный поиск» мне нравится своей универсальностью и разнообразием вариантов. Решаем его глубоко изучить «Не забудьте познакомиться – говорит Л.А.Расстригин – с Ленинградским ученым- доцентом В. В. Шкварцовым из Военно-Морской Академии, он разработал систему коэффициентов, уточняющих результаты».

Мы с Элеонорой Александровной долго смеемся, Шкварцова мы прекрасно знаем, он работает этажом ниже нас.

Однако Л.А. Растригин использовал «случайный поиск» для оптимизации функций, заданных аналитически. Провидим целую серию испытаний на модельных функциях, которые можно задавать и аналитически и статистически. Результат положительный и сходимость доказана. Таким образом, моя третья задача оптимизации функций, заданных статистически, решена. Это уже вторая задача из области математики после создания системы взаимосвязанных статистических моделей массового обслуживания, которая решена в ходе работы над диссертацией, и я доволен.

Хотелось проверить свои идеи еще и еще раз. В это время на преддипломную практику в Академию присылают студентов с матмеха ЛГУ. Я решил взять трех дипломантов, чтобы еще раз проверить три основных математических проблемы диссертации. Двух дипломантов беру себе, одного – Элеоноре Александровне.

Зная, что это все-таки матмех ЛГУ особое внимание обращаю на теоретические математические «подпорки» темы, на математические доказательства. Перед защитой одна дипло-

мантка приходит в слезах – заведующий кафедрой вычислительной математики известный профессор Гавурин метода не признает и диплом под угрозой. Действительно, профессор Гавурин звонит мне и выражает сомнение в «чистоте» и результативности метода.

Тогда я вспомнил, как я в молодости стал чемпионом Северного флота по шахматам, притворившись новичком. Решил использовать тот же прием. Приехал в университет к Гавурину и говорю: «Я, конечно, практик, а не университетский специалист, но вот одна идея построена на теории знаменитого голландского статистика Ван Дер Вардена, книга такая-то страница такая-то (и раскрываю книгу), вторая академика А.Н.Колмогорова, книга такая-то страница такая-то, третья итальянского ученого Паретто и т.д. В заключение говорю, что готов решить своим методом пример, который составит мне Гавурин.

Почтенный профессор, конечно, к такому спору не готов, отступает, просит прощения, дипломантка получает пятерку и этот подводный камень пройден без повреждений. Наоборот, он придает мне устойчивости.

Теперь осталось «одеть» систему в военные одежды, персонифицировать в военном смысле каждый модуль и создать численный военно-морской пример.

Здесь нужно было преодолеть тоже много трудностей. Ведь каждый модуль, кроме динамики работы, имел и свою специфическую военно-морскую содержательную часть, его функционирование нужно было положить на математическую основу, что требовало достаточно много специфических знаний, консультаций с тонкими специалистами. И все требовало тщательной проверки. На это ушел еще год.

Публикации и конференции. В течение этих лет работы над диссертацией пришлось обратить большое внимание на публикации идей, составляющих работу, и выступления на соответствующих конференциях.

Эти конференции и публикации можно разделить на две группы: открытые и закрытые. Естественно, что открытые

публикации и выступления касались математических основ диссертации. Здесь нужно отметить две диссертации моих учеников, выполненные по частным идеям моей работы: Элеоноры Александровны Мальц и В.Калинникова. Кроме того, я регулярно участвовал в научных конференциях по случайному (статистическому) поиску, которые систематически организовывал Леонард Андреевич Расстригин. Эти конференции проходили в самых экзотических местах: Прибалтике, Ереване, Ташкенте и т.д. Наконец Институт Кибернетики Академии Наук Грузии проводил систематические конференции по теории систем, на которых я также апробировал свои идеи. Эти конференции были интересны не только в научном смысле.

Например, в Тбилиси я неоднократно бывал в гостях у директора **Института Кибернетики Грузии** академика Владимира Валерьяновича Чавчанидзе. Приемы были по-грузински пышными и своеобразными.

Но больше всего в них меня поразило то обстоятельство, что колорит и обычаи этих приемов были одинаковы, что у академика Чавчанидзе, что и у моего друга шофера Гоги Майсурадзе. Только проблематика тостов и разговоров отличались друг от друга.

Когда Расстригинская конференция по методам случайного поиска проходила в Ташкенте, мой доклад на конференции в Институте Кибернетики Узбекской Академии Наук встретил неожиданный интерес у местных ученых. Они попросили меня сделать расчет оптимального числа железнодорожных путей в их главных городах Ташкенте и Бухаре, что я с удовольствием сделал. После этого они обещали возить меня бесплатно по железным дорогам Узбекистана.

Ленинградские участники из Морской Академии воспользовались этим и посетили Самарканд и Бухару. Первое посещение Самарканда произвело на меня сильное впечатление: от красоты Регистана и Гур-Эмира так и веяло древностью и национальной экзотикой. В Самарканде нас угостили пловом, приготовленном местными аспирантами, и дынями. Среднеазиатские базары, увиденные мною впервые, производили

тоже свое немалое впечатление.

Вообще, возможно от украинского детства, я люблю базары с их шумом и весельем, похвальбой продавцов и необходимостью и полной уместностью веселого торга. И всегда будь то на Украине, в Грузии или в городах Средней Азии я не пропускал возможности походить по рядам, пошутить и поторговаться с продавцами. Базар, по крайней мере, раньше, многое раскрывал в обычаях и душе народа.

Итоговой, хотя и сильно сжатой, публикацией открытой части диссертации была статья в научном профильном журнале АН СССР «Техническая кибернетика», которую рекомендовал к публикации академик Николай Пантелеймонович Бусленко.

Побочным, но относительно полным описанием математической сущности работы явилась **книга «Статистическое моделирование систем массового обслуживания»,** изданная мною в соавторстве с Элеонорой Александровной, обеспечивающей на протяжении всего времени программирование и проверку всех моделей.

Параллельно или с некоторым отставанием по времени в соответствии с продвижением работы мне пришлось участвовать в ряде закрытых конференций по соответствующей тематике и публиковать статьи, освещающие суть работы в закрытых журналах и бюллетенях. Кроме того, я сделал доклады по теме на всех четырех наших флотах в порядке офицерской учебы. Естественно, это отдельная тема не для этих записок. Скажу только, что на одной из таких, но более специализированной конференции в Академии Связи, где мне пришлось делать один из основных докладов, я почувствовал, что работа созрела и начал готовиться к тому, чтобы подать диссертацию в Совет Академии для защиты.

Моими оппонентами были вице-адмирал доктор военно-морских наук профессор, заведующий кафедрой оперативного искусства Академии Виктор Сергеевич Лисютин, старший преподаватель кафедры Академии Генерального штаба доктор военных наук профессор полковник Григорий Петрович Лаврик и начальник отдела соответствующего института док-

тор технических наук капитан 1 ранга Георгий Александрович Яхонтов. Ведущей организацией – тот же институт Военно-Морского флота.

Подал я работу и стал ждать очереди на защиту. Ждать нужно было примерно полгода. Но мне помог случай. Нашу Академию приехала проверять инспекция Министра Обороны. И она хотела проверить все направления работы, в том числе и защиту докторской диссертации. И академическое начальство решило, что моя диссертация наиболее надежна из всех представленных в Совет. Таким образом, я был «выставлен» не только перед ученым Советом, но и перед инспекционными генералами и адмиралами. Защита прошла успешно – ни одного черного шара. Хотя работа была неплохой и мне нечего стыдиться, думаю, что не будь инспекции, пару черных шаров я по разным причинам получил бы.

Естественно по обычаю был банкет, но дома, т.к. в этот период было очередное гонение «на выпивку» и рисковать было ни к чему.

Не обошлось и без ложки дегтя. По невезению час моей защиты совпал с часом моей учебной лекции. Я, конечно, предварительно поменялся с одним преподавателем, но он забыл и на лекцию сильно опоздал. На другой день меня вызвал начальник факультета вице-адмирал Поликарпов и стал попрекать, не взирая на предыдущий день.

Работа очень быстро прошла экспертный Совет в МНК, что понятно, т.к. я сам был раньше в течение двух лет его членом и все меня там хорошо знали. Но также быстро она прошла и пленум Высшей Аттестационной комиссии, что, естественно, меня порадовало. К осени я уже был дипломированным доктором наук и был включен членом в факультетский и пленарный Советы Академии.

В завершении темы приведу стихотворение Игоря Александровича Смирнова, прочитанное на банкете после защиты и описывающее в шуточном виде мою работу по подготовке диссертации.

Портрет мэтра

Анатолий Львович Лифшиц,
Положительный товарищ.
Всем достаточно известный
И сидящий среди нас,
Шел однажды рано утром
По широкому проспекту,
Направляясь на работу,
Как всегда, не торопясь.

Мимо ехали трамваи,
Мчались весело машины,
Обгоняли пешеходы,
Поспешающие жить.
В то ответственное утро
Родилась его идея,
Та, о сущности которой
Здесь не место говорить.

Анатолий Львович Лифшиц,
Той идеей увлеченный,
Вынул толстую тетрадку,
Поудобней сел на стул
Отодвинул всю текучку
И закрыл глаза устало,
Но при этом – не заснул!

Он сидел четыре года
Очень целеустремленно,
Так как даже и наседка
Не садится на яйцо.
И как следствие упорства
Родилась его работа,
Но о ней уже не стоит –

Результаты налицо.

Анатолий Львович Лифшиц,
Вы и доктор, и профессор;
Анатолий Львович Лифшиц,
Вы действительный актив.
Но, хотел бы я отметить –
Это будет только честно –
Что уходят Ваши корни
В работящий коллектив.

По указанной причине,
В результате симбиоза,
Мы общественный и личный
Наживаем капитал.
И вот именно за это
Предлагаю нынче тост я …
За того, кто достиженья
Не случайно обретал.

В.С. Лисютин.

Глава 20. На досуге.

Автомобиль в нашей семье. Мастер Давид Исаакович. Путешествия по стране: Прибалтика, Западная Украина, Белоруссия, Северный Кавказ и Закавказье. Училищные и школьные юбилейные встречи. Отпуск на Дальнем Востоке. Наша дача.

Автомобиль в нашей семье. Все эти годы мы проводили летние отпуска по возможности в автомобильных поездках. Как я писал выше, с 1960 года у нас уже был автомобиль «Волга» 21 модели. Эта машина служила нам верой и правдой в течение 18 лет. Несмотря на резкую критику, которой подвергаются отечественные машины в последнее время, я ничего плохого про эту машину (как впрочем, и про маленький «Москвич») сказать не могу. За эти годы она меня ни разу не подвела, правда требовала порядочного ухода и обслуживания в отличие от современных машин. В повседневной жизни мне в этом помогал, а по-существу делал все, что нужно, **мастер Давид Исаакович**, которого мне присоветовал Олимпий Иванович Рудаков.

Это был абсолютно Шолом-Алейхемовский персонаж, пересаженный в Советскую эпоху. Начиная с акцента и кончая повадками. Он до конца жизни не мог выучить названия дней недели: вместо слова «четверг», например, говорил: «четвертый день» и т.д. Он был ветеран Отечественной войны, прошел ее от первого до последнего дня в авто-роте и, к счастью, остался жить.

Работал он на древообделочном заводе, обслуживал специальные автомашины для перевозки досок и других лесоматериалов. Машины довольно сложные, но он содержал их в идеальном порядке.

За это администрация его очень ценила и смотрела сквозь пальцы на «халтуру», которая его по-существу кормила. Заводскую работу он не считал за труд.

«Настоящая» его трудовая жизнь проходила ежедневно с 5 до 10 часов вечера, когда он чинил частные машины или ухаживал за ними в гараже у Олимпия Ивановича. На обслу-

живании у него было около десятка машин, к которым он был весьма привязан, сам определял, когда и что нужно ремонтировать, не чинясь, говорил цену за каждую работу. «Надо дать десять рублей» – говорил он – или «Это небольшое дело, надо дать шесть рублей» и т.д.

Он строго требовал, чтобы мы посылали ему из наших поездок открытки о том, как себя ведет машина в пути. На вопрос о том, что делать, если машина забарахлит в пути, он говорил: «Ничего не будет, не забарахлит. А если уж случится что на дороге, то одну руку подымите вверх, а другую засуньте поглубже в карман, где деньги лежат».

Чтобы избежать этого, мы с Олимпием Ивановичем записались в «вечернюю автошколу», которую вел начальник Ленинградского бюро рекламаций от Горьковского автозавода. В этой школе мы научились своими руками делать все, что нужно для повседневного ухода за автомобилем в пути и освоили это все довольно прилично, так, что за все время моих автомобильных путешествий за 20 примерно лет я никогда не обращался ни к кому за помощью.

Давид Исаакович любил учить меня жизни в Советской системе. Например, он говорил: «Вот Вы ходите обедать и едите всякую ерунду. А я никогда ни в кассу, ни на раздачу не хожу, а иду прямо к главному повару, даю ему рубль и он мне накладывает полную тарелку котлет, а не ту ерунду, что Вам».

Об «интеллигентской» жизни он имел свои понятия. Например, когда его сын сдавал приемные экзамены в Текстильный институт, он говорил: «Анатолий Львович, Вы профессор, скажите там, чтобы моему сыну дали задачку попроще, ведь хватит с него трудностей, что он еврей».

Естественно при этом, что в Текстильном институте я никого не знал и помочь ему не мог.

Немного отвлекаясь, скажу, что такое упрощенное понимание интеллигентской жизни было не только у Давида Исааковича. Помню, когда раз к нам в Ленинград приехал наш Тбилисский друг, шофер Гоги Майсурадзе и попросил меня поездить с ним по магазинам в поисках мебели для свадьбы сына, он

мне очень похоже говорил: «Ты полковник, скажи там, чтобы мне оставили этот гарнитур, когда его привезут». Очевидно, он основывался на грузинских порядках, с которыми я тоже не раз сталкивался, Как-то мы с Любой приехали в Тбилиси, зашли в гостиницу и стали в довольно длинную очередь, чтобы получить номер. Я был при этом в форме. Стоим минут 20, вдруг к нам подбегает портье и довольно сердито говорит: «Ты полковник, почему стоишь в очереди? Вот тебе ключи, иди с женой отдыхай, потом придешь, оформишь».

Автомобильные поездки по стране. Для автомобильных поездок у нас, как и у других любителей такого отдыха было специальное оснащение, которое постоянно совершенствовалось. Остановки в пути мы делали иногда в кемпингах, иногда просто в лесу, стараясь забраться поглубже, за 3-4 поворота от шоссе.

Для ночевок имелась палатка с пологом и «верандой», над которой развешивался еще дополнительый полог из пластика, для сна - надувные матрасы со специальным ножным насосом. Для приготовления пищи обычно использовался туристский бензиновый примус, одно время была даже походная газовая плитка, но пришлось от нее отказаться из-за трудностей с перезарядкой газовых баллончиков. Воду имели в специальных емкостях. Наша палатка была хорошим прибежищем даже в плохую погоду. Помню, однажды, мы провели в ней на берегу озера в Литве около двух недель в весьма дождливую погоду.

Особое дело бензин. В Советское время с бензином бывали периодически довольно большие трудности. Нужную марку бензина не всегда можно было достать, приходилось покупать бензин «слева» у государственных шоферов. В дорогу всегда брали из дома 2-3 канистры с хорошим бензином, которые берегли для горных участков или, когда долго негде было достать бензин. В конце концов, все владельцы частных автомобилей ездили на «левом» бензине, который продавался за полцены даже на государственных колонках. Это возникало вследствие уродливой безденежной, талонной системы от-

пуска бензина на колонках. У государственных же шоферов почти всегда был левый бензин, возникавший из-за приписок, левых рейсов и т.д. Бензиновая проблема была одним из ярких показателей неестественности Советской экономики.

Особое дело кемпинги, которые создавались в привлекательных для автотуристов районах страны. Они создавали разный уровень комфорта. Лучшие кемпинги располагались в лесу, для каждого любителя представлялся двух или четырехместный домик или палатка, рядом было место для автомашины. Для приготовления пищи была специальная кухня с газовыми плитами, отдельно располагались умывальники, душевые и туалеты. Лучшие кемпинги были в Харькове, Львове, Минске, поплоше в Прибалтике и центральной России, хотя кемпинг в Вийтне под Таллинном был тоже одним из лучших. Бывали кемпинги или стоянки, конечно, и поплоше. В Крыму, например, считалось хорошим местом автостоянка, все удобства которой заключались в кране с водой и в бочке для продажи вина.

Дороги! Знание их географии и состояния были величайшей ценностью. Автолюбители вели записи по географии и качеству дорог и обменивались ими друг с другом. Автолюбители издавали даже справочники маршрутов, пока государство, наконец, не додумалось издавать дорожные атласы. Правда, в этих атласах дороги не различались по качеству покрытия (например: шоссе, асфальт, грунт) а по административной принадлежности (государственные, республиканские, областные, районные и т.д.). Так, что информацией все равно приходилось обмениваться.

Скажу также, что в наших порой длительных поездках мы вели машину вдвоем. Когда я уставал (а этот случалось систематически, ведь вести «Волгу» было физически тяжелее, чем современные автомобили), за руль садилась Люба, а я сразу сидя засыпал и час-два отдыхал, что было достаточно.

Невозможно, да и, наверно, не нужно описывать все поездки, ограничусь несколько наиболее интересными.

Поездки в Прибалтику. Мы бывали там ежегодно, иногда

по несколько раз в году. В Таллинн, где у нас были друзья – семья Кормилицыных, о которой я писал выше, ездили как за город на выходные дни.

Прибалтику мы знали отлично. Все дороги, все кемпинги, озера, леса, ягодники, но особенно магазины. Как и другие автотуристы, мы атаковали эти магазины постоянно, делясь информацией друг с другом. Конечно, это раздражало местных жителей и они пытались как-то защищаться от «советской саранчи». Например, объявляли магазины «кооперативными», а местных жителей «пайщиками», которым только и продавали товары. Но и тут находились лазейки, например, по удостоверениям ветеранов войны и т.д. Все же отношение к нам хуже всего было в Эстонии, лучше всего в Латвии, среднее в Литве.

И в этой связи странным кажется теперешняя ситуация во взаимоотношениях Латвии и России. Однако поскольку наша семья поддерживает по прежнему связи с Латвией (семья Расстригиных и другие контакты), то мы с удовлетворением видим, что плохие отношения между странами это игры политиков, обыкновенные люди по-прежнему относятся друг к другу хорошо.

Самым удаленным районом Прибалтики является **Курская Коса** (Kurische Nehrung), которая отделяет от Балтийского моря Курский залив (Kurisch Gaf) и имеет протяженность 90 км. От суши она отделена на Литовской территории узким проливом в районе Клайпеды. Через пролив можно переправиться на пароме. Южная половина территории Косы принадлежит Калининградской области, северная – Литве.

Впервые я познакомился с этим прекрасным местом, когда ехал на машине от Моцкуса из Каунаса к Расстригину в Ригу в поисках методов оптимизации функций для своей докторской диссертации. Хотя я проехал ее довольно быстро, но она мне так понравилась, что я решил познакомиться с этим чудесным местом поосновательнее. Я уговорил Олимпия Ивановича и следующим летом мы двумя машинами поехали туда и не пожалели. Литовцы берегли эту заповедную территорию, въезд

туда был только по пропускам, которые выдавались по письмам кого-нибудь из местных жителей. Ну а для нас пропуска можно было получит через штаб Балтийского флота, чем мы и воспользовались.

На косе сохранилась уникальная природа, сосновый лес, в котором деревья скошены по направлению ветра, масса грибов, безбоязненно бегают зайцы и белки, чудесные пляжи, песчаные дюны и даже барханы, на которых тренировались немецкие танкисты генерала Роммеля перед своим африканским походом.С моря все побережье имеет специальные укрепления, предохраняющие почву от разрушения.

Примерно в центре косы расположен небольшой типично прибалтийский городок Нида. На окраине его, на берегу моря находился кемпинг, в котором мы расположились в палатках. Как-то раз мы возвращались с пляжа, а перед этим ездили за грибами и на задней полке стояла корзиночка с грибами. Сидим мы с Мишей (ему было лет 6-7) в машине. Мимо проходят два местных мальчика. «Грибас» - говорит один, глядя на нашу корзиночку. «Боровикас» - говорит другой. Тут Миша мне и говорит: «Папа! Я понимаю по-литовски».

Под Нидой мы осмотрели домик-музей немецкого писателя Генриха Манна, который жил здесь раньше.

Кроме Ниды и природы мы посмотрели на косе в местечке Иодкранте музей янтаря, расположенный в красной кирпичной кирке.

На этой косе я был еще несколько раз, проездом в Калининград в штаб Балтийского флота или наоборот, из Калининграда в Ленинград. И каждый раз уникальность этого места очаровывала меня.

О некоторых других поездках в Прибалтику я расскажу несколько позже.

Прибалтику мы старались проезжать попутно и во время дальних путешествий в Белоруссию, Украину, Крым или даже на Кавказ.

Я уже писал выше, что у меня стала пошаливать печень и в течение нескольких лет я ездил иногда один, но чаще с Любой

«на воды» в Ессентуки. Тамошнего лечения хватало только до весны. И вот кто-то посоветовал нам лечение в Западной Украине, за Львовом на курорте Моршин.

Мне удалось достать туда путевку, правда одиночную, но все равно я взял с собой Любу и Борю. Миша остался у бабушки на даче, а Алик пошел в турпоход. Поехала с нами и моя сестра Эдя.

Белоруссия. Проехав все равно «по любви» через Прибалтику мы завернули в Минск к нашим друзьям – Алексеевым. Из Минска мы совершили две- коротких радиальных поездки: на озеро Нарочь и в Хатынь. **Озеро Нарочь** расположено километрах в 100 на север от Минска в сосновом лесу с песчаными берегами. Озеро было совершенно безлюдным. Из-за небольшой глубины вода в нем, во всяком случае, вблизи берегов была необычайно теплой. Мы все купались с удовольствием, но больше всех радовался Боря, которому обычно купаться на природе не разрешалось из-за некоторых осложнений с почками. Но здесь он блаженствовал. Другим удовольствием здесь была для меня земляника, которой было очень много.

Вторая радиальная поездка из Минска была в **Хатынь**-село, начисто и варварски сожженное немцами, которые уничтожили всех его жителей, сожгли в риге. Остались только печные трубы, стоящие рядами. В Хатыни был создан мемориал. На вершине каждой трубы был закреплен небольшой колокол и все вместе через каждые 15 минут они играли траурную мелодию. В центре «села» были бронзовые доски с пояснительными надписями. Все вместе создавало соответствующее настроение.

Третьей поездкой, которую мы совершили из Минска вместе с хозяевами, была **поездка «на малину».** Мы поехали за 70 км от Минска в маленькую, заброшенную по военным обстоятельствам деревню, в которой оставалась жить только одна семья, но с молочной коровой.

Отмыли одну избу и поселились в ней. Дальше началась, как говорила моя сестра «принцесская жизнь». Проснувшись и умывшись из колодца, мы всей компанией отправлялись за

малиной. К обеду все возвращались, имея сообща полтора-два ведра лесной малины. К этому времени соседка приносила ведро молока и мы все это съедали с удовольствием. Каждый день обещали: «сегодня собираем на варенье», но так и не собрали, все съедали.

Единственным осложнением здесь являлись глинистые дороги, а вернее бездорожье.

И как только стал собираться дождик, мы немедленно, по авралу покинули это райское место и вернулись в Минский кемпинг. Сестра моя, накупив стеклянной посуды, которой Минск славился, вернулась в Москву, а мы поехали дальше через Львов в Моршин.

Западноукраинский курорт Моршин. По пути остановились на пару часов в Кобрине, где осмотрели известный Суворовский мемориал.

Во Львове мы остановились в лесу в хорошем кемпинге и поехали осматривать город, в котором никогда не были. Красивая архитектура западного, местами итальянского стиля: колонны, портики, дворики. Город красивый, но чужой. Посмотрели также местное кладбище, расположенное в большом парке, скорее в лесу. Особенное впечатление осталось от военного кладбища. У каждой могилы посажена небольшая туя, так, что все вместе создавало впечатление войска- воинов в остроконечных шлемах. Незабываемая картина. Переночевав в кемпинге, поехали в Моршин, который расположен в 70 км к югу от Львова у подножья Карпат, в Предкарпатьи, у Верецкого перевала. В Моршине я разместился в санатории, а Люба с Борей на частной квартире, которую я опишу несколько ниже. В Моршине мы остались на 24 дня – срок моей путевки.

Все мы ходили пить местную лечебную воду – «моршинку». Вода оказалась чудодейственной и я на много-много лет забыл, что такое больная печень. Кроме того, что «моршинку» можно было пить, ее выпаренная соль «рапа» продавалась в сухом виде, не портилась при перевозке и хранении и легко превращалась в лекарство, растворяясь в воде.

Моршин по-существу представлял из себя большое бога-

тое село, в котором особняком стояли три здания санаториев, один из которых был военным, где я и лечился.

Поскольку «на воды» съезжалось довольно много больных, лечившихся диким образом, местные крестьяне строили большие избы, вторые этажи которых превращались в пансионаты с маленькими отдельными комнатами. И конечно преуспевали, т.к. недостатка в постояльцах никогда не было. В одном из таких сельских «пансионов» мы сняли комнату для Любы и Бори.

Хозяином дома был «дид» - пожилой крестьянин, в ведении которого был большой сад – «садочок» с разными фруктами и ягодами. «Дид» был, хотя себе на уме, но очень приятным собеседником, он рассказывал нам местные истории, весьма разнообразные и интересные, поскольку окружающая территория многократно переходила из-под одной юрисдикции под другую. «О це було за австрияка - рассказывал он – а о це було за Польщи, о це за Гитлера, а о це за Советив». Но он как-то уцелел во всех передрягах. Очевидно, все прикрывали чудодейственные Моршинские источники. Печень болела и у австрийцев, и у немцев, и у поляков, и у советских людей примерно одинаково. И всем нужно было пить «моршинку» и где-то при этом жить.

Насколько приятен был «дид», настолько неприятна, вульгарна и грубовата была его дочка – хозяйка дома. Она всячески хотела эксплуатировать нас, как владельцев автомашины.

Сперва она попросила меня съездить в соседний городок Стрый, кстати, многократно описанный Иваном Франко, и привезти оттуда «квяточок» (цветочек) от ее знакомых. Я попытался уклониться от этой поездки, на что услышал: «В моим двору стоять дви машины. З мене куры смиятимуться (т.е. будут смеяться), якщо я не привезу що мени треба (нужно)».

Пришлось поехать. Приезжаем в Стрый, «квяточок» оказался огромным фикусом в деревянной кадке и, конечно, внутрь машины не влезал. Пришлось вспомнить боцманское дело и укрепить его стоймя сверху на багажнике. И так подобно Мюнхаузенскому оленю с вишневым деревом во лбу мы не спе-

ша поехали в Моршин. Дело было в воскресение и во всех окрестных деревнях местная публика, гуляющая «на шляху», показывала на нас пальцами и веселилась. Но все же доехали благополучно.

Село стояло в 70 км «под Верецким перевалом», ведущим в Закарпатье, и мы решили в воскресенье съездить наверх полюбоваться окрестностями.

Я пригласил и «дида» поехать с нами. Но тут снова явилась дочка и объявила: «З вами поиду я. А дид пиде до бухвету». «Бухвет» – это местная забегаловка, где, стоя у прилавка, можно было прихватить рюмку другую «горилки».

Но это мне уже надоело и с нами поехал, конечно, «дид». Поднялись наверх в горы и перед нами открывались дали незабываемые. На видимости сходились границы нескольких государств: Польши, Чехословакии и даже Венгрии и Румынии. И так как дело было летом в разгар жатвы, то своеобразие и красота картины еще усиливалась: горы, зеленые леса, желтые поля, то убранные, то нет, поселки и реки все перемешалось и сияло, как в сказке.

Оказалось, что наш «дид», прожив у подножья гор всю свою жизнь, здесь «наверху» ни разу не был. Он был потрясен и прослезился, глядя на эту красоту.

На перевале был ресторан и я пригласил «дида» пообедать с нами. На вопрос, что ему заказать он скромно попросил «Так рюмочку та мабуть (может быть) селедочки».

После обеда мы вернулись домой очень довольные поездкой. Наш хозяин – «дид» очень нам нравился и я спросил его: «Что Вам привезти, если я еще приеду на лечение в Моршин». Ведь время было советское, всеобщий дефицит, особенно в провинции. «Та мабуть красочки, белила» – ответил хозяин.

Но вот срок пребывания в санатории закончился и мы собрались дальше через Верецкий перевал в Закарпатье. Перед отъездом на юг мы отправили Борю поездом из Львова в Ленинград, где его ждала бабушка Вера Львовна – начинались школьные занятия.

Хотя Боре было около 12 лет, но он был «упорядоченный»

ребенок и уже несколько лет ездил сам в поездах и даже на самолетах, если не было пересадки. Не могу не отвлечься на эту тему. Еще когда мы жили в Москве, нас всех беспокоило Борино здоровье – у него было не все в порядке с почками. И ему предстоял курс лечения в специальном санатории в Элисте в Калмыкии, славящейся сухостью воздуха. Поездка туда была на самолете двумя рейсами с пересадкой в Ростове. И Любу уговорили отправить Борю до Ростова одного, поклялись, что в Ростове встретят и в обратный путь дадут сопровождающего.

Когда Боря вернулся, Люба его спросила, не один ли он ехал обратно, то ответ был: «Нет, не один, мне дали еще трех ребят, я был старший и посадил их всех в Москве на разные поезда.» А было ему лет 10.

Такой вот самостоятельный. Возвращаюсь к посадке во Львов.

Провожать Борю во Львов снова попросилась наша неугомонная хозяйка и взяла с собой дочку, девочку, лет 9-10, они с Борей играли вместе во время нашего лечения. Приехали на вокзал, посадили Борю в купе, попрощались и собрались уходить. Но не тут то было. Девочке так понравилось новенькое блестящее лакированное купе, что она ни в какую уходить не хотела: «Ни, не хочу уходить, я пииду з Борею». Еле уговорили.

Закарпатье. Возвращаюсь к нашей дальнейшей поездке по Закарпатью, которую мы предприняли по окончании лечения. Нам предстоял маршрут в виде буквы дубль-ве или кренделя, т.е. мы сделали круг по области, а в центре круга еще петлю, чтобы попасть в самую горную глушь.

Первым впечатлением от Закарпатья, кроме конечно красивейшей горной, лесной и водной природы, была внешне, по крайней мере, богатая жизнь крестьян. Большие каменно-плиточные дома под яркими черепичными крышами, пестро и красиво одетые женщины, яркие богатые базары – все это выгодно отличалось от серых русских деревень и сел.

Мы остановились на ночь в центральном городке Закар-

патья – Ужгороде, после чего поехали в Солотвин, где осмотрели соляную шахту, для чего спустились на 80 метром под землю. Необычайно красивые подземелья со сверкающими многоцветными соляными кристаллами. Картина незабываемая. Однако, кроме эстетических переживаний пребывание в соляных шахтах является лечебной процедурой для больных астмой, вследствие особого состава воздуха.

Сопровождал нас в шахту местный гид – чех по национальности. Спускаясь и поднимаясь на шахтных лифтах, мы обратили внимание, что надпись «не курить» на стенке кабины была выполнена на 7 языках – русском, украинском, немецком, чешском, румынском и еще на каких-то не совсем нам понятных.

Это вполне соответствовало структуре местного многонационального населения в регионе, который многократно переходил из рук в руки.

Дальше мы поехали в географический центр Закарпатья, в Межгорье – совершенно дикую горно-лесисто-озерную местность, описать специфическую красоту которой я просто не в состоянии. Дорога дикая, частично по руслам рек, прямо по воде. Я бы не решился там ехать, но у нас был проводник – местный житель на «Победе».

Мы прожили там, в палатке на берегу озера в еловом лесу два дня, после чего, не без труда выбравшись из этой глуши, поехали через городок Рахов, известный своими ремесленниками и длинношерстными пестрыми коврами, в Еремчу. Еремча была знаменита своим деревянным с многочисленными башенками, полностью отлакированным домом-рестораном, который стоит над горным водопадом.

Мы там пообедали, отведав местный острый кухни. После чего заправили машину лучшим бензином, который больше месяца возили с собою специально для крутого Яблоневого перевала, о котором были наслышаны. Благополучно миновав его, поехали через Молдавию в Николаев проведать семью Н.В.Кошкарева, который перебрался туда под конец службы в свой родной город и был там начальником госприемки на

местных больших судостроительных заводах.

Молдавия поразила нас двумя вещами: во-первых, многонациональным составом далеко небогатого населения, во-вторых, полнотой использования почвы в сельскохозяйственных целях. Мы ехали через Молдавию целый день и не могли найти свободного клочка земли для остановки, все засеяно, главным образом гигантского роста кукурузой и виноградом. В конце концов, заночевали на меже, в машине, не расставляя палатку.

В деревнях нас сопровождали местные ребятишки, выпрашивающие деньги и конфеты на разных языках: русском, украинском, цыганском, молдавском, еврейском и еще бог знает на каком.

Интересно было, что они бегло говорили на всех этих языках.

Не останавливаясь особенно нигде в Молдавии, мы добрались до **Николаева** и остановились у Кошкаревых, которые, конечно, радостно нас встретили. Николай Васильевич погрузнел и несколько помрачнел. Генриетта Юрьевна жаловалась, что он никого особенно не хочет видеть, нам обрадовался в виде исключения.

Это была наша последняя встреча с ними. Спустя несколько лет Генриетта Юрьевна в одночасье скончалась в расцвете лет: вышла из воды на курорте, упала и не встала. Николай Васильевич пережил ее не на много.

Из Николаева мы поехали в **Севастополь**, прихватив с собой Кошкаревскую дочку Наташу, которая ехала к мужу, флотскому офицеру – сыну нашего северного героя Антона Иосифовича Гурина.

В Севастополе мы остановились на пару дней, повидали семью Чернобаев и через Киев вернулись в Ленинград.

В Киеве мы остановились у моих школьных друзей, семье Люды и Семы Серебряных. Встретились, конечно, но накоротке и с другими школьными товарищами из нашей компании.

Из Киева прямым ходом с одной ночевкой в сосновом Белорусском лесу вернулись в Ленинград.

В Крым через Молдавию. На следующий год мы собра-

лись поехать в Крым в Массандру, где нам устроил отдых Олег Макарович Мачинский.

Я упоминал об этом раньше в моих записках, но сейчас коснусь другой части этой поездки.

Однако скучно и слишком обычно было ехать в Крым по загруженному Симферопольскому шоссе и мы решили повторить наш прошлогодний маршрут, с некоторой дифференциацией в Прибалтике и западной Украине проехать в Крым по большой пограничной дуге.

Решили мы заехать в Моршин, обновить запасы рапы, заодно и повидать «дида». Я достал две трехлитровые банки белил и собрал свою летнюю белую форму, которую в северных районах носить не приходилось. Все это предназначалось «диду».

В этот раз с нами ехали Миша и моя сестра Эдя. По пути мы останавливались в разных интересных местах, в музее Суворова в Кобрине, в Пярну, Риге, Новоград Волынске, Лиде и так добрались до Моршина.

«Дид» был очень растроган нашим вниманием: «Та вси обицяют (обещают), та никто не сполняе, ви перший (первый)». Взамен мы получили две больших банки меда.

В Моршине мы пробыли около трех часов, но дальше выехали, имея на борту еще одного пассажира. Дело в том, что в Моршине отдыхал и лечился в это время сослуживец и добрый знакомый моей сестры профессор Михаил Гукасович Абрамов. Я, шутя, предложил ему поехать с нами и получил ответ: «Спасибо, вот только возьму зубную щетку». Сказано – сделано, и он поехал с нами до Одессы.

Михаил Гукасович оказался очень приятным остроумным человеком, сильно скрасившим наше путешествие. Он проехал с нами дня три-четыре до Одессы, а потом вернулся долечиваться в Моршин. Ему очень понравился наш дорожный образ жизни и он предложил показать нам таким же образом свою родину – Армению. И мы договорились следующим летом поехать той же компанией в Ереван.

Путешествие в компании с моей сестрой Юдифь Львовной

отличалось тем, что у нее везде были ученики – она преподавала на кафедре терапии в Московском институте усовершенствования врачей.

Не говоря уже о больших городах, но подъезжаем мы, например, к заштатному местечку Коломые, она тотчас заглядывает в записную книжечку и говорит». Доктор Петрова Вера Ильинична, адрес такой-то…» И доктор Петрова принимает всю наше ораву как дорогих гостей, в лучшем виде и еще пытается демонстрировать нас окружающим как своих столичных друзей, что должно было, по ее мнению, прибавить ей авторитета. А в данной поездке было даже два профессора и один доцент, так что шик был достаточный. Правда, отдыха полноценного на стоянках не было, сплошные приемы.

Из попутных мест стоянки отмечу **Черновцы** – очень своеобразное красивое место – столица Буковины. Похоже на закарпатские города: масса зелени, горный ландшафт и прекрасное старинное здание местного университета: громадная постройка из красного кирпича с многочисленными башенками, все утопающее в зеленом плюще, с многочисленными двориками, вымощенными каменными плитами. Как будто прежде в этом здании – дворце помещалась резиденция папского наместника.

Приехали мы, таким образом, в **Одессу** и остановились у очередных Эдиных друзей. Как обычно, вечером был прием, а утром оказалось, что у Миши болит живот и пришлось ему вместо очередной экскурсии по Одессе сидеть дома и играть на постели в кубики и солдатики.

Тем не менее, а может быть именно поэтому, когда по приезде в Ленинград мы его спрашивали, где ему больше всего понравилось, он, не задумываясь, отвечал «В Одессе».

Из Одессы мы поехали в Севастополь, а оттуда в Массандру. Отмечу трех-пятичасовое пребывание в **Бахчисарае**, где мы осмотрели, естественно, ханский дворец со знаменитым фонтаном слез, на который обычный человек не очень то и обратил бы внимание. В Эрмитаже мы такие фонтаны видели неоднократно.

Хотя, в общем, дворец довольно симпатичен, но и только, и нужно было обладать гениальностью Пушкина, чтобы, пробыв в Бахчисарае одну ночь, создать столь прекрасное, нежное и печальное произведение, как «Бахчисарайский фонтан».

В Массандре мы провели две недели, как типичные Крымские курортники-дикари, но с отличной квартирой.

На этом описание данного путешествия закончим и перейдем к следующему самому длительному в нашей автомобильной одиссее.

Путешествие в Ереван. На следующий 1965 год мы собрались, как условились прошлым летом, добраться до Еревана. Но это был конечный пункт маршрута, до него было далеко.

Из Ленинграда выехали вчетвером: мы с Любой, Боря и Гера, сын нашей приятельницы Ани, примерно Борин ровесник. Наш маршрут лежал сначала в восточный Крым в **Феодосию**, вернее в маленький заводской поселок Орджоникидзе, где уже отдыхала Аня с двумя девочками: своей дочкой Беллочкой и племянницей Олей.

В **Орджоникидзе** был заводской поселок, состоящий из хрущевских пятиэтажек, и местные жители сдавали летом свои квартиры «курортникам». Так, что нас уже ждала квартира со всеми удобствами в 5 минутах ходьбы от моря.

Мы доехали до места прямиком за 3 дня, останавливаясь в гостинице в Мценске и в кемпинге под Харьковом в красивом дубовом лесу.

По пути мы побывали, хотя и не в первый раз, в **Ясной Поляне,** поклонились тихой, но, по своему, очень торжественной могиле Л.Н.Толстого. На Орловщине заехали, кстати, впервые, в **Тургеневское Спасское-Лутовиново**, где только что завершилась отстройка Тургеневского имения и подрастал, вновь посаженный дубок взамен старого, многократно упоминаемого в книгах Тургенева.

Из Симферополя повернули на Феодосию и я первый раз побывал в восточном Крыму. Люба в этих местах неоднократно была еще девушкой, гостила на даче в Отузах около Коктебеля на даче у своих друзей, в семье профессора Я.Г.Готлиба.

Восточный Крым, конечно, отличается от южного побережья, меньше зелени, другие горы, вообще он в моей памяти скорее не зеленого, а желтовато-белого цвета.

Кстати, когда много лет спустя я был в Греции и ехал из Афин вдоль побережья на экскурсию в Храм Посейдона, то это греческое побережье по своему колориту очень напомнило мне восточный Крым.

Мы приехали в Феодосию поздно вечером, а нужно было еще доехать до Орджоникидзе около 15 км, но через перевал. Перевал был довольно крутой, да и темно было, как бывает южной ночью. Проехали осторожно и неспеша и добрались до ожидавшей нас Ани и до квартиры благополучно. Здесь мне очень пригодилась специальная дополнительная фара, установленная внутри капота и светившая в бок под 45 градусов так, что я все время видел бровку и пропасти с правой стороны. Однако когда я поехал следующий раз через этот перевал днем, я проникся к нему большим уважением, рассматривая крутизну его серпантинов и специальные «карманы» для спасения слишком быстро едущих машин, не могущих вписаться в очередной поворот. Я много ездил по горам и в Крыму и на Кавказе, и по Военно-грузинской дороге, и в Закарпатье, но почему-то эта ночная поездка под Феодосией запомнилась мне больше всего.

Мы чудесно провели в Орджоникидзе на пляже около 10 дней, два раза были в Феодосийском музее **Айвазовского,** ездили в Коктебель, вспомнили Волошина и всю Коктебельскую литературную компанию, побывали в Отузах и посмотрели дачу, где Люба жила у Готлибов, которые, кстати, к этому времени уже расстались с ней, побывали в Музее-домике **Александра Грина**, который, как и могилу Грина, показала нам его жена. Осталось грустное впечатление. Грина я, как и многие другие, очень любил в детстве и люблю и сейчас за его мягкий и добрый романтизм с морским уклоном и думаю, что он заслуживает лучшей памяти наших правителей, нежели этот, находящийся в глуши, убогий домик.

Но пришло время двигаться дальше, ведь в этом «походе»

мы были связаны точным временем встречи с Эдей и Михаилом Гукасовичем.

Поскольку у нас было намерение при возвращении проплыть из Грузии на пароходе в Одессу, я написал наудачу письмо начальнику Грузинского пароходства Анатолию Кочараве с просьбой оставить мне двухместную каюту на очередном теплоходе.

Дело в том, что я был знаком с А.Кочаравой на севере со времен войны, когда я плавал на мобилизованном тральщике «СКР-32», а он был командиром соседнего тральщика еще до перехода на «Сибиряков», до трагического гибели этого судна и последующего плена.

И вот мы уже втроем: Люба, Боря и я поехали снова через Феодосию в Керчь на **паромную переправу из Крыма на Таманский полуостров**. При подъезде к переправе мы обнаружили медленно двигающую автомобильную очередь и заняли в ней место. За нами тоже выстроился хвост машин, которые подъезжали и подъезжали все время. Вдруг в небольшой промежуток, образовавшийся между нами и впереди стоящей машиной, въехала «Волга» похожая на нашу, только другого цвета. Мы несколько удивились, но из этой машины вышел молодой человек лет 20, подошел к нам, очень вежливо извинился за вторжение и сказал, что, если угодно, они нас пропустят вперед, словом инцидент был исчерпан.

Пока двигалась очередь, а позже и пока паром пересекал вместе с нами Керченский пролив, мы познакомились и с другими пассажирами этой машины – довольно симпатичным мужчиной моих лет, представившимся полковником Гненюком, его женой , сестрой и двумя сыновьями – студентами. На первый взгляд довольно симпатичными людьми, весьма похожими на наш экипаж. Они собрались куда-то в Грузию. Главу семейства звали Степаном Григорьевичем.

Переправились на пароме благополучно и расстались с новыми знакомыми. Здесь мы на пару часов заехали на побережье Азовского моря по направлению к Ейску и остановились, чтобы искупаться. На берегу чудесный мелкий песчаный

пляж, очень теплое море. Мы провели здесь очень приятно часа три, искупались, пообедали, чем бог (или Люба) послал, и отправились дальше. Путь наш лежал теперь через Кубань в Минеральные воды.

Проехали несколько часов по степи; жилья никакого поблизости не было, тем более кемпинга, и мы решили заночевать прямо в степи у небольшой группы деревьев.

Было так тихо, тепло и ясно, что мы решили палатку не ставить, просто расстелили на траве брезент и на него надувные матрасы. Приготовили на всякий случай пластик, чтобы накрыться в случае дождя. Разложили ужин на походном столе и не успели приступить к нему, как вдруг подъезжает «Волга» и в ней наши новые знакомые с парома. Они решили тоже здесь остановиться на ночь. Нам еще лучше, вместе веселее и безопаснее: все-таки не один мужчина, а четверо. Организовался общий ужин, появилась бутылочка и мы дружно провели вечер.

На утро снова расстались, но уже обменялись адресами – в дороге знакомятся быстро.

Путь наш лежал **через Кубань на Северный Кавказ** в Минеральные воды. Интересно было проезжать через громадные богатые кубанские станицы, заглядывать на большие баснословно дешевые по нашим понятиям базары, где единицей измерения продуктов был мешок, в крайнем случае, ведро. После обеденного привала проведенного на берегу Кубани, выехали на трассу Ростов-Минводы. Во время обеда от одного из попутчиков поступила тревожная весть: он сказал, что ливни повредили Военно-грузинскую дорогу и перевалы закрыты.

Но у нас выбора не было и мы приехали к аэродрому в Минеральных водах за несколько часов до прилета Эди и Михаила Гукасовича. Самолет прибыл во время и таким образом в машине оказался наш полный экипаж. Решили ехать дальше, как планировали.

Однако через двести километров у развилки на берегу Терека нас встретил плакат с объявлением, гласящим: «Военно-

грузинская дорога закрыта из-за ливневых дождей». Чтобы добраться до Еревана, нужно было теперь обогнуть большой Кавказский хребет, либо вдоль побережья Черного моря через Сочи-Батуми, либо вдоль побережья Каспийского моря, т.е. **через Грозный, Махачкалу и Баку**. Посовещавшись, избрали второй вариант и поехали на Грозный. Вечерело и вскоре пошел дождь, который на подходе к Грозному превратился в сильнейший ливень, препятствующий дальнейшему движению, так что мы остановились около моста на центральной площади города. Вдруг около машины возникла фигура мужчины в плаще, машущего руками. Оказалось, этот один из сыновей наших паромных попутчиков. Они к этому времени тоже оказались в Грозном в поисках ночлега. Обрадовались встрече и стали объезжать местные гостиницы, но тщетно, везде получали отказ. Тогда Степан Григорьевич говорит: «Подождите меня здесь, попробую через наше управление» и через полчаса возвращается с какой-то бумагой, по которой нам дали два одноместных номера. Это было шикарно и мы переночевали благополучно впятером, использовав балкон и машину.

Утром осмотрели Грозный и двинулись на Махачкалу к берегам Каспийского моря. Грозный я видел в первый раз и он мне понравился, чистый зеленый город, красивая набережная, аккуратные дома трех-пяти этажные в центре и одноэтажные к окраинам, театры и магазины на месте, словом все в порядке. Потом я имел еще 2-3 случая побывать в Грозном и всегда оставалось хорошее впечатление и от города, и от его жителей. Тем более ужасно во что он превратился в наши дни из-за этой безумной чеченской войны. На фоне других событий, подобных этой войне: ваххабстского террора, взрывов в Нью-Йорке, Москве, Лондоне, войны в Ираке и других приходится признать, что человечество в общественном смысле отнюдь не умнеет с течением времени.

На пути от Грозного до Махачкалы мы двигались вдоль Кавказских предгорий и мне запомнились силуэты чеченских башен – замков, все время находящихся на видимости. Однако на этом участке пути нас поджидала неприятность: спустило

от прокола правое заднее колесо, пришлось остановиться и поставить запасную камеру, спустя 100 км снова и на том же колесе. И так до Баку мы были вынуждены останавливаться одиннадцать (!) раз, израсходовав все запасные камеры свои и с машины Степана Григорьевича, экипаж которой благородно не покидал нас, а его сыновья постоянно помогали накачивать камеры, после очередного прокола. Скажу сразу, что беда была в покрышке – отошла одна из внутренних нитей обшивки – корда и она то и перетирала регулярно все камеры.

Пришлось купить новую покрышку и все встало на свое место – до конца поездки ни одного прокола.

Дорога на Махачкалу на юг была в очень скверном состоянии сплошные ухабы и выбоины. На вопрос о качестве дороги, заданный местным гаишникам был получен ответ: «Потерпи 100 километров, Грузия будет, дорога будет».

В **Дербенте** на базаре цены были баснословно дешевые. Местные мальчишки, довольно оборванные и не очень опрятные, предлагали ведро помидоров за полтинник, но наши чистоплотные дамы не решились на покупки.

В **Баку** мы приехали поздно ночью и остановились двумя экипажами всего 11 человек в большой профессорской квартире, принадлежавшей отцу Эдиной приятельницы Геты, их кафедральной аспирантки. Постелили наши брезенты на полу в двух больших комнатах и так и спали.

На утро наши новые автомобильные друзья покинули нас, на этот раз окончательно, их путь лежал в Ахалкалаки, а мы остались на 3 дня в Баку. Однако знакомство с этой симпатичной семьей на этом не закончилось.

Чтобы не повторяться, напишу коротко о продолжении нашего знакомства с семьей Степана Григорьевича Гненюка. Выше я описал, как мы с ним познакомились перед посадкой на паром Керчь – Тамань и дружно проехали вместе до Баку. Впоследствии мы, как было принято в Советское время, обменивались с ними новогодними открытками. Жили они в западно-украинском городе Ровно.

Спустя некоторое время летом 1970 мы с Любой и Мишей

поехали в украинский город Хмельник, где я лечился в военном санатории от радикулита, а Люба с Мишей – за компанию со мной.

Лечение лечением, но оказалось, что от Хмельника до Ровно, где жил Степан Григорьевич с семьей, всего 200 км – для автомобиля все равно, что за углом.

По приезде мы послали им открыточку и немедленно получили приглашение посетить их семью в Ровно.

По окончании срока моей санаторной путевки сели в машину и поехали в Ровно. Приезжаем по адресу, нас очень мило встречает хозяйка, уже знакомая нам по совместной поездке и весьма приятная дама Зоя Федоровна и говорит, что Степан Григорьевич как раз сейчас где-то в окрестностях на охоте и приглашает нас присоединиться к нему. Если же нам не хочется на охоту – говорит хозяйка – то милости просим расположиться у них дома, хозяин скоро приедет и все пойдет по плану. Но нам интересно на охоту. «Тогда, пожалуйста, оставьте вашу машину у нас во дворе, вас ждет «козлик» – дорога неважная».

Действительно, у ворот нас ждет военный газик, мы садимся и едем куда-то в область. Дорога заняла около полутора часов и мы высаживаемся в лесу возле пруда, леса и болота. Слышны выстрелы и спустя полчаса появляется Степан Григорьевич с добычей – несколькими утками. Он предложил нам половить рыбу в соседнем пруду. Я отказался, а Миша заинтересовался. Закинул удочку и сразу поймал довольно большого карпа. Очень обрадовался. Снова закинул удочку и снова карп. После третьего раза мы пригляделись и обнаружили, что пруд не просто пруд, а рыбный ставок, т.е. водоем, где разводят рыбу, и она просто кишит в нем. Посмеялись и поехали домой.

Мы пробыли в **Ровно** и окрестностях 3 дня. Его сыновья – историки повозили нас по историческим местам партизанского края, где героически сражался Кузнецов, и показали стоянку знаменитого отряда Медведева. Сам же Степан Григорьевич такой приятный и добрый человек оказался начальником

местного Областного КГБ. Он с волнением рассказывал нам про борьбу с бандеровцами. Вот такой неожиданный поворот судьбы.

Спустя несколько лет Степан Григорьевич вышел в отставку и они переехали в Одессу. Еще несколько лет после этой встречи мы переписывались, но затем в неразберихе перестройки переписка заглохла.

Возвращаюсь к путешествию в Ереван, к остановке в Баку. Утром мой экипаж отправился осматривать местные достопримечательности, а я – под машину, пришло время профилактики. В тот раз я Баку почти не видел, находясь под машиной. Только один раз участвовал в вечерней прогулке по красивому приморскому бульвару.

Помню, я был приятно удивлен, когда в субботу вечером, зайдя в кафе на бульваре, полностью занятое местной молодежью, мы не увидели ни одного пьяного, только чай и услышали довольно приятную мелодичную местную музыку. Не сразу сообразили, что мы в мусульманском городе и здесь свои правила.

Другой вечер был отведен на визит к Григорию Корнеевичу Чернобаю, который недавно был назначен командующим Каспийской Флотилией и жил, подчиняясь этикету, на берегу моря в особняке, окруженном чудесным садом.

И он, и его жена Валя были рады и очень тепло нас встретили. Они приехали в Баку недавно и не обзавелись еще друзьями. С нами были Михаил Гукасович и Гета. Знакомство с последней, как представительницей местного медицинского мира было очень полезно Чернобаям. Кроме того, Гета впоследствии ввела в этот мир и устроила в аспирантуру их старшую дочь Владю, которая незадолго перед этим окончила медицинский институт. Вечер в гостях прошел чудесно.

Григорий Корнеевич посоветовал мне посетить местное чудо – высокогорное озеро Гёк Гёль, лежащее, правда, немного, на 100 км, в стороне от нашего дальнейшего маршрута. На следующий день мы отправились в дальнейший путь по шоссе на Тбилиси. Дагестанский гаишник был прав, после

столба с надписью «Грузинская ССР», дорога, как по мановению волшебной палочки, резко улучшилась.

Но перед этим мы свернули в горы и поднялись к озеру Гёк Гёль. Оно расположено на высоте примерно 2000 м над уровнем моря и дорога была в основном грунтовый серпантин, так что нашей «Волге» пришлось потрудиться – мы это впервые почувствовали. С трудом на второй, а иногда даже на первой передаче мы все же добрались до цели и были полностью вознаграждены. Большое тихое озеро, окруженное лесом и совершенно лишенное строений, чем оно выгодно отличалось, например, от Сочинского озера Рица. Было воскресение и мы оказались в компании десятков двух местных машин, владельцы которых устроились около деревьев не очень близко друг от друга. Повсюду играла тихая национальная музыка. Местами видели одинаковую картину. Местный горец достает из багажника, гонит в лес барана, ведя его за задние ноги, а через полчаса несет уже мясо для шашлыка. Повсюду видны дымы костров и несется ароматный запах.

Поскольку у нас своего барана не нашлось, мы заказали в местном походном духане семь порций шашлыка (два лишние для меня и Михаила Гукасовича) и предвкушали уже скорый пир, когда местный официант принес нам одну небольшую тарелку, на которой было семь небольших лучинок с маленькими кусочками мяса и положил большой пребольшой «высокогорный» счет.

Посмеялись и поехали дальше. На полпути до Тбилиси повернули влево на горный перевал, ведущий в Армению в Ереван. Перевалили через хребет, разделяющий Грузию и Армению уже к вечеру. Решили заночевать в первом армянском городке, которым оказался Дилижан. Подъезжаем к гостиннице, подходим вместе с Михаилом Гукасовичем к портье. Михаил Гукасович говорит ему: «Нужен номер капитану 1 ранга, участнику войны и т.д.» «Конечно, конечно» – говорит портье. Тогда я начинаю: «Но и профессору Гукасяну нужен номер, уважаемый человек, известный московский врач, ваш соотечественник…» «Конечно, конечно…» – говорит портье.

Очень довольные мы получаем на всю компанию…. один одноместный номер. Михаил Гукасович очень смущен таким коварством соотечественника. Но, делать нечего, и мы размещаемся все в этом малюсеньком номере, благо есть в нем большой балкон.

На следующее утро поехали в Ереван.

Природа Армении сразу произвела на нас сильное впечатление. После зеленой Грузии, мы попали как будто на другую планету. Не лесной, а скорее каменный пейзаж. Полное впечатление, что мы попали на луну, например.

При подъезде к Еревану, впечатляет нависшая над ним громада горы Арарат. Кажется, что она очень близко, но это оптический обман.

В Ереване мы остановились у очередных Эдиных знакомых, у местного известного хирурга. Сам хозяин был, к сожалению, в отъезде, но нас очень любезно приняла его мама, маленькая, довольно пожилая женщина, которая немедленно стала угощать нас специально приготовленным национальным блюдом – долмой, вроде наших голубцов, только с кавказским пряным духом и завернуты они не в капустные листья, а в виноградные.

Михаил Гукасович привел нам в качестве гида своего приятеля – заместителя главного архитектора Еревана. Город мы посмотрели хорошо.

Красивую центральную площадь, окруженную величественными зданиями из красноватого камня, знаменитую библиотеку Матенадаран, были в оперном театре на балете «Гаяне». Много ездили по окрестностям.

Первая поездка была в Эчмиадзин, где мы были в древнем храме, осмотрели памятник геноциду 1915 года, рядом видели картину, на которой изображен молодой офицер – поручик Баграмян в бою против турок.

Следующая поездка была в глубь Армении. Мы осмотрели знаменитый древний храм Гехард, полностью высеченный в скале, где молились в старину монахи, скрывающиеся от врагов.

Не очень далеко от него мы посетили совсем другой храм – Гарны, построенный римлянами, которые доходили до Армении в своих завоевательских походах. Храм небольшой, но необычайно пропорциональный и поэтому очень красивый. Отмечу здесь, что когда я был в этих местах пятью годами раньше на научной конференции, то на этом месте не было храма, а кругом валялись только его обломки из камня. И вот за эти пять лет уже в наше время местные архитекторы собрали эти обломки вместе и полностью восстановили весь храм.

Следующая поездка была на озеро Севан. Картина, конечно, очень впечатляюща. Громадное озеро на такой высоте, окруженное со всех сторон высокими горами.

На другой день Михаил Гукасович повез нас в окрестное село на торжество к чьим то знакомым – хозяйка дома, местный врач, очень милая женщина была награждена орденом Ленина. И по этому поводу был званный обед по всем правилам кавказского этикета. Когда, просидев за столом час или два и услышав много заздравных тостов, мы так и не увидели виновницу торжества и спросили, где же она, получили ответ: «Как где, на кухне, следит за плитой».

Но все же позже она на минутку пришла и мы смогли ее поздравить с орденом.

В последний день нашего пребывания в Армении мы посетили винный завод в Ошакане – большом селе к югу-западу от Еревана. Нас принял директор завода и повел в подземелье, где мы увидели огромные бочки с коньячным спиртом, соединенные какими-то трубопроводами, словом целую индустрию очень впечатляющую. Отдельно было множество стеллажей с бутылками.

В подземелье было довольно много виноделов и слышалось бурчание: «Грузины! Что грузины? Десять бутылок приличного коньяка могут приготовить, не больше. А здесь, сколько хочешь лучший коньяк «Арарат». Затем началась дегустация.

К концу осмотра нас спросили: «А чистая канистра у вас есть?» И налили нам десятилитровую канистру прекрасным местным вином по нашему выбору.

С завода мы отправились в Грузию, но уже через другой **перевал – Грибоедовский.** Этот перевал описан Пушкиным в «Путешествии в Эрзерум» и тут мне добавить, естественно, нечего.

Перевалив через горы, мы приехали прямо на Тбилисский аэродром и так как временной график соблюдали точно, то через пару часов проводили Эдю и Михаила Гукасовича в Москву.

Мы остались втроем с Любой и Борей и в тот же день поехали смотреть знаменитый монастырь «Джвари», стоящий высоко в горах над местом слияния рек Куры и Арагвы. Место это описано М.Ю.Лермонтовым в поэме «Мцыри».

Красота пейзажа необычайна. Громада монастыря высоко, высоко в горах и большая видимость зеленых гор и соединяющиеся в этой зелени, но заметные задолго до слияния серебристые реки. Когда мы захотели осмотреть «Джвари» изнутри, то обнаружили, что церковь закрыта. Спросили какого-то местного начальника с портфелем, внешне похожего на Бывалова в изображении Игоря Ильинского. Получили сердитый ответ: «Поздно, все закрыто».

Но после соответствующей подмазки, двери открылись и тот же «Бывалов» нам все очень вежливо показал.

Вообще, когда видишь в Грузии церкви, стоящие на вершине гор, задаешься вопросом «Как же их построили?» И мне рассказали примерно следующее: Разравнивается площадка и выкладывается фундамент. На нем строят первый пояс здания из камня. После этого мешками тащат наверх землю и обкладывают первый каменный пояс этой землей. С нее ставят второй каменный пояс здания монастыря и т.д. В конце получается здание монастыря, полностью засыпанное землей. После этого землю отсыпают и отделывают здание. Можно себе представить трудоемкость этой работы. Но в Грузии довольно много таких красивых горных церквей.

Вернувшись после осмотра «Джвари», заночевали в местном кемпинге.

Наутро отправились поредевшим экипажем через Сурамский перевал в Батуми.

Сурамский перевал не похож на сурово-каменный Крестовый перевал, соединяющий Грузию с Северной Осетией. Сурамский перевал весь в зелени. Все горы покрыты лесами. И после главного перевала по пути в Батуми приходится ехать по горной лесистой дороге, преодолевая еще ряд меньших горных хребтов, тоже утопающих в зелени деревьев и чайных плантаций.

Дорога была очень красивая, но здесь нас подстерегала беда. Застучало одно из колес. Остановились для осмотра и я обнаружил, что полетел подшипник. Нужно было заменить. Правда, путешественник я был бывалый и запасной подшипник у меня был, но на смену нужно порядочно времени, уже смеркалось, а теплоход «Нахимов» уходил из Батуми на следующее утро. Но делать нечего, поддомкратив машину, я начал выколачивать полетевший подшипник.

В это время неизвестно откуда появились трое или четверо небритых местных грузин и окружили машину, переговариваясь на местном наречии. Их появление, да еще в сумерках меня конечно встревожило. Мало ли кто это мог быть?!

Однако сквозь их грузинскую речь все время звучало какое-то подозрительное слово: «подшевник, подшевник».

Оказалось, что это местные рабочие из МТС (Машинотракторная станция). Они мне очень помогли и мы быстро заменили подшипник. Пришлось достать из Ереванского запаса бутылку коньяка и они с удовольствием и полным соблюдением цветистого кавказского этикета выпили ее, после чего мы попрощались и поехали дальше.

Приехали в **Батуми**, в порт. Теплоход «Нахимов» стоит у причал. Все кассы закрыты, никого нет. Тогда я поставил машину прямо под окошко портовой билетной кассы и мы втроем уснули до утра.

Рано утром касса открылась и, к моей радости, оказалось, что начальник пароходства А. Кочерава, получив мое письмо, распорядился оставить мне два билета на нужный рейс.

Заплатив за двухместную каюту и за перевоз автомобиля, я довольный поехал под погрузку. Машину мою погрузили очень

ловко на один из трюмов сверху и по моей просьбе хорошо укрепили. При этом корабельный боцман, оказавшийся бывшим боцманом с черноморского эсминца, долго упрекал меня, зачем я оплатил в кассу за проезд автомобиля, «что же мы вас – моряка так бы не перевезли». В действительности это был бы их левый заработок. Но поскольку я и ему заплатил за работу, все кончилось хорошо.

Следующие трое суток прошли в спокойном приятном **плавании от Батуми до Одессы** с заходами в Сочи, Новороссийск и Ялту.

Оказавшись на суше, заправившись бензином, водой и продовольствием мы тронулись на север и спустя четверо суток отлично знакомого пути с одной суточной остановкой в Киеве, через Могилев, Оршу и Псков вернулись в Ленинград. Это было наше самое протяженное путешествие – около 9000 километров.

Описывая это путешествие в Армению, я лишь вскользь упомянул о Тбилиси, поскольку мы там были не первый раз. Я уже упоминал выше об обстоятельствах моей первой поездки в Грузию и знакомстве с шофером Гоги Майсурадзе. Но это была одиночная поездка и попал я в Тбилиси «с тыла» из Батуми через Сурамский перевал.

Первая же **поездка в Грузию вместе с Любой** и с «лицевой» стороны – по Военно-грузинской дороге состоялась несколько ранее.

Мы провели отпуск в Военном санатории в Ессентуках (хронология несколько нарушена – этот было до поездки в Ереван, описанной ранее) и решили съездить на конец срока в Тбилиси. Мы повесили объявление, что ищем попутчиков для поездки в Тбилиси на такси, благо этот было не очень дорого. Попутчики нашлись – две грузинские дамы и мы поехали. Первая сотня километров мимо Нальчика прошла по уже знакомым северокавказским местам до Терека. Далее вверх по течению Терека начиналась собственно знаменитая Военно-грузинская дорога. Первая половина дороги – подъем до Крестового перевала проходила по суровой каменистой местности, далеко внизу

шумел Терек, несколько раз дорога проходила сквозь туннели протяженностью 100-200 м. За Крестовым перевалом дорога очень круто начала спускаться вниз по серпантину в долину реки Арагвы. С высоты Крестового перевала внезапно открылась незабываемая картина, резко отличная от Северокавказского «каменного» ландшафта. Сколько хватало глаз, всюду были зеленые горы, перемежающиеся серебристыми реками, сходившимися к Арагве. На многих вершинах гор виднелись остроконечные конусообразные купола Грузинских церквей. Забыть этот вид невозможно. После резкого спуска по серпантину мы выехали в долину Арагвы, дальше путь лежал все время вниз по ее течению. Но спуск был более пологий. По пути мы увидели город – крепость Пассанаури, описанную в знаменитом романе «Великий Моурави» и к вечеру оказались в Тбилиси. Расплатившись с таксистом и распрощавшись с попутчицами, мы остановились в гостинице «Тбилиси» в небольшом номере. У нас было с собой рекомендательное письмо от профессора Б.Б.Когана к какому-то грузинскому чиновнику – его пациенту, искать которого нужно было в горкоме партии. Следующим утром мы пошли вдоль красивейшего проспекта Руставели, на котором располагалась наша гостиница, до центральной площади и нашли здание горкома. Чиновник, к которому у нас было письмо, оказался первым секретарем Тбилисского горкома. Удивившись и отсидев небольшую очередь, мы были приняты этим важным деятелем довольно любезно и вручили ему письмо и небольшие сувениры: духи и коробку конфет. Он спросил, не нужно ли нам чего-нибудь, но мы вежливо отказались, ограничившись беседой.

Тогда он спросил, где мы остановились и, узнав, позвонил директору и стал что-то говорить по-грузински, перемешивая речь русскими восклицаниями типа «лучший друг приехал».

Побеседовав немного, мы распрощались и вернулись в гостиницу, где обнаружили, что куда-то пропали наши вещи. Обеспокоившись, мы обратились к портье, который немедленно вызвал директора. Директор прибежал, громко восклицая «Смерти моей хочешь?! Почему сразу не сказал, каких

друзей имеешь?!» и повел нас в другой номер двухкомнатный люкс, где уже были наши вещи, а на столе вино и фрукты. Это меня не просто удивило, но и обеспокоило, т.к. к концу отпуска наши финансы поистощились.

Но этим дело не кончилось. На следующее утро за нами пришел большой черный автомобиль с интуристовским гидом и мы поехали осматривать Тбилиси и окрестности.

И в таком духе мы провели три дня, увиливая по-возможности от разных предлагаемых нам аттракционов.

К самолету были присланы два ящика фруктов и вин: профессору Б.Б.Когану, который оказался лечащим врачом нашего любезного хозяина, и нам.

Отдав последние деньги за багаж и поблагодарив хозяина, мы вылетели через Москву в Ленинград.

Поездка на Камчатку. После возвращения с описанных выше Дальневосточных учений под руководством маршала К.К.Рокосовского я долгое время находился под впечатлением мощи, огромных просторов и незабываемой красоты этого края. Мне захотелось показать все это Любе.

По существовавшим правилам, офицер флота имел возможность получения бесплатного проезда для себя и для жены, если проводил отпуск в лечебном санатории. Был такой санаторий и на Камчатке, в Паратунке – небольшом поселке в 40-50 км от Петропавловска, на берегу целебного озера с необыкновенными оздоровительными свойствами.

Зимой 1968-1969 года у нас дома в гостях был Л.М.Зайцев – начальник оперативного отдела Штаба Камчатской флотилии, очень приятный человек, бывший во время моей Таллиннской службы командиром одного из наших эсминцев – откуда и произошло наше знакомство и добрые отношения. Узнав о моих намерениях посетить Дальний Восток, он любезно прислал нам парную путевку в санаторий «Паратунка» и в августе 1969 мы с Любой отправились в длительное и очень интересное путешествие по маршруту Ленинград – Омск – Петропавловск – Совгавань – Владивосток – Ленинград.

Дети были уже взрослые, Боре исполнилось 20 лет и мы

впервые могли оставить их одних. Забегая вперед, скажу, что Миша с нетерпением ожидал нашего возвращения, находя, что Борино правление гораздо жестче материнского.

Первая остановка в этом большом путешествии была в **Омске** – городе, в котором Люба провела в эвакуации два военных года. Мы прервали полет на сутки и осмотрели Любины памятные места.

Особое впечатление произвел на меня дом, где в Омске Люба провела два года вместе с матерью и несколькими другими родственниками. Это была маленькая покосившаяся избушка и мне представились нелегкие условия их жизни. Вот ретроспективное описание жизни там, сделанное Любой. «Деревянный домик смотрел на улицу двумя окошками. Рядом уже выросли современные дома (пятиэтажки), около которых он грустно доживал свой век. Надо было ему поклониться – ведь в двух своих комнатах он укрыл и обогрел две эвакуированные семьи в тяжелейшие голодные военные годы. Морозы в те зимы доходили до -42^{0}С. А летом выручал огород – позади дома было несколько грядок, засеянных семенами, полученными в Сибирской Сельхозакадемии и дававшими прекрасный урожай овощей. Был и колодец с водой, пригодной для полива. Воду для питья, умывания и стирки надо было приносить за три квартала из обледеневшей водоразборной колонки. По счастью, существовали профессиональные «водоноски» – женщины, которые за умеренную плату приносили на коромыслах в наш дом ежедневно четыре ведра воды.

В Омске наша семья оказалась потому, что там постоянно жил наш родственник А.И.Дворжец и два его сына – железнодорожник – Моня и, только что окончивший мединститут, Илья. Через два дня Илья уехал с госпиталем на фронт, дважды попадал в окружение, но в конце концов дошел до Берлина.

Было очень грустно, что ко времени нашего путешествия не было в живых ни Абрама Ильича, ни Мони. Мы смогли только побывать на их могилах. Повидали жен и детей обоих братьев».

Мы проехали по центральной улице, увидели Автодорожный Институт, где начиналась Любина студенческая жизнь; Меди-

цинский Институт, на территории которого во время войны работали как Омский, так и Второй Московский мединституты; здание драматического театра, где тогда поочередно давали спектакли местная труппа и московский Театр им. Евгения Вахтангова.

Из этого Омского Московского «землячества» в мирную жизнь перешли добрые отношения со многими людьми.

В сентябре 1943 года, когда уже произошел коренной перелом в ходе Отечественной войны, Мирон Семенович забрал семью из Омска в Москву, хотя немецкие войска еще находились вблизи Смоленска.

Следующая длительная остановка произошла в **Красноярске** из-за плохой погоды. Мы ее удачно использовали: на такси проехали по центральной улице, по плотине Красноярской ГЭС переехали на другой берег Енисея и смогли оценить как размах строительства, так и величие реки.

Спустя двое суток мы снова сели в самолет и через Иркутск и Магадан прилетели в Петропавловск. В **Магадане** просидели часов 16 из-за нелетной погоды. Задержка на несколько часов в Магадане позволила нам посмотреть этот ГУЛАГовский город, который произвел на нас тяжелое впечатление. Мне запомнилась там, несмотря на август месяц, сырая и холодная погода, невольно навевающая мысли о тюремной сырости и печальной судьбе тысяч и тысяч людей, сгинувших или «в счастливом случае» проведших всю свою жизнь в этих местах в годы сталинского террора.

В **Петропавловске** нас встречали командир Камчатской дивизии подводных лодок Яков Ионович Криворучко и Л.М. Зайцев. Мы провели двое суток в местной гостинице и осмотрели Петропавловск. Запомнились памятники обороны Петропавловска времен Крымской войны и адмирала Завойко, чугунные пушки и такие же ограды на братских могилах.

Были мы в гостях у Зайцевых. Его жена – милая женщина была по специальности глазным врачом и рассказывала нам о своей трудной в этих условиях работе: она обследовала и лечила от трахомы местное население в разных удаленных

местах, куда приходилось добираться, в том числе на гусеничных вездеходах.

Придя в гости, мы принесли с собой, не скажу что особенный, но как оказалось уместный подарок – к каждому прибору мы поставили по «мерзавчику» (100 граммовой бутылочке) водки. Мы привезли с собой около сотни таких бутылочек и везде они нам очень пригождались – на Камчатке с водкой были трудности – во времена Советской власти трудности возникали во всем.

В Петропавловске нас очень хорошо принимали, как впрочем, и в других местах, ведь мои однокурсники в самых разных регионах занимали уже достаточно высокие посты. На Камчатке, в частности, из нашего выпуска был командующий флотилией Б.Ямковой.

Но и еще одна подпорка была у нас. Мой училищный приятель Леша (Алексей Михайлович) Гонтаев был здесь до недавнего времени командиром Дивизии подводных лодок и дал специальную телеграмму своему приемнику – тому же Якову Ионовичу.

Побыли мы 2-3 дня в Петропавловске, полюбовались, в том числе Авачинской сопкой – периодически действующим, т.е. извергающимся вулканом и поехали в санаторий в Паратуньку.

Сам санаторий состоял из двух больших корпусов: в одном корпусе жили отдыхающие флотские офицеры, в другом сменные команды подводных лодок после походов.

Санаторий расположен недалеко от одноименной деревни Паратунька. Мы несколько раз прогулялись по деревенским улицам. У любого дома можно было спросить у хозяйки: «Нет ли икры или семги на продажу?» и купить то или другое по весьма недорогой цене. Люба приспособилась посылать икру своим подругам в целлофановых пакетах, засыпая их уротропином или бурой. И посылки эти благополучно доходили до адресатов.

Через пару дней нас посетил начальник тыла флотилии и любезно от имени командующего спросил, нет ли у меня каких либо пожеланий. Я попросил прислать нам «козлика» -

автомобиль-вездеход для поездки и осмотра окрестностей. Через два дня козлик приехал и мы поехали вглубь полуострова. Проехали километров сто по грунтовой дороге, местами вброд через ручьи и реки и приехали в населенный пункт Гоналы.

Он есть на всех картах. На самых мелких по масштабу на Камчатке всегда все же обозначены 3 пункта: Петропавловск, Усть-Камчатск и Гоналы. Так вот населенный пункт Гоналы состоит из четырех деревянных домов и колодца. А есть на всех картах.

Наша поездка по времени совпала с ходом на нерест горбуши и это зрелище запомнилось нам на всю жизнь. Мелкая речушка вся бурлила и пенилась, это горбуша шла в верховья на нерест. На мосту сидели мальчишки и ловили горбушу «на поддев». У каждого в руках была леска, а иногда и веревка с грузом на конце и вделанными в нее острием вверх несколькими гвоздями. Ловля заключалась в движении лески вверх и вниз пока на один из гвоздей не насадится рыба за что попало: за хвост, за бок, за жабры. Рыбы шло так много, что ни один из рыболовов не проводил время зря.

В столовой санатория за одним с нами столиком оказалась приятная дама, специалист, как она выразилась, по местному фольклору. Она много и довольно интересно рассказывала нам про разные места Камчатки и местные обычаи.

Фамилия дамы была Орлова и оказалась она, как мы случайно узнали, женой первого секретаря Камчатского Обкома КПСС. Своего местного положения она совершенно не афишировала, была приятной собеседницей и партнером по лечению. Когда она узнала, что мы приехали не лечиться, а знакомиться с Камчаткой, то кроме всего прочего посоветовала нам маршрут интересного путешествия.

Мы взяли в санатории отпуск на неделю, причем нам любезно даже дали с собой на дорогу продуктов в счет наших путевок.

На центральном Камчатском аэродроме Елизово мы сели на вертолет и перелетели в глубь Камчатки в местечко Миль-

ково, которое лежит на среднем течении реки Камчатки.

В Мильково на аэродроме на нас напали не просто комары, но летающие звери, так что мы еле-еле справились с ними с помощью сибирского средства «Ангара».

После этого мы пошли к причалу на берег реки Камчатки и обнаружили, что на реке идет большое движение в основном буксиров или катеров с баржами, иногда и самоходные баржи. Большинство их шло вниз по течению. Нам объяснили, что кончался «сезонный завоз» в верховья реки Камчатки разных грузов на зиму и все катера и буксиры возвращались с пустыми баржами в низовья реки, т.е. как раз туда, куда нам было нужно.

Мы стали размахивать руками, приглашая проходившие суда причалить и взять нас с собой, но все было тщетно – все шли мимо, не обращая на нас никакого внимания.

Примерно спустя час к нам подошел какой-то насмешливо наблюдавший за нами местный «бич» (бродяга) и сказал: «Разве так просятся. Есть у тебя 10 рублей?» «Есть» - отвечаю я и даю ему десятку. Спустя четверть часа он возвращается с тремя бутылками водки (или спирта, уже не помню), одну засовывает себе в карман, а двумя другими машет в воздухе. Первый же катер немедленно подошел к причалу и охотно взял нас с Любой до Усть-Камчатска, куда он направлялся. Плата две бутылки его вполне устраивала.

Нам представили маленький двухместный кубрик в носу катера. После отхода я, естественно, поднялся в штурвальную рубку, наблюдать за движением. При этом я поступил неосмотрительно – отдал водку сразу. Результат был следующим.

Экипаж катера состоял из трех человек: капитана – небольшого роста местного уроженца камчадала, моториста – механика и матроса – «на все руки». Первое время наш катер с баржой на буксире вел капитан. Он удобно устроился, сидя на высоком стуле и держа штурвал в руках. На полке перед ним стояла одна из моих бывших бутылок водки, большой кусок масла и каравай хлеба. Ведя свой катер, он периодически, не слишком часто, но и не слишком редко аккуратно делал

большой бутерброд с маслом, наливал полстакана водки, выпивал и с аппетитом закусывал. Так примерно часа три. Затем он что-то крикнул в переговорную трубу на местном наречии, бросил руль и, растянувшись на полу рубки, захрапел. Через минуту появился моторист-механик взял руль и весь спектакль, но с другим исполнителем повторился в точности. Только звать было некого. Передо мной лежало на полу два человека, а катер с баржой шел неизвестно куда с работающими двигателями.

За эти 6 часов я успел ознакомиться с правилами плавания по реке Камчатке. Существовало два типа створных знаков: один – «плыви вдоль берега», второй – «переходи к противоположному берегу». Делать нечего, пришлось мне взять штурвал в руки и вести катер с баржой. Еще через 3 часа (т.е. проспав 6 часов) капитан проснулся, молча взял у меня руль и мы проследовали дальше. «А если бы меня не было?» - спросил я. Ответ был: «Ничего, ткнулись бы в берег, в конце концов, и простояли бы. Берега песчаные». И как в воду глядел. Прошло еще несколько часов и мы видим, как такой же катер с баржой стоят, уткнувшись в берег. Капитан посмотрел и говорит: «Однако мой брательник стоит». Подошли поближе и спрашиваем: «В чем дело?»

«Горючее кончилось, не на чем идти».

«А на барже у тебя бочки с чем?»

«С горючим, однако».

«Так залей в систему».

«Да, правда, а я и забыл».

Перелили общими усилиями горючее и братья решили идти вместе. Скрепили крест-накрест катера и баржи и пошли в том же духе дальше. Сэкономили вахты, ведь достаточно одного человека на руле соединенного каравана.

К следующему вечеру приплыли к Ключам, что стоят у подножья Ключевской сопки, где и заночевали. Ключевская сопка гора очень красивая – почти абсолютно правильный конус высотой около 5 000 метров и курится большую часть времени. Когда подлетаешь к Камчатке, то почти всегда белоснежная

конусообразная вершина прорезает облака и красиво смотриться сверху над ними.

Утром пошли дальше. Во время плавания по реке все время любовались абсолютно дикими местами. Всюду мощный лес. Раза два видели медведей на отмели. Местами река, пробиваясь через горы, сужалась и уровень ее как бы поднимался вверх – эти места назывались «Щеки». Очень красиво.

Во время плавания нужно было внимательно следить, чтобы не натолкнуться на топляки, которые встречались довольно часто. Раньше по реке Камчатке проводился молевой сплав (т.е. бревна пускали вниз по течению поодиночке) и топляков на нашем пути встречалось много. Все дно реки, по сути, покрыто весьма ценным «мореным» лесом. Японцы предлагали большие деньга за этот лес и при этом очистили бы дно реки, но получили отказ.

Прошли мы мимо двух-трех аккуратных, но совершенно безлюдных поселков. Это был результат проводившейся в то время политики Советской власти по «укрупнению» колхозов и населенных пунктов. По всей стране население окрестных сел и деревень свозили в один пункт, укрупняя его и превращая все остальные в пустоту.

Власть считала себя вправе решать за людей, где им жить. Такие были времена.

Тем временем путешествие наше по реке Камчатке, которое заняло двое с половиной суток, подошло к концу. Мы прибыли в **Усть-Камчатск –** небольшой городок, расположенный на прибрежной низменности и в большинстве своем состоящий из серых одноэтажных домиков. В одном из таких домиков – в местной гостинице мы и поселились

Командующий Камчатской Флотилией мой однокашник контр-адмирал Б.Ямковой передал указание местным флотским подразделениям встретить меня и показать город и окрестности. Но флотская часть в Усть-Камчатске представляла собой пост связи и наблюдения во главе с единственным офицером, который был и местным военным комендантом. Во время нашего пребывания в Усть-Камчатске он был в отпуску

и нас принимали два мичмана. Они показали нам городок и дали «банкет» на побережье открытого Тихого Океана, который (океан) произвел на нас сильное впечатление – громадные волны накатывались одна за одной на берег, весь заваленный крупными топляками. Банкет состоял из изысканных морепродуктов (крабы, икра, лососина), но хозяева не обращали на них никакого внимания, а предлагали зеленый лук, приговаривая, «это мы сами, сами вырастили». Естественно, мы высоко оценили их труды и старания.

За несколько лет до нашего посещения Усть-Камчатск, расположенный на низменности, сильно пострадал от цунами – колоссальной силы волны, которая образуется обычно в результате подводных землетрясений. Чтобы избежать повторения катастрофы, а цунами на Тихом океане явление не редкое, власти выделили на каждые 4 двора по грузовику и провели дорогу в горы длиной в 18 километров. Ездить совершенно некуда, но люди спокойны и грузовики стоят во дворах как новенькие. Прокатили и нас по этой дороге – в никуда.

В Усть-Камчатске мы осмотрели так же местный рыбоконсервный комбинат. Он расположен на косе, образованной при впадении реки Камчатки в океан. Такое расположение дает возможность принимать рыбу, крабов и другое «сырье», как с морских, так и с речных причалов, находящихся по обе стороны косы.

Рыба поступает на заводской чердак и спускается самотеком по воде, проходит через пункты обработки так, что в конце выходят банки с красной икрой и пакеты с рыбой. Нас принял директор завода, как весьма редких в этих местах экскурсантов и на прощание продал нам несколько банок икры «по себестоимости». В целом это была интересная экскурсия.

Наши местные хозяева – мичмана предложили мне посетить с попутными транспортами Командорские острова, но я не решился на это, т.к. время возвращения не было обозначено с достаточной точностью и достоверностью, а мне, да и Любе, нужно было возвращаться на работу в точное время.

Поэтому, завершив осмотр Усть-Камчатска и его достопри-

мечательностей, мы сели на теплоход «Николаевск», совершавшей рейс по маршруту: Провидение – Усть-Камчатск – Петропавловск – Советская Гавань – Владивосток. На нем у нас была заблаговременно забронирована каюта и мы отправились в обратный путь в Петропавловск. Когда мы сели на него, это был чистенький белый теплоход с очень приятной обстановкой. День он плыл на юг вдоль полуострова тихо и спокойно и мы весьма довольные путешествием легли спать. Утром мы проснулись на другом корабле. На палубе стояли палатки тесно одна возле другой, в коридорах повсюду в спальных мешках или поверх них лежали люди. Оказалось, что ночью теплоход сделал остановку на рейде Жупаны – месте, известном знаменитой «жупановской» селедкой, и принял баржу с молодежными туристами, которые хотели успеть домой к началу занятий.

В таком перенаселенном виде теплоход пришел на следующий день в Петропавловск, мы сошли на берег и переехали в свой санатории очень довольные этой интересной поездкой.

К концу нашего пребывания в санатории мне позвонил Б.Ямковой и предложил, сославшись на просьбу командира Совгаваньской базы контр-адмирала Н.Н.Сидорчука, доставить нас на попутном грузовом самолете в **Советскую Гавань** Николай Николаевич Сидорчук в бытность мою в Таллинне только начал командовать эсминцем «Серьезный» и сразу проявил себя очень способным, лихим и умным командиром. За эти годы с 1954 до 1969 он дорос до адмиральского звания и был командиром базы в Советской Гавани.

И он, и его жена Валентина Павловна, которые всегда были к тому же и очень красивой парой, приняли нас очень хорошо, вспоминали Таллинн и совместную службу на Балтийском море. Мы ездили за грибами, любовались уникальной бухтой и даже «отоварились» немного в базовых «закрытых» по обычаям того времени магазинах.

Н.Н.Сидорчук быль не только хорош на корабельном мостике, он был весьма рачительный хозяин и на работе и в семье. Я неоднократно бывал впоследствии во Владивостоке, где он

был затем начальником Тыла Тихоокеанского Флота и постоянно встречал его доброжелательную поддержку. Впоследствии, уйдя в отставку, он работал директором Санкт-Петербургской гостиницы «Октябрьская».

Из Советской Гавани мы перелетели гражданским авиарейсом во **Владивосток**, где остановились в гостинице «Челюскин», ресторан которой был для меня памятным местом еще по лейтенантским временам.

Во Владивостоке мы задержались на 3 дня, посмотрели город и окрестности, плавали на Русский остров и объехали многие красивые бухты, окружающие город, полюбовались красотой Амурского и Уссурийского заливов. К тому времени во Владивостоке настроили много домов–башен, живописно вписавшихся в горный пейзаж и очень украсивших город.

Помогал нам осматривать город капитан второго ранга Сергей Ильич Тузов – начальник вычислительного центра Штаба Тихоокеанского флота – очень приятный человек, гостеприимный хозяин, к тому же яхтенный капитан, катавший нас и под парусами.

Скажу сразу, чтобы не повторяться, что именно Сергей Ильич Тузов оказался несколько лет спустя моим преемником в Военно-Морской Академии. Однако Ленинград оказался для него роковым местом. Проработав в Академии всего несколько лет, он внезапно скончался от болезни сердца.

Возвращаюсь к окончанию нашего интересного путешествия. Из Владивостока мы возвратились в Ленинград на самолете через Хабаровск – Свердловск и Горький. Мимо Москвы мы пролетали стороной ночью и с высоты она выглядела, как гигантская многоцветная брошь – очень красивое зрелище.

Путешествие на Дальний Восток, особенно Камчатка заполнилось нам на всю жизнь.

На этом я, пожалуй, закончу описание наших путешествий периода военной службы, т.к. описать их все довольно сложно, пожалуй, достаточно.

Юбилейные встречи. Перейду к другой теме – школьным и училищным юбилейным встречам.

С начала **о школьных встречах**. О первой встрече на 25-летие выпуска, совпавшей с моим участием в Киевском учении, я уже упоминал. В последующем все встречи проходили раз в 5 лет и были, в общем, похожи друг на друга, но с постепенно уменьшавшимся числом участников.

В первый день все собирались в полдень в сквере у памятника Богдану Хмельницкому и после часа, отведенного на частные разговоры, шли к зданию нашей школы, которая располагалась неподалеку. В первые встречи, пока в этом здании размещалась школа (уже не наша), мы заходили в свои классы и сидели за своими партами, вспоминая школьные годы.

Вечером в специально снятом ресторанном зале организовывался торжественный ужин с перекличкой учеников, разными аттракционами, призами и веселыми воспоминаниями.

Вспоминаю как-то на одном из вечеров, кажется по случаю 50-летия выпуска, к нам в зал вошла группа молодых людей и вежливо осведомилась, по какому случаю веселятся эти далеко не молодые люди. Узнав, что по случаю 50-летия окончания школы они воскликнули «Боже мой, мы уже через 5 лет всех позабывали, а вы через 50 лет помните, молодцы!» На второй день встречи организовывалась общая поездка за город: за Днепр на острова или в другие места.

Вечером собирались уже в разных местах малыми компаниями по школьной дружбе и интересам.

Так проводились эти встречи до перестройки. С началом нового времени довольно много «ребят» эмигрировали в США, Израиль и Германию. После этого встречи проводились уже малым составом. Последний раз такая встреча состоялась в 2003 году и было на ней 11 человек, все кто остался в живых в России и на Украине и 2-3 человека прилетевшие из США и Германии. Но переписка идет до сих пор. Нужно сказать, что в основном мы обязаны организации этих встреч небольшой группе товарищей и главным образом Михаилу Исааковичу (в прошлом «Мике») Альберту, который живет в Нью-Йорке и главным делом своей жизни имеет переписку с одноклассниками, в том числе и со мной. Получая эти письма, он выборочно

но копирует их содержание и рассылает во все адреса. Таким образом, «все про всех все» знают. Низкий поклон ему за это.

В настоящий момент, когда я пишу эти строки из нашего класса из «мальчиков» в живых пока остался я один, и еще 1 «девочка» – Эся Мазина. Из параллельного класса, в котором учился М.Альберт, осталось 3 «мальчика» и 5 «девочек».

Немного другой характер носили **училищные юбилейные встречи**. Из Училища выпущено было нас 600 офицеров, а на первую встречу в 1966 году собралось 300 человек, остальные погибли в войну. С тех пор эти встречи проходили раз в 5 лет и последняя была на 55-летие выпуска в 1996 году.

Эти встречи проходили несколько по-другому. В первый день встречи офицеры с женами собирались в 15 часов в Училище, в зале Революции. Первым делом поминали погибших в войну и умерших, затем председатель оргкомитета делал «отчетное сообщение о состоянии дел»: статистику по флотам и по званиям, другие примечательные события. Затем выступали представители 6 рот с частными сообщениями, затем проводилось фотографирование по ротно и по интересам.

Вечером давался банкет в одном из лучших Ленинградских ресторанов.

На второй день собирались частные компании по домам и на этом встреча заканчивалась.

В одну из встреч было организовано специальное фотографирование и один из наших выпускников контр-адмирал А.Надеждин, бывший в то время директором картфабрики Гидрографии ВМФ, издал специальный альбом, в котором каждый из нас представлен двумя фотографиями: курсантской и современной. Спасибо ему – сохранилась хорошая память обо всех товарищах.

Наш класс и «примкнувшие к нему» обычно собирались у нас дома, один раз у Григория Михайловича Подобрия. Нас в Ленинграде жило 3 человека: Г.Подобрий, Г.Велтистов и я. Сколько осталось нас из выпуска сейчас я не знаю, здесь нет как в школе инициаторов. Знаю только про свою «ближнюю» компанию. К сожалению все уже покинули этот свет: и Юра

Иванов, и Игорь Лисовский, и Гриша Подобрий, и Гриша Исай, и Леша Гонтаев. Мир их праху.

Мы поддерживаем связи с женой Юры Иванова Валей, которая переехала после его смерти в Ленинград, Шурой Лисовской, которая живет в Киеве и Катей Погодиной – Мельниковой, которая живет в Калининграде.

Нужно отметить, что встреч выпускников Военно-Морской Академии не было ни разу. Не случилось. Может быть, возраст окончания был уже не сентиментальный. Или не нашлось организаторов. Некоторые связи по выпуску из Академии все же остались. Вспоминаю такой случай: на одной из училищных встреч мне рассказывал одноклассник Иван Бондаренко, что он демобилизовался из Калининграда с Балтийского флота и поехал жить на родину в Запорожье, живет там плохо, нет жилья и не предвидится.

В этот время командующим Балтийским флотом был мой однокурсник по Академии адмирал Владимир Михайлин. Я написал ему письмо с просьбой помочь Ивану Бондаренко. И, представьте себе, через полгода я получаю благодарственное письмо от Ивана. Он получил хорошую квартиру в Запорожье.

Оказалось, что В.Михайлин, получив мое письмо, в свою очередь написал ходатайство секретарю Запорожского Обкома с соответствующей просьбой. Я был очень доволен и благодарил Михайлина.

Покупка дачи. Когда наши дети были маленькие, то летнее время они проводили на даче Любиных родителей под Москвой, в то время как мы с Любой проводили обычно летние отпуска частично в санаториях, частично в автомобильных поездках. Но время шло, московская дача была продана, годы наши не убавлялись, впереди маячили внуки и мы стали подумывать о покупке своей дачи. Пару лет мы пробовали снимать, что-либо на лето, но ни нас, ни детей, привыкших к свободной жизни на своей даче, это не устраивало.

И лето перед моим уходом с военной службы мы потратили на поиски дачи в целях ее покупки. При этом Люба приговари-

вала: «Хорошо бы поближе к городу, чтобы полов мыть было поменьше и садик бы был не очень большой». Много мест мы объездили, но без видимых результатов. Предлагали все больше в садоводствах очень маленькие участки, домики из ящиков и подручного материала, участки низкие, промокающие.

Если же попадался приличный дом, то он стоил дорого (за пределами наших возможностей), да пока мы раздумывали, его быстро в течение 2-3 дней уводил другой покупатель.

От раздумий про высокие цены нас освободила моя дорогая сестра Эдя.

Со свойственной ей решительностью, унаследованной от нашей незабвенной мамы, она заявила «Кто это покупает дачу или машину на свои деньги? Только жулики! Займите денег у друзей, потом отдадите». И хотя это противоречило всем моим житейским правилам, мы так и сделали: заняли, где могли. Теперь мы могли купить дом или, по крайней мере, принять решение быстрее, если найдем то, что нам понравится.

Все поиски описывать нет смысла, остановлюсь на двух случаях.

Последнее лето перед покупкой дачи мы снимали комнату в Юкках у «понимающих» людей: хозяин – Василий Иванович был директором мясного магазина, а хозяйка держала кур – более сотни, точно, сколько сама не знала.

И вот я нашел объявление о продаже дома в Сосново. По описанию дом и участок были подходящие. Чтобы не попасть впросак, я пригласил с собой на осмотр Василия Ивановича. Василий Иванович говорит: «А справка у Вас есть?» «Какая справка? – удивляюсь я. «Справка о доходах» – отвечает Василий Иванович. Потом плюнул и говорит: «Впрочем, я забыл, что Вы не «деловой человек», а ученый. Вам справка не нужна. Это мне бы нужна была справка».

Приехали в Сосново, дом действительно, добротный, участок свободный, большой, много сосен растет. Василий Иванович лезет в погреб с ножом и скребет самые нижние венцы.

Вылезает и говорит – все в порядке, гнили нет, можно покупать. Потом оглядел участок и добавил: «А эти все деревья

долой, все выкорчевать и можно посадить полезные вещи». Вмешивается хозяин и говорит: «Ну, в таком случае я Вам дачу не продам. Я считал Вас порядочным человеком, а Вы, как я вижу, вандал». Оказалось, что по профессии он был растениевод и вообще дачу продавал только потому, что ему предстояла тяжелая операция и он хотел на случай печального исхода оставить жене деньги.

Еле-еле его успокоили. Но потом покупка расстроилась все равно – его уговорили вообще не продавать дачу. Этот случай был, однако, мне очень полезен – я видел, как Василий Иванович осматривал и оценивал дом.

После того, как эта покупка расстроилась, я пошел в ближайшее адресно-справочное бюро, дал сидящей там женщине 5 рублей и пообещал давать столько же за каждое объявление о продаже дачи, если я буду знать в нем первым.

Через неделю она нам звонит и говорит: «Продается дача в Кирилловском, адрес такой то!» Был уже ноябрь месяц, но решили поехать – хотя это довольно далеко – 100 км. Приезжаем и находим хороший добротный большой дом на горе, поселок в сосновом бору, рядом озеро, вроде бы все ничего.

Говорим, что дом подходит, но нужно подумать. «Хорошо» – отвечают хозяева – думайте». Мы вышли, прошли 100 м, я подумал немного и говорю: «Если мы не дадим согласия, этот дом уплывет, как и все остальные». К тому же мы поняли, что эта дача расположена в 15-20 км от нашего любимого соснового бора, куда мы ездили собирать грибы и вообще отдыхать – это самые лучшие места Карельского перешейка.

Постояли мы у забора минут 15, вернулись в дом и сказали хозяевам, что согласны купить этот дом за 15 000 рублей. Это соответствовало 30 моим месячным зарплатам. Договорились, однако, что саму покупку произведем через 3 месяца.

В тот же вечер наш дотошный сын Боря позвонил хозяевам дачи якобы от третьего лица и спросил, продают ли они дачу. Ответ был: «Дача уже продана». Мы поняли, что имеем дело с порядочными людьми.

Через месяц примерно старый хозяин дачи Г.М. Ром при-

шел ко мне и попросил срочно (до акта купли-продажи) 5 000 рублей, т.к. он нашел себе нужную им меньшую по размерам дачу. И я ему дал эти деньги под расписку, хотя я его мало знал. Но не ошибся, деньги он не замотал.

Нужно было теперь оформить покупку дачи. И хотя я был не мясник, а профессор и справку о доходах с меня не спрашивали, все равно мне нужно было получить разрешение начальства или канцелярии областного правительства. Этот была для меня очень высокая инстанция.

Помог мне Д.Л.Кутай. Ему протежировала высокопоставленная дама – начальник областной канцелярии в Смольном, т.к. ее сын учился в Училище им.Фрунзе и Д.Л.Кутай за ним приглядывал. Так жили при Советской власти. Всем правил блат.

Дама дала указание Выборгским властям и сообщила мне об этом. Убедившись в согласии председателя Выборгского райисполкома, я, не теряя ни минуты, взял такси, поехал в Выборг, попал на прием к нему и он с хмурым видом написал резолюцию: «Председателю Кирилловского сельсовета. Продажу разрешить в виде исключения». Почему «в виде исключения» – не знаю до сих пор. И только после этого не очень грамотная женщина – председатель сельсовета оформила куплю-продажу.

Это характерно для Советских порядков. Внешне все просто и решается на сельском уровне, но в жизни всем правит блат совсем на другом уровне.

Итак, дачу мы купили, на ней выросли все наши внуки и она нам служит до сих пор. Долги выплачивали в течение 7 лет. Сестра оказалась права.

Наш класс через 30 лет.

Наш класс через 40 лет.

Первый внук.

Проводы попутчиков в Тбилиси.

М.И. и Б.А. Мамырины

На военно-грузинской дороге 1970.

С вице-адмиралом Ю.В. Ивановым.

Наша рота 40 лет спустя.

Очередная юбилейная встреча. Наш класс.
Сидят:Л.М. Вовси, А. М. Лисовская, И.А. Ганапольская, В.М. Иванова, А.И. Пономарева, К.Н. Велтистова.
Стоят: Г.Н. Велтистов, И.А. Лисовский, Л.Ф. Ганапольский, А.Л. Лифшиц, Г.М. Подобрий, И.И. Блик, Н.А. Пономарев, Ю.В. Иванов.

А.М. Гонтаев.

Перекличка одноклассников.

С И.А. Лисовским.

С доктором А. Г.Дычковским.

Туристский ужин в кемпинге. Слева направо:
Б.А. Мамырин, М.И. Мамырина, Р.П. Булгакова, Л.М. Вовси, А.Л. Лифшиц, А.В. Булгаков.

25 лет вместе.

Карелия. В лесу.

Встреча друзей. В центре Г.М. Подобрий.

Знаменосцы Училища им. М.Ф. Фрунзе.
Слева направо: Н.Н. Суворов, Ю.В. Иванов, Г.М. Подобрий.

Глава 21. Демобилизация.

В поисках гражданской работы. Возможные варианты: Академия, научные учреждения и училища ВМФ. Гражданские учебные институты. Промежуточный выбор: Институт связи и родное училище. Окончательный выбор – ЛИМТУ. Борино образование и начало трудовой деятельности.

Переход на гражданскую жизнь. Мне вспоминается заседание Ученого совета Академии, на котором обсуждался план подготовки и защиты докторских диссертаций. Заключая обсуждение, председатель совета – начальник Академии сказал «Хороший план. Через два года мы будем иметь около 40 новых, и я не сомневаюсь, достойных докторов наук... И большинство из них уйдет из Академии по возрасту. Хорошая поддержка народного хозяйства».

Время шло и я начинал задумываться о завершении военной службы. Тем более что процесс увольнения с военной службы по возрасту (впрочем и не только по возрасту) проходил в Академии не всегда в корректной форме.

Наблюдая довольно неприятную, чтобы не сказать унизительную процедуру увольнения в отставку ряда моих сверстников, я решил уйти сам после первого же сигнала.

Как ни странно, первый сигнал я получил от академического вещевого баталера – пожилого мичмана. Когда он выдавал мне обмундирование, то, передавая очередную зимнюю каракулевую шапку, сказал: «Третью каракулевую шапку тебе выдаю. Готовься к демобилизации, однако. Четвертую еще никому не выдавал».

И вот я начал процедуру перехода на гражданскую жизнь. Поскольку в последние годы я занимался в основном автоматизацией управления, использованием вычислительной техники, то относительно безболезненно мог найти применение своим знаниям и на гражданской службе. Но и по этому направлению возникали разные возможности: преподавание в Вузах или работа в НИИ или КБ. Последний путь неизбежно вел в оборонку, например, в КБ Ждановского судостроительного завода (ныне «Северная Верфь») или НИИ ВМФ.

Я все же склонялся к преподавательской деятельности. И одной из причин, толкавших меня на этот путь, было желание покончить с секретной работой, поскольку давление на людей с «нехорошими» фамилиями все время возрастало вообще, а лично мне был дан весьма болезненный урок при уходе из Морского Научного Комитета. И, как я понял чуть позже, это давление продолжалось.

Мой приятель еще со времен училища Григорий Михайлович Подобрий как-то рассказал мне, что он попробовал читать семестровый курс теоретической механики в Северо-Западном Политехническом институте, оставаясь еще в кадрах ВМФ, в Военно-Морской Академии. И я этот рассказ запомнил.

С другой стороны еще один старый знакомый Дмитрий Сергеевич Ралль очень увлекательно рассказывал о только что открывшемся институте повышения квалификации Министерства приборостроения (ЛИМТУ), вся деятельность которого лежала в близкой мне области – информатики. Там уже работали наши общие знакомые, его брат Всеволод Юрьевич Ралль, Генрих Артурович Лепин-Дмитрюков.

Этот институт находился в стадии формирования и его директор молодой и энергичный человек из партийных работников с весьма большими связями и совершенно без обкомовских предрассудков брал сотрудников исключительно по деловым качествам.

Конечно, хорошо было бы устроиться в какой-либо солидный ВУЗ, но человеку с моей фамилией это было весьма и весьма сложно даже для доктора наук и профессора. Такое было время.

Запасными вариантами все же оставались Военно-Морские учебные заведения и Научно-исследовательские учреждения. На этом же направлении находились и военные, точнее военно-морские кафедры гражданских ВУЗов. Наконец, оставалось возможность остаться в Академии гражданским профессором.

Таковы были различные пути и я решил их все исследовать по мере возможности.

Начал с более знакомых мне Военно-Морских заведений.

В Академии были несколько кафедр и научная группа, где я мог продуктивно работать. Но нужно было иметь принципиальное согласие руководства Академии и, конечно, в моем случае в первую очередь согласие начальника Политотдела.

А эту должность занимал контр-адмирал М.Захаров бывший начальник Политотдела Эскадры Северного флота в то время, когда я был командиром эсминца «Урицкий». Я упоминал в нем выше, когда описывал историю с покупкой у него трофейного пианино для Тани Мачинской.

Из руководства Академии самые хорошие даже доверительные отношения у меня были с заместителем начальника Академии вице-адмиралом Б.Ф.Петровым, о котором я упоминал ранее в этих записках. Мы учились в одно время в Академии, вместе работали в макетных комиссиях и симпатизировали друг другу. Я попросил его провести разведывательную беседу с начальником Политотдела, упомянув, что он мой бывший соплаватель.

Дня через два Борис Федорович встретил меня в коридоре и довольно мрачно сказал: «Дерьмо твой соплаватель». Таким образом, Академия отпадала в любом случае.

Дальше шли Военно-Морские училища и институты. Обстановку в моем «родном» математико-вычислительном институте, где я был долгие годы членом Совета я знал прекрасно.

К этому времени мой друг Иван Анисимович Семко, бывший директором этого института, скоропостижно скончался и его место занял контр-адмирал Виктор Степанович Бабий, тоже мой хороший товарищ. Он в доверительном разговоре вообще не советовал мне устраиваться в военно-морской сфере.

В ближайшую Московскую командировку я пошел на прием к своему любимому адмиралу В.А.Касатонову. Он мне сказал: «Пожалуйста, не спешите, я скажу, кому надо и Вас оставят. Пока я здесь, будете работать». Но я поблагодарил его и отказался, сказал, что уходить все равно рано или поздно придется и лучше сделать это сейчас, пока еще в силе и могу приспособиться к гражданской жизни. Попросил подписать мне

только рекомендательные письма ректорам ЛЭТИ, Северо-Западного Политехнического института и начальнику училища имени Фрунзе.

Письма он подписал, сказав, что сожалеет.

Почему я выбрал ЛЭТИ и СЗПИ? Когда я обдумывал работу в гражданских условиях, то сходил на военно-морскую кафедру ЛЭТИ. Вошел и обомлел. Стены всех кабинетов увешаны рисунками и схемами из моей книги «Кибернетика в ВМФ». Однако заведующий кафедрой сказал, что, к сожалению, мест у него нет. Наверно, опасался конкуренции. Но все же это была какая-то зацепка, да и рядом с домом.

В СЗПИ была кафедра АСУ и ею заведовал профессор Николаев, бывший морской офицер, он согласился меня взять и даже водил к ректору института профессору Шамраю. Последний принял меня хорошо, спросил только, не тесно ли будет двум профессорам на одной кафедре. Я ответил, что нет, не тесно, что я человек субординированный.

В упомянутый приезд в Москву я был и у начальника связи ВМФ вице-адмирала Григория Григорьевича Толстолуцкого. Это был очень деятельный и образованный человек, усилиями которого связь в ВМФ была на весьма высоком уровне.

Меня он знал хорошо, поскольку в моей докторской диссертации большой «кусок» был посвящен моделированию и оптимизации систем связи и его учреждения эти модели весьма продуктивно использовали. Григорий Григорьевич принял меня очень тепло и сказал, что место старшего научного сотрудника в Военно-Морском институте связи будет обеспечено мне в любой момент.

Действительно, через неделю мне позвонил начальник этого института контр-адмирал Виктор Васильевич Лопатинский и пригласил на работу в институт. Напомню, что это был тот самый В.В.Лопатинский, наш бывший флагманский связист эскадры СФ, семью которого я привез в 1945 году из разрушенного Севастополя.

Аналогичный звонок последовал и от начальника моего родного училища им.Фрунзе контр-адмирала Хренова, бывшего на-

чальника отдела кадров Северного Флота военного времени.

Таким образом, ближайшие тылы были обеспечены в военно-морских учреждениях и я, весьма неосмотрительно, как показало время, решил все же воспользоваться ими хотя бы на период пока не прояснится обстановка в гражданской сфере.

Завершив дела в Академии и пройдя все формальности демобилизации, я стал через 33 года военной службы гражданским человеком. Это произошло в сентябре 1973 года. Только спустя некоторое время я обратил внимание, что почти одновременно со мной Академия «освободилась» и от других преподавателей с неблагозвучными фамилиями.

Институт Связи и Училище имени М.В. Фрунзе. Без всякого перерыва я сразу же поступил одновременно в два учреждения: на ½ ставки профессора в училище им.Фрунзе и на ½ ставки старшего научного сотрудника в Институт связи. В училище меня попросили подготовить несколько лекций по оперативному искусству для начальника училища, а в Институте связи выделили программиста и я начал разрабатывать соответствующие модели эффективности систем связи. Все как будто было хорошо, но, как оказалось, не надолго.

Вместе с тем я не прекращал усилий по переходу в гражданские учебные заведения.

В ЛИМТУ я беседовал с директором Валерием Алексеевичем Бункиным и он предложил мне место профессора на любой из 10 кафедр, спросил только, при чем весьма дипломатично, не собираюсь ли я эмигрировать.

В Северо-Западном Политехническом институте меня обещали взять на работу по конкурсу в январе, а пока предложили курс «Исследования операций» по кафедре «Автоматизированные системы управления», но на условиях почасовой оплаты. Это предложение я воспринял как проверку, согласился и начал читать по вечерам предложенный курс.

Обдумав ситуацию, я решил выбрать из двух «гражданских» предложений все же Северо-Западный Политехнический институт как более надежный ВУЗ.

Все же на всякий случай я попросил директора ЛИМТУ В.А.Бункина отложить вопрос о моем переходе в ЛИМТУ до января (когда должен был пройти конкурс в Северо-Западном). Бункин был весьма огорчен, но согласился ждать.

Так в довольно напряженной работе прошло время до нового года. Сразу после нового года мое разнообразное гражданское устройство стало трещать по всем швам.

Началось все с того, что заведующий кафедрой АСУ Северо-Западного института профессор Николаев пригласил меня и, извинившись, сказал, что «по изменившимся обстоятельствам» взять меня в штат сейчас нельзя, но я смогу продолжать, как угодно долго, читать на условиях почасовой оплаты. Позже я узнал, что никаких обстоятельств не было, просто он испугался конкуренции.

Переход в ЛИМТУ. После этого я позвонил директору ЛИМТУ и сказал, что готов поступить к нему на работу. Теперь он предложил мне на выбор место профессора на двух кафедрах: кафедре «Автоматизированных систем управления (АСУ)» или на кафедре «Теории систем». Я побеседовал сначала с заведующим кафедрой АСУ В.Моревым. Увидев список моих трудов, он неприкрыто испугался: 200 работ, 8 монографий! «Нет, нам нужен кто-нибудь попроще» – сказал он. Впоследствии этот ответ ему аукнулся.

На кафедре теории систем зав.кафедрой Н.И.Лещинский, в прошлом подполковник Академии им.Можайского, сказал: «Я ничего и никого не боюсь, пусть будет у нас «свой» профессор, приходите».

Я дал согласие и подал бумаги на конкурс. Конкурс прошел в январе 1974 года и я был принят, как оказалось очень вовремя. За неделю до этого события меня пригласил начальник Института Связи В.В.Лопатинский и, очень извинившись, сказал, что у него возникли трудности «понятно в какой системе» и он очень сожалеет, но нам нужно расстаться, а он опять «останется ни с кем».

Понятно, о какой организации шла речь – о КГБ. Я сразу подал заявление об уходе и из Института Связи и из Училища

Фрунзе, т.к. ясно было, что и там возникнут те же трудности.

Увольнение внешне прошло прилично «по переходу в ЛИМТУ в связи с избранием по конкурсу».

Итак, после сложных поисков я обрел довольно надежное и, как оказалось, интересное гражданское место работы, на более чем 30 лет. Однако я дал себе слово: «Ни одной строчки и ни одного часа по секретной тематике. Хватить мне оскорблений за мою же работу». Это слово я сдержал, не поддаваясь ни на какие соблазны и предложения.

Борино образование и начало его трудовой деятельности. В 1966 году Боря закончил школу хорошо, с золотой медалью и решил поступать в ЛГУ на математический факультет. Хотя поступить туда с нашей фамилией было очень и очень трудно, но все же мы решили, не уклоняться, а попытаться пробиться туда.

Но, помня, что «и рыцари не должны быть дураками» мы приняли все возможные для нас меры. По математике он был, естественно готов. По физике он стал заниматься дополнительно с университетским физиком Н.И.Бурунгуловым и был хорошо подготовлен. По русскому языку он готовился также с преподавателем Университета Александровым. По всем предметам он был хорошо подготовлен.

Наступили экзамены. По первому же экзамену письменной математике Боре поставили тройку, что означало как будто бы конец нашим надеждам. Однако, работающий в аппеляционном жюри университетский преподаватель Марк Иванович Башмаков (впоследствии известный профессор, академик Педагогический Академии) проверил решение, и нашел, что Борины решения все были правильными, можно подать жалобу в аппеляционое жюри и, несомненно, оценка будет исправлена. Однако М.И.Башмаков отличался хитроумием. Он посоветовал Боре подать аппеляцию не сразу, а по окончании всех экзаменов. Это был превосходный совет. На остальных экзаменах, глядя на злополучную тройку по математике, лица, «ответственные за поступление» (а фактически за провал) абитуриента с нежелательной фамилией считали, что злое

дело сделано, в оценки по остальным предметам не вмешивались и Боря получил по ним хорошие отметки. А когда все экзамены кончились, он подал аппеляцию на тройку по математике. Поскольку аппеляция акт прилюдный, а математика наука точная, то пришлось исправить оценку, у Бори оказался хороший проходной бал и он был принят в Университет вопреки всем проискам.

Учился он хорошо, имел все отличные оценки, сделал хороший диплом и получил официальную рекомендацию в аспирантуру, в том числе и от комсомольской организации. Официальную рекомендацию! И тут мы все, и главным образом я, совершили глупость, поверив этой рекомендации. Боря подал заявление в аспирантуру, был допущен к экзаменам, но получил три балла по философии и естественно принят не был. Нельзя не отметить, что незадолго до этого Боря имел отличную оценку на экзамене по той же философии. Дело в том, что рекомендацию давали люди порядочные, но безвластные, не политики, а ученые и Борины товарищи, а тройку ставили другие люди, руководствуясь политический установкой.

Сразу встал вопрос о работе. Распределение было в аспирантуру, оно, естественно, лопнуло, а другого не было.

В то время злого государственного антисемитизма устроиться на работу по специальности с нашей фамилией было очень трудно, а «с улицы» практически невозможно.

Поехал я к своему другу Ивану Анисимовичу Семко директору математического института ВМФ посоветоваться.

«К себе взять не смогу» – сказал он, в этом вопросе даже я, начальник института, не властен, но помочь, наверно, можно, дай мне неделю времени. Через неделю он дал нам координаты двух предприятий оборонки, куда следует обратиться. И после некоторой волокиты в одном из них, судостроительном конструкторском бюро нашлось место для Бори.

Он проработал там семь лет на инженерной должности, где по сути приложения его математическим знаниям не было. За это время ему все же удалось сделать кандидатскую диссертацию и защитить ее в Совете ЛОМИ.

Директором КБ, где Боря работал, был очень способный инженер Александр Ильич Буртов. Впоследствии я ему отплатил за доброту – посодействовал быстрому прохождению его докторской диссертации через экспертный Совет ВМФ, членом которого я раньше был во время работы в Морском Научном Комитете.

По службе Борю иногда посылали в командировки в разные города: в Москву, Горький, Казань. Но вот мы заметили некоторую странность в его поездках. Куда бы он ни ездил, возвращался он через малоизвестный нам ранее город Великий Устюг. А когда мы вдруг получили по почте из этого города посылку с необычным содержимым – самоварной трубой, то поняли, что дело тут не случайное.

Действительно, оказалось, что в этом древнем русском городе живет его судьба – тоненькая девочка Таня Савелова.

Они познакомились достаточно давно, еще, когда Боря был на четвертом курсе Университета, в летнем математическом лагере под Вологдой. Спустя некоторое время к нам пришли в гости две милые девушки: Таня со своей младшей сестрой Олей (тогда еще школьницей).

Дело шло к свадьбе, которая и состоялась в ноябре 1976 года. Свадьбу праздновали в ресторане Метрополь, было много гостей, приехала Эдина дочка Веруся, много друзей – разных возрастов, в том числе наш Тбилисский приятель Гоги Майсурадзе с женой, Танины родители и ее руководитель из Вологодского Пединститута, где она училась.

Свадьба прошла весело и многолюдно. Тамадой был Гоги и очень веселил всех самыми неожиданными тостами, например: «За Петре», т.е. за Петра I. Дело было еще в том, что во время войны он воевал под Ленинградом.

Я вспомнил нашу с Любой свадьбу, где был один гость. Теперь другие времена и это, наверно, хорошо.

Встал вопрос о жилье для молодых. Его удалось решить в 3 этапа по совету опытного юриста. Сначала мы сделали внутрисемейный обмен, т.е. взяли к себе Любину маму – Веру Львовну, которая жила за стенкой, в соседней квартире, а

Боря с Таней поселились в ее комнате. Затем они обменяли эту комнату на меньшую в соседнем доме, а после рождения их дочки Машеньки, нашей первой внучки, у них оказалось формальное право вступить в жилищный кооператив, что они и сделали. В итоге они получили, естественно, за немалые деньги хорошую трехкомнатную квартиру возле Сосновки, где и живут до сих пор.

Боре (да и мне конечно тоже) хотелось перейти на педагогическую работу по специальности, но время было тяжелое и никаких перспектив не появлялось, что было весьма грустно.

Но вот в 1980 году появился маленький лучик надежды. Борин знакомый Марк Иванович Башмаков, который посодействовал умным советом Бориному поступлению в Университет, за прошедшие с того момента 11 лет стал профессором и был избран заведующим кафедрой математики Ленинградского Электротехнического Института (ЛЭТИ). И он сказал Боре, что он взял бы его к себе на кафедру преподавателем, но нужно, чтобы институтские власти, т.е. ректор дал бы ему такое указание.

Оставалось немного – уговорить ректора. Ситуация была очень похожая на известный анекдот о еврейском свате, который сватал бедную девушку за сына Ротшильда. Все было у него на мази, оставалось «уговорить» Ротшильда. Так и у меня. И представьте себе я своего Ротшильда, т.е. ректора ЛЭТИ Вавилова «уговорил».

После долгих размышлений я решил воспользоваться одним из последних советов Мирона Семеновича, Любиного отца: «В крайнем случае, можно обратиться к академику Несмеянову» – сказал он мне в последний год жизни.

Для себя мне не было нужды ни о чем просить его, да и если бы было, я не счел бы возможным этот сделать, но для Бори – родного внука Мирона Семеновича я решил попробовать. Тем более что я не считал это акцией протекционизма. Это был акт преодоления препятствий, которые ставил перед нами несправедливый режим.

После довольно долгих попыток, я попал на прием к

А.Н.Несмеянову. Он принял меня очень тепло, дал мне письмо к ректору ЛЭТИ Вавилову, в котором изложил ситуацию предельно откровенно и свою просьбу. При этом, передавая мне письмо, он заметил, что я чувствую себя неуютно, и сказал: «Не переживайте, Вы не за себя просите, а обстоятельства вынуждают. Это у каждого человека может случиться. Для меня это просьба Мирона Семеновича с того света. А ему я обязан жизнью».

Письмо я отдал в приемную ЛЭТИ и через два дня М.И. Башмаков позвонил Боре и пригласил его приходить в ЛЭТИ оформляться. Таким образом, Боря перешел в ЛЭТИ, где проработал много лет, быстро превратившись в хорошего преподавателя.

Б.Ф. Петров

Профессор М.И. Башмаков.

Глава 22. В ЛИМТУ – на кафедре Теории систем.

История становления ЛИМТУ. В.А.Бункин. Кафедра Теории систем. Коллектив кафедры. Начало гражданской преподавательской деятельности. Кафедра Исследования операций. Б.Я.Курицкий. Кафедра АСУ. Деловые игры. М.М.Бирштейн. НИР в гражданских ВУЗах. Научные конференции и школы. А.А.Федулов. Первая всесоюзная школа ЛИМТУ.

ЛИМТУ. Итак, я поступил на работу в ЛИМТУ – Ленинградский институт повышения квалификации по методам и технике управления. Во главе института стоял достаточно молодой (36 лет), очень активный, в меру порядочный и абсолютно незакомплексованный человек – Валерий Алексеевич Бункин.

О нем я расскажу подробно несколько ниже.

ЛИМТУ имел два факультета: факультет «Автоматизированных систем управления» (АСУ) и факультет «Городского хозяйства» (ГХ). Институт был организацией двойного подчинения. В части деятельности факультета АСУ институт входил в главк АСУ министерства приборостроения. В этот главк входили около 13 институтов и 20 конструкторских бюро, расположенных во всех республиках СССР. Эти НИИ и КБ вели разработки АСУ по общей тематике, но каждый в основном для своего региона. Порядки в главке были достаточно жесткие, все организации работали в едином русле и нужно сказать, что руководство главка всегда хорошо смотрело вперед.

ЛИМТУ, находясь в этой системе, должен был обеспечивать повышение квалификации работников НИИ и КБ, входящих в главк АСУ.

Все годы я работал именно на 1 факультете ЛИМТУ. Был еще 2-ой факультет – экономический, который обеспечивал потребности повышения квалификации работников городского хозяйства Ленинграда. Этот факультет имел три кафедры: строительства, торговли и транспорта.

Валерий Алексеевич Бункин, создавая коллектив с нуля, сделал ставку на отставных офицеров флота и авиации и не ошибся. Все кафедры возглавлялись бывшими офицерами. Кафедра Вычислительных средств – капитан 1 ранга В.Ю.

Ралль, кафедра Исследования операций – полковник Б.Я. Курицкий, кафедра Программирования – полковник Л.А.Иванов, кафедра Теории систем – подполковник Н.И.Лещинский. Если добавить сюда двух проректоров полковников-авиаторов из Академии Можайского и абсолютное большинство преподавателей – отставных офицеров флота и авиации, то картина будет ясной.

Немногочисленные штатские преподаватели смеялись, говорили, что в институте правит всем «черно-зеленая хунта».

Небольшой институт из 200 преподавателей имел 150 кандидатов и 10 докторов наук. Состав небывало сильный для такой организации. Поступить в ЛИМТУ преподавателем с улицы было по существу невозможно. Каждого новичка должен был рекомендовать кто-либо из работающих и оба являлись в кабинет директора на 1-ю беседу. И «рекомендатель» чувствовал свою ответственность лично перед директором. Меня, например, привел в ЛИМТУ Всеволод Юрьевич Ралль.

Но эта кадровая политика сразу поставила ЛИМТУ на самый высокий уровень не только среди институтов повышения квалификации, но и среди регулярных ВУЗов.

Популярность ЛИМТУ среди слушателей была очень высока. Аудитории всегда были заполнены до отказа, а иногда открывались двери в коридоры и часть слушателей сидели там.

Кафедра производственно-экономических систем. Вернусь к кафедре, куда я был принят. В общем, она имела экономическую направленность и с этой точки зрения я был на ней несколько инородным телом. Я разбирался, естественно, в теории систем, но конкретики производственно-экономических систем (иначе говоря, предприятий) я еще не постиг. Занятия свои кафедра в основном вела на экономическом факультете и на курсах директоров.

Соответственно и состав кафедры имел в основном экономический уклон. Сам Н.И.Лещинский, хотя был из технарей, увлекался экономикой, имел по своему передовые взгляды, воевал с «ортодоксами», но свои воззрения излагал не очень

понятно, опыта руководства кафедрой не имел, но имел сильный и вспыльчивый характер, поэтому порядок и дисциплина на кафедре были.

Ортодоксальные экономисты его теорий не признавали, а порой боялись его сентенций типа «Кому это нужно, чтобы количество тракторов было равно количеству испеченных буханок хлеба».

Помню, как однажды он пригласил меня «для поддержки» на свой доклад в Финансово-экономическом институте. После подуторачасового доклада Н.И.Лещинского председательствующий встал и сказал: «Обсуждать этот материал мы не можем. За полтора часа ни разу не прозвучал термин «прибавочная стоимость». И закрыл заседание.

Коллектив кафедры был самый разный. Основные преподаватели были традиционными экономистами. Была среди них, однако, пара экономистов, на мой взгляд, довольно безграмотных, но нагловатых.

Познакомился я с некоторыми особенностями гражданской работы в советское время.

Была на кафедре лаборантка Наташа, молодая девочка, которая работала мало, вечно торчала в курилке и где-то еще, только не на кафедре. По своей привычке к работе я как-то стал ее стыдить. Получил весьма неожиданный ответ: «За эту зарплату я должна Вам вредить, а я просто бездельничаю. Скажите спасибо». Зарплата у нее была 70 рублей. Пришлось призадуматься.

На кафедре была машинистка, которая, на мой взгляд, тоже не работала. Написал я очередное пособие и отдал ей печатать. Она взяла материал и начала не спеша работать. Узнал про это заведующий кафедрой и стал очень огорченно сетовать: «Что Вы наделали?! Я уже должен был ее уволить за безделье, а теперь снова ждать полгода». И рассказывает: «Я ее давно стыдил за безделье, свел даже к директору. Тот тоже стал ей выговаривать, но получил неожиданный ответ: «Валерий Алексеевич, посмотрите на меня, я женщина красивая, зачем же мне работать?» Директор в ужасе прогнал ее и ве-

лел никогда больше к нему не пускать. И решили ее уволить за наглость и безделье. А я этот план чуть не испортил, во всяком случае, затормозил.

Еще одна мудрость. В гражданской жизни существовал профсоюз и я в него, естественно, вступил. Кафедральная методистка мне и говорит: «На Вашем месте я бы ни за что не вступила в профсоюз, зачем столько денег отдавать зря».

В общем, я вел себя довольно скромно. Наблюдал, никого не учил, вживался в коллектив и новую непривычную обстановку. Но иногда все же допускал промахи. На военной службе у всех было примерно равное, во всяком случае, соразмерное существование. И была привычная отговорка: когда решался вопрос, не соответствующий твоей компетенции, существовала общепринятая реплика: «Этот вопрос не на мою зарплату», т.е. это дело начальства.

И вот здесь в ЛИМТУ я тоже как-то сказанул эту поговорку, не подумав, что я единственный профессор в институте и зарплата у меня почти самая высокая. Понял свою ошибку.

Я вел себя достаточно скромно, не вмешивался не в свои дела, как мог содействовал повышению квалификации коллег, обучил их алгоритмизации, некоторым вопросам использования ЭВМ и постепенно завоевал, если не любовь, то достаточно большое уважение коллег.

Однако, мои знания, опыт и интересы лежали в проблематике факультета АСУ. Понимая это, директор института определил мне курсы на факультете АСУ на кафедре «Исследования операций» и на кафедре «Автоматизированные системы управления».

На кафедре **«Исследование операций»** мне читать было очень легко. Коллектив кафедры был довольно сильный, читались основные разделы дисциплины, хорошо использовались ЭВМ. Мой курс «Теории управления» я построил на «отходах» своей докторской диссертации и использовал те разделы «Исследования операций», которых в других кафедральных курсах не было: динамическое программирование и статистический поиск. Поэтому вошел я в работу в этих группах быстро

и без проблем.

Правда, заведующий кафедрой Борис Яковлевич Курицкий сказал мне удивленно: «Я думал, что Ваш курс будет из «слов» и огорчался заранее, а у Вас он тоже из формул, алгоритмов и программ. Вы наш человек».

Борис Яковлевич Курицкий – в прошлом полковник с военной кафедры Военмеха имел докторскую степень дело знал и был трудяга. Но грубоват. Подбор кафедральных преподавателей был очень сильным.

Приведу пример уровня и постановки дела по исследованию операций в ЛИМТУ.

Как-то пришел ко мне старый товарищ и по Северному флоту, и по Академии капитан 1 ранга, доктор и профессор Александр Григорьевич Светлов и попросил проконсультировать дочку, которой предстояла дипломная работа на экономическом факультете ЛГУ. Я увидел толковую девочку и дал ей выпускную работу одного из наших слушателей.

В работе была поставлена и решена задача линейного программирования для конкретного предприятия с использованием соответствующего пакета программ на ЭВМ. Через пару месяцев Светлов с дочкой приезжают и благодарят – девочке предложили остаться на кафедре.

Для практических приложений моего курса мне нужно было систематически разрабатывать машинные программы и постоянно поддерживать их на современном уровне. И очень кстати у меня появилась «своя» программистка. Дело было так. Еще в Академии я был официальным оппонентом в математическом институте ВМФ на защите одной из сотрудниц Людмилы Константиновны Павловой – весьма способной женщины.

И вот спустя несколько лет, уже в ЛИМТУ она ко мне приехала и попросила помочь ей устроиться на работу в ЛИМТУ – ей надоела «секретная» работа.

Я повел ее к своему старому товарищу Генриху Артуровичу Лепину-Дмитрюкову и он взял ее на свою кафедру преподавателем программирования.

После этого она долгое время в течение 4-5 лет участвова-

ла во всех моих работах и учебных, и научных в качестве программиста и соавтора.

Так обстояли дела на кафедре Исследования операций. Сложнее было **на кафедре АСУ**. Здесь было не обойтись «хвостами» моей диссертации.

Когда я пришел с начальным визитом на эту кафедру, уже будучи в ЛИМТУ, то выделенный для беседы со мной доцент М.И.Мельцер, умный, но весьма нахальный молодой человек, фактически заправлявший делами на кафедре, сказал мне: «Нам нужно закрыть несколько «дыр» в обучении» и назвал, каких именно «дыр».

Я ему ответил, что он имеет дело не с холодным сапожником, а с профессором, который будет читать курс, какой сочтет нужным. Он с удивлением и неудовольствием удалился. Я решил поставить курс «Теория АСУ предприятием». Это был базовый, нужный, хотя и теоретический курс для кафедры АСУ. Постановка такого курса потребовала от меня больших усилий и времени, но, в конце концов, такой курс был создан и читался ряд лет, все время совершенствуясь.

В процессе создания этого курса я должен был проштудировать достаточно большой объем совершенно новой литературы, причем взял за правило по возможности лично знакомиться с авторами наиболее важных и интересных работ. К тому времени я был уже знаком с академиками А.Л. Минцем, И.С.Бруком, Н.П.Бусленко, Якубайтисом, профессором Е.С. Вентцель, Л.А.Расстригиным и некоторыми другими. Теперь я познакомился с помощью В.П. Боголепова с профессором МГУ Г.Х.Поповым (впоследствии мэром Москвы и одним из «факелов» перестройки и демократизации) и рядом профессоров Института Проблем управления (ИПУ) АН СССР (директор академик Трапезников). Среди них упомяну профессоров А.Л. Ицковича, В.Н.Буркова, В.Л.Эпштейна, Б.А.Березовского. Это все были заведующие лабораторий ИПУ.

Установил я деловые и личные контакты с заместителем директора «Института системных исследований» профессорм Б.З.Мильнером.

Некоторые из этих людей впоследствии во время перестройки получили всероссийскую, правда различной окраски, известность, например Г.Х.Попов или Б.А.Березовский. Но в те времена это были просто известные ученые в области теории управления.

Из них близко я сошелся с профессорами А.Л.Ицковичем и В.Бурковым, бывал у них дома. Через эти контакты и знакомства я стал получать приглашения на различные Всесоюзные симпозиумы и конференции в области управления и старался не пропускать наиболее интересные из них. И здесь круг моих гражданских научных контактов все время расширялся. Таким образом, я более или менее вошел в круг гражданских специалистов по системам управления, что было мне очень полезно.

В это же время я организовал в ЛИМТУ семинар по тематике моделирования систем управления. Передо мной стоял пример семинара по исследованию операций, который вел в Военно-Морской академии И.Я. Динер. Директор ЛИМТУ сразу понял важность такого семинара для ЛИМТУ.

Я сделал на этом семинаре головной доклад, а затем стал приглашать с докладами раз в месяц своих новых знакомых по АН СССР. Доклады были безусловно новыми, интересными и важными для становления ЛИМТУ.

Однако следует признать, что среди преподавателей ЛИМТУ этот семинар особым успехом не пользовался. Во всяком случае, меньшим, чем во внешнем мире. Все они больше были склонны к практической учебной деятельности.

Деловые игры. Была еще одна область, в которой я волей-неволей оказался довольно известным специалистом – деловые игры. Я уже имел случай в этих записках упомянуть, какое место занимали в военно-морском образовании и практике военные игры. С теорией и практикой проведения игр я был, естественно, хорошо знаком.

И вот теперь как аналог военных игр в народном хозяйстве стали развиваться так называемые «деловые игры».

У истоков развития деловых игр в России стояли неординар-

ные люди: **Мария Мироновна Бирштейн** и ее муж Тимофей Павлович Тимофеевский. Не могу не сказать о них несколько слов. Оба они были старше меня лет на 10-15. Судьбы их были похожи. Мария Мироновна провела первую в СССР деловую игру в Ленинградском Инженерно-экономическом институте еще в 1934 году, после чего была репрессирована, но уцелела, оказавшись лишь в ссылке, откуда вернулась в Хрущевские времена. Схожая судьба была и у Тимофея Павловича. В ссылке они и познакомились, и поженились.

Во время, когда я встретился с ними, это были весьма почтенные и глубоко порядочные люди. Нельзя не отметить, что материально они были весьма скромными людьми, существовавшими на небольшие пенсии и жившими в маленькой однокомнатной квартире на Кубинской улице. Весь жизненный интерес их заключался в пропаганде и развитии деловых игр. Однако по сути они были пропагандистами и адептами этого дела, но недостаточно методически и теоретически подготовленными. Естественно, что большого опыта проведения деловых игр у них тогда еще не было. И вот на их пути попался я, как человек, имевший большой практический и методический опыт проведения игр. Естественно, мы хорошо понимали друг друга и прониклись взаимным уважением.

Четвертым в образовавшемся коллективе любителей деловых игр был заведующий одной из кафедр института Повышения квалификации судостроительной промышленности инженер-капитан 1 ранга в отставке Рем Федорович Жуков. Он был моим ровесником, тоже ветераном войны. Это был очень остроумный и деятельный человек, который взял на себя всю организационную сторону дела пропаганды деловых игр.

Была создана ассоциация активных методов обучения управлению («АМОУ»), в президиум которой я входил в течение многих лет.

Эта организация проводила ежегодные конференции в разных красивых местах страны. В отличие от большинства других членов президиума «АМОУ», для которых деловые игры были главным делом жизни, для меня это было попутное от-

влечение и я отдавал ему немного времени, был там на роли эксперта. Все же я считал для себя полезным не отрываться от игровых методов, особенно, когда я перешел впоследствии на кафедру АСУ. Периодически я выступал на этих конференциях или вел их заседания. Позже уже в 1981 году я написал даже небольшую книгу «Деловые игры в управлении», в которой обобщил опыт разработки и проведения игр в области Автоматизированных систем управления.

Таковы были мои первоначальные шаги в гражданской жизни.

Мне уже пришлось упомянуть ранее, что ЛИМТУ входил в Министерство Приборостроения не непосредственно, а был в составе научно-производственного объединения **«Ленэлектронмаш»**. Основной деятельностью этого объединения была разработка АСУ для предприятий Северо-Запада СССР. В «Ленэлектронмаше» был свой научно-технический совет, в состав которого я был введен (очевидно, как «свой» профессор).

По своим выступлениям в совете я познакомился с генеральным директором Георгием Борисовичем Кезлингом, с которым у меня установились очень хорошие взаимоотношения. Эти отношения длятся до сих пор. О нем я расскажу отдельно.

В это же время сделал «бешеную» карьеру один из моих учеников или точнее говоря, младший товарищ из математического института ВМФ Андрей Александрович Федулов. Он стал начальником Вычислительного центра Совета Министров СССР. «Возвысившись» он не забыл и меня. Хорошие взаимоотношения, а точнее дружба с ним длились лет 10, до перестройки. Он во многом «просвещал» меня по вопросам жизни и работы в «высших сферах».

Нужно сказать несколько слов о постановке **научно-исследовательской работы в ЛИМТУ** да вообще в ВУЗах СССР.

В Военно-морской академии научная работа занимала большое место в преподавательской жизни, а в моей жизни, безусловно, большее, чем преподавательская и результаты

научной работы широко использовались в процессе преподавания.

В ЛИМТУ же научно-исследовательская работы была достаточно «инородным» делом. Она велась только, если «сверху» выделялось дополнительное финансирование, а участникам платили дополнительные деньги. На всех сотрудников денег не хватало и вообще научная работа, в просторечии НИР, рассматривалась как дополнительный заработок, совершенно не связанный с качеством выполненной работы. Существовало странное наказание: «лишить НИРа», т.е. доплаты. И это совершенно не влияло на выполнение задач, поскольку задач по сути никто не ставил.

Когда я поступил в ЛИМТУ, то меня пригласил проректор по научной работе Владимир Емельянович Сизов и сказал: «Вы у нас единственный профессор, что Вам нужно для ведения НИР?» Я привык, что в Академии тематика работ постоянно задавалась сверху Главным Штабом и мы еле-еле успевали выполнять задания.

А здесь никто ничего не задавал. Поэтому я решил, что раз сверху заданий нет, а некоторые финансовые возможности есть, пока подчинить научную работу интересам преподавания – разрабатывать учебные пособия. Я ответил проректору, что пока мне нужен один программист и машинистка. «Это у Вас будет всегда» – был ответ. И таким образом небольшой коллектив, состоящий из меня, упомянутой выше Людмилы Константиновны Павловой и машинистки был сформирован и успешно заработал.

Примерно через 1½ года ЛИМТУ впервые получил общее задание сверху от ЛЭМа, был создан коллектив и меня назначили руководителем темы.

К этой роли мне было не привыкать по академической жизни, составили план выполнения, распределили работу и приступили к выполнению.

По академическому опыту работа, естественно, начиналась с постановки задач, затем шла алгоритмизация, а потом программирование. Программисты были людьми, хотя и очень

важными, но подчиненными.

Здесь же программисты считали себя самыми важными людьми и уж, конечно, никого слушать не хотели, а считали, что они сами знают, что нужно делать, а вернее «ничего не делать». Естественно, что такая постановка вопроса не могла принести положительных результатов. Мои уговоры ни на кого не действовали и я решил дать своим оппонентам естественный урок.

Подошел промежуточный срок, я потребовал отчеты. Принял я 25%, а 75 процентов завернул, как неудовлетворительную «липу». А так как моя подпись была основанием для выплаты денег, то денег не дали. Это вызвало бурю негодования, вопрос был поставлен на совете, где с трудом и скрипом, но все же победила моя точка зрения. Работа пошла в нужном направлении в соответствии с заданием, отчеты составлены настоящие и тогда я их подписал, люди получили деньги и поняли, хотя первоначально и с неудовольствием, что НИР это не простая прибавка к зарплате, а в первую очередь «прибавка» к целевой работе.

Всесоюзная школа «Моделирование предприятий, как объектов управления». Примерно в 1977 году, т.е. на четвертом году пребывания в ЛИМТУ я предложил директору провести всесоюзную конференцию или школу по моделированию предприятий, как объектов управления.

Директор сразу понял всю важность этой идеи для популяризации ЛИМТУ и создал все необходимые условия, придал мне небольшой штаб и дал необходимые полномочия.

Подготовка заняла около полугода, удалось привлечь очень многих специалистов со всего Союза, включить и главное хорошо систематизировать почти все сопутствующие вопросы, издать труды. Директор, в свою очередь, добыл дом отдыха в Репино и обеспечил, хотя и скромное, но достаточное финансирование. В общем, школа удалась, ЛИМТУ получил известность в научных и проектных кругах. И мне лично проведение этой школы пошло на пользу – мое положение в содружестве союзных системных специалистов стало достаточно устойчивым.

Переход на кафедру АСУ. Спустя несколько месяцев после проведения школы, меня пригласил генеральный директор Ленэлектронмаша Георгий Борисович Кезлинг и предложил должность заведующего кафедрой АСУ в ЛИМТУ. Дело было в том, что у действующего заведующего этой кафедры подходил срок конкурса, а поскольку он не имел докторской степени, то больше одного срока занимать эту должность не мог. Однако я думаю, что это был лишь повод, а существо дела было в его слабости, как заведующего кафедрой. Напомню, что именно этот заведующий кафедрой В.Н. Морев, был тем самым человеком, который отказался взять меня на эту кафедру, сказав, что ему нужен не профессор, а мастер с производства.

Поэтому я был свободен в отношении него от интеллигентных «примочек» и дал согласие на переход. В декабре 1978г я был избран заведующим кафедрой. Старого заведующего я оставил своим заместителем, как оказалось не надолго.

Итак, я снова стал руководителем коллектива. С момента ухода с руководящей должности – командира корабля прошло 30 лет.

Однако я 17 лет провел в Военно-морской академии, понимал, как должна быть поставлена кафедра, имел большой опыт фактического руководства серьезными научными коллективами. Поэтому я был готов к новой должности.

На школе деловых игр с М.М. Бирштейн и
Т.П. Тимофеевским.

Тост Гоги Майсурадзе на свадьбе Бори и Тани 1976 г.

Соавтор и партнер по работе Л.К. Павлова.

Глава 23. Кафедра АСУ. Период становления.

Приход на кафедру. Первые впечатления. Преподаватели и сотрудники. И.А.Смирнов и С.Н.Астахов. Структурирование кафедры. Дела профсоюзные. Содержание учебного процесса. Научно-исследовательская и проектная работа. АСУ «Северная Заря». Кафедральные диссертации. Учебная лаборатория. Мишино образование.

Приход на кафедру. Первые впечатления. В декабре 1978 года я пришел заведовать кафедрой АСУ. Конечно, я имел общее представление о содержании ее курсов – ведь я читал на этой кафедре в течение 4 лет основной курс «Теория автоматизированных систем управления» и был знаком с рядом преподавателей, но это было выборочное знакомство.

Стал знакомиться с коллективом и понял, что коллектива нет – каждый живет сам по себе. Типичный «террариум единомышленников». Более того, я встретился с таким неприятным фактом как доносительство. Но с этим я справился быстро. После первой же попытки доноса я открыл дверь кабинета и громко сказал, обращаясь ко всем находившимся в помещении: «Вот Петрова доносит на Иванова (Иванов сидел тут же), что он такой-сякой. Если есть еще желающие, можно не стесняться…». После этого доносов не стало. Но сомнения в моих умственных способностях возникло у многих.

Потом было профсоюзное собрание кафедры, которое по своему сумбуру невозможно описать. Профоргом была доцент Х – напористая, но, как выяснилось в последствии психически не вполне нормальная женщина, к характеристике которой я вернусь несколько позже. В течение двух часов было высказано множество самых разных, часто совершенно несерьезных мнений, склок и разных, ни к чему не ведущих предложений, взаимных обид и т.д. Мне стало ясно, что кафедру нужно структурировать, целеустремить. Но нужна была опора, единомышленники.

Я имел согласие директора на приглашение новых препо-

давателей. Дело было в том, что институт даже и в то далекое советское время был хозрасчетным – предприятия платили нам за каждого слушателя и, если набор был хороший, а в советское время он был, как я описывал выше, превосходным, то можно было приглашать дополнительно преподавателей и программистов.

Первым новым преподавателем, приглашенным мною, был мой академический коллега **Игорь Александрович Смирнов,** защитивший к этому времени докторскую диссертацию и закончивший военную службу.

С Игорем Александровичем Смирновым я, знаком, как упоминалось выше, с 1957 года, т.е. без малого 50 лет, из которых около 40 лет мы работали на одной кафедре, будучи теснейшим образом связанными. Мы читали одни курсы и вместе писали учебники и научные книги.

Естественно, что мы хорошо знали друг друга со всеми нашими достоинствами и недостатками. В чем-то мы были сходны, в чем-то различались, но мы умели ценить достоинства друг друга и «не замечать» недостатков. Друзья и недруги у нас тоже были общие. Это была мужская дружба без сюсюканий, но в общем крепкая.

Кроме того, Игорь Александрович был поэт-маринист, не просто стихотворец, но очень неплохой поэт. В его стихах всегда были мысли и раздумья и я, до сих пор, люблю перечитывать его старые стихи или познавать новые.

Когда мы на время расстались, в связи с моим переходом в ЛИМТУ, мне очень его недоставало. А когда я стал заведующим кафедрой в ЛИМТУ, то первым, кого я пригласил на кафедру, был Игорь Александрович. И я никогда не жалел об этом.

В последние годы Игорь Александрович проявил себя и как вдумчивый ученый – историк, написал полную историю Русского Тихоокеанского Флота.

Одновременно с ним на кафедру была приглашена Ольга Павловна Ильина, только что успешно закончившая аспирантуру Инженерно-экономического института. Затем последовал

прием доцента **Сергея Никитовича Астахова**, тоже из Военно-морской Академии. Его порекомендовал И.А.Смирнов. С ним были потом некоторые сложности, но это был, безусловно, единомышленник, при чем достаточно опытный. Я пригласил его на должность заместителя заведующего кафедрой.

Сергей Никитич Астахов был мне знаком еще по совместной службе в Военно-Морской Академии, где он был доцентом на родственной нам кафедре электронной вычислительной техники. Это был весьма способный, достаточно трудолюбивый универсально подготовленный преподаватель и научный работник.

Если для меня он был просто знакомым человеком с безусловно положительной характеристикой, то для И.А.Смирнова он был достаточно близким приятелем, если не другом. А Игорю Александровичу я доверял полностью и поэтому сразу пригласил С.Н.Астахова на кафедру с условием, что он будет моим заместителем и возьмет на себя ведение всей учебной документации.

Нужно сказать, что свои обязанности до поры до времени он выполнял хорошо.

Но были две шероховатости, постепенно осложнявшие нашу совместную работу. Во-первых, он не любил или не выдерживал длительных усилий, напряженной работы, необходимой для достижения сколько-нибудь серьезных результатов, быстро остывал. Еще в Академии было известно почему, будучи весьма способным человеком, он не пишет докторской диссертации. «Лучше я без нее (без диссертации) – говорил он – чем она без меня». И в этом его постоянно поддерживала жена. Такие установка ставила кафедру, порой в тяжелое положение. Так, например, написал Сергей Никитич хорошее техническое задание для системы автоматизации Костомукшинского горно-обогатительного комбината, а продолжить работу, т.е. создавать систему по-своему проекту отказывается. «Я устал» – говорил он.

Эта его установка в корне противоречила моим жизненным правилам. Я всегда жил в обстановке именно напряженной

работы, считая, что без напряжения нельзя добиться результатов. Кроме того, Сергей Никитич был очень вспыльчив и часто сначала говорил, потом думал, что тоже создавало проблемы и порой усложняло работу.

Поэтому наши отношения не очень складывались. Все же в моих усилиях организовать работу кафедры, поднять качество учебной работы, квалификацию преподавателей, он меня, безусловно, поддерживал. В целом, будучи порядочными людьми, мы работали вместе без ссор, не вынося на люди наши противоречия.

Года через три после прихода он все же запросил отставки с должности заместителя заведующего кафедрой и пришлось пойти ему навстречу. Оставив пост, он в дальнейшем был скорее фрондер, чем мой сторонник, но фрондер скрытый. Об этом я расскажу несколько позже.

После прихода И.А.Смирнова и С.Н. Астахова я был не одинок и мог приступить к преобразованиям. Первоочередным вопросом я считал структуризацию кафедры. Из аморфного сообщества - «террариума единомышленников» мы создали три целевых группы по основным направлениям работы кафедры и выделили руководителей групп. Это сильно облегчило управление. Ввели один день в неделю одновременного обязательного посещения кафедры всеми преподавателями, переизбрали не вполне психически нормального профорга. Кафедра стала управляемой.

Следующим шагом было установление единых взглядов и совершенствование содержания читаемых курсов.

Мне представлялось, что поскольку наш институт создан в основном для поддержания надлежащего уровня квалификации сотрудников институтов и КБ «Союзсистемпрома», мы должны иметь с ними тесную связь.

Было принято генеральное направление – отслеживать, по мере возможности, деятельность головных институтов «Союзсистемпрома», выбирать лучшие идеи, программы и алгоритмы и распространять их среди всех слушателей, т.е. среди всех организаций. Таким образом, мы постоянно находились

на уровне новых и самых лучших идей в своей области.

Но для обеспечения этой практики нужна была тесная связь, если не со всеми, то, по крайней мере, с ведущими институтами «Союзсистемпрорма».

Нужно заметить, что и «Союзсистемпром» обеспечивал нам возможность подобной практики. 3-4 раза в год собирались совещания головных НИИ главка, на которых обсуждались основные направления работы и наши перспективы развития. Наиболее интересные работы публиковались в двух специальных сборниках главка, выходивших раз в два месяца. На этих совещаниях присутствовала и небольшая группа из ЛИМТУ во главе с директором В.А. Бункиным, который постоянно включал меня в ее состав. А вскоре меня ввели в состав научно-технического Совета Министерства Приборостроения и я систематически участвовал в заседаниях его секции «Системы управления». Заседания эти проходили в разных городах СССР по месту нахождения ведущих институтов и предприятий министерства. Спустя некоторое время я был также введен в состав секции АСУ методического совета Минвуза.

Если добавить к этому мои постоянные контакты с ведущими профильными лабораториями Института автоматики и телемеханики АН СССР (академик В.А.Трапезников), то это замкнет круг моих основных источников профильной информации по стране.

Я был, не боюсь этого слова, превосходно информирован. Естественно, что эту информацию я постоянно использовал для улучшения дел на кафедре, для выбора содержания читаемых курсов, диссертационных тем и т.д.

Для того чтобы выработать хотя бы относительное единство взглядов преподавателей мы ввели практику так называемых «открытых лекций». Выбиралась одна из лекций, как правило (но не всегда), хороших преподавателей и на эту лекцию приглашались все преподаватели кафедры. Затем лекция обсуждалась на заседании кафедры.

Имел я и практику своих личных посещений и занятий преподавателей иногда внезапных, иногда с предупреждением.

Следующим направлением деятельности было написание учебных пособий. У ЛИМТУ было свое небольшое издательство и я следил, чтобы все без исключения преподаватели публиковали свои лекции и указания по проведению практических работ. Здесь потребовалась жесткая борьба и пришлось даже расстаться с несколькими недостаточно трудолюбивыми преподавателями.

Не обошлось и без «анонимок» – любимого мероприятия советского времени. Но в целом коллектив меня поддержал – кафедра постепенно преображалась.

Представляется, что хорошим показателем качества нашей работы было постоянное стремление преподавателей соответствующих кафедр регулярных ВУЗов проходить свое повышение квалификации на нашей кафедре. Все они любили первым делом изучать наши учебные пособия для использования в своих работах и я не препятствовал этому, считая, что мы всегда напишем новые, продвинемся еще дальше.

Не всем на кафедре нравились мои постоянные преобразования и конечно мой достаточно «нажимный» стиль, интенсификация работы, систематический контроль и другие различные «беспокойства», возникшие с моим приходом. Поэтому я встречал порой довольно сильное сопротивление. Опишу несколько случаев.

Был на кафедре преподаватель с двойной фамилией **Артур Александрович Матюшкин-Герке** – довольно способный и достаточно универсально подготовленный человек, но без всяких ограничителей. Достаточно сказать, что за 6 лет он сменил в ЛИМТУ пять кафедр и при этом везде неплохо работал, но нигде не мог ужиться. Он был вообще против какого-то порядка, а я считал, что порядок нужен.

Дело дошло до комических ситуаций. Однажды должно было проходить профсоюзное собрание с какой-то обязательной по советским правилам повесткой дня. Перед собранием Матюшкин подговорил нескольких человек кафедры выбрать его председателем, а когда это было сделано, вдруг объявил: «Я предлагаю изменить повестку дня, обсудить дея-

тельность завкафедрой профессора Лифшица» Естественно, после этого неожиданного предложения возникло некоторое недоумение.

Тогда встал Игорь Александрович и сказал: «А я предлагаю такое собрание закрыть совсем». Что и было сделано к удовлетвореню большинства.

Через пару дней я пригласил к себе А.А.Матюшкина-Герке и сказал ему: «Артур Александрович, давайте объяснимся по-мужски – откровенно. Вы считаете меня препротивным человеком. Должен Вам заметить, что мое мнение о Вас точно такое же, хотя, как к преподавателю претензий нет. Давайте расстанемся без скандалов. Я помогу вам перейти на любую другую кафедру, где не будет «угнетателя» вроде меня».

Он согласился, хотя найти другую кафедру было нелегко, ведь до меня он уже был на трех других кафедрах. Но все же выход мы нашли и расстались. К моему удивлению, находясь на другой кафедре, он при встречах оказывал мне всяческие знаки внимания и даже расположения.

Следующий инцидент возник с еще одним преподавателем – Александром Владимировичем Панджавидзе. Это был человек не без способностей и довольно остроумный, но крайне ленивый. Лень мне была противна еще с детства и до сих пор я считаю ее одним из самых крупных пороков. После того, как все мои попытки побудить его к совершенствованию курса и написанию учебных пособий ни к чему не привели, я расстался с ним круто и без всякого сожаления. Это был шаг полезный и он побудил к интенсификации труда ряд других преподавателей, склонных к излишнему отдыху.

Однако я встретился и с принципиальными противниками написания учебных пособий. Например, преподаватель Григорий Исаакович Розенблат, человек очень способный и знающий, сказал мне, что он не хочет писать учебные пособия, чтобы другие преподаватели не «крали» его знания. Стоило немалого труда убедить его в несостоятельности и ущербности этой позиции. Мой взгляд на эту тему, основанный на известной истине Руставели: «Что забрал ты, то пропало, что ты

отдал, то твое», не убедил его. Однако, как человек трудолюбивый, он согласился с моим взглядом, что его позиция ведет к собственному застою, что он, как творческий человек, всегда создаст себе новый задел знаний.

Самые сложные проблемы были в течение всего пребывания на кафедре с доцентом **Михаилом Иосифовичем Мельцером**. Этот был очень способный человек, но с изъянами по части порядочности. Про него весьма точно сказал А.В.Панджавидзе: «Бог создал Мельцера, чтобы не заглох антисемитизм». Мельцер был очень трудолюбивым человеком, он постоянно писал учебные пособия, издал две книги, написал и защитил, в конце концов, докторскую диссертацию. Однако он был довольно мелкий интриган и морально не вполне чистоплотный двуличный человек.

До меня при прежнем заведующем он был полным хозяином на кафедре, с моим приходом он, естественно, этого положения лишился, стал пробовать меня на уровень знаний, но и тут ничего не получилось.

Но поскольку я не мешал его литературной работе и написанию докторской диссертации (чего он понять не мог, т.к. он бы, конечно, мешал бы, будь он на моем месте), то он выказывал внешнюю лояльность. Однако постепенно выяснилось, что он постоянно за моей спиной высказывал в мой адрес разные гадости.

Открыто он выступил против меня только один раз, он резко возражал против приглашения на кафедру И.А.Смирнова. Как я понимаю, еще один доктор впереди него был ему совершенно лишним.

Если бы М.И. Мельцер имел другой уровень порядочности, то я не заведовал бы кафедрой 23 года, а уступил бы ему заведование года через два после защиты им докторской диссертации, т.к. профессионально он был бы на месте, но морально это было исключено. Так мы и жили: внешне весьма вежливо, но по-сути довольно отчужденно.

Еще один больной вопрос: доцент **Х**. В обычных условиях довольно знающий преподаватель (даже книгу издала по

своему курсу), хотя и с весьма ограниченным общим уровнем интеллекта.

Но она была не вполне здорова психически, находилась официально на учете в психдиспансере, а периодически проходила курсы лечения в психиатрической больнице. В обычные периоды это был просто трудный в общении человек, а в периоды обострений болезни возникали постоянные скандалы в общении с преподавателями и со слушателями. Уволить ее в связи с психической неуравновешенностью было нельзя – существовал формальный запрет, ни психдиспансер, ни больница никаких справок не давали.

Мы долго, долго терпели, но вот однажды ко мне пришли два слушателя с очередной жалобой на нее. Она выставила слушателей из класса со словами: «Выйдите вон, ваше биополе не дает мне работать».

Терпение мое лопнуло. Я велел слушателям написать официальную жалобу и, никого не спрашивая, ни с кем не советуясь, совсем отстранил ее от занятий со слушателями. Эта крутая мера возымела действие. Ко мне пришел ее муж – главный бухгалтер большого объединения и после тщательного объяснения он уговорил ее оставить работу. Мы все вздохнули с облегчением.

Так постепенно стабилизировался и сколачивался преподавательский коллектив.

Научно-исследовательская работа. «Северная заря». Другим важным направлением деятельности кафедры была научно-исследовательская работа. Мне пришлось уже ранее в этих записках обращаться к этой теме.

Однако к моменту моего прихода на кафедру АСУ, ЛИМТУ вел уже довольно большую комплексную тему «Автоматизированная система управления релейного завода «Северная заря»».

Работу вел научный коллектив всего института, но головной была наша кафедра и формальным руководителем темы был ее заведующий.

К моменту моего прихода тема была достаточно «запуще-

на», по сути прозябала. В коллектив разработчиков входили специалисты разных кафедр, работы велись разрозненно, без единого плана. Работе грозил срыв. Ряд преподавателей относился к теме «с прохладцей», чтобы не сказать наплевательски. К тому же на заводе использовалась устарелая система технической документации, которая была по-сути несовместима с единой системой автоматизации управления.

Пришлось много потрудиться: ввести строгую дисциплину, систему еженедельных диспетчерских совещаний, проверку исполнения, освободиться от заведомых лентяев, склонить директора завода сменить заводскую систему технической документации, съездить в Ереван на аналогичный, но идущий впереди завод того же главка.

С трудом, но ситуацию мы выправили, тема вошла в нормальное русло.

Нельзя не отметить здесь большой заслуги упомянутого выше доцента М.И. Мельцера, который сумел после наведения порядка в организации разобраться с алгоритмами работы системы.

В целом эта работа принесла довольно большую пользу кафедре, дала преподавателям практический опыт и существенно укрепила авторитет кафедры и в институте, и в главке.

Отказ от поездок в Соцстраны. Союзсистемпром» создал один из своих институтов в Софии – столице одной из Стран Народной демократии (СНД)– Болгарии. Через него устанавливались связи с другими СНД, а по мере возможности и с западными организациями. Персонал там был смешанный, часть из России, часть из СНД. На его базе проводились и международные совещания, и разные конференции.

Поездки в СНД (Софию, Будапешт, Берлин и др.места) представляли собой некоторые поощрения. Довольно быстро наш ректор В.А. Бункин, которому нравилась ученая компания «профессора», стал мне предлагать поездки в СНД. Но когда мне выдали анкету с графами «были ли ранее в ВКПБ, КПС» и «если да, то причины выбытия» и я представил себе обсуждение этих вопросов на комиссии в райкоме, снова все эти

истории будоражить, то предпочел отказаться от этих поездок, сославшись на семейные обстоятельства. Естественно лакомая вакансия была быстро заполнена другими желающими.

Такова была система. Если по ее «понятиям» человек споткнулся однажды, то она будет держать его до конца жизни в «штрафниках» и не даст выйти из отведенных ему рамок. И только терпит его, пока он не споткнется или, не дай бог, не взбунтуется. Тут же подготовленное оружие вытаскивается и ему конец.

Диссертационные дела. По мере того, как кафедра из аморфного состояния преобразовывалась в достаточно четкую структуру, были определены учебные перспективы и налажена научно-проектная работа на «Северной заре», можно было осмотреться в вопросе научной классификации персонала кафедры. После прихода И.А.Смирнова, С.Н.Астахова и О.П.Ильиной ситуация выглядела примерно так: один профессор, два доктора, один докторант, половина преподавателей имели кандидатские степени, треть – доцентские звания.

До моего прихода подготовка диссертаций и их защита считались личным делом каждого. Кто хотел, сам искал себе тему где-нибудь в аспирантуре и барахтался в индивидуальном порядке. Кто не хотел, жил спокойно, ничего не предпринимал.

Мне по опыту работы в Военно-Морской Академии было ясно, что дело подготовки и защиты диссертаций было бы поставлено на надлежащую высоту и систематизировано, если бы в ЛИМТУ был организован свой диссертационный совет. И это было вполне возможно: была четко выраженная область деятельности института, было десять своих докторов наук достаточно высокий авторитет в своей области. И, конечно, свой совет существенно усилил бы общие позиции ЛИМТУ. Но здесь я потерпел неудачу. Ни один из ректоров ЛИМТУ меня не поддержал в этом деле: Бункин, пожалуй, не успел, Музыкантов «не хотел возиться». Так и приходилось «искать» советы на стороне, укрепляя своими защитами авторитет других институтов.

Мне же представлялось, что в идеале все преподаватели

должны были бы иметь ученые степени и что это должно бы быть делом плановым. По своему и не только по своему опыту я считал, что написание и защита диссертаций, несмотря на определенные временные издержки, в целом являлась весьма полезным делом и, для большинства преподавателей, безусловно, представляют собой переход на другой, более высокий уровень квалификации как научной, так и педагогической.

В соответствии с этим я и действовал при чем не только на работе, но и в семье. Правда в нашей семье вопросы повышения научной квалификации решаются как-то само собой. Сейчас, когда я пишу эти строки, положение таково: дед – профессор, один сын – доктор, профессор, второй – кандидат, доцент, Таня – кандидат, доцент, уже внучка Машенька – кандидат, внук Юра – тоже. Вспоминается, в связи с этим комический случай, произошедший на одном из отчетных собраний Ленэлектронмаша, кажется в 80 году. Докладчик вполне серьезно упомянул, как об успехе, о защите в текущем году двух кандидатских диссертаций (из нескольких тысяч персонала). Не удержавшись, я бросил реплику: «Это, конечно, успех, но вот в моей семье тоже в этом году также как в Ленэлектрорнмаше состоялись две защиты» (имея в виду Мишу и Таню). Зал долго смеялся. Возвращаюсь к кафедральной ситуации. Обсудили вопрос на кафедре. Активного противодействия не было, некоторый тихий саботаж, однако, кой у кого присутствовал. Составили тематический план подготовки диссертаций и я стал потихоньку ставить отчеты преподавателей с обсуждением состояния подготовки диссертаций на заседаниях кафедры. Тут же ситуация стала проясняться, определилось кто есть кто, каково положение дел. Кроме того, это было очень полезно и для выработки единства взглядов преподавателей по кафедральной тематике.

Иногда, правда не часто, выяснялось и непонимание проблем и неготовность к подготовке диссертации. В целом, однако, «процесс пошел».

Приведу несколько примеров.

Первой защитой за время моей работы на кафедре была

кандидатская защита А.А. Матюшкина-Герке. Это было в самом начале моей работы на кафедре АСУ. Защищал он сам по себе в совете Педагогического института по методической теме, мало связанной или, точнее, совсем не связанной с кафедральной тематикой. Более того, о факте защиты я узнал только после нее, когда А.А. Матюшкин-Герке пришел ко мне с просьбой освободить его на время от занятий для подготовки отчетных документов.

Нужно сказать, что обстоятельства этой защиты послужили одним из толчков, побудительных мотивов для анализа состояния вопроса на кафедре.

Следующей была защита **Эммы Ивановны Куштиной**, очень способной женщины, имевшей вкус к академической деятельности, в том числе к математике. В процессе работы над диссертацией у нее возникли некоторые проблемы с оптимизацией и я с удовольствием познакомил ее со своими работами по статическому поиску, один из алгоритмов которого был ею удачно использован. Она числилась в заочной аспирантуре ЛЭТИ на кафедре профессора Б.Я. Советова.

Это был тип «ученого-общественника». Он был вторым профессором на кафедре ректора ЛЭТИ – Вавилова, но по существу, заведовал кафедрой.

Б.Я. Советов был председателем или ведущим буквально 20-30 семинаров городского масштаба, членом всевозможных ученых и общественных советов и ему было не до аспирантов. Позже я столкнулся с диссертационными порядками на его кафедре (о них пойдет речь ниже). В аспирантуру он брал людей с уже готовыми работами и даже ими не занимался.

Я пригласил В.А. Рейнера (кстати, это был Мишин начальник лаборатории в Ленэлектронмаше), в лаборатории которого Э.И.Куштина начинала свою тему, и мы вдвоем пошли к Б.Я. Советову и хорошо нажали на него, добиваясь постановки защиты Эммы Ивановны хотя бы в следующем году. С трудом, но добились согласия, защита состоялась в срок и прошла весьма успешно. В процессе подготовки защиты я познакомился с мужем Эммы Ивановны доцентом кафедры

Б.Я.Советова Олегом Александровичем Заикиным, с которым мне позже пришлось сотрудничать, но об этом я расскажу отдельно.

Следующая была **защита Григория Исааковича Розенблата.** Здесь так же содержательных проблем не было – и работа и сам диссертант с научной точки зрения сомнений не вызывали – все со знаком качества. Но вот фамилия вызывала трудности и не малые, тем более, что Г.И. Розенблат не был аспирантом никакого института.

Нужно было найти качественный совет и порядочного завкафедрой, естественно, подходящих и по теме, и такова была перевернутая ситуация, что поиск происходил именно в такой последовательности. Сначала порядочного завкафедрой, затем подходящий профиль совета. Само собой нужно было найти и оппонентов. Обе задачи разделялись так: диссертант писал работу, все остальное, как правило, должен был делать я.

Нашли для Г.И. Розенблата, в конце концов, порядочного и очень квалифицированного завкафедрой и компетентный совет – Финансово-экономический институт и **профессора Ивана Михайловича Сыроежина**. Первым оппонентом я пригласил известного профессора ЦЭМИ своего хорошего знакомого К.А. Багриновского. Защита прошла хорошо. Впрочем, я и не сомневался в качестве работы.

После защиты я специально поблагодарил Ивана Михайловича Сыроежина. «За что?» – удивился он. «За порядочность, к сожалению, это встречается не всегда» – ответил я. «А? На том стоим!» – с благодарной и приятной улыбкой ответил Иван Михайлович. К сожалению, он спустя несколько лет скоропостижно скончался.

С этой защитой связан был и неприятный сигнал. Профессор К.А. Багриновский позвонил мне и сообщил с огорчением о том, что с ним в процессе защиты познакомился М.И. Мельцер, который первым делом наговорил ему массу разных гадостей про меня. «Зачем Вы держите такого человека?» – удивился он.

Следующей защитой была **защита Бориса Ивановича Тихомирова**. Он в свое время закончил экономический факультет Ленинградского Университета и все время поддерживал тесные контакты со своей «alma mater». В конце концов, он туда и вернулся, на кафедру социологии. На предварительном обсуждении его диссертации на заседании кафедры работа вызвала достаточно много замечаний. Оправдываясь, Б.И.Тихомиров произнес сакраментальную знаменательную фразу: «Что же вы хотите? Для вас я «трепач», но для них (т.е. для университета) я «технарь». Смех – смехом, но фраза отражала в определенной мере уровень кафедры.

Диссертация была благополучно защищена, причем здесь мне не нужно было искать ни совет, ни оппонентов: сам диссертант все сделал, да и фамилия была другая, вполне подходящая.

Были на «диссертационном» пути и некоторые неудачи. Так, когда мы обсуждали работу по подготовке диссертации преподавателя Т, то выяснились большие пробелы в научной подготовке. Оказалось, что эта, на первый взгляд, неглупая женщина, неплохой преподаватель, находится с точки зрения самостоятельного понимания проблем не на уровне. Пришлось отложить вопрос.

Вторая неудача аналогичного плана постигла нас с преподавательницей Т.В.Трифоновой, в целом весьма добросовестным и трудолюбивым человеком. Однако, в этом случае, возможна и ошибка в оценке – она работала в группе М.И. Мельцера и многое решалось с его слов. Здесь могла быть и недоработка с моей стороны.

Непросто проходила и **«докторская» защита М.И. Мельцера.** Вполне подготовленный человек – он все время как-то хитрил, что создавало ему же дополнительные трудности. Выбрал он для своей работы довольно сложную и несколько сомнительную на мой взгляд область – нечеткие множества.

На кафедральную предзащиту он пригласил ректора Г.М. Музыкантова, опасаясь «неприятностей» со стороны кафедры, т.к. многим «насолил» в процессе работы.

Кафедральный отзыв готовил И.А.Смирнов – для оценки докторской работы нужен был тоже доктор. Предварительно мы с ним договорились о предельной объективности и этот план выполнили до конца. Однако там, где были недостатки – замечания сделали.

Разбить доводы «оппонентов» Михаил Иосифович не смог и принял решение отложить защиту, несмотря на вывод кафедры – допустить работу к защите. Решение его, на мой взгляд, было ошибочным – защищаться вполне можно было.

Тем не менее, прошло полгода, мы второй раз обсудили работу – недостатки, отмеченные ранее, были устранены и мы второй раз допустили работу к защите. Спустя некоторое время мы узнали, что Михаил Иосифович, не сказав на кафедре ни слова, подал работу в Политехнический институт, где в первый раз защитился неудачно и лишь через полгода повторил защиту и получил докторскую степень. Думаю, что он перехитрил самого себя, сделав защиту тайной от кафедры.

Мы могли бы ему помочь и перевесить «недостатки» фамилии.

Но таков был М.И. Мельцер. Постоянно делая гадости другим, он обязательно ждал и от других людей такого же отношения.

Заодно расскажу еще несколько запомнившихся мне диссертационных историй.

Не просто проходила **докторская защита доцента Олега Александровича Заикина,** мужа Эммы Ивановны Куштиной, который работал в ЛЭТИ (Ленинградский Электротехнический Институт) на кафедре упомянутого профессора Б.Я. Советова.

Из уважения к Эмме Ивановне, а позже, узнав лично Олега Александровича, из личного расположения к нему, я дважды прочел его диссертацию, посвященную базам данных в АСУ и чем мог, помог ему советами.

Потом, когда мы были с ним вместе на научной конференции в Ереване, специально выслушал предполагаемый доклад на защите и содействовал его структуризации.

Наступила кафедральная предзащита и Олег Александро-

вич пригласил меня присутствовать на ней в качестве защитного противовеса.

Действительно, в процессе обсуждения я почувствовал весьма предвзятое отрицательное отношение некоторых кафедральных преподавателей и услышал нападки на работу, совершенно безосновательные. Как потом выяснилось, «нападавшие» считали, что Олег Александрович защищается «вне очереди».

Пришлось выступить в его защиту и я не пощадил нападавших. Не только благодаря моему выступлению, но и вследствие его, предзащита завершилась положительно. Совершенно та же история повторилась и на заседании ученого совета, только выступающие были рангом повыше. Защита в целом прошла благополучно, хотя и не без казусов.

Еще одна история с диссертацией. Как-то, примерно в то же время, меня пригласили сделать доклад на научной школе, организованной местным научным институтом под Таллинном в Эстонии. Вечером состоялся прием, как тогда было принято в Прибалтике, в сауне, т.е. в финской бане. Гости парились в бане, охлаждались в холодном бассейне, закусывали и выпивали, завернутые в полотенца. Такова была мода.

Обслуживали всю процедуру, естественно, местные эстонские «хозяева», т.е. молодые научные сотрудники принимающей организации.

Спустя некоторое время ко мне в Санкт-Петербург приехал один из них, привез свою кандидатскую работу и попросил отзыва.

Я прочел работу и она показалась мне очень слабой. Поэтому я сказал соискателю, что не могу дать ему положительного отзыва. «Как? – не то удивился, не то возмутился молодой человек – но ведь моя фамилия Кацнельсон, а Ваша Лифшиц!» «Если Вы носите такую фамилию, – ответил я – то для надежности должны сделать работу по качеству значительно выше среднего уровня, чтобы не позориться, а рассчитывать на успешную защиту и в том числе на мою поддержку». Молодой человек негодовал, но такова была моя твердая позиция.

Мне случалось отказывать в даче положительных отзывов и в ряде других, менее одиозных случаях, но я всегда старался в этих вопросах быть достаточно принципиальным.

Опыт показал, что всякое послабление в этом вопросе всегда чревато скверными последствиями. Ведь порядочный человек должен довести работу до качественного уровня, а не искать лазеек.

В тех немногих случаях, когда я отступал от этого принципа, всегда получались скверные последствия.

Опишу один такой **«диссертационный» случай**, который произошел еще в Военно-Морской Академии, где я был членом «докторского» совета. Как тот раз подходит ко мне заведующий кафедрой вычислительной техники, контр-адмирал Сергей Яковлевич Березин, с которым мы были в дружеских отношениях и просит: «Анатолий Львович, не приходи, пожалуйста, во вторник на защиту».

Увидев мое естественное удивление, он говорит: «Дело в том, что будет защита по твоему профилю. Честно говоря, я не уверен в качестве работы и опасаюсь твоих возможных вопросов. А у меня обязательства перед этим человеком – преподавателем училища им. А.С.Попова – Боборыкиным». Я проявил малодушие, этот совет пропустил и диссертант степень получил, защитив слабую работу, с которой я ознакомился «post factum».

Я был жестоко наказан. Мне пришлось работать с этим человеком в ЛИМТУ, где он тоже был заведующим кафедрой и проявил себя, скажем так, «не с лучшей стороны», оказавшись наглым и непорядочным человеком, например, «пинал» ногами нашего директора В.А. Бункина в самый тяжелый момент в разгар травли последнего горкомом КПСС.

И мне представляется, что это не случай, а типовое явление: «чем хуже работа, тем нахальнее автор». И, к сожалению, жизнь подтверждает это.В общем это можно логически объяснить: подавать плохую или незавершенную работу на защиту порядочный человек не будет.

На этом я завершаю специальную «диссертационную» тему,

ибо она бесконечна. Но отдельные эпизоды могут возникнуть все же в разных местах книги.

Книга «Автоматизация Управления». Примерно лет через 5 моего пребывания в должности заведующего кафедрой, когда накопился опыт и появились материалы, у меня возникло намерение написать книгу по автоматизации управления предприятиями, в которой можно было бы обобщить накопленные за эти годы сведения. Проанализировав, однако, свой многократный предыдущий опыт общения с редакциями, я понял, что писать я люблю и делаю это с удовольствием, тем более что результаты получаются неплохие, но вот «бегать по редакциям,проталкивать» рукопись и воевать с редакторами совершенно не хочу.

И я пригласил в соавторы А-ва (не буду называть его фамилию), именно с задачей работы с редакцией. В результате книга «Автоматизация управления», которая состояла из 4 глав, написанных мной и одной главы, написанной Э.И.Куштиной, вышла без фамилий авторов на обложке, но «под редакцией А-ва.». Век живи, век учись. Книга в целом была удачной, быстро разошлась и имела хорошую прессу.

Мишино образование. Миша был третий ребенок в нашей семье. Мы с Любой обрели уже к этому времени определенный опыт воспитания детей. Опишу здесь кратко основные вехи его образования. Началось все с детского сада. Когда я переехал в Ленинград и окончательно решил вопрос с квартирой, но жил еще один, без семьи, то занялся поиском детского сада. Оказалось, что соседний дом, выходящий на улицу Чапыгина, находится в ведении Военно-морского флота, точнее – Ленинградской Военно-морской базы и в этом доме есть приличный детский сад. Но сад был узко ведомственный. «Академическим» детям там воспитываться не полагалось. Однако у Академии был «свой» детский сад на Приморском шоссе. Удалось обменять место на место и формально вопрос был решен.

После этого я, не представляясь, пошел к директрисе и подарил детскому саду электрическую железную дорогу – очень

интересную и дорогую игрушку, но требующую отдельной комнаты или, по крайней мере, большого места. Директриса была в восторге и, когда я месяца через 1½ пришел официально, с ордером на место и привел Мишу, то ему была обеспечена соответствующая доля внимания. Все было хорошо, но пробыл он там недолго, т.к. в 1963 году подошло школьное время.

Тут у моей очень скромной жены проявился первый семейный «каприз». «Хочу, чтобы Миша учился в «английской школе». Вопрос был не простой. В Ленинграде было в то время всего три таких школы и одна из них была в нашем Петроградском районе, не очень близко от нас. В советское время во всех вопросах был свой четкий «порядок», правда не всегда самый разумный и всегда до нельзя бюрократизированный.

Пришел я в английскую школу. Директриса – довольно молодая еще, но строгая дама сказала: «Принять вашего сына не могу, вы не нашего микрорайона». «Но он будет хорошо учиться». «Все так говорят» – отвечает дама. Тогда на следующий раз я приношу свой золотой аттестат, Любину серебряную медаль, золотую медаль Алика, Борин аттестат весь в пятерках. Блеск медалей и аттестатов подействовал. «Ну, хорошо, однако сразу все равно принять Вашего сына я не могу. Это возможно будет сделать только через год во 2-й класс, когда освободятся места от отсеявшихся детей». «Но нужно как-то готовиться по английскому языку? – спрашиваю я. «Ничего не нужно» – отвечает Валентина Федоровна (так зовут директрису).

День поступления Миши в школу (пока обычную) был, как обычно, праздничным. В школьном сквере толпа родителей с цветами, музыка и главное – широко открытый парадный вход. Первоклашек вводят внутрь под конвоем классных руководителей и «активных» родителей, ведут в гардероб, оттуда в класс, учат запоминать путь. Все хорошо: и дети, и родители довольны. Но на следующий день, как водится, парадный вход был закрыт, вход в школу был сбоку через подвал и дети были весьма обескуражены.

Травма для маленького ребенка оказалась довольно силь-

ной, так что даже через год, вернувшись после первого дня во втором классе, Миша, обмениваясь впечатлениями с мамой, серьезно сказал: «А гардероб на старом месте».

Но вернусь к первому классу. К моему удивлению и Любиному ужасу Миша стал приносить из школы одни тройки. А я ведь обещал «англичанке» золотую медаль. Да и вообще тройки в нашем доме – это как-то «непривычно», удивительно.

Стал я приглядываться к процессу обучения и обнаружил, что почти все время в первом классе уходит на крючки и палочки, а они то не очень нашему Мише удаются. Пошел я к учительнице и наивно спрашиваю: «Почему все время уходит на правописание, ведь так много можно детям рассказать про мир, природу, людей и т.д.»

Учительница пришла в ужас: «Вся моя жизнь состоит в том, чтобы научить детей красиво писать, а Вы тут пытаетесь мне помешать». Пришлось отступить.

Прошел год. За это время, мы пригласили для Миши домашнюю учительницу английского языка, но, как показало время, не очень удачную.

Пошел я снова в английскую школу к Валентине Федоровне и она направила меня к учительнице английского языка Нине Николаевне, которая пригласила нас с Мишей придти к ней домой на проверку. Мы пришли, я просидел в прихожей, пока шел разговор с Мишей. В конце концов, он вышел очень расстроенный, Нина Николаевна мне сказала: «Взять Вашего ребенка я не могу, он не подготовлен». Мы вышли весьма сконфуженными. Но я был возмущен. Пошел на следующий день к директрисе и стал довольно жестко пенять ее за обман – ведь она говорила, что никакой подготовки не нужно.

Валентина Федоровна была явно сконфужена. Вот Вам телефон, скажете, что от меня, позанимаетесь и через 10 дней приходите.

Так и сделали. Мишу потренировали и приняли. «Неподготовленный» Миша стал у Нины Николаевны одним из любимых учеников и впоследствии, когда мы после 8 классов перевели его в математическую школу, она очень сожалела,

расставаясь с ним.

Шли годы, а Миша находился в положении подопытного ученика по математике у Бори, который каждый день оставлял ему математические задачи, главным образом, нестандартные.

Это была, хотя и интересная, но «тяжелая» школа и Миша довольно мучался, решая эти задачи. Однако эти мучения шли ему на пользу.

Но вот подошел 9ый класс и мы всей семьей решили, что Мише нужно перейти в математическую 30ю школу, тем более что все двери там были открыты для Бориного брата и, конечно, в классе Таисии Ивановны.

Всю процедуру поступления Миши в 30ю школу Боря взял на себя. Но, ни с кем не посоветовавшись, он записал Мишу в «немецкий» класс, решив, что, уж конечно, в «английском» классе делать ему нечего. К нашему удивлению Миша с этим справился. Он, правда, некоторое время в основном летом, живя у бабушки Веры Львовны на даче, занимался с немецкой учительницей, но очень малое время. Позже мы поняли, что у него оказались довольно хорошие «языковые» способности.

Таисия Ивановна не сразу разобралась в Мише. У нее был опыт работы с Борей, который в детстве был очень открытым и контактным мальчиком и довольно легко располагал к себе людей, он был любимцем у Таисии Ивановны, а Миша рос букой, и в семье носил кличку «Бурчалкин», по фамилии известного Ленинградского футболиста.

Поэтому, когда мы с Любой пришли как-то на школьное собрание, то Таисия Ивановна нам с сожалением сказала: «Это издание у Вас похуже». И впоследствии она очень смущалась из-за этого высказывания, т.к. Миша оказался способным учеником, завоевывал олимпийские награды, к концу обучения вошел в сборную команду школьников Ленинграда по математике и получил диплом на Всесоюзной Олимпиаде по математике.

Но время шло и нужно было поступать в Университет. К этому моменту Миша, как победитель Всесоюзной Олимпиады имел официальное письмо от председателя Всесоюзного

олимпийского комитета, адресованное ректору Университета с рекомендацией о поступлении – т.е. открытый лист.

Но в ту пору откровенного государственного антисемитизма это официальное письмо и олимпийские награды мало что значили. 30я школа, в которой завершили школьное образование Боря и Миша, считалась «университетской», математические кружки вели там представители университета и Мишу там знали по его успехам. Однако в математической группе приемной комиссии Мише сказали вполне приличные люди, которые его хорошо знали: «Миша, мы тебя знаем, но власть не наша. Ты получишь на экзаменах на ½ балла меньше проходного. Если нам разрешат, ты будешь принят, если не разрешат, извини».

И, действительно, сюрпризы начались сразу. Мы имели опыт Бориного поступления и поэтому Миша занимался дополнительно с университетским преподавателем по русскому языку и по словам последнего был подготовлен хорошо. «Можно быть спокойным» – сказал он.

Кроме того, Мишину подготовку проверил Любин родственник Самуил Моисеевич Итин – школьный преподаватель литературы, о котором уже упоминалось в этих записках. Он тоже сказал, что все в порядке. По математике и физике сомнений у нас не было. Однако нам объявили оценку за сочинение тройку.

Оказалось, что все сочинения с «сомнительными» фамилиями от преподавателей изъяли и «ответственные за прием лица» сами поставили Мише тройку, изменив поставленную ранее пятерку, а кому и двойки поставили.

В конце концов, Миша получил уготованный ему «полупроходной» балл, но очевидно все же подействовала грамота академика Кикоина и помощь его школьной учительницы Таисии Ивановны Курсиш (ведь 30я школа была «университетской»). Она устроила большой скандал в приемной комиссии. «Зачем я тогда работаю, если Вы так поступаете с моими лучшими учениками» – сказала она. В результате с большим трудом его все же в университет приняли. Окончил он с красным дипло-

мом и сейчас, когда я пишу эти строки, Миша является профессором этого Университета, куда он с таким трудом попал.

Вот такие были времена. Для сравнения скажу, что Мишин сын Юра, мой внук, в аналогичной ситуации в постсоветское время был принят в тот же университет, на тот же факультет вообще без экзаменов. Это я пишу для тех, у кого ностальгия по прошлым порядкам.

Отмечу, что Миша проявил в процессе своего образования достаточно большую самостоятельность. Вот некоторые примеры.

Когда Миша должен был выбирать дипломную тему, он не захотел идти по Бориным стопам и писать диплом у Бориного руководителя Сережи Валандера. «Не хочу ковыряться в Е ¯» - сказал он и выбрал другое, менее традиционное направление и другого руководителя Ю.А.Давыдова, с которым впоследствии его связывала многолетняя дружба.

Имея горький опыт Бориной «аспирантуры», я стал искать для Миши иные пути. Поразмыслив, я попросил моего хорошего знакомого Рижского профессора Леонарда Андреевича Растригина дать Мише тему и быть его руководителем на «кандидатском» пути.

Леонард Андреевич согласился, дал Мише задание. Выполнив его успешно, Миша все же не захотел заниматься этой тематикой и расстался с Леонардом Андреевичем, что вызвало определенные сложности в наших с Растригиным отношениях. И я обоих понимал. Но, в конце концов, это уладилось.

Естественно, хотя и окончив Университет с «красным» дипломом, Миша принял решение в аспирантуру не поступать, учитывая горький Борин опыт.

Но нужно было устраиваться на работу, что было отнюдь не просто. Мы с ним обсудили эту проблему и он согласился с моим предложением, поступить на работу в НИИ «Ленэлектронмаш», частью которого был и ЛИМТУ, в котором я в те времена работал профессором. Для проверки этого пути Миша прошел там студенческую практику в сравнительно хорошем отделе и не изменил решения.

После этого я пошел на прием к генеральному директору «Ленэлектронмаша» Георгию Борисовичу Кезлингу, обрисовал ему ситуацию и попросил принять Мишу на работу в отдел В.А. Рейнера, где он проходил студенческую практику. «Не беспокойтесь – сказал Г. Б. Кезлинг – Ваш сын с протянутой рукой ходить не будет. Составьте ходатайство в Университет, я подпишу». Подписывая этот документ, он добавил: «только не показывайте этот документ нашему начальнику отдела кадров. Гусей дразнить не нужно. Отправьте документ в Университет сами».

Так Мишу приняли на постоянную работу в тот же отдел В.А. Рейнера, где он проходил студенческую практику. Место это было, если не самое лучшее, то и не плохое. «Ленэлектронмаш» был, как я писал раньше, нормальным отраслевым НИИ, отдел В.А.Рейнера имел теоретический уклон, а сам В.А.Рейнер был весьма склонен к теории.

Независимо от этой лаборатории Миша продолжал совместную работу с Ю.А.Давыдовым и в весьма короткие сроки подготовил и защитил в Университетском совете кандидатскую диссертацию. Его дальнейшие весьма успешные шаги по научной тропе, естественно, должны быть описаны уже не в моих, а в его воспоминаниях. Я же на этом отрывок о Мишином образовании завершаю.

Ветераны ЛИМТУ.
В первом ряду третий слева Г.Б. Кезлинг.

Диспут на природе
с И.А. Смирновым и С.Н. Астаховым.

Доклад на зимней школе в Эстонии.

На совещании, рядом с директором ЛИМТУ
В.А. Бункиным.

Научная школа на Иссыкуле.

На ветеранском вечере в ЛИМТУ 9 мая.
Справа налево: В.Г. Шальников, Г.Б. Кезлинг,
Г.М. Музыкантов, В.А. Сокуренко.

Многолетний друг и коллега
Э.И. Куштина.

О.А. Заикин.

Коллектив кафедры АСУ. Слева направо, первый ряд:
С. Астахов, Ю. Иванов, А. Лифшиц, Г. Музыкантов,
И. Смирнов, И. Кашкаров. Стоят: Е. Кретова, С. Джеломанова,
Е.Татарникова, Ю. Бекаревич, Т. Алексеева, Г. Кузьмин, О. Ильина,
Н. Тираспольская, Е. Кочергин, М. Мельцер, А. Лобова,
А.Тихомиров.

Глава 24. Кафедра АСУ – продолжение работы.

Некоторые персоналии. В.А.Бункин, Г.М.Музыкантов, Д.Л.Кутай. Служебные поездки: научные конференции и выездные учебные группы.

Заведовал я кафедрой АСУ ЛИМТУ в течение 23 лет. За это время естественно произошло много различных событий и описывать их все подряд в хронологической последовательности не представляется мне целесообразным. Более логичным мне кажется отклониться в дальнейшем от строгой хронологии, перейти к описанию наиболее важных и интересных событий этого периода.

Начну такое описание с некоторых персоналий, в первую очередь с директоров ЛИМТУ, которых за этот период сменилось три: В.А.Бункин, Зуев и Г.М.Музыкантов. К ним и перехожу.

В.А. Бункин. Я уже упоминал о нем ранее в этих записках.

Мне очень хорошо работалось с директором ЛИМТУ – В.А.Бункиным. Он не мелочился, постоянно широко перспективно мыслил и занимался судьбой института в целом, спускаясь ниже только в случаях крайней необходимости.

Однако спустя некоторое время у него возник конфликт с городскими партийными властями и по их настоянию он был снят с работы и даже с партийным выговором от Горкома, так что и снять этот выговор по прошествии года можно было только на бюро Горкома. Поэтому ему было важно остаться у нас в институте, где его все знали.

Правда, оставшийся за директора его заместитель профессор В.Е.Сизов тут же, пока не опомнились власти, назначил его доцентом на кафедру теории систем, чем все же облегчил его положение. Я очень хорошо понимал его состояние по своему тяжелому прошлому опыту. Через год взыскание с него сняли и избрали заведующим кафедрой Теории систем. Однако у каждого человека есть свой уровень «некомпетентности». Например, я был в Училище хотя и «сильным» курсантом, но никчемным командиром отделения, хорошим старшиной роты,

не очень выдающимся лектором, но смею думать хорошим заведующим кафедрой, штурманом на четыре балла, хорошим командиром корабля, но начальником оперативного отдела на «отлично» (это оценка Командующего флотом).

Валерий Алексеевич Бункин был блестящим директором института, оказался бездарным начальником кафедры. При этом с началом перестройки эта кафедра могла бы быть самой интересной, поскольку смена экономического устройства страны давала ему необозримый простор для деятельности. Можно ,впрочем, предположить, что масштаб кафедры был ему не интересен. Несколько позже я еще один раз вернусь к В.А.Бункину в соответствующем контексте.

Зуев. После долгих поисков и раздумий генеральный директор Ленэлектронмаша, частью которого был ЛИМТУ, выбрал нам нового директора. Это был Василий Петрович Зуев. Он был начальником вычислительного центра большого оборонного завода «Звезда» и по совместительству доцентом Политехнического института – читал курс информационного обеспечения. Таким образом (формально) по организационным и специальным требованиям он подходил и как руководитель коллектива и как специалист.

После его прихода у нас с ним установились довольно хорошие отношения, более того, он попросил быть избранным доцентом по моей кафедре и был избран. Все было как будто хорошо.

Постепенно, однако, выяснилось, что работа ректора ЛИМТУ его не интересовала, да к тому же Горком КПСС по инерции конфликта с В. А. Бункиным засылал в ЛИМТУ одну комиссию за другой: общее число их было умопомрачительным – их оказалось 32 комиссии.

Примерно на двадцатой Зуев не выдержал и вернулся обратно на свой завод «Звезда». Мы снова остались без ректора. Исполняющим обязанности оставался Г.М.Музыкантов.

Г.М. Музыкантов. Новым директором ЛИМТУ был назначен Геннадий Михайлович Музыкантов. С ним мы были давно знакомы, мы пришли с ним в ЛИМТУ практически одновременно

на одну и ту кафедру: он доцентом, я профессором.

На кафедру его устроил директор ЛИМТУ В.А.Бункин. Преподавателем он был так себе, хотя имел хорошее образование, безусловно, высокий интеллект и широкий кругозор. Недостатком его, как преподавателя, была очень сложная лексика и многословие, его язык был непонятен для слушателей, хотя существо излагаемого материала сомнений не вызывало. А поскольку он читал общие вопросы управления, да еще в группах строителей-прорабов на экономическом факультете, то выглядел как инопланетянин. Дело дошло до конфликта с заведующим профилирующей кафедры. Г.М.Музыкантов даже консультировался у меня, но преодолеть свои недостатки до конца так и не смог, хотя все же удержался как преподаватель. Однако, как высокообразованный и порядочный человек, он нормально вписался в коллектив кафедры.

Преподавательский период его деятельности в ЛИМТУ был, однако, недолог. Внезапно тяжело заболел проректор по научной работе В.Е.Сизов, его место на полгода оставалось вакантным и В.А.Бункин предложил Г.М.Музыкантову занять это место. Это решение, как, впрочем, и большинство других директорских решений В.А. Бункина было весьма удачным.

Из посредственного преподавателя получился весьма неплохой проректор по науке, тем более, что в прошлом он был начальником отдела в ЦНИИМФ'е– головном НИИ Морфлота.

Он пробыл на этой должности года два, поскольку прошлый проректор по науке В.Е.Сизов, когда выздоровел, то был назначен первым проректором (по учебной части). Однако В.Е Сизов хотя был вполне на месте, но тяготился этой работой, просил его сменить.

Как-то мы с директором ЛИМТУ Зуевым были в командировке в Ташкенте и за обедом в ресторане он пожаловался мне, что не знает, куда перевести В.Е. Сизова. Незадолго до этого умер от сердечного приступа многолетний завкафедрой Технических средств В.Ю. Ралль и я предложил Зуеву назначить на это место В.Е.Сизова. Это было сделано и оказалось достаточно удачным – В.Е. Сизов успешно работал там более

20 лет до конца жизни.

К Г.М. Музыкантову это имеет то отношение, что после ухода В. Е.Сизова на место проректора по учебной работе был переведен Г.М.Музыкантов.

Он пробыл на этой должности несколько лет. Но это было не его место,хотя, как образованный и разумный человек он в целом справлялся. Недостатком было то, что он постоянно стремился вмешиваться в содержание учебных курсов на кафедрах. Это было совершенно бессмысленно. Его дело должно было заключаться в организации взаимодействия кафедр и обеспечении учебного процесса, развитии учебно-технической базы института.

В связи с уходом Зуева ему приходилось замещать место ректора весьма длительное время и, в конце концов, его назначили ректором института.

На этой должности он работал много лет не в самое легкое время – во время смены экономической формации.

Безусловной заслугой его является сохранение ЛИМТУ в смутное время. Но цена оказалась очень дорогой – института по существу нет – есть мало связанная между собой совокупность кафедр.

На посту ректора он проявил безусловную финансовую осмотрительность, великое умение считать деньги и осторожность в общих вопросах. Однако институтом в целом он не руководил. Кроме того, его осмотрительность и осторожность, безусловно важные сами по себе, часто перерастали в трусость, естественно не в личную трусость, а как руководителя. Перед принятием решений он очень долго колебался и зачастую пропускал нужный момент.

Может быть я не совсем справедлив к нему – у нас абсолютно ортогональное мышление, как и темпы принятия решений. Насколько В.А. Бункин был «моим» директором, насколько Зуев был мне безразличным, настолько Геннадий Михайлович был «не моим», чужим для меня руководителем. Сам я к нему не хожу и он очень редко меня вызывает. Так мы и живем – точнее сосуществуем.

При том при всем я сознаю, что он вполне порядочный, широко образованный и неглупый человек.

Д.Л.Кутай. Как я писал раньше, пополнение института новыми преподавателями происходило исключительно выборочно и только по рекомендациям хорошо проверенных старых преподавателей. Последние, дорожа своей репутацией (а в конечном счете и своим местом), приводили новых людей очень осторожно и обдуманно.

Не считая моих решений по приему новых преподавателей, как заведующего кафедрой, я за тридцать лет работы в ЛИМТУ рекомендовал всего трех человек: Л.К.Павлову, об обстоятельствах прихода которой я уже упоминал, А.В.Булгакова - моего старинного товарища по Военно-Морской Академии и вице-адмирала Дмитрия Львовича Кутая.

Расскажу о последнем. Это была, безусловно, колоритная фигура. В военное время он был командиром единственного Балтийского гвардейского эсминца «Стойкий», воевал весьма достойно и был многократно награжден, постепенно рос по службе и дорос до должности заместителя командующего Северным Флотом по тылу. Впервые я столкнулся, точнее встретился, с ним на Балтике в 1955 году будучи заместителем начальника штаба 32 Дивизии крейсеров. Д.Л. Кутай был тогда капитаном 1 ранга, начальником управления боевой подготовки Четвертого (Южно-Балтийского) флота, ближайшим помощником командующего флотом адмирала А.Г.Головко. Мне пришлось взаимодействовать с ним при сопровождении командующего нашим Северо-Балтийским флотом адмирала В.А. Касатонова. Я очень высоко оценил подготовленные под его руководством разборы межфлотских учений для адмирала А.Г.Головко. Безусловно, это был весьма деятельный профессионал. Он сразу понравился мне как весьма умный и достаточно контактный человек, совершенно лишенный каких бы то ни было фанаберий. Очевидно, симпатии оказались взаимными.

Затем я встретился с Д.Л. Кутаем в Военно-Морской Академии, куда он был назначен заместителем начальника Акаде-

мии – начальником, так называемой, «дубовой рощи» – годичных академических курсов, где учились офицеры, не сумевшие по различным обстоятельствам закончить нормальный полный курс Академии, но достигшие высоких должностей.

Кабинет его был рядом с помещением нашей кафедры и мы имели множество случаев для взаимных бесед или приветствий.

Для представления его, как человека, приведу такой случай, не очень масштабный, но характерный. Однажды зимой мы собрались с Любой в отпуск в военный санаторий в Кисловодск. Отвлекаясь, скажу, что зимний отдых в Кисловодске для людей не первой молодости, это просто сказка и мы очень любили его. Заблаговременно я связался с «самым добрым из армян» доктором Рубеном Леоновичем Еганяном, о котором я уже упоминал ранее, и он специально для меня прислал в Академическую поликлинику две путевки. Начальник поликлиники знал, что это «мои» именные путевки. Однако внезапно перед самым отпуском он объявил мне, что вынужден отдать эти путевки вице-адмиралу Д.Л.Кутаю.

Конечно, я был весьма огорчен, пошел к Дмитрию Львовичу и посетовал ему на судьбу. Дмитрий Львович был возмущен. Он тут же при мне позвонил начальнику медслужбы Академии: «Нельзя прикрывать свое безделье моим именем. Чужим горбом я никогда не жил и жить не собираюсь. Извольте достать путевки специально для меня, а не отбирать их у других офицеров». Так и вышло к обоюдному удовольствию и мы отдыхали и гуляли по Кисловодску вместе.

Прошли годы…. Я работал в ЛИМТУ, а вице-адмирал Кутай Д.Л. собрался уходить в отставку. Нужно сказать, что жил он на Кузнецовской улице в 5 минутах ходьбы от ЛИМТУ, что его очень прельщало.

В этот время у нас была вакансия, должность декана 2го (экономического) факультета. Мне представлялось, что он подходил к этому месту и для ЛИМТУ это тоже должно было подходить.

Я доложил В.А. Бункину, было назначено время и Дмитрий

Львович явился на прием в штатском платье, но одетый с иголочки, с золотыми запонками и такой же цепочкой для часов, при этом нужно сказать, что он был вообще видный, красивый мужчина, несмотря на годы.

Произошел первый вступительный разговор, в ходе которого В.А. Бункин, описывая ситуацию в ЛИМТУ, рассказывал о том, что у нас много флотских офицеров и большинством из них он очень доволен, упоминул, что он только один раз допустил ошибку, приняв на работу капитана второго ранга, назовем его Ивановым, и теперь не может с ним «расстаться». Кутай спросил: «Как Вы назвали фамилию? Иванов Иван Иванович? Это дело поправимое. Позвольте воспользоваться Вашим телефоном». Снимает трубку и набирает номер. «Дежурная? Кутай говорит, соедините меня с Североморском, узлом связи….. Узел связи, Кутай говорит. Соедините меня с командиром эскадры в Западной Лице. Спасибо…. Степан Петрович? Здравствуйте. Помните у Вас служил такой ленивый офицер – Иванов Иван Иванович и при каких обстоятельствах он уходил в отставку? Очень хорошо. Вас не затруднит распорядиться выслать мне копию его последней характеристики? В какой адрес? Валерий Алексеевич – подскажите, пожалуйста, адрес… спасибо, Степан Петрович. До встречи». В.А.Бункин молча (чтобы не сказать с открытым ртом) слушал этот разговор и по окончании его сказал: «Пишите заявление о приеме».

Так Д.Л. Кутай пришел в ЛИМТУ, где работал до своей безвременной кончины.

Работал он по-своему. Приходил каждый день за 15 минут до начала занятий, поднимался на этаж, где были аудитории его факультета, не спеша прогуливался по коридору. Звонил звонок. Если мимо него пробегал опаздывающий слушатель, Дмитрий Львович останавливал его и заводил обстоятельный очень вежливый разговор о погоде, о здоровье и отпускал растяпу минут через пять со словами: «Как? Вы опаздываете на занятия? Вот уж не думал, что такой аккуратный человек может опаздывать, нехорошо». Обычно урок шел впрок не только одному разгильдяю, но и всему окружению.

Читал он только двухчасовые вводные лекции, но во всех группах. Хотя был очень неглуп и мог бы наверно какие-нибудь общие курсы читать, но не хотел принципиально: «Не хочу портить о себе впечатление» – говорил он.

Безусловно Д.Л.Кутай был фигурой весьма стабилизирующей обстановку в ЛИМТУ, особенно учитывая тот авторитет, который он имел у «морской» прослойки института, весьма значительной. Но и у остального персонала он весьма быстро добился такого же уважения.

Поездки в Узбекистан. Мне неоднократно приходилось бывать в этой среднеазиатской республике. Впервые я был там еще в период военной службы. Попал я туда на очередной **симпозиум по «случайному поиску»,** который проводил ныне покойный Леонард Андреевич Растригин. Это совпало с периодом подготовки моей докторской диссертации, поэтому я делал доклад по оптимизации статистических моделей массового обслуживания. Совершенно неожиданно ко мне обратилась группа местных руководящих железнодорожных специалистов с предложением использовать мои модели для оптимального расчета числа железнодорожных путей на городских вокзалах республики. Для республики это было важно, так как все вокзалы в ее городах строились еще в царское время, движение задыхалось и предстояла реконструкция. Будучи на военной службе, я, к сожалению, работать для них не мог, совмещать же не умел еще. Поэтому дело окончилось только несколькими научными консультациями.

В этот приезд я встретился в Ташкенте со своим школьным товарищем Федей Темплем. В школьные годы это был довольно маленький и тщедушный мальчик, который хорошо успевал по математике и средне по остальным предметам. За несколько лет до Ташкентской поездки мы случайно встретились в поезде Москва – Ленинград, причем узнал меня он, а не я его. Это было естественно – он превратился в крупного весьма полного габаритного мужчину. В жизни он в определенном смысле преуспел, стал доктором технических наук, занимался проблемами транспортировки газа по трубопрово-

дам. Только сейчас я представляю важность этой проблемы для нашей страны, тогда мои понятия об этом были весьма смутными. Встретились мы довольно тепло, хотя в школе не были близкими друзьями.

Возвращаюсь к Ташкенту. Город поразил меня своими контрастами. Очень красивый, восстановленный после землетрясения, центр, весь в современных зданиях и фонтанах, и глиняные окраины вполне в духе Насреддина.

По окончании симпозиума местные «хозяева» – Институт Кибернетики Узбекской ССР организовали нам экскурсию в Самарканд. Город делился на две совершенно разных части: типично русскую с бульварами, купеческими и дворянскими особняками, православной церковью, офицерским клубом, и узбекскую с древними мусульманскими храмами: Регистан, Гур-эмиир, бесчисленные минареты, древние раскопки, обсерватория Улуг-бека XIII века- все это было поразительно и для меня совершенно ново.

Вечером хозяева дали нам банкет. В чайхане, расположенной в городском саду были арендованы столы и два больших казана-котла. В последних Ташкентские аспиранты собственноручно изготовили плов (таков обычай), который и был нам предложен в виде угощения. На тарелке оказалась такая гора превосходного плова, что, казалось, съесть его было невозможно. Однако обошлось. Была выставлена и водка с таким напутствием. «Если кто-то хочет по русскому обычаю выпить водки, то пейте сейчас, потом водка будет убрана». Прием, понятно, прошел хорошо и дружно.

Затем весь семинар возвращался в Ташкент, но небольшая группа: уже упоминавшиеся ранее в моих записках В .В. Шкварцов, Ю. Г. Полляк и я, решили еще осмотреть Бухару, сели вечером в поезд, утром прибыли в Бухару, день потратили на осмотр города и следующим вечером снова сели в поезд и вернулись в Ташкент.

Бухара также произвела на нас очень сильное впечатление. Кроме древних красот запомнился такой комический случай. В центре Бухары находилась знаменитая чайхана и рядом с ней

бассейн, в котором тонул мулла, описанные еще в похождениях Насреддина. В разгар солнечного дня живописные группы пожилых узбеков, сидели на небольших досчатых возвышениях в чалмах и пестрых халатах за местным угощением – пловом, чаем и сладостями. Мне захотелось сделать фотоснимок на память и очень осторожно, боясь обидеть местных людей, как бы тайком, я сделал несколько снимков. В этот момент я почувствовал, что кто-то дергает меня за китель. Обернулся и увидел еще одного колоритного старца в живописном местном одеянии, который требовательно восклицал: «А меня, меня почему не снимаешь?» Снял, конечно, и его.

После дня, посвященного осмотру Бухары мы вечером сели в поезд и утром возвратились в Ташкент, откуда самолетом вернулись в Ленинград.

По возвращении я получил финансовый урок советских времен. Пришел в финчасть академии отчитываться за командировку. Главбух посмотрел мои документы и говорит: «Во-первых, Вы летели самолетом, а до Ташкента есть поезд. Поэтому я Вам оплачу стоимость только железнодорожного билета. Во-вторых, хотя поезд идет до Ташкента четверо суток, но Вы же были в пути 4 часа, значит и суточные будут соответственно сокращены».

Я только рот открыл. Тут он понял нелепость ситуации, однако решения не отменил, сказал только: «В следующий раз будете брать специальное разрешение на полет самолетом». Урок я усвоил.

В дальнейшем, уже будучи в ЛИМТУ, я неоднократно бывал в Узбекистане, так как завязал тесные связи с **Ташкентским ПКБ АСУ**. Началось это так. Я был приглашен в **Новосибирский Академгородок** на семинар по методам оптимизации. Мне очень понравился сам Академгородок. Все мне там понравилось: и организация научной работы и люди, и Университет и гостиница, и «Дом ученых», т.е. местный клуб. Академгородок, его жизнь и нравы прекрасно и правдиво описаны в фильме «9 дней одного года», к которому я и отсылаю читателей.

В Академгородке располагалось и Новосибирское ПКБ АСУ нашего Главка «Союзсистемпрома», которое имело подобно ЛИМТУ двойное подчинение: Главку и Сибирскому филиалу АН СССР. И был такой случай, когда начальник главка, человек хотя и неглупый, но хамоватый (что вообще было нередким в Советские времена) сделал какие-то грубые замечания директору Новосибирского ПКБ АСУ. Но в ответ получил такую же грубость. Рассвирепевший начальник Главка сказал: «Я Вас сниму с должности». «Снимите, если сможете» – был ответ. С этим директор ПКБ уехал и рассказал историю академику-секретарю филиала А.Н. Месяцу. «Не волнуйтесь, работайте спокойно, мы преподадим Вашему начальству урок вежливости». А дело было в том, что подчинение ПКБ было двойным и без визы академика-секретаря снять его было нельзя.

Когда начальник Главка приехал сам в Новосибирск за визой о снятии строптивого директора, то академик Месяц продержал его два часа в приемной, а потом очень вежливо отказался дать нужную визу. И даже первый секретарь Новосибирского Обкома КПСС сказал Карпову, что вмешиваться не стоит.

Так Карпов получил урок, прослышав про который «весь Союзсистемпром» был доволен тем, что начальственного грубияна хоть раз проучили.

Возвращаюсь к Новосибирскому семинару по оптимизации.

После моего доклада ко мне подошел довольно симпатичный молодой человек, представившийся как научный сотрудник нашего Ташкентского ПКБ АСУ **Даниил Владимирович Маняков**. Он сказал, что его очень заинтересовал мой доклад и его тематика, он хочет заняться развитием изложенных идей и сделать по этой проблематике кандидатскую диссертацию под моим руководством. С этого разговора началось наше многолетнее сотрудничество. Чтобы не загружать читателя излишними деталями, скажу только, что работал Д.В. Маняков много и добросовестно, успешно защитил на своих и наших совместных материалах кандидатскую диссертацию, а попутно тут же защитил и на этих же материалах докторскую дис-

сертацию и его **директор С.А.Салимов** (не имевший в прочем никаких интеллигентских предрассудков).

В связи с этими работами мне неоднократно приходилось бывать в Узбекистане.

Описывать все эти поездки смысла не имеет, но одну поездку (первую при знакомстве с С.А. Салимовым) в Самарканд я все же предлагаю вниманию читателя.

С.А. Салимов сказал, что он хочет, чтобы я посмотрел Самарканд изнутри. «Вам ничего предпринимать не нужно, вот билет на ервый утренний рейс, как прилетите, то держите, сходя с трапа, вот этот номер журнала «Огонек». Я так и сделал. Взял журнал, сел в самолет на утренний рейс. Вышел в Самарканде и как в настоящем детективе стал читать журнал. Довольно быстро ко мне подошел хорошо одетый и воспитанный молодой человек, представился Мамедовым и пригласил в белую Волгу, ожидающую прямо у центрального входа в аэровокзал. Мы приехали в красивый небольшой особняк, где на веранде были поданы по узбекскому обычаю сначала фрукты и сладости, после этого плов в качестве утреннего завтрака и в завершении зеленый чай. После этого поехали осматривать город. По пути мой гид сказал мне, между прочим, что он окончил местный университет и готовится поступать в аспирантуру.

Весь день мы ездили по городу, осмотрели все основные исторические памятники: Айа-мечеть, Регистан, мавзолей Гур-Эмир, обсерваторию Улуг-Бека. В 12 веке Улуг-Бек занимался астрономией. А что было у нас в 12 веке?

И везде, как только мы подъезжали, к нам выходил специальный экскурсовод и подробно все объяснял.

Сопоставив это специальное экскурсионное обслуживание с тем странным обстоятельством, что все милиционеры брали при нашем проезде под козырек, я заподозрил, что машина не простая.

Часа в два дня мы закончили осмотр достопримечательностей и поехали за город. Вскоре приехали на дачу, окруженную большим садом. Нас принял хозяин и секрет обслуживания и

внимания местной милиции раскрылся. Хозяином оказался главный прокурор Самарканда, а наш гид его сыном. Прием прошел на веранде и длился часа три. По углам сада горело несколько костров и время от времени от какого то костра приходил солидный мужчина в халате с подносом, на котором красовалось какое-нибудь блюдо (плов, шашлык, кровяная колбаса) и его каждый раз представляли: «Это мой (хозяина) дядя. О делах говорить не будем, Салимов поговорит».

После обеда мы попрощались с хозяином, я пригласил его в Ленинград и вечерним самолетом вернулся из Самарканда в Ташкент. «Делами» оказалось две диссертации. кандидатская – Д.В.Манякова и докторская – директора ПКБ С.Салимова.

В процессе написания диссертации Д.Маняковым мы опубликовали несколько совместных статей в журнале Узбекской Академии Наук «Вопросы Кибернетики» и каждый раз я удивлялся, что к фамилиям двух настоящих авторов неизменно добавлялась третья – С..А. Салимов.

К концу нашей совместной работы Д.Маняков из аспиранта стал кандидатом наук- заместителем директора Проектно-конструкторского Бюро, а его директор – доктором наук, защитив диссертацию в ЦЭМИ А.Н. СССР в Москве под флагом роста национальных кадров.

Попутно вспоминаю, что в процессе совместной работы С. Салимов прислал ко мне еще одного из сотрудников ПКБ уже не молодого человека, который объяснил мне, что ему очень нужна диссертация: «40 лет, понимаешь, семья большая», что он все будет делать, что я ему скажу. Поговорил с ним, оказалось, что знания у него не то что нулевые, но отрицательные, я вынужден был отказаться. Салимов очень обиделся: «Не хочешь помогать национальным кадрам». «А Маняков? А Вы?». «Маняков не в счет – сказал он – Маняков не узбек. А я вообще сам по себе».

На этом дружба кончилась

Выездные группы. В Советское время система повышения квалификации инженерно-технического персонала была

довольно стройной – один раз в 5 лет нужно было где-то поучиться. Принципиально это было правильно, другое дело, что эта система страдала всеми недостатками Советской системы в целом.

Однако применительно к нашей области – автоматизации управления – местным специалистам нужно было ехать в Ленинград, что было довольно дорого и хлопотно. Были и такие начальники, которые определяли институты повышения квалификации, как место, где «бабы бегают по магазинам, а мужики по бабам».

В результате у нас существовала и такая форма повышения квалификации как выездные группы.

Обычно выездная группа имела длительность 1 месяц с согласованной программой. Для проведения занятий выделялись 8 преподавателей, по два человека на неделю. Эти два человека, читая по 3 часа в день, выполняли программу.

Такие группы проводились нами во многих, многих местах от Калининграда до Владивостока: в Одессе, Тбилиси и Ереване, Ташкенте и Алма-Ате, Новгороде и Угличе, Черновцах и Свердловске, всех мест не перечислить. Польза была обоюдной: слушатели овладевали новыми знаниями, преподаватели познавали жизнь на местах, как она есть: от Калининграда до Владивостока, от Мурманска до Бишпека. Я обычно и сам тоже ездил в выездные группы раза 2-3 в год, чтобы не отрываться от жизни.

Глава 25. Перестройка. Создание «Центра».

Общая картина. Горбачев и Ельцин. Гибель Министерства, Главка и метаморфозы учреждений. Смутное время и преобразования в ЛИМТУ. Амстердам-. первая поездка за_границу Организация Центра. Проект Calmap. Вояж – Рим-Лондон-Ейндховен. Получение техники. «Гибель» проекта Calmap. «Строительный» проект. Американское предложение.

Общая картина. Естественно, что общие перемены, происходящие в стране, отразились и на ЛИМТУ и на нашей кафедре.

Началось все с упразднения нашего «Министерства Приборостроения, Автоматизации и Систем управления», а значит и нашего Главка АСУ. Институты и КБ, входившие в Главк, будучи предоставлены сами себе, устраивались, как могли в своих регионах. **В Ленинграде** все складывалось, к сожалению, не лучшим образом. Сначала наше объединение – «Ленэлектронмаш» областные власти искусственно объединили с Электронно-механическим заводом «ЛЭМЗ» (думаю из-за схожести названий ЛЭМ и ЛЭМЗ – других общих свойств не было), а затем и совсем закрыли. ЛИМТУ оказался предоставленным сам себе. Большинство институтов повышения квалификации по всей стране позакрывались, т.к. промышленность разваливалась и никому не было дела до повышения квалификации. В Ленинграде, как я понимаю, оставалось только два таких института: наш ЛИМТУ и ГИДУВ – институт усовершенствования врачей – остальные (а их было около 30) постепенно исчезли.

Для ЛИМТУ ликвидация Главка и развал централизованной системы управления промышленностью означал потерю централизованной системы набора слушателей. Разруха, вызванная ликвидацией централизованного финансирования, вызвала, в свою очередь, рост транспортных расходов и потерю слушателей из других регионов страны.

В результате этого каждая кафедра ЛИМТУ оказалась предоставленной сама себе и выживала, как могла.

В более сносном состоянии оказались кафедры ЛИМТУ, ра-

ботающие с программистами или с техникой, а также кафедры, готовящие местных специалистов, например, строительная.

В этих условиях кафедра АСУ выжить не смогла или не сумела. Некоторое время мы существовали на выездных группах, на преподавании бухгалтерии и некоторых других дисциплин, не свойственных нашей специализации.

Этот процесс совпал с расширением моей зарубежной деятельности. Несколько лет эти две области деятельности существовали совместно, но, в конце концов, я пришел к выводу о нецелесообразности этого и кафедра АСУ была закрыта. Такова общая картина. Подробности этого процесса будут описаны ниже.

Горбачев и Ельцин. Моя жизнь и жизнь моих близких, естественно, была тесно связана с событиями, происходящими в стране, т.е. с перестройкой. И хотя это не мой масштаб, но все же нельзя избежать хотя бы краткого описания этих событий.

Начну с моего отношения к **М.С.Горбачеву** и его действиям.

Во-первых, мне кажется, что следует четко разделить в его деятельности политическую и экономическую области, хотя они и тесно связаны.

В области политики, общественного устройства, как мне кажется, М.С.Горбачев с самого начала вел дело к ликвидации большевистской системы, всевластия компартии. Он тяготел к социал-демократическим порядкам, например, к шведским. Ликвидация большевизма была естественно связана с ликвидацией всевластия КПСС и такой ее трансформацией, которая, по сути, была равноценна ее ликвидации или превращения в социал-демократическую партию. Другой его целью было прекращение холодной войны.

При этом перед ним все время маячил финал Н.С.Хрущева, поэтому его действия были половинчаты и очень-очень зигзагообразными. Он все время был на волосок от поражения, ярким примером чего был путч августа 1991 года. И я думаю, что он своей цели достиг, компартия оказалась разваленной, холодная война прекратилась.

Естественно «задним умом» мы можем считать, что, прекра-

щая холодную войну, он слишком много науступал, не оговорил письменным договором рубежи НАТО, в частности создал очень тяжелые условия для Балтийского флота, мог бы получить достаточно большую «цену» за уход из Германии, но все же главных целей он добился – кошмар всеобщей атомной войны остался в прошлом и компартия потеряла свое прежнее значение.

В области преобразования экономики страны, как это не кажется невозможным, у М.С.Горбачева, по-моему, ясного представления не было – все разговоры об ускорении и перестройке, представляются мне сейчас, и представлялось тогда, лишь фоном, а возможно и маскировкой при достижении основных целей – ликвидации всевластия КПСС, ликвидации холодной войны.

Большего в области политики требовать было нельзя. Личная цена за это была потеря власти. И я отношусь в целом к нему с большим уважением. Личное он ставил ниже общественных целей.

Не таков был **Б.Н. Ельцин**, личные цели, по моему мнению, для него значили несравненно больше, нежели общественные.

Если Горбачев в сильной степени освободил народ от рабства, то все, что делалось при Б.Н. Ельцине, не представляется мне таким целеустремленным и важным – дальнейшие преобразования не могли не происходить: если не коммунизм, то естественен возврат к капитализму, подобно остальному цивилизованному миру. Конечно, капитализм и переход к нему мог бы быть и не таким грабительским, но это уже национальная специфика.

Ответственность за распад страны я целиком возлагаю на Б.Н.Ельцина и это тем более мерзко, что сделано это было , по моему мнению, с главной, а может быть и единственной целью – свалить Горбачева и занять его место.

Смутное время и преобразования в ЛИМТУ. Перехожу к событиям своего уровня. Когда прекратился централизованный набор, наша кафедра стала еще больше времени уде-

лять выездным группам.

Я уже рассказал раньше, как в процессе «перестройки» ЛИМТУ лишился постоянного набора, затем после разрушения нашей «старшей» организации «Ленэлектронмаша» остался самостоятельной организацией. В первое время царствовала смута, раздоры и шатания – от превращения в Университет до создания акционерного общества с ликвидацией учебного заведения и превращения его в коммерческую организацию. Одно время сдавали часть помещений в аренду. Были и чисто организационные споры: кто должен быть ректором или директором. Появился опять В.А. Бункин и был большой соблазн снова выбрать его ректором.

Однако он своих планов относительно ЛИМТУ раскрывать не захтел и осторожное большинство предпочло оставить Г.М.Музыкантова, который говорил: «Мы умеем учить, давайте этим и будем заниматься, остальное можно попутно пробовать». Остальное это магазин, который открыл наш проректор Ю.А. Сокуренко в нашем подвале. Спустя некоторое время за отсутствием покупателей магазин закрыли.

Учеба организовывалась каждой кафедрой самостоятельно, общих учебных планов, общей учебной политики не существовало, кафедры зарабатывали какие-то деньги и отчисляли от них 30% на общеинститутские нужды.

Итак, мы выжили, в конце концов. Но цена оказалась велика. Института как целостной организации не стало. Осталась, если не лукавить, совокупность отдельных независимых кафедр, связанных общим зданием и бухгалтерией.

Качество подготовки слушателей, правда, оставалось высоким – имелись лицензии Майкрософта и других ведущих мировых фирм и лицензия Министерства на второе высшее образование по 4 специализациям.

Когда прекратился централизованный набор, наша кафедра стала еще больше времени уделять выездным группам

Амстердам. Первая поездка за границу. С приходом М.С.Горбачева «форточка» в железном занавесе постепенно стала приоткрываться. Если раньше ни у кого из советских

граждан родственников за границей не было «по определению», а если и были, то о них никому ничего не было известно, то теперь они начали постепенно возникать. В частности, нас нашел Любин троюродный брат Александр (Саша) Ланде. Его дед был родным братом Любиной бабушки. Его отец был меньшевик, но у него хватило ума эмигрировать в 1922 году.

Саша был профессором физики в Голландии, в Гронингенском Университете. Но основная его квартира была в Амстердаме. Он оказался очень приятным и весьма родственным человеком. Безусловно у них с Любой есть что-то общее в характере.

Саша пригласил нас погостить в Амстердаме, прислал нам официальное приглашение, которое мы решили принять. Пришлось выправить заграничные паспорта. В банке по существующим тогда правилам нам обменяли некоторое небольшое количество рублей на доллары и мы поехали в Голландию в апреле 1991 года.

Во время этой поездки Люба делала подробные записи, которые и приводятся ниже. Записи эти значительно подробнее, чем мои описания последующих многочисленных заграничных поездок. Это объясняется тем, что это была первая поездка за границу: все было ново, необычно и интересно: как там живут люди, какие у них обычаи, уровень жизни и т.д.

Основной целью этой поездки было общее знакомство с заграничной жизнью, бытом и сравнение ее с нашей жизнью, нашим бытом.

3 апреля 1991 года. Полет Ленинград-Амстердам длится два часа 40 минут. В самолете около 20 человек. Тихо.

В Амстердаме огромный аэропорт. Самолеты самых разных авиакомпаний. Идем и едем долго-долго на горизонтальных движущихся дорожках. Все пронизано светом – стекло, почти белый пол.

Никакой таможни. В конце пути, за барьером видим Сашу Ланде. Он берет наши чемоданы и мы сразу попадаем на перрон железной дороги – это под аэропортом.

Бесшумно подкатывает желто-голубой поезд. Окна во всю

длину, «купе» на 4 человека. Трогаемся совершенно бесшумно и незаметно. За окнами – заурядные промышленные постройки.

Через 20 минут мы выходим из здания Амстердамского вокзала. Оно похоже на торт с кремом, только темного цвета. На площади много людей и трамваев, все идут, как попало. Едем в довольно полном трамвае до улицы Норденстраат, где живет Саша.

По дороге видели королевский дворец на большой площади, ехали вдоль канала и пересекали несколько каналов.

В Ленинграде позавчера была метель, а здесь уже много зелени – распускаются листья на деревьях, на улицах цветут нарциссы, тюльпаны, анютины глазки. Хотя ветер очень холодный.

Прошли вдоль узенькой улицы Норденстраат, где по одной стороне стоят сплошь машины. Каждый дом имеет ширину в два-три-четыре окошка и высоту в 3-4-5 этажей. Высокие крылечки с чугунными перилами, красивые двери. Кое-где в 1 этаже прямо в доме гаражи.

Сашин дом из темно-красного кирпича без украшений. В нем 4 квартиры, парадная запирается на ключ. Сашина квартира имеет 4 комнаты на 4^{х} уровнях.

Разложили вещи, немного отдохнули, перекусили и пошли погулять вместе с Сашей.

Вышли на каналы. На набережных почти все дома старинные, вид очаровательный. Зашли в супермаркет «Альберт». Изобилие полное. Изумителен вид и качество овощей, мяса и колбас, масса сортов сыра.

Заходили в ателье Сашиной приятельницы Колет. Она модный модельер. Хрупкая, в своеобразном костюме – брюках, песочного цвета. Подобные же тона преобладают в изделиях, которые висят тут же. У нее есть уже взрослая (18 лет) дочка. На стенах висят несколько очень хороших фотографий Сашиной работы.

Прошли по улице антикварных магазинов. Зашли в рыбный магазин. Витрина – настоящая рекламная картина. Красная

рыба, моллюски, сельди, свежие тушки, тунец… . Приветливый, круглолицый хозяин...«О, Ленинград,... Эрмитаж» – был два раза в Ленинграде.

Дома после ужина намечали программу на завтра. Саша дал нам свой постоянный пропуск в музеи.

4 апреля. Четверг. Утром Саша уехал в Гронингем и мы самостоятельно отправились гулять.

Около большой площади пересекли два канала и нашли Rijks – Museum - главный здешний музей. Около него увидели огромную повозку с большим количеством огромных же пивных бочек. Ее везли четыре черные лошади (над копытами – лохматая белая шесть). Это реклама пива.

В музее самое прекрасное – «Ночной дозор» Рембрандта. Резко выделяется среди многочисленных заказных групповых портретов.

Хороши портреты матери Рембрандта его работы и более детальные работы его учеников. Хороший мужской портрет Ф. Хальса. Малые голландцы, Терборх, Вермеер. Итальянский зал очень маленький. Красивые витражи в центральном зале. Много отличных репродукций – открыток, книг. Купили книгу « Амстердам» так называемой «золотой библиотеки». Теперь у нас целая полка таких книг про разные города.

Пошли искать музей Ван Гога («Ван Гхох»). Нашли – большое светло-серое современное здание. Непонятной формы. Но экспозиция удобная – на четырех этажах по одной поднимающейся спирали Некоторые работы Ван-Гога размещены на двух первых этажах. Среди работ его современников (например, «Автопортрет в шляпе», «Синие ирисы»). Другие – на 4м этаже, почти весь круг (есть только одна картина Гогена и одна – его ученика). Самое лучшее – «Подсолнухи», «Жатва» (целая серия: жниц, молотящих хлеб; женщина с соломой; «Жатва» - в поле спелых хлебов одинокая фигурка жнеца; «Автопортрет» последнего периода – ярко-рыжая борода, трагические глаза, в руках – палитра. Последняя картина – поле спелых хлебов, над ним темно-синее небо и черные вороны. Страшно, трагично, горько.

А ранее – три картины «Цветущие яблони». Одна из них, кажется, была на выставке в Эрмитаже.

Улица между музеем Ван-Гога и главным Рикс - музеем – слева богатейшие дома, офисы. Красивые решетки, садики. У бокового фасада Рикс–Музея цветет розовый вишневый сад.

Пошли далеко влево по улице, намеченной накануне. Дошли до шумного перекрестка, где был театр Stads Schouwbury. Посетили супермаркет, проявив бдительность, т.е. экономность.

После отдыха пошли гулять «куда глаза глядят», по каналу Принцен-Грахт. Дошли до реки Амстель. Перешли ее, за ней был канал «Новый Принцен-Грахт», который тянулся до какой то современной поперечной улицы. Вернулись по каналу до Амстель. На набережной стоит театр «Cume». Как раз к началу спектакля спешила публика. У входа стоял величавый швейцар (зазывала?) весь в галунах и позументах.

Перешли назад Амстель по другому мосту и возвратились домой через сквер со странными металлическими скульптурами.

Вечером за нами пришел Сашин друг Дэни и мы пошли в гости. По дороге прошли несколько торговых улиц и улицу «Красных фонарей». Много кондитерских и кафе. Жаклин и Дэни живут в очень старом доме (около 1600 г) с досчатыми полами и деревянными балками под крышей. Нас угощали вкусными салатами в половинке баклажана и еще чем-то вкусным. А.Л. умудрился целый вечер проспорить с Жаклин о женском равноправии. Она специалистка по работе с детьми от родственных браков. Дэни занимается европейской историей. Он эмигрировал сюда из Израиля.

Поздно вечером приехал Саша и договорился с друзьями, что нам дадут завтра машину. Поедем в пригороды. Смотрели Сашины фотографии.

6 апреля. Утром, после завтрака, пошли в мясную лавку. Ассортимент продуктов необычайно широк, Удивительная доброжелательность людей, ожидавших, когда их обслужат (не «очередь»!), и продавцов. В лавке работает пожилой хозяин – толстяк, его еще более пожилой работник и внучка (по случаю

субботы).

Саша поехал за машиной на велосипеде. Привел белый «Седан» с одной дверцей.

Поехали за город, маршрут по Сашиному выбору. Попали в поселок Маркен. Он до недавнего времени стоял на острове, теперь соединен с сушей дорогой, для которой сделана дамба. Около дамбы много машин, на которых люди приехали отдыхать с лодками. Поля изрезаны канавами (каналами), идеально обработаны и подступают к самой дороге. Все зеленое и радостное – много света и солнца.

Поселок сохраняется как музейный. Но люди в нем живут своей жизнью. Оставили машину на стоянке и пошли к пристани. По дороге – красивые домики с садиками, на набережной у пристани полно лавочек и магазинчиков – сувениры, сыры, рыбные лавочки и т.д. и т.п. Кулили солонку для Муси и маленькую фарфоровую мельницу. Продавщицы – старушки в национальных нарядах. Обошли поселок, видели церковь XVI века, мэрию и современную церковь, а рядом с ней интересный квартал домов средневековой архитектуры, Наружу квартала обращены только маленькие окна кухни, входные двери и окно комнаты, которое просвечивает насквозь. Дома эти тянутся сплошной лентой и образуют замкнутый четырехугольник. Посередине озерцо с утками, газоны, цветы – все это защищено от злого ветра с залива.

На обратном пути в магазинчике купили сыра и хлеба – все с длинным и любезным разговором Саши с хозяйкой.

Поехали назад по дамбе, потом оказались в городке Маркен. Было 4 часа дня, в это время разбирали и складывали вещевой рынок, который до этого работал на улице вблизи мэрии. Одежду увозили в фургончиках, повешенной на плечики.

Видели в окнах объявления о продаже домов и квартир. В зависимости от размера и расположения цена от 60 тысяч гульденов до 500 тысяч и более.

Услышали органную музыку и зашли в церковь. Нарядно, ни души. Вероятно, органист играл для себя.

Напротив Саша увидел кондитерскую и мы зашли. Шоко-

лад, в очаровательной упаковке, конфеты, крошечные фигурки зверюшек из марципана. Молодой хозяин завел нас в свою пекарню и мы долго, с разговорами (Саша, не мы!) выбирали пирожные. Купили шесть штук разных в красивой коробке. А три решили взять сразу для себя. Хозяин, который до этого с энтузиазмом объяснял, из чего приготовлен каждый сорт пирожного, объявил, что последние три пирожных он нам дарит. Вместе с хозяином работали две девушки за прилавком при входе, одна девочка в пекарне и, вероятно, еще одна женщина. Нас одарили не только пирожными, но и бесконечными улыбками. Поехали искать Заандам (Саардам по-русски), где когда-то жил и учился строить корабли Петр I. Все это в треугольнике, порядка 17 км от Амстердама.

Не доезжая самого Заандама, заехали посмотреть ветряные мельницы. Они все (4 или 5) крутятся и работают. Мелют муку, пилят лес и т.д. Каждая стоит на огромном поворотном круге и их поворачивают при изменении направления ветра. Боковые стены мельниц покрыты соломой, поэтому они неоднократно сгорали за сотни лет своего существования.

Зашли в магазин – сыроварню. Здесь демонстрируется процесс приготовления сыров, тут же продажа. Очаровательные девочки в накрахмаленных чепцах.

Заандам - мало интересный городок у реки (или залива), много кораблей. Долго колесили по городу, пока нашли памятник Петру I (подарок Николая II городу Саардаму), где он изображен плотником, строителем корабля. Нашли и его домик, он покрыт кирпичным футляром. но мы его не смогли посмотреть – музей уже был закрыт.

Полные впечатлений, поехали домой. После ужина долго рассматривали Сашино собрание фотографий.

7 апреля. Воскресенье. Пошли гулять с Сашей. До этого была долгая беседа о Сашиной университетской работе. Выбрались из дома в первом часу дня, договорившись о походе в гости на 4 часа. Кружили пешком по городу и пришли к Музею истории города Амстердама. Сначала прошли через двор приюта для одиноких женщин. Они живут– по 2-3-4 квартиры

в домах – высоких и тесно стоящих, как на каналах. Дома образуют четырехугольный двор, по середине большая церковь. Пройдя его, попали во двор приюта для детей – сирот, а потом в еще один двор, замкнутый красными кирпичными домами с белоснежными окнами. Там был вход в музей истории Амстердама. Саша показал нам музей и даже звонил на колоколах, т.к. там сооружено нечто вроде колокольни.

Гуляли по улицам в поисках кафе, были на площади Дам около памятника жертвам войны. Были около одной старой церкви. Внутри голо и неуютно, только расписные витражи красивые. А снаружи величественно и живописно. К церкви прилепились жилые дома, вероятно, священнослужителей.

Прошли по улице публичных домов. В дверях (окнах) – витражах стояли женщины, минимально одетые. Одна из них даже пригласила А.Л. зайти. Впечатление вульгарное и тяжелое.

Зашли в итальянское кафе. Там сидела хозяйка и обслуживали за стойкой две девочки. У Саши сразу возник оживленный разговор с хозяйкой и посетителями. Пили чудный кофе с взбитыми сливками.

Обедали дома. После этого поехали на машине в гости к Сашиным друзьям Рэне и Джозефу. Они журналисты на радиостанции. Рэне хорошо говорит по-русски и это было очень приятно после стольких дней косноязычных разговоров с Сашей на англо-русско-немецком языке.

Саша отлично говорит по-голландски и по-английски, хорошо – по-немецки и, как мы убедились, понимает почти все по-русски и часто подает реплики вполне уместные. Говорили главным образом о нашей стране.

Квартира абсолютно белая, мебель тоже белая. У Джозефа есть компьютер. Много книг, есть рояль, на котором Рэне играет для себя. Много цветов и зеленых растений. (Тюльпаны, розы, анемоны, похожие на кувшинки).

Заходили к Мариам, хозяйке машины, на которой катались накануне. Там был детский день рождения. Несколько славных ребятишек, либо босых, либо в носочках. Мама – очень

обаятельная стройная женщина. Муж ее умер, когда дети были совсем маленькие (сейчас 4-5 лет).

Квартира во втором этаже, подъем по очень крутой винтовой лестнице.

На обратном пути Саша взял свой велосипед, который сутки стоял там на улице, а мы поехали на трамвае. Саша обогнал наш трамвай, а мы в это время проехали свою остановку, т.к. не знали, что для остановки трамвая надо нажать внутри кнопку. Тогда зажигается красная лампочка около водителя и он останавливается на следующей остановке. Поскольку по одному закомпостированному талону можно ездить в течение часа, мы пересели на обратный трамвай. На нашей остановке нас уже ждал Саша со своим разноцветным огромным зонтиком, т.к. накрапывал дождик. Он удивился, что мы приехали на трамвае с другим номером, с другой стороны!

Ужинали и Саша уехал в Гронинген последним поездом после 22 час, т.е. приедет туда около 1 часа ночи.

Предварительно он по телефону узнал подробно все о возможности нашей поездки в Гаагу и Гарлем – расписание, стоимость и т.д.

8 апреля. Около 11 часов отправились на рынок. Целая улица занята магазинчиками, из которых торговля вынесена на лотки (но можно войти и в магазины). Много пестрых товаров (платья, джинсы, обувь), есть игрушки, галантерея, складные зонты,… . Есть продуктовые лотки: овощи, фрукты, куриные продукты, рыбные продукты, куры-гриль…

Цены в гульденах:

Огурцы большие парниковые 1-1,5

Яблоки 3,50 (а в магазине 2,00)

Клубника 3,50

Бананы 2,50-3,00

Помидоры 2,50 (но ½ кг!)

Куриные ноги 5 (но чем больше берешь, тем больше скидка)

Красная рыба 3,5 за 100 гр.

Мы хотели купить муку и сделать для Саши пельмени но продавец долго нас спрашивал, для чего нам нужна мука

(или для кого?). Мы не могли понять друг друга. И вдруг я разглядела, что на всех его товарах изображены кошки и собаки! Он продает корм для животных. Мы смеялись над своей темнотой.

На обратном пути заходили в электро-радиомагазин. Холодильники (целые шкафы).

Купили в кондитерском магазине большой прямоугольный хлеб. Продавец спросил, надо ли его разрезать и машинка в одну секунду разрезала весь батон. Хлеб похож на наш хлеб «Здоровье», только очень воздушный и может лежать очень долго.

В 5 часов за нами пришел приятель Саши Марк. Он историк, специалист по русской истории XIX-XX вв., достаточно хорошо говорит по-русски.

Мы пошли пешком, через Амстель по знакомой дороге. За Амстелем начинаются кварталы домов конца прошлого века, более высокие (4 этажа) и более широкие, чем в центре. Но такие же крылечки, входы на 2-3 квартиры, крутая лестница внутри. Квартира из трех комнат, тоже белых. Очень высокие лепные потолки. Две большие смежные комнаты соединены квадратной аркой, которая может закрываться выдвижной дверью. Окна напротив друг друга, много света, внутри – сад.

Во всех квартирах нечто вроде каминов, в основном декоративных, у Лауры и Марка в камин выведена труба от «буржуйки». Во второй комнате тоже небольшая печка. Окна у всех одинарные, а зимой бывает до -15^{0}С, но в течение не более одного месяца.

Разговор все время сбивался на положение у нас в стране. Лаура кончала русское отделение в Амстердамском Университете, потом делала дипломную работу в Ленинграде в институте театра, кино и музыки на Моховой. Потом 3 года была корреспондентом Голландской газеты в Москве. Брала интервью у Ельцина, Старовойтовой, Бунича . Знает Куркову; говорит, что журналист у них должен быть вне политики и не имеет права использовать свою прессу для рекламы кого-либо из политиков.

Нас угощали очень вкусными винами и настоящим обедом из томатного супа, чудесного бифштекса и вареного ревеня в киселе.

Уже в темноте Лаура и Марк проводили нас до дверей Сашиного дома.

9 апреля. Поездка в Гаагу! Не слишком рано, около 9.30 поехали на главный вокзал. Домой должна была придти «a clean-girl» и Саша просил нас отсутствовать 3 часа. Так что наш отъезд был кстати.

На вокзале купили билеты («тур») по 31 гульдену, дающие право на поездку в Гаагу (туда – обратно), на езду в трамваях и автобусах по Гааге и в Дельфт, а также на посещение игрушечного лилипутского городка Мадуродам.

С вокзала в Гааге поехали к зданию парламента (старинный замок, с двух сторон вода). Внутри двора огромная церковь. Во дворе громко пел и читал проповедь священник. Венчалась какая-то красивая азиатская пара. Были жених, невеста, несколько друзей. Зато много фотографов и видеозапись.

Прошли насквозь двор парламента и сразу оказались около музея Маурициенхауз. Это – второй после Амстердамского, музей голландских мастеров. В экспозиции работы с XV века.

Много работ Рембрандта: Автопортреты; Сусанна; Прикованная Андромеда; Франса Хальса – смеющийся мальчик. Несколько портретов работы Ван Дейка.

Красивый вид из окон на соседний парламент и на канал, разделяющий музей и парламент

По выходе из музея закусили, сидя на берегу канала, погуляли немного и поехали на автобусе в пригород где находится городок Мадуродам. Автобус подходит к той же остановке посередине улицы, что и трамвай. Ехали по красивым улицам Гааги. Дома – большие особняки, посольства и учреждения. Чувствуется солидность и богатство.

Пригород, где находится Мадуродам, утопает в парке. Название означает «Город Мадуро»,по фамилии супругов Мадуро, пожертвавших средства на это строительство детского городка после смерти их ребенка. Но действительность на

много превзошла все их первоначальные планы.

Мы провели в этой «Маленькой Голландии» больше двух часов и могли бы смотреть еще и еще.

Игрушечный городок (масштаб 1:25) сделан в некотором углублении, так что его можно видеть целиком с окружающего «вала» или спуститься и походить по извилистым дорожкам. Для буднего дня было много народу – дети, старички радовались одинаково. Вы видите действительно всю Голландию, все ее наиболее интересные «экспонаты» во всей красе и точности. Идея хороша, осуществлена прелестно.

Тут же в киоске купили семена для огорода. Там были сотни сортов цветов и овощей.

Другим маршрутом возвратились на станцию и уехали, не повидав Дельфт, который совсем рядом, туда едут на трамвае. Но у нас уже не было сил и времени.

В этой поездке мы научились самостоятельно добираться до Централ Стейшн, покупать билеты на поезд, находить нужную платформу. Каждая платформа имеет еще литеру «а» или «в» – поезда уходят в разные стороны.

10 апреля. Утром А.Л. писал письма, я хозяйничала. Потом пошли за Амстель, в сторону оперного театра. Там старый еврейский район. Есть Португальская синагога, Немецкая синагога (похожа на католическую церковь), музей истории евреев. Зашли в Португальскую синагогу. Здание снаружи очень темное – высокий куб, окруженный одноэтажными пристройками. Наглухо закрытые ворота, надо звонить, чтобы впустили.

Внутри помещение огромное, довольно светлое. Потолок деревянный, бочкообразный. Деревянные скамьи, сбоку кафедра. Как туристов, женщин впускают. Идет реставрация.

Неподалеку «Дом Рембрандта». В нем выставка гравюр Рембрандта и художников его времени, в том числе Тициана. Есть гравюра с картины «Снятие с креста» (Рембрандт всего дважды делал гравюры по своим картинам, в то время как Рубенс делал это часто). Есть довольно вольная гравюра – вариант эрмитажной Юдифи с головой Олоферна.

Выйдя из дома Рембрандта, обошли новый Оперный театр.

Здание удивительно не гармоничное. Кирпич и белый мрамор. Основной объем – цилиндр. Рядом гостиница и кафе на улице, где играет небольшой оркестр.

Были на втором рынке, который находится сразу за зданием Оперного театра. Масса старого барахла, поношенной или бракованной одежды, особенно замшевых и кожаных курток. Купили Машуле рюкзак за 30 гульденов. А.Л. все время говорил, что не надо большой рюкзак – жалел Машулю, а мне кажется, что он значительно меньше ее заказа, она будет разочарована.

Пришли домой, очень устали – наверное, еще не отдохнули от Гааги. По дороге в Альбертхейме купили продукты на 13 гульденов (яблоки, молоко, масло, сметана, хлопья). Около Дома Рембрандта в бакалейно-овощной лавке купили муку после очень долгих разговоров с хозяйкой. У них масса видов муки: для сладких пирогов, маисовой, рисовой и пр. Купили все же какую-то муку – мне хочется сделать для Саши пельмени. Первая проба сегодня вечером была неудачная – тесто грубое. Занимались хозяйством, вечером никуда не пошли.

Вот уже прошло больше половины нашего времени здесь!

11 апреля. Утром поехали в Харлем. Это очень близко, 18 минут на поезде. Вышли из вокзала и довольно долго и бестолково искали музей Франса Хальса. Практически надо было идти все время перпендикулярно к железной дороге, пересечь главную площадь, где Ратуша и огромная церковь (Керк) и идти дальше в том же направлении. Но почти никто из жителей не мог нам объяснить.

На главной улице тысяча хороших магазинов. Купили девочкам мягкие игрушки.

Нашли, наконец, музей. Это старая постройка из красного кирпича, невысокая – бывший приют для старых людей. К сожалению, музей не очень интересный. Лучшие вещи – в Амстердаме и Гааге. Самое красивое – внутренний дворик с газонами и гиацинтами.

Отдохнули и пошли назад на главную площадь, очень похожую на Ратушную площадь в Таллине. Красивая и огром-

ная (особенно когда находишься внутри) церковь на главной площади. Вошли – играл орган, пели дети. Оказалось, что там был урок музыки для учеников музыкальной школы. В перерывах между музыкальными номерами дети бегали и шумели. Органист что-то говорил им сверху, потом они снова пели или играли не только церковную музыку, но и веселую. Мне показалось, что играли «Во саду ли, в огороде…». Орган в Харлеме грандиозный. Под ним барельеф из белого мрамора.

В Харлеме мы не очень устали. Вернулись поездом. Отдохнули и снова пошли гулять.

Нашли городской концертный зал. Концерты – Верди, Моцарт, Чайковский, Стравинский, Шостакович.

Рядом – кафе, которое Саша велел обязательно посмотреть. Кафе очень респектабельное. На стенах темная тисненая кожа. На столах свечи. Нас мгновенно обслужил мальчик-мулат по указанию метрдотеля, замечательно импозантного, с картинными седыми усами.

На обратном пути, около дома бриллиантовой фирмы встретили маму с двумя девочками, говорившими по-русски. Они здесь живут (папа работает) и ездят через день в школу при посольстве в Гаагу.

12 апреля. День покупки подарков. К Сашиному приезду у старичка на углу Принценгхрахт купили очень красивые красно-желтые крупные тюльпаны. Он нам дал 10 штук за 8 гульденов (а на завтра на цветочном базаре тюльпаны стоили 10 гульденов за 50 штук!).

После обеда посетили универсам Альберт-Хейм. Яблоки, сок, хлеб, печенка и т.д.

13 апреля. Суббота. Завтракали с Сашей, пошли гулять. В соседней улочке, похожей на нашу, есть здание прежней школы. Это здание купили (!) Сашины знакомые, скульпторы-керамисты, преподаватели Академии искусств. Они организовали для себя мастерскую, выставочный зальчик (открыт по субботам; по-видимому, произведения продаются). Здесь же у них квартира. У них двое детишек. У девочки день рождения – 5 лет. Она такая же веселая и контактная, как наша Ве-

рочка. Одевала для нас черную бумажную шляпу, залезала в расставленную в комнате маленькую палатку. Вся комната украшена разноцветными бумажными фонариками и человечками, а для именинницы сделан «трон» – обыкновенный стул с высокой спинкой украшен цветами из цветной бумаги. Была здесь еще сестра хозяйки, тоже художница. Поговорили о Ленинграде.

К 7 часам пошли в испанский ресторан. Он темноватый и неказистый на первый взгляд. Вход с улицы. Один большой стол и 3-4 небольших. Мы уютно устроились в уголке. Хозяин – испанец - пожилой и приятно благообразный. Хозяйка – испанка, с седоватой косой, в брюках, бегала вверх и вниз по крутой лестнице на балкон, где тоже были столики. И кухня наверху, откуда блюда спускаются вручную на лифте. Наверху готовит сестра хозяйки. Еще помогает подавать молодой человек – мулат. Все трое успевают мило поговорить и посмеяться с посетителями. Постепенно ресторан заполняется и нарастает приятный гул голосов.

Блюда подаются в белых овальных тарелках, очень удобных. Закуска – салат. Горячее блюдо – бараньи отбивные или рыба – большой и сочный кусок. Настоящее испанское красное ароматное вино, бельгийская вода SPA, кофе с шоколадными таблеточками. Все очень вкусно и настроение прекрасное.

Идем домой, переодеваемся и отправляемся с Сашей на новоселье к его друзьям за Амстел к оперному театру. Уже совсем темно, все мосты иллюминированы, очертания их отражаются в тихой воде. Новая квартира смотрит на Амстел, огромные окна без занавесей и вид из окон на ночную реку чудесный. Квартира в старом доме, но в нем сломаны перегородки и комната во втором этаже глубокая, белая и почти пустая. В первом этаже, когда уходили, видели тоже белую открытую (через окно) комнату.

Гостей много, в основном стоят, держат бокалы, разговаривают.

Хозяйка – Катарина, врач. Похожа на мулатку. Я ей подарила на новоселье янтарь и два льняных полотенца. Она меня

спросила, не должна ли она их положить на пианино.

Мы, немного поговорив с физиком, который приехал на стажировку (?) из Южной Америки, откланялись и тихо ушли. Немного заплутались на обратном пути. Саша еще остался в гостях, пришел позднее, мы уже легли спать.

14 апреля. Гуляли по каналам. Смотрели сад во дворике Сашиного дома. Деревья все покрыты цветами, 7 или 9 сортов тюльпанов; вертушка для поливки. За садом ухаживает сосед – итальянец. Чудо!

В городском парке дивно цветут вишни. Там большой музей кино (в старинном стиле большое здание). Есть фильмотека и бывает несколько сеансов старых фильмов.

На дорожках парка тучи велосипедистов, как впрочем, и везде в городе. Велосипедист – первое лицо в уличном движении. Поражает терпимость водителей друг к другу. Если на узкой набережной разгружается большой фургон, за ним выстраивается череда машин и все терпеливо ждут…

Обнаружили, что в городском театре силами консерваторского оперного класса дается опера «Джанни Скикки» Пуччини – мне хотелось ее послушать, т.к. я знала только одну арию в исполнении Е.В.Образцовой. Это комическая опера о том, как некий хитрец завещал сам себе и своей дочке имущество умершего (т.к. настоящего завещания не было). Арию, известную мне, поет его дочка, объясняя, что любит племянника умершего.

Вернулись домой по очень оживленным улицам, обедали, отдыхали и в 8 часов поехали на вокзал провожать Сашу.

Пили кофе в красивом светлом кафе на вокзале до тех пор, пока Саша чуть не опоздал на поезд.

Дошли до дома пешком. Видели факельное шествие молодежи: впереди карета, запряженная красивыми конями, сзади – охраняющие полицейские машины. На вечерней улице много музыкантов, подозрительных личностей, попрошаек. Открыты десятки кафе – в каждом 5-10 человек. Работают сувенирные магазины, пиццерии. Пицца с 8-10 начинками, вплоть до ананасов; ее делают мальчики – итальянцы; виды

начинок выставлены в витрине в раздельных вазах. Печется пицца в микроволновых печках.

Чем дальше от вокзала, тем меньше людей. Это в основном туристы или развеселая молодежь. После площади Дам улицы практически пусты и мы тихо и спокойно приходим домой.

Перед отъездом Саши слушали пластинку Бернеса. Саша нам записал и дал слушать блатные песни и еврейский джаз.

15 апреля. Предпоследний день в Амстердаме. Решили идти в Дом Анны Франк.

Доехали до площади Дам и позади Кирхи и Дворца пошли по улице, которая поочередно пересекает 4 канала. На набережной четвертого стоит большая кирха с высокой колокольней, а около ее стены крохотная фигурка девочки – памятник Анне Франк.

За углом на берегу канала – этот трагический дом.

Подъем в «убежище» по очень крутой лестнице. Затем вход сквозь поворачивающийся шкаф. Над шкафом географическая карта. Это запомнилось из «Дневника Анны Франк». Еще одна крутая лестница – там жила вторая семья Ван Дан.

В музее Анны Франк оказалось народу больше, чем где-либо. Перед тем, как проходить по комнатам, все смотрят в маленьком зальчике коротенький пояснительный видеофильм, он озвучен на английском, немецком, французском, голландском и еврейском языках. На стене прикреплены телефонные наушники (к одному уху) с переключателем для выбора языка.

Комнаты практически пустые; окна во двор были открыты. Виден крошечный мир запертой в убежище семьи. Сейчас он залит солнцем…

Из собственного дома А.Франк попадаешь в соседний дом. Там экспозиция – лежит подлинный (!) первый дневник – подаренный Анне альбом к ее 15 летию. Розовая полосатая книжечка с металлическим замочком. Потом были конторские книги. В последней, 4ой книге записи оборвались в августе 1944 года.

Дети, которые были в музее, имели с собой специальные листочки с фотографией Анны. Там были вопросы или они де-

лали записи о своих впечатлениях.

Дневник представлен в огромном количестве изданий, на многих, многих языках (в т.ч. русском).

Этот урок произвел на нас сильное впечатление, наряду с уроком пения в Гарлемской кирхе с органом. Дневник Анны надо обязательно показать Машеньке.

Отец Анны в последний раз был в Амстердаме в 1979 году. В тот день дом посетила королева Голландии. Так был отмечен 50-летний день рождения Анны.

16 апреля. Последний день в Амстердаме. Резко похолодало, несколько раз накрапывал дождик, а вечером пошел настоящий дождь. В целом нам повезло с погодой. Кроме первых 3^{х}-4^{х} дней, когда были холодные ветры, но не было все-таки дождей, в остальные дни было так тепло, что я ходила в платье и без шапки.

С утра мы пошли на рынок, чтобы поменять купленную ранее слишком яркую безрукавку. А.Л .сказал, что мы будем только позориться. Нашли на рынке ту же лавку, хозяйки не было, но хозяин нас сразу вспомнил: «Вы ведь из Ленинграда?» И очень любезно, без запинки, поменял нам безрукавку. Пошли искать фотопленку, а увидали магазинчик со множеством очень славных платьев. У нас осталось 50 гульденов и А.Л. требовал, чтобы я купила что-то себе. Зашли в этот магазин, т.к. там были некоторые вещи по 49 гульденов. Я перемерила 4 платья и одно из них мы купили. Если бы не наша бедность, купила бы здесь многое и для себя и для девочек…

А.Л. нашел у Саши двухтомную «энциклопедию» - о Шерлоке Холмсе и его уже невозможно было оторвать. В этих двух толстых томах наряду с собственно рассказами о Шерлоке Холмсе есть статьи о спектаклях и фильмах, об исполнителях ролей, о всех вещах, которые упоминаются в рассказах и находятся в комнате Шерлока Холмса, обо всех видах оружия, и т.д., и т.п.

По возвращении убирала квартиру и готовила ужин. Лаура позвонила и сказала, что она нас отвезет на аэродром (≈20 минут езды). Саша позвонил из Гронингема и сказал, что при-

едет около девяти. Все-таки это очень приятно.

Долго ужинали, смотрели фотографии, рассказывали истории (о Грузии, о Пескове и Лыковых и т.д.). Саша дважды запросто звонил в Киев, нам дважды звонила Нина из Лондона. Такая вот обыкновенная жизнь… У Нины три дочки и сын. У сына есть маленькая дочка.

17 апреля. Последнее утро в Амстердаме. Заканчиваем сборы. Завтракаем и ждем Лауру. Я смотрю в сад и стараюсь запомнить эту красоту, которая нас радовала все это время. Вишня, что уже цвела в день нашего приезда, роняет свои цветки.

Лаура появляется точно в назначенное время. Мы выходим из гостеприимного дома. Машина стоит на набережной канала и я, перед тем, как сесть в нее, бросаю в воду монетку. Хотя вряд ли попаду когда-нибудь еще в Амстердам… (Однако мы с А.Л. снова прилетели в Амстердам в январе 1995 года.) Мы едем в сторону от центра по более новым кварталам, выезжаем на автостраду, идущую на Гаагу. Развилка – и мы через туннель подъезжаем к аэропорту.

Прощаемся около машины с Лаурой (она мне подарила конфеты, но еще оказалось, что они в красивой фарфоровой сувенирной коробочке с нарисованными традиционными ветряными мельницами).

Саша быстро находит место оформления нашего багажа – ни у одного рабочего места нет ни одного ожидающего пассажира. Саша провожает нас до пограничного контроля и здесь мы прощаемся. Очень грустно – такой хороший, добрый, редкостный человек живет на свете и так бесконечно далеко…

В наши паспорта вносят отметку о выезде. Нет никакой процедуры таможенного досмотра. Мы еще довольно долго разгуливаем по аэропорту, где большое количество прекрасных магазинов, но с нашими 4 гульденами здесь делать нечего. Саша дал нам на всякий случай 50 гульденов. Мы их тут же из почтового отделения ему отправили обратно.

И вот мы уже идем и едем по горизонтальным движущимся дорожкам к месту посадки.

Наконец прилетает самолет из Ленинграда; значит, мы полетим. После короткого отдыха экипажа мы идем на посадку.

Полет 2 часа 50 минут проходит незаметно. Самолет снижается, видна Стрельна, Сосновая поляна. Зелени еще нет. Таможенник, спросив, «как там, в Голландии?» и «сколько осталось денег?» - усмехается и пропускает нас.

Временный уход с должности завкафедрой. В 1992г. на одном из заседаний ученого Совете ЛИМТУ ректор Г.М.Музыкантов вдруг объявил, что ужесточились требования по возрастному цензу заведующих кафедрами – только до 65 лет. Мне в тот момент было 75 и я счел это прямым личным намеком. Сразу после Совета я написал заявление об отставке и отнес ректору. Он «согласился со мной», но попросил только подыскать замену.

Дело было не простое – найти достойную смену – порядочного человека и вместе с тем профессионально пригодного.

Конечно, в первую очередь я стал искать в привычной среде – среди профессиональных военных (точнее моряков), уходящих в отставку. Довольно быстро нашел капитана 1 ранга В.Л.Лущика, начальника управления из хорошо известного мне математического института.

Позвонил работающему там Ральфу Александровичу Червинскому – своему любимому аспиранту, ныне уже профессору. Ответ был: «Безусловно, порядочный человек, дело знает хорошо, но Вас он не заменит». Тем не менее (это было, как выяснилось, впоследствии, моей недоработкой), он был представлен ректору, прошел конкурс и я сдал ему дела после 17 лет пребывания в должности завкафедрой. Сам я остался профессором кафедры. Переселился из кабинета в общую комнату.

Преемник мой, хотя, в соответствии с характеристикой Р.А. Червинского, оказался действительно порядочным, с точки зрения личной честности человеком, умудрился развалить весь мой труд в течение полугода. Он не имел понятия о преподавательской работе и был совершенно безынициативен. Его профнепригодность, конечно, лежит на моей совести –

ведь это был мой выбор. Правда, следует отметить, что дела он принял не в лучшее время – в разгар перестройки.

Беда была еще и в том, что преподаватели и персонал кафедральной лаборатории восприняли мой уход и ситуацию в целом, как весьма печальную, и стали покидать коллектив. Тут совпали сразу две причины: общий кризис страны - «перестройка», связанный с этим кризис ЛИМТУ с одной стороны и смена завкафедрой с другой.

Когда я вернулся после месячного отсутствия – поездки в Европу по проекту CALMAP, то обнаружил, что почти все сотрудники лаборатории и 6 преподавателей покинули кафедру.

Почти все они приходили ко мне и объясняли поступок моим уходом и возникшим неверием в будущее кафедры.

Спустя 6 месяцев В.Л.Лущик покинул свой пост, убедившись, очевидно, что это не его место, и ректор пригласил меня вернуться на прежнее место. Я согласился, чтобы сохранить остатки коллектива.

К счастью ко мне пришла на штатную работу Галина Михайловна Сильченко, ранее работавшая со мной в научном плане. С этого момента мы работаем вместе с небольшим перерывом. До сих пор Галя является непременным участником всех наших работ, что сильно облегчает жизнь и повышает успешность выполнения задач.

После ликвидации «Ленэлектронмаша» его генеральный директор **Георгий Борисович Кезлинг** обратился ко мне с просьбой принять его на кафедру доцентом по совместительству. Основным местом его работы после разгона «Ленэлектронмаша» – было место начальника отдела в «Ленсистемотехнике» – организации, подобной «Ленэлектронмашу», но специализирующейся на автоматизации городского хозяйства и уцелевшей вследствие своей региональной направленности.

Я, конечно, пригласил его на кафедру. Во-первых, он был квалифицированным и опытным специалистом, во-вторых, я ему был обязан и своим местом завкафедрой и Мишиным устройством на работу в темное антисемитское время.

Кроме того, он был ветеран войны, разведчик, «взял» лично

13 языков и это для меня было тоже очень значимо.

При его приеме пришлось преодолеть определенные трудности: Г.М.Музыкантов проявил осторожность, а В.А.Бункин просто встал на дыбы – ведь Г.Б.Кезлинг был одним из его противников, сместивших его в прошлом с должности директора ЛИМТУ. Но я настоял и Г.Б. Кезлинг успешно работал на кафедре до ее закрытия, как хороший специалист и организатор, типичный представитель советской технократии, Г.Б.Кезлинг оказался «непотопляемым» и спустя несколько лет, оставаясь доцентом нашей кафедры, стал директором Санкт-Петербургского филиала Центрального Института экономики.

Занимая много лет подряд обе эти должности и работая весьма успешно, он не без нашей помощи получил звание профессора без защиты диссертации.

За долгие годы нашей совместной работы Георгий Борисович проявил себя очень порядочным хорошим человеком и мы поддерживаем с ним до сих пор добрые отношения.

Проект«Calmap». Как-то летом 1991 года Боря и Таня позвонили мне по телефону и сказали, что со мной хочет поговорить Марк Иванович Башмаков – их заведующий кафедрой. Я уже упоминал о нем раньше в этих записках, когда описывал Борины многолетние мытарства в поисках работы и более-менее благополучное их завершение на кафедре математики ЛЭТИ. И, конечно, я считал себя обязанным Марку Ивановичу, охотно встретился с ним. Он мне рассказал, что, будучи в поездке по Италии, встретил одного русского эмигранта, который хочет организовать проект, направленный на помощь России и что для этого проекта нужно несколько учебных или научных достаточно квалифицированных организаций в России и, в частности, в Санкт-Петербурге. Марк Иванович предложил мне принять участие в этом проекте. Я согласился

Спустя некоторое время Марк Иванович сообщил мне, что его итальянско-русский знакомый приезжает в Ленинград и хотел бы познакомиться с ЛИМТУ.

Получив согласие директора ЛИМТУ Г.М. Музыкантова, я

через М.И. Башмакова пригласил его знакомого в ЛИМТУ на встречу.

Собрали руководство и заведующих кафедр. Наш гость представился как **Владимир Юрьевич Лодыженский**. Он рассказал, что он сын русского военного врача, и его вывезли родители в 1920 году из Киева в Швейцарию. Он сохранил любовь к своему отечеству и великолепно говорил по-русски – старомодным дореволюционным благородным языком.

ЛИМТУ ему понравился своей компьютерной, т.е. современной направленностью. Осмотрев ЛИМТУ, он произнес приветственную речь, пересыпанную не очень понятными нам тогда терминами типа «Гражданское общество», «мультимедиа», «High-tech» (высокие технологии) и т.д. В завершение он сказал, что собирается организовать большой проект, направленный на помощь новой России, и приглашает нас принять в нем участие. На этом прием закончился.

Для ознакомления с его идеями он оставил нам некоторое резюме на английском языке на ту же тему, что было его выступление. Степень нашей дикости в то время была такова, что я только через год или два стал понимать его идеи в гуманитарном плане. До меня и думаю и до остальных участников проекта, доходила только техническо-компьютерная составляющая. А она ведь имела только вспомогательное значение.

На другой день Башмаков пригласил меня на совещание в свой математический учебный центр, а после этого к себе домой на прием в честь зарубежного гостя.

На этих двух мероприятиях я понял, что для реализации проекта нужно организовать несколько независимых учебно-научных центров в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Тарту, Риге и Вильнюсе. Проект получит финансирование от Европейского Союза, но последний хочет иметь дело с небольшими юридически самостоятельными «Центрами Профессионального Обновления». Было объявлено также, что участники проекта будут проходить переподготовку на Западе: в Италии, Англии и Голландии. Это было нечто совершенно новое и интересное.

Нужно было организовать центр при ЛИМТУ, но юридически независимый от него. К этому времени я уже понял, что Г.М.Музыкантов это не «мой» ректор и что общего языка я с ним найти не смогу по-видимому никогда – только достаточно отстраненный взаимный внешне вежливый холод.

К тому же я видел, как он использует внешние контакты. В ЛИМТУ уже был иностранный «кусочек» - лаборатория французской фирмы «Шнейдер». Лаборатория была прекрасно оснащена французами, институт получил не мало валюты, автобус и легковую машину, директора дважды свозили в Париж, а зав.кафедрой, который нашел этот проект и организовал все это, получал нищенскую ставку доцента.

Меня такая несправедливость, конечно, не устраивала и я решил действовать по другому – организовать по настоящему независимый центр. Все подобные Ленинградские центры, а их должно было быть четыре, решено было организовать под учредительством Ленинградского отделения «Всероссийского фонда образования». Это давало ряд финансовых и других льгот. Я мог бы прямо лично, никого не спрашивая, обратиться в этот фонд и все бы быстро было сделано. Но с одной стороны я всегда был все же субординирован, с другой стороны не хотел делать ничего тайком, и, наконец, не имел еще опыта работы в новых «свободных» условиях.

Пришлось выдержать несколько неприятных отказов от ректора. Во время этой, довольно длительной и трудной «войны за независимость» я был как раз в нашей с Любой первой послевоенной заграничной поездке в Голландии, о которой я рассказал выше. Из Амстердама я напрямую поговорил по телефону с В.Ю. Лодыженским и попросил у него поддержки. После этого разговора В.Ю. Лодыженский направил на имя Г.М. Музыкантова специальный факс с просьбой создать независимый центр и назначить меня его руководителем. В конце концов, ректор все же подписал ходатайство в фонд образования об организации независимого центра при ЛИМТУ. При этом мне помогло еще и то обстоятельство, что в это время из-за неопределенности общей ситуации собственное кресло

ректора зашаталось под ним и проректор Ю.А. Сокуренко намекнул ему, что в случае потери места в ЛИМТУ они оба могут устроиться в новом центре, что было важным в условиях неопределенности того времени. И ректор подписал нужную бумагу, о чем горько жалел позже, об этом он мне лично неоднократно сам говорил в последствии.

Но юмор ситуации заключался в том, что этот документ, стоивший нам обоим много нервов, был попросту не нужен. Я мог обойтись и без него.

В состав центра были приглашены преподаватели института, естественно, в основном с нашей кафедры, при этом пришлось учитывать не только специальную квалификацию, но и знание английского языка.

Так или иначе, наш центр был создан. Таких центров в рамках проекта было организовано 13: четыре в Москве, четыре в Ленинграде, по одному в Киеве, Минске, Тарту, Риге и Вильнюсе.

Следующим шагом было создание консорциума из этих центров и выборы руководства этого консорциума, ибо Европейский союз официально соглашался иметь договорные отношения именно с ним.

В августе 1991 года в Москве состоялся «конгресс соотечественников», на который приехали из многих стран эмигранты «первой волны»; приехал и наш знакомый В.Ю. Лодыженский с женой и дочкой. Он вызвал на это же время в Москву директоров всех 13 центров на организационное собрание для оформления консорциума и выбора его руководящих органов. Мы впервые увидели друг друга. Все 4 Ленинградских центра были организованы М.И. Башмаковым. Из них только я был, по сути, независим – остальные 3 были, искусственными образованиями, правда, все на основе ВУЗов с достаточно квалифицированным персоналом. Киевский, Минский и Прибалтийские центры также были созданы на Университетской основе. Хуже было с Московскими центрами. Их как-то подобрал сам Лодыженский, а так как в нашей обстановке он, естественно, не очень то разбирался, то и подбор оказался неудачный, что нам потом очень больно аукнулось. И совсем плохо, что на

место президента консорциума В.Ю.Лодыженский настойчиво предлагал директора одного из Московских центров, некоего В. Ф. Поминова, в общем, довольно сомнительную фигуру. Но это мы поняли позже. Пока же выбрали президиум консорциума, куда от Ленинграда, естественно, вошел М.И.Башмаков. Договорились и о правиле «вето». Все решения должны были приниматься единогласно.

Это организационное собрание происходило ни раньше, ни позже, как 21 августа 1991 года, т.е. в памятный всем день путча и в здании недалеко от горбатого мостика, т.е. в центре событий.

Однако с нами все обошлось. Мы не только благополучно разъехались в тот же вечер по домам, но и увезли с собой в Ленинград В. Ю. Лодыженского и его семью, правда в разных поездах и не очень комфортно. Можно себе представить, как они должны были представлять Российские реалии.

Уместно здесь сказать несколько слов о В.Ю. Лодыженском.

Владимир Юрьевич Лодыженский родился в Киеве в 1917 году. Его отец, русский врач, стал в 1919 году главой Русского отделения Красного Креста в Женеве. Владимир получил 12-летнее образование в знаменитой Женевской международной школе, а Высшее образование, в области биохимии, - в Женевском университете. Четыре года (во время второй мировой войны) он служил в швейцарской армии артиллерийским офицером, время от времени командуя международными лагерями беженцев.

В 1946 году, вместе с женой, швейцарским биологом, и тремя детьми он на 22 года отправился в Бразилию, где руководил строительством биохимических предприятий, деловым и гражданским образованием студентов, трудовых руководителей и женщин. В 1968 году он вместе с семьей возвратился в Европу, в Рим и Тоскану, и в дальнейшем посвятил свое время филантропии. В основном стремился способствовать возрождению России и внедрению кибернетического образования.

С В.Ю.Лодыженским нас потом связала многолетняя, если

не дружба, то очень теплые дружеские отношения. Выяснив, в конце концов «кто есть кто» в нашем проекте, он именно ко мне проникся полным доверием (как впрочем, и я к нему) и наши дружеские отношения длились до его кончины. Совсем незадолго до нее он мне сказал: «Хорошо бы, чтобы и на том свете нам расположиться рядом». Может быть, тут сыграла роль и то обстоятельство, что мы с ним ровесники и Киевские корни, может быть схожий, как ни странно, менталитет (и тут наверно не без усилий моей незабвенной мамы), не знаю.

Главными чертами его характера были, безусловно, душевное благородство и большая любовь к России.

Возвращаюсь к проекту CALMAP. С Московского организационного собрания началась по-существу работа по первому в моей жизни международному проекту. Спустя месяц нас (директоров центров) вызвали в Москву на встречу с экспертами ЕС. Там с нами обсудили проект помощи с фантастической суммой 8 миллионов долларов на 6 лет. Это был один из первых международных проектов и он проходил довольно легко. Московская тусовка еще не опомнилась и не наложила на эти проекты свою тяжелую коррумпированную лапу. В последующие годы пройти Москву уже было почти невозможно, проекты и деньги все оставалось там. Я остановлюсь на этом обстоятельстве позже.

Возвращаюсь к совещанию с экспертами ЕС. Здесь мы по неопытности совершили грубую ошибку. По нашей инициативе проект был разбит на две фазы и более-менее детальному планированию подвергалась только первая фаза, на которую отводилось финансирование в два миллиона экю. Основными мероприятиями первой фазы была поставка техники и учеба за рубежом: в Италии, Англии и Нидерландах. Наш центр, как и все остальные, получал восемь месячных заграничных поездок в четыре очереди и большое количество современной техники.

Не веря еще такой удаче, я все же распределил поездки по 4 очередям, отдал при этом две поездки ректору и проректору Ю.А. Сокуренко, памятуя заслуги последнего в организации

центра. Первая очередь должна была поехать в марте 1993 года. Нужно было уточнить состав сотрудников центра, в первую очередь подумать о финансовых делах и во вторую об англоязычном усилении.

На должность финансового директора центра я пригласил проректора ЛИМТУ по экономике Вадима Григорьевича Шальникова и не ошибся. Он оказался очень квалифицированным, точным, трудолюбивым и порядочным человеком. Мы с ним дружно проработали много лет до закрытия центра.

На должность англоязычного секретаря я пригласил младшую лаборантку нашей кафедры Леночку Финогенову, которая хотя и не хватала звезд с неба, но имела определенные знания языка и была очень трудолюбива и исполнительна. Как только в Центре появились деньги я оплатил ее дальнейшие занятия языком и она все время совершенствовалась. Леночка проработала у нас много лет. Однако у нее было очень серьезное сердечное заболевание аорты, которое привело к внезапному трагическому исходу – она скончалась в возрасте 30 лет.

Скажу при этом, что с душевной болью я вынужден был отказаться тогда от приглашения в состав центра своей любимой помощницы Гали Сильченко, т.к. она не владела английским языком. Она оставалась в штате кафедры. Спустя несколько лет, когда появились русскоязычные проекты, эта несправедливость была исправлена.

Но нужен был специалист нашего уровня с хорошим знанием разговорного языка и пониманием существа дела по нашей проблематике. Наш проректор Ю.А. Сокуренко посоветовал мне пригласить **Татьяну Альбертовну Гаврилову** с кафедры Б.Я. Курицкого, о которой я имел и раньше положительные отзывы. Ко мне в кабинет зашла молодая и весьма уважающая себя дама, спросила: «Где можно записаться на поездку в Брюссель?» и осталась моим ближайшим помощником и соратником до сих пор, а с этого момента прошло уже 15 лет.

В настоящее время она доктор технических наук, профессор информатики в Политехе, уважаемый человек. Таня очень

способный, покладистый, трудолюбивый и исполнительный человек, хотя заражена некоторым наукообразием. Мы с ней прошли через все проекты, много и плодотворно поработали. Конечно, ее интересы выходят далеко за пределы нашего центра, о котором я веду сейчас рассказ.

Для общего улучшения знаний английского языка сотрудниками центра мы уговорили ректора организовать занятия английским языком с преподавателем для специалистов, которым предстояло поехать за границу.

Сотрудники центра были распределены между очередями поездки так:

1 очередь (руководители): А.Л. Лифшиц, Т.А.Гаврилова

2 очередь: Э. И. Куштина, Н.А.Ковалева

3 очередь: Г.М.Музыкантов, Ю.А. Сокуренко

4 очередь: В.Г. Шальников, А.Орлов

Состав трех очередей был выдержан, в четвертой оказалась незадача. Поскольку сроки поездок 3 и 4 очередей частично накладывались друг на друга, ректор не разрешил поездку В. Г. Шальникова, который оставался за него. Это было не очень приятно, но мне удалось компенсировать ему эту поездку впоследствии.

А.Орлов был приглашен мною со стороны по рекомендации Башмакова, как хороший программист. Однако, когда я оговорил включение его в поездку строгими последующими обязательствами, он от поездки в моей группе отказался.

И я включил в четвертую группу преподавателей ЛИМТУ: В.И.Минкова по рекомендации Т.А.Гавриловой и Т.В.Зудилову по рекомендации Ю.А.Сокуренко, т.к. своих подходящих кандидатов не имел.

Правда я имел намерение включить в состав центра О.П.Ильину, которая к этому времени перешла из зашатавшегося ЛИМТУ в Инженерно-экономический институт, но муж ей возвращаться в ЛИМТУ не разрешил.

Наступило время первой поездки – март 1993 года и 8 человек по два от каждого Ленинградского центра, в том числе и мы с Таней получили билеты и на самолете Люфтганзы по-

летели во **Франкфурт**.

Из Ленинграда было 8 человек, в том числе старший группы М.И.Башмаков и руководитель центра №1 Александр Исаакович (Саша) Плоткин. Отмечу также его финансового помощника Вячеслава Юрьевича Шадрина, который все путешествие действительно занимался обменом валюты, отчетностью и т.д.

В аэропорту Франкфурта собралась вся первая группа нашего проекта- 26 человек, по два от каждого центра.

Описывать каждого попутчика здесь, пожалуй, не имеет смысла, лучше будет делать это по ходу рассказа. Ведь в аэропорту Франкфурта нас пока только формально представили друг другу.

Сбор и ожидание во Франкфуртском аэропорту заняли около 2х часов. Этот аэропорт один из крупнейших в Германии и даже в Европе. Однако он был, как будто бы, собран из довольно легких конструкций, допускающих последующие изменения, расширения и т.д.

Когда настало время посадки для полета в Рим, то оказалось, что нам по всему громадному аэровокзалу идти не нужно, выход был очень близко от нашего входа.

Перелет в Рим занял пару часов, летели уже в темноте. Впоследствии мне приходилось довольно много летать по Европе. Но это был первый полет на самолете иностранной компании и мы обратили внимание на то, что сервис здесь поставлен лучше, чем у нас. Кроме еды, большой выбор вин, ликеры, коньяк, в общем, без ограничений. Правда, еда на наших самолетах, пожалуй, что в то время была не хуже, а часто лучше, чем на западноевропейских.

Около 10 часов вечера самолет приземлился в Риме. Нас встретил В.Ю. Лодыженский со специальным автобусом.

В темноте мы ехали некоторое время сперва по довольно густо застроенным пригородам, потом по городу. Выехали на какую-то площадь и перед нами открылся … Колизей. Настоящий Колизей! Это было потрясение. Я и представить себе не мог, что когда-нибудь увижу его. Но вот такая удача. Подъехали к маленькой гостинице «Giglio del Opera». По очереди по-

ходили к дежурному и получали ключи от номеров. Мне достался очень маленький номер на 3 этаже, такой, что в нем почти негде было повернуться. Я тогда еще не имел опыта зарубежных поездок и принял это как должное.

Однако утором меня навестил В.Ю. Лодыженский и, к моему удивлению, возмутился. Когда в этот же день я вернулся с работы, дежурный долго извинялся передо мной и проводил меня в бельэтаж, в большой красиво обставленный номер «с ванной, гостиной, фонтаном и садом», как написано у Маршака.

На следующий день утром в отеле нас ждал завтрак: шведский стол, корнфлекс, плавленый сыр, кофе, молоко, джем, мед, хлеб. Утром нам выдали валюту и повезли на площадь Республики в красивый дом, где размещался **институт повышения квалификации IFAP-IRI.** Здесь в красивой большой аудитории и проходили каждый день наши лекционные занятия в течение двух недель пребывания в Риме, если не было деловых или туристических поездок по Риму и окрестностям.

Лекции проходили до обеда, после обеда обычно были самостоятельные практические занятия в малых аудиториях по 4 человека в группе. К нам с Таней подошли два профессора из Киевского центра и предложили нам создать общую группу на практических занятиях. Мы охотно согласились и не прогадали – они оказались весьма образованными и порядочными людьми, оба из Киевского Политехнического Института, того самого, где я перед войной учился на первом курсе. Один из них **Юрий Иванович Якименко** был первым проректором этого института, членом Украинской Академии наук – весьма приятный человек, с которым мы поддерживаем контакт до сих пор. Второй **Анатолий Иванович Петренко**, заведующий кафедрой того же института, очень активный и квалифицированный человек, но более меркантильного практического склада.

Лекционные занятия велись на английском языке и носили довольно общий характер. По теории управления ничего нового для большинства из нас не давали. Практические занятия также. Это – уровень подготовки большинства из нас – было

достаточно неожиданным для итальянских преподавателей. Они, как я понимаю, ожидали встретить группу малообразованных «русских медведей», а встретили большинство весьма подготовленных современных людей.

Наша четверка после первого дня приняла решения вместо практических занятий осматривать достопримечательности Рима и не прогадала.

Перед ужином первого дня совершили небольшую прогулку. От площади Республики, где располагался наш институт IFAP-IRI, спустились по улице Via Internazionale к площади Венеции. На Via Internazionale осмотрели старинную католическую Церковь Св. Виталия – IV век, сейчас ее неф расположен глубоко под землей. На площади Венеции грандиозный памятник-Витториано, сооруженный в честь объединения Италии и названный по имени короля-объединителя. Однако сам памятник мне не понравился – он выполнен не в классическом античном стиле, представляет собой какое-то нагромождение скульптур и конструкций.

Рядом форум Трояна – древние сооружения, колоннады, все разобрано как у храма Гарны в Армении.

Всю первую неделю нашего пребывания в Риме нас сопровождала дождливая и сравнительно холодная погода, однако, начиная с воскресенья, потеплело, наступила весна и стало тепло, так что можно было ходить в одном костюме.

Уличное движение в Риме большое, интенсивное, итальянцы ездят быстро, но удивительно внимательны к пешеходам. Все движение мгновенно прекращается, если нужно пропустить пешехода, где бы он не попался. В центре бросают машины, где попало, так что иногда не только проехать, но и пройти трудно.

На следующий день второго марта после работы совершили прогулку через весь центр в район Ватикана. Туда поехали на метро под руководством московской секретарши В. Ю. Лодыженского Оли Эйнаровой. Быстро спустились по эскалатору и сели в вагон. Оказалось, что мы едем «зайцами». «Я всегда так езжу, контроль бывает редко» – сказала Оля. Состояние

было прескверное, не говоря о том, чтогрозил штраф 50 000 лир и позор. Мы ее сильно выругали и в дальнейшем ездили приличными людьми с билетами. Контроля на этот раз, к счастью не оказалось.

Метро чистенькое, все детали белого металла, сиденья жесткие, довольно чистые, залегание как в первых московских линиях, то есть неглубокое.

Мимо соборов Ватикана прошли на площадь, а затем и в сам собор S.Pietro. Площадь очень большая, соразмерная с Дворцовой. Половину занимает собор, но места для ощущения простора достаточно. Часть площади обрамлена величественной колоннадой, которая охватывает площадь двумя эллиптическими полукольцами. Все вместе составляет величественный ансамбль.

Стало также понятно теперь, откуда взялась похожая колоннада у Казанского собора в Петербурге.

Сам собор, когда войдешь внутрь, поражает своими размерами и красотой интерьера. Причем внутреннее убранство для католического собора достаточно скромное, без излишней вычурности. Однако все стены в коричнево-золотых тонах, потолки расписаны, пол мраморный, вдоль стен много прекрасных скульптур превосходно, органично вписанных в интерьер. Среди них выделяется пьета Микельанджело – Мария, оплакивающая Христа, лежащего у нее на коленях.

Подобные скульптуры, выполненные разными скульпторами я потом увидел и в других местах. Все они имеют общее название – «пьета».

Ниже уровнем – галерея, где вдоль периметра расположены могилы известных людей. Можно также подняться наверх, как на Исаакий. Все вместе создает незабываемую картину и я понял, что стоит поехать в Рим только из-за одного этого собора. Описать впечатление, которое произвел на меня, достаточно сухого человека, собор S.Pietro очень трудно – оно огромно.

Обратно пошли через весь город пешком, это заняло примерно полтора часа, сперва шли вдоль Тибра – река вроде

нашей Фонтанки или скорее Большой Невки. Много мостов, но все они каменные, классически – античные. Далее уже знакомым путем мимо площади Венеция по Via Nazionale в гостиницу.

Кроме лекционных занятий для нас было организовано несколько деловых экскурсий. Две из них мне запомнились хорошо.

Первая была в главный Римский Радио-Телевизионный центр – RAI и была интересна в смысле общего образования. Вторая – в центр компании SIP имела очень большой познавательный смысл – мы (во всяком случае, я) впервые увидели high tech (высокие технологии) в действии.

Нам показали много совершенно новых вещей – например, пятиязычную компьютерную систему изучения иностранных языков, компьютерную тренажерную систему подготовки шоферов, диски CD-ROM и др. Впечатление было большое. Компания была расположена в небольшом местечке в 70 км от Рима на берегу Средиземного моря. В это время года (март) оно не произвело на меня особого впечатления. Я ожидал большего. В последующие поездки на его берегах я бывал (правда, только на северном побережье) и летом, но впечатление тоже было не из лучших. Мутноватая бесцветная вода. И наше Черное море и, конечно, Тихий океан, по моему мнению, значительно красивее. Да и Баренцево море, особенно в шторм, захватывающе красиво.

В целом мне показалось, что две недели в Риме для такого обучения это слишком много. Сразу скажу, что мы добились сокращения для остальных потоков срока пребывания в Риме до одной недели в пользу Лондона. Однако, об этом несколько позже.

В процессе пребывания в Риме, да и не только в Риме, одной из главных своих целей я считал необходимость расширения зарубежных контактов, понимая, что подобная удача, как этот проект, может и не повториться больше. Поэтому я старался, как можно более активно общаться со всеми преподавателями и администрацией IFAP-IRI. Такой же политики я придер-

живался и в Лондоне и в Эйндховене. Успех этих контактов был переменным, но, в общем, я своей цели добился – в результате этой поездки я обеспечил наш центр участием в зарубежных проектах еще на 8 лет. Однако, об этом позже.

Здесь же скажу, что я тогда не имел опыта общения с иностранцами и принимал их дежурные уверения и обещания во взаимном интересе за чистую монету и считал, что все они только и думают, чтобы организовать совместные проекты с нами.

И до сих пор, в общем, несмотря на полученные многочисленные уроки и «зуботычины» мне хочется так думать.

Я всю жизнь предпочитал во взаимоотношениях ясность и четкость, пусть даже не очень приятные, нежели внешне любезные обещания и встречные расшаркивания, за которыми ничего не следует, кроме разочарования, тем более глубокого, чем больше внешних любезностей было в начале.

Лишь значительно позже я понял эту западную манеру: за внешним дружелюбием ничего не следует, никаких последствий, если для них нет практической выгоды.

Но из всех иностранцев, обещавших мне поддержку, все же нашелся один, который не слукавил. Этот был прикрепленный к нам в качестве «няньки**» профессор Клод Шебер (Claude Sheiber).** Но о нем я расскажу отдельно несколько позже.

Кроме учебы и осмотра Рима была еще одна область деятельности. Каждый вечер после ужина руководители центров, т.е. восемь человек собирались вместе для составления и корректуры устава EETC (East European Traintug Consortium) - организации, объединяющей наши 13 центров.

Сперва были споры о составе президиума. В конце концов, остановились на том, что нужно 3 человека: два из Москвы и один из Санкт-Петербурга, т.к. этим обеспечивалось представительство 8 центров. Чтобы остальным было не обидно, ввели право вето.

От Ленинграда в президиум вошел М.И.Башмаков, от Москвы В.Ф.Поминов и Ю.А. Самоненко представлявший Московский университет. По настоянию Лодыженского президен-

том был избран В.Ф. Поминов. Насколько я теперь понимаю В.Ю.Лодыженского, его прельстило в Поминове хорошее знание английского языка и дипломатические манеры. Но за этим скрывалась абсолютная бездеятельность в сочетании со склочным характером, что нам в дальнейшем сильно повредило.

Поскольку дальнейший путь наш лежал в Лондон и Нидерланды, то я позвонил из Рима Саше Ланде и он подготовил мою встречу с его сестрой Ниной, живущей в Лондоне, а сам обещал меня встретить на аэродроме Схипхол в Амстердаме.

В первую субботу 7 марта решено было организовать **частную поездку во Флоренцию.** Собрался коллектив в составе: А. И. Плоткин, Т. А. Гаврилова и я.

Подъем 5^{00}, завтрак в номере, 6^{30} – отправление поезда «экономический класс», билет стоит 22 000 лир.

В 9^{35} приехали во Флоренцию. Дорога шла по долине между невысоких гор, пейзаж похож на русскую трассу в районе Пятигорска. Параллельно идут несколько путей железной дороги, но не рядом, как у нас, а на расстоянии около 3 км друг от друга.

Итальянские поля больше похожи на русские, чем на голландские: и процентом занятой земли и по свалкам вдоль дороги и по овцам тоже.

Общее впечатление от Флоренции: декорации из фильма или балета «Ромео и Джульетта». Все необычайно красиво и соразмерно, настоящая классика.

Общая фактура всех сооружений: их внешняя облицовка напоминает кирпич белого цвета с фигурным исполнением и золочеными инкрустациями.

Осмотр начался прямо у вокзала с собора «Санта Мария Новелла». Прямоугольник с поразительными витражами, состоящими из трех створок во всю высоту алтарной стены.

Строительство 1246-1350гг. В алтаре гигантское распятие. Стены из бело-зеленого мрамора, фрески Учелли, Липпи, Бронцино и пр.

Затем по переулкам мы прошли к центральной площади Си-

ньории (мерии), на которой расположена «ратуша» - Паллацо–Веккио и картинная галерея Уффици.

На площади между ними две статуи: «Давид» Микельанджелло и Нептун.

Пошли в картинную галерею Уффици. По периметру буквы «П» идет галерея громадными сплошными окнами наружу. Вся галерея заполнена чудесными скульптурами. Вообще в Итальянских музеях скульптура занимает значительно большее место, чем у нас. Она равноправна с живописью.

Из внутренней стены галереи ведут двери в различной конфигурации комнаты или музейные залы, посвященные тому или иному художнику, иногда двум. Есть залы: Боттичелли (Венера рождается из морской раковины, несколько мадонн и др.), Корреджио, Микельанджелло (святое семейство в круглой раме).

Зал Рафаэля (несколько Мадонн).

Зал Тициана – чудесные картины – Магдалина, как в Эрмитаже, Венера Урбино и залы новых для меня художников: Фелиппе Липпи, Бронцино, Визиани. Есть залы Перуджино (по картинам которого видно, что Рафаэль его ученик), хороша его Pietta. Есть и скульптуры и картины в разных местах на эту тему.

Тут же две картины Леонардо, не очень известные.

Зал Дюрера и Кранаха с Адамом и Евой, залы Пьембо, Веронезе. Много прекрасных скульптур.

В общем, это совершенно новый для нас музей, но побывав в нем лучше понимаешь каковы сокровища Эрмитажа.

Далее по прекрасным улицам итальянского возрождения прошли к собору Сан-Лоренцо с капеллой Медичи, в которой сделаны надгробья на могилы владетелей – знаменитые скульптуры: рассвет, сумерки, ночь и день.

Пообедали, чем бог послал, в сквере на скамейках (жаль было терять время в ресторане).

Затем осмотрели комплекс Собора Санта Мария дель Фьоро и Баптистери. Последняя представляет собой древнюю церковь прекрасных пропорций (1058 г), восьмиугольную в ко-

ричневых тонах с фресками.

Собор гигантский и очень красивый сложной формы с отдельно стоящей прямоугольной колокольней, с необычайно красивой бело-золотой наружной облицовкой. Третий в мире по величине.

Однако общего ансамблевого впечатления не возникает, поскольку вокруг нет свободной площади: окружающая застройка примыкает к собору почти вплотную.

Далее по таким же классическим улицам (типа нашей улицы Росси в Санкт-Петербурге, но другой архитектуры) прошли к площади Анунциаты. Небольшая, но абсолютно законченная в едином образе квадратная площадь – все 4 стороны (3 дворца и 1 церковь) построены в одном ключе – нежные ряды классических лоджий, наружные фасады которых представляют собой цепь одинаковых арок.

Все это оставляет неизгладимое впечатление.

Последнее посещение – Собор Санта Кроче, перед которым большой памятник Данте – Алигьерри. Собор очень красивый, но главное в нем могилы: Галилея, Маккиавели, Микельанджело, Россини, Данте-Алигьерри (памятная).

В 17^{05} – отъезд, в 20^{30} в Риме в отеле. Ужин, как всегда, и легли спать как убитые.

Несколько слов о питании. Я уже описал, каков был брекфест в Риме. Я находил его приличным, Башмаков скверным. Прав был он. Я просто не имел еще опыта и мне не с чем было сравнивать.

Хозяин гостиницы организовал нам обед и ужин в ближайшей траттории. В свою очередь хозяин траттории разнообразием нас баловать не стал: паста (т.е. макароны), стакан вина и фрукты два раза в день. В ужин еще кусок мяса или рыбы.

На третий день мы взбунтовались. Я вызвал хозяина, толстого итальянца и сказал ему строго, показывая на очередную пасту: «Один раз в три дня. В Риме есть много мест для еды». Нас было 26 человек и хозяин лишаться прибыли не захотел. Еда стала более разнообразней.

Впоследствии, однако, я убедился, что паста (макароны) в

том или ином виде почти непременная закуска в каждой итальянской трапезе, даже на очень высоком уровне.

12го марта в предпоследний день нашего пребывания в Риме я совершил прогулку к церкви Maria Magore –красивая, но необычная архитектура: довольно низкое и длинное по фронту здание со сравнительно высоким и тонким шпилем (похожим на наше адмиралтейство). Затем зашел в универмаг, купил два диска с музыкальными записями, далее пошел по улице Четырех фонтанов к площади Испании посмотреть знаменитую лестницу. Улица узкая и гористая с интенсивным движением, наглотался газов. Посредине маршрута обнаружил дом с большой мемориальной доской в честь Н.В.Гоголя. В конце улицы спуск к центру по знаменитой по кинофильмам лестнице к площади Испании. На верхней площадке старинная церковь.

Сама лестница многопролетное красивое сооружение. Пролеты трапециевидной формы, две параллельные линии. Масса народу, ярко и шумно.

Англия. Наступило время переезда в Англию. 13 марта в 10.30 был подан автобус для перелета в Лондон. В 13.20 самолет «British Airlines» поднялся в воздух. Взлетев, мы сразу оказались над морем и пошли на NW, оставляя Италию справа. Поднялись выше и через час оказались в совершенно ясную погоду над Альпами. Зрелище очень красивое: множество снежных вершин. В отличии от Кавказа все горы довольно круглые, нет совсем острых пиков.

Питание в рейсе хуже немецкого, однако, с нашим не сопоставить. Самолет довольно тесный, в проходе не разминутся два человека, да и сидеть тесновато. В пути выдали регистрационные карточки на въезд в Англию и велели заполнить.

Прилетели благополучно. Как и в Риме, когда мы дошли до круга, багаж нас уже ждал. Никакой таможенной проверки, только визовая.

Встречали нас четыре представителя ORT, думаю все не так давно из Одессы. Говорят по-русски, В Лондоне нас разместили в отеле «Мариотт». Гостиница прекрасная – четырехзвезд-

ная. Шикарный номер в никеле, зеркалах и коврах, все удобства. Кофейный и чайный приборы с полным ассортиментом разных сортов чая, кофе и сахара, множество всяких туалетных принадлежностей и т.д.

Питание в отеле двухразовое. Утром прекрасный шведский стол с ресторанным набором закусок, «eggs and ham», мясо, рыба, фрукты и соки сколько угодно, сыры и ананасы и т.д. Молоко и молочные продукты.

Вечером непривычно поздний обед с выбором блюд.

Позже я узнал, что завтрак (breakfast) бывает двух видов: английский и континентальный. Английский я только что описал, континентальный: кофе, масло и булочка, иногда кефир. Нужно сказать, однако, что позже я убедился, что «английский» завтрак бывает и на континенте, например, в Финляндии и в Швеции.

Вечером в субботу дозвонился до Нины, очень мило поговорили, условились на среду, причем она сказала: «Трудно объяснить по телефону, как к нам приехать, я завтра (в воскресенье) напишу Вам письмо, Вы его получите в понедельник и все будет ясно».

Забегая вперед, скажу, что в понедельник письмо действительно пришло. С Шуриком Мамыриным тоже договорился о встрече на четверг. Хуже было с Машиными подругами, она дала один телефон Irin и тот неверный.

Пришлось разыскивать телефон по адресу. Удалось найти телефон второй девочки – Маргарет, к счастью, они учатся вместе и мы договорились о том, что они придут за письмами в мой отель.

Вечером нас повезли на экскурсию по ночному Лондону: Park-Road – Бейкер-стрит (сразу в гости к Шерлоку Холмсу), Оксфорд-стрит, Гайд-парк, Букингемский дворец, Альберт-холл (концертный зал), Вестминстер, Уайт Холл, Тауэр - Бридж, умотались ужасно. Приехали в отель и свалились с ног.

В номере много техники: гладильная доска, ключ-карточка, кипятильник (чай, кофе, шоколад, молоко и сахар трех сортов и т.д.).

Утром 14 марта после завтрака поехали по маршруту Оксфорд-Страдфорд (родина Шекспира).

Быстро выехали из города и поехали в Country – сельскую местность. Дороги хорошие, наш маршрут, однако, шел не по автостраде, а по дороге «местного значения». Местность неровная, всхолмленная, живописные картинки маленьких городков, деревушек, в каждой церковь и магазин, напоминает Эстонию, много домов стилизовано под соломенные крыши.

Поля разгорожены, пасутся овцы, телята, чистые, но не такие громадные как в Голландии. Окраска домов либо красно-кирпичная, либо бело-черная.

Километров через 100 попали в район Вудсток, громадный замок герцогов Мальборо – Blenheim - родина У. Черчилля.

Замок занимает большую территорию, парк напоминает Павловск, много воды, замок серый, довольно суровый.

Приехали в Оксфорд и час гуляли по городу. Сами по себе колледжи такие, как мы себе и представляем, но расположены они в городе. Заходите в калитку или ворота и там уже ожидаемая картина – большая поляна, здание двухэтажное, спортплощадка и т.д.

Централизованная громадная библиотека, читальные залы и церемониальные помещения.

Затем поехали в страну Шекспира – Страдфорд.

Городок как Пайде или голландский – Haarlem. Чисто, довольно парадно. Есть 4 театра (для фестивалей), Шекспировский мемориальный центр с выставкой героев в костюмах эпохи, книгами Шекспира и т.д.

Рядом дом, где он родился со стилизованной обстановкой, довольно ветхий. Есть дом родителей его жены, очень хорошо сохранившийся т.к. много поколений жило в нем после Шекспира, есть дом его дочери.

В Страдсфорде мы пообедали (Lunch) и затем часа полтора ходили свободно. Я пошел в Trinity – Church поклониться могиле Шекспира. Церковь не очень большая, но с прекрасными витражами. Шекспир и его жена похоронены в алтарной части.

В гостиницу вернулись около 18.30. В 20 обед и отдых.

На следующий день начались занятия. В Лондоне, в отличие от Рима, нам было чему поучиться – шесть дней мы просидели в прекрасной компьютерной лаборатории ORT вместе с опытными инструкторами – программистами, ознакомились с новейшими весьма разнообразными программными продуктами, каждый из нас мог почерпнуть много нового для себя в меру личной подготовленности и желания. Впоследствии эта учеба нам очень пригодилась в России.

На обед нас никуда не водили. Его доставляли прямо в лабораторию (в соседнюю комнату) в виде набора сандвичей, соков и кофе. Все без ограничения.

Несколько слов **о личных встречах в Лондоне.** Их было три: с Шуриком Мамыриным и его семьей, с Ниной Ланде и с родителями Машиной английской подружки. Начну с последней. За год или два до описываемой поездки наша внучка Машенька в возрасте 14 лет ездила в Лондон из своей физматшколы по обмену. После поездки она некоторое время переписывалась со своими английскими подружками, они приезжали по тому же обмену в Питер и жили у Маши. И когда я поехал в Лондон, то мне дали для них подарки. С трудом, но мне удалось до них дозвониться и вот по их инициативе была организована наша встреча – они пригласили меня в ресторан на ужин. Причем для моего удобства, как они сказали, встреча была назначена в ресторане нашей же гостиницы «Мариотт». И была несколько комичная ситуация: вся наша группа ужинала в этой же гостинице, а я сидел там же, но за отдельным столом, будучи приглашенным Машиными друзьями. Их было трое: девочка Маргарет и ее родители. Все остались довольны встречей.

Второй была **встреча с Шуриком Мамыриным** и его семьей.

Шурик был сыном Любиной подруги Муси Мамыриной. Это был весьма бойкий и неглупый мальчик, с которым вечно случались разные происшествия: то он повис губой на заборе, то подстрелили дробью (не помню уже то ли он , то ли его)това-

рищи, все в таком роде.

Однако когда он вырос, то проявил весьма независимый характер. Он работал научным сотрудником в ГОИ (Государственный Оптический Институт), защитил кандидатскую диссертацию. Спустя некоторое время он женился и завел ребенка.

После этого он заявил родителям, что в гнетущей обстановке Брежневского режима жить не желает и проделал следующее: развелся с женой, женился (формально) на англичанке, уехал с ней в Англию, там с ней развелся. После этого его бывшая русская жена Оксана поехала в Англию якобы в туристическую поездку, взяв с собой сына. Из Англии она не вернулась, а вышла там во второй раз замуж за того же Шурика. И они до сих пор живут в Англии вполне благополучно. Шурик стал там специалистом по базам данных и работает в японской фирме, где его очень ценят. Такая вот история. Но это в наше время теперь можно ее рассказать и воспринимать спокойно. В советские времена это было совсем не простая история. Все было в строжайшей тайне. И его и ее родители могли запросто вылететь с работы причем «в никуда». И своих детей они, во всяком случае, теряли бы навсегда. Так случилось, например, с нашим первым дачным соседом Владимиром Семеновичем. Из заведующего научной лабораторией в престижном институте он в аналогичной ситуации в одночасье превратился в плотника при кинотеатре.

Я позвонил Шурику и поехал к ним в гости, где провел очень приятный вечер в английском доме, но с русскими обычаями. Потом они приезжали ко мне в гостиницу и посмотрев на номер сказали, что нас принимают «на высоком уровне».

Работа в Лондоне показалась мне, да и Башмакову тоже, настолько продуктивной, что для всех остальных групп мы, уменьшив на неделю пребывание в Риме, перенесли эту неделю на Лондон, сделав пребывание там двухнедельным.

Нидерланды. Из Лондона мы перелетели в Амстердам, где меня встретил Саша Ланде. Вся группа должна была ехать поездом на юг в Эйндховен. Перелет происходил в субботу, а занятия в Эйндховене начинались в понедельник. Поэтому

я, отправив багаж с товарищами, сам остался на выходные у Саши в Амстердаме. Выходные прошли в совместных прогулках и беседах. В воскресение во второй половине дня мы разъехались: Саша в свой университет в Гронингем, я в Эйндховен. Гостиница оказалась на вокзальной площади, так что искать ее не пришлось. По удобству несколько хуже, чем в Лондоне, но гораздо лучше, чем в Риме. Номера, правда, оказались двухместные.

Эйндховен – это царство фирмы «Филлипс»: мэр города от «Филипса», все магазины и рестораны тоже.

В Эйндховене нас принимал **PTH (Pedahogische Technische Hoogschuhle)** – главный Нидерландский институт повышения инженерной квалификации. Занятия были двух видов: занятия силами собственно преподавателей PTH были посвящены экономическому менеджменту (правда тогда мы этого термина не знали) и проводились довольно живо и интересно. Вторая часть занятий была посвящена рассмотрению компьютерных технологий в различных приложениях. Эти занятия проводились не только в Эйндховене, но и в других Нидерландских городах на различных фирмах. Запомнилась поездка в **Роттердам**, где нам демонстрировали систему обучения шоферов на компьютерных тренажерах.

Попутно мы бегло познакомились и с Роттердамом. Город произвел на нас весьма большое впечатление. Мы знали, что город был разрушен во время 2ой мировой войны, но не знали, как он был восстановлен. Новые дома, часто конструктивистской архитектуры произвели на нас сильное впечатление. Так же как и воды Мааса, гигантский Роттердамский порт, самый крупный в Европе. Порт и его окрестности очень напомнили нам Ленинград.

Верный своему плану, я попросил организовать мне встречу с представителями фирмы «Филипс» для возможной организации совместных проектов. Такая встреча состоялась, однако представители фирмы очень вежливо сказали, что пока «Филипс» в России интересов не имеет, возможно это будет в будущем.

Во время пребывания в Эйндховене был проведен **«тендер» (т.е. конкурс) на поставку комплексов технических средств** для всех наших центров. Здесь мы узнали, что по западным обычаям не принято просто заказывать или покупать технические средства у какой-либо фирмы, а нужно организовать конкурс, по меньшей мере, трех фирм. И мы увидели этот механизм в действии. РТН и привлек к конкурсу три фирмы, но сделал это так ловко, что одна фирма предлагала ЭВМ и сопутствующие приборы, вторая средства связи, третья программное обеспечение. И конкурс провели, и все купили в тех трех фирмах, которые сами выбрали. Скажу сразу, что набор технических и программных средств, входивший в комплекс, был довольно хорошим, однако не все технические средства были на должном уровне, в частности сами ЭВМ фирмы TULIP были не самых новых образцов. Однако «дареному коню в зубы не смотрят».

Из Эйндховена мы вылетели обратно во Франкфурт, замкнув кольцо по Европе, а оттуда в Ленинград. Во Франкфурте мы расстались со всеми участниками первого потока Calmar-неленинградцами.

Сразу по возвращении собрали всех участников проекта от ЛИМТУ и мы с Таней подробно рассказали о своем путешествии, стараясь облегчить им предстоящую поездку. Остальные три группы совершили вслед за нами такое же феерическое путешествие.

Получение техники. Спустя некоторое время мы получили извещение о том, что вся техника, положенная нам по проекту, направлена из Нидерландов на грузовых фурах. При этом были получены все необходимые документы и при них письмо, подписанное властями Евросоюза, а с нашей стороны заместителем Предсовмина России В. Н. Шохиным о том, что весь этот груз освобожден от таможенных сборов.

Действительно, мы вскоре получили извещение о том, что фуры с техникой пришли и находятся на таможне.

Мы, т.е. руководители Ленинградских центров, решили установить на таможне у фур с техникой свое суточное дежурство

участников проекта (естественно из мужчин), чтобы уберечь грузы от расхищения. Чтобы получить груз, нужно было иметь разрешение от начальника таможни, который находился на 9 линии Васильевского острова. Мне выпала доля идти к начальнику таможни за разрешением на получение грузов. Он ни в какую не желал отдать наш груз без пошлины, никакие письма от начальства на него не действовали. Наконец мне это так надоело, что я снял пиджак, повесил его на спину стула и сказал ему: «Этот пиджак все, что у меня есть, хотите, забирайте, больше Вы от нас ничего получить не сможете, кроме жалоб Шохину и в Брюссель». К моему удивлению он рассмеялся и подписал разрешение на выдачу грузов. Вопрос был решен и все 4 Ленинградских центра получили всю положенную технику.

Ректор выделил нам две комнаты: одну большую под лабораторию, вторую маленькую под мой офис. Монтаж и подключение техники делала специальная группа, нанятая из Брюсселя фирмой «Tulip».

Для обслуживания такого достаточно сложного комплекса технических средств, который был добыт «из воздуха», потребовались специалисты по технике и программному обеспечению. Пришлось организовать **специальную лабораторию**. Заведующим лабораторией был приглашен наш преподаватель Борис Павлович Полоскин (между прочим, довольно известный в стране песенник-бард). На должность системного программиста по рекомендации Т.А. Гавриловой мы взяли старшего научного сотрудника Ленинградской обсерватории Сергея Клионера, ему нужен был дополнительный заработок. От него мы многое переняли, многому научились. До нас он год проработал в Японии и был в курсе современных информационных технологий.

На этом начальная стадия проекта завершилась ко всеобщему удовольствию.

Конец проекта Calmap. Однако, дальнейшая судьба этого блестящего проекта была не столь благополучна. Основная трудность, как я теперь спустя много лет понимаю, была в

нечетком определении целей проекта. Дали очень много денег, но неизвестно на что. В.Ю. Лодыженский думал с нашей помощью внедрить или способствовать внедрению в России гражданского общества, что было совершенно нереально. Соответствующий отдел Европейского Союза (отдел образования) хотел научить русских специалистов выполнять большие научно-образовательные проекты, используя новые высокие технологии.

Эта цель была ближе нам, но участвовать в таких проектах были готовы далеко не все центры. Пожалуй, два центра в Санкт-Петербурге (мой и Объединенный центр Башмаков-Плоткин), один центр в Москве, Киевский и Тартуский центры. Но и эти центры не смогли или не сумели найти общий объект приложения, достаточно масштабный. К тому же проснулись московские коррупционеры, которые никаких проектов со стороны вообще не пропускали.

Мы провели еще два совещания в СНГ: в Киеве и в Минске. На Киевском совещании довольно беспомощно выступали наши западные спонсоры: Итальянский IFAP-IRI, Английский ORT и Нидерландский PTH. Они, естественно, сказать ничего не могли, т.к. не понимали обстановки в России.

Решили, чтобы к следующей встрече в Минске все разработали предложения, как частные, так и общие. Однако, главная беда была впереди. Наш президент В.Ф.Поминов, который конструктивно был полный нуль, вдруг написал, никого не спрашивая, от нашего имени письмо в ЕС, в котором предъявил курирующему наш проект в Брюсселе отделу образования целый ряд совершенно диких претензий.

Мы узнали об этом слишком поздно, сместили его с должности и дезавуировали это его письмо. Но время было упущено. Евросоюз закрыл наш проект, т.е. вторую его фазу. Было потеряно финансирование объемом в 6 миллионов экю. Такова цена одной глупости отдельно взятого глупца.

Делать было нечего. Когда мы собрались на последнее совещание в Минске, то подвели печальные итоги, разделили поровну оставшиеся деньги и решили все же продолжать жизнь

содружества. К этому моменту в Брюсселе в том отделе ЕС, который собирал заявки, было принято к рассмотрению три частных проекта от наших центров: Киевского, одного Московского и моего. Но это были сравнительно с прошлым небольшие проекты по объему финансирования – около 200 000 экю каждый.

Однако и эти проекты были «зарублены» проснувшейся Москвой под предлогом необходимости концентрации усилий и финансовых ресурсов. На самом деле московским чиновникам было проще и удобнее накладывать лапу на один большой проект, чем на несколько более мелких.

С тех пор сотрудничество центров формально завершилось, остались некоторые личностные отношения. У меня, естественно в Ленинграде, с М.И. Башмаковым и А.И. Плоткиным, в Киеве – с Ю.И.Якименко и меньше с А.И.Петренко.

Несколько слов о финансовом завершении проекта. После вычета всех затрат, произведенных по ходу проекта, оставшиеся деньги были положены на специальные счета, которые были открыты каждому центру в Брюссельском банке. Через некоторое время эти счета были персонифицированы на имена директоров центров и у меня автоматически появился банковский счет за рубежом. Чтобы избежать кривотолков мы с финансовым директором нашего центра В. Г. Шальниковым составили специальный акт о размерах проектного вклада и снимали с него деньги (пока они оставались) по таким же актам.

В процессе подведения итогов М.И.Башмаков предложил нам (т. е. Ленинградским Центрам) объединить банковские счета в один общий, но я от этого отказался. К этому времени мне открылись значительно больше особенности противоречивой натуры М.И.Башмакова, в которой «наряду с достоинствами имелись и недостатки», Я решил, что «дружба дружбой, а табачок врозь». И не ошибся. Другие не отделались так легко. Кстати, узнавший об этих переговорах и о моем решении В.Ю.Лодыженский, долго смеялся и сказал: «Поняли детали характера? Я тоже».

Это не мешает мне относиться к М. И. Башмакову с уваже-

нием и благодарностью за его помощь Боре.

Я признаю, что он значительно превосходит меня по способностям и динамичности. Особенно много он сделал для школьного образования и совершенно заслуженно является членом Педагогической Академии России.

Итак, с момента закрытия проекта «Calmap» и распада ЕСТТ наш центр остался с техническим комплексом достаточно современного оборудования, но один на один с «капиталистическим» и диковатым постсоветским миром.

Начали искать точки приложения. С одной стороны это был поиск заказчиков в России, с другой стороны – поиск проектов на Западе. В России это были некоторые проекты в сфере образования, в основном школьного, с другой стороны было несколько проектов в промышленности. Все их описать нет возможности, да они и не лежали на главном направлении работы центра. Опишу наиболее интересные.

Первый «строительный проект». Вскоре после получения нами техники по проекту «Calmap» и ее монтажа мы устроили показ технических и программных возможностей центра для заведующих кафедр и интересующихся преподавателей. Впечатление было достаточно сильным.

Спустя несколько дней, ко мне зашел заведующий кафедрой строительства профессор Лев Моисеевич Каплан и предложил нашему центру принять участие в его проекте «Дистанционное обучение строительных менеджеров». Суть этого проекта заключалась в обучении 60 русских менеджеров частных строительных фирм по программам Английского строительного института (UMIST) при Манчестерском Университете (Англия).

Задачей нашего центра в этом проекте было техническое сопровождение учебного процесса с использованием современного технологического оборудования.

Третьим русским участником проекта был Политехнический институт. Функции участников распределялись следующим образом:

Англичане писали лекции на английском языке. С помощью нашего центра эти лекции по электронной почте (которую

наш центр впервые освоил) пересылались в Петербург, здесь переводились на русский язык, оформлялись и рассылались студентам, которые располагались в разных городах России: Петрозаводск, Пенза, Челябинск и др. города.

В процессе обучения слушатели три раза приезжали в Петербург на сборы для слушания обзорных лекций и сдачи зачетов и экзаменов. Лекции читали английские преподаватели, частично Л.М.Каплан.

Эти учебные сборы проводились на технической базе нашего центра.

В плане работ было опробование для дистанционного обучения искусственного спутника земли. Но на спутник денег не хватило и спутниковая связь были заменены радиорелейной линией от Санкт-Петербурга до Петрозаводска. Лекции в режиме «On line» читал Л.М.Каплан. Лекции читались в Санкт-Петербурге с использованием нашего оборудования, слушатели же находились в Петрозаводске.

На сборах слушателей специалисты нашего центра читали обзорные лекции по информатике и знакомили слушателей с возможностями современной техники и программных средств.

За свою работу в этом проекте центр получил некоторое, не очень большое количество денег и две заграничные командировки.

Американское предложение. Г-жа Gallagher и шведы. Хотя я пытаюсь описывать нашу работу по каждому проекту отдельно, сделать это довольно трудно. Иногда необходимо и некоторое параллельное описание.

Одно из отступлений таково. В описываемое время (1994 г.) кафедра АСУ еще функционировала и я руководил одновременно двумя системами, благо предметная область была одна и та же.

По кафедре я в то время постоянно находился в поиске слушателей. Одной из точек приложения была недавно созданная Мэрия Санкт-Петербурга. Мэрия в это время получила контакт с Шведскими организациями и у нее возник совмест-

ный проект со Стокгольмским Университетом. Наш центр был удобным партнером для показа того, что и мы «не лыком шиты». Мэрия пригласила нас ограниченно поучаствовать в этом проекте.

Расплатилась с нами Мэрия зарплатой (русскими деньгами) преподавателям и включила их в две поездки в Швецию (С.Н.Астахов и Т.В.Трифонова). В процессе этого мы обсудили со шведами план дистанционного обучения русских слушателей по шведским программам с помощью нашего центра и его программно-технических средств. Появился, таким образом, некоторый совокупный опыт по проблемам и возможностям дистанционного обучения.

В это время в Москве проходила международная конференция по дистанционному обучению, на которой я выступил с докладом о нашем опыте и вытекающих из него возможностях дистанционного обучения. Доклад вызвал определенный интерес. В частности ко мне подошел один англичанин и пригласил меня посетить английский открытый университет в Milton Keins что я и сделал через несколько месяцев. Кроме него одна американка г-жа Lynn Galagher сказала мне, что она имеет сходный проект в Южной Африке и поскольку она едет прямо сейчас в Ленинград, то хотела бы познакомиться с нашим центром на месте. Я охотно согласился и пригласил ее посетить наш центр.

В это время в центре как раз проходил семинар по «строительному» проекту и был наш «центровский» день.

Мы посадили рядом с ней С. Клионера в качестве переводчика и комментатора. Американка была очень довольна и предложила нам организовать подобный Русско-Американский проект.

Скажу сразу, что пришлось потратить много времени на разработку этого проекта и электронную связь с США, но моя Mrs Galagher не смогла добиться включения этого проекта в американский финансовый план и на этом наши контакты завершились. Однако все эти три начинания, происходившие одновременно, дали свои совокупные плоды, о чем я расскажу не-

сколько позже.

Возвращаюсь к «строительному» проекту и к заграничным поездкам, связанным с ним.

Поездка в Англию по строительному проекту. Эта поездка в Англию была одной из двух, полученных центром от Л.М.Каплана в качестве компенсации за наши работы в Ленинграде. Никаких дел у нас в Англии не было. Самое большое – познакомились с порядками в Английском университете.

Ниже приводятся мои краткие записи по этой поездке.

10 сентября 1994г. суббота. Перелет Санкт-Петербург – Копенгаген -Лондон (авиа компания SAS). Удобный хороший полет в компании 8 человек: 4 профессора: Л.М.Каплан, я, два профессора - местных консультанта по проекту: один из Пензы второй из Челябинска, 4 бизнесмена – слушатели.

Запомнился чудесный, по моему вкусу, рыбный обед (сельдь, лососина, осетрина и др.).

В правилах прочел, что все напитки, кроме шампанского, бесплатны.

2 часа ожидания в Копенгагенском аэропорту. Усвоил правила движения в западных аэропортах: смотреть TV экран, узнавать № ворот (gate-way) и вперед. Никаких вопросов можно не задавать.

С Лондонского аэропорта Гатвик на электричке переехали на железнодорожный вокзал Виктория и далее 3 часа ехали поездом до Манчестера. На вокзале нас встретили профессора Naigel и Endy, секретарь Вера и на своих машинах привезли в общежитие Umist (Все встречающие были нам знакомы – они уже бывали у нас в Ленинграде).

Маленький номер, все удобства, но английская болезнь – два раздельных крана.

Вечером прогулка по Манчестеру, организовал Л. М.Каплан – география магазинов. Для меня это уже лишнее – устал.

11 сентября, воскресенье. Поездка Манчестер – Йорк.

Переезд через холмистый водораздел – Запад-Восток.

Полтора часа езды со скоростью 100 км на микроавтобусе на северо-восток и мы в Йорке.

Старинный город. Громадный католический собор 1250-1300гг. постройки. Железнодорожный музей.

Обед в маленьком ресторанчике. Обильный, но не вкусный. Еда в breakfast в отеле типично английская: eggs, ham, fruit и т.д., была значительно лучше.

На возвращении заехали на квартиру к профессору Naigel. Очень красиво. Лужайка перед домом, сад за домом. Светло и чисто. Внизу гостиная, кухня со столовой. Наверху спальня, детская, кабинет. Жена японка Natko, дочь 5 лет, Nataly. Чудесный прием: японские поклоны, 3 торта и пр.

За время этой командировки я на один день оторвался от группы и совершил поездку в **«Открытый Университет»** Англии, расположенный в **Milton Keins**. Я упоминал выше, что получил приглашение в этот университет, будучи в Москве на конференции по дистанционному обучению после своего доклада. Пригласил меня профессор Ray Tomas. Я знал, что он шотландец и привез ему, по-моему, хороший подарок – книгу стихов Р.Бернса на английском языке с переводом С.Маршака. Профессор R.Tomas безусловно очень культурный человек, но по его реакции на эту книгу мне показалось, что Бернса (а может быть Маршака) ценят в России больше чем в Англии.

Профессор Томас показал мне свои работы и провел по институту. Общее впечатление осталось положительное. Но профессор Томас оказался специалистом по чисто техническим аспектам проблемы, меня же больше занимали содержательные стороны процесса дистанционного обучения.

После осмотра института меня представили заместителю директора института. На мой вопрос о возможности совместных работ с нашим центром я получил очень вежливый ответ о том, что они связаны уже с русской ассоциацией дистанционного образования LINK и в договоре указано, что в России эта организация является их единственным партнером. Так что и здесь я не смог продвинуться. Но все это был ценный опыт.

На обратном пути из Манчестера мы остановились на два дня в Лондоне, где в порядке налаживания контактов посетили английский клуб гражданских инженеров. Там я впервые

увидел английский общественный политес. Затем побывали с ознакомительным визитом во Всемирном банке. В завершение совершили большую поездку вниз по Темзе в Гринвич, где осмотрели Военно-Морской Колледж и музей, видели знаменитый клиппер «Катти Сарк» и яхту Чичестера.

Лев Моисеевич Каплан сделал из нашего визита в английский клуб гражданских инженеров далеко идущие выводы, вполне соответствующие масштабу его незаурядной личности. По возвращении в Ленинград он организовал здесь по аналогии «Союз строительных организаций», стал его директором и успешно там работает.

Поездка в Италию по строительному проекту. Если описанная выше поездка в Англию в Манчестер и Лондон была полностью подготовлена Л.М.Капланом, а я выступал там почти как гость, то организация поездки в Италию лежала полностью на мне. По существу это была частная поездка с небольшими деловыми вкраплениями.

Время подготовки этой поездки совпало с организацией проекта «Санкт-Петербургский Телепорт», о котором я расскажу отдельно несколько позже. Сейчас отмечу только, что в Италии у меня были уже контакты с профессором Клодом Шебером и его помощницей Анной Марией Берглунд.

Я сообщил о намерении приехать в Италию профессору Шеберу и В.Ю. Лодыженскому и получил от них радужные ответы с подтверждением их согласия, а от В.Ю. Лодыженского и приглашение приехать к нему с домашним визитом во Флоренцию. Кроме того, перед самым нашим отъездом В.Ю. Лодыженский сообщил мне, что сразу после Италии мне нужно будет ехать в Австрию в Вену в Политехнический институт, где он организовал очередной семинар по проекту CALMAP. Сообщение это пришло так поздно, что ни визу в Австрию, ни авиабилеты организовать в Ленинграде уже было некогда и я решил каким-то образом сделать это в Италии.

Однако, поскольку на семинар в Австрии у меня было два места, я пригласил поехать в Вену В.Г.Шальникова. Мне было неловко перед ним за срыв его поездки в рамках проекта **CALM-**

АР. Хотя в этом срыве, как я уже упоминал выше, был виноват Г.М.Музыкантов, но все равно обещал поездку ведь я. А тут появилось возможность хотя бы частичной компенсации.

Итак, мы со Львом Моисеевичем вылетели в Рим. На аэродроме Леонардо да Винчи нас встречала Анна-Мария Берглунд и на своем автомобиле отвезла нас в Рим в гостиницу «Arranci», где она заказала нам номера. Это была уже моя вторая встреча с этой вежливой и приятной дамой, шведкой по национальности, которую замужество занесло в Италию. Квартира и семья у нее была в Неаполе, куда она ездила раз в неделю на выходные дни. Люба купила для нее подарок – Павлово-Посадский платок, который я ей вручил к ее удовольствию.

Во время этого моего второго пребывания в Риме мы, конечно, осматривали его достопримечательности. Однако, т.к. это было не первое посещение Рима, то я остановлюсь здесь лишь на новых местах, где я не был раньше.

Не успели мы расположиться в номерах, как позвонил профессор Шебер и пригласил меня приехать к нему в офис, т.к. нужно было решить несколько текущих вопросов по намечавшемуся проекту «Санкт-Петербургский Телепорт». Там я получил, кроме того, приглашение на обед в шикарный ресторан «Альфредо». Когда мы туда пришли, то увидели фотографии знатных посетителей: президенты, короли, знаменитые артисты смотрели на нас со всех стен.

На следующий день я пошел в австрийское посольство в Риме добывать визу в Австрию для поездки в Вену.

Австрийским консулом оказалась полная дама весьма домашнего вида. Она, естественно, стала мне долго объяснять на разных языках, что эту визу я должен был получить «in heimat» (на родине). При этом хлопала себя по бокам и восклицала через каждое слово как заклинание «O mamma mia». Но позже все же смилостивилась и дала разрешение на поездку в Вену. Повлияла, как мне показалось, моя визитка, со званием профессора.

В Риме у нас было еще одно дело – встреча с профессором

Roberto Vanore. Это был декан факультета повышения квалификации Римского Университета.

Мы со Львом Моисеевичем нанесли ему визит и договорились о возможном сотрудничестве его факультета и ЛИМТУ с обменом студентами, что вообще то было весьма интересным. Мы даже составили предварительное соглашение. Однако сразу скажу, что это весьма интересное и безусловноперспективное начинание не имело продолжения и развития из-за позиции ректора ЛИМТУ Г.М. Музыкантова, который считал, что это «лишние хлопоты», что мы можем не справиться и т.д.

В Риме мы провели 4 дня. Из достопримечательностей, которые мы видели в этот раз, не могу не отметить скульптуру Моисея работы Микельанджело в соборе «Pietro in Vincoli». Моисей стоит в глубине собора в его правой части. Поражает облик старца колоссальной мощи и силы воли. Это одна из наиболее впечатляющих работ художника, которые я видел за рубежом.

Вообще достопримечательности Италии не могут оставить человека равнодушным, несмотря на порядочный хаос, царящий всюду. Мне вспоминается в связи с этим высказывание исполнительного директора нашего проекта «CALMAP» Deni Winkler'а, которое он сделал в Риме. Мы сидели на балконе на площади Республики, где помещался институт IFAP-IRI, в котором мы учились в первую поездку. Перед нами была площадь с громадным фонтаном в центре, украшенным многочисленными скульптурами. Площадь окружали прекрасные здания. Она была полна снующего народа. Ярко светило солнце.

«Посмотрите – сказал Deni – какой бордель. Но какой прекрасный бордель». Подумал и добавил: «Я думаю, что человечество должно бесплатно содержать Италию за то, что эта страна сделала для его развития, за прекрасные образцы искусства, которые вечно будут с нами».

Нечто подобное испытываю и я, когда бываю в Италии. А приходилось мне бывать там много раз.

Возвращаюсь к нашему с Л.М.Капланом путешествию. Побыв четыре дня в Риме, мы сели на поезд и поехали во Фло-

ренцию в гости к В. Ю. Лодыженскому. Он нас встретил на вокзале, посадил в свою машину и повез к себе. Мы проехали примерно 25 км по красивейшим зеленым холмам Тосканы, пейзаж которой напоминает мне Грузию, поднялись в горы и приехали на место.

В.Ю.Лодыженский живет в большом доме, стоящем на вершине холма. Со всех сторон дом окружают виноградники и инжирные деревья. Дом сложен из больших серых глыб тесаного камня и напоминает собой замок.

Перед домом стоят под навесом три автомобиля. «Вот это мой, – говорит Владимир Юрьевич, – это Роз-Мари (его жены), а третий для Вас». Однако, у нас с собой не оказалось прав и мы не смогли воспользоваться этим любезным приглашением. Может быть, и к лучшему.

Дом внутри обставлен старинной мебелью, но с бытовой точки зрения абсолютно современно оборудован (электричество, газ, телефоны, компьютеры и т.д.). Каждому отвели по отдельной комнате.

Вечером дама повезла нас посмотреть местную достопримечательность – монастырь, расположенный глубоко в горном массиве. Монастырь красивый, но манера вождения Роз-Мари требовала от пассажиров большой выдержки и спокойствия – она водит чересчур лихо.

На другой день В.Ю. отвез нас в соседнюю деревушку – Mercatale – откуда мы на автобусе поехали во Флоренцию Описывать Флоренцию вторично не буду, в этот раз я уже выступал гидом и возил Льва Моисеевича по «знакомым» мне местам, которые мы видели при прошлом посещении.

Вечером в условленное время мы вернулись на автобусе в Mercatale, где нас уже ждал Владимир Юрьевич. И так было все три дня нашего пребывания в гостях.

Наш дальнейший путь лежал в Венецию. Владимир Юрьевич очень любезно и не без труда заказал нам там гостиницу. Кроме того, он снабдил меня деньгами в счет проекта Calmap и заказал мне обратный билет из Вены в Санкт-Петербург.

В Венецию мы ехали поездом через Болонью с большими при-

ключениями. Владимир Юрьевич привез нас на вокзал во Флоренцию за час до отправления поезда, распрощался и уехал.

Приближалось время отхода поезда, но никаких объявлений не было. Время вышло, картина та же. Вокзал постепенно все более и более пополнялся людьми, экспансивно переговаривающимися между собой. Пошли в «information», но на беду там сидел человек, не знающий ни английского, ни немецкого языка.

Из переговоров соседей, наконец, услышали знакомое слово «strike» – забастовка.

Оказалось, что в Болонье забастовка железнодорожных служащих и поезда не ходят.

Провели мы на вокзале около 6-7 часов. Наконец, поезд дали, но мы приехали на вокзал Местре (материковая часть Венеции) вместо 18 часов ровно в полночь. Сели в пароходик (Water boot Alilaguna) и в полной темноте поплыли в Венецию. Кто-то из пассажиров, говоривших по-английски, услышав от нас название гостиницы – «Galini» – назвал нам остановку на большом канале (Canalo Grande), где нам нужно выходить. Мы вышли и оказались в полной темноте в лабиринте улочек, где и днем то ничего не найдешь. Пошли наугад в полной темноте, редкие прохожие шарахались от нас, как от бандитов, так что и спросить ничего нельзя было. Наконец, с помощью какого-то полупьяного бомжа нашли, чудом, нашу гостиницу, оказавшуюся при дневном свете довольно убогой. Но тогда, ночью, мы были счастливы получить хоть какой то приют.

С утра и в течение трех дней мы осматривали Венецию будучи, как и все попадающие туда люди, совершенно очарованы ею, ее необычной красотой.

Описание красоты и своеобразия Венеции, конечно, не для моего пера. Ограничусь хотя бы перечислением основных чудес.

Главное чудо, конечно, это сочетание моря и красивейших дворцов, буквально встающих из воды. Передать эту красоту словами мне не под силу. Нужно увидеть.

Конечно, центральная площадь Сан-Марко и одноименная

церковь это тоже чудо. Церковь очень красива и своеобразна и снаружи и внутри. Запомнились скульптуры апостолов и девы Марии, парящие над пришедшими на молитву людьми.

Внешне церковь Сан-Марко очень своеобразна – ее округлые купола очень красивы.

Стоящая рядом пурпурная башня – Loggistica рядом с церковью выглядит очень контрастно, как шут рядом со священником.

И сочетание серебряно-голубых (под цвет моря) куполов церкви и пурпура башни Loggistica как бы определяет основную цветовую гамму Венеции.

Площадь Сан-Марко окружена выдержанными в едином ансамбле зданиями, красивейшие галереи которых составляют ее ближайшее обрамление. На площади постоянная густая толпа экскурсантов, часть которых в маскарадных костюмах, шутовских колпаках с бубенцами. Туча голубей. Все это создает атмосферу постоянного праздника.

Лабиринты улочек, ширина которых порой меньше раскинутых рук, внезапно выводят вас на красивые небольшие площади с памятниками и бесчисленными церквями.

Отдельно впечатление – прогулка на катере по Canalo-Grande от начала до конца и обратно. Бесчисленные дворцы, вырастающие из воды. Когда смотришь на них, понимаешь, что все это остатки старины, прошлых веков – веков славы Венеции. Но и сейчас очень красиво.

Картинная галерея Академии не произвела на меня особого впечатления, хотя имена Тинторетто, Караваджо, Джордано свое воздействие оказывают. Очень понравилась церковь Фрари с прекрасными картинами Тициана. Здесь же его могила.

Чудесной была прогулка по набережной в солнечный день. С одной стороны, как везде в Венеции, дворцы, с другой синее море с островами, закрывающими Венецианскую лагуну. Ближнюю перспективу составляет ансамбль таможни и церкви Салюто.

Под ногами высокие мостики через бесчисленные каналы. Все вместе запоминается навсегда.

Но всему приходит конец. На третий день я попрощался со Львом Моисеевичем, путь которого лежал в Рим и домой в Санкт-Петербург. Мой же путь лежал в Вену. Я сел в поезд в Местре, проехал два перегона и пересел в экспресс Рим – Вена. Путь лежал через Альпы. Дорога тоже оставила большое впечатление. То туннели, то высоченные акведуки через реки и ущелья . Кругом бесчисленные альпийские пейзажи на фоне высоких гор со снежными вершинами. За горами уже Австрия.

В Вену приехали вечером. Взял такси и поехал в гостиницу, где встретил всю CALMAP – компанию, в том числе В. Г. Шальникова.

Семинар прошел без особого интереса. Дело было в момент завершения CALMAP – проекта, все искали новую работу. Было много приглашенных и мы все хотели привлечь их внимание. Здесь я впервые выступил с обстоятельным докладом, используя во вступлении два языка: английский и немецкий. Впечатление как будто бы произвел – было два приглашения и обещана совместная работа в Англии, но в дальнейшем продолжения не было.

Вена не произвела на меня должного впечатления. Может быть, после Италии. Запомнился довольно тяжеловесный замок, Хофбург

Через 3 дня сел в австрийский самолет и прилетел в Питер. Самолет не понравился.

Наша общая любимица и спасительница Г.М. Сильченко.

С В.Г. Шалиниковым.

Мой друг и коллега
Т.А. Гаврилова.

В.Ю. Ладыженский.

Глава 26. «Он мотался по Европе с телефоном на боку...»

В поисках новых проектов. Виртуальный телепорт. Сказочная поездка. Мечты сбываются. Круг по Бенилюксу. Проект «Санкт-Петербургский Телепорт». Снова Италия и Англия. Край Земли. Проект «Телепорт 2». Греция и Франция. Арктический проект. Член «Eunis» и «Eden». Riccardo Ruta . Дела Польские.

Санкт-Петербургский Телепорт. В поисках совместных Российско-Западных проектов я неукоснительно следовал известному завету Ходжи Насреддина, краткое вольное изложение которого примерно таково: «Путник, если ты один оказался в пустыне, иди вперед, нет сил идти – ползи, нет сил ползти, хватай песок зубами, но двигайся … и тогда обязательно наступит момент, когда тебя подберет и спасет проходящий караван». Примерно так и произошло со мной. Вместо спасительного каравана оказался проект «Поддержка Санкт-Петербургского Телепорта» (далее просто «Телепорт»), а в роли караван-баши – профессор Клод Шебер (Claude Sheiber).

Проект «Санкт-Петербургский Телепорт» был самым длительным проектом нашего центра. Он длился около 6 лет и представлял собой финансовую основу нашего существования в этот период. Он не был единственным в каждый момент вреиени. В это же время мы участвовали и в некоторых других параллельных проектах, но все они начинались и кончались, а «Телепорт», казалось, был вечен.

Возник он как из пены морской. Я упоминал уже в этих записках, как, будучи еще в первой поездке по проекту CALMAP, стремился установить связи для организации новых проектов и как все новые зарубежные знакомые дружно кивали головами в ответ на мои попытки, и как из этого ничего путного не выходило.

Только много позже я стал понимать, и то не совсем, эту западную дипломатию, как в известном анекдоте про дипломатов: «Нет, они не говорят никогда». Лично я предпочитаю

услышать открытое «Нет», нежели лицемерное «О, да», за которым ничего конструктивного не следует. Однако известно, что «В чужой монастырь со своим уставом не ходят».

Но вот все же нашелся профессор Клод Шебер (Claude Sheiber), который сказал: «Если Вы пришлете мне несколько конкретных предложений, то может быть что-нибудь и выйдет».

И я решил попробовать. Вернувшись в Санкт-Петербург, я начал искать и собирать возможные предложения. Не буду их все описывать, оставляю только историю Телепорта.

Как-то пришел ко мне директор Санкт-Петербургского Технопарка, который прослышал о нашем проекте «CALMAP». Тогда ведь таких проектов почти не было. Он этим опытом заинтересовался.

В обмен он дал мне перечень Санкт-Петербургских, т.е. национальных проектов. Среди них я увидел проект «Создание Санкт-Петербургского Телепорта». Я даже слова такого не слышал до этого. Ни адреса его не знал, ни руководства.

Единственное, что я помнил, это похожее слово «Совам Телепорт», которое было на вывеске у одного из подъездов на Невском проспекте около Малого зала Филармонии.

Решил все же проверить. Вошел в подъезд, поднялся на третий этаж, попал в комнату, заставленную компьютерами и пультами. Хозяева мне любезно объяснили, что «Совам» значит «советско-американский», а телепорт – предприятие, обеспечивающее связь абонентов по многочисленным и разнообразным каналам. Стали меня уговаривать записаться одним из абонентов. В процессе разговора я узнал также, что существует (в стадии создания) организация «Ленинградский Телепорт», фамилию директора – Г.К. Шаповаленко и номер телефона. Миф стал материализовываться. Пока мне этого было достаточно. Я включил телепорт в список возможных Русско-Европейских проектов. Всего проектов набралось восемь. Названия остальных проектов я не упоминаю, поскольку они не были реализованы. Я отдал этот список Эмме Ивановне Куштиной, которая была включена во вторую группу по проекту

Calmap, и попросил отдать список профессору Шеберу. Она уехала в Рим и далее по маршруту.

Вскоре после этого мне позвонил профессор Шебер. Он получил этот список возможных проектов и после двухнедельных размышлений остановил свой выбор на проекте «Содействие созданию и деятельности Санкт-Петербургского Телепорта» (далее просто «Телепорт»). Он выразил желание приехать в Санкт-Петербург посмотреть объект.

После этого я впервые позвонил по имевшемуся у меня телефону директору Санкт-Петербургского Телепорта и сказал ему примерно следующее: «Здравствуйте, говорит профессор А.Л.Лифшиц. Я предлагаю Вам организовать совместный Русско-Западно-Европейский проект «Содействие развитию Санкт-Петербургского Телепорта». Я обеспечиваю прохождение проекта на Западе, Вы – в России. Дивиденды (деньги, техника и т.д.) делятся в пропорции: 75% Вам, 25% мне». «Хорошо – ответил хрипловатый басовитый голос – я пришлю к Вам своего главного инженера, дайте адрес и телефон».

С этого момента виртуальный проект, созданный в моем воображении, стал реальным.

Г.К.Шаповаленко оказался отставным полковником – связистом с хорошей организаторской хваткой, несколько грубоватым, не без хитрости, но по-своему достаточно порядочным человеком, во всяком случае, безусловно, самым порядочным человеком из всего своего окружения. Суть основного проекта «Телепорт» состояла в том, что Норвежская компания строила в Петербурге две приемо-передающих телебашни для спутниковой связи по системе INMARSAT (для помощи аварийным судам в океане), которые были основой телекоммуникационной системы.

Приехал главный инженер Телепорта Балашов Анатолий Иванович, неглупый и грамотный специалист, но оказавшийся впоследствии достаточно скользким человеком. У меня был уже проект договора с Телепортом, суть которого заключался в двух вышеизложенных фразах.

После этого я съездил в Телепорт, который, кстати, оказался

расположенным очень близко от ЛИМТУ – по диагонали через парк Победы на углу улиц Гагарина и Кузнецовской в весьма шикарном офисном центре. Познакомился с директором Г.К. Шаповаленко и его окружением. Договорились о встрече итальянской делегации.

Шебер прислал мне список из пяти человек инженеров и экономистов, я впервые в жизни выслал приглашения за рубеж и они приехали во главе с К. Шебером. Он к этому моменту перешел на работу в «Телеком - Италия», самую крупную телекоммуникационную компанию Италии. С этой точки зрения все получалось довольно складно: Итальянская телекоммуникационная компания «Телеком – Италия» помогает русской компании «Санкт-Петербургский Телепорт». Приехавшие итальянцы дотошно ознакомились с Телепортом, проверили лицензии, ознакомились со строительством. Нашли объект реальным и интересным и стали договариваться о написании проекта «TACIS», Однако я понял, что их интересы лежат далеко за пределами этого проекта, они хотели более широкого контакта, может быть в дальнейшем включения Телепорта в свою сферу влияния.

В свою очередь Г.К. Шаповаленко также проявил весьма большой интерес к контактам с «Телеком - Италия».

Вскоре после отъезда итальянцев Шебер прислал мне письмо с приглашением в Италию в Рим в «Телеком – Италия» (за их счет) делегации из 5 участников будущего проекта. Я отдал три места Г.К.Шаповаленко, а два места оставил для себя и Т.А.Гавриловой. За время нашей прошлой совместной поездки в рамках «Calmap» я оценил ее прекрасное знание английского языка, гибкий ум, хорошее образование, и покладистость характера.

От Телепорта в делегацию вошел Г.К. Шаповаленко – руководитель делегации, А.И.Балашов – главный инженер и Евгений Серафимович Покровский – руководитель финансовой корпорации, в которую Телепорт входил финансово-экономически. Как я понимаю Е.С.Покровский был близко знаком с тогдашним руководителем финансового управления Санкт-Петербургской

Мэрии г. А. Кудриным (ныне Министр финансов России), который и финансировал строительство Телепорта, правда пополам с Норвежцами.

Итальянцы прислали нам билеты и мы вылетели в Рим. Прием был сказочный. Разместили нас в пятизвездочной гостинице «EDEN» между виллой Боргезе и площадью Испании. Каждый день были банкеты в шикарных ресторанах, а днем шли обсуждения совместной деятельности, в процессе которых предполагаемый проект «TACIS» занимал лишь подчиненную роль.

Отдавая должное руководству Санкт-Петербургского Телепорта, итальянцы все время подчеркивали свое уважение ко мне, как к инициатору проекта.

Очень важным обстоятельством для меня и нашего центра оказалось то обстоятельство, что мы (наш ЦПО) оказывались участниками проекта не с Русской, а с Итальянской стороны, т.н. West-Sub- Contractor, в то время как Телепорт получил статус Beneficiary, т.е. получателя кредитов. Наш центр при этом получал финансирование с западной части проекта, что было более надежным. При этом я мог использовать банковский счет, который образовался у меня в процессе работы по проекту «Calmap». Это тоже было весьма важным обстоятельством в то смутное полное неопределенности время. В процессе переговоров как-то само собой у меня сложились достаточно хорошие отношения с финансовым руководителем Телеком – Италия синьором D'atillia и его помощницей г-жей Anna Santelli, что очень укрепило мое положение во всех контактах с Санкт-Петербургским Телепортом. Итальянцам было очень важным отличить реальные возможности Телепорта и его финансовой базы от заоблачных проектов, которые постоянно развивал перед ними Е.С.Покровский.

Для составления же конкретного проекта Tacis «Поддержка Санкт-Петербургского Телепорта» был выделен г.Франческо Сквеллья (Sgueglia), с которым меня впоследствии связали многолетние дружеские отношения. Эти отношения длятся до сих пор, хотя проекты давно кончились

После возвращения из этого сказочного путешествия наступили будни, тоже впрочем, интересные – составление собственного проекта TACIS. Я оказался в центре этого процесса. С одной стороны мне приходили предложения итальянцев, естественно на английском языке, с другой русские тексты из Телепорта.

Мы все это переводили, согласовывали и искали компромиссы. Проект многократно переделывался, но, в конце концов, был составлен и согласован между Итальянской и Русской сторонам. В процессе составления и согласования проекта я нашел еще две существенных точки приложения усилий Центра в проекте: обеспечение многочисленных процессов обучения, в том числе в области компьютеризации процессов, и переводческую деятельность. Наконец проект был подан в Российское бюро TACIS (Technical Assistance for Collaboration of Independent States).

В соответствии с нашим внутренним распределением обязанностей Телепорт добился в Москве включения нашего проекта в список предложений от России и далее он был включен и в список проектов Евросоюза.

Однако это означало только выставление проекта на тендер (конкурс). Теперь нужно было добиться, чтобы этот тендер выиграла именно «Телеком-Италия». И очень важным в этой связи было добыть как можно раньше условия тендера.

Эти условия до определенного момента представляли собой большую тайну. Шебер объяснил мне, что кто раньше добудет эти условия, получит больше возможностей для качественного составления проекта.

Случилось так, что я в это время оказался в Брюсселе – меня вызвали для завершения процедуры закрытия проекта CALMAP. Выбрав время, я нанес визит в контору Евросоюза (в отдел проектов TACIS), представился начальнику отдела связи. Он очень любезно меня принял и дал мне экземпляр этих, пока не подлежащих оглашению, условий тендера.

Когда я позвонил из Брюсселя в Рим и сказал об этом Шеберу, он был вне себя от радости. «Я немедленно вылетаю

за ними к Вам» – сказал он. Но я в тот день уже должен был уезжать в Амстердам и далее в Санкт-Петербург. Договорились, что я вложу этот материал в конверт и оставлю у портье в гостинице. Так и сделали, но я оставил себе оригинал, а Шеберу – копию.

На другой день Шебер позвонил мне в Амстердам, сказал, что бумага уже у него и еще раз благодарил. Все было как в телевизионном детективе.

Следующим шагом была беседа в Москве с экспертами TACIS из Брюсселя, которые приехали проверять готовность «Beneficiary» – получателя помощи, т.е. Телепорта к участию в проекте.

На эту беседу поехали главный инженер Телепорта А.И. Балашов и я. По сути проекта объяснялся Балашов, я помогал ему, как мог, в основном переводом.

А.И. Балашов, в общем, со своей задачей – отстоять проект – справился, проявил себя вполне компетентным специалистом.

На последнем этапе перед самым открытием тендера мы все с удивлением увидели, что в окончательном виде проект называется «Содействие Телепортам Санкт-Петербурга и Москвы (?)». Это уже проснулись Московские чиновники. Гневу Г.К. Шаповаленко не было предела. Разразился страшный скандал. В конце концов, сошлись на соотношении 75:25 в пользу Санкт-Петербурга. Но это меня лично не касалось, т.к. мои позиции в Телеком-Италия были уже достаточно крепки и наш центр финансировался с западной части проекта.

Участвовать в тендере захотели несколько фирм из разных стран и все их предложения были присланы к нам (т.е. в Телепорт) на экспертизу. Мы, естественно, подготовили свое мнение в пользу Итальянцев. Но, справедливости ради, нужно сказать, что их предложения были лучшими по существу. Тут сыграли роль очевидно и их предыдущие визиты в Телепорт, и большее время подготовки предложений.

В итоге «Телеком-Италия» проект выиграла, а это означало, что наш центр имеет стабильную работу и средства к суще-

ствованию на ближайшие три года.

Не обошлось и без казусов. Так, после того, как контуры проекта были реально осознаны, один из ближайших помощников директора Телепорта – руководитель Санкт-Петербургского агентства спутниковой связи В.И.Володин на полном серьезе предложил Г.К. Шаповаленко разорвать договор со мной, т.к. «они уже нам не нужны». К чести Г.К.Шаповаленко, он ответил, причем вслух, «Анатолий Львович придумал этот проект и принес его нам. Его центр будет работать с нами до конца проекта». Инцидент был исчерпан, но, естественно, мои отношения с В.И. Володиным были испорчены раз и навсегда. Непорядочных людей я не люблю.

Сути проекта Телепорт в деталях я описывать не буду, а только постольку, поскольку она касается моей работы и жизни.

Важное место в проекте имели заграничные поездки: в Италию, в Англию.

В Италию для ознакомления с работой станции спутниковой связи и получения соответствующих навыков работы были посланы три месячные группы технических специалистов Телепорта. В каждую группу я должен был выделить переводчика.

Это создало определенные сложности в связи с длительностью поездки. Но, в конце концов, проблема решилась: один месяц Таня Гаврилова, два месяца О.А. Заикин, муж Э.И.Куштиной. Он, что было весьма кстати, имел базовое образование инженера-связиста.

С первой группой технических специалистов поехала на неделю группа руководителей проекта и я в том числе. Станция спутниковой связи была расположена возле Fuchino -небольшого местечка в горах в 100 км к северо-востоку от Рима. Основу станции составляли несколько (около десятка) телекосмических антенн, окруженных вспомогательными и хозяйственными постройками. Итальянские инженеры давали подробные пояснения, но беседу с ними вел в основном А. И. Балашов. Общее впечатление осталось хорошее – партнеры вполне компетентные не только финансово-экономически, но и технически.

В эту поездку в Италию я пригласил В,Г. Шальникова и Любу. Привожу ниже ее описание поездки с туристической точки зрения.

Италия глазами Любы. Довольно долгая, хотя и быстрая дорога из аэропорта в Рим. Расположились в гостинице «Олимпик» – вблизи Ватикана.

Отправились на метро в центр (вместе с Вадимом Григорьевичем Шальниковым). Побывали у лестницы Испании, около памятника Виктору Эммануилу II на площади Венеции, обошли его и оказались около Капитолийского холма. Оттуда видны раскопки Форума Романум. На обратном пути в боковой улице подошли к фонтану Треви. Ужинали в номере.

Понедельник. Утром А.Л. уехал по делам. А я отправилась одна искать вход в музей Ватикана. В большой очереди нашла русскую группу. Любовались двором и садом Ватикана.

Сикстинская капелла ужаснула теснотой, смотреть фрески в такой обстановке уже не хотелось. Пинакотека закрывалась и я пошла в Собор Св.Петра. Он и площадь перед ним – грандиозны.

Дивная скульптура, в том числе «Пиета» Микеланджело. Колоссальное здание, прекрасные мраморы на стенах и полах, дивный купол (и снаружи, и внутри).

Спустилась в нижнюю церковь, где останки апостола Св.Петра и многих пап.

Оглядываясь назад, можно сказать, что «Пьета» (Мадонна, оплакивающая мертвого Христа) самое прекрасное, что я видела в Риме, а может быть и во всех поездках. Тихое горе, великое страдание.

Вернулась в отель, отдохнула. А.Л. пришел, но в 20 часов уехал на ужин. я пошла пешком по вечернему городу к Тибру, дошла до моста Regina Margenta.

Вторник. Поехали на вокзал. Узнали о поездах во Флоренцию. А я пошла вниз по улице в церковь Санта-Мария-Маджоре. Просторна и красива. Потом перешла ул. Кавур и разыскала в переулочке здание Римской оперы. Спектакли здесь были в августе (в т.ч. и балеты «Ромео и Джульетта»,

«Трубадур» и т.д.) Сейчас – каникулы. Здание современное.

Спустилась по улице Кавур и нашла лестницу к храму Пиетро ин Винколи, но он был закрыт до трех часов. Я побрела еще ниже, в Колизей, обошла его вокруг. Эти камни дышат тысячелетиями. Там же Триумфальные ворота Константина и видны раскопки Форума Романум. Поднялась снова к храму Пиетро ин Винколи. Там могучая статуя Моисея Микеланджело. Храм невелик, «Моисей» находится в боковом приделе и мне показалось, что ему там тесно. Вернулась на метро в отель. Вечером гуляли до освещенного Собора Св.Петра, по улице перед ним. Красота. Освещены и здания Ватикана. В нишах около домов, завернувшись в одеяла, спят люди. То ли паломники, тот ли бездомные?!

Среда. После завтрака решила ехать искать картины из виллы Боргезе, т.к. сама вилла уже несколько лет закрыта на ремонт. На автобусе № 23 без билета, но с помощью старой немецкой дамы доехала до набережной Тибра, а там нашла на горке, в путанице переулков улицу и церковь Сан-Микеле. Она внутри бела, как Смольный собор, и в ней густо развешены картины, в т.ч. Тициан «Любовь небесная и земная», Караваджо, Рафаэль «Рыжая девушка» и т.д. Где скульптуры – не знаю. Обратно пошла пешком. На набережной Тибра сразу увидела нарядную синагогу, а то, что рядом с ней много чудес – не знала. По запутанным переулкам вышла на улицу Виктора Эммануила у театра Аргентина. Там на площади раскопан еще один Форум! Пошла по этой длинной улице и встретила В.Г. Шальникова - единственного знакомого в Риме. Пообедала в Макдоналдсе и кое-как дошла до дома.

Четверг. Меня утром А.Л. подвез до Квиринала – резиденции парламента и президента. Вид с холма на город. Спустилась, нашла Пантеон. Очень величав и лаконичен. Прошла мимо фонтана Треви, посидела. Нашла площадь Навона, но она мне не понравилась, очень «базарная» – вроде современного Арбата. По запутанным улочкам вышла к набережной Тибра. По пути подсказала русской группе, как найти Пантеон. А сама так и не нашла «Обелиск со слоном», хотя и крутилась

возле Пантеона.

Перешла через мост Ангела около Замка, плохо позавтракала у какого-то «вагончика». Вечером гуляли до Тибра, потом по набережной до Дворца Юстиции.

Пятница. Решила еще раз сходить в музей Ватикана. Пинакотека. Фрески с ангелами – музыкант. Рафаэль «Преображение». Ван Дейк. Бельведер – скульптуры Аполлон и Лаокоон. Римская скульптура «Нил». Смеющиеся лица. «Прически». Сами залы! Снова «Сикстинская капелла». Стансы Рафаэля. Зашла в Собор Св.Петра, простилась с Мадонной.

Вечером ходили с А.Л. на Пьяцца дель Пополо (народная). Красивы подсвеченные фонтаны у обелиска, расходящиеся улицы.

Суббота. Решила остаться, не ехать за город, дать отдых ногам. Проводила А.Л. и Ко и чуть-чуть прошла по улочкам около собора Св.Петра. Отдохнула и прошлась по улице Оттавиано, наконец, купила камею. С двух часов дня была в отеле, т.к. А.Л. сказал, что на долгую поездку он не согласится. Однако приехал он почти в 8 часов вечера. Они купались, обедали в ресторане у моря, смотрели монастырь.

Вставляю в Любин рассказ описание моей отдельной субботней поездки.

Поездка на побережье. Фома Аквинский. В субботу - свободный от работы день нам организовали поездку на побережье Средиземного моря.

Люба предпочла погулять по Риму и я поехал один.

Нас повезли сначала в старинное аббатство, расположенное на побережье. Во время экскурсии гид все время упоминал про святого по имени Thomaso. В конце концов, оказалось, что это достаточно широко известный в России Фома Аквинский, который провел в этом аббатстве последнюю часть жизни и где он написал основные работы, прославившие его.

Из аббатства поехали на берег моря. Берег довольно обрывистый, внизу узкая полоска пляжа.

Погода была теплая, море тоже, совсем небольшая волна, как казалось с берега, и я решил искупаться. Заплыл в море

не очень далеко, полежал на спине и поплыл обратно. Однако по волне, которая оказалась приличной, с большим трудом добрался до берега, еле-еле вылез и забрался на один из лежаков, чтобы хоть немного отлежаться. Тут же появилась женщина – сторож и с криком privat, privat (частный пляж) прогнала меня. А ресторан, где должно было быть продолжение программы, находился высоко наверху над пляжем. Еле-еле я туда добрался. Лишь примерно через час в середине обеда я отдышался и пришел в себя. Вот как сказалось отсутствие практики и возраст.

Возвращаемся к Любиным запискам.

После приезда А.Л. ужинали и собирались в дорогу – завтра в 1205 поезд во Флоренцию. Лодыженские обещали нас встретить

Воскресенье. Утром готовились к отъезду. В 11 часов пришло такси. Шофер провез нас мимо дворца Юстиции, потом через центральные улицы выехали на пл. Республики и оказались на вокзале. У него более 20 платформ. Посмотрели, откуда поедем в Аэропорт. Сели в поезд на Цюрих, первая остановка – Флоренция. Поезд идет очень быстро – когда рядом автострада, машины сразу отстают. Долины, туннели. Поля уже сухих подсолнечников, виноградники. В канавах и на дорогах – вода. Нас ждут дожди, туман!!! Всего в поезде 1 час 40 мин. Нас встретили Владимир Юрьевич и отец Георгий. Заехали в православный храм – очень изящный, похож по архитектуре на петербургский храм «Спас на крови». Построен при Александре III. Поехали на площадь Микеланджело - попали в страшный ливень. Виден силуэт собора Дуомо. Все утонуло в тумане. Поехали в имение Ладыженских. Владимир Юрьевич собрался в Ниццу на похороны прежнего настоятеля церкви. Это ближайшее православное кладбище. Машину повел прежний водитель и автомеханик семьи, а ныне виноградарь и садовник. Мы пошли с Розмари смотреть ее сад. Потом отдыхали. Через 3 часа Владимир Юрьевич вернулся – на дороге затор, проехать не смогли. Долго ужинали.

Понедельник. Утром Владимир Юрьевич отвез нас в сосед-

нее селенье Меркатале, там мы сели на автобус и к 12 часам оказались во Флоренции. Автовокзал рядом с ж/д вокзалом. Пошли мимо храма Санта-Марии Новелла на площадь к Собору Дуомо. Фасад сказочный – кружевной. Зашли в Баптистерий, переждали дождь, говорили с немецкой парой.

Дошли до площади Синьории. Там скульптуры Козимо Медичи: Давид, Нептун и т.д. Были в церкви Санта Кроче, где саркофаг в память Данте. В музее Уффици была большая очередь – отложили.

Церковь Св.Лоренцо с капеллой Медичи уже была закрыта – надо приехать утром.

А.Л. заходил в банк. Обедали в кафе, на ходу. Столпотворение на улицах.

Вторник. Поехали утром в пос.Меркатале, оттуда автобусом во Флоренцию. День лучше, иногда проглядывало солнышко.

Сразу пошли в капеллу Медичи, где два саркофага работы Микеланджело с фигурами «Утро-Вечер» и «День-Ночь». Хочется для них больше простора. Этажом ниже - «капелла принцев» величавая, прекрасный подбор мрамора, прекрасный изнутри купол.

Делали покупки подарков.

Дважды ходили к галерее Уффици. Надо было ждать два часа. Мы ушли.

Потом пошли в церковь Санта Мария Новелла (вблизи вокзала). Грандиозная внутри. Слева от нее есть внутренний двор, который мы не видели. Фасад и интерьер прекрасно украшены белым и зеленым мрамором.

Вернулись очень быстро – на автобусе в Меркатале. За нами приехал Владимир Юрьевич и завез на винный завод, куда забирают их урожай и дают им 650 литров вина, из коих половина передается садовнику.

Среда. Поехали утром в Меркатале, оттуда во Флоренцию. Пошли прямо в Уффици. Но очередь уже была огромная, по набережной. Два часа беседовали с русскими из Канады (фамилия Мозжейко, она - родственница д-ра Арендта). В Уффици многие залы закрыты. Рафаэль – «Мадонна со щеглом»,

Микеланджело – «Святое семейство» (круглое, как барельеф). Мало света. Много скульптуры. Галерея высоко на 3 этаже, входы в залы – из длинного коридора, вроде ЛГУ.

Вышли на площадь Синьории, пообедали и А.Л. ушел к Лодыженскому по работе, а я одна нашла дорогу к мосту Понте Веккиа («старый мост»), перешла реку (Арно). На мосту масса туристов, лавочки и магазины, главным образом ювелирные. За мостом близко дворец Питти. Он высоко на холме. За ним сад Боболо. Во дворце хорошая галерея. Много Рафаэля, Тициана, Ван Дейка, Рубенса, но висят вперемежку. Большее впечатление, чем Уффици. Есть анфилада королевских покоев, но мне она показалось неинтересной и я ушла по другому мосту через Арно, нашла ж/д вокзал и автовокзал. Через 20 минут приехал А.Л. Мы еще походили по городу, под дождем. Вернулись в «имение» на машине с Лодыженским. Особенно хороши горы, виноградники. Пошли к Кате, смотрели ее сад и дом. Сад – на окончании горы и виды во все три стороны. Внизу был скотный двор. Теперь это дивная квартира. Несколько гостиных, 3 спальни, столько же ванных и душевых, кухня – все очень современное. Мебель некоторая старинная, красивые цветные ткани.Дом новее, чем дом родителей – всего 1750 г.; их же дом построен около 1500 гг.

Ужинали у Розмари, обменивались тостами и подарками. Собирали вещи – все хорошее имеет конец.

Завтра в 6 часов подъем и отъезд.

Четверг 26 сентября 1996 г – прощание с Италией. Отъезд. Владимир Юрьевич сказал, что он нас повезет во Флоренцию. Мы бессовестно не отказались – Розмари тоже встала, сказав: «Ведь Вы тоже встали бы». Ответить было нечего.

Прикатили по красивейшей, уже знакомой дороге – во Флоренцию на ж/д. вокзал. Погрузились в поезд Милан – Рим. Он был выше классом, доплатили спокойно контролеру в пути, как и многие пассажиры. В Риме на вокзале «Термини» ждали почти час, купили последний сувенир. Позвонили Лодыженским прямо с платформы. За полчаса доехали до аэропорта, сдали вещи. Обменяли оставшиеся деньги 330 000 лир –

220 долларов USA.

Вылет около 14 часов по Римскому времени. Летели в небольшом самолете, полет 3 часа 15 мин. Нас встретил Боря на машине. Домой приехали около 20. 30. Мои страхи остались позади. С нами остались чудесные воспоминания.

А.Л. сразу позвонил во Флоренцию, чтобы поблагодарить за незабываемый прием.

После этого Лодыженские еще дважды приезжали в Петербург – один раз с дочкой Катей, а второй раз на экскурсию с восемью родственниками – братом Владимира Юрьевича, внуком, племянниками и т. д. Так ему хотелось показать им хоть частичку любимой им России, «России, которую они потеряли».

Мы, со своей стороны, постарались, как могли, принять их, повозить по городу и пригородам.

Стараемся и сейчас позванивать по телефону, поздравлять с праздниками.

Англия 21-28 апреля 1996 год. Поездка с группой Санкт-Петербургского и Московского телепортов. Вторая поездка по этому проекту была в Англию. Татьяна Альбертовна поехать не смогла и я пригласил в качестве переводчика Мишину одноклассницу Карину Маранджян.

В группу входили представители Санкт-Петербургского и Московского Телепортов. От Петербурга были директор Санкт-Петербургского телепорта Г.К. Шаповаленко, его сын Константин, уже упоминавший ранее Е.С. Покровский и я.

В Лондонском аэропорту случилось небольшое приключение. Дело в том, что на паспортном контроле в Англии теперь обычно, бывает небольшая вежливая беседа на тему: «Кто Вы? Зачем прибыли в Англию? К кому? Есть ли знакомые?» Я обычно легко проходил эти собеседования. Даже заготавливал в Петербурге специальную заверенную бумагу с ответами.

На этот раз проблемы возникли у Е.С.Покровского и сына Шаповаленко – Константина, которые языка не знали и к тому же были изрядно навеселе – в полете хорошо приложились к

бутылке. Под конец разговора контролеры даже пригрозили занести их «в компьютер, как нежелательных иностранцев». А это бы означало бы автоматический запрет на въезд в Англию. С трудом я их выручил, показав на контроле наше официальное приглашение от спутниковой фирмы.

В Лондоне основной рабочей целью было посещение английского центра всемирной спутниковой системы связи «Inmarsat». При этом оказалось, что мой «враг» В.И.Володин не включил меня в список группы и Г.К. Шаповаленко пришлось улаживать этот конфликт уже на месте. Я, кстати, узнал об этом уже post factum.

Следующие три дня у меня оказались свободными и я посвятил их осмотру Лондонских достопримечательностей.

22 апреля я встретился с дочкой Наташи Кормилициной – Женей Алферовой, которая в то время жила и работала в Англии. Женя была, в некотором роде, моей «крестницей».

Впервые я увидел ее в возрасте 8 лет в Таллинне, где она жила у своих бабушки и дедушки (уже упоминавшиеся ранее Евгения Павловна и Николай Васильевич Кормилицины) и училась в Таллиннской английской школе. Помню тоненькую, высокую девочку с косичками и бантами, очень воспитанную и аккуратную.

Позже, когда она заканчивала школу, ее мать Наташа советовалась со мной куда, в какой институт ей поступать, мы вместе выбрали Инженерно-Экономический и я посодействовал ее поступлению (хотя она наверно и без этого попала бы).

В институте она хорошо училась, попала в окружение академика Львова и А.Б. Чубайса и была распределена в финансовое управление Санкт-Петербургской Мэрии, откуда затем перешла в экономические структуры известной Санкт-Петербургской табачной фабрики, принадлежавшей в то время уже англичанам. Оттуда она и попала в Лондон, сначала на временную работу, затем на постоянную. Впоследствии она вышла замуж за англичанина и застряла там.

Но в описываемое время она была еще не замужем. Встретились мы у входа в Национальную Галерею и пошли в му-

зей. Новых впечатлений там я не получил, кроме, пожалуй, компьютерной системы, превосходно отражавшей музей и существенно облегчающей его осмотр. После музея Женя, по английскому обычаю приглашала меня в ресторан, но я отказался.

На следующий день 24 апреля пошел в Британский музей. В целом это всемирно известное учреждение показалось мне похожим на большие нижние этажи Эрмитажа: раскопки, мумии, фарфор, небольшие скульптуры, драгоценности и т.д. Большая коллекция рукописей. Но всего очень-очень много.

Еще день потратил на прогулку по центру Лондона, в том числе по его магазинам: Oxford Street и ее окружение. Сделал некоторые покупки в универмаге «C and A». Вообще я нашел, что именно магазины этой фирмы соответствуют моим вкусам и, что немаловажно, финансовым возможностям.

Затем мы выехали из Лондона в поездку по другим местам Англии в соответствии с нуждами проекта.

Первая остановка была в Бате (Bath). Этот всемирно известный лечебный морской курорт, известный мне еще по рассказам Джером-Джерома. Именно там был закопан на пляже знаменитый сыр, которому, по мнению знаменитого же юмориста, Бат и обязан своей курортной славой. Однако в Бате нас интересовал колледж, где обучались в соответствии с планом проекта, инженеры Санкт-Петербургского Телепорта. Колледж оказался расположенным в красивом загородном парке.

Проверили, как идут занятия. Оказалось, что все в порядке. Наша переводчица Карина приехала в Бат заранее за два дня и хорошо подготовила нашу «инспекцию».

Ночевали в гостинице колледжа. Вечером превосходный английский ужин (отменный отварной лосось и бараний бок), вино, пиво, фрукты.

26 апреля утром выехали в Корнуолл на Earth Station Gonhilly (земная спутниковая станция Gonhilly) на конце Юго-западного рога, если смотреть на карту Англии. Ехали примерно 5 часов по совершенно зеленой сельской местности. Разделенные зелеными заборами поля, пасущийся скот: лошади, коровы,

овцы и т.д., временами деревушки, 2-3 маленьких городка.

Приехали на английскую спутниковую станцию Gonhilly и посвятили полдня знакомству с ней. Многочисленные спутниковые антенны и особенно компьютерное окружение с соответствующим программным комплексом произвели на меня, и, конечно, на всех специалистов, входивших в нашу группу, сильное впечатление. После осмотра Gonhilly station поехали в Mullion Hotel на мыс Landsend. Название мыса Landsend – конец земли имело в старину буквальный смысл, пока не открыли Америку. Место сказочно красивое. Высокие сильно изрезанные скалистые берега, наверху гостиница, на 3 стороны склоны, сочная зелень как в южном Крыму, местами песчаные пляжи.

В эту поездку Корнуолл - самое сильное впечатление.

26 вечером после экскурсии по Корнуоллу вернулись в другой отель Gloahester Road.

Это старинная трехзвездная гостиница, но порядочно потрепанная, красивый интерьер.

Провели вечер, ночь и наутро поехали в Лондон.

Вечером 27 апреля состоялась встреча с Ниной Lande. Она приехала ко мне, взяла подарки и также как и Женя пригласила меня на этот раз в ресторан на скромный ужин. Это традиция, прием не обязательно дома.

Но я полагаю, что у Нины были на это свои причины, связанные с состоянием здоровья ее мужа Джона.

На следующее утро с аэродрома Гатвиг вылетели в Санкт-Петербург.

Завершение проекта «Телепорт». В этих записках об участии нашего Центра в проекте «Телепорт» да и в других зарубежных проектах достаточно много времени уделено заграничным поездкам, как редкой в то время и достаточно необычной части нашей деятельности. Однако же основная работа и достаточно напряженная проходила в своих стенах. В проекте «Телепорт» она заключалась в постоянной организации обучения персонала Телепорта комплексной тематике, включающей вопросы техники связи и телекоммуникаций, компьютер-

ных технологий, экономики и юриспруденции в области связи, специализированный английский язык.

Значительное время отнимала переводческая работа – мы должны были обеспечивать повседневную деятельность итальянской группы специалистов «Телепорт – Италия», работающей по проекту в Санкт-Петербурге на постоянной основе под руководством Франческо Сквеллья (Franchesco Sgueglia), участвовать в бесконечных совещаниях, в том числе с частыми проверками контролеров от ЕС. В конце проекта нами было проведено большое маркетинговое исследование по определению вероятного контингента будущих потенциальных пользователей Санкт-Петербургского Телепорта на северо-западе России.

Ко времени окончания проекта встал вопрос о дележе техники, которая оставалась нам от итальянцев. Как помнит читатель, по первоначальному договору с Шаповаленко наш центр должен был получить 25% техники. Тут порядочность Г.К.Шаповаленко дала-таки трещину. Он стал ныть, говорил, что ему самому все нужно и т.д. В конце концов, он был вынужден все-таки отдать нам два компьютера, два принтера и конторский ксерокс. Это было, конечно значительно меньше, чем 25%, но все же кое-что. Этот дележ, конечно, подпортил наши отношения. И господин Володин тоже не дремал, подливая масло в огонь охлаждения отношений.

Поездка по «Бенилюксу». С выигрышем тендера по проекту «Телепорт» была связана упомянутая выше поездка в Голландию и Бельгию. И хотя по времени она состоялась раньше многих уже описанных выше событий, связанных с проектом «Телепорт», ее описание помещено здесь, чтобы не прерывать цельности рассказа о последнем.

К моменту окончания проекта «Calmap» возникла необходимость завершения финансовых расчетов с администрацией проекта. В связи с этим мне нужно было поехать в Брюссель в администрацию ЕС и в банк. Я пригласил Любу поехать со мной.

Мы решили лететь через Амстердам, чтобы повидать Сашу

Ланде. Так и сделали, Саша нас встретить не мог, так как был будний день, но у нас были ключи от его квартиры. И мы благополучно добрались до места, погуляли по Амстердаму, где уже кое-что могли узнавать, затем сели в поезд и поехали в Брюссель. Дорога шла на юг и пейзажи с разноцветными тюльпанами и шарообразными овцами снова очаровали нас. После пересечения Бельгийской границы (никакого таможенного или пограничного осмотра) пейзаж изменился, стал более Европейски-стандартным.

В Брюсселе нас встретил у «meeting point» администратор проекта «Calmap» Дени Винклер, отвез в гостиницу «Adlon», а после устройства в банк.

В банке нас встретили, хотя и формально, но вежливо, проверили документы и ознакомили с состоянием лицевого счета центра. Деньги были разделены между центрами по указанию В.Ю.Лодыженского примерно поровну, хотя и не совсем. Но нашему центру досталась средняя довольно приличная сумма, т.е. года на 1½ скромной жизни сотрудников и я снова понял, что нужно все время, всегда и везде искать новые проекты.

Вечером нас пригласил к себе в гости Дени и мы посмотрели их быт, довольно скромный по здешним меркам, но, конечно, несравненный с нашим.

В семье было трое детей: девочка лет 12, мальчик 9 лет и младенец – мальчик 2-3 лет. Девочки сперва дома не было и нам сказали, что она гуляет со своим «бой френдом» (?!). Мы тогда этих терминов, к счастью, не знали.

На следующий день у нас была экскурсия в Гент и в Брюгге, на которую мы заранее записались. Рано утром за нами заехала маленькая автомашина и отвезла нас на сборный пункт, где мы пересели в большой экскурсионный автобус и поехали по маршруту. Народа было не очень много. Автоматического перевода не было и дама-гид вела экскурсию на немецком языке, но каждую фразу повторяла еще и по-испански, т.к. перед нами сидела испанская пара, не владеющая немецким языком. К возвращению мы знали кучу испанских слов, т.к. язык ясный. Прошло много лет и впечатления от Гента смаза-

лись в моей памяти. Однако сохранилась общая картина чистоты, аккуратности и прилизанности. Запомнилась центральная площадь средневекового типа, наподобие Таллиннской Ратушной площади. Красивое здание Ратуши с очень высокой и красивой башней и рядом стоящая весьма высокая готическая церковь. В Генте мы были не очень долго, все же погуляли часа два и поехали далее в Брюгге. Брюгге запомнился лучше, чем Гент из-за своеобразия – весь центр города окружен каналом с высокой дамбой и вообще очень много воды. Все похоже на Санкт-Петербургский район Новой Голландии (хотя в жизни, естественно, наоборот).

Красивая центральная площадь с высокой башней, церковь Notr Dame и всюду вода, каналы и мосты. Все выглядит богато, чисто и ухожено. Цветовая гамма определялась красным кирпичом и зеленой водой.

В Брюгге мы подошли к магазину подарков, перед которым сидела женщина и в рекламных целях вязала кружева. «Смотри – сказала Люба – они вяжут кружева на коклюшках». Услышав это, вязальщица радостно повторила: «O yes, koklush». Оказалось, что вологодское слово «коклюшки» вовсе не русское, как мы думали, а завезено с запада, как и само ремесло кружевниц.

В Брюгге мы обедали. Подали довольно невкусный томатный суп и прекрасную отварную красную рыбу. Суп я есть не стал, только попробовал и официант его унес, слегка смущенный. Когда принесли счет, оказалось, что суп в счет не внесли: «Вам же не понравилось» – сказал официант.

Мы гуляли по Брюгге часа два пешком, вышли не без поисков к автобусу и через несколько часов пути вернулись в Брюссель, где нас снова развезли по гостиницам.

Следующий день я посвятил визиту в Администрацию ЕС, где в отделе связи удачно добыл условия тендера по проекту «Санкт-Петербургский телепорт». Эту детективную историю я уже описал в другом месте. Люба гуляла сама по себе по Брюсселю. Вечером нас навестил М.И.Башмаков, оказавшийся в Брюсселе по аналогичным делам, что и я.

Наутро мы с Любой разъехались из Брюсселя по разным маршрутам. Мне нужно было заехать в Маастрихт в Нидерландский открытый университет, а Люба решила на обратном пути в Амстердам заехать в Антверпен, нанести визит городу Рубенса. Я немного беспокоился, отпуская ее одну, но все окончилось благополучно, она осталась довольна Антверпеном и Рубенсом, со всеми трудностями поездки справилась хорошо и к вечеру добралась до Сашиной квартиры раньше меня на час.

Мой визит в Маастрихт носил чисто деловой характер. В Маастрихстском открытом университете меня встретил доцент Пауль Киршнер по просьбе профессора Готфрида Лейбранта – бывшего ректора этого университета, с которым я познакомился перед этим на конференции EUNIS-95, а еще ранее он приезжал к нам в центр с проверкой от ЕС в рамках проекта CALMAP. Я познакомился с постановкой заочного обучения на свободно набираемый слушателями комбинации предметов, получил образцы учебных пособий: книг и видеодисков. По каждому предмету в университете должны подготавливаться 3 типа учебных пособий: учебный курс и задачник для студентов, и методическое руководство для преподавателей. Мне любезно дали образцы всех этих документов по одному из курсов. Ознакомился я и с практикой видеоконференций по выбранным разделам курса.

В это время в Маастрихстком Открытом Университете проходила международная Европейская конференция по открытому образованию «Open Learning» и очередной съезд University Distance Training Preparation» (UDTP). Но вступить в эту организацию нашему Центру было нельзя, т.к. мы не были университетом. Нужно было искать соответствующего союзника. И я его впоследствии нашел в лице Северо-Западного Заочного Политехнического института.

Пока же мы договорились с Паулем Киршнером подготовить совместный проект по дистанционному обучению на условиях: голландские курсы, наша технология дистанционного обучения. Впоследствии, однако, реализовать этот здравый, в

общем, замысел не удалось.

Пробыв в Маастрихте напряженный, но весьма продуктивный день я сел на поезд и к вечеру был в Амстердаме в Сашиной квартире. Люба оказалась там же на час раньше, посмотрев Антверпен. Вот ее рассказ об этом.

Рассказ Любы. А.Л. едет по делам в Маастрихт – это на юге Голландии, а я одна – в Антверпен. В 7.00 завтракаем в гостинице, вместе – на вокзал и в 8.25 я качу в сторону Амстердама, но с остановкой в Антверпене. Через 50 минут выхожу из поезда.

Весь день, купив на вокзале красную книжечку (путеводитель), бродила сама по Антверпену. От вокзала пошла по главной улице, которая переходит в пешеходную. Искала дом друзей Рубенса – владельцев типографии Платенов. По дороге зашла в церковь “The Church of St.Andrew”, в которой оказалась изумительная деревянная скульптура «Христос и рыбаки». Отсюда очень близко до бывшей рыночной площади, где музей Платенов занимает два соседних дома. Бытовой музей – очень подлинный. Он сохраняет облик времени Рубенса (особенно грустно, что подлинный дом Рубенса погиб во Второй мировой войне и теперь он весь новодел). Стены в парадных комнатах покрыты тисненой кожей темно-коричневой с зеленоватыми и красноватыми орнаментами. Несколько подлинных портретов членов семьи – хозяев дома, выполненных Рубенсом. В типографии Платена печатали гравюры Рубенса. Была долгая дружба. В верхних этажах сохраняются печатные станки тех времен. Этот дом, пожалуй, самое приятное впечатление об Антверпене.

Потом пошла на главную площадь с памятником Рубенсу. Рядом Домский собор, в котором находится известная картина «Снятие с креста».

Вообще, здесь не росписи и не иконопись, а просто картины висят на степах. Очень красиво – красный цвет в полумраке храма горит особенным светом.

Пошла на берег реки Шельды. Она довольно широкая и оживлена движением кораблей. На набережной – «игрушеч-

ный» замок (крепость) и фигура великана. К сожалению, не успела зайти на выставку кукол; рекламы ее по всему городу, она тут же на набережной. Мимо старинных церквей, едва не заблудившись, поспешила к вокзалу. По дороге видела внушительное здание оперного театра. В стороне осталась церковь, где похоронен Рубенс, члены его семьи и где есть его картина – автопортрет, отец, жена……

Вместо намеченного поезда в 3 часа, получилось после 5. В Амстердам приехала, когда темнело. Храбро на трамвае приехала домой. Попозже приехал и А.Л. из Маастрихта.»

После возвращения в Амстердам провели еще два дня в общении с Сашей Ланде и совместных прогулках по этому чудесному городу. Затем благополучно вернулись в Ленинград с новыми впечатлениями и замыслами.

К сожалению, и в этот раз мне не удалось познакомиться с самим Брюсселем. Я бывал в этом городе неоднократно, но всегда будучи довольно сильно загружен делами. Осталось общее впечатление большого современного делового центра. И не больше.

Проект Телепорт-2. Брюссельские власти оценивали выполнение проекта «Санкт-петербургский Телепорт» весьма положительно и самостоятельно приняли решение поставить на тендер его продолжение «Further support to the St.Petersburg Teleport». Назовем его Телепорт-2.

Я узнал об этом новом проекте естественно раньше всех от профессора Шебера и стал задумываться о своих возможностях по участию в нем.

Тут было много разных трудностей. Проект «Телепорт-2» открывался заново и тендер итальянцам нужно было выиграть заново. Это была так сказать «внешняя трудность». Тендер был открыт для компаний разных стран и оказалось достаточное количество желающих. Здесь все мы-участники первого проекта «Телепорт», были заодно: и итальянцы, и Шаповаленко, и я. Моя роль здесь состояла в анализе предложений, поступающих от разных фирм (итальянцев, немцев, французов и др.) и написании рецензий от имени Шаповаленко.

Здесь мы были заодно. В конце концов, тендер на проект «Телепорт-2» был снова выигран «Телеком-Италия» не без нашего общего содействия. Но была и внутренняя трудность. Хотя положение нашего центра как помощника итальянцев – «West contractor'a» определялось итальянцами, т.е. они сами выбирали себе помощника, но требовалось все же согласие Шаповаленко. А моя роль «первооткрывателя», которая была решающей в первом проекте, здесь уже была отыграна – все все знали не хуже меня. И у Г.К. Шаповаленко имелись и другие кандидаты, например, институт Связи им. Бонч-Бруевича или агентство космической связи моего «друга» В.И.Володина. Началась подковерная борьба.

В это время как раз я был по другим делам в Риме в Телеком-Италия у своего друга – Шебера (об этом я напишу отдельно) и естественно зашел навестить Франческо Сквеллья. Он сидел как раз над новым проектом «Телепорт-2» в частности, как оказалось, под давлением Шаповаленко писал заявку-задание для института связи.

Увидел меня, обрадовался, потом погрустнел и сказал в раздумье: «Очень жаль, мы так дружно работали с Вами…» Потом снова задумался и сказал: «Почему я должен, собственно, следовать советам Шаповаленко? Напишу-ка я лучше Вам». Мы согласовали пункты задания нашему центру по проекту «Телепорт-2» и оно пошло прямо в мой адрес от «Телеком - Италия». «Однако, Анатолий - добавил он - визу Шаповаленко Вы должны добыть сами, здесь я помочь не могу».

Вернулся я в Санкт-Петербург и стал думать, как получить согласие Шаповаленко на участие нашего центра в проекте «Телепорт-2».

Справедливости ради следует отметить, что Г. К. Шаповаленко в течение всего проекта «Телепорт-2» относился ко мне и к центру в целом хорошо.

Точку в утверждении нашего центра в качестве west contractor'a поставил Франческо Сквеллья на первом организационном собрании участников проекта «Телепорт-2» в Санкт-Петербурге, когда встал вопрос о том, не передать ли

функции west contractor'а агентству В.И.Володина.

Франческо сказал: «Агентство В.И.Володина не может участвовать в проекте как юридическое лицо, т.к. в этом качестве оно является акционером «Телепорта». «Телеком-Италия» хотело бы видеть на этом месте центр профессора Лифшица, хорошо зарекомендовавший себя в предыдущем проекте Телепорт». На этом вопрос был решен, Шаповаленко поставил требуемую визу. Таким образом, наш центр получил надежную работу еще на 3 года.

Существо работы центра в проекте «Телепорт-2» осталось прежним. Организация обучения сотрудников Телепорта в России и заграницей, содействие изучению опыта (технического и экономического) зарубежных фирм, подобных Санкт-Петербургскому Телепорту.

Обучение в России было естественно больше технико-теоретическим. Часть дисциплин чисто компьютерного плана мы проводили на базе ЛИМТУ, для специально связных дисциплин пригласили группу преподавателей Института связи имени Бонч-Бруевича, а для одного специального курса по космической связи вынуждены были пригласить преподавателя из Москвы.

Контакты с Институтом связи в первое время были довольно напряженными. Дело в том, что Г.К. Шаповаленко в период подготовки проекта надавал им авансов, считая, что они будут играть роль west contractor'а во втором проекте, но из этого ничего не вышло и они считали себя обиженными. Декан соответствующего факультета, откуда нам нужно было приглашать преподавателей, профессор Жерненко постоянно создавал различные препятствия. Его аргумент постоянно был как у Паниковского в «Золотом Теленке»: «А ты, кто такой?».

Выход из положения все же нашелся. Создали группу из преподавателей Института Связи во главе со скандальным деканом, составили план занятий, декану дали 500 долларов за руководство и все скандалы на этом закончились.

Хуже было другое. В проекте «Телепорт-2» не участвовал Франческо Сквеллья. Его заменили г-ном Монсурро. Это был

совершенно другой человек: вечно хмурый, полный претензий, мало-контактный. У меня с ним порой возникали конфликты. В конце концов, на одной из встреч, когда в Санкт-Петербург приехал с проверкой представитель Евросоюза, я прямо поставил вопрос об этих его манерах, о задержках денег и т.д. Монсурро получил нагоняй и мы закончили проект мирно, по крайней мере, внешне, но, по сути, в состоянии вооруженного нейтралитета.

В процессе этого проекта у нас было несколько командировок за границу: в Грецию, в Англию и во Францию. Остановлюсь несколько на каждой.

Греция. В проекте «Телепорт-2» было несколько заграничных поездок, связанных с одной стороны с обучением персонала Санкт-петербургского Телепорта, с другой стороны с поездкой группы руководителей, имевших целью, как обычно, изучение бизнес-практики аналогичных компаний и возможных совместных предприятий, а также для проверки занятий персонала Телепорта.

Первой такой страной была Греция. Эта страна была избрана вследствие того, что там уже функционировали наземные телеустановки «Инмарсат», аналоги которых строились норвежцами в качестве основы Санкт-Петербургского Телепорта.

Таня Гаврилова должна была в это время ехать в США по стипендии Фулбрайта, Карина тоже была занята, поэтому я пригласил в качестве переводчицы Танину одноклассницу Марину Смирнову. Это была контактная приятная дама, но ее область тонкого знания английского языка было искусство – она была штатная переводчица Мариинского театра. Поэтому мне приходилось все время особенно внимательно следить за ходом всех переговоров, а иногда и вмешиваться в процесс перевода.

Летели в Грецию мы через Женеву. До Женевы на самолете «Air France», а затем на швейцарском самолете «Swiss Airlines». В первый раз я увидел малые откидывающие плоские телевизионные экраны перед креслами. Меня меньше интересовали развлекательные фильмы, но больше понравились

кадры, где высвечивался маршрут полета и точки пребывания самолета.

С точки зрения работы мы посетили греческую станцию INMARSAT, расположенную высоко в горах к северу от Афин, и две коммерческие телекоммуникационные компании.

Произошел обычный обмен опытом, который был полезен лишь в общем плане. Он не имел дальнейших конкретных последствий.

Сама по себе Греция была, конечно, мне очень интересна, да я думаю и любому путешественнику. Не каждый раз приходится увидеть своими глазами колыбель цивилизации, страну Гомера, Одиссея и Аполлона.

Афины большой приморский город – сочетание гор, белого камня и зелени. В первый же свободный день мы, конечно, забрались на Акрополь.

Вначале я беспокоился, как справится с горами мое изношенное сердце. Но ничего – справилось. Поднявшись наверх, мы были вознаграждены знаменитыми древними руинами в сочетании с морскими видами и зеленью деревьев. Сверху был виден огромный белокаменный город.

Вечером мы пошли на Плаку – это торговая часть Афин – город в городе – бесконечное множество небольших лавочек с самыми разнообразными товарами – от меховых дубленок до ювелирных изделий и все не очень дорого. Очень много русскоговорящих людей: и наши эмигранты и местные люди. И превосходное доброе отношение к русским людям. Сказывается, наверно, общая вера и близкая история.

После обхода торговых рядов зашли поужинать в местный ресторанчик. Из кулинарных продуктов мне очень понравился греческий салат, я его с тех пор заказываю, где могу, но все же именно в Греции у него особый вкус.

Из ресторана на Плаке пошли вечером в гостиницу через весь город пешком вверх – шли часа полтора, но хорошо посмотрели город и не очень устали по вечерней прохладе.

В следующий свободный день была организована поездка к храму Посейдона на полуостров Пелепонес примерно в 10 км

от Афин.

Дорога к храму шла вдоль берега моря. Природа очень напоминала восточный Крым – мне сразу вспомнились Судак и окрестности Феодосии из наших семейных автомобильных путешествий.

Сам храм расположен изумительно красиво на высоком – высоком мысу, выдающемся далеко в море. Постройка, колоннада сохранилась лучше, чем Акрополь.

Все вместе оставляет сильное впечатление. На обратном пути уже в темноте остановились поужинать в рыбацкой таверне у самого берега моря. Ужин был рыбный под аккомпанемент местных певцов. Все выглядело очень романтично.

Во время этой поездки прошло несколько рабочих совещаний с местными телекоммуникационными и компьютерными фирмами. Но особого интереса они ни у нас, ни у греков не вызвали.

В целом поездка в Грецию оставила приятное впечатление. Еще одна страна, где к нам хорошо относятся, можно даже сказать, где нас любят. И, пожалуй, возникает взаимное чувство.

Поездка в Лондон. В эту поездку я опять пригласил Любу и привожу здесь ее описание с моими небольшими вставками

«Вылет из СПб 8 сентября, воскресение, в 13^{05}. А.Л. летит в составе группы 5 чел., в том числе Карина Маранджян (в качестве переводчицы) и я. Самолет маленький (ТУ – 134), т.к. мало пассажиров. Полет- 3 час. 20 мин. Вылет при t^{o} -2С, на земле заморозок, деревья облетели. В Лондоне нам обещали + 10°С, а оказалось + 16°С, «золотая осень».

Нас встречал английский партнер фирмы «Телеком – Италия» Питер Лунди на микроавтобусе. В тяжелом потоке ехали долго из Аэропорта. Оказалось, что отелей с названием «Риджент-парк» целых два, сначала ошиблись. Наконец, нашли свой отель, разместились, ужинали все вместе в ресторане отеля. Звонили Жене Алферовой и Нине Ланде. Завтра оказался свободный день и Питер обещал нам поездку за город. А.Л. настоял на поездке в Шекспировский Стратфорд на Эй-

воне..

9 сентября, понедельник. Позавтракали в 8 часов. Приехал Питер с микроавтотбусом и в 9^{00} выехали. Быстро попали на автостраду и поехали свободно, с большой скоростью. Поля, пастбища разделены зелеными «изгородями». Пасутся овцы (чище наших, но не такие, розовые и пушистые, как голландские). Правда, сезон другой и овцы, вероятно, недавно острижены. «Золотая осень» разнообразит пейзаж. Нет наших березок и ели какие-то «другие». Жилой Лондон и поселки (по определению Питера – деревни) застроены очень живописными и разнообразными коттеджами. Много эркеров, балконов. Стены кирпичные или каменные, оштукатуренные. Если дом длинный (в 2-3 этажа), то окрашен по-квартирно в разные цвета.

Старые дома имеют высокие печные трубы, но топить печи запрещено из-за смога. Сохраняют их для вентиляции.

Дороги не платные, но берутся большие налоги на бензин и с автовладельцев – для строительства и ремонта дорог. Работа кипит во многих местах.

Приехали в Оксфорд: сплошное молодое учащееся население и пожилые туристы. Карина нас повела во дворик самого старого здания Университета, в церковь Христа. В церкви красивая архитектура, играл орган. Прошли на 2ой этаж в трапезную. На стенах портреты знаменитых выпускников от древних времен до наших дней. Огромный квадратный двор с фигурным газоном.

Машина нас ждала у самого большого книжного магазина. Не удержались, зашли, для Юры купили оксфордский словарик. Поехали в Стратфорд на Эйвоне. Обедали в Пабе «Грязная Утка» (Durty Dack) – грандиозные салаты с сыром, ветчиной и пивом! Напротив, в реке плавали белоснежные и серые лебеди и утки. Поехали в церковь, где похоронен Шекспир, его жена и дочь. Запись в церковной книге о его рождении и крещении. В нише стены довольно примитивный бюст (полуфигура) с пером в руке. Поехали искать дом жены Шекспира (по воспоминаниям А.Л.). Но оказалось, что до него еще 3 км. Зато

нашли дом времен Шекспира, который позднее принадлежал его внучке. В доме собраны предметы, обстановка 17го века, забавный садик. Рядом раньше был дом, где жил в конце жизни и умер Шекспир. Но этот дом не сохранился. Купили книжку о Шекспире (русскую), рождественскую «раскладушку».

На обратном пути между Оксфордом и Стратфордом заехали в именье Черчилля - замок Бленхейм. Изумительно красивая территория и окрестности, грандиозный дворец (виден только снаружи). Около 5 часов стало быстро темнеть и к гостинице подъехали в 6 часов в темноте. По шоссе ехали со скоростью до 140 км/час спокойно – покрытие отличное, поток умеренный. Чуть-чуть отдохнули и пошли с Кариной и А.Л. звонить Мамыриным по карточке, которая оказалась очень неудобной – огромное количество предварительных цифр. Звонили и Мише. А.Л.пошел в гостиницу, а мы с Кариной дошли до Бейкер – Стрит и прошли несколько кварталов. На ней много баров, ресторанов, аптек, зубоврачебных кабинетов носят имена Шерлока Холмса и доктора Ватсона. Возвратились в гостиницу после ужина. Пили чай.

10 сентября, вторник. После завтрака пошли с А.Л. к метро, чтобы ехать к парламенту. Немного промахнулись и вышли на набережную Темзы далеко от парламента. Зато прошли изрядный кусок пешком.

Вдоль набережной (отступя от реки) большие бульвары, а за ними белые здания (министерства). Памятник адмиралу Колингвуду. Дошли до парламента. Здание причудливо украшено (готика). Посмотрели вблизи башню с Большим Беном, перешли улицу. Как раз накануне, когда мы прилетели, был день поминовения погибших. В сквере около Вестминстерского аббатства очень трогательно воткнуты в землю красные веночки искусственных цветов в соответствии со структурой армии, а рядом родственники погибших втыкают в землю деревянные крестики с надписанными именами. Так что получается как бы мемориал.

Прошли мимо памятника Черчиллю на Трафальгарскую площадь. Памятник – очень своеобразный, запоминающийся.

Чувствуется значительность, сила этой личности. К сожалению, не знаем имени скульптура – нашего современника.

Посередине Трафальгарской площади очень высокая стелла (наверное, выше Александрийского столпа в СПб) и на ней небольшая фигура адмирала Нельсона. Остается ощущение некоторой диспропорции. У подножия стелы большие бронзовые львы (символика британской империи), отполированные до блеска туристами. Площадь окаймлена красивыми монументальными зданиями. В том числе одна ее сторона занята грандиозной национальной галереей (которую удалось посетить дважды). Но площадь не производит того впечатления совершенства каждого здания и замечательного соотношения их пропорций, как наша Дворцовая площадь. Поневоле думаешь о гениальности градостроителей России.

Большое впечатление производят Лондонские парки – это огромные зеленые пространства, заселенные прекрасной совершенно ручной живностью – белками, утками, лебедями, стаями всевозможных птиц.

Во время этой поездки у нас было намечено три частных визита – к нашей дальней родственнице Нине Ланде, к сыну наших питерских друзей Шуре Мамырину и к внучке наших таллиннских друзей Жене Алферовой.

Это позволило нам увидеть, как живут в Англии люди среднего достатка. У всех троих были квартиры однотипной планировки. Вдоль улицы тянется $2^{х}$ -$3^{х}$ - этажный дом (как бы «батон»), нарезанный на отдельные квартиры («ломти»). Каждый владелец говорит: «У меня есть дом». Действительно, между квартирами есть две стены, т.к. иначе «моя» собственность не была бы отделена от соседской. Позади дома у каждой квартиры есть небольшой участок земли, на котором размещается гараж и садик, украшенный растениями и летней мебелью, в меру сил и возможностей хозяев. Около некоторых домов есть и крошечный палисадник со стороны улицы с 2-3 декоративными кустами. Все очень аккуратно и уютно.

В первом этаже у всех кухня, гостиная и прихожая с лестницей во второй этаж. На втором этаже 3-4 комнаты: спальные,

детские, кабинет. За прошедшие с тех пор 8 лет обе молодые семьи сменили свои «дома» на более комфортные, а Нина Ланде с мужем по-прежнему живут в своем старом доме. Дети их (сын и две дочери с семьями) живут отдельно, в своих домах; к сожалению, мы с ними так и не знакомы, знаем их только по фотографиям, которые нам изредка присылает из Голландии брат Нины – Саша Ланде. С Ниной мы встретились еще один раз и она нам показала Университет, где преподает английский язык иностранцам. У нее профессионально выработано прекрасное отчетливое произношение и А.Л.Беседовал с ней по-английски без затруднений. Я же могла с ней говорить на «смешанном» языке, поскольку ее родители во время ее детства еще говорили между собой по-русски (они уехали из бывшей Российской Литвы в 1922 году, а она родилась в 1926 году; ее брат Саша, родившийся в 1936 году, знает только отдельные русские слова).

С Женей Алферовой я побывала в Тауэре. Около Тауэрского моста и увидела очень большую гавань, полную прекрасных белоснежных яхт. Сам Тауэр запомнился своей мрачноватой и монументальной архитектурой (всплывают литературные ассоциации!), мрачным криком воронья и опереточным видом солидных седовласых музейных смотрителей, одетых в яркие старинные одежды.

Все три раза в гости мы ездили на метро. Сеть его в Лондоне чрезвычайно густая и разветвленная. Оно совершенно утилитарное; кроме довольно скромной рекламы, его ничто не украшает.

Наша попытка передвигаться наземным способом потерпела неудачу. Мы купили себе билеты на экскурсионные автобусы, т.н. Sity-seeing. У Анатолия Львовича от аналогичных экскурсий, которые он проделал в предыдущей поездке, остались очень хорошие впечатления. Но в этот раз нам не повезло – проехав с трудом до второй или третьей остановки, мы застряли окончательно в такой автомобильной пробке, что решили пренебречь билетом, не терять времени и отправиться дальше пешком

Париж. Третьей заключительной поездкой по проекту «Телепорт-2» была поездка во Францию, в Париж в компанию «Evtelsat». Это уже была не первая моя поездка во Францию. Поскольку Миша в течение длительного времени каждый год проводил по несколько месяцев во Франции, где он преподавал математику в Лилльском университете, то я многократно бывал у него в гостях, пользовался каждой возможностью заехать к нему, благо в Европе все очень близко друг к другу.

Я заезжал к нему из Дюссельдорфа, из Берлина, Гренобля и других мест. И почти каждый раз, возвращаясь из Лилля в Россию, делал остановку в Париже, осматривая его достопримечательности. Но так как все эти многочисленные поездки описать отдельно невозможно, то я сгруппирую здесь все мои парижские впечатления, как будто бы я осматривал все в один раз.

Но прежде несколько слов о рабочей части нашей поездки по проекту «Телепорт-2». Мы провели в компании Evtelsat три или четыре дня, добросовестно изучая ее опыт как в области телекоммуникаций с программно-технической точки зрения, так и с точки зрения коммерческой, экономической и побывали на нескольких технических объектах: в телепередающем центре, на площадке телебашен и в различных офисах. Переводила на этот раз Таня Гаврилова, поэтому я был более свободен, чем, например, в предыдущий поездке в Грецию.

Конечно, в официальном плане поездки было отведено некоторое время на экскурсию, например, обзорный автобусный тур по Парижу, поездка в Версаль и вечерний поход в кабаре, но кроме этого я оставил себе еще 3 дня свободного пребывания в Париже после отъезда всей делегации на родину.

Нас поселили в гостинице «Hilton» прямо у Эйфелевой башни, так что она все время была у нас перед глазами. Но признаюсь при всем уважении к техническим талантам Эйфеля, желания залезать наверх и смотреть крыши у меня не возникло. Вообще в век авиации, вертолетов смотровые башни,как мне кажется, многие прежние преимущества потеряли.

Вместе с группой мы съездили в Версаль. Понятно откуда

возник Петергоф, но парк Версаля показался мне хуже нашего. Зато очень большое хорошее впечатление оставил Версальский дворец.

Были мы всей группой вечером в кабаре «Creasy Horse», смотрели типичную французскую обнаженку, но она не произвела на нас особого впечатления, время не то, этого добра сейчас и в России полно. Хотя мне очень понравился канкан во французском исполнении. Перед походом в кабаре возник шуточный спор с Г.К. Шаповаленко. Местные друзья объяснили нам всем, что в кабаре есть три тарифа: стоя, сидя и сидя с угощением. Я и сказал Тане: «Танечка, я Вас приглашаю по полной программе: сидя и с угощением». Стоящий рядом Г.К. Шаповаленко недовольно поморщился, а его жена Анна Семеновна, очень милая и довольно остроумная дама тут же добавила: «Все правильно, дорогие мужчины. Анатолию Львовичу на знакомую даму, конечно, денег не жалко, а Геннадий Константинович на собственную жену, естественно, зря тратиться не хочет». Пришлось раскошелиться и Шаповаленко.

Но возвращаюсь к Парижу. Начал я осмотр с Нотр-Дам. Мне показалось, что ее архитектура черезчур вычурна, особенно чудовища наверху. Во всяком случае, не так красиво и «божественно» как итальянские церкви, которые я уже видел к этому времени в большом количестве.

Далее я совершил большую пешую прогулку мимо Лувра, Вандомской площади, знаменитой Вандомской колонны, сада Тюильри и прошел все Елисейские поля до Триумфальной арки. Весь маршрут мне очень понравился, особенно Елисейские поля с их необозримым простором и красивой архитектурой. Пожалуй, в России, да и во всей Европе я такого проспекта больше не видел.

Гуляя по Елисейским полям, вспомнил рассказ Л.М.Каплана, который был в Париже за несколько лет до этого в составе группы Питерских «высоких чиновников». Когда он после такого же маршрута стал объяснять своим партнерам, что он прошел пешком все Елисейские поля, его немедленно упрекнули: «Что, денег на такси пожалел?!»

У триумфальной арки я сел в круговой экскурсионный автобус «Sity Sightseeing» и остаток дня провел сидя на верхней открытой площадке с «русскоговорящими» наушниками, любуясь Парижскими достопримечательностями и даже иногда делая фотоснимки. Перед моими глазами проплывали мировые чудеса: Трокадеро, Эйфелева башня, Лувр, Нотр-Дам, музей Орсэ, театр Гранд-Опера, Триумфальная арка, Марсово поле, Дом инвалидов.

На каждой остановке можно было слезть, осмотреть не спеша ту или иную достопримечательность и после этого сесть на следующий такой же круговой автобус. Билет действителен двое суток.

В своих многочисленных поездках по Европе я всегда стремился совершать такие «Sity Sightseeing Tour». Помню их, например, в Лондоне, Риме, Стокгольме, Хельсинки.

Следующий день был весь посвящен Лувру. Пошел, как и полагается, прежде всего к Моне Лизе. Перед ней стояла толпа, сама картина была укрыта бронированным стеклом, от которого возникали блики, и находилась в большом длинном зале, где кроме нее висело множество других картин. Впечатление абсолютно смазано.

Вообще в Лувре мне понравилось меньше, чем в Санкт-Петербургском Эрмитаже – по моему, он перенаселен, слишком много картин в каждом зале. Но я понимаю, что за одно посещение нельзя составить себе объективное суждение. Слава богу, что у нас есть Эрмитаж и музей Пушкина.

Музей Орсэ тоже оставил по себе противоречивое чувство. Слишком много и пестро выставлены экспонаты. Хороши, конечно, импрессионисты, но наши Эрмитажные даже лучше.

Отдельно я осматривал Пантеон, Дом инвалидов с могилой Наполеона, Консьержери, Монмартр, Центр Помпиду и музей Родена.

Не берусь описывать их, будучи дилетантом. Остановлюсь лишь на некоторых.

Безусловно, самое сильное впечатление произвел на меня музей Родена. Я видел до этого довольно много шедевров

скульптуры, видел и восторгался Моисеем, Пьетой и «Временами года» Микель-Анджело, но Роден меня поразил больше всех. Я понимал, что талант скульптура может выразить величие духа подобно «Моисею» или скорбь подобно Пьете, как это сделал Микель-Анджело, но не мог себе представить ранее, что можно выразить в камне живые человеческие чувства, как это сделал Роден в известной скульптуре «Поцелуй».

В относительно небольшом музее Родена я провел почти целый день и каждый раз, бывая в Париже, я непременно бываю там.

Могила Наполеона производит соответствующее сильное впечатление. Думается, что хотя и много лет спустя после его кончины Франция отдала дань своему национальному герою.

Совершенно непонятным остался для меня дворец-музей Помпиду. Но ругать – не хвалить и здесь я умолкаю.

С удовольствием мы погуляли по Монмартру и сразу вспомнили И.Эренбурга и его многочисленные парижские впечатления.

Еще одно прекрасное творение это витражи в капелле Сент-Шапель, да, впрочем, и вся часовня, поражающая своей воздушностью и легкостью.

Всех чудес и достопримечательностей Парижа мне, конечно, не описать, за это нечего и браться. И до и после каждой поездки в Париж нужно перечитывать Хемингуэя и Эренбурга.

Перечитал все то, что написал о Париже и остался недоволен. С одной стороны все так, все мое, но с другой стороны как бедно и не выразительно. Вспоминаю, у поэта две строчки, а как сильно и полно:

«Я хотел бы жить и умереть в Париже,
Если б не было такой земли – Москва».

Откровенно скажу, что этот стих не про меня. Жить в Париже я все же не хотел бы. Есть много других мест: Санкт-Петербург, Флоренция, Венеция и др.

Поездка в Париж совпала с завершающей стадией проекта «Телепорт-2». Деятельность нашего Центра в этом проекте почти полностью совпадала по содержанию с нашей работой

в проекте «Телепорт-1», поэтому нет смысла описывать ее. Отличающей частью, пожалуй, является участие Центра в составлении Бизнес-плана Телепорта. Однако, решающую роль в этой работе играл английский консультант г. Питер Лунди, а мы по мере необходимости обеспечивали его материалами, в том числе результатами специально проведенных нами маркетинговых исследований.

По окончании проекта мы расстались с г. Шаповаленко довольно дружно под его обещания обеспечить нам постоянную работу по обучению персонала. Однако дальнейшего продолжения совместных работ не последовало

Закрытие кафедры. Институт, как я упоминал выше, существовал в период «зрелой перестройки» в виде совокупности независимых кафедр, каждая из которых искала свое поле для «пропитания». До перестройки наша кафедра была задающей, системной, мы читали общетеоретические курсы по созданию Автоматизированных систем (АСУ), учили главных конструкторов и руководителей отделов АСУ. Последние в Советское время создавались почти на всех предприятиях по программам общесоюзного правительства через наше министерство и главк «Союзсистемпром». Но нет министерства, нет главка, в стране хаос. «Автоматизировать беспорядок» невозможно и кафедра наша сразу потеряла рынок и перспективу тоже.

Я это понимал, понимали и преподаватели. Как и на других кафедрах, преподаватели стали искать другую работу и уходили, в основном в регулярные ВУЗы. Их брали охотно, т.к. репутация у кафедры была очень высокой, в Советское время у нас стажировались преподаватели многих ВУЗов. В основном наши преподаватели уходили на кафедры автоматизации в Финансово-экономический, Инженерно-экономический и Политехнический институты.

Но примерно процентов 60 еще оставалось и вело занятия, как в институте, так (в виде выездных групп) и в других организациях: в Мэрии, в Ленинградской кадровой Академии, Комитете занятости и других местах.

Мне становилось ясно, что перспективы у нашей кафедры по ее тогдашнему общетеоретическому системному профилю в условиях разрухи нет.

Перепрофилироваться, заниматься не своим делом не хотелось. Постепенно у меня в душе зрело сомнение в перспективности и даже вообще целесообразности существовании такой кафедры, как наша, в создавшихся в нашем институте условиях.

Некоторые сложности создавало и параллельное существование двух структур: кафедры и центра. В реальной жизни кафедра только выигрывала от этого, поскольку пользовалась богатейшей технической базой центра. Но объективно существовала зависть тех преподавателей, которые не привлекались к работе центра, не ездили в командировки за границу и т.п. И когда С.Н.Астахов позволил себе выразить подозрение в том, что центр пользуется благами кафедры и «все нужно проверить» (а в действительности дело было ровно наоборот) моему терпению пришел конец и я подал ректору заявление о закрытии кафедры, что и было довольно быстро выполнено. Немногие оставшиеся к тому времени кафедральные преподаватели и персонал лаборатории были распределены по другим кафедрам и подразделениям института.

EUNIS и EDEN – Членство в международных научно- образовательных организациях.

EUNIS. Описанные выше некоторые начинания в области дистанционного обучения (английский строительный проект, работа с американкой mrs Lynn Gallagner и со шведами) имели неожиданное продолжение. Внезапно мне позвонил некий швейцарец г-н Marino Ostini и попросил разрешения ознакомиться с нашим центром. Спустя некоторое время он пришел к нам в центр, представился работником швейцарской администрации в области образования, познакомился с нами и нашими работами, посмотрел лабораторию, поблагодарил за внимание и ушел.

Откуда он про нас проведал, я не знаю до сих пор, думаю, что от В.Ю.Лодыженского. В результате этого визита в очеред-

ном бюллетене отдела образования ЕС появилась безымянная статья о нашем центре, содержание которой в целом совпадало с содержанием этого визита. А еще некоторое время спустя я получил персональное приглашение выступить на конгрессе EUNIS (European University Networks Information System) в Дюссельдорфе с докладом о наших работах. Поездка оплачивалась оргкомитетом конференции.

Приглашение меня заинтересовало. Я ответил на него согласием, подготовил текст выступления, в котором осветил опыт работы нашего центра и дистанционного образования в России, учитывая ее огромные территории и неравномерность распределения образовательных ресурсов. Доклад был принят.

Впервые мне нужно было выступать продолжительно на английском языке. Пришлось тщательно подготовиться и в целом, очевидно, я со своей задачей справился как с точки зрения содержания, так и с лингвистической.

Меня приняли в члены ассоциации и после этого я много лет ездил на ее ежегодные конференции, которые проходили в самых разных местах: Манчестере, Праге, Хельсинки, Берлине, Гренобле и т.д. Ритуал их проведения был примерно одинаков: первый вечер – знакомство на фуршете, три дня рабочих докладов и заключительный банкет.

Банкеты устраивались, как правило, не в обычных ресторанах, а в каких-нибудь интересных местах. Например, в музее антропологии (в Берлине), на стапеле, где стоял старинный корабль (в Стокгольме), в загородном Монастыре-музее (в Гренобле) и т.д.

Тематика докладов довольно разнообразна, в основном образование с применением новых информационных технологий, т.е. то, что позже получило аббревиатуру ICT (Information – Communication Technology).

Под влиянием этой тематики, начиная от совместного строительного проекта с Л.М.Капланом, мои интересы постепенно смещались в сторону дистанционного образования и, если несколько расширить проблематику, то к E-Learning – Электрон-

ному образованию.

Постепенно мы вместе с Татьяной Альбертовной Гавриловой и одним ее дипломантом – Тимофеем Гелеверя разработали свою программную систему дистанционного обучения. Таким образом, у меня был материал для выступлений на конференциях.

Сроки создания этой системы совпали с завершающей стадией работы по проекту «Телепорт-2». Окончание последнего поставило передо мной задачу поиска новых источников финансирования нашей работы.

EDEN. В один из своих приездов в Санкт-Петербург В.Ю.Лодыженский привез с собой еще одного представительного господина – Валерио Грементиери. Последний посетил наш центр, представился как профессор Тосканского университета и надавал нам много разных авансов на совместные работы, оставшихся, однако, без видимых результатов. Впоследствии он еще несколько раз возникал на нашем горизонте.

Спустя несколько лет Владимир Юрьевич позвонил мне, сообщил, что Грементиери с супругой приезжает в Санкт-Петербург, и попросил встретить его.

Я, конечно, встретил их и мы провели вместе с ним и его супругой синьорой Габриэллой несколько приятных дней. Он познакомил нас с ректором Гидрометеорологического института Львом Николаевичем Карлиным, в результате чего я был приглашен в проект «Метео».

В следующий раз мы встретились на конференции по проекту «Дельфи» в Москве.

Узнав на этот раз, что наш центр занимается дистанционным обучением, он неожиданно сказал, что является президентом «EDEN – European Distance Education Network», подозвал сидящую неподалеку даму, представил ее как секретаря EDEN г-жу Анну Вагнер и распорядился включить меня в члены EDEN, после чего я много лет и до сих пор участвую в жизни этой организации, бываю на ее ежегодных конференциях и получаю всю литературу, которую эта организация издает. Через EDEN я впоследствии был включен во французский про-

ект «Convergence», а также познакомился с испанским профессором Иоакимом Рос-Флоренца, последний совместный проект с которым мы готовим сейчас, когда я пишу эти строки. Описывать эти ежегодные конференции EDEN, в которых я участвовал, конечно, смысла нет, остановлюсь лишь на одной в Испанской Гренаде в 2002 году.

Испания: Мадрид и Гренада. Была некоторая сложность в организации этой поездки, т.к. Гренада находится на юге Испании в провинции Андалузии, а мне хотелось посмотреть и Мадрид.

В результате сложных поисков французская авиакомпания «Air France» согласилась организовать мне поездку в Испанию по маршруту: Санкт-Петербург – Париж – Мадрид, а обратно по маршруту Малага – Париж – Санкт-Петербург. Я прилетел в Мадрид, где остановился у моего доброго друга Ricardo Ruta, который имел к этому времени контору по распространению компьютерных программ в области медицины.

Полет в Испанию проходил не очень спокойно. На пересадку в Париже по расписанию отводился всего 1 час, а французский рейс Санкт-Петербург – Париж опаздывал на 40 минут, в результате чего мне пришлось бежать бегом по большому аэропорту «Шарль де Голль». Но все же я успел на Мадридский рейс. Скажу, что такие рискованные пересадки удаются не всегда и, впоследствии, я взял за правило, не летать с короткими стыковочными промежутками времени. В Мадрид прилетел поздно вечером, но, взяв такси, благополучно встретился с Риккардо на условленном перекрестке двух улиц, недалеко от его квартиры. Запомнил, что дорога долго шла вдоль большого бульвара. Riccardo имел барские привычки: у него была хорошая трехкомнатная квартира с комнатой для гостей, хотя жил он в Мадриде один, семья жила в Риме.

На следующий день я поехал на вокзал, доставать билет в Гренаду, после чего пошел в музей «Prado» и провел там несколько часов. Нужно сказать, к удивлению моему, что этот музей не оправдал моих ожиданий. Картины Мурильо, Веласкеса и Гойи, которые я ранее видел в Эрмитаже, а частично

в Лувре, Уфици и Лондонской галерее оказались значительно лучше того, что мне удалось посмотреть непосредственно в Мадриде.

Нужно еще отметить, что за пару лет до этого я имел возможность познакомиться с передвижной выставкой картин Гойи во французском Лилле, когда заехал к Мише в гости.

Вечером Риккардо пригласил меня на скромный ужин в ресторан. Следующий день было воскресенье и Риккардо повел меня смотреть Мадрид.

Город очень красивый, но красота его строгая, всюду законченные ансамбли дворцов и площадей, красота его каменная. Довольно много памятников королям и генералам, только иногда можно встретить что-нибудь характерное как, например, памятник Дон-Кихоту вкупе с Санчо-Пансой, Россинантом и осликом. Знаменитый стадион «Реала» - Бернабео находится почти в центре города, огорожен высоченным каменным забором и не имеет никакого зеленого обрамления, столь привычного для русских стадионов. В этом смысле ничто не может сравниться с зеленой красотой Петербургского Кировского стадиона, расположенного среди моря и островов.

Впечатление от Мадрида несколько испортило сильное головокружение, которое возникло у меня впервые, как я теперь думаю, из-за сильной жары. Названия лекарств в Европе другие и пришлось ограничиться Ноотропилом, который здесь называется так же как у нас, но помог он мало. Помогло время и смена климата

На следующий день утром сел в поезд и часов 6 ехал на юг Испании в Гренаду.

Маршрут пролегал через центральное горное плато, был очень живописен и помог мне хорошо увидеть природу Испании, поля, перемежавшиеся бесконечными оливковыми рощами. Поезд был мало заполнен, хорошо работали кондиционеры и, в целом, поездка была приятная. Я даже пытался фотографировать интересные места, но они мелькали так быстро, что ничего особенно красиво не получалось. Вообще глаз человеческий не может заменить никакая оптика.

Сама Гренада не произвела на меня особого впечатления – обычный южный город весь в зелени многочисленных бульваров, спускающихся по горным склонам. И, конечно, ничего абсолютно схожего с описанием и ситуацией известной песни Светлова «Гренада».

Сама конференция запомнилась мне в основном по встрече с профессором Ross Florenza, с которым мы до этого состояли в заочной переписке по поводу возможного совместного проекта, посвященного дистанционному проведению лабораторных работ студентов.

Мы уточнили наши действия, и еще через год он приехал ко мне в Санкт-Петербург для демонстрации своих предложений. Если будет возможность, я еще вернусь несколько позже к этому совместному проекту.

Конференция завершилась, как обычно, банкетом, который проходил в Альгамбре – дворцовом ансамбле мавританских правителей, расположенном высоко в горах над городом. Ансамбль редкой красоты и своеобразия. Нечто подобное, но во много-много раз меньше я наблюдал в России в Бухаре во дворце тамошнего эмира. Сочетание зеркал, белого гипса, специфических орнаментов и зеленого горного ландшафта оставляют очень сильное впечатление.

Наутро я должен был ехать автобусом из Гренады за 100 км через горы в Малагу в Аэропорт, откуда лететь домой.

Однако утром, когда я подъехал на такси к автобусной станции, выяснилось, что аэропорт Малага и международные автобусы охвачены забастовкой.

Пришлось взять такси до аэропорта, что, конечно, несколько подорвало мои финансы да еще в конце поездки, но некоторые резервы все же меня выручили. Сама поездка через горы была интересна, похоже на наши сочинские места, горные перевалы, сочетание зеленых гор и моря, длинные серпантины.

Приехал в тревоге в аэропорт Малага, заполненный людьми, но оказалось к счастью, что Air France в забастовке не участвует. Полет и пересадка в Париже на этот раз прошли благополучно. Удалось посмотреть еще одну красивую страну.

Все мои попытки найти финансирование для работ по дистанционному обучению через уже знакомое читателю бюро TACIS к успеху не привели. Попыток этих было много, остановлюсь только на двух.

В целом в моей менеджерской деятельности по добыванию проектов мне везло с партнерами. Я постепенно привык к западноевропейской манере поклонов и улыбок, за которыми часто ничего не стояло. Но была некоторая статистика: из 5-6 попыток один проект все же реализовался. Грубых обманов на западе я не имел. Зато в России меня обманули и очень грубо два раза.

Первый раз я нашел и реализовал проект «Автоматизация управления железнодорожным транспортом в IX железнодорожном коридоре (Скандинавия – Прибалтика – Россия)». Проект развивался по той же схеме, что и «Телепорт» и, пройдя все стадии, был утвержден и было открыто финансирование от Евросоюза. Но я здесь не был West-Subcontractor, и должен был финансироваться от Русского «Beneficiary» - получателя кредитов, которым был Центральный Железнодорожный институт в Москве. И, получив по сути из моих рук два млн. долларов, он не заплатил мне ни копейки. А по масштабам этот проект был такой же как «Телепорт».

Второй раз я был обманут в т.н. проекте «Метео». Я опять нашел на западе проект по созданию системы мониторинга состояния водной и воздушной атмосферы района Балтийского моря и нашел вероятного российского beneficiary – Московский НИИ – метео и Westcontractora – Telecom– Italia и все были заинтересованы в проекте, но когда я свел их вместе, то НИИ – метео не согласился на мое участие в проекте. Правда, некоторым смягчающим неприятности было то обстоятельство, что этот проект не пошел. Могу утешаться мыслью, что в отместку за вероломство.

Арктический проект. В декабре 1995 года в Берлине проходила ежегодная коммерческая Европейская конференция “EDUCA-95”, посвященная вопросам образования.

Мне показалось интересным выступить на ней. Тем более,

что был материал для выступления, посвященный проекту дистанционного обучения с использованием спутниковых коммуникаций. Этому же вопросу была посвящена моя совместная поездка с А.И. Балашовым в Мюнхен, которая состоялась несколько ранее.

Доклад вызвал определенный интерес, ко мне подошли для знакомства несколько человек, в том числе уже упомянутый ранее швейцарец г. Марино Остини, которому я был обязан приглашением в Дюссельдорф и вступлению в EUNIS. Подошел и один молодой весьма симпатичный финн г. Eero Pekkarinnen, с которым мы обстоятельно побеседовали и договорились о дальнейших контактах.

Спустя несколько месяцев, он специально прилетел в Санкт-Петербург, чтобы познакомиться более подробно с нашими работами, приехал в центр, все выспросил и попутно сделал нам доклад о своих работах, тоже весьма интересных. Он оказался проректором по развитию и международным связям финского института «Кеми-Торнео Политехник», расположенного на севере Финляндии.

Прошло несколько месяцев и он пригласил наш центр участвовать в подготовительном проекте TACIS «Развитие телематики для обеспечения торгово-промышленных связей в Евро-Баренцовом регионе» (в дальнейшем «Арктический проект»). В августе 1996 года я был приглашен в Мурманск на организационный семинар по этому проекту.

Оказалось, что этот проект является составной частью большой работы, посвященной развитию «Euro – Barents Region». Район включал в себя Мурманскую область России, Шведскую провинцию Norbotten с центром в Луллео, Финскую Лапландию с центром Кеми-Торнео и Норвежскую провинцию Finmark (последняя условно).

От каждой страны в проекте участвовала соответствующая торговая палата и одна ведущая информационно-телекоммуникационная (ICT) организация: от России Мурманская «Комплексные системы», от Финляндии «Кеми-Торнео Политехник», от Швеции Studio-Village.

Наш центр был приглашен со статусом West-contractor для организации дистанционного обучения участников проекта и предприятий SME (Small and Medium Enterprises) всех стран – участниц по вопросам телекоммуникаций и информационных технологий.

В Мурманске был так называемый «Kick off meeting» - начальное совещание, на котором все участники рассказали о своих организациях, а Мурманская телекоммуникационная организация «Комплексные системы» показала свою работу в действии.

Рассказал и я о наших работах и показал специально подготовленный для этого совещания демонстрационный диск. В конце был составлен ориентировочный план работ по подготовке проекта и уточнены контакты.

Следующее совещание было проведено в сентябре того же года в шведском городке Lulleo – центре северной провинции Norbotten, расположенном на северо-востоке Швеции вблизи финской границы. Туда можно было добираться двумя путями: через Финляндию – поездом через Хельсинки – или через Швецию. Я выбрал второй путь, т.к. хотел посмотреть Стокгольм, где я до этого ни разу не был.

До Стокгольма я летел самолетом и провел там два дня – знакомился с городом.

Общее впечатление – город чем-то напоминает Санкт-Петербург – сочетание воды и камня. Водные просторы даже более мощные. Интересна старая часть города, королевский дворец мрачноват.

Замечу здесь, что я был в Стокгольме еще два раза и оба раза добирался из Турку на корабле – пароме. Путь лежал через Або-Аландские шхеры и эти путешествия запомнились на всю жизнь. Движение извилистыми шхерными фарватерами было мне интересно как моряку, но и ландшафт был незабываемым. Там были, например, островки, на которых помещался один дом с окружающим садово-огородным участком. Я просидел в носовом салоне почти всю ночь («белую»), не мог оторваться от этого незабываемого зрелища.

Но вернусь к «Арктическому» проекту. Из Стокгольма в Луллео я добирался поездом.

Нужно сказать, что вагоны тесные. В купе 6 человек сидят друг против друга, на ночь располагаются в три этажа, укрепляясь ремнями, чтобы не упасть. Всю дорогу поезд шел сквозь мощные сосновые леса.

Отвлекусь еще раз. Русская Карелия, Финляндия и Швеция расположены в одном географическом регионе и природные условия здесь весьма сходные.

Мне приходилось ездить поездом до Мурманска через Карелию несчетное число раз. И всегда природа оставляла грустное впечатление. Вырубленные леса, чахлые одинокие деревья. В Финляндии дорога на север проходит сквозь хорошие густые леса, как старые, так и молодые, видна деятельность человека по сохранению природы, в Швеции же леса по трассе просто нетронутые, поезд идет как в лесной сказке. А ведь расстояние между этими параллельными маршрутами всего 100-200 километров. До каких же пор мы будем столь бесхозяйственными.

В Луллео меня встретила на вокзале руководитель всего проекта г-жа Шарлота Эдер, проводила до гостиницы и пригласила на заседание. Это была довольно молодая привлекательная женщина, напускающая на себя суровый вид, но весьма вежливая. В работе она проявила большую аккуратность, но опыта и знаний ей явно не доставало. По-существу, руководил проектом Eero Pekkarinnen.

В Луллео на совещании, с примерно тем же составом, что и в Мурманске, были рассмотрены, откорректированы и согласованы работы всех участников проекта, составлены дальнейшие планы. Посетили мы также и организацию участника проекта инфо-теле-коммуникационную компанию Studio-Village – ознакомились с их работами.

Последний день пребывания был свободный. Шарлота Едер пригласила меня «на кофе» в кафе, где размякла несколько, сбросила официальный вид и рассказала о Шведской жизни и местных обычаях.

Вообще дотошная пунктуальность шведов, да и финнов для нас непривычна. Вспоминаю, когда я ездил в Хельсинки знакомиться с вычислительным центром местного Технологического института, мне тоже прислали подробный план экскурсии, одним из пунктов которого был «кофе с ватрушками». И именно кофе с ватрушками было выставлено.

Следующее еще более глубокое рассмотрение проекта состоялось в ноябре 1996 года в Кеми-Торнео. Здесь мне предоставили два места и я пригласил с собой ближайшую многолетнюю сотрудницу, ведущую проекта от нашего центра, Э.И.Куштину.

С деловой точки зрения произошло очередное согласование планов, их детализация и корректура документов, представленных участниками. Была проведена детальная экскурсия по местному Политехническому институту. Я обратил внимание, что наличие электронно-вычислительной техники и масштаб ее использования превосходит не только Российские организации, но и все, что я видел до этого в Европе.

Были мы и на экскурсии на местном Сталелитейном заводе, расположенном в 30 км за городом. Везли нас туда сотрудники (и сотрудницы) Политехнического института на своих машинах. Меня везла в своей машине молодая финка. На дороге был сплошной гололед. Взяв с места хорошую скорость, дама-шофер держала руль всю дорогу одной рукой, т.к. во второй был мобильный телефон, по которому она болтала не переставая. Как мы не перевернулись, не знаю до сих пор.

Сталелитейный завод поразил нас высокой степенью автоматизации производственных процессов; малолюдностью.

В полном технологическом процессе участвовало около 5 человек, процесс шел как бы сам собой, автоматически.

Вторая экскурсии была на известный пивоваренный завод «Lappin Culta». Степень автоматизации тоже очень высока, кроме того, приятно поразила абсолютная чистота всего производственного производства.

В предпоследний вечер мы были приглашены на прием к меру города, на ужин и концерт.

Вечер прошел в очень хорошей дружественной обстановке. Наш финский партнер Eero оказался весьма компанейским человеком – играл на пианино и пел песни, в том числе и русские, жаловался при этом, что мало их знает и то лишь по слуху, нот не имеет. По возвращении в Санкт-Петербург Эмма Ивановна нашла и послала ему целую книгу с русскими песнями и нотами к каждой песне. Мы узнали здесь также необычную муниципальную историю. Финский город Торнео расположен на берегу реки Кеми-Иоки, по которой проходит финско-шведская государственная граница. На другом берегу реки, через мост расположен шведский город Хаппаранда. Так вот оба эти города, принадлежащие разным странам, объединены в один муниципалитет. Город по сути один. Мэра выбирают по очереди: то шведского, то финского. Дети с обоих берегов реки могут учиться, кто хочет в финской школе или в шведской школе и т.д.

Деловая часть встречи прошла хорошо. И через месяц после этой последней встречи наш объединенный проект был готов. Пожалуй, это был самый глубоко, тщательно проработанный проект. Однако дальнейшего хода он не получил, опять таки из-за позиции московских чиновников. Они нашли его неперспективным «на данный момент из-за неразвитости дорожных сетей края». В действительности, как я думаю, просто этот район слишком «далеко от Москвы» и московским чиновникам мало чего могло от него достаться.

И я, и мои сотрудники, конечно, огорчились таким исходом, но польза от этой работы все же была довольно большая – получен весьма ценный опыт. Дружеские контакты с Eero продолжаются до сих пор.

Riccardo Ruta. В начале работы по проекту «Телепорт-2» Franchesco Sgueglia привез для знакомства с нами группу итальянцев из «Telecom-Italia». Формально эту группу возглавлял Dr. Riccardo Ruta – представительный вежливый синьор, интересовавшийся только финансовой стороной проекта. Он представился как юрист и финансист. Мы обменялись с ним визитками, но более тесного контакта не возникло.

Спустя некоторое время, когда я был в очередной раз в Италии, в компании «Telecom-Italia» на обеде в ресторане «Alfiredo» Клод Шебер завел со мной разговор о том, что, поскольку я оказал “Telecom-Italiia” уже достаточно много содействия по двум проектам”, то мог бы получить там постоянное устройство, как их сотрудник. Я промолчал, т.к. не был готов к такому обороту дела.

Спустя пару дней, однако, Шебер пригласил меня в офис «Telecom-Italia», где стал знакомить меня с тем самым синьором Ricardo Ruta. Шебер очень обрадовался, узнав, что мы уже знакомы. Он сказал также, что вопрос о моей работе в «Telecom-Italia» в качестве local-representative (местный представитель) решен положительно уже упоминавшемся ранее в моих записках сеньором D’Atillia и что моим шефом по этой работе будет сеньор Ricardo Ruta и с ним я должен поддерживать связь, получать задания и представлять отчеты по работе.

Основная задача – подыскивать совместные проекты для «Telecom-Italiia» с русскими компаниями. Естественно, «Telecom-Italiia» интересовали в первую очередь телекоммуникационные проекты, но и другие тоже. География соглашения – страны СНГ и восточная Европа. Мы сговорились с сеньором Ruta, что, когда я подготовлю первые предложения, он приедет в Санкт-Петербург для ознакомления с ними.

Конечно, мне не хотелось ударить в грязь лицом и я подготовил для первой встречи ряд проектов: три проекта от Г.Б.Кезлинга, два проекта от Московского Телепорта, директор которого специально для г.Рута должен был приехать из Москвы, находящийся в то время в процессе подготовки железнодорожный проект «IX коридор», проект «Мониторинг природной среды в Северо-восточной части Балтийского моря», который я готовил в это время совместно с ректором Гидрометео института профессором Л.Н. Карлиным (далее сокращенно проект «Метео») и некоторые другие – всего 9 проектов.

Причем, поскольку г.Рута сообщил мне, что он ограничен во времени, я отвел по часу на обсуждение каждого проекта и составил четкий временный график всей презентации, планируя

уложить все в два дня.

Г.Рута прилетел вместе с женой синьорой Ритой Рута, эффектной и вежливой дамой, как я позже узнал сотрудницей Итальянского МИДа, поселился в «Европейской» гостинице и в первый вечер пригласил меня на ужин в ресторан. Люба была чем-то занята и на ужин я взял с собой внучку Машеньку, тогда студентку Политеха. Она вела себя очень хорошо, проявила прекрасный английский, на следующий день водила г-жу Рута по Эрмитажу, словом так подружилась с этой семьей, что впоследствии даже жила у них дома в Риме.

На следующий день у нас в Центре началась презентация отобранных проектов. Все шло четко по графику, докладчики хорошо подготовились, проекты были довольно интересные, хотя находились в разной степени готовности.

Г. Ricardo Ruta молча, но очень внимательно выслушивал докладчиков, делал какие-то записи в блокноте, иногда задавал вопросы, в основном касающиеся предполагаемых сроков подготовки проектов, характеристики организаций, представляющих проект или сроков разработки.

После каждого доклада он благодарил докладчиков за интересные сообщения, говорил всем, что «проект имеет перспективу», и, наконец, что он доложит в Риме руководству компании Телеком-Италия и сообщит результат. Меня несколько удивило то, что он не задавал вопросов по сути проектов.

Однако ни один из предложенных проектов не привлек внимания руководства «Telecom-Italia», как позже объяснил мне г.Ruta.

Один из проектов, предложенных к рассмотрении, г.Рута, а именно «Метео проект», потерпел в Санкт-Петербурге фиаско при следующих трагикомических обстоятельствах. Вопрос чистоты северо-восточной части Балтийского моря и, в частности, вод Финского залива очень беспокоил Финляндию и Швецию и ЕС был готов выделить деньги для мониторинга и других соответствующих мероприятий.

Соответствующий проект был подготовлен Гидрометео институтом при участии нашего Центра и находился в довольно

высокой степени готовности.

Однако, ЕС хотел, чтобы система мониторинга, создаваемая по этому проекту, находилась бы в руках официальных властей., т.е. в метеокомитете Санкт-Петербурга, а не в руках научных разработчиков проекта. Поэтому, когда на последней стадии развития проекта в Санкт-Петербург приехали высокие представители ЕС, на совещание пригласили чиновника-начальника областного управления Гидро-метео службы. Он повел себя, как слон в посудной лавке.

Проект начали обсуждать по-существу. Прибывшие эксперты из Финляндии и Швеции от природоохранной организации «Зеленый крест», которые, в общем, поддерживали проект, стали настаивать на каких то частных изменениях, возникло обсуждение и спор, вполне деловые. Сидящий до этого молча, начальник Метео управления вдруг встал и сказал по-русски: «Переведите им: пусть дадут деньги, а дальше не их дело, пусть не вмешиваются. Мы сами все знаем и сами управимся». Переводчик перевел эти слова. Возникло неловкое молчание. Председательствующий от ЕС господин встал и сказал: «Мне кажется, тут явное недоразумение. Если мы не можем вести обсуждение, то я не вижу смысла в нашем дальнейшем присутствии здесь. Совещание закрывается». Так вся наша работа пошла прахом.

Однако и ректору Гидро-метео института Л.Н. Карлину и мне не хотелось смириться с таким оборотом дела. Поискав, я нашел в Москве НИИ Гидромета и обсудил проблему с их заместителем по научной работе – очень заносчивым человеком. С трудом нашли общий язык, но решили все же обсудить проблему. По моему докладу захотел участвовать в обсуждении и Риккардо Рута, т.к. я вел в Москве переговоры от лица «Телеком-Италия».

Приехал Рута и состоялось большое совещание в Метео институте, в котором я не принимал участия, такое условие выставил Метеоинститут. Эта ситуация меня, конечно, сильно задела. До сих пор я не могу найти оправдание поступку этого человека ни с точки зрения порядочности, ни даже с позиций

здравого смысла.. Я принес ему явно хороший и выгодный проект, а он, используя мой труд, стремится вытеснить меня из него. Но, поскольку это уже второй подобный случай (после аналогичной позиции г.Володина в проекте «Телепорт»), значит нужно было делать выводы и быть более предусмотрительным в защите своих интересов. Между тем Рута и московский представитель «Телеком-Италия» господин Чанфарлини все же согласились, просили у меня извинения, но от совещания не отказались. Г.Чанфарлини сказал, что бизнес очень жестокая вещь, что свои интересы надо, конечно, защищать. «Мы Вас не обидим, но не будем из-за этого отказываться от обсуждения. Учтем только мораль этого господина».

Я использовал приезд Риккардо Рута в Москву также для связи его с ректором Московского института экономики, статистики и информатики (МЭСИ) профессором Тихомировым, которого я знал по его прежней работе в Союзсистемпроме. Он дважды учился на нашей кафедре в ЛИМТУ.

Совещание прошло успешно, но Рута опять, как и в прошлый раз сказал, что он «доложит руководству в Риме и сообщит решение».

Что касается до бытовой стороны вопроса, то как впрочем все, связанное в г.Ruta, было прекрасно и богато (по моему мнению) обставлено.

Мы жили в Москве в пятизвездочной гостинице «Редиссон-Славянская», обедали и ужинали в ресторанах, была заказана индивидуальная обзорная экскурсия по Москве, словом «принцесская жизнь», как говорила моя сестра Эдя.

Однако, с деловой точки зрения и здесь результатов не было. Риккардо сообщил мне, что руководство «Telecom-Italia» от участия в «Метео проекте» воздерживается, а контакты с МЭСИ в общем плане одобряет.

В течение этого года я был не ограничен в командировках по Европе, побывал на нескольких конференциях и всюду добросовестно старался представлять интересы «Telecom-Italia ».

Я освоил и западную систему финансовой отчетности за командировки. Так, вопреки нашим русским порядкам, не пола-

галось никаких командировочных денег, а полагалось составлять финансовый отчет, документально подтверждая каждый расход: транспорт, гостиницу, питание и т.д. При чем все, что подтверждалось документом, счетом, оплачивалось полностью. Так можно было «в интересах фирмы» пригласить в ресторан «на переговоры» 2-3 человек и т.д.

Очень удачно с точки зрения моих «школьных» интересов прошла командировка в Прагу на очередную конференцию EUNIS в 2003 году, так как она совпала по времени с очередной Киевской мемориальной встречей со школьными друзьями. Но время брало свое, на встрече было 8 человек, в том числе приехал из Нью-Йорка М.Альберт. Могил наших товарищей, которые мы посетили, было значительно больше, чем живых участников встречи.

Но вернусь к работе с г. Рута. После завершения нашего «Арктического проекта» Э.И.Куштина со своим мужем О.А.Заикиным уехала на работу в Польшу, в Штеттин, где О.А.Заикин получил место профессора заведующего кафедрой в институте информатики, а Э.И.Куштина соответственно место доцента. Через некоторое время, естественно, с их «подачи» директор этого Штеттинского института информатики пригласил меня прочитать у них лекции по проблемам дистанционного образования. Я приехал и в соответствии с «политесом» начал читать лекции на английском языке. Однако слушатели (т.е. преподаватели института) попросили меня перейти на русский, т.к. они его лучше знают, чем английский.

Тематика их заинтересовала, поэтому мы с Эммой Ивановной составили совместный русско-польский проект «Дистанционное обучение инвалидов» и пустили его от Польского института по системе Phare (Восточно-Европейский аналог «Tacis»).

Одновременно я проинформировал про этот проект своих итальянских партнеров гг. Сквелья, Шебера и Рута. Последовало приглашение меня в Рим, а по моей рекомендации и директора Штеттинского института информатики г.Солдека и Э.И.Куштиной. Кстати это была именно та командировка, из

которой «выросло» участие нашего Центра в проекте «Телепорт 2».

Проект был подвергнут детальному обсуждению в соответствующем отделе «Telecom-Italia». На совещании выступил директор Штеттинского института г.Солдек , Э.И.Куштина и я. В целом проект был одобрен.

В Риме проектом заинтересовались и когда подошли сроки обсуждения этого проекта в Польском филиале Европейской системы «PHARE» на это обсуждение сначала в Штеттине, а потом в Варшаве прилетел Riccardo Ruta в сопровождении инженера-компьютерщика. Здесь мне впервые удалось втянуть г.Ruta в обсуждение проекта по-существу и тут я отчетливо понял, что он сути проекта не понимает нисколько. Т.е. совершенно не понимает. Я понял тогда, почему были отклонены наши предыдущие многочисленные предложения. Он просто не мог донести их сути до руководства «Telecom-Italia», т.к. абсолютно ничего в них не понимал. Вот такой случай. Приятный, порядочный, вежливый джентльмен, но не на своем месте. Возможно хороший юрист и финансист, но на нуле в смысле современных информационно-коммуникационных технологий или ICT по западнной классификации.

Однако, к сожалению, это понял не только я. Примерно в этот же время, очевидно, вопрос стал ясен и руководству компании. Г.Ruta пришлось уйти из «Telecom-Italia», а вместе с его уходом окончилась и моя официальная работа в этой фирме. Жалко, конечно, но как сказал Шебер «Вы здесь не при чем, Вы пали жертвой борьбы компании с Riccardo».

Однако, проработав год в западной компании, я приобрел поучительный опыт.

Личные отношения с Riccardo на этом не прервались. Мы обменивались поздравлениями к Новому году и пасхальным праздникам.

Он перешел на работу в Брюссель, где имел холостую квартиру, в которой я однажды ночевал как гость в одной из своих командировок. Затем уже в 2002 году состоялась наша последняя встреча в Испании в Мадриде. Riccardo организовал

там небольшую фирму по распространению медицинских компьютерных программ и очень любезно, даже душевно встретил меня, когда я прилетел в Мадрид по пути в Гренаду на конференцию EDEN (European Distance Education Network). Я жил у него в холостой квартире гостем, что не очень принято в Европе. Он сам пригласил меня, как радушный хозяин и каждый вечер водил на ужин в ресторан, а в субботу совершил вместе со мной ознакомительную прогулку по Мадриду.

В воскресенье мы дружески распрощались – он улетел на побывку в Рим к семье, а я уезжал на поезде в Гренаду. Это была наша последняя встреча с синьором Riccardo Ruta не очень удачливым дельцом, но достойнейшим джентльменом.

В Афинах у Акрополя, 2002г.

В Лондоне у адмиралтейства 1998г.

В Лондонском Риджент парке 1998г.

В Риме с К. Шебером, А.М. Берглунд
и Л.М. Капланом.

Гринвич, у последнего клиппера “Катти-Сарк”.

Гринвич, у Военно-морского колледжа 1998г.

Париж, отель “Хилтон” с Т.А. Гавриловой и В.А. Шальниковым.

Российско-итальянская встреча по проекту “Телепорт”, 1998г.

С Г.К. Шаповаленко и коллегами,
Оксфорд, 1998г.

Тоскана, в гостях у Лодыженских.

Флоренция. Слева направо: Л.М.Каплан, В.Ю. Лодыженский, А.Л. Лифшиц.

А.Л. Лифшиц, Венеция, 2006 г.

Глава 27. Снова в России

Сотрудничество с СЗПИ. Фонд Евразия. Дистанционное обучение строителей и экономистов. Исследования по Интернету. Проект «Амьен». Испанский профессор Ross-Florenza и его проект. Санкт-Петербургский Политехнический Институт.

Северо-западный заочный политехнический институт. Во время пребывания на конференции «EUNIS» в Дюссельдорфе я познакомился с голландским профессором Godfried Leibbrandt'ом, бывшим ректором открытого Университета в Маастрихте, а ныне экспертом UNESCO.

После моего доклада он нашел, что, судя по содержанию наших работ в области дистанционного обучения, мы могли бы плодотворно сотрудничать с Маастрихгским открытым Университетом в Нидерландах и дал мне соответствующие рекомендации. Я побывал в Маастрихте и завязал там полезные контакты. Об этом я уже рассказывал. Здесь же отмечу, что мне захотелось вступить в ассоциацию AUDTP – Association Universities Distance Teaching Preparation. Однако ее руководитель сказал мне, что наш центр не подходит по статусу – мы не университет. Но поскольку наши работы по дистанционному обучению его заинтересовали, он посоветовал мне объединиться в консорциум с Санкт-Петербургским заочным Политехническим институтом (далее СЗПИ), который тоже хотел вступить в AUDTP, но не имел задела работ по ДО. Он дал мне визитную карточку проректора СЗПИ Д. Ю.Райчука.

Так кружным путем я познакомился с Дмитрием Юрьевичем Райчуком, с которым сотрудничал потом много лет, правда, с перерывами. Он оказался молодым человеком лет 35, с кандидатской степенью и хорошим английским, очень дипломатичным, вежливым и хорошо воспитанным, очень, очень неглупым и, как оказалось впоследствии, весьма «себе на уме».

Ознакомившись с нашими работами, он ими весьма заинтересовался и согласился создать консорциум для вступления в AUDTP. По внутренним условиям этого консорциума СЗПИ давал центру 5 половинных ставок: две профессорских и три

доцентских, а мы должны были вести постоянно действующий семинар по ДО для преподавателей СЗПИ и регулярно писать статьи в их сборник трудов.

Этот семинар продолжался года три, потом формы взаимодействия изменились.

Познакомился я и с ректором СЗПИ В.В. Гурецким.

Параллельно я все время хотел организовать отдельный проект по ДО и неоднократно обращался с этим в Московское бюро TACIS. И вот однажды меня известили, что открывается тендер на большой образовательный проект, одной из задач которого является ДО.

Тендер, конечно, выиграли москвичи – Институт Радиоэлектроники и Математики. Но по условиям конкурса центры ДО должны были быть расположены в нескольких Российских городах, в том числе в Санкт-Петербурге в СЗПИ.

Д.Ю. Райчук пригласил меня в команду СЗПИ в качестве профессора- эксперта. Проект длился два года, был довольно интересным в основном тем, что были собраны специалисты по ДО из разных городов России. Продвинутыми были кроме нас еще Томск и Самара. По этому проекту кроме зарплаты я получил еще компьютер и много западного программного обеспечения. Завел также знакомых в Финансово-Экономическом Институте, которых потом привлек к работе по одному из проектов Фонда Евразия.

Кроме того, Д.Ю.Райчук периодически давал центру некоторые заказы по производству программных продуктов по ДО, как я понимаю, не от СЗПИ, а «от себя», как он говорил, за которые сам платил налоги, а нам платил (и неплохо) наличными деньгами. Как я понимаю, из-за подобных заказов ему пришлось уйти из СЗПИ, т.к. он повздорил с ректором. Оказалось, что он открыл свою частную организацию и обслуживал студентов-иностранцев (гостиницы, экскурсии, питание и т.д.). Работали они неплохо, но ректору это не понравилось.

После ухода Д.Ю. Райчука сотрудничество с СЗПИ разладилось. И это несмотря на то, что женой ректора оказалась наша знакомая Лена Рогова, бывшая невестка наших дачных

друзей. Она проявила много стараний для сближения с нами, мы даже обменялись домашними визитами.

Ректор оказался весьма образованным и интересным человеком, приятным собеседником в частной жизни, но обладал, по крайней мере в моих глазах, серьезным деловым недостатком – не держал слово и поддавался влиянию подчиненных, не всегда компетентных.

Из-за этого у меня сорвался было совместный проект с Барселонским Университетом. Но об этом я расскажу отдельно.

Проекты фонда «Евразия». Однажды просматривая русский Internet, мы нашли там русско-американский фонд «Евразия». В списке интересующих этот фонд там значилось образование, в том числе дистанционное. Поскольку мы уже создали систему дистанционного обучения, это нас заинтересовало. Однако мы обладали только внешней оболочкой, т.е. программной системой, в которую можно было погружать различные предметные учебные курсы, после некоторой, в основном, структурной наладки.

Чтобы начинать проект, нужен был учебный курс. И тут я вспомнил русско-английский проект, который вел с нашей помощью профессор Л.М.Каплан несколько лет тому назад. Ведь в этом проекте был некий содержательный учебный курс, достаточно востребованный и подходящий для погружения в новую систему дистанционного обучения (ДО).

Позвонил Л.М.Каплану, мы встретились, обсудили положение и решили попробовать.

Втроем: Татьяна Альбертовна, Лев Моисеевич и я написали проект «Дистанционное обучение строительных менеджеров» и подали на конкурс в фонд «Евразия». Конкурс был довольно большой, но мы его выиграли. Обучение длилось два года. Слушатели – строительные менеджеры работали в разных городах России, а частично и в республиках бывшего СССР.

В процессе обучения мы все время совершенствовали как программную систему, так и методику дистанционного обучения. Руководство фонда «Евразия» в процессе этого проекта высказывало свое удовлетворение и заказало нам еще один

дистанционный курс в области бизнес-планирования и анализа инвестиций.

Наша система ДО была инвариантна относительно содержания учебных курсов, но каждый раз нам требовались партнеры – преподаватели специалисты предметной области обучения. Пришлось поискать, но, в конце концов, мы нашли квалифицированных преподавателей в Финансово-Экономическом Университете, подвергли их курс структурной переработке, после чего он был готов для использования в ДО.

Нужно было найти слушателей и я решил, что полезно было бы иметь агентов по поиску слушателей. Таких агентов я нашел и пригласил на работу в Петрозаводске, Мурманске и Архангельске. В Санкт-Петербурге и Ленинградской области мы искали слушателей сами. Кроме того, появилось довольно много неожиданных слушателей- индивидуалистов из многих достаточно удаленных мест, например, из Южно-Сахалинска и Хабаровска.

Это нам было важно, чтобы проверить на практике возможности обучения на больших расстояниях.

Таким образом, оба курса прошли успешно с технологической точки зрения. Слушатели все были очень довольны и высоко оценили процесс, как с точки зрения технологии обучения, так и с точки зрения содержания курса.

Но все было хорошо, пока обучение было бесплатным, за счет фонда «Евразия». Последующие попытки перевести обучение на самоокупаемость к успеху не привели. Очевидно, создавать новые технологии я могу, но добиваться их проведения в реальную жизнь, да еще в наших условиях – не очень, чтобы не сказать жестче.

Выручил нас снова фонд «Евразия». Наш коллектив и наше качество работ ему так «понравился», что уже по собственно инициативе он заказал нам в рамках общероссийского проекта «Электронная Россия» проведение анализа распространения системы Internet в регионах России. Этот анализ мы провели, пришлось искать, а частично и создавать методику оценки эффективности, но это дело было для меня привычным еще с

Академических времен.

Вышла довольно интересная работа, которая была доложена на конференции Московского Университета, а затем опубликована. Итак, три проекта – четыре года жизни.

После окончания работ, финансируемых фондом Евразия, наступил определенный спад деятельности центра, вызванный отсутствием заказов. Мы проедали накопленные сбережения и совершенствовали свою систему Дистанционного обучения. За этот по-существу последний период деятельности мы участвовали в трех работах, о каждой из которых можно сказать несколько слов.

Проект «Амьен». Через секретаря «EDEN» г-жу Анну Вагнер мы получили приглашение участвовать в проекте по созданию интернациональной системы дистанционного обучения, имеющего целью создавать и реализовывать совместные учебные курсы, представляющие интерес для студентов разных стран. Вел проект французский Пикардийский Университет им. Жюля Верна, а участвовали в нем несколько университетов из Франции, Англии, Италии, Греции, и Польши.

Организационно этот проект шел тяжело и по нерасторопности руководства и некоторых участников не был подан к сроку в нужной нам, т.е. финансово обеспеченной программе. Французское руководство приняло решение подать его в другую программу, а когда он, наконец, прошел, то оказалось, что Русские участники по этой программе не получают финансирования. Французское руководство проекта долго извинялось перед нами, просило нас остаться участниками проекта, обещало найти местные средства. Поскольку все научный заготовки для этого проекта у нас по сути уже были сделаны, я согласился на участие. Согласие было вызвано и тем, что нам выпало в рамках проекта координировать усилия с Польской Высшей школой экономики, а Татьяна Альбертовна Гаврилова как раз читала лекции в Варшаве, куда систематически ездила. К сожалению, однако, мы не смогли найти в рамках этого проекта денег на перевод нашей системы дистанционного обучения на английский язык.

Работа по этому проекту, вернее общение с его администрацией, облегчалось тем, что в Амьенском университете проект вел молдаванин Вячеслав Гроссу, прекрасно говорящий по-русски и весьма к нам расположенный. История его такова: сам он из Кишинева и вся его родня там. Будучи молодым студентом (правда он далеко не стар и сейчас) он выиграл конкурс по знанию французского языка и в награду получил «грин-карту» – т.е. разрешение на работу во Франции, поехал туда по окончании учебы и осел пока в Амьене. Работник очень толковый и внимательный. Кончилось дело тем, что никаких денег по проекту мы так и не получили, но были приглашены за счет проекта в Амьен на заключительную сессию.

Уровень нашего вклада оказался, по моим скромным оценкам, не хуже, а по оценкам французского руководства лучше, чем у других участников.

Попутно я посмотрел Амьен, город Жюля Верна, в котором он создал большинство своих знаменитых книг. В городе есть музей Жюля Верна, памятник ему, мемориальные доски в разных местах города.

В Амьене мы любовались витражами местного большого собора. Витражи эти иллюминированы и каждую ночь местные жители толпой любуются этим действительно оригинальным и красивым зрелищем. Больше такой картины я нигде не видел.

Амьен стоит на реке Сомме, по масштабам она соответствует нашей Фонтанке. Смотря на нее я вспомнил, знаменитое трехнедельное франко-немецкое сражение Первой Мировой Войны получившее название «Бег по Сомме», когда немцы и французы наперегонки бежали вверх по Сомме: немцы, чтобы окружить французов, а французы, чтобы избежать окружения.

А Сомма-то оказалась небольшой речушкой, во всяком случае, по нашим представлениям, вроде Березины.

Хозяева стремились оказать нам максимум «бесплатного» гостеприимства, поселили в хорошей гостинице, каждый день дважды водили в ресторан на обед и ужин, показывали местные достопримечательности и клялись включить в следующий

проект. На том дело и завершилось.

Каталонский проект. Однажды я получил от обязательной г. Анны Вагнер – секретаря EDEN извещение о том, что испанский профессор Ioaquin Ros-Florenza из Каталонского Университета в Барселоне ищет Российского партнера для совместного проекта по проблеме дистанционного обучения. Мы обменялись письмами, а примерно через полгода и встретились в Гренаде на юге Испании на очередной конференции EDEN. В ходе беседы выяснилось, что он разработал программу дистанционного проведения лабораторных работ в случае, когда содержание работы может быть смоделировано с помощью элементов формальной логики. И цель совместного проекта-внедрение этой методики в практику преподавания в Российских Университетах и институтах. Я согласился на участие, т.к. его разработки могли быть использованы в рамках нашей Системы Дистанционного Обучения – расширяли арсенал наших возможностей.

Проблема опять уперлась в трудности финансирования. Писать проект в рамках общих программ TACIS значило обречь его на провал, мы уже многократно убеждались в этом. Наконец нашли программу «Темпус» по взаимодействию Университетов, обходящую Москву, но для надежности нужен был Русский Университет, руководству которого можно было бы доверять.

Я решил обратиться в Северо-Западный заочный Политехнический Институт, с которым сотрудничал много лет. Получил согласие и мы пригласили профессора Ros-Florenza в Санкт-Петербург для демонстрации, разработанной им системы и подробного обсуждения проекта. Он приехал и продемонстрировал использование своей системы в Санкт-Петербурге через Интернет из Барселоны. Все работало устойчиво.

После его отъезда я стал оговаривать условия своей работы в Северо-Западном Политехническом Институте (СЗПИ). Ведь договор с испанцами заключал этот институт, а я мог остаться при «пиковом» интересе, что уже со мной бывало и ,увы, не один раз. Стали обсуждать внутренний договор между

СЗПИ и мной. Одним из пунктов договора было предоставление мне профессорской должности в СЗПИ. Все было согласовано, но на беду у знакомого мне ректора В.В.Гурецкого как раз в это время закончился срок пребывания в должности, а выборы нового ректора по разным причинам затягивались на неопределенный срок. Ждать дальше, значит отложить проект еще на год. К тому же в это время мой постоянный партнер по СЗПИ Д.Ю.Райчук уже ушел оттуда и степень доверия к СЗПИ у меня уменьшилась. Я решил сменить партнера. Помогла Татьяна Альбертовна, которая уже давно работала профессором Санкт-Петербургского Политехнического Института (Университета).

Она познакомила меня с заведующим кафедрой «Распределенные системы управления» (а по совместительству и проректором по международным связям) профессором Вячеславом Петровичем Шкодыревым, который, протянув некоторое время, согласился на мои условия и к концу 2005 года совместный проект по идеям Ros-Florenza и моим был официально подан в Европейсие инстанции, а я стал попутно профессором Политехнического Института.

О своей работе в этой должности я расскажу отдельно, если успею.

Глава 28. Дела ветеранские

Время неумолимо. Память о Великой Войне. Совет ветеранов Эскадры. А.Б.Тейшерский. В.В.Щедролосев. «Полярный конвой». Ю.Е.Александров. Международные встречи и конференции. Спасенные нашлись спустя 60 лет. Мемориальные походы. Полет в Исландию.

Память о Великой Войне сопровождала и сопровождает мое поколение всю жизнь, хотя воспоминания о ней проявлялись по-разному в разные периоды времени. В первые годы после войны она находилась все время рядом, потом постепенно отдалялась под напором текущей жизни, затем под влиянием каких то импульсов эта память вспыхивала вновь тем ярче, чем резче был повод.

Для меня такими импульсами были первая встреча со школьными товарищами на 25-летнюю годовщину выпуска, т.е. в 1962 году и последующая вскоре за ней первая встреча с выпускниками Военно-Морского Училища тоже на 25-летие выпуска в 1966 году.

Впервые на этих встречах мы подводили, если так можно выразиться, «частные» итоги. Из школьного класса погибла примерно третья часть, из училищного – половина. И мы, оставшиеся в живых, должны были помимо воспоминаний о своей военной судьбе и о судьбе страны в целом, подумать о том, как сохранить память о наших товарищах, отдавших свою жизнь за Родину, подумать и о том, как сохранить память о них и о страшной войне в сердцах и душах поколений, следующих за нами и не изведавших лично военного лихолетья.

Конечно, эти чувства охватывали не только нас, не были частными, но были свойственны всему военному поколению страны.

Во многих местах стали возникать общества, советы ветеранов, клубы памяти о войне.

Помню, как примерно в 1971-72 гг я был посредником на учениях Северного флота и после учений был пригашен в Линннахаммари – своим адъюнктом капитаном 1 ранга Аркадием Ивановичем Жиделевым, который был там командиром

бригады подводных лодок – старшим морским начальником в Линнахаммари.

Приехал-то я к нему, но сидевший с нами за обедом замполит всполошился: «Что Вы, Аркадий Иванович. Это не Ваш частный гость. Это же живой ветеран. Мы должны использовать его приезд в воспитательных целях». И все три дня, что я там был, меня, как сказал замполит, как «живого ветерана» возили по частям и кораблям на встречи с молодыми матросами и офицерами. Так я впервые выступал в этом качестве.

Во многих организациях: на заводах, в институтах, в различных конторах создавались специальные доски с портретами участников войны, работающих в данной организации, словом подчеркивали уважение к ветеранам.

Например, в нашей старшей организации – объединении «Ленэлектронмаш», где директором был Г.Б.Кезлинг, сам ветеран войны, ежегодно на 9 мая устраивались большие пикники, за городом в лесу на поляне расставлялись специально подготовленные столы и скамейки, готовилось на костре «походное» угощение и проходил «день» или «вечер» воспоминаний. На эти встречи приглашалось среднее поколение и молодежь.

Не следует сбрасывать со счетов и то характерное для Советской системы обстоятельство, что первое лицо государства Л.И. Брежнев сам был участником войны.

Затем около 1975 года мне позвонил товарищ, как военного так и мирного времени контр-адмирал Александр Болеславович Тейшерский, о котором я неоднократно писал в этих воспоминаниях и пригласил на встречу с товарищами в рамках «Совета ветеранов эскадры Северного флота». Александр Болеславович был председателем этого совета. Я, естественно, откликнулся на это предложение и с тех пор ветеранские дела стали частью моей жизни.

В Санкт-Петербурге нашлись представители почти всех кораблей нашей эскадры, как офицеры, так старшины и матросы, мы собирались по памятным дням, вспоминали войну, походы и боевые действия, погибших товарищей, писали общие

воспоминания. Когда в Ленинград приходили (в основном на ремонт), корабли Северного флота, мы бывали на них и выступали перед экипажами с нашими воспоминаниями.

Постепенно я понял, что мои личные воспоминания больше подходят для офицерских аудиторий, нежели для матросских. Тут уже ничего не поделаешь – это специфика штурманской службы. Матросам интересны больше рассказы о героизме в чистом виде: стрельба, погоня, тараны, торпеды, штормы, ледяная вода и т.д., а совсем не определения места, методика поиска противника, подготовка данных для стрельбы, обходы банок, т.е. военно-технические действия, как бы они не были важны, в том числе для победы.

Но для офицеров у меня было что рассказать.

После долгого перерыва впервые после ухода в отставку мне пришлось побывать на севере в Ваенге (ныне Североморске) в 1983 году на праздновании 50-летия Северного флота. Меня пригласил командир эскадры и мы вместе с Тейшерским жили неделю на новом «Гремящем», участвуя в различных праздничных мероприятиях. Оба мы в разные периоды войны плавали штурманами на военном «Гремящем» и воспоминания не отпускали нас все это время. К сожалению, вскоре после этой поездки А.Б.Тейшерский трагически погиб – попал под трамвай.

На его место председателем Совета ветераном эскадры был избран **Владимир Васильевич Щедролесов** – корабельный врач военного времени эсминца «Живучий», а позже эсминца «Разумный». Владимир Васильевич очень трудолюбивый человек и, выйдя в отставку, отдает все свое время изучению истории кораблей Северного флота во время войны. Усидчивостью и скрупулезностью – этими двумя качествами, так необходимыми для историка, он обладал в полной мере и спустя несколько лет стал одним из лучших специалистов по истории конвойной войны на Севере.

Более тесно мы познакомились с ним, когда он писал книгу «Командиры кораблей эскадры Северного флота». Так как я знал лично многих из них, то порядочно помог ему, расска-

зывая на диктофон свои воспоминания о В.А.Фокине, Н.И. Никольском, обоих Гончарах, Е.А.Козлове, А.М. Румянцеве, Г.К. Чернобае и многих-многих других. Позже я по его просьбе написал краткое предисловие к этой его работе. Написали мы с ним вместе и «Историю эскадренного миноносца «Разумный»», на котором оба служили, правда, в разное время.

По мере того как различные формы коллективов ветеранов расширяли сферу своего влияния, Советская власть стремилась взять их под контроль. Постепенно образовалась и в сильной степени бюрократизировалась «стройная» система ветеранского движения: Всесоюзный совет ветеранов, советы ветеранов военных округов, флотов, соединений. И к руководству этими организациями в большинстве случаев, пришли, естественно, бывшие политработники со всеми своими достоинствами и недостатками.

Кроме того, ряды ветеранов постепенно редели – возраст, болезни, старческая немощь, да и неизбежный роковой финал, все чаще сокращали наши ряды.

Постепенно мне, да, наверно, и другим ветеранам становилось ясным безрадостное будущее ветеранского движения в существовавшем его виде. Уже ясно просматривался естественный финал ветеранского движения в его тогдашнем виде с уходом из жизни последнего ветерана. Однако иметь, что-то другое при Советской власти вряд ли было возможным.

“Полярный конвой”. Но вот пришла перестройка, а затем рухнула и Советская власть. Стали возможны и другие формы объединения ветеранов.

В 1996 году уже в новой России по инициативе бывшего командира эсминца Северного флота послевоенного времени **капитана 1 ранга Ю.Е.Александрова** была создана общественная организация «Полярный Конвой». Она была создана на достаточно широкой основе: в нее входили не только бывшие военные моряки, но и экипажи торговых судов, ледоколов, летчики и т.п. – все кто имел отношение к конвоям. В первое время ее пытались «прибрать к рукам» руководители традиционных флотских ветеранских организаций, но из этого ниче-

го не вышло – в условиях нового времени Ю.Е.Александрову удалось отстоять независимость, хотя после нешуточных скандалов.

«Полярный Конвой» имел очень большие преимущества перед традиционными формами ветеранских организаций. Во-первых, его членами могли быть не только участники войны, но и люди более молодых поколений, что обеспечивало выживаемость во времени. Во-вторых, не будучи ничем связанной, эта организация могла иметь контакты с подобными же организациями других союзных стран: Великобритании, Канады, США. Постепенно создавалось такое положение, что многие ветераны одновременно состояли в организациях двух типов: например, я был (и остаюсь) членом «Совета ветеранов эскадры Северного Флота» и членом президиума «Полярного Конвоя». И если первая система постепенно сокращала свою активность, то вторая, наоборот, набирала ход, расширяя свою деятельность.

Кроме того, немаловажным было и то обстоятельство, что президент «Полярного конвоя» довольно умело добивался финансовой помощи от различных спонсоров. Это давало возможность проведения различных мероприятий: конференций, поездок, даже небольших экспедиций, съемки кино и видео фильмов, выпуска сборников воспоминаний ветеранов. О них я расскажу отдельно. Определенную помощь, правда, не финансовую, а техническую оказывал «Полярному конвою» и наш центр «Менеджмент и компьютерные технологии».

Конференция «Арктические союзные конвои – 99». Первым большим мероприятием, запомнившимся мне, было проведение в мае 1999 года большой международной конференции «Арктические союзные конвои – 99». На эту конференцию кроме русских ветеранов приехали участники конвоев и ученые-историки Великобритании, США, Норвегии, Польши, Канады и других стран и выступили с весьма интересными воспоминаниями и исследованиями о событиях «конвойной» войны. Кроме того, вышли превосходные, на мой взгляд, труды этой конференции с очень полной информацией о конвой-

ных операциях.

До сих пор, если нужно получить информацию о любом конвое, о транспортах, грузах или кораблях охранения, о судьбе кораблей, их гибели или спасении экипажей – все это и многое другое изложено и профессионально прокомментировано авторами издания отчета о конференции названного «Арктические союзные конвои 1941-1945гг».

Я хочу упомянуть добрым словом за профессионализм и высокое качество работы главного редактора трудов, доктора военно-морских наук В.А.Платонова и весь коллектив, работающий над выпуском этих трудов.

Затем в 2002 году в рамках акции «Память 1942г.» была проведена **конференция «Помни «Ижору»,** посвященная трагической и героической истории советского транспорта «Ижора», ценой своей гибели спасшего два союзных конвоя: «QP-8» и «PQ-12».

Я уже рассказывал ранее в этих воспоминаниях о трагедии «Ижоры» более подробно, т.к. сам принимал участие в охранении этих двух конвоев, будучи младшим штурманом на «Гремящем».

Эта конференция была интересна и тем, что в ней впервые принимали участие немецкие специалисты – историки, в частности профессор истории B.Bjerk, проследивший со стороны противника не только историю гибели «Ижоры», но и трагическую судьбу единственного оставшегося в живых члена ее экипажа – старшего помощника капитана Николая Агеева, погибшего в гитлеровских концлагерях.

Территориально эта конференция проходила в зале заседаний Российского Географического общества. Эта организация издавна была крепко связана с флотом и всегда охотно предоставляла «Полярному Конвою» свои помещения. А сознание того, что мы работаем в зале, где выступали Макаров и Литке, Пржевальский, Семенов-Тяньшанский и Седов, только накладывало на участников большую ответственность.

Попутно скажу, что другой нашей базой был и остается до сих пор знаменитый ледокол «Красин», известный своими

арктическими делами. Однако не все знают, что «Красин» не только обеспечивал навигацию в Арктике и Белом море, но и сам являлся участником конвоя PQ-15 , в составе которого он пришел из США через Англию и Исландию в Мурманск в 1942 году, сбив в боях два самолета противника.

Его сменяющиеся капитаны все были членами «Полярного Конвоя» и неизменно предоставляли нам прославленный корабль для проведения памятных мероприятий.

«Полярный Конвой» был более открытой организацией, чем обычные флотские советы ветеранов. Последние обычно замыкались в системе ВМФ, в то время как «Полярный Конвой» широко открыл двери и для торгового флота, арктических организаций: экипажей ледоколов, летчиков и просто гражданских лиц, испытывающих интерес к флоту. Поэтому и мне пришлось познакомиться с ними. Особенно интересными были встречи и совместные дела с Арктическим и Северным пароходствами.

На атомном ледоколе. Первая подобная встреча, запомнившаяся мне, была во время поездки в Мурманск на 55-летие Победы по приглашению Мурманского Морского пароходства. Поехала небольшая делегация в составе бывшего политработника В.И.Копырина из Военно-Морской Академии, В.В.Дремлюга, В.И.Заборовского – капитана 1 ранга в отставке и меня.

Из них наиболее интересным человеком является, безусловно, Валентин Валентинович Дремлюг – активный участник спасения союзных моряков конвоя PQ-17 в районе Новой Земли, моряк, географ и гидрограф, многолетний преподаватель Арктического и Ленинградского Мореходного Училища (ныне Морская Академия имени С.О.Макарова). По своей натуре это очень интересный и активный, пожалуй, несколько излишне амбициозный, но, безусловно, неординарный человек, одна из ведущих личностей «Полярного Конвоя».

Возвращаюсь к поездке в Мурманск на юбилейные торжества по случаю 55-ления Победы.

Нас очень хорошо приняли и поселили на атомном ледоко-

ле, что для меня было само по себе очень интересным. Нас ознакомили с устройством корабля и его командой. Развитие атомных ледоколов происходило уже в период после моего ухода с корабельной службы и дни, проведенные на этом корабле, были очень интересными.

Наше пребывание в Мурманске началось с посещения кладбища иностранных, преимущественно английских, моряков, погибших в этих местах во время войны.

Сильное впечатление оставило посещение Мурманского Музея Морского Пароходства. Мне приходилось во время службы на Севере иметь дело с торговыми моряками и я имел определенное представление и о Мурманских торговых моряках, однако, после посещения этого музея мои знания весьма возросли. Многочисленные экспонаты судовой истории полярных экспедиций, модели судов, портреты капитанов, штурманов и матросов были выставлены с большим вкусом и порядком.

В этом музее, где я впоследствии бывал не один раз, нас ожидали детальные показы и рассказы. Тогда я впервые познакомился с директором и душой этого музея Валентиной Ивановной Кареповой. Именно благодаря ее трудам и стараниям, этот музей находится в столь превосходной состоянии. Мы поддерживаем переписку с ней и обмениваемся информацией до сих пор.

После осмотра музея ветераны войны от пароходства дали нам торжественный ужин в этом же здании музея.

На следующий день после приема в музее состоялся выход в море на специально зафрахтованном для этой цели пароходе «Клавдия Еланская» к местам трагической гибели сторожевиков «Туман» и «Пассат» с опусканием там траурных венков. Во время похода губернатор Мурманска устроил ветеранам официальный прием.

В последний день в Мурманске был торжественный парад и возложение венков к могиле неизвестного солдата у монумента воинской славы . В этих траурно-торжественных действиях участвовало все население Мурманска. Нельзя не сказать,

что место для могилы и Монумента – памятника Советскому солдату на высоком мысу над морем, откуда видна и панорама Мурманска и морские просторы и далекие пространства, тянущиеся к финской границе, выбрано с большим вкусом.

Дервиш 2001. В конце августа 2001 года была проведена международная акция «Дервиш 2001» посвященная 60-летию прихода в Архангельск первого союзного конвоя «Дервиш» (31 августа 1941 г.). Эта памятная акция проходила одновременно в Мурманске, Архангельске и Санкт-Петербурге. Я имел приглашение на участие во всех трех городах. После короткого раздумья я решил принять участие в Архангельской части торжеств, поскольку не бывал в этом городе с времен войны, а точнее с 1946 года, когда мы, т.е. эскадра Северного флота, проводили боевую подготовку на Куйском рейде у острова Мудьюг.

Мемориальные торжества во всех трех городах были во-первых интернациональны, во-вторых скоординированы между собой так, что сперва они отмечались в Мурманске, затем в Архангельске, наконец, в Санкт-Петербурге.

Во всех трех городах в тожествах участвовали иностранные моряки, преимущественно английские, которые перемещались на специально зафрахтованных самолетах по маршруту Мурманск – Архангельск – Санкт-Петербург.

Участвовал в тожествах и английский фрегат «Кемпбеллтаун», который пришел сперва в Мурманск, а затем с частью ветеранов на борту перешел в Архангельск.

Были динамичные ветераны, которые участвовали в торжествах в двух или даже во всех трех городах, но я ограничился пребыванием в Архангельске, где был также и В.В. Щедролосев, с которым мы координировали свои действия.

На эти поездки в Архангельск приехала дольно большая группа ветеранов из Москвы и в их числе я встретился и поговорил с женой Николая Федотовича Гончара – Галиной Григорьевной. К сожалению самого Николая Федотовича уже не было на свете.

Архангельск 2001 года оказался, конечно, совершенно дру-

гим городом, чем «мой» Архангельск времен войны. Где деревянные домики и дощатые тротуары? Где деревянные причалы холодильника, экономии и Соломбалы? Где интерклуб и театр Оперетты? Ничего этого и в помине нет. Есть современный каменный город. Осталась лишь Двина, но уже с современными мостами железнодорожным и автомобильно-пешеходным.

Самостоятельно вне праздничного расписания я побродил по Архангельску по памятным мне с войны местам в компании В.В.Щедролосева в качестве гида. Дело в том, Владимир Васильевич во время войны так же, как и я бывал в Архангельске с миноносцами при охране конвоев. Но в отличие от меня он женился там на дочке известного полярного капитана Панфилова, поэтому бывал там регулярно и город как старый, так и новый знал прекрасно. Между прочим, он водил меня каждый день (кроме официальных праздников) на «рыбные» обеды к своей свояченице.

Торжества по случаю годовщины прихода «Дервиша» отмечали не только флотские организации, но весь город. Это и понятно – ведь Архангельск город морской. Именно отсюда отплывали поморы к «Груманту»-Шпицбергену, в Норвегию, в Англию. Сюда же пришли первые английские купцы и отсюда пошла морская торговля России с Западом. Здесь строились фрегаты, которые при Петре волоком тащили от Двины к берегам Балтики во время Северной войны, сюда приходили конвои во время второй мировой войны, отсюда, наконец, с Архангельского аэродрома «Ягодник» поднимались «летающие крепости», утопившие немецкий линкор «Тирпиц», здесь строятся атомные подводные лодки. Естественно поэтому, что праздновал годовщину прихода «Дервиша» весь город.

В первый день праздника прошел парад ветеранов. В одном строю под оркестр шли русские и иностранные ветераны, гости из Санкт-Петербурга, Москвы и Мурманска, местные ветераны. На улицах были толпы горожан дружелюбно и естественно приветствующие нас.

На второй день было два мероприятия: встреча историков в местном отделении «Совета ветеранов конвоев» и морской

парад. Историческая часть проходила в местном музее Архангельского (Северного) пароходства. Этот музей, конечно, был несравненно «беднее» экспонатами и стендами, чем Мурманский, тем не менее, и здесь было не мало интересного.

Было сделано несколько докладов, в том числе доклад заведующего кафедрой истории местного Университета М.Н.Супруна. Будучи еще аспирантом кафедры истории, он получил английский грант и написал работу «Ленд-Лиз и Северные конвои», в которой, пользуясь английскими и русскими источниками, подробно описал тему. С одной стороны эта книга содержит добротное описание истории Ленд-Лиза в целом и каждого конвоя в отдельности. С экономической стороны: переговоры, деньги, грузы, названия кораблей описание правдиво и сомнений не вызывает. Однако автор слаб, чтобы не сказать, недостаточно грамотен, в морских вопросах, не знает морской терминологии, а главное, не будучи, по естественным причинам, очевидцем событий, часто позволяет себе субъективные суждения, абсолютно противоречащие истине. Например, описывая события, сопутствующие гибели английского крейсера «Эдинбург», он позволил себе обвинить экипаж русских эсминцев «Гремящий» и «Сокрушительный» в преждевременном уходе в базу и в невозвращении для продолжения охраны к месту «Эдинбурга».

Я лично был на «Гремящем» и точно знаю, что мы охраняли «Эдинбург» до последней возможности и у нас еле хватило топлива, чтобы добраться до Кольского залива, а когда мы пополнились мазутом и готовились к возвращению к «Эдинбургу», выход был отменен, т.к. англичане к этому времени сами затопили свой крейсер, предварительно пересадив команду на русские корабли, сменившие нас в его охранении.

И таких субъективных, недостаточно грамотных с морской точки зрения мест и необоснованных неуважительных суждений в этой в общем полезной книге не мало.

Я побеседовал с ним и указал ему на некоторые ошибки. Однако, он сказал, что «имеет право на свою точку зрения» и что книга прошла рецензирование. Однако рецензировали

книгу не моряки, а экономисты.

Беседа с этим хотя и излишне самоуверенным, но отнюдь не самым плохим специалистом зародила у меня сомнения в объективности истории как науки. С одной стороны только сравнения многих очевидцев разного уровня и последующий анализ могут дать объективное описание исторических событий, но ведь очевидцы живут недолго, а после них остаются лишь некоторые описания и документы, часто тоже субъективные. А через 50-100 лет, а через века? Все это очень и очень сложно.

Возвратимся, однако, к Архангельскому празднику. После мини-конференции в музее пароходства мы направились на набережную Двины. На рейде уже стояли корабли, пришедшие из Мурманска: английский фрегат «Кемпбелтаун» и русский номерной сторожевик.

Нас посадили на специальную трибуну и после торжественного салюта и подъема флагов рацвечивания угостили каждого ветерана полевым обедом (из походной кухни): 100 грамм водки и гречневой каша с мясом. Кто хотел, мог повторить.

На этом очередной день праздника был завершен. На следующий день в местном дворце спорта губернатор дал обед в честь ветеранов. Приглашенных было несколько сотен. Обед был шикарный. Речи губернатора, ветеранов: русских и иностранных, музыка – все было торжественно и хорошо. Я попал за стол, где сидели все военные и военно-морские атташе и провел время очень хорошо, к тому же свел знакомство с английским и американским военно-морскими атташе.

Кроме того после многих лет я встретил там нашего кока с «Разумного» – Р.Куникова, который стал известным северным художником. Конечно, мы обрадовались встрече.

Следующий день был последним в тожествах, все поехали в Северодвинск. Однако в этот день я должен был в $17^{\underline{00}}$ улетать в Санкт-Петербург и рисковать не стал, в Северодвинск не поехал и оказался прав – гуляние затянулось до 21 часа.

В общем, я остался очень доволен этим свиданием с одним из городов своей молодости. Доволен я остался и доволен до

сих пор той атмосферой уважения всех горожан и властей города к ветеранам и к нашей морской истории. К сожалению, я не уверен, что в наши дни степень подобных чувств в Санкт-Петербурге находится на таком же уровне.

Мемориальный поход «Дервиш-2003». В 2002 году в президиуме «Полярного Конвоя» возникла мысль провести памятный поход по местам гибели транспортов героического конвоя PQ-17. Трагическая история этого конвоя описана многократно в разных странах, в том числе и в России. Известный писатель историк В.Пикуль написал об этом книгу, не лишенную,однако, на мой взгляд, серьезных недостатков и несущую на себе печать холодной войны. Снят сериал, правда весьма и весьма слабый, что бы не сказать плохой, написаны оперативные исследования. Свое отношение к этой трагедии, как и свое участие в ней, я описал и в этих записках, в главе, посвященой 1942 году.

Само по себе желание отдать дань памяти погибших моряков это прекрасное движение души и задумавшие «Дервиш 2003» руководители «Полярного Конвоя» Юрий Ефимович Александров и Вячеслав Анатольевич Солодов заслуживают самой теплой благодарности.

Первоначально поход было задумано провести в 60ю годовщину события, т.е. в июле 2002 года. Однако, масштаб подготовки оказался значительно большим, чем предполагалось, и, поэтому, мемориальный поход удалось провести только в следующем 2003 году. Практическую помощь походу оказали многие организации. Идею похода поддержал Главнокомандующий ВМФ адмирал флота В.Куроедов, отдавший соответствующее распоряжения Северному флоту, который выделил для похода современное гидрографическое судно «Сенеж».

Научное обеспечение и техническую часть поисковых работ взял на себя Всероссийский научно-исследовательский геологический институт имени А.П.Карпинского (ВСЕГЕИ), который выделил необходимое современное оборудование (широкополосную гидроакустическую поисковую аппаратуру и подводную телевизионную станцию), а так же группу научных

сотрудников – морских геологов под руководством профессора М.Спиридонова. Министерство морского флота выделило топливо для похода. Санкт-Петербургские спонсоры выделили необходимые финансовые ресурсы.

Командиром похода был контр-адмирал В.А.Солодов.

В походе принимали участие ветераны Русского флота: Алексей Нахимовский, Евграф Яковлев и автор этих строк, а также иностранные моряки участники тех далеких событий: ветераны Канадского флота Хилл Вилсон и Роберг Фейрли, английский ветеран авиамеханик Вильям Ловс, а также немецкий ветеран Херманн Хайо – командир авиаэскадрильи «Кондор», участник боевых налетов на конвой PQ-17. Кроме того, в походе принимали участие две кино-телевизионные группы: одна от «Полярного Конвоя» во главе с нашим постоянным режиссером А.И.Сорокиным, другая от немецкой компании «DM-Film» во главе с русской эмигранткой Натальей Касперович.

Плыл с нами и известный ученый и бард профессор Александр Моисеевич Городницкий. Формально он числился членом научной группы, но функционировал как поэт и бард. Это, безусловно, выдающийся человек. За первую ночь он сочинил два стихотворения, посвященных нашему походу: «Поминальную» по конвою PQ-17 и « Конвой 2003».

Первое мне очень понравилось и я привожу его здесь.

Александр Городницкий

«Памяти конвоя PQ-17»

Аргумент в неоконченном споре
Злой сирены пронзительный вой
Для похода в студеное море
Корабли собирают конвой.
Им волна раскрывает объятья,
Им поют, провожая гудки.
Это ваши друзья или братья, –
Помолитесь за них, моряки.

Каждый твердо в судьбу свою верит.
Только знать никому не дано:
Кто вернется обратно на берег,
Кто уйдет на холодное дно.
Не дожить им до скорой победы
Ненадежной мечте вопреки.
Это ваши отцы или деды, –
Помолитесь за них моряки.

Вспомним тех, кто стоит у штурвала,
Чтоб погода нелетной была,
Чтобы бомба суда миновала,
И торпеда в пути обошла.
Отлетают их светлые души,
Словно чайки в полете легки.
Никому не добраться до суши, –
Помолитесь за них моряки.

Над водою, соленой от горя,
День полярный горит синевой.
Для похода в студеное море
Корабли собирает конвой.
Там грохочут салюты прибоя,
И намокшие тонут венки.
Это те, кто закрыл вас собою, –
Помолитесь за них моряки.

В походе Александр Моисеевич дал мне прочесть свои мемуары, полные интересных эпизодов, а также неоднократно проигрывал диски со своими песнями. Многие из них мне очень понравились, особенно «Канада».

Не могу удержаться, чтобы не привести быль-анекдот, вызванный его песней «В Сенегале». Дело было в уже далекие от нас советские времена. Его судно стояло на рейде в Сенегальском порту Дакар. Перед ним была панорама порта и города, в том числе вид французского посольства, на балконе которого стояла женщина в белом платье. Возник поэтический образ и была написана песня «В Сенегале», где в припеве каж-

дый раз возникали слова «…и жена французского посла….».

Бдительные Советские комиссары сразу увидели крамолу – роман с иностранкой и бедного поэта на некоторое время лишили визы, требовали признания и покаяния.

В конце концов, не лишенный юмора председатель очередной комиссии сказал ему в частной беседе: «Не сознаешься?... Молодец. И я бы не сознался. Дело личное». И визу вернули.

Несколько слов о приглашении немецкого ветерана Хайо Херманна. Это был немецкий асс, полковник Люфтваффе, воевавший во Франции, в Африке, на Средиземном море, в Северной Норвегии и в частности против конвоя PQ-17. После войны 10 лет провел в Советских лагерях. Это был солдат противника, солдат, но не фашист и свое оружие он не запятнал кровью мирных людей. И он покаялся в содеянном. Поэтому мы сочли его послом в акции примирения. Вел он себя в походе довольно скромно, но с достоинством. Он пригласил нас с ответным визитом к себе в Дюссельдорф.

Мурманские власти нас тепло встретили, проявили внимание во время двухдневного пребывания в городе и также тепло проводили в поход. Нашу группу курировала очень внимательно заведующая отделом связей с общественностью Мурманского правительства Светлана Вениаминовна Паршкова, проявив максимум заботы и внимания.

После двухдневного пребывания в Мурманске мы, наконец, вышли в море.

Мне было интересно, не отвык ли я от моря, ведь последний раз был в плавании более 30 лет тому назад. Оказалось, что нет, не отвык – качку и волнение переношу спокойно, сон и аппетит в норме.

Гидрографический корабль «Сенеж», на котором мы плавали, был вполне современен, вся техника новая, работает хорошо. Штурманская служба теперь основана на спутниковой навигации и, пока спутники в порядке, забот у штурмана несравненно меньше, чем в мое время.

Через двое суток пришли в район и начали поиск с помощью гидроакустических приборов, периодически опуская под-

водный телевизор. При спусках телевизионной камеры нам всем показалось странным, что в районе Новой Земли мы совершенно не увидели рыбы. Море было пусто. В результате поиска нашли два затопленных транспорта: «Олопана» и «Алкоа Рейнджер», причем гидроакустические снимки кораблей, находящихся под многометровым слоем ила были превосходны, вплоть до стоящих на палубе танков. Я уверен, что нашли бы и больше кораблей, но время поджимало и нужно было отправляться в обратный путь. И на местах найденных транспортов и при проходе мест гибели сторожевых кораблей «Пассат» и «Туман» команда выстраивалась по большому сбору и мы опускали в воду специально приготовленные памятные венки.

Нужно сказать, что обе телевизионные группы, идущие с нами, не зря ели свой хлеб. Они засняли все события похода и без конца интервьюировали нас. А.И.Сорокин вскоре после возвращения в Санкт-Петербург смонтировал фильм о походе, который продемонстрировал на осеннем собрании ветеранов. Немцы долго отделывались обещаниями, но через два года тоже выпустили фильм.

Поход наш подошел к концу. Мы возвратились в Мурманск. На торжественный вечер по случаю завершения похода я не остался, т.к. ждала работа. Через полтора часа после прихода в Мурманск я уже сидел в купе поезда, отправлявшегося в Санкт-Петербург.

После возвращения в Санкт-Петербург в доме дружбы прошло собрание участников похода вместе с большой группой англичан, прибывших в Санкт-Петербург. Выступили все основные участники похода: руководители «Полярного Конвоя», все русские и иностранные ветераны, включая немца Хайо Херманна, было приглашено много представителей общественности, курсанты морских училищ и морские кадеты.

Весь поход и мое участие в нем вызывали и вызывают у меня чувство глубокого удовлетворения.

Спасенные моряки откликнулись спустя 60 лет. В походе «Дервиш-2003» во время поисков потопленных немцами судов

контр-адмирал В.Солодов вывесил в каюткампании карту, на которой были отмечены места гибели всех судов союзников, потопленных немецкими подводными лодками и самолетами, и также показаны названия этих судов. И весь поход меня мучила мысль: с какого же корабля мы на «СКР-32» спасли людей. Название судна я за давностью лет забыл, а благодарственное письмо английского старпома уничтожил вместе с другими бумагами военных лет в злосчастном 1952 году, опасаясь репрессий. Однако желание уточнить имя этого корабля не покидало меня и по возвращении в Санкт-Петербург я попросил В.В. Щедролосева уточнить по архивным данным факт спасения команды и название судна. Отправной точкой поиска была дата и название нашего корабля «СКР-32». Он выполнил мою просьбу и привез выписку из журнала боевых действий Северного флота. Факт подтвердился, а название английского транспорта было «Bolton Castle». Место его гибели оказалось значительно севернее ожидаемого. Шлюпка с англичанами шла около 7 суток на юг, до того момента пока мы их подобрали. Архивную выписку я отдал в архив «Полярного Конвоя», оставив себе копию.

История эта имела следующее продолжение. Летом следующего 2004 года, в годовщину прихода «Дервиша», в Санкт-Петербург прилетела очередная группа английских ветеранов и в Доме Дружбы был организован прием и вечер воспоминаний. Выступали русские и английские ветераны. Выступил и я со своими воспоминаниями, рассказал среди прочего и о спасении английских моряков, теперь уже упомянув название судна «Bolton Castle».

Спустя некоторое время я получил по электронной почте письмо от руководителя английского клуба «Русский Конвой» Гордона Лонга с просьбой сообщить свой почтовый адрес и одновременную просьбу прислать ему мой рассказ о спасении английских моряков с «Bolton Castle» в письменном виде для опубликовании в Англии. Просьбы эти я выполнил.

Примерно через месяц я получил по обычной почте от одного из спасенных нами моряков английское письмо следующе-

го содержания:

«Дорогой профессор!

Недавно я получил письмо от Гордона Лонга (члена английского клуба «Русский Конвой»), который встречался с Вами в России в мае этого года. Я понял из нашего с ним разговора, что Вы имели беседу с английскими моряками. Одним из участников этой беседы был мой друг м-р Альберг Хиггинс из Бридлингтона. Когда он услышал о спасении моряков с «Болтон Кастл», про который он знал, что это мой корабль и стало быть Вы причастны к моему спасению, о чем мы узнали теперь 63 года спустя.

«Болтон Кастл» затонул 5 июля 1942 года от бомбовых ударов немецких самолетов «Юнкерс-88». Ваш «СКР-32» (БС-3) спас нас 13 июля – 8 суток мы провели в спасательной шлюпке.

По этому случаю я приношу Вам (и всей команде «СКР-32») мою сердечную благодарность за спасение.

На «Болтон Кастл» я был матросом зенитчиком при автоматах «Бофорс», армейским зенитчиком, прикомандированном к кораблю.

Я посылаю Вам с этим письмом историю «Болтон Кастл», которую я написал для английского журнала.

Я был бы рад получить от Вас письмо и ответить на вопросы, если они возникнут.

Искренне Ваш

Кен Рамсден
6 Lamplugh Square
Bridlington
East Yorkshira
40 15 2 tk
Англия 2005г.

Естественно, я послал Кену Рамсдену сердечный ответ.

Годовщина освобождения Советского Заполярья. Осенью 2004 года, а точнее 20-23 октября в г. Мурманске широко отмечалась 60^{я} годовщина операции по освобождению Совет-

ского Заполярья. На эту годовщину по приглашению Мурманских властей приехала делегация «Полярного Конвоя» в составе В.А.Солодова, В.В.Дремлюга и меня.

Мы приехали поездом в Мурманск. Нас поселили в гостинице «Арктика». Конечно, это была не старая деревянная «зеленая» «Арктика», с которой было связано много воспоминаний в частности «веселый» командирский ужин в компании Г.К.Чернобая, Н.И.Богданова, А.И.Андреева, закончившийся трагической историей с последним.

Это уже был современный четырехзвездочный отель со всеми соответствующими чертами.

Гостями Мурманска на этот раз были не только моряки, но и многочисленные представители сухопутных войск и авиации.

Встретила нас и опекала уже знакомая нам по «Дервишу 2003» начальница отдела по связям с общественностью Мурманской Администрации Светлана Вениаминовна Паршкова. Большего внимания, чем она оказывала нашей делегации нельзя себе представить. Вообще это необычайно трудолюбивая и ответственная женщина. Про свою напряженную работу она со смехом цитировала слова своего мужа «На твоих похоронах, конечно, будет играть музыка, но ведь ты этого уже не услышишь». Узнав откуда-то, что 23 октября это день моего рождения, принесла мне подарок – красивый северный пейзаж, причем рисунок украшен местными очень оригинальными разноцветными минералами.

День 22 октября был целиком заполнен организационными мероприятиями. Утром всех делегатов посадили в автобусы и мы поехали по уже описанным мною ранее памятным местам, в том числе на интернациональное кладбище, где похоронены моряки и летчики союзных стран, в музей пароходства и к нескольким памятным обелискам.

Затем нас повезли к описанному ранее мемориалу защитникам Заполярья, где состоялась торжественная церемония открытия аллеи городов-героев. От каждого города-героя приехала официальная делегация с капсулой своей земли, которую под звуки оркестра захоранивали в специально отве-

денном месте под индивидуальной памятной доской. Впечатление оставалось большое.

Вечером губернатор Мурманска В.Евдокимов дал торжественный обед в ресторане «Арктика». Под оркестр и выступления от ветеранов, от командующего Северным флотом и других персон, все прошло торжественно и запечатлелось в памяти. От «Полярного Конвоя» выступил с небольшой речью контр-адмирал В.А.Солодов.

На следующий день состоялся небольшой военный парад и городская демонстрация к мемориалу защитникам Заполярья.

В последний день состоялась поездка в долину Славы – место, где были остановлены немецкие войска в июне 1941 года. Фронт там так и остался без изменения до октября 1944 года – дней разгрома немцев в Заполярье.

Но я туда не поехал, так как многократно бывал в этой долине. Через нее около 10 лет приходилось проезжать, когда главный мурманский аэродром находился в районе бухты Западная Лица , примерно в 100 км к северо-западу от Мурманска.

На следующий день полные впечатлений мы сели в поезд и вернулись в Санкт-Петербург.

Исландия. Перед шестидесятой годовщиной победы президент «Полярного конвоя» Ю.Е. Александров предложил мне поездку в Исландию во главе нашей небольшой делегации.

В состав делегации входили:

Лифшиц А.Л. – старший

Дремлюг Валентин Валентинович

Погосов Григорий Карпович

Евдокимов Рем Александрович.

Визит был приурочен к 60-летию победы во Второй Мировой Войне, частный повод – открытие памятника погибшим морякам – участникам конвоев.

Мы получили приглашение от Российского посла в Исландии – А.А.Ранниха через председателя общества Российско-Исландской дружбы Бородина Александра Борисовича.

Поездка была весьма прилично организована. Посол прислал специальное письмо директору Аэрофлота с просьбой

оказать содействие перелету и Аэрофлот нам его оказал в максимальной степени.

Вечером 5 числа мы вылетели в Москву (бесплатно как ветераны). Нас встретила служба Аэрофлота и на специальном автобусе отвезла в гостиницу «Новотель» возле Шереметьева-2, где нас бесплатно разместили. Утром после завтрака в 9.00 нас посадили в шатл (спецавтобус) и отвезли в аэропорт «Шереметьево-2».

Здесь мы встретились с московской частью нашей делегации. Это были: А.Б.Бородин с женой Светланой и трехлетней дочкой Катей, Алексей Владимирович Михайлов – подводный телеоператор и продюсер фильмов, Нина Николаевна Решетова – дочь директора театра Комедии Акимова и жена предыдущего Российского посла в Исландии Решетова (жила 8 лет в Исландии), Белла Петровна Кармазина – дама, много лет проработавшая в обществе Исландско-Российской дружбы и неоднократно бывавшая в Исландии.

После погрузки багажа и небольшого ожидания, которое мы провели в баре (по приглашению Саши Бородина), вылетели в Осло. Здесь мы провели полтора часа и в 17.00 местного времени (20.00 по Москве) вылетели на Рейкьявик самолетом компании «Айсланд-Эйр». Самолет Боинг, но очень-очень длинный – 40 рядов кресел. В Рейкьявике нас ждал мини автобус «Форд» с советником посольства. Погрузились и через 50 минут (и 50 км) вышли у гостиницы «Рейкьявик – Центрум», где и разместились в приличных номерах с европейским комфортом.

После небольшого отдыха пошли ужинать в ресторан неподалеку (в «семейный» ресторан). Здесь нас ожидал г-н Ягрих – сотрудник ЦБ Исландии, который и далее сопровождал нас во все рестораны (а их было немало).

Ресторан необычный – стилизован под старинную квартиру с домашним уютом.

Меню: жареные тупики, треска, вина, мороженое.

Вернувшись из ресторана, где кроме обычных любезностей мы обсудили план пребывания (нам его выдали каждому), ра-

зошлись по номерам на ночь.

Следующий день 7 мая, утром – завтрак в гостинице – английский стандарт на 4 балла.

Далее в автобус – на экскурсию. Первое впечатление от города – очень похоже на небольшой или средний финский или шведский городок. Пестрые небольшие дома, масса кафе и магазинов, 2-3 площади с памятниками, неровный рельеф, все разноцветное.

Первая остановка у домика на берегу моря, где была известная встреча Горбачев – Рейган. Домик небольшой белый двухэтажный на мысу, сейчас закрыт. Поперечная изгородь надежно защищает дом от посторонних.

Затем поехали на прием к русскому послу. Особняк в центре города на подъеме улицы. В доме 3 этажа: хозяйственный, приемно-парадный (представительский), жилой. Мы были на парадном этаже. У входа сотрудник с поклоном, в прихожей горничная с винным подносом. Далее посол А.А.Ранних – крупный, уже в возрасте, мужчина, жена – молодая (30 лет) дама – стройная, хорошо одетая и с приятными манерами.

Обмен любезностями и осмотр комнат (круглая анфилада, красиво убранная), много картин, все чисто и блестит, но картины самого разного качества, в основном копии известных картин, цветы в вазах – словом блеск и лак.

На одной картине атака немецкими самолетами транспортов в Хвальфиорде. Не просто плохая, но безобразная, хотя в дорогой раме и по размерам простенка подходит. Пришлось намекнуть послу (и через день ее уже не было).

Всю дорогу с нами были телевизионные операторы от НТВ, с довольно нахальным старшим репортером и скромным оператором. От посла поехали на холм обозрения, возвышающийся над городом. На холме 3 громадных водонапорных бака высотой в многоэтажный дом, а над ними, как на опоре большой вращающийся ресторан (о нем речь впереди).

Общий вид города живописный, красивый, многоцветный, очень красит синее море как бы окружающее город чрез низкие берега почти со всех сторон.

Далее поехали за город километров на 50-80 вглубь острова. Приехали на большую поляну, вернее, большое поле, окруженное холмами и горами. Это место, где 1000 лет тому назад впервые начал работать их парламент – альтинг. Письменности еще не было, законы сочинялись устно и их объявлял спикер-законоговоритель.

Вокруг места заседания альтинга располагались палатки со свитой и семьями и зарождалась общественная жизнь, происходил обмен товарами, знакомства, свадьбы и т.д. Альтинг перенесли в Рейкьявик лишь лет 200 тому назад.

Природа Исландии ни на что не похожа, очень своеобразна. Поля темно зеленые: лава, покрытая мхом, пейзаж какой-то лунный, сквозь мох пробивается травка, которую местами пощипывают овцы и небольшого росточка рыжие лошадки. Очень много камней разного размера вплоть до громадных валунов. Местами стоят одиночные или группами домики – усадьбы, деревни.

По возвращении в город нас ждал обед в обычном ресторане. Японская (палочки) рыба и лосось. Небольшое происшествие – я глотнул какую-то приправу зеленого цвета – оказалась горчица, еле отпился водой.

После обеда выехали в «Голубую лагуну» – смотреть геотермальные лечебные источники. По пути остановились у электростанции, построенной на принципе разности температур. Электростанция мощная, дает энергию на освещение Рейкьявика и окрестностей и на работу большого современного алюминиевого завода. Так как своих глиноземов нет, их возят из других мест, вплоть до Африки. Электростанция работает автоматически, людей не видно.

От электростанции поехали в «Голубую лагуну». Это большой геотермальный бассейн, на базе которого построен современный лечебно-развлекательный комплекс: бани, бассейны, водные процедуры, ресторан, аттракционы. Все кроме нас троих (Лифшиц, Дремлюг, Погосов) купались и развлекались. После купания там же в ресторане был устроен ужин. Директор комплекса подарил каждому пакет с различными

косметическими средствами.

Возвратились домой довольно усталые и на отдых.

8 мая после завтрака нам всем подарили штормовые куртки (с теплой подстежкой) ярко красного цвета. Мне это наказание за выговор, который я устроил внуку Юре за его красную куртку. Придется ему подарить и эту.

В 9.00 в машину - на экскурсию по «Золотому кольцу». Первая остановка у водопадов. Весьма большие водопады ледникового происхождения, многоступенчатые, картина впечатляющая, сделали много разных фотоснимков.

Параллельно с нами ездит семья брата Патрушева – директора ФСБ. Братья очень похожи друг на друга. Эта семья гостит у посла. Мы познакомились . Патрушев-брат очень внимательно и уважительно вел себя с нами. Его отец – баталер с погибшего эсминца нашей эскадры «Деятельного» – остался жив, т.к. был послан в Мурманск по делам перед последним трагическим походом. Семья сначала получила похоронку, потом была счастлива.

От водопадов поехали смотреть другие исландские пейзажи. Километров 20 от водопадов долина, где все парит и периодически выстреливают довольно высокие гейзеры примерно с периодом 10-12 минут. Зрелище необычное.

Нужно отметить, что вся Исландия стоит на тектоническом разломе между Европейской и Американской плитами. Поэтому геотермальные воды есть почти везде и исландцы бурят скважины и используют их для освещения, обогрева жилищ и теплиц и т.д.

Вернувшись в город, получили по сандвичу и 1 ½ часа отдыха. К 17 часам поехали в местный Лютеранский собор на торжественную мессу, посвященную памяти моряков, погибших в войну. Собор недавней постройки, очень высокий, строгой архитектуры, молящиеся сидят и читают молитвы вслед за священником. Собрался, очевидно, местный бомонд, причесанные и торжественно одетые дамы и господа, простолюдинов не видно.

Но самое необычное – выступали с проповедями и молит-

вами по очереди священники разных конфессий: протестантской и лютеранской пасторы и католический патер с Американской военной базы, православный священник, специально приехавший из Норвегии, еврейский раввин и между ними исландский ветеран Pietur Olafsson, с которым мы познакомились в нашей гостинице.

Вся месса длилась около часа с небольшим и произвела на нас очень положительное впечатление.

Выступления священников перемежались торжественным и мелодичным хоровым пением и звуками органа. Завершилось все общей молитвой всех священников.

Из собора мы поехали в общество Русско-Исландской дружбы: небольшой домик, внизу кинозал, вверху зал для приемов, весь увешанный плакатами времен войны. Нас очень тепло приняли, предложили скромное угощение, подарили книгу про Исландию на русском языке. В свою очередь мы подарили им альбом Полярного конвоя и кассету с фильмом «Письмо к другу».

Главный русскоговорящий персоной оказалась дама–якутка – актриса, вышла замуж за исландца и 50 лет там живет, был там и ее сын – исландец с женой – аборигенкой.

После общества поехали в ресторан, который славится блюдами из китового мяса. Поели мы китовых отбивных – мне не очень понравилось – в общем безвкусное и жестковатое блюдо, зато повар очень колоритный весело-нахальный мужик.

На этом день закончился.

9 мая – день годовщины. После завтрака (ветчина, творог, сок, фрукты, кофе) поехали на церемонию открытия памятника погибшим морякам. На кладбище та же публика, что в церкви, но числом поменьше. Прибыл президент Исландии и наш посол. Меня поставили держать ленту и класть венок и всю церемонию я стоял рядом с президентом. Выступили президент и Российский посол, затем была длинная православная молитва со свечами и траурный оркестр. Еще раз подчеркну, что памятник и все окружение его впечатляет сильно.

После открытия памятника поехали в гавань к пирсу. Сели

на катер, точнее на сторожевой корабль береговой охраны (Cost Guard) и пошли в Хваль-Фиорд (китовая бухта). Ходу примерно два часа, море штиль, ветер два балла. Навигация современная, спутниковая и радарная.

По пути был обед, который давал командир дивизиона captain Христиан Ионсон. Во время обеда обменялись тостами и памятными значками и подарками. Приняли его в члены «Полярного Конвоя», подарили альбом. Там же приняли скульптура и архитектора памятника. По пути у меня взяли интервью телевизионщики из НТВ на мостике.

Во время похода погода стала портиться, пошел дождь. По приходе в Хваль-Фиорд спустили два резиновых катера-плотика, но самоходных, и высадили нас на необорудованный пляж. Конечно, дождь нас порядком промочил.

В 100м от места высадки нас ждала машина и мы поехали в гостиницу, где полтора часа гладились и отдыхали. Затем поехали на прием к послу.

Было много народа: послы, атташе, важные гости и разная публика, не протолкнуться. Посол попросил нас (ветеранов) собраться у рояля, дама заиграла «Вставай страна огромная» и посол произнес речь, я бы сказал резковатую относительно Латвии, Польши и пр.

Публика, тем не менее, похлопала и приступила к разграблению стола. Так прошло часа полтора, затем гости разошлись, но посол предупредил: «Русским остаться». Снова накрыли стол, собрался весь персонал посольства и посол прочитал телеграмму министра. Затем сказал короткую речь на тему: «Мы до сих пор работали, теперь можем отдохнуть и помянуть победу».

Так прошел еще час и мы пошли пешком домой. Посла тоже приняли в члены «Полярного Конвоя». День хороший, но трудный и морально, и физически.

10 мая. С утра приехали с визитом на базу ВВС США в Кьефлавик. База расположена с другой стороны аэродрома Кьефлавик, на который садятся гражданские самолеты. Это единственный международный аэродром в Исландии. Нас

проверили трижды на КПП, после чего пропустили и подвезли к штабу, где с нами стоя, но довольно любезно поговорил командир базы довольно моложавый полковник ВВС, обменялись памятными значками. После этого нас посадили в американский джип и примерно час возили по территории. Была одна остановка в вертолетном ангаре, где нас весьма любезно и по-товарищески приняли молодые американцы-летчики. Вертолеты имеют профиль противолодочный и спасательный.

После базы состоялся визит к председателю национального банка Исландии на званный обед.

Банк имеет интересы в России и даже в Санкт Петербурге: «Парнас», пиво «Бочкарев» и продолжает развивать здесь свои дела. Обстановка, как в кино, шикарно и богато. Официанта не отличить от банкира. Всем подарили свитера индивидуальной вязки. Обед был шикарный. Этот банк спонсировал памятник и нашу поездку.

Приняли президента банка в почетные члены «Полярного конвоя».

Из банка поехали на прием к президенту Исландии г-ну Олафуру Рогнару Гриммсону. Резиденция – небольшой домик за городом на мысу. Нас принял лично президент. После представления каждого из нас я вручил ему значок почетного члена «Полярного Конвоя» и альбом истории конвоев. Затем было фотографирование в разных вариантах: со всей делегацией, с ветеранами, с семьей Бородиных и т.д. На этой встрече был и наш посол.

Затем нас отвели в библиотеку и угостили чаем. Под этот чай президент очень мило поговорил с каждым из нас, расспросил об участии в войне, подарил каждому красивый кристалл, похожий на глыбу льда.

Визит к президенту оставил очень приятное впечатление. Пример высокой персоны, отлично воспитанного человека, без всякого чванства и внимательного к людям.

Распростившись с президентом, мы вернулись в отель и впервые получили два часа личного времени.

Его мы использовали так: под руководством Нины Никола-

евны Решетовой-Акимовой пошли в магазин шерстяных изделий и накупили кучу шерстяных подарков: перчаток, шарфов, наголовных повязок и т.д. Деньги на покупку у каждого были: банк выдал нам командировочные деньги по 12 000 исландских крон.

Вечером состоялся банкет в вертящемся ресторане на холме. Все очень богато и красиво. Впервые за 4 дня ели не рыбу, а бараньи отбивные.

Я выставил привезенную с собой бутылку водки, вызвавшую всеобщее одобрение. Вечер прошел во взаимных комплиментах.

Действительно эти молодые люди Саша Бородин и Алексей Михайлов относились к нам как к родным своим старикам, очень тепло и хорошо.

11 мая. Подъем в 4.30, завтрак и отъезд в аэропорт. В аэропорту большая свалка, уходит сразу много рейсов.

Попали в тот же самый самолет, на котором летели в Рейкьявик, точнее в такой же самолет и с тем же экипажем. В Осло на этот раз времени было очень мало. Нас, как и в прошлом перелете, встречала девушка из Аэрофлота и провела к самолету. Пока мы пришли на посадку, последняя уже закончилась и ждали только нас.

После взлета удалось взглянуть, точнее, поглядеть на Норвегию из иллюминатора. Зеленые, не очень высокие горы, долины с небольшими селениями.

Прилетели в Москву, где нас ждали и аэрофлот и представитель Бородина – Михайлова. Нас перевезли в отдельном автобусе и отвели в VIP-зал Шереметьева, где мы благополучно и трезво дождались своего рейса.

Одна беда: мой багаж не перегрузили в Осло и я получил его на другой день.

В Пулково меня подвез сын Дремлюга В.В. до метро и в 11.00 я был дома.

Поездка в целом была интересная. Повидали новую страну, сравнили их жизнь с нашей и встретили очень хороших людей Сашу и Алексея из новой хорошей же жизни.

Ветераны эскадры Северного флота
у БПК “Адмирал Левченко”

Марш ветеранов в Санкт-Петербурге, 2006г.

Поход к Новой земле, на отдыхе.
Играет А.М. Городницкий, 2003г.

Памятник “Надежда”в Рейкьявике.

У Памятника “ Надежда” в Рейкьявике.
А.Л. Лифшиц, Г.К. Погосов, Р.А. Евдакимов.

С коллегами по Полярному конвою на отдыхе.

Трафальгарский ужин у английского консула,
Санкт-Петербург, 2005г.

У памятника Вечной славы в Мурманске
с английским и канадским ветеранами.
Б. Фейрли, А. Лифшиц, Х. Уилсен.

Поход к Новой земле,
С немецким и канадским ветеранами 2003г.
А. Лифшиц, Х. Херманн.

С А.М. Городницким,
поход к Новой земле 2003г.

В.В. Щедролосев.

Ветераны ЛИМТУ у памятника прорыва блокады.

Ветераны эскадры СФ у БПК «Адмирал Левченко».

9 мая. Ветеранский митинг. На трибуне.
Второй слева Г.Б. Кезлинг; третий слева Д.Л. Кутай.

У полевой кухни. Слева направо:
А.А. Кротов, А.Л. Лифшиц, И.А. Смирнов,
В.И. Осипова, С.Н. Астахов.

9 мая 2006г. Марш ветеранов «Полярного конвоя».

Президент «Полярного Конвоя» Ю.Е. Александров.

Мурманск. Участники мемориального похода 2003 г.
у вечного огня.

Наша делегация в гостях у Президента Исландии.

С А.Б. Бородиным.

С внуками.

Мы и наши дети.
Слева: Миша и Надя; справа: Боря и Таня.

60 лет вместе.

Бабушка Люба.

А.Л. Лифшиц, 2006г.

С А.В. Михайловым

С главным банкиром Исландии.
Слева направо: посол – В.А. Татаринцев,
Ю.Е. Александров, хозяин, А.Л. Лившиц

Пьетур – В Кирилловском

За работой над книгой с внучкой Машенькой

Вместо заключения

Сейчас, когда я пишу эти строки, мне 90 лет, я еще работаю профессором кафедры «Распределенные интеллектуальные системы» Санкт-Петербургского Политехнического Университета», в этом году был по делам в Венеции, Лондоне, Рейкьявике. Жизнь идет своим чередом, правда, в несколько усеченном варианте. Однако, на этом я решил закончить описание своего жизненного пути. Нужно ведь еще успеть выполнить все длительные процедуры, сопутствующие выходу книги в свет. Я надеюсь, что моя семья, читатели смогут почерпнуть из нее что-нибудь интересное для себя. Полезный опыт и память пусть остаются людям, а мои ошибки пусть останутся со мной.

Именной указатель

Абашвили Г.С. 261, 262
Абрамов М. Г. 368
Александров Ю. Е. 628, 636
Андреев А. И. 185, 186, 192
Бабенко С. Г. 109, 153, 281
Бакарджиев В. Г. 258, 259, 260
Бандура А. С. 239, 259, 261
Белли В. А. 204, 218
Беляев Б. П. 79, 155
Берг А. И. 42, 43, 319
Берглунд А. М. 536, 537, 603
Березовский Б. А. 429
Бирштейн М. М. 430, 435
Богданов Н. И. 102, 107, 108, 109, 117, 183, 185, 193, 230
Боголепов В. П. 306, 307, 308, 319
Бородин А.Б. 636, 637
Брук И.С. 278
Бункин В. А. 416, 423, 446, 447, 466, 467, 468, 469, 472, 483, 504
Бурков В. Н. 428, 429
Бусленко Н. П. 344, 350, 428
Вайнштейн В. 115
Валик И.Л. 222
Васильев А. М. 76, 77
Васильев Г. П. 85
Вентцель Е. С. 428
Вовси В. Л. 180
Вовси М. С. 180, 291
Волгин Н. С. 340
Волков А. А. 324, 340
Володин В. И. 553, 560, 563
Вяткина Н. В. 222
Гаврилова Т.А. 511, 518, 544, 552, 571, 578, 612
Гагарин Ю. 38, 39
Головко А. Г. 73, 181, 254, 257, 261, 262, 313, 470
Гончар Н. Ф. 126, 127, 156
Гончар П. М. 80, 238, 241, 244, 245, 251, 264
Горбачев М. С. 481, 482, 638
Городницкий А. М. 829, 646
Гриммсон О. Р. 643
Гурин А. И. 64, 73, 74, 75, 76, 78, 85, 109, 111, 197, 268, 367
Гутман В.М. 12
Гутман Давид 14
Гутман Е.И. 12
Гутман Иосиф 12
Гущин А. М. 266, 279, 290,295
Дезорцева Р. И. 13
Динер И. Я. 200, 327, 332, 429, 340

Дремлюг В. В. 662, 635, 636, 639, 644
Дудка М. 219
Евдокимов Р.А. 636
Ельцин Б. Н. 481, 482, 492
Ерошенко В. Н. 109
Железняк П. Г. 295
Жиделев А. И. 616
Жуков Р.Ф. 430
Заикин О. А. 450, 465, 552, 599
Землянов Б. И. 240, 247, 267, 269, 295
Зозуля В. Ф. 234, 313, 319
Иванов Ю.В. 44, 45, 46, 55, 57, 60, 62, 334, 398
Иванова В. М. 406
Ивашенко Е. И. 64, 70, 74, 84
Ивченко П. Е. 340
Исай Г. Г. 398
Исаков И. С. 216, 275, 295
Ицкович А. Л. 428, 429
Каплан Л. М. 513, 532, 534, 536, 538, 579, 584, 610, 603, 607
Карепова В. И. 623
Карпов 476
Касатонов В. А. 255, 257, 262, 263, 264, 279, 280, 328, 334, 413, 470
Кашеваров Е. Т. 147, 148, 150, 160
Квадэ П. П. 202, 218
Кезлинг Г. Б. 431, 434, 461, 462, 464, 503, 504, 595, 617, 651
Климов В. М. 160, 164, 173, 207, 236
Козлов Е. А. 140, 141, 147, 155, 197, 250, 251, 264, 281, 282, 283, 284, 619
Колпенская Е.Ю. 222
Колчин П. И. 79, 84, 121, 123, 136, 137, 202, 156
Котов В. Ф. 244, 245, 246, 248, 250, 260, 262, 277, 300, 317
Кочегаров Ф. И. 227, 234, 237, 261
Кошкарев Н. В. 194, 248, 249, 251, 254, 255, 262, 272, 366, 367
Кузнецов Н. Г. 170, 231, 253, 265, 376
Кучеренко Л.А. 340
Куштина Э. И. 449, 465, 511, 599, 600
Ланде А. 484, 518, 525, 564, 568, 577
Ларюков Я. Ф. 145, 166
Лебединский М. Б. 340
Лемберский Б. С. 22
Лещинский Н.И. 416, 424
Лисютин В. С. 350, 354
Лифшиц Алик 57, 100, 205, 209, 210, 217, 226, 243, 285, 287, 289, 338, 339, 361, 456
Лифшиц Боря 47, 207, 226, 285, 287, 292, 308, 361, 364, 365, 370, 372, 400, 417, 418, 419, 420, 421, 458, 459, 504, 559, 655
Лифшиц Е. И. 12, 21

Лифшиц Л. А. 15, 21
Лифшиц Миша 284, 292, 308, 339, 360, 361, 368, 376, 386, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 578, 655
Лодыженский В.Ю. 505, 506, 507, 508, 512, 513, 529, 530, 536, 539, 585, 607
Лонг Г. 633, 634
Лунин Н. А. 109
Майсурадзе Г. 304, 349, 356, 383, 419, 435
Максименков И. Г. 313, 321, 340
Мальц Э.А. 330, 341, 349
Мамырин Б. А. 222, 223, 404, 408
Мамырина М.И. 222, 404, 408
Маняков Д. В. 476, 478
Маранджян К. Г. 559, 573
Мачинская Т. В. 184, 187, 188, 216, 413
Мачинский О. М. 41, 129, 136, 144, 160, 163, 171, 172, 178, 179, 194, 204, 304, 368
Мельцер М.И. 428, 444, 446, 450, 451, 452, 465
Месяц А. Н. 476
Минц А. Л. 278, 296, 303, 428
Мирский М. Б. 45
Митрофанов В. В. 323, 340
Михайлов А.В. 11, 637, 657
Монсурро В. 570, 571
Морев В. Н. 416, 434
Музыкантов Г. М. 447, 451, 465, 466, 467, 468, 469, 483, 502, 504, 506, 511, 537
Никольский Н. И. 123, 177, 182, 197, 198, 155
Павлова Л. К. 436
Павлович Н. Б. 211, 218, 276, 288, 315, 324
Пантелеев Ю. А. 198, 215, 271, 275, 290, 313, 329, 339
Паршкова С. В. 631, 635
Пастухов Е. А. 87, 88, 102, 103, 141
Петров А. Н. 270, 271, 272, 294, 302
Петров Б. Ф. 283, 413, 422
Погосов Г. К. 636, 639, 647
Позняк И. В. 201, 207, 219
Полляк Ю. Г. 474
Попов Г. Х. 428, 429
Почебут А.А. 219
Рамсден Кен 634
Ранних А. А. 636, 638
Расстригин Л. А. 347, 349, 428, 359
Рейган Р. 638
Решетова Н. Н. 637, 644
Розмари 556, 558
Рудаков О. И. 194, 312, 321, 340, 341, 355
Румянцев А.М. 179, 186, 192, 194, 619

Рута Р. 595, 596, 597, 598, 599
Салимов С. А 477, 478
Светлов А. Г. 427
Святов И. Г. 109, 269
Семко И. А. 292, 305, 306, 309, 320, 331, 413, 418
Сильченко Г. М. 11, 503, 510, 543
Сквеллья Ф. 549, 563, 569, 570
Смирнов И. А. 151, 324, 340, 341, 345, 351, 438, 439, 440, 444, 447, 452, 462, 465, 652
Сокуренко Ю. А. 464, 483, 507,509,510,511
Соловьев В. И. 333, 340
Солодов В.А. 628, 629, 633, 635, 636
Степаньян И. Г. 109, 113
Суйковский В. П. 42
Сысоев В.С. 279, 280, 343
Сысоев И. А. 340
Тейшерский А.Б. 239, 242, 255, 262, 282, 339, 617, 618
Тимофеевский Т. П. 430, 435
Титов И.А. 222
Томашевич В. А. 49, 202
Трайнин П. А. 220, 225, 227
Туморин С. Ф. 323, 340
Тюняев А. Н. 41, 126, 128, 143, 183, 190, 197, 201, 207, 215, 239, 240, 241, 242, 244, 249, 279
Уилсен Х. 648
Федоров В. В. 120, 123, 156, 174, 239, 244, 276, 277
Федулов А. А. 431
Фейрли Б. 629, 648
Фокин В. А. 71, 72, 73, 77, 64, 109, 118, 136, 137, 141, 142, 146, 147, 162, 167, 169, 178, 179, 181, 231, 304, 619
Харламов Н. М. 240, 250, 255, 259, 298, 333
Херманн Х. 629, 631, 632, 649
Хлюстин Б. П. 43
Холодный И. А. 109
Черницкий П. И. 267, 295
Чернышева Т. В. 201, 219
Чулков Л. Д. 184, 187, 188, 194
Шальников В.Г. 464, 510, 511, 530, 536, 542, 553, 554, 605
Шаповаленко Г. К. 546, 547, 548, 551, 552, 559, 560, 563, 568, 569, 570, 579, 582, 606
Шебер К. 517, 536, 537, 545, 546, 547, 548, 550, 551, 568, 569, 595, 599, 600, 603
Шкварцов В. В. 347, 474
Щедролосев В. В. 10, 624, 625, 633, 650
Юровский В.А. 340, 341
Юхов И. В. 113
Яковлев В. Д. 305
Яковлев Г. Л. 134, 219

НА МОРЕ И НА СУШЕ

автор – Анатолий Львович Лифшиц ©

2005-2007г

Подписано в печать 05.2008. Формат 60x90 1/16
Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 41,5 усл. печ. л.
Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано ООО «Копи-Р»
Санкт-Петербург, пер. Гривцова, д. 6 Б